Светлана Бондаренко
Виктор Курильский

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ:

Письма. Рабочие дневники

1963–1966 гг.

издательство АСТ МОСКВА
НКП Донецк

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Н45

Серия «Миры братьев Стругацких» основана в 2004 г.

Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. Н45 1963—1966 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В.М. Курильский. — Киев: НКП, 2009. — 637, [3] с., 16 л. ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 978-5-17-055670-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-966-339-788-7 (ООО «Издательство Сталкер»)

Поклонники творчества братьев Стругацких!

Перед вами — повествование в документах и воспоминаниях, продолжающее цикл «Письма. Рабочие дневники» в серии «Неизвестные Стругацкие».

Этот том посвящен становлению творчества известных писателей (1963—1966 гг.).

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Составители,
С. П. Бондаренко, В.М. Курильский, 2009
© ЗАО «НКП», 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является второй во втором цикле «Рабочие дневники. Письма». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС[1]), а также некоторые, ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Первая книга нового цикла рассказывала о жизни АБС с детства по 1962 год включительно. Настоящая книга продолжает это повествование.

Тем, кто читал первую книгу, позвольте напомнить, а тем, кто не читал,— сообщить, что перед вами повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни Аркадия и Бориса Стругацких. Речь идет в основном о жизни творческой. Факты личной жизни затрагиваются лишь в том случае, если они имели влияние на само творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.), либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем — своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов в этой работе в основном хронологическая.

Цель составителей — сообщать читателю как можно меньше фактов, не подкрепленных документами, и вообще, во главу угла поставить сами документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить показа оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конеч-

[1] Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приводится в конце книги.— *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителей.*

но, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства, исходя из политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (особенно воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что как бы произошло на самом деле) и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

Для кого интересна эта работа? Для любителей творчества АБС, что естественно. Для историков литературы советского периода, для историков описываемого периода вообще, для исследователей тайны творчества. И, разумеется, для обычных читателей, неравнодушных к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими — заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из домашних заготовок, из споров общего характера двух хотя и братьев, но весьма разных людей рождаются новые и новые книги.

Изложение, как и в предыдущих книгах с названием «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектично, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а друзья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС в материалах книги будет упоминаться самими Авторами работа «на сторону» — переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике... Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, иногда с дополнением воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда — «воспоминателей», или «ностальжистов».

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Костяк книги составляют переписка АБС за долгие годы и рабочий дневник, который Авторы регулярно вели, съезжаясь для работы.

Вообще, эпистолярный жанр — это одна из сторон творчества любого писателя, а уж для пары писателей, разделенных пространством, переписка друг с другом — необходимая часть работы. То, что у писателя-одиночки происходит невидимо-неслышимо (новая идея, проработка деталей, размышления о нужности-ненужности какой-либо линии повествования), у творческого коллектива неизбежно озвучивается: при встречах — в ходе личного общения, между встречами — в переписке и по телефону. АБС регулярно писали друг другу довольно долго, и переписка сошла на нет только, как когда-то сообщил АНС в передаче «Очевидное — невероятное», после установления прочной телефонной связи между Москвой и Ленинградом.

Письма, к сожалению, сохранились не все, но и количество оставшихся впечатляет: более тысячи. Это сейчас, при наличии Интернета и электронной почты, столько писем деятельный человек может без труда написать за год, а в то время... вспомним... бумага, ручка и чернила, потом — пишущая машинка; и не щелкнуть мышкой «Отправить», а сложить бумагу, вложить в конверт, заклеить, налепить марку, надписать адрес... да еще и отнести к ближайшему почтовому ящику, а то и на почту, так как зачастую письма сопровождали и непрерывно пересылаемые рукописи...

Первое сохранившееся письмо относится к 1942 году. С 57-го года переписка становится регулярной, достигает пика в 66-м году и прекращается в 84-м году. Продолжившееся телефонное общение, к сожалению, материальных следов не оставило.

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 90-го года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелким почерком обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются рисунки персонажей, зарисовки обстановки, а то и карты местно-

стей, относящиеся к произведению, которое писалось в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей — только первые сорок страниц.

Кроме рабочего сохранился еще один дневник — дневник приездов АНа в Питер к маме. Это был тот период времени, когда АБС съезжались на квартире у мамы, днем писали, а вечерами, регулярно-традиционно, играли с мамой в карты, в «девятку», поэтому бóльшая часть этой тетради заполнена результатами этих игр, зачастую по ней можно узнать лишь даты приездов АНа в Питер, но есть и отметки, над чем именно братья работали в то время.

Помимо названных документов, эта работа содержит некоторое количество дополнительных материалов[1], так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно — лишь та необходимая часть, которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту работу, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В данной работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания этой книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие данное исследование, будут приветствоваться «люденами».

---

[1] Чтобы не загромождать текст повествования большими заголовками, содержащими не только автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полную расшифровку источника можно найти в конце книги.

1963

Шестидесятые годы — самые продуктивные у АБС.

С одной стороны — они уже выработали оптимальную методику работы вдвоем. С другой — возраст (а вместе с ним и неизбежные болезни, быстро наступающая усталость) еще не мешает писать, позволяет встречаться очень часто, несмотря на вынужденное сочетание творчества — в первой половине шестидесятых — со службой.

В шестидесятых общественное признание АБС уже присутствует, а давление общественной системы еще не создает серьезных помех для творчества и публикаций.

Что касается самого творчества, то Авторы теперь выработали свой стиль, свое, им одним присущее своеобразие. Их книги уже имеют объем, глубину (второй, третий слой — не только для чтения, а и для перечитывания), но при этом легкость, изящество, которые свидетельствуют: Авторы еще не устали — ни от творчества, ни от жизни, ни от борьбы.

Шестидесятые — это самые популярные произведения АБС. И пусть ХС более ажурна, ГО более глубок, а ЗМЛДКС больше жизнен,— всё равно читатель, предложи ему назвать произведения АБС, первыми вспомнит ТББ и ПНВС.

В самом начале шестидесятых годов Авторы более четко определили свое отношение к интеллигенции. Тому были серьезные причины.

ИЗ: БНС. О НАСТОЯЩЕМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

«Трудно быть богом» — непосредственный отклик на изменения окружающей нас действительности. После той знаменитой встречи в Манеже[1] ситуация в стране обострилась, и наше

[1] 1 декабря 1962 года Никита Хрущев посетил выставку художников-авангардистов в Манеже, где, умело направляемый партийными идеоло-

мировоззрение дало некую трещину. Мы поняли вдруг одну вещь: не все люди, говорящие, что они коммунисты, ратуют за коммунизм... совершенно не все они находятся по одну сторону баррикады. Вот и Никита Сергеевич — человек, к которому я отношусь с глубочайшим уважением, человек, который сделал очень много в нашей истории,— при всем при том, коль скоро речь шла о культуре, коль скоро речь шла о роли интеллигенции и интеллигентности, находился по другую сторону баррикады от меня. Я преклоняюсь перед ним, как перед человеком, первым поднявшим руку на репрессивный социализм, на Сталина, переориентировавшим наше мировоззрение. Мы ведь были сталинистами. Отпетыми причем. И этот человек сделал нас во многом такими, какие мы есть сегодня. И в то же время он был по другую сторону баррикады. Он не понимал, какую роль играет Культура в жизни человека. Он не понимал, какую роль играет Культура в становлении коммунизма — самого святого понятия нашей жизни... Понимал это вульгарно, примитивно, с позиций невежественного человека. И «Трудно быть богом» в значительной степени было ответом ему. То, что критик Нудельман в свое время назвал «публицистическими отмелями»,— составляет костяк повести. Это рассуждения об интеллигенции, о том, зачем нужна интеллигенция, почему она необходима в каждом государстве... Вспомните, чем занимается Румата. Он спасает интеллигенцию. Это вообще было время, когда мы начали обожествлять интеллигенцию, считая, что именно она является панацеей от всех бед. Потом от этой идеи мы вынуждены были отказаться, но тогда она вела нас.

В начале 63-го года АН был занят подготовкой нового альманаха в издательстве «Знание». Первоначальное название («Мечта и наука») осталось лишь в проектах. Первые две вышедшие книги, «Новая сигнальная» и «Черный столб», были ненумерованными выпусками, а затем уже стали издаваться привычные любителю фантастики сборники НФ под номерами — от № 1 (1964 год) до № 36 (1992 год). В архиве АБС сохранился список авторов, произведения которых планировалось включать в первые сборники. В списке авторы подразделялись на «РАБОТЯГИ

гами, устроил безобразную сцену. Последующие унизительные проработки творческой интеллигенции 17 декабря 1962-го и 7—8 марта 1963-го сформировали отношения власти и интеллигенции на долгие годы.

(контролируемые)»: Варшавский, Войскунский и Лукодьянов, Гансовский, Гуревич, Днепров, Емцев и Парнов, Михайлов, Росоховатский, Рич и Черненко, Стругацкие, Чижевский, Шейкин); «СВОБОДНЫЕ ХУДОЖНИКИ (неподконтрольные)»: Альтов, Амаглуни, Бердник, Гор, Громова, Ефремов, Журавлева, Казанцев, Колпаков, Лагин, Мартынов, Полещук, Томан, Мееров; «РЕЗЕРВ»: Биленкин, Васильев, Богута, Владко, Долгушин, Забелин, Коптев, Котляр, Миронов, Разговоров, Теплов, Ткачев, Суркис. Намечен также перечень рецензентов: Андреев, Брандис, Дмитревский, Кардин, Нудельман, Рюриков, Травинский. Все — знакомые фамилии по тем временам. Многих помнят до сих пор, иные давно забыты...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 4 ЯНВАРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик!

Информация:

1. Выслал девять экземпляров «Стажеров», сегодня вышлю еще восемь и, если повезет, четыре экз. «Фантастики, 1962 год» — уже вышла и на днях пойдет в продажу. Когда раздаришь (имею в виду «Стажеров») — напиши, можешь рассчитывать еще штук на пять, но не больше. А лучше, если обойдешься тем, что есть.

2. Положение с литературой достаточно прочное. Слухи всякие, но в основе — уверенность, что литературы это коснуться не может. Н. сказал, будто бы, что талантливые вещи, как бы остры они ни были, публиковаться будут. Есть также признаки того, что имеет место даже сожаление по поводу происшедшего. Я пишу так неопределенно потому, что информация, коей я располагаю, чрезвычайно противоречива и зашумлена разного рода личными настроениями, симпатиями, предвзятыми мнениями и так далее. Но ясно одно: работать можно и нужно.

3. В «Знании» все непрерывно нетерпеливо подсигивают. Статья Дмитревского и Брандиса здесь не очень понравилась. Андреев требует поставить в первый номер нашу статью, но я не знаю, удобно ли это. Варшавскому передай, что в первый номер идет его серия «В Космосе», а во второй — рассказы, кои он послал дополнительно. Толя Днепров подсунул рассказы старые, плохие, из-за этого возникнут, вероятно, некоторые трения между ним и Андреевым. Мы с Ленкой[1] были у него поза-

[1] Здесь и далее — Стругацкая Елена Ильинична, супруга АНа.

вчера на встрече с Борунем, я ему (Толе) намекнул, что он теперь должен работать особенно тщательно.

4. Все — и в «Мол. Гв.», и Андреев, и в «Знании», и Север[1] — очень жаждут «Радугу». «Радуга» сейчас на машинке, будет готова в понедельник, я немедленно вышлю тебе экз.

5. Передай Травинскому, чтобы он немедленно начал работу над статьей, ее очень требуют в «Знании» и как можно скорее, ибо время положить перед верхами готовый материал для первых трех номеров неумолимо близится.

Вот пока всё. Теперь предложения по работе. Полагаю по получении «Радуги», чтобы ты тут же сел и набросал последнюю главу от лица Роберта. Ничего не дожидайся. Но это работа на день-два. А постоянно работать давай так: ты правильно говорил при расставании, что надобно попробовать писать по отдельности. Пиши «Магов», а я буду писать «Кракена». У меня уже руки чешутся.

Вот всё. Крепко обнимаю, твой Арк.

Пиши много и часто.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 12 ЯНВАРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Бобка.

Покою мне нет, вожусь с новым альманахом, читаю новые рукописи, ругаюсь с авторами и так далее. Вот еще чума на мою голову. Раньше этим занимался К. Андреев, но нынче он надолго слег в больницу — совсем расклеился старик, его контузило миной в голову, и вот теперь это начало сказываться. Официальные руководители альманаха расползлись в командировки, остались Малинина — женщина глупая — и Олежка[2], который загружен другой работой.

Статья Дмитревского идет во второй номер, это уже утверждено, на днях ему пришлют письмо. Мне было неважно, я бился за него, но сделать ничего не мог: местные власти объявили, что над статьей надо еще много работать.

Пусть Травинский шлет статью, там видно будет, традиционная она или нет. Джереми[3] написал чудесную рецензию на «Эки-

---

[1] Здесь и далее — Гансовский Север Феликсович, писатель.

[2] Соколов Олег Игоревич, редактор издательства «Знание», позже — главный редактор «Искателя».

[3] Парнов Еремей Иудович (английское произношение имени — Джереми). Также: «Рим», «Римка».

пляж "Меконга"», я даже не ожидал — такая восхитительно свежая, немного хулиганистая и очень эмоциональная. Она тоже идет в первом номере. А Колпаков прислал рецензию на «Стакеров» — очень хорошая и короткая, тоже не ожидал. Парень он, оказывается, умный, увидел в книге всё, что мы хотели в ней дать, а заодно и вообще во всех наших книгах. Она пойдет, видимо, во второй номер. В общем, если Травинский пришлет свою статью, то я постараюсь настоять на опубликовании во втором номере Травинского, Дмитревского и Колпакова, и таким образом русская часть публицистики у нас собрана, и болеть за нее голова у меня не будет. (Всё сказанное имеет смысл лишь в том случае, если нас не прикроют с первого же номера, а такая опасность всё еще имеет быть.)

Полещук написал повесть «О планете Земля», идея — биография создателя антигравитационного двигателя, то есть самого Полещука, надо сказать, биография очень интересная. Там же действуют летающие тарелки, всякие чудеса и прочее. Читалось с удовольствием.

Лему «С» посылай непременно. Молодежным техникам насчет г... еще не сказал, но скажу непременно и попробую добиться, чтобы прислали тебе официальную просьбу о прощении. А Днепров — не засранец, его здесь не было почти два месяца, и в создании этого номера он не участвовал[1]. Материалы по «Магам» попробую выслать тотчас же.

Ответы:

1. «ДР» читали: Андреев, Ленка и Екатерина Евгеньевна[2]. Андреев сказал, что вещь хорошая, но хватит об этом писать. Ленке не очень понравилось — говорит, что первая часть растянута и загромождена рассуждениями. Е. Е. с нею солидарна, добавила еще, что написано от холодного разума, и нет там ни капли теплоты к описываемому миру.

2. Насчет ССП ничего не слыхать. Насчет секции — тоже.

3. В «Вопли» схожу. Ужо.

4. Про рецензии не напоминай, а то буду матом.

Слушай, мама, по-моему, очень больна. Смотри-посматривай. Сходи сам за дровами. Таскай сам продукты. Возможно,

---

[1] Имеется в виду публикация АНС: Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека // Техника — молодежи (М.).— 1962.— № 12.

[2] Фортунатова (Ошанина) Екатерина Евгеньевна, теща АНа.

на днях приедет Ленка побыть с мамой и поухаживать за нею. А ты смотри, не давай маме пока выходить на улицу.

Вот всё.

Жму правое третье щупальце, твой Арк.

Подготовка к составлению сборника — общение с авторами, рецензирование и редактура их рукописей — отнимала немало времени у АНа. Рецензии АНа, а сохранилось их в архиве АБС немало — около ста,— отличаются глубиной и тщательностью разбора. Оценка рукописи, которой позавидует профессиональный критик, и редакторские замечания по улучшению рукописи, которым позавидует профессиональный редактор,— и это в то время, когда рецензии писались большею частью ради легкого заработка или для элементарной отписки! Для примера приводим одну из рецензий АНа того времени.

ИЗ АРХИВА. РЕЦЕНЗИЯ НА ПОВЕСТЬ Н. РАЗГОВОРОВА «ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРКИ»

Фантастический памфлет — довольно популярный среди читателей и авторов вид фантастической литературы. В подавляющем большинстве случаев он имеет дело с нашими идеологическими и политическими противниками, и в этом отношении едва ли не лучшим советским автором является Л. Лагин. К сожалению, у нас в фантастике почти нет (рецензенту, во всяком случае, неизвестны) произведений, решающих в памфлетном, гротесковом плане серьезные проблемы и разногласия, возникающие в среде наших современников и соотечественников в результате свойственного многим убежденным людям стремления занимать по отношению к тем или иным явлениям жизни общества весьма крайние позиции. Повесть Н. Разговорова до известной степени призвана восполнить этот пробел.

Всем памятна дискуссия «физика против лирики», занимавшая одно время серьезное место в сфере интересов советской молодежи. Дискуссия официально окончена, но большинство ее участников, естественно, не было убеждено и удовлетворено ее ходом и исходом. Боюсь, что за немногими исключениями выступления в «Комсомольской правде» звучали весьма наивно и, мягко выражаясь, неубедительно. Для неискушенной жизнью молодежи и для части старшего поколения, отравленной деляческой атмосферой времен культа личности, сама наша

эпоха могучих рывков науки и техники представляется неопровержимым доказательством правоты «физиков». К сожалению, мало кто из них отдает себе отчет в том, что искусство, являясь наряду с наукой основным методом познания действительности, призвано совершать поистине титаническую работу в области перевоспитания людей в коммунистическом духе, что без искусства никогда не будет коммунистического человека, а выйдет в лучшем случае добросовестный ограниченный инженер американского типа, не желающий от жизни ничего, кроме развития по своей узкой специальности и на всё остальное взирающий лишь с точки зрения потребительской, самодовольный мещанин без вкуса, без способности к тонкому чувству, без творческого воображения.

Н. Разговоров попытался в памфлетном духе «обыграть» эту тему, доказать, как беспомощна и ограничена мысль, лишенная одухотворяющего влияния «лирики». Действие повести происходит на Марсе, на планете, во всем похожей на Землю (таково допущение автора), но на которой сто тысячелетий назад «физики» разгромили «лириков» и уничтожили все «лирические» традиции, все «лирическое» наследие. Жители Марса — сплошь ученые, даже слово «человек» заменено словом «ученый». Жизнь людей проходит в трудах во славу науки, в научных развлечениях и — это единственная уступка «лиризму», допущенная тысячелетия спустя после разгрома «лириков» — в выдумывании подарков. Существует даже отрасль науки — подарковедение — стоящая по важности на третьем месте после физики и математики. Подарки очень своеобразны: один из героев колеблется, подарить ли жене к дню рождения некий штальпель (?) или очки из метеоритного стекла. На планете давно не существует домашних и иных животных в силу, по-видимому, их полной бесполезности для «физиков». Это обстоятельство и приводит к огромным недоразумениям, когда на Марсе оказывается четвероногий космонавт, запущенный с Земли.

Правильно решить тайну Живого (так ученые Марса назвали собаку) удалось лишь чисто «лирическими» средствами. С одной стороны, «лирически» мыслящий маэстро Кин, отказавшийся от методов строго научных и обратившийся к методам эмоциональным, а с другой стороны, профессор Ир, раскапывавший остатки уничтоженного «лирического» наследия, сделали вывод, что космонавт не является разумным существом, а является приветом, посланным с другой планеты и воплощен-

ным в не допускающее иного толкования доверчивое отношение Живого к людям, является собакой, животным, давно исчезнувшим с лица Марса. Эти поиски, с одной стороны даже драматические, а с другой — по-настоящему смешные, и составляют основное содержание повести.

Повесть написана хорошим, крепким языком, на вполне профессиональном уровне, с настоящим большим юмором. Совершенно великолепна в этом отношении (я говорю о юморе) вторая часть повести, в которой речь идет о изысканиях Ира. Весьма поучительна ошибка профессора Бера, который на основании чистой логики построил совершенно неправильную гипотезу. И поистине превосходно изложены мысли Кина, додумавшегося до сигнала из другого мира, не допускающего двояких толкований.

Всё это вместе взятое — и известная актуальность темы, и правильный взгляд автора, и литературные достоинства повести — заставляет рецензента самым решительным образом рекомендовать повесть для напечатания в одном из ближайших номеров альманаха. Повесть не относится к той многочисленной категории произведений, которые можно печатать, а можно и не печатать. Рецензент не знает автора повести, но считает необходимым не терять с ним контакта и поощрять его на новые произведения в том же духе. Слава богу, нерешенных проблем в нашей жизни, а также проблем, относительно которых господствуют неправильные взгляды, у нас не занимать-стать.

В порядке улучшения повести, чтобы скорее довести ее до более высокой литературной кондиции, следует предложить автору следующее:

1. Свести первую главу с четвертой и ее содержание вложить в речь профессора Ира.

2. Вымарать из повести всё, что касается опального положения профессора Ира, это не играет никакой роли в повести.

3. Прямо-таки механически сократить по крайней мере на четверть все речи и выступления, занимающие больше одной страницы.

4. Провести по всей повести тщательную саморедактуру, устраняя стилистические и вкусовые небрежности, а также уточняя мысли и формулировки.

5. Выбросить безграмотные выражения типа «солнечная галактика», «завершение работ по научному изучению Марса», алюминий из метеоритов, никель из созвездия и т. д. и т. п.

Интересно отметить, что после редактирования эта повесть выдержала немало публикаций, была даже включена в «Библиотеку современной фантастики», а ее автор, профессиональный журналист и переводчик, стал известен и как фантаст, написав одну-единственную небольшую повесть.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 13 ЯНВАРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Обращаюсь к тебе вот с каким делом:

В № 1 альманаха будут опубликованы 4 (а м. б., и сразу 6) рассказов Ильи Иосифовича. Совершенно необходимо и срочно дать в альманах маленькую, на пол-листа или чуть больше, врезочку о нем — кто, что, почему, зачем; в частности — сообщить, что готовится его сборник, какова его манера и пр. Врезка — предупреждаю — анонимна, будет идти от редакции. Нужна в течение недели. Напиши сам, или пусть Травинский, или сам Варшавский. Пришли мне сюда, я передам.

Вот пока всё.

Напиши, как здоровье мамы, что там происходит? Может, действительно, надо Ленке приехать и помочь?

Целую, твой Арк.

P. S. Работаю с «Кракеном».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ЯНВАРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Только что позвонил мне Илья Иосифович, жду его к себе в 4 часа, после чего вместе пойдем на обсуждение «Мира приключений» в ЦДЛ. Так что об обсуждении специального письма писать тебе не буду, он сам расскажет. Он передал мне, что ты жалуешься, будто я пишу непонятные письма. Черт тебя знает, что ты имеешь в виду. Я человек простой, простодушный, пишу, что чувствую, если нечего писать о том, что знаю.

К делу. Андреев в больнице, и предполагается, что «Мечту и науку» должен вести я. Но я не могу. Все мои усилия разбиваются о ватную непробиваемость штатных работников и вязнут в общей тревожной атмосфере в связи с событиями на культурном фронте. Вообще-то говоря, основной материал уже весь собран, не хватает только так наз. научных комментариев. Это тот самый фиговый листок, которым издательство «Знание»

должно прикрыть литературное направление альманаха от зловещих взоров руководства Общества по распространению. Когда создавали и обсуждали альманах, все казалось очень просто: имеем, скажем, рассказ Гансовского «Новая сигнальная». Оглядываемся — кто авторитет по оккультным наукам? Такой-то. Посылаем ему рассказ, и он пишет доброжелательно, что так, мол, может и не быть, но с другой стороны всё возможно. На деле оказалось все гораздо сложнее. Мало того, что ученым не до литературы, и они берутся за это дело с величайшей неохотой. Самое главное в том, что очень немногие вещи поддаются комментированию в принципе. Ну как ты научно прокомментируешь наших «Мигрантов»? А без фигового листка нас не выпустят. В общем, мне надоело это блудословие, и в понедельник я иду туда и ставлю перед начальством ультиматум: либо нас выпустят без комментирования, а в качестве фигового листка мы налепим пару популярных статей за подписями академиков (статьи пишут сами сотрудники издательства), либо я ухожу. Если ультиматум примут, хорошо. Если не примут, я вместе с Толей Днепровым напишу в руководство Общества письмо с разъяснением, что комментарии не нужны, ибо фантастика должна, мол, комментировать сама себя. Нет, безбожно, безбожно затягивается выпуск. Теперь его отложили на 29 января. Т. е. сдачу в производство. Это очень нервирует меня и мешает спокойно работать. Оттяжка привела уже к тому, что «Новую сигнальную» придется выбросить из номера, ибо сборник Севера в Детгизе выйдет раньше. Ну их всех к черту. Начальство в «Знании» хотят иметь шкурку с вареных яиц: только доход от альманаха, а риск на себя брать никто не хочет, и сотрудников на него не дает.

Относительно «ДР» ничего определенного сказать не могу. Есть рецензия Андреева, но я еще не читал. Отнес экзы в «Молодую Гвардию» Беле Григорьевне[1].

Вот всё. Поцелуй мамочку. Жму тебе, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 1 ФЕВРАЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Давно что-то ни от тебя, ни от меня нет писем. К делу.

---

[1] Здесь и далее — Клюева Бела Григорьевна, редактор «Молодой гвардии».

1. В альманахе прежний бардак, ибо большим он быть не может. Едва собрались сдавать, как а) выяснилось, что повесть Бабата недоработана и ее следует перенести в №№ 3, 4, 5; б) выяснилось, что запрещается давать вещи с продолжением и потому нужно изгильнуться и дать вещи в виде отрывков; в) директору пришло в голову, что для быстроты надобно печатать альманах не на 15 листов, а всего на десять; г) статьи ученых, являющиеся непременным атрибутом издания, никуда не годятся; д) заболел художник, который должен оформлять первый номер. Поскольку Андреев сильно болен, в этой жуткой и гнусной каше варюсь я. Терпения у меня не хватило, я послал всех к чертям свинячим и сказал, что пока издатели сами не разберутся в этих делах, чтобы меня не беспокоили. Статью Дмитревского проталкиваю всеми силами, хотя она не бог весть что, наша гораздо интереснее. А все здесь, кроме Ивана Антоныча[1], этому сильно сопротивляются. Сегодня полдня сидел с Дмитревским и правил. Сегодня же мне объявили, что в первый номер пойдет «Далекая Радуга». Надо подготовить первую половину. Что именно подготовить? Никто не знает, понеже никто не читал. Читала только Малинина и Андреев. Андреев писал рецензию в пьяном виде, понять ничего решительно невозможно, кроме того, что отдельные образы удались, а отдельные — нет, и что Камилл слишком демоничен, и что вообще-то при коммунизме может быть и такое. Малинина считает, что приготовлять ничего не надобно, а только решительно сократить четвертую главу, где рассуждают. Ты с нею согласен, посмотри и выскажи соображения, а то и сократи. В общем, напиши свои соображения поскорей, имея в виду, что «ДР» пойдет двумя отрывками самостоятельными, вернее, относительно самостоятельными, конечно. После первого отрывка будет написано: «Очередной отрывок повести см. в одном из ближайших номеров». А сдавать альманах собираются 15-го.

2. Вовсю пишу «Кракена», написал уже тридцать с лишним стр. Прочитал Ленке, ей понравилось. Говорит, что образ уже есть, и кракен введен очень естественно для неподготовленного читателя. Буду работать дальше.

3. Сегодня я первый раз в Детгизе, и мне сразу пришлось решать вопрос о включении нас в план 64-го года. Ты уж изви-

---

[1] Здесь и далее — Ефремов Иван Антонович, писатель, философ, палеонтолог.

ни, но я вставил «Седьмое небо», повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете, где два вида разумных существ. Я план продумал, получается остросюжетная штука, может быть и очень веселой, вся в приключениях и хохмах, с пиратами, конкистадорами и прочим, даже с инквизицией. Если хочешь, пришлю план. Сегодня же эту повесть вытянул у меня «Искатель» для двух последних номеров года.

Вот пока все новости. Целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 6 ФЕВРАЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Только что написал одному из наших поклонников в Ровно, который облаял нас за выдержку из стенограммы в «Тех. мол.». Я прочитал эту выдержку и за голову схватился. Ну и бл...во! Действительно, на умного человека она может произвести ужасное впечатление. Я написал, что гранки мне показаны не были, и за эту галиматью мы не отвечаем.

Дела:

1. Сашка Горбовский принес мне три номера французского журнала «La Vie Ouriere» (хрен его знает, что это значит), где печатается «Le chemin d'Amalthee» par A. et B. Strougatski. Журналы №№ 950, 951, 952, за ноябрь прошлого года. Там самая середина повести[1]. Журнальчик, впрочем, говенный.

2. Оттиск статьи пришли обязательно. Это смачно. Молодчина, Боб!

3. ВопЛи не посещал, некогда и неинтересно.

4. 4-ю главу попытаюсь выкинуть, во всяком случае — рассуждения.

5. Вчера исполнилось ровно полтора листа «Кракена». Пожалуй, есть уже нормальных сорок страниц, печатаю ведь я с походом. Тебе же рекомендую писать о том, что хочется, гражданская совесть приложится. Пиши и не мучайся.

6. ДР читал Дубровский, зав. редакции, где выходит наш альманах. Сказал, что если бы прочитал раньше, то не ломал

---

[1] «Le chemin d'Amalthee» par A. et B. Strougatski (Editions de Moscou). Resume du charpitre precedent / Переводчик не указан // La Vie Ouvriere (Париж, Франция).— № 945 (10.10.1962).— № 958 (09.01.1963).— Фр. яз.— Заглавие оригинальное: Путь на Амальтею (Название журнала: Рабочая жизнь).

бы голову ни над Бабат, ни над Полещуком, а с ходу сунул бы в первый номер. Сейчас читает Этингоф, зам. главного редактора, и ждут позитивных предложений Андреева.

7. Денег из Калининграда не получал.

8. О «Седьмом небе» напишу дополнительно. Можно быстро и легко написать смачную штуку. «Седьмое небо» прочно вошло в план Детгиза на 64. А когда писать — проблема вечная. Вот я скоро освобожусь, будет свободнее, буду тебе слать черновики, а ты будешь править, или еще как-либо устроимся. Главное, не вешай носа.

9. Насчет специального письма ничего не помню, хоть убей.

Пока всё. Всем привет, целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 ФЕВРАЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой братик.

Прости, задержал ответ, очень уставал всю неделю, а сегодня сачкую с утра до вечера, и сесть за машинку приспела охота.

«ДР» идет в первый номер альманаха — первый отрывок по четвертую главу включительно, причем эта глава значительно сокращена и все рискованные рассуждения оттуда выброшены. Кроме того, «ДР» у меня забрал товарищ из харьковского журнала «Прапор», но это было неделю назад, и чем там пахнет, я до сих пор не ведаю. В «Молодой Гвардии» «ДР» еще никто не читал. Но так или иначе сборник мы сделаем, там или в «Знании». Скорее всего, впрочем, все-таки в «Мол. Гв.», не отдадут они сборник.

Я очень мучаюсь с оставшимися моими рукописями в Детгизе, очень хочется поскорее развязаться с ними и освободиться для настоящего дела. А между тем «Кракен» помаленьку продвигается, есть уже пятьдесят м о и х страниц, значит, страниц пятьдесят пять формального машинописного текста, а то и больше. Закончена примерно треть повести, так я полагаю — та треть, где выводятся все герои и завязываются отношения. Днями приступаю к части, где будет уже настоящее действие. Всё никак не соберусь прислать тебе развернутый план «Седьмого неба».

Войскунский и Лукодьянов прислали наконец мне свою «Операцию "Зубная паста"». Я был несколько разочарован. Это гораздо слабее «Экипажа», хотя в смысле эрудиции и фундаментальности материала очень солидно. И мысль отличная —

наука вступила в такую фазу развития, имеет дело с такими объектами, что каждый ее следующий шаг может обернуться мировой катастрофой. И очень смело выполнено, хотя и не очень художественно — в смысле людей. Я бы даже сказал — традиционно. Но вещь солидная, добротная, она, конечно, должна быть напечатана и прибавит славы нашим бакинцам у любителей фантастики.

Был у меня Аматуни, благодарил за «Возвращение», что мы ему послали, гордо и солидно рассказывал, что работает сейчас над третьей и последней частью своей «Гаяны», «где всё должно решиться и где выяснится, стоило ли вообще писать книгу». В Детгиз он прислал повесть-сказку для детского возраста, ее ему забодали, он вне себя от ярости. Между прочим, он, оказывается, написал уже восемь книг и все издал в Ростове. Я не читал, но, зная литературную и идеологическую обстановку в Ростове, не думаю об этих книгах с завистью и восхищением.

Вот всё. Да! Переиздают «Возвращение». Готовь карман для очередной порции денег. По тысяче, вероятно, получим.

Целую, твой Арк. Привет всем и ото всех.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 23 ФЕВРАЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Пишу наспех, единственно чтобы ответить и чтобы ты не ругался за молчание. Отвечаю на твои призывы.

1. В отношении сценария Травинского и Димки[1] — разумеется. Вне всяких сомнений. Пусть пишут вовсю. Ты их консультируй, чтобы не случилось параши. Об унылых тяжбах по поводу авторского права пусть они не сомневаются. Документы напиши и оформи сам, забей наши подписи и подпишись за меня, сам знаешь как, я за тебя всегда подписываюсь. Они тебе сами помогут составить такой документ, сам с ними и договорись. Процент бери самый маленький, только из приличия, а то и вообще откажись от процентов. Единственное, что мне бы хотелось, это чтобы где-нибудь в титрах было упомянуто: мол, по мотивам повестей Стругацких. Это, я думаю, им не будет обидно.

2. Я задержал ответ потому, что пытался добиться положения с нашим приемом. Ничего не получилось. Концы утеря-

[1] Брускин Дмитрий Михайлович, переводчик, писатель.

ны, никто этим не занимается, узнать не у кого, все заняты подготовкой к пленуму молодых. В связи с этим я настоятельно советую и требую: подавай в Ленинградское отделение сам, один. Тебя примут в два счета. А когда тебя примут, автоматически решится в Москве и вопрос обо мне. Действуй без сомнений, это я тебе говорю как друг, брат и соавтор. А то в наших краях эти барахольщики от литературы могут тянуть еще бог знает сколько времени. Тебя там хорошо знают, рекомендации тебе могут дать любые и самые уважаемые. Насчет Московского отделения по принципу солидности тоже не сомневайся, сортир везде одинаковый. Что же касается того, что ты раньше отказывался, то можешь сослаться вот на что: в то время нас с тобой уверяли, что вопрос вот-вот решится, и на секции прозы нас приняли, но на президиуме встал вопрос о том, что ты-де ленинградский писатель и должен проходить там, где писательская общественность тебя хорошо лично знает. Действуй, мальчик, и не думай никаких глупостей насчет солидарности и прочего, ты, я знаю, иногда к этому склонен. Помни, в интересах твоих и моих — чтобы ты как можно скорее прошел в ССП. (Я имею в виду интерес стать членами. Говоря откровенно, меня это совсем не интересует, но раз тебе кажется, что это нужно, действуй.)

3. Выступаешь? Выступай. Это хорошо. Я тоже здесь выступаю. Ну и гнусятина.

Целую крепко, твой брат Арк.

А «Кракен» пошел на пятьдесят восьмую стр. Вовсю использую твои записи.

Первый вариант (64 страницы) незаконченной повести «Кракен» сохранился в архиве БНа и был опубликован в «сталкеровском» собрании сочинений (т. 11).

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 МАРТА 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил твою работу. Молодчина. Буду держать ее на почетном месте. Был у нас Димка Брускин <...>. Но в общем всё было хорошо и приятно. Прочитал я его перевод в «Искателе»[1],

[1] Лем С. Лунная ночь / Пер. Д. Брускина // Искатель (М.) — 1963.— № 1.

понравилось. Он молодчинка. Сейчас я жду от него «13-е путешествие» и еще другие переводы.

Радуюсь, что ты начал действовать в своем ССП. На меня не оглядывайся. Что касается мути с жилплощадью, то просто не знаю, что тут можно делать. Справки мы всякие достанем, это ерунда, в них ли дело? Если у мамы жировка обеих комнат на ее имя, то, по-моему, вопрос о вселении к ней вообще не может возникнуть. В общем, если что-нибудь угрожающее, сразу сообщи, будем драться. Никаких вселений мы, конечно, не допустим так или иначе. В крайнем случае: «Ко мне из Москвы едет сын» и всё.

Повесть Морозову ты обещал опрометчиво, она забита в «Искатель» и в Детгиз, я не говорю уже о «Знамени». Впрочем, потом разберемся. Только писать надо. «ДР» в «Звезду» уже не толкнешь. Она пошла в набор в «Мечте и науке».

Я числа 10-го выхожу вчистую, отвоевался. Вторую рукопись отдал другому редактору. «Кракена» продолжаю писать. Нашел, что первое лицо — плохо, сейчас переделываю на 3-е и попутно многое выбрасываю.

Очень не хватает тебя. На твой день рождения обязательно приеду, поживу немножко, поработаем.

Да, скоро ли Травинский пришлет статью? И вообще все, что найдешь порядочного, спешно высылай мне для «Мечты и науки».

Целую, привет всем, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 10–12 МАРТА 1963[1], М.— Л.

Дорогой Бобкинс!

Мало, редко пишешь. Ну, что сказать об ССП? Ты понимаешь, я не совсем понимаю, чего ты ожидаешь от этого членства. Если тебе необходимо просто членство в организации, как сепия каракатицы для защиты от обвинений в тунеядстве, то гораздо проще и надежнее сделать так: пойди к Дмитревскому, выясни, где там у вас существует горком[2] литераторов, подай туда заявление и отнеси какую-нибудь книжечку. Тебя примут,

---

[1] Датировка составителей.

[2] Горкомом или группкомом именовалась профсоюзная организация писателей.

и всё будет в порядке, будешь платить взносы как в профсоюз, будет тебе идти стаж, бюллетень будет оплачиваться и пр. И это делается быстро, в два-три м-ца. От участкового это нормальная защита, я уже не говорю, что для участкового достаточно показать договоры и готовые книги. И никто тебе ничего не скажет, откозыряет и уйдет. Слава богу, мы с тобой за время нашей деятельности дали государству миллиона два в старых рублях, это мало какая бригада ком. труда дает. А если ты преследуешь какие-либо другие цели — объяснись, чтобы я понял.

Что касается потока макулатуры в фантастике, то пока в Москве мы сдерживаем, у московских фантастов пока хватает авторитета отбивать всякое дерьмо — во всяком случае, в книжной продукции. За журналы ручаться трудно. Ну, опять же, всё в руках божьих. Да и писать халтуру в фантастике трудновато, почти так же, как настоящие вещи.

Был у Ивана Антоновича. Несколько раз. Он мне первому дал роман «Лезвие бритвы», который пойдет предварительно в «Неве». Вещь колоссальная, на сорок листов. Это будет бомба почище «Туманности». Старик от книги к книге идет к высотам. Прочитал, не отрываясь. Если не считать характерных для него ссылок на груди и бедра, это настоящая энциклопедия современного гоманизма[1], заключенная в отличный детективный сюжет. Завидовал я желчно.

«ДР» наряду с «ПкБ» идет сборником в «Мол. Гв.» в 1964 году. Не огорчайся, что у нас ничего отдельно не выйдет в этом. Зато в 64-м пойдут две книги — в «Мол. Гв.» и в «Детгизе» «Седьмое небо». А там подоспеют «Дни Кракена» и «Маги». Вот еще «Знание» требует, чтобы мы дали заявку на сборник — можно из старых, но включить несколько новых рассказов.

Теперь о «Седьмом небе» и о Бенни Дурове. Положительно, мы с тобой телепаты. Но за дальностью расстояния моя информация дошла до тебя в очень искаженном виде. Я уже полтора месяца думаю над «Седьмым небом», но всё некогда выдать это в законченном и оформленном плане. А дело там вот в чем.

Существует где-то планета, точная копия Земли, можно с небольшими отклонениями, в эпоху непосредственно перед Великими географическими открытиями. Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, красавицы,

[1] Вероятно, словообразование от «Гомо сапиенс».

веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну (помесь Франции с Испанией, или России с Испанией) наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают «кукушку» — молодого здоровенного красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр. Собственно, подбрасывают не все земляне сразу, а, скажем, московское историческое общество. Они однажды ночью забираются к кардиналу и говорят ему: «Вот так и так, тебе этого не понять, но мы оставляем тебе вот этого парнишку, ты его будешь оберегать от козней, вот тебе за это мешок золота, а если с ним что случится, мы с тебя живого шкуру снимем». Кардинал соглашается, ребята оставляют у планеты трансляционный спутник, парень по тамошней моде носит на голове золотой обруч с вмонтированным в него вместо алмаза объективом телепередатчика, который передает на спутник, а тот — на Землю картины общества. Затем парень остается на этой планете один, снимает квартиру у г-на Бонасье[1] и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабачках, дерется на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегает за бабами и пр. Можно написать хорошо эту часть, весело и смешно. Когда он лазает по веревочным лестницам, он от скромности закрывает объектив шляпой с пером.

А потом начинается эпоха географических открытий. Возвращается местный Колумб и сообщает, что открыл Америку, прекрасную, как Седьмое Небо, страну, но удержаться там нет никакой возможности: одолевают звери, невиданные по эту сторону океана. Тогда кардинал вызывает нашего историка и говорит: помоги, ты можешь многое, к чему лишние жертвы. Дальше понятно. Он вызывает помощь с Земли — танк высшей защиты и десяток приятелей с бластерами, назначает им рандеву на том берегу и плывет на галеонах с солдатами. Прибывают туда, начинается война, и обнаруживается, что звери эти — тоже разумные существа. Историки посрамлены, их вызывают на Мировой Совет и дают огромного партийного дрозда за баловство.

Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. А подспудно провести идею, как коммунист, оказавшийся в этой среде, медлен-

[1] Персонаж «Трех мушкетеров» А. Дюма-отца.

но, но верно обращается в мещанина, хотя для читателя он остается милым и добрым малым.

Такая вот идея. Ну, жду ответа и письма. Повесть сделать небольшую, листов на восемь, использовать Стивенсона, Дюма, Пьер Мак-Орлана и т. д.

Привет всем, целую, твой Арк.

Да, вот еще что. Найди хорошего критика, хотя бы того же Травинского, и уговори написать для «Знания» рецензию на сборник «Фантастика, 62 год». Нужно быстро, размер не ограничен.

«Вот еще «Знание» требует, чтобы мы дали заявку на сборник — можно из старых, но включить несколько новых рассказов»,— пишет АН. Возможно, именно к этой заявке относится перечень заглавий рассказов, сохранившийся в архиве АБС.

ИЗ АРХИВА АБС

«Шесть спичек»
«Извне»
«Без повязки»
«Дачное происшествие»
«Амазонка»
«Экспозиция»
«Контрамоция»
«Три желания»
«Спонтанный рефлекс»

«Без повязки» и «Дачное происшествие» были опубликованы только в 2005-м в НС-1. От «Амазонки» сохранилось лишь начало (см. публ. в НС-2, раздел УНС). «Экспозиция», «Контрамоция» и «Три желания» — вероятно, лишь неосуществленные замыслы.

Вообще же АБС постепенно отходят от написания рассказов. Почему так получилось, объяснил БН.

ИЗ: БЕСЕДА БНС С «ЛЮДЕНАМИ», 1993 г.

В. Казаков: Борис Натанович, а почему Стругацкие перестали писать рассказы? Понятно, что они набили руку определенным образом. И с какого-то момента всё это резко прекращается. Резко.

Б. Н.: Очень резко — совершенно верно.

В. К.: А почему?

Б. Н.: Неинтересно стало. Я сам на эту тему задумывался, с Аркашкой мы это обсуждали. Рассказы писать неинтересно. Когда придумываешь некую сюжетную идею, новую, то как-то само собой получается, что ее нужно уложить в сто страниц. А в двадцать страниц — можно, но ты при этом что-то теряешь обязательно. Теряешь какие-то лакомые кусочки. Теряешь какие-то возможности. Вот что происходит... происходило с нами. И, значит, либо придумываешь идею, которая легко, естественно разворачивается в повесть, либо придумываешь сюжет для рассказа, но как-то неохота этим заниматься. Ну, просто время тратишь. Не забывайте, что мы уже в начале шестидесятых годов прочно перешли на способ работы вдвоем: мы печатали только... писали только сидя друг напротив друга. Ради рассказа собираться, съезжаться, писать... Бывали такие случаи, но это было как-то очень... неэффективно. Думаю, что...

В. К.: Принцип экономии усилий?

Б. Н.: Боюсь, что да, хотя никто не формулировал это таким образом. Говорилось так: ну неохота, стоит ли этим рассказом заниматься? Тогда давай вот сделаем повесть. Не получается. Ну и фиг с ним, возьмем другую идею. Вот так вот.

В. К.: То есть идеи для рассказов всё равно появлялись и появлялись?

Б. Н.: Появлялись. Ну конечно, они появлялись. Но, как правило, идею для рассказа можно развернуть в повесть. Как правило. За редким исключением.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 МАРТА 1963, М.— Л.

Дорогой Бор-Босс!

Тебе, наверное, передали мои возмущенные вопли и мама, и Дмитревский по поводу того, что ты-де не отвечаешь. Так вот, я приношу нижайшие извинения: только что принесли твое письмо от 12-го из квартиры № 16. Сам виноват, пишешь четверку так, что ее приняли за единицу. Да, чтобы не забыть: номер дома нашего сменили, пиши д. 14. Слава богу, ни дома 11, ни дома 41, ни дома 44 в нашем районе нет. Вышлю тебе по экземпляру «Возвращения» и «Стажеров», вышлю по два на всякий случай, а больше у меня ничего нет, да и этого хватит за глаза. Что же до рекомендации Ефремова, то напиши ему сам —

вот адрес: <...>. Объясни ему, что и как, он тебе сразу ответит, а то я не знаю, когда теперь к нему попаду.

Приехать рассчитываю числа 14, если не возражаешь, привезу «Кракена», хотя уже теперь вижу, что закончить не успею. Но половину привезу. Всего он распухнет, наверное, страниц до 200. У меня готова треть, где расстановка сил закончена, а сейчас, когда начинаются проделки Кракена, у меня застопорило, но как раз сегодня я, кажется, прорвался и надеюсь снова развести пары до трех страниц в день. Уж-жасно жажду тебя видеть, дружище, просто мне даже противоестественным кажется, что на работу не хожу (я отчислен от Детгиза 11-го), а тебя нетути. Всю программу, тобой намеченную, мы выполним за пять дней. Предварительно же мне хочется сказать тебе, бледнопухлый брат мой[1], что я за вещь легкомысленную — это о «Седьмом небе». Чтобы женщины плакали, стены смеялись и пятьсот негодяев кричали: «Бей! Бей!»[2] и ничего не могли сделать с одним коммунистом.

Образ жизни мой достоин всяческой зависти. Сегодня четвертый день, как я никуда не выходил. Сижу соби[3] и пишу, и перевожу забавный рассказик Абэ Кобо — науч. фант.[4] Одновременно перечитал несколько хороших детективов. Кстати, чтобы не забыть, напомни пройдохе Брускину, что он мне обещал кое-что выслать — Лема и «Пилигримов» Бродского. Что Соколов был пьян <...> — не удивляюсь, что он тебе надоел — тоже. Завтра мне с ним встречаться для переговоров о его книге в изд-ве «Искусство». Он жаждет, чтобы текст к его альбому написали мы. Полагаю, поскольку это не к спеху, можно будет сделать. Деньги я с него взыщу.

Не горюй, что в этом году ничего не дадим. Да это и не совсем так. В журналах пойдет «Далекая Радуга» и «Седьмое небо», в сборнике «Фантастика 1963» пойдут «Мигранты», «Машина времени» и рассказ про молящихся царей, просящих помощи у

---

[1] Ср. обращение «Мой бледнолицый брат» из романа К. Мая «Виннету».

[2] Цитата из романа А. Дюма-отца «Виконт де Бражелон», ч. 2, гл. 4. Перевод под редакцией Н. Таманцева.

[3] Это начало малоприличной семейной прибаутки, которую мама привезла из Середины-Буды и которая была у нас в большом ходу.— *БНС.*

[4] Первое издание: Абэ К. Тоталоскоп / Пер. С. Бережкова // НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 1.— М.: Знание, 1964.

коммунистов для защиты от врагов внутренних, его бы ты скорее написал, а то Бела уже требует. И потом в апреле или мае выходит второе издание «Возвращения» — что тебе еще надобно, старче[1]?

Были днями у Парнова, спорили за фантастику и перепились. Потом после очередного собрания фантастов (я читал «Машину времени», всем очень понравилось) пошли в ресторан «Москва» и перепились же. Потом встречался я с Макаровым, было скучно, и опять перепились.

Да, Женя Войскунский и Исай[2] прислали письмо, пишут, что «Стажеры» — это свидетельство зрелости, и что оные «Стажеры» понравились даже Альтову, которому ничего, кроме своего, не нравится.

Вот пока всё.

Большой привет Адке[3]. Поцелуй маму. Жму тебе, твой Арк.

АН пишет о Соколове: «Он жаждет, чтобы текст к его альбому написали мы». И действительно: вскоре вышел набор открыток с картинами Андрея Соколова под названием «Космическая фантазия» (М.: Изогиз, 1963) и с предисловием, где АБС, помимо рассуждений о достижениях науки, писали:

ИЗ АБС [ПРЕДИСЛОВИЕ К НАБОРУ ОТКРЫТОК А. СОКОЛОВА]

<...>

Одной из важнейших задач искусства вообще является отображение окружающего мира во всей его удивительной многогранности. Внешняя Вселенная, несомненно, одна из самых ярких граней этого мира. И поэтому естественно появление фантастики как жанра литературы, поэтому естественно появление фантастики и в живописи. Художник — счастливец. Он способен подарить окружающим мир таким, каким он видит его. Художник-фантаст — счастливец вдвойне. Его мысленный взор видит то, что недоступно никому на свете, видит таким реальным и вещным, что может показать его всем. Его фантазия открывает необычайные миры — яркие и грозные, страш-

---

[1] Цитата из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина.

[2] Лукодьянов Исай Борисович, писатель.

[3] Здесь и далее — Стругацкая Аделаида Андреевна, супруга БНа.

ные и радостные, недоступные, но уже покоренные человеческим воображением. Характерно, что одним из первых значительных мастеров в этом жанре является советский художник Андрей Соколов, гражданин страны — родины звездоплавания. Первые же его картины, опубликованные в различных журналах, обратили на себя внимание как у нас, так и за рубежом. Его работы висят в кабинетах крупных советских ученых. Выставки его произведений в Москве и Ленинграде пользовались большим успехом.

Как и писатели-фантасты, Андрей Соколов не ставит перед собой задачу создавать картины-предсказания, изобразить то, что увидят космонавты в ближайшем и отдаленном будущем. Создать свой мир, увидеть хотя бы в воображении гигантское многообразие Вселенной, расширить представление о ней, возбудить воображение, заставить человека задуматься, поразиться, заспорить, представить себя в Мире как частицу, но частицу разумную, покоряющую и познающую — вот задача художника. Его картины вызывают самые разнообразные чувства и мысли. Вот он какой, космос — грозный, величественный, слепящий и — наш! Наш! Наши корабли висят над дикими, нечеловеческими пейзажами, наши машины оставляют следы в кристаллической сверкающей пыли непостижимых планет, мы, люди, стоим на этих скалах и смотрим в зеленоватое марево, таящее загадки.

Чем привлекает нас Соколов как художник? У него великолепно развитое пространственное воображение. Взгляните на диковинные, фантастические конструкции — творения наших потомков. Мы не знаем, что это за сооружения, мы можем только догадываться, каким целям они служат, но как превосходно чувствуется в их странных поворотах, неожиданных формах скрытая целесообразность, мощь, скрытая разумность их создателей. Цветовые контрасты, непривычные и кажущиеся неправдоподобными, подчеркивают странность изображаемых пейзажей, и в их бросающейся в глаза чуждости опять-таки чувствуется богатая фантазия. Соколов широко пользуется цветом, чтобы создать у зрителя впечатление незнакомости материалов естественных и искусственных объектов, которые он изображает. Красноватый отблеск Марса на поверхности его древнего искусственного спутника, зеленый блеск Сатурна, озаряющий скафандры космонавтов, жуткие желто-багровые трещины в коре остывающей звезды, яркий фиолетовый рассвет над не-

ведомой планетой с ее кристаллической растительностью — разве это не будоражит воображение? Не зовет человека туда, «на место»?

Представленная здесь серия репродукций очень характерна для Андрея Соколова. Она как бы утверждает его уверенность в том, что придет время, и коммунистическое человечество будет хозяином во Вселенной. Серия охватывает основные вообразимые этапы освоения космоса: от первых следов человека в лунной пыли до старта экспедиции к следующей галактике.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 МАРТА 1963, М.— Л.

Дорогой Бобкинс!

Согласие Соколова я протелеграфировал. Он готов и всё такое, и еще бы он не был готов, мы бы его с кашей съели. Но о том, какая именно картина вас там интересует, я не знаю, это уже на совести московских корреспондентов ваших.

О «Наблюдателе» (так я переименовал «Седьмое небо»). Если тебя интересует бьющая кругом ключом жизнь, то ты будешь иметь полную возможность вывалить свои внутренности в «Дни Кракена» и в «Магов». А мне хотелось создать повесть об абстрактном благородстве, чести и радости, как у Дюма. И не смей мне противоречить. Хоть одну-то повесть без современных проблем в голом виде. На коленях прошу, мерзавец! Шпаг мне, шпаг! Кардиналов! Портовых кабаков!

Содержание второго номера альманаха я точно не знаю, давно там не был. А первый том — «Далекая Радуга», большой рассказ Емцева и Джереми, «Новая сигнальная» Гансовского, подборка рассказов Варшавского, подборка рассказов Брэдбери, большая статья о Леме Громовой, рецензия на «Экипаж "Меконга"» Джереми. Второй — ориентировочно — «Возвращение со звезд» Лема, «Далекая Радуга», какие-то рассказы, статья Дмитревского и Брандиса, чья-то рецензия на кого-то. Кстати, нашу статью я снял, там многое устарело, и ее надо очень сильно переделать. А, там еще будет рассказ Днепрова «Разговор с чужой тенью». Но всё там так безобразно и нерешительно тянется, что у меня опустились руки, и я туда просто не желаю ходить сейчас. Оказалось, например, что первый номер ни в каком не в производстве, а вот уже неделю на столе у директора издательства, и он не торопится. Прах с ним.

Рассказ о молитве давай скорее. Жду с нетерпением.

Рецензию Травинского жду с нетерпением. Это будет здорово.

Пью я вовсе не так много, как ты, видимо, создал себе впечатление. Я рассказал тебе о вечерах, с кем я встречаюсь, и только. А пью — мало пью. С гомерическими порциями наших друзей не сравнить.

Спасибо за «Пилигримов». Все-таки прекрасная вещь. Люблю. Буду читать в понедельник нашим ребятам.

«Кракена» уделать в этом году надо непременно. И подготовь почву у Травинского, либо у Дмитревского, чтобы дать его в «Звезду» или в «Неву».

Всё. Ленка идет на улицу, опустит.

Целую, привет всем. Твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 МАРТА 1963, М.— Л.

Дорогой Борис.

Для начала подтверждаю то, что ты, вероятно, уже сам знаешь,— что ты скотина. На письма надо отвечать, особенно сейчас.

Засим даю тебе отчет о расширенном совещании секции нфп ССП, имевшем место вчера, на котором я присутствовал. Совещание это имело цель, как об этом заявил Тушкан, подготовить материал для выступления Л. Соболева на предстоящем съезде писателей[1] в части нашего жанра. Имели место: Тушкан, Казанцев, Гуревич, я, Жемайтис, Толя Днепров, Забелин, трое ребят из «На суше и на море», Ким, Лейтес, Томан, Ляпунов, Глеб Голубев, Этингоф, Жигарев, две девочки из Дома детской книги и еще какие-то подонки. Да, Колпаков. Странная история получилась с приглашениями. Пригласительные билеты получили все, кроме молодых фантастов (не считая Толи). Меня за день пригласил по телефону Ляпунов. Теперь, после того что там произошло, я начинаю видеть (правда, очень смутно) известный смысл в этом.

Итак. Докладывал Брандис. Обыкновенное брандис-дмитревское библиографическое выступление, с преимущественной оценкой вещей по научности и ненаучности. Впрочем, нас он похвалил, подробно (насколько это можно было в таком док-

[1] Видимо, речь о намечавшемся II Съезде писателей РСФСР, который состоялся 3—7 марта 1965 г.

ладе) остановившись на «В», «С» и «ПкБ» отдельно. Затем выступали:

Ким: заграница ведет в фантастике широчайшее антисоветское и антикоммунистическое наступление. Привел несколько примеров, причем рассказывал с большим вкусом и азартом, как мог бы лакомка рассказывать о китайской кухне. Заявил, что наша фантастика, если не считать Лагина и Томана, не очень-то.

Лейтес: подтвердил Кима, после чего много и долго распространялся, как нехорошо в фантастике опровергать Эйнштейна, развивая мысль Брандиса о том, что «мы не против любой гипотезы и любого допущения, на то и фантастика, но, товарищи, нельзя же так».

Ляпунов: очень интересно рассказал о фантастике в кино, какие у кого планы в этом отношении, что печатают за границей, привел некоторые данные. С 58 года и поныне выпущено у нас советских вещей — 78 отдельных книг и 208 рассказов в периодике, иностранных вещей — 9 отдельных книг и 70 рассказов в периодике.

Днепров: тоже подтвердил Кима и рассказал еще несколько произведений. Вообще он главным образом помалкивал. Между прочим, как раз в эти часы в том же здании шел пленум Московской организации ССП.

Жемайтис: дал оценку книг, выпущенных в «Мол. Гв».

Тушкан: зачитал список книг, которые будут представлены Соболеву как пример лучших в НФП. Я этот список, к сожалению, не слышал, потому мы что меня в это время одолевал Жемайтис, спрашивающий, хорошо ли он выступал, и я встрепенулся, только услышав «Страну багровых туч».

А затем Тушкан сказал, обращаясь к Брандису: «Я не согласен с вашей оценкой «Попытки к бегству», это плохая повесть». Брандис пожал плечами.

Днепров: реплика. Мы говорили о контрнаступлении против американской антисоветчины, так вот «ПкБ» это пока единственный, может быть еще слабый, пример такого контрнаступления в сов. нфп.

Тушкан: не понимаю конца этой вещи, не понимаю, что в ней происходит. Впрочем, мы попросим Стругацкого самого рассказать. В публике шуточки.

Девочка из Дома ДК: построила выступление на письмах юных читателей, было очень интересно и забавно, потом как-нибудь расскажу, сейчас не до этого.

Жемайтис: реплика: мы ценим и любим Стругацких, у нас бывают разногласия и споры, но мы считаем, что споры — это хорошо.

Стругацкий: сначала в порядке реплики ответ Киму и Днепрову. Западным фантастам очень легко стирать с лица земли целые континенты и создавать эффектные картины вторжения генерала Новикова и маршала Фэна в США. Это легкий путь, а вот выработать столь же эффектные методы контрпропаганды на основе советского гуманизма и разумного оптимизма не так просто, мы не можем позволить себе, чтобы пропаганда ненависти к империализму и фашизму обернулась пропагандой ненависти к целым народам. Теперь о «ПкБ». Мы считаем, что враг не только вовне (империализм), но и внутри нас — мещанство, трусость и прочее. Ретроспективно говоря, мы в «ПкБ» попытались дать бой обоим врагам сразу. Это антифашистская вещь с одной стороны, а с другой — мы показали, что истинный коммунист не может дезертировать в коммунизм, даже когда изнемог в борьбе. Если он не выпустит последних патронов в борьбе с фашистами, коммунизма не будет. Орал я, кажется, ужасно, и Лейтес с опаской на меня поглядывал. Не знаю, Григорий[1] Павлович, сказал я, почему вы не поняли таких простых вещей, может быть, потому, что читали в спешке, готовясь к этому совещанию, а я беседовал о ней в двух школах и трех институтских коллективах (на один я соврал), так там все хорошо поняли.

Тушкан: начал оправдываться, потом махнул рукой.

И вот тут началось самое страшное. Выступил Казанцев.

Первая половина его выступления была целиком посвящена Альтову и Журавлевой. Вторую я уже не слушал, потому что мучился, не зная, как поступить. Вот тезисы того, что он говорил. Альтовское направление в фантастике, слава богу, так и не получило развития. И это не удивительно, потому что в массе советские фантасты — люди идейные. Альтов на совещании в 58 году обвинял «нас с Днепровым» в том, что мы (Днепров и он, Казанцев) присосались к единственной, всем надоевшей теме — столкновение двух миров. Нет, товарищ Альтов, эта тема нам не надоела, а вы — безыдейный человек (стенографистки пишут наперебой. Вообще всё стенографировалось). В «Полигоне "Звездная река"» Альтов выступает против постулата ско-

[1] Описка или оговорка АНа. Правильно — Георгий Павлович Тушкан.

рости света Эйнштейна. Но в тридцатых годах фашисты мучили и преследовали Эйнштейна именно за этот его постулат. Все вещи Альтова так или иначе играют на руку фашизму (стенографистки пишут! Не думай, я не преувеличиваю, мне самому показалось, что я во сне). Мало того, все вещи Альтова так далеки от жизни, настолько пусты и лишены жизненного содержания, что можно смело назвать его абстракционистом в литературе, это мазила, дегтемаз и прочее.

Дальше я не слушал. У меня холодный пот выступил. Все сидели, как мертвые, уставясь в стол, никто ни звука протеста не проронил, и вот тогда я понял, что в первый раз в жизни столкнулся с Его Величеством Мстящим Идиотом, с тем, что было в 37-м и 49-м. Выступить с протестом? А если не поддержат? Откуда мне знать, что у них за пазухой? А если это уже утверждено и согласовано? Трусость мною овладела страшная, да ведь и недаром, я же боялся и за тебя. А потом я так рассвирепел, что трусость исчезла. И когда Казанцев кончил, я заорал: Разрешите мне! Тушкан, недовольно на меня поглядев, сказал: Ну что вам, ну говорите.

Стругацкий: при всем моем уважении к Александру Петровичу, я решительно протестую. Альтова можно любить и не любить, я сам его не очень люблю, но подумайте, что вы говорите. Альтов — фашист! Это же ярлык, это же стенографируется, мы не в пивной сидим, это черт знает что, это просто непорядочно! (Это я помню, но я еще что-то нес, минут на пять.)

Секунда мертвой тишины. Затем железный голос Толи Днепрова.

Днепров: я со своей стороны должен заявить, что не слыхал, чтобы Альтов обвинял меня в пристрастии к теме борьбы двух миров. Он обвинял меня в том, что действующие люди у меня не люди, а идеи и машины.

Ким: и не абстракционист он никакой. Наоборот, когда был у меня и увидел картину такого-то, очень ее ругал.

Затем все зашумели, заговорили, Казанцев начал объяснять, что он хотел сказать, а я трясся от злости и больше ничего не слыхал. И когда все кончилось, я встал, выругался (матом, кажется) и сказал Голубеву: пойдем отсюда, здесь ярлыки навешивают. Громко сказал. Мы пошли вниз, в кабак, и там выдули бутылку настойки какой-то.

Вот такие дела. Война объявлена, ты огорчишься, но я удержаться не мог. Мне было бы стыдно тебе в глаза глядеть, если

бы эти гадости про Альтова остались в стенограмме и были бы опубликованы в выступлении Соболева. Это же верная гибель для писателя. Сам ведь Соболев ничего этого не читает. И если бы я не выступил, я бы, наверное, домой не вернулся, не мог бы с Ленкой встретиться. Трус и обыватель сидит во мне, как видно, очень глубоко.

Вот пока всё. Целую, дружище,

твой Арк.

Эти события позже вошли рассказом о Гарике Аганяне в журнальный вариант ХС:

Года два назад Гарик Аганян пробивал в «Космосе» свой сборник научно-фантастических рассказов. Какие-то там приключения на ракете, которая движется быстрее скорости света. Конечно, Гарик знал, что таких ракет нет и быть не может, он мне лично несколько раз это объяснял и притом вполне доходчиво. Но зачем-то понадобилась ему такая вот сверхсветовая ракета. Ну, научная фантастика, у них там свои дела... Сборник и без того проходил туго, и вдруг каким-то неведомым образом рецензентом его оказался Гнойный Прыщ. Тут вообще много загадок. Откуда в «Космосе» взялся Гнойный Прыщ? А если уж взялся, то зачем ему понадобилось топить именно Гарика? А может, и не Гарика, а редактора. Или, скажем, рекомендателей Гарика в наш Союз...

Факт тот, что он Гарика утопил, да так, как никто Гарика до сих пор не тапливал. По всем непредставимым правилам древних пожирателей слонов. Он вывел черным по белому, что наш Гарик — антинаучный мракобес, исповедующий людоедские теории гитлеризма. Причем копию рецензии он подгадал в аккурат к тому самому заседанию нашей приемной комиссии, где должно было разбираться Гариково заявление о приеме. И когда председательствующий зачитал нам Прыщевый этот перл, мы буквально рты разинули, и наступила тишина, хотя все мы там собрались люди опытные и всякого повидавшие. Гитлеризм-то тут при чем? А вот при чем.

Как известно, максимальная скорость в природе — это скорость света. Кто это установил? Великий ученый Альберт Эйнштейн. А кто преследовал великого Альберта Эйнштейна? Гитлеровские мракобесы. А что утверждает Г. Аганян в своих злобных писаниях? Существование скоростей выше скорости света. Ко-

го он таким образом ревизует — и даже не ревизует, а попросту злобно опровергает? Великого Альберта Эйнштейна. С кем же, спрашивается, смыкает свои ряды Г. Аганян? То-то!

Вот логика гишу, если это вообще можно назвать логикой. Вот почему не желаю я обсуждать с Гнойным Прыщом какие бы то ни было проблемы, кроме как насчет погоды. Кстати, прием Гарика был-таки отложен тогда на несколько месяцев, впредь до выяснения. И понадобилось могучее вмешательство секретариата, да еще не нашего, а всесоюзного, чтобы отбить этот жуткий наскок из палеолита...

Вообще, ХС значительно прочнее связана с реальностью, чем можно заключить из авторского предуведомления; беллетристики, голой выдумки в ней совсем немного. Мы уже вспоминали реальные выдержки из рабочего дневника, описание папки с ранними произведениями... Пожалуй, ХС здесь выступает в одном ряду с «Театральным романом» Булгакова или с «Алмазным венцом» Катаева.

Но и в реальности события на совещании имели продолжение. Альтов, узнав о такой «критике», затеял переписку с Тушканом. Копии этих писем Альтов рассылал писательским организациям и отдельным писателям-соратникам. Таким образом оказались эти письма и в архиве АБС.

Позднее уже сами АБС будут вынуждены вступить в полемику с Альтовым. Дабы читатель не удивлялся, скажем так, недостаточно уважительной манере Альтова в отношении АБС, ниже приводим некоторые фрагменты его же переписки с Тушканом, из которых вполне понятно, что таков попросту был присущий этому человеку стиль ведения дискуссий.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА Г. ТУШКАНУ, 30 МАРТА 1963

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ
ПО НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
тов. Т У Ш К А Н У Г. П.

Уважаемый Георгий Павлович!

27 марта с. г. на заседании Комиссии по научной фантастике А. П. Казанцев выступил с клеветническими выпадами про-

тив меня, заявив, в частности, что я — «абстракционист в литературе». Клеветническим нападкам подвергся и рассказ «Полигон "Звездная Река"». Кроме того, А. П. Казанцев утверждал, что на семинаре молодых фантастов (1961 г.) я призывал писателя А. Днепрова не писать «о борьбе идеологий».

Должен отметить, что подобный вздор А. П. Казанцев усиленно распространяет после того, как в ноябре прошлого года в «Комсомольской правде» появилась моя заметка об одном из произведений Казанцева. Будучи беспринципным интриганом, А. П. Казанцев способен — в порядке мести — обвинять меня в чем угодно; если бы сейчас, например, критиковали не абстракционистов, а аквалангистов, Казанцев тотчас же объявил бы, что я — типичный аквалангист...

Бред А. П. Казанцева не заслуживал бы внимания, однако на этот раз есть возможность документально доказать, что Казанцев клевещет и, следовательно, совершает уголовно наказуемое деяние. Я намерен обратиться в суд, чтобы А. П. Казанцев понес должное наказание. В связи с этим мне необходимы некоторые документы. Часть из них я уже имею (копия стенограммы моего выступления на семинаре, показания свидетелей и т. д.). Теперь мне нужна копия протокола заседания Комиссии 27 марта.

Прошу Вас, Георгий Павлович, выслать мне копию этого протокола. Для возбуждения уголовного дела необходимо, чтобы протокол был полностью; то есть нужно не только выступление Казанцева, но и всех, кто высказывался по этому поводу (А. Стругацкий, А. Днепров, Р. Ким и др.).

Протокол заседания Комиссии не является секретным документом, его нет основания скрывать от меня — коль скоро обо мне на заседании говорилось. Я надеюсь, что Вы пришлете мне копию протокола сразу же по получении этого письма. Чтобы оно дошло быстрее, я посылаю его авиапочтой с уведомлением о вручении.

Заранее признателен Вам

Г. Альтов

P. S. В свое время Вы присылали мне стенограмму моего выступления на семинаре. Я отправил Вам отредактированный текст. Вы хорошо знаете, что — вопреки вздорным утверждениям Казанцева — я, выступая, обвинял А. Днепрова в том, что у него один и тот же сюжет используется и в рассказах, где действие происходит на Западе, и в рассказах о наших людях. В стено-

грамме сказано: «Фантастика «работает» только тогда, когда научно-техническая идея не самоцель, а средство для постановки философских, социальных и иных художественно-значимых проблем. Таков вывод из сравнительного анализа рассказов А. Днепрова».

Так написано в стенограмме, которая заверена моей подписью и находится у Вас.

Вы в первую очередь можете изобличить клевету Казанцева. Буду признателен Вам, если — одновременно с копией протокола — Вы пришлете и письмо, отражающее Ваше (как Председателя Комиссии) мнение.

21 апреля, не дождавшись ответа, Альтов повторяет свою просьбу в еще более резком тоне, и Тушкан уже вынужден отвечать:

ИЗ АРХИВА. ИЗ ПИСЬМА Г. ТУШКАНА Г. АЛЬТОВУ, 6 МАЯ 1963

<...>

«Протокола заседания», который Вы просите прислать, чтобы возбудить уголовное дело против А. П. Казанцева, тоже нет, так как велась не протокольная, а стенографическая запись выступлений. Стенограммы МОСП частным лицам не высылаются, но по запросу суда м. б. выслана.

Ваш «свидетель», на которого Вы ссылаетесь в своем письме, должен был бы информировать Вас более точно. Видимо, он не был на заседании, т. к. иначе видел бы, что ведется стенографическая запись.

И, видимо, только некомпетентностью «свидетеля» (а чем же еще?) можно объяснить его неточную информацию в отношении выступления т. А. Казанцева. Поэтому получилось так, что Ваше главное обвинение с чужих слов в адрес т. А. Казанцева не соответствует духу его выступления.

<...>

Теперь по существу «клеветы» т. А. Казанцева.

Клевета — это приписывание человеку им не сказанного или не совершенного. Но ведь рассказ «Полигон “Звездная река”» вышел под Вашей фамилией.

Тов. А. Казанцев критически анализирует опубликованное Вами со своих литературно-политических позиций и приходит

к не утешительному для Вашего рассказа, в частности, выводу.

Можно ли это назвать клеветой с позиций Уголовного Кодекса? Нет!

<...>

Каждый литератор, а Вам как недавнему члену Союза Писателей надо об этом знать, имеет право на любое суждение о том или другом произведении, даже если это мнение критика не угодно автору произведения. Автор произведения имеет такое же право иметь суждение о критике на его произведения и выступать в защиту своего произведения. Но можно себе представить, во что превратятся наши литературные дискуссии, если за каждое не угодное автору критическое выступление (да еще устное, не опубликованное) автор угрозами и обструкцией будет стремиться заглушить любую критику в свой адрес.

К слову сказать, Ваше провинциально крикливое по стилю и наполненное угрозами письмо произвело весьма невыгодное для Вас впечатление. Были советы опубликовать его с комментариями в «Крокодиле».

Я не буду касаться стиля Ваших странных взаимоотношений с тов. А. Казанцевым, когда вначале Вы писали ему хвалебные письма, а потом, после его критических замечаний в Ваш адрес, изменили свое отношение на 180°.

<...>

Отклик Альтова демонстративно фамильярен:

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА Г. ТУШКАНУ, 15 МАЯ 1963

Милый Тушкан!

Благодарен тебе за информацию о Казанцеве. Это верно: когда бог хочет кого-то наказать, он лишает его разума. Но, черт побери, ведь бога нет! Спрашивается: кто же лишил Казанцева разума?!

Да, здорово он свихнулся! Ведь такого нарочно не придумаешь: «Фашисты преследовали Эйнштейна, а Эйнштейн говорил о конечной скорости света, значит — писать о сверхсветовых скоростях — переносить идеи, бывшие на вооружении врагов...» Слушай, Тушкан, может, он бюллетенил, когда его осенила эта мысль?

<...>

Ты прав: пусть Казанцев болтает, демонстрируя свое невежество. Слушай, а что если подбросить ему информацию о том, что я не разделяю взглядов Фрейда? Фашисты преследовали Фрейда, а я — против Фрейда, значит... ну, тут сработает могучая логика Казанцева!

<...>

Ну, вот, вроде всё. Увидишь Казанцева, передай, пожалуйста, что я на него не в обиде. Ты будешь ругать меня за либерализм, но просто по-человечески мне иногда жаль Казанцева. 15–20 лет назад он писал, подавал надежды. Потом переключился на интриги, переиздавался, халтурил... А теперь поздно писать новые вещи. Думаешь, Казанцеву легко смотреть, как люди читают не «Мол Северный», а книги Стругацких, Днепрова, твои новые вещи?..

<...>

Ладно, друг Жора, придется ставить точку. Дела, дела!

Надеюсь, у тебя всё в порядке?

Жму лапку.

Но вернемся к письмам АНа к брату.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 30 МАРТА 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. Отзыв «Фиксьон» меня мало трогает, и тебя он тоже не должен много трогать, ибо не тот ли это самый «Фиксьон», который, чтобы познакомить французов с лучшим произведением советской фантастики, после долгих колебаний и споров между собой выбрал и опубликовал «Оранжевую планету»[1]? Что до меня, то я считаю, что мы этим специалистам просто не по зубам, и это, заметь, при всей моей известной скромности. Вообще похвала французов... с их Карсаком в качестве эталона! А подниматься до уровня Хайнлайна — тоже невелика честь. Вот до Брэдбери бы...

2. Пусть телевизионщик ставит «ПкБ». Не возражаю против попытки, но это всё моча, ничего у них не выйдет. С телевизионщиками я дело уже имел. Только не давай втянуть себя сам в это дело, это много хуже, чем кино.

---

[1] Оношко Л. На оранжевой планете (Днепропетровское книжное издательство, 1959). Этот образец графомании в фантастике долгое время служил мишенью для критики.

3. Строго между нами. Пародия Варшавского[1] — отличная и всё такое. Но имей в виду, что при настоящем положении вещей это может быть сигналом к нападению. А как же! Вот вам сигнал в «Молодом коммунисте» — раз. Вы протестовали. Но вот и толстый журнал за вас взялся, там люди не дураки сидят. И бьют все по одному месту, по запорожцам в космосе. При той травле, которую сейчас Казанцев развернет против молодых, это может оказаться чреватым. Не будешь же ты всем объяснять, что Травинский и Варшавский — наши друзья. Почему-то, скажут, пародий на Казанцева не печатают. И ваших оригинальных вещей не печатают. Скверно, молодые люди, общественность вас осуждает. Имей это в виду, а там поступай как знаешь.

4. Экз «Ф. 62» попробую достать. Сейчас у меня ужасный флюс, сижу обмотанный, с одним левым глазом, печатать трудно, кончаю.

Всем привет, целую,
твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 6 АПРЕЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой мальчик!

Прости, что письмо прозвучало сухо. Но прими во внимание, что я еле сидел за столом от зубной боли, обмотанный бинтами и ватой так, что видел только один (левый) глаз, и вообще всё выглядело очень и очень скверно в моем мире. Сейчас, слава богу, всё пришло в порядок, и я готов.

В общем, по твоему слову мы приезжаем утром в пятницу. Мы — это я и Ленка, которая мчится, чтобы избавить маму по хлопотам, могущим возникнуть в связи с твоим днем рождения. Тебе задание: передай маме привет и поцелуй ее, скажи, что отвечать на ее письмо не буду в предвидении скорой встречи, и осторожно выясни, как она относится к приезду Ленки. Все-таки надо походить по магазинам, а маму трогать на это дело я бы не стал, а Ленка сделает всё это отлично. Уедем мы, по-видимому, в понедельник вечером. Постарайся выяснить и отписать поскорее, надо заказать билеты.

---

[1] Пародия издана лишь спустя четверть века: Варшавский И. Аннигилисты // Сов. библиогр. (М.).— 1989.— № 4.

Вышло переиздание «Возвращения». Нам выплатили по 50 %, по 513 р. Восемнадцатого выплатят еще по 50. Скоро получишь, а может, уже и получил.

«Кракен» продвигается всё медленнее. Сейчас застыл на 82-й стр. Сказывается, вероятно, усталость и неуверенность, и непривычка работать в одиночку. Очень жажду слышать твое веское. Насчет «Молитвы» или «ТББ» — это ты молодец. Значит, по возвращении сдам для сборника «Фантастика, 63» нашу контрибуцию: «Машину времени», «Мигранты» и «ТББ», всего примерно на лист, но и это неплохо.

Слушай, что за моча? Какой сценарий пишут эти пираты? При чем здесь «ДР»? Я не против, но никак не могу понять, что они затеяли. Ладно, это при встрече.

О МОЕМ продвижении в ССП нет и не может быть речи. Есть НАШЕ продвижение. Если оно есть. Я тут такое узнал... Это, правда, уже в прошлом, но желания стать членом у меня теперь еще меньше. Ох, лезем мы в такую помойку, брат мой, друг мой[1]...

Казанцев, говорят, уже покаялся и даже извинился. Подробностей не знаю. Рафик Шапиро (большой друг Альтова) звонил, Альтов велел ему мне кланяться и поблагодарить. Сам же Альтов собирается подать на Казанцева в суд за клевету и диффамацию.

Привет Адке, целуй маму, жду письма срочно.

Целую, дружище, твой Арк.

Поездка, которую планировал АН в предыдущем письме, удалась. В дневнике приездов АНа в Питер значится: «14.04.63. Приезжал с Крысой[2] на четыре дня. Составили план "Наблюдателя"».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 АПРЕЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик.

Писать особенно не о чем, но для затравки пишу. Приехал, а здесь письмо — опять от коллектива механического цеха, помнишь, я тебе рассказывал. Пишут, что нужны наши фото, а равно сообщают, что они — наши шефы, либо мы — их шефы,

---

[1] Ср. с зачином одноименного стихотворения С. Надсона: «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат...»

[2] Крыса — ласковое прозвище супруги АНа, данное ей ее отцом.

не знают, как правильно. Я тоже не знаю, славные, должно быть, ребята, мне так тепло на душе стало. И еще пишут, что очень хотели бы сделать нам что-нибудь хорошее, только не знают — что именно, и чтобы мы написали, что нам нужно. Я хочу написать, чтобы учились и других заставляли учиться, как ты полагаешь?

Был вчера в «Знании» и в «Мол. Гв.». В «Знании» получено письмо от Андреева, Андреев просит не считать его членом редколлегии. Оскорблен, что сняли Лема и статью о Леме. Не знаю, как мне поступить в таком случае. М. б., тоже подать в отставку? В «Мол. Гв.» Жемайтис сказал, что принципиальное согласие секретаря ЦК по пропаганде на встречу с нами имеется. Но он просит, чтобы мы составили предварительно заявление или декларацию своих целей и своего положения, что ли. Думаю, мысль разумная. В понедельник встретимся с ребятами и всё обсудим. Ты тоже поговори с Травинским, Варшавским и Мартыновым, а равно и с Гором. Их мнение, так сказать. А не хочешь, так и не надо, но, по-моему, надо, может быть, они, как люди опытные, что-нибудь подскажут интересное.

Прислали мне стенограмму моего выступления на совещании, только основное выступление, где я опровергал высказывание Кима о том, что наши фантасты не очень охотно обращаются к антиимпериалистической теме. О Казанцеве — ни слова. Вероятно, выступление Казанцева из стенограммы изъяли и, след., все выступления, с ним связанные. Да, Ляпунов звонил, требует наши биографии для японских издательств, где выпускают наши книги (или книгу, не знаю точно).

Жму, поцелуй маму, привет Адке. Твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 24 АПРЕЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Опять же новостей никаких особенных нет. В понедельник после собрания фантастов собрались мы — Жемайтис, Днепров, Полещук, Гансовский и я,— набросали планчик мероприятий по подготовке к встрече в ЦК. Толя к след. понедельнику принесет заготовку для нашей докладной, кроме того, мы подготовим короткие выступления отдельно по основной тематике фантастики. Есть слух, что Казанцев перешел в наступление опять. Он написал статью: «Абстракционизм в литературе — возможно ли?», где на примерах Альтова и отчасти нас доказы-

вает, что возможно. Днепров одновременно готовит статью против. Всё это должно решаться в «Литературной газете».

Встречался с Андреевым в «Знании». <...> разговаривать с ним было трудновато, но, кажется, его уговорили сменить гнев на милость. Я сказал, что Ленинград возмущен его намерением, он был очень польщен. В пятницу будет редсовет с участием Толи и Этингофа, там мы будем выставлять свои претензии к администрации. Между прочим, Андреев очень недоволен участием в редколлегии Дмитревского — но это между нами. Он кричит, что нужно Гора.

Наши уезжают в начале июня, так что ты готовься переселяться сюда. Поработаем на славу. Кстати, Север тоже своих отправляет и остается один. Будет писать пиесу. Очень обрадовался, когда узнал, что ты приедешь. Но ты уж изволь, пожалуй, сделать что-нибудь по «Н», чтобы бодро с ходу приступить к письму, не тратя времени на тяжкие раздумья. Я всё радуюсь, какой славный план мы составили. А не включить ли в план еще одну идею? Коммунары облегчают прогресс общества путем сохранения его лучшей части, его совести и разума. А не дать ли им еще функцию устранения самых страшных врагов общества? Напр., ночью хватают такого дона Ребию и в двадцать четыре часа на необитаемый остров. А? Это бы впечатляло. Активное воздействие добра.

Очень славно, что мама поедет отдыхать. Наверное, когда придет это письмо, она уже уедет. А где же ее адрес? Еще неизвестно?

Я много читаю в последнее время. Проштудировал Шкловского[1] — раньше я просто пробежал одним глазом. Молодчина старик. Не знаю, как там в рассуждении оригинальных идей, но с популяризацией он справился великолепно. Таких книг нужно побольше, вот что. Прочитал и Шепли «Звезды и люди»[2]. Это значительно слабее и не так интересно. Сейчас читаю Халифмана «Пароль скрещенных антенн»[3]. Если не читал, прочти обязательно. Это за жизнь насекомых. И еще читаю Дж. Уиндема — современного Уэллса, о нем почему-то мало пишут даже за рубежом, а фантаст, на мой взгляд, знатный. Помнится, я пе-

---

[1] Шкловский И. Вселенная, жизнь, разум.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

[2] Шепли Х. Звезды и люди.— М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

[3] Халифман И. Пароль скрещенных антенн.— М.: Детгиз, 1958, 1962.

ресказывал тебе его «Дни триффидов» и «Кракен пробуждается» (не волнуйся, кракена там нет). Сейчас прочитал еще две его повести: «Куколки» и «Кукушки Мидвича» — очень впечатляющие штуки. Приедешь — расскажу. Для меня он, помимо всего прочего, любопытен как хорошая иллюстрация к моему представлению о том, как ОНИ представляют себе цели существования человечества и как ОНИ думают о нашей стране. Очень поучительно.

Вот пока всё. Привет друзьям, Адке.

Твой верный Арк.

О-о-о-о! Совсем забыл. Зашел я это случайно в издательство диафильмов и подписал договор на диафильм для ребят о межзвездном путешествии на базе «Частных предположений». Так что не удивляйся, когда к тебе придет договор. Написать надо всего восемь страничек, на пятьдесят ± пять кадров. Напишу и пришлю тебе на сверку.

Всё. Целую и жму.

27 апреля 1963 года АБС подписали договор с издательством «Знание» на публикацию ДР. В договоре указаны редактор (Г. Малинина) и название редакции, которая будет делать книгу: «редакция Точных наук и техники». От имени издательства договор подписал главный редактор Иван Георгиевич Зонов. Оговорено условие: «научно-фантастическая повесть для альманаха «Мечта и наука» для № 1 и № 2».

Тем же днем датирован и договор со студией «Диафильм» на написание сценария «17 лет в космосе». От студии договор подписал директор ее «тов. Жуков Б. Ф.». В договоре говорится: «Автор принимает на себя выполнение работы по написанию сценария (кадроплана) и подбору изобразительного (иллюстративного) материала для диафильма «17 лет в космосе». <...> Диафильм должен состоять из 50—55 кадров».

В итоге диафильм был озаглавлен «Девятая планета Тайи», выпускался он несколько лет кряду. Его можно увидеть на сайте http://abssf.narod.ru/diafilm/diafilm01.htm

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 1 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Ничего пока не узнал, ни о чем новом не слыхал. Возможно, слухи об отказе в приеме еще старые, и речь там не об отказе, а

об отложении дела, пока не выяснится вообще судьба всего ССП. Ходят разговоры, что Союз упразднят, будет нечто вроде общего культурно-творческого союза под управлением непосредственно из ЦК и членство там будет считаться заново, то есть сначала всех исключат, а затем начнут принимать снова[1]. Ничего не понять. После праздников постараюсь узнать точнее, хотя мне разговаривать на эти темы с ними — нож вострый. И чего тебе не вступить в горком литераторов? Ей-ей, весьма достойная организация, только что не бренчит так, как ССП.

Насчет возражений по поводу моего предложения в «Наблюдателе» — что же, возможно, ты и прав. Только надо будет поярче дать эту самую ослепительную идею, насчет спасения совести и разума народа. Туда, кстати, надобно будет включить и философов-гуманистов, и вождей восстаний. С названием «ПНвС» согласен, зайду потом и переменю везде.

Был в Ленинграде Джереми, хотел с тобой повидаться, да не смог, удивлялся бабке, с которой говорил по телефону. Север завтра будет у нас, потреплемся. Брандис прислал свою книгу, надписал «Аркадию Борисовичу». Книга ничего, старательная и во многом для меня новая. Ты ужо его поблагодари. Встреча в ЦК будет после десятого, я изо всех сил постараюсь, чтобы тебя тоже пригласили. А вот между прочим, в сегодняшней Литературке печатан отрывок из научно-фантастической повести Тендрякова. Она будет печататься в «Науке и жизни»[2]. Отрывок любопытен и показывает, как нужно писать фантастику, чтобы откликнуться на все официально-идейные запросы. Понравилась мне в нем идея: несколько миллионов людей будущего играют в гражданскую войну. Это размах.

Смотрел по случаю в ЦДЛ итальянский фильм «Мафия»[3], очень впечатляет. Нервы на волоске. А всего-то три выстрела в самом конце. Но здорово. Сейчас читаю Кафку «Судебный про-

---

[1] В начале 1963 года В. Кочетовым было предложено вместо трех творческих союзов — писателей, художников и композиторов создать единую Ассоциацию деятелей всех искусств и объявить новый прием. Председателю Союза писателей СССР К. Федину и другим лицам удалось переубедить Хрущева, и это слияние не состоялось.

[2] Тендряков В. Путешествие длиной в век // Наука и жизнь (М.).— 1963.— № 9—12.

[3] Возможно, это итал. к/ф «Человек, которого нужно уничтожить» (Un Uomo Da Bruciare, 1962) реж-в В. Орсини и братьев П. и В. Тавиани.

цесс»[1], смешно и страшно. Все-таки странный писатель, ей-ей. Суди сам, манера нарочито нереалистическая, какая-то старомодная, не то Гофман, не то Карамзин, немыслимые в жизни ситуации и герои, а более реалистического впечатления я не получал ни у Толстого, ни у Хемингуэя. Как это делается, ума не приложу.

Ну вот, пока всё. Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке.

Да, детишки очень благодарят за Дюма.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 7 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик.

Очень и очень удивлен, что ты не получил моего письма. Послано где-то в районе 1 мая. Возможно, задержалось из-за праздников, тогда ты его уже должен получить, а может быть, и что похуже. Мне вообще не нравится эта практика — посылать письма по твоему адресу. Нельзя ли организовать что-либо посолиднее? Почта, до востребования, или что-нибудь в этом роде. Предлагаю вообще переписку вести таким образом, чтобы ответ на каждое письмо отсылался не позднее чем на следующий день. Начинаем с этого вот письма. Отправляю его сегодня, 7-го, след. будет у тебя через день, скажем, 9-го, жду ответ не позже 10-го.

1. О совещании в ЦК. У меня такое мнение, что секретарь ЦК по пропаганде просто хочет ознакомиться с состоянием фантастики в СССР на материалах подведомственного ему издательства. Не забудь, что встреча эта организована по нашей инициативе, как попытка парировать возможные выпады против фантастики со стороны лиц неосведомленных и просто злоумышляющих. Вызов тебе будет организован, я вчера говорил с Жемайтисом, насчет Володи[2] надо будет поговорить. Собираются еще вызвать Женю Войскунского. Относительно того, что для пленума готовится вопрос о фантастике, как смежной форме, ничего не слыхал. Если даже это и так, опять-таки ничего страшного. Будут подняты на щит все мы.

---

[1] Так как первое русскоязычное издание «Процесса» было в томе: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи (М.: Прогресс, 1965),— можно предположить, что АН читал Кафку в английском переводе.

[2] Здесь и далее — Травинский Владилен Михайлович, писатель, сотрудник различных редакций. Владимиром его звали друзья.

2. Рад, что ты работаешь над «ПНвС». Продолжай и не трусь.

3. Я переделал «Кракена», от 86 стр. осталось 61. Доволен?

4. Пародии в «Звезде» я э...

5. Перестань киснуть. Лично он, видите ли, не верит. Как же не веришь, когда «Мечта и наука» уже печатается в Киеве, мне постоянно напоминают, что в 64 году выйдет наш сборник «Далекая Радуга» со включением «ПкБ», а М. М. Калакуцкая очень беспокоится, что мы не сдадим в срок «ПНвС»? Откуда эти панические настроения? Что за бред? Кстати, я в личной беседе с нею заверил ее, что первый вариант готов, и мы в июне представим окончательный. В смысле, создадим. А положим ее на стол в июле.

6. Статью в «Дружбе»[1] не читал. Пойду искать. Знаешь, я все горевал, что мы не имеем прессы. А ведь в действительности хороших отзывов о нас много больше, чем плохих. О нас писали (упоминали) в «Коммунисте», о нас писала Громова, Абызов и т. д. Нет, есть еще порох.

Вчера на сборе фантастов читал «Мигрантов». Всем очень понравилось. «Мигранты» и «Машина времени» идут в сборник «Фантастика 63».

Льщу себя надеждой, что в первых числах июня ты будешь валяться на нашей кровати, курить и изрекать. А я с машинкой буду раздраженно ругать тебя за твои «надо тщательно продумать».

Всё.

Целую, привет Адке и ребятам, твой Арк.

В статье в «Дружбе народов» киевский литературовед Наталья Черная анализировала советскую научную фантастику конца 1950-х — начала 1960-х гг. Об АБС было сказано следующее:

ИЗ: ЧЕРНАЯ Н. ЧЕРЕЗ БУДУЩЕЕ — О НАСТОЯЩЕМ

<...> Их манеру письма можно было бы условно назвать реализмом в фантастике.

Авторы наделяют воображаемый мир множеством реалий и подробностей. В научной фантастике такие детали особенно ценны. Именно они помогают читателю увидеть картины несуществующей, вымышленной жизни. И Стругацкие ищут и

[1] Черная Н. Через будущее — о настоящем // Дружба народов (М.).— 1963.— № 4.

находят такие живые, запоминающиеся подробности. Так, когда читатель узнает, что среди выпускников Высшей школы космогации считается позором после окончания школы работать на давно «изъезженных» лунных трассах, эта простая по существу деталь привлекает внимание, вызывает улыбку и мысль о том, что, вероятно, так оно когда-нибудь и будет. Воображаемая действительность дана Стругацкими как реально существующая, уже привычная нам, будничная, обыкновенная.

<...>

Реалистические по своей манере рассказы А. и Б. Стругацких романтичны «изнутри»: читатель находит в них романтику мужественной борьбы человека с природой, научного поиска и дерзаний, романтику самой жизни. <...>

Критика в этом году благоволит к АБС. 9 июня выходит отзыв о «Возвращении» в «Тюменской правде», где среди прочего говорится:

ИЗ: БЕЛОГОРОВ Д. ЛЮДИ XXII ВЕКА

<...> Авторы удачно нашли сюжетный ход, чтобы показать будущее коммунистическое общество глазами почти наших современников, так необыкновенно попавших в XXII век.

Что же они увидели там, у наших праправнуков, жителей коммунистического общества? Прежде всего, они встретились с людьми, которые по-настоящему счастливы, богатырями духа, для которых нет ничего невозможного. Много открытий уже совершено: люди свободно летают на любые планеты, и космолеты совершают регулярные рейсы на Венеру, которую благоустраивают и превращают во вторую Землю. И счастье людей, жителей земли XXII века, в том, что любой труд они превращают в настоящую поэзию, что в них, как и в наших современниках, живет жажда подвига, чувства их глубоки и богаты.

Читая книгу Стругацких, видишь живую картину того светлого будущего людей земли, когда все они будут жить в едином Союзе Советских коммунистических республик, когда над решением необычайно сложных и увлекательных научных проблем трудятся ученые самых различных национальностей. Трудно рассказать о всех героях книги: они появляются и исчезают, их место занимают другие. Это — как мозаика. Кусочки различных областей жизни — жизни XXII века.

<...>

В книге нет окончательной разгадки Владиславы, как нет решения и других научных, технических, космогонических проблем, о которых в ней говорится. Это и не нужно и, пожалуй, невозможно. Нельзя даже в научно-фантастической книге, какой является «Возвращение» братьев Стругацких, предусмотреть, предугадать развитие науки на два столетия вперед во всех аспектах и деталях.

Важно другое. Важно то, что Стругацкие на основе научных данных нашего века, вполне приемлемо для научной фантастики затронули целый ряд проблем будущего, приоткрыли для читателя окно в будущий светлый мир — мир научных исканий, космических путешествий, предположительный мир коммунистического бытия. <...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 12 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб,

По условию отвечаю немедленно, что и тебя делать прошу не оставить. Особых новостей нет. Вчера ездил под Москву в Кудиново, выступал там в школе, где преподает мой приятель Женя Вайсброт, наш поклонник и великий любитель фантастики вообще. Вот любопытная и поучительная ситуация. Чего может добиться один маленький невзрачный учитель астрономии, черчения и труда, горняк по профессии, рыжий и лысый, и невероятно веснушчатый, если он любит ребят, влюблен в фантастику и преклоняется перед наукой. Из ста пятидесяти школьников — сто любителей фантастики, членов Клуба любителей Фантастики, девчонок и мальчишек от шестого до одиннадцатого класса, выпускают свой журнал, строят всевозможные модели. И это при завуче, который фантастику ненавидит и считает вредной, и при всех прочих преподавателях — тупых и отягощенных бытом животных. В этом Женьке возник передо мной некий прообраз нашего учителя Тенина. Правда, знаний у него значительно меньше, и из жизненного опыта у него в основном преследования по пункту 5 и несколько дней завала в руднике, после которого он не может работать под землей. И в жизни я не видел еще таких взаимоотношений между взрослым и ребятами.

Ну вот, если тебе интересно. Не мог не поделиться.

Насчет ССП ничего узнать невозможно. Все ждут пленума 27 мая и высказываются очень неохотно. А со статьей Казан-

цева такая вещь. Моя разведка доложила мне с полной достоверностью, что он пишет. Я пошел к Толе Днепрову. Он прямо позвонил Казанцеву. «А. П., правда, что вы пишете статью, где хотите разгромить молодую фантастику?» — «Кто вам сказал?» — «Стругацкий».— «А ему кто сказал?» — «А. П., будем говорить откровенно».— «А для чего?» — «Дело том, что у меня здесь на другой трубке сидит свидетель, который слушает наш разговор. Прошу вас, скажите, правда это или нет?» — «За это не привлекают»,— сказал А. П. и повесил трубку. Затем я был у Ефремова, и он рассказал мне, что Казанцев приходил предлагать совместно написать статью, где погромить Альтова и Журавлеву. Иван Антонович отказался и напомнил ему, что он теряет достоинство, это раз, а во-вторых, сейчас время отстаивать фантастику, а не затевать сомнительные дискуссии. Казанцев был разочарован, но от мысли своей, кажется, не отказался.

А «ПНвС» пиши. Подумаешь, скучно ему. Я вот диапозитив пишу, вот где скука. Пиши, пусть будет трижды скучно, нужен скелет и затравка. И мы положим-таки на стол редакции нечто немалых размеров. Напишем отличную повесть. Еще шаг вперед. Кстати, я пока время от времени думаю про магов. Всё лезут в голову мелочи: вошел, не отбрасывая тени, начальник отдела кадров. Или Кащей Бессмертный работает швейцаром, а яйцо с его жизнью хранится в сейфе у нач. секретного делопроизводства. Магов мы напишем обязательно. Нужно только подчитать по философии современной науки.

Парнов и Емцев написали повесть «Душа мира»[1]. Сила. Мне страшно понравилось, а тебе, вероятно, не очень бы. Речь идет о дальнейшей эволюции человека.

Умницы, ребятки.

Пожалуйста, не склоняйся перед буднями жизни. Помни, до встречи меньше месяца. Наши уезжают в конце мая, и я тотчас жду тебя к себе. Раздолье иметь будем.

Сообщи, получил ли ты договор из «Знания» и «ДР».

Пока всё, жму и целую,

твой <подпись>

С Ефремовым АН тогда общался часто. БН рассказывал об этом на одном из семинаров «Интерпресскона-94». Тогда Роман

[1] Емцев М., Парнов Е. Уравнение с Бледного Нептуна. Душа Мира.— М.: Мол. гвардия, 1964.

Арбитман прочитал исследование Аркадия Данилова «Две тайны советской фантастики» о том, что Ефремов и Казанцев были некогда «подменены» другими людьми, в частности Ефремов — английским шпионом Джоном Энтони (эдакое фантасмагорическое предположение, подкрепленное «доказательствами» — юмористическое, конечно), в обсуждении которого высказался и БН:

ИЗ: ВЫСТУПЛЕНИЕ БНС НА СЕМИНАРЕ «ИНТЕРПРЕССКОНА-94»

БН: Дело в том, что я один из немногих присутствующих, который имел честь все-таки встречаться с Иваном Антоновичем. И хотя я ни в какой мере не могу называть себя его не то что другом, но даже просто близким знакомым... Я виделся с ним буквально два-три раза, провел с ним два или три вечера. Тем не менее, я составил определенное представление об этом человеке. Что же касается Аркадия Натановича, то одно время они были с Иваном Антоновичем попросту дружны семьями и виделись чуть ли не еженедельно.

<...> По тому опыту, который я имею по поводу Ивана Антоновича, я могу утверждать с вероятностью, близкой к единице, что данное исследование Аркадия Данилова пришлось бы ему по душе. Это был человек с ярко выраженным и острым чувством юмора, что, к сожалению, обратите внимание, почти не видно в его произведениях. Он относился к тому странному типу писателей, которые считают юмор, если так можно выразиться, искусством второго сорта. Произведение должно быть серьезно, считал он. Юмор — это для быта, это для беседы за столом, это для друзей, это для прекрасных женщин. Искусство возвышенно, оно находится на пьедестале, и там не должно быть места никакому смеху, естественно. И, тем не менее, чувство юмора у него было прекрасное. Он умел хохотать и любил делать так, чтобы гости и собеседники его хохотали. Всё это получалось превосходно. И, повторяю, вот это произведение ему бы очень понравилось.

Должен заметить, что, конечно, он как скрытый агент держался безукоризненно: ни одного прокола, никакого намека на проколы... Я помню, когда Аркадий Натанович, значит, высказал мнение, что Иван Антонович является пришельцем из другого мира... Мы обсуждали эту тему, но кроме, скажем так, того, что мы увидели в его произведениях, мы не нашли собст-

венно никаких не то что фактов, никаких даже логических аргументов в пользу этой гипотезы.

Ну а что касается агентства... Достаточно вспомнить такой эпизод. Я прекрасно помню: Иван Антонович однажды подарил Аркадию Натановичу свой большой письменный стол. Это было гигантское сооружение, по-моему, вот такой вот (показывает) величины. Старинное. Какого-то дорогого дерева. Не помню, с какими там силами Аркадий Натанович перенес это с квартиры Ивана Антоновича в свою квартиру... старую, причем, он еще тогда жил у тестя с тещей, но зато я присутствовал дважды при том, как этот стол разваливался, и мы собирали его. Я должен вам сказать, что никаких потайных ящиков, никаких загадочных надписей в скрытых от прямого взора местах обнаружено не было. Из всего этого я делаю вывод... Тут, повторяю, тут не дураки сидят — я думаю, что вы меня поймете... <...> Я хочу сказать фактически одно: что это был, конечно, чрезвычайно опытный разведчик. Настоящий разведчик следов не оставляет. Поэтому в известном смысле загадка Джона Энтони, я думаю, останется загадкой не только для нас, но и для наших дальних потомков. И может быть, это даже хорошо. Должно оставаться что-то такое, что будоражит воображение и заставляет нас понимать, что на самом деле мир сложнее, чем он нам иногда представляется. Вот так бы я этот вопрос сформулировал. Я был бы очень рад, если бы здесь нашелся такой человек, который вспомнил бы еще какую-нибудь загадку из нашей фантастики. Вот мне сейчас, к сожалению, мучительно вспоминается... Есть что-то? Забыл! Было что-то...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 15 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Опять пишу вне очереди. Позвонил Толя Днепров и сказал вот что.

В Триесте организуется международная выставка научно-фантастической литературы. Захарченке, известному как устроитель международного кворума (так надо полагать), пришла бумага, предлагающая участвовать советским фантастам: Ефремову, Беляеву, Стругацким, Днепрову, Казанцеву и др. Для участия заполняется анкета и посылаются по два экземпляра книг. Один на выставку, другой — издателям на растерзание. Что нужно от тебя? Свяжись с Гором и Мартыновым (это ленин-

градские др.), пусть они вышлют по два экза прямо Днепрову в «Технику Молодежи» и одновременно вышлют свои адреса, дабы прислать им анкетки. Всё нужно делать быстро. К 30 мая, сказано. В «Технике» книги запакуют в одну бандероль и отправят.

Что сделаю я? Я дам по два экза «Возвращения» и «Стажеров», анкетки заполню сам. Всё.

Целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 16 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Срочно узнай у Травинского или Дмитревского, или Зайцева — адрес Агреста и сообщи И. А. Ефремову (Москва <...>)

Целую [подпись]

Зачем Ивану Антоновичу понадобилось связаться с Агрестом — неизвестно. О самом Агресте БН рассказывал так:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 23.01.02

Думаю, был только один Агрест, занимавшийся палеоконтактом. Я ничего не знаю о нем. Одно время (самое начало 60-х) было много разговоров о его не то статье, не то брошюре, я уже не помню. Фантасты приняли ее на ура, идеологические шавки бросались на нее со злобой и ненавистью, было много шума, а потом ко всему этому гармидеру подключился еще Вячеслав (кажется) Кондратьевич Зайцев со своей гипотезой «Христос был пришельцем», шума стало еще больше, а потом Оттепель закончилась, и стало тихо.

[Мини-справка: Маттес Менделевич Агрест, который занимался и занимается палеовизитами и который работал в Арзамасе-16 с Сахаровым, проживает сейчас в Чарльстоне, штат Южная Каролина, США.— *В. Борисов.*]

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Хорошее ты прислал письмо, радостное. Андре Стиль — это сила, брат. Ну, теперь если какие-либо подонки начнут ныть и выть по политической направленности братьев Стругацких...

А нельзя ли узнать, какой номер «Юма»?[1] Да еще отыскать бы его, а? Ну, ладно. Ты попробуй узнать. Хорошо еще, что к моменту получения письма ты, видимо, освободишься от бремени семейного неустройства. А Адочка вернется или останется в Киеве? Наши уезжают двадцать девятого. Я твердо рассчитываю видеть тебя у нас не позже первого июня, имей в виду. Сма-а-а-ачно!

В награду сообщаю тебе свои отрадные новости.

1. Соколов вернул долг с превышением на десять рублей. Так и дал две пятидесятки, сказавши, что десять при случае пропьем. Я взял, мне-то что?

2. Более интересное. В центральном органе японской фантастики «Эс-Эф магадзин» (что в переводе значит «Журнал научной фантастики») в № 12 за прошлый год имеет место статья «Симпозиум по утопиям советских писателей-фантастов». Это полный перевод отчета в «Неве» о вашей там встрече за круглым столом в обрамлении в общем одобрительных рассуждений автора о советской фантастике. Приятно было прочесть по-японски твое выступление. Суторугацуки. В скобках написано: «Свое творческое кредо излагает Стругацкий, только что подвергнутый критике со стороны Мартынова. Тот, кто присутствует за этим круглым столом,— это тот Стругацкий, который астроном. Он младший брат и 33-го года рождения». Выступление твое, насколько я мог судить, приведено полностью. Но это еще не всё. Да, забыл. Автор очень часто повторяет ту мысль, что советской фантастике надлежит вылезать из детских штанишек. Не знаю, его это мысль или кого-либо из присутствовавших.

Далее. В № 2 этого же журнала за этот год помещен совершенно полный перевод «Шести спичек». В анонсе большими иероглифами набрано: «Было всего шесть спичек. Но они вымотали душу из одного смелого, талантливого ученого! Лучший из шедевров советской научной фантастики!» Затем приведена справка о нас с названиями и кратким содержанием всех наших крупных вещей до «Стажеров» включительно. Приведены наши портреты, причем подписи к ним перепутаны.

Оба журнала мне отдал Ким, они у меня, и по приезде твоем я их тебе покажу. Вот все радостные новости.

---

[1] Обзор советской фантастики А. Стиля «Gens de la Lune» опубликован в: L'Humanite (Paris).— 1963.— 11 апр.

3. Вчера был на банкете, который устроил Юра Манин по случаю защиты докторской диссертации. Двадцать шесть лет, доктор, с ума сойти. Впрочем, на банкете было скучно. Понимаешь, это математики ни хрена не пьют. Мы вдвоем с Ленкой одолели бутылку коньяку и бутылку кахетинского, а они всемером не смогли выпить двух бутылок Кахетинского и одной Токая. Манин частенько у меня бывает безо всякой с моей стороны провокации, почему он так к нам привязался — понятия не имею.

4. Встречи в ЦК ВЛКСМ не будет. Точка. Конец. Может, это и к лучшему.

5. Прикупил по случаю пятнадцать экзов «Возвращения».

6. Джереми с Мишкой Емцевым написали новую повесть — «Уравнение с бледного Нептуна». Мне она не очень чтобы. Идея — замыкание макро- и микробесконечностей. Т. е. идя в глубь материи, элементарных частиц, приходишь к метагалактике.

7. Прею над вонючим диафильмом. Трудная это работа. Дрянь получается, вряд ли примут. А вдруг? Тебе посылать не буду, приедешь — почитаешь. Впрочем, и Лева Толстой писал скверные вещи для деревенской детворы. А детворе, по слухам, нравилось. Одновременно размышляю платонически над «Магами» и над «Кракеном».

Всё. Насчет Казанцева — конечно, это были слухи. Я же свечку, как ты понимаешь, не держал.

Целую крепко, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 МАЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Бобель!

Рад за тебя. Свобода, свобода, богиня богинь. Свободным он родился, не гнул ни разу спину[1]. И солнце благоденствия воссияло над восемью углами вселенной[2]. Но делать то, что хочется делать, тебе не удастся долго. Через десять дней ты будешь здесь, на моем месте, и будешь извергать идеи и всё, что положено еще. Требую категорически и бесповоротно: чтобы утром второго июня сего года ты имел свое физическое тело в Москве. Запомнил? Второго июня. Жду, все приготовлено. Те-

---

[1] Песни из «Спартака» Р. Джованьоли в переводе Л. Френкель.

[2] Параллель — в статье АБС «Вопросы без ответов»: «Хакко-итиу! Восемь углов Вселенной — одна крыша!» Японский милитаристский девиз.

леграфируй номер поезда. Не забудь черновики. Прихвати материалы по «Магам». Второго (2-го) июня (шестого месяца) этого (э-т-о-г-о, а не того) года.

Насчет совещания ты обрадовался рано. В понедельник нас всех — наше объединение то есть — пригласил к себе директор «Мол. Гв.». Это обошлось ему в десяток бутылок газводы (все жаждали, понедельник ведь) и пяток пачек сигарет с фильтром «Новость». Он нам спокойно объявил, что совещание в ЦК ВЛКСМ будет в июне. О том, что было на встрече с директором, расскажу при встрече. В общем, приняты мы были очень благожелательно.

Диафильм — моча, это ты прав. Но я его уже сдал. Будем надеяться, что его не примут. Но вот сценарий написать по нему — гм... Ладно. Это потом.

Какой идиот ругает Германа за безыдейность? Что за чушь? Что ему не до сценариев — это я понимаю. Но! Герман — и безыдейность?

У меня на рецензии новая повесть Гора — «Уэра». Тоже не без Эоэлл[1]. Ты знаешь, мне горовская фантастика чем-то очень симпатична. Вот сейчас буду писать рецензию и попробую определить — чем. Я прочитал с интересом и любопытством. Есть, есть что-то, что-то хорошее, сильное с вот таким смыслом.

Ленка с девочками уезжает 28-го, старики — 1-го. Второго утром ты у меня. Пока всё. Но немедленно пиши, переписки не прерывай.

Целую и жму, твой Арк.

АН пишет: «Он [Мелентьев, директор «Молодой гвардии»] нам спокойно объявил, что совещание в ЦК ВЛКСМ будет в июне». Совещание действительно состоялось в первой половине июня. Но, к сожалению, вместо ожидаемой писателями-фантастами полезной, действенной встречи, вместо решения вопроса с журналом фантастики, других насущных проблем, прошла очередная культуртрегерская «накачка»... Вот как вспоминает об этом БН:

У АНа никаких записей об этом нет. Но я там тоже был, воспоминания смутные и неприятные: мы, фантасты, старые и мо-

[1] Эоэлла — персонаж романа А. Казанцева «Внуки Марса» (книга первая: «Планета бурь»), см.: Мир приключений. Кн. 7.— М.: Детская литература, 1962.— Редактор А. Стругацкий.

лодые, сидим в ампирном зальце и ждем,— распахивается огромная дверь,— все (в едином порыве) встают,— стремительно входит, в сопровождении двух молодых штурмфюреров, тощий, страшный (жуткие отеки под глазами) Лен Карпинский (тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ), и с ходу, без всякого вступления, резко, неприязненно, начинается накачка — как именно надлежит нам, фантастам, исполнять решения партии и правительства и почему наша критика капитализма недостаточно наступательна. Фантасты блеяли в ответ что-то покорно-просительное насчет журнала и нехватки издательств, благодарили за неопределенные обещания. Никаких деталей и эмоций не помню, кроме ощущения стыда и неловкости за себя и за всех. Много лет спустя мне сказали, что Карпинский был из прогрессивных и «левых» (как их тогда называли), и я, помнится, подумал: ну-ну.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 29 МАЯ 1963, М.— Л.

О! Раб Машины! Барб аль-Нат эль-Струг!

Отвечаю с некоторым запозданием, потому что только что вернулся из двухдневной командировки в Харьков, где мы — Днепров, Громова и я — выступали перед Харьковским об-вом любителей фантастики. Очень здорово было. Подробности при встрече, но наперед скажу — нас шибко знают и любят. Ну-с, сие письмо последнее, после чего жду твоей телеграммы. Поработаем до пятнадцатого в Москве, затем поедем в Л-д. Жду телеграммы с указанием вагона.

Передай Травинскому, что статью его очень ждут. Нет публицистики, а она вот как нужна. Я всех знакомых поставил на ноги, заставляю писать.

Я очень просил тебя разыскать, в каком номере «Юма» была статья Стиля. Найди, номер только требуется, понимаешь? Хотя бы за какой месяц на худой конец. Статью мечтают в «Мечте» перевести и напечатать.

Ленка с детишками уехала, Ек. Евг. и Ил. Мих.[1] уезжают утром первого. Поработаем смачно. Сма-а-а-ачно! Даешь! Наср... на начальников! На абордаж! Сарынь на кичку, а также на все, что понадобится впредь! Судя по запискам, которые я получил

[1] Ошанины Екатерина Евгеньевна и Илья Михайлович, теща и тесть АНа.

в Харькове, всем очень нравится «Попытка к бегству». Благодарят, просят еще.

Пока всё. Нынче 29-е, след. через три дня увидимся, твой Арк. Целую и пр.

АБС действительно съехались в Москве для работы над будущим ТББ. Следующие два письма — уникальны: они написаны обоими братьями и адресованы матери. Благодарим Анта Скаландиса[1] и Марию Стругацкую за возможность публикации этих писем.

ПИСЬМА АРКАДИЯ И БОРИСА МАТЕРИ, НАЧАЛО ИЮНЯ 1963, М.— Л.

Дорогая мамочка!

Пребываем в трудах, пишем новое наше, уже сорок страниц написали. Всё боимся, что не успеем. В середине месяца приедем, но к 30-му или 1-му мне придется вернуться в Москву, потому что Ленка с детишками вернется из Хосты.

Тогда я съезжу с ними в Прибалтику, поживу с ними недели две и опять вернусь и тогда опять поеду, наверное, к тебе. Мне придется работать над японскими переводами.

Живем мы ничего, регулярно, питаемся неплохо, так что не беспокойся. Ты будь осторожна, веди себя разумно, не перегружай себя разной ерундой.

Вот всё пока.

Твой любящий Арк.

Дорогая мамочка!

Как ты там? Ждешь ли нас? Мы работаем и живем неплохо. Я совсем почти поправился, остался только насморк. Арк вообще здоров как бык. Порядок дня у нас такой: встаем в 9—10 часов, завтракаем чаем с бутерами, работаем до 3х-4х, потом либо готовим обед сами, либо идем в столовую. Возвращаемся, еще часок-другой работаем, и всё. Вечером кто-нибудь приходит из ребят, или мы сами идем в гости. В общем, всё хорошо. Приедем мы к тебе под крылышко числа 17—18-го. У Аркашки стало здорово. Квартира совершенно преобразилась — линолеум,

[1] Писатель-фантаст, автор книги: Скаландис Ант. Братья Стругацкие.— М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

новая современная мебель — блеск. Я этого совершенно не ожидал и вначале даже слегка остолбенел, но теперь уж привык.

Напиши нам тоже, как здоровье и вообще. Адке передай привет, скажи, что жду ее. Впрочем, когда это письмо придет, она уже, вероятно, уедет сюда.

А эликсир я попиваю регулярно. Надо сказать, он не успел настояться — жидковат, мед осел хлопьями, но ничего! Горький, как пиво — значит, хорошо.

Крепко целую, твой Б. Стругацкий.

ПИСЬМО АРКАДИЯ И БОРИСА МАТЕРИ, 10 ИЮНЯ 1963, М.— Л.

Дорогая мамочка!

У нас всё хорошо. Жмем вовсю, стараемся закончить черновик к нашему приезду к тебе. Написано уже 57 страниц, работа идет на редкость успешно, делаем по восемь (!) страниц в день, темпы невиданные, ведь раньше нам никогда не удавалось дать больше пяти-шести. И работать интересно, потому что описывается по сути дела некоторое время из современной истории, только замаскированное под средневековье. А ты сама понимаешь, писать про свое время, да еще давать его черты в преувеличенном, концентрированном виде — это очень интересное дело. Отсюда, по-моему, и такая успешность.

Арк сердечно благодарит тебя за апельсинчик, и Боб тоже, и оба сына твоих тебя крепко целуют и обнимают, и скоро опять будут с тобой. Не обижайся, что мало пишем, ведь писать, собственно, не о чем, время проходит за столом, и мы редко-редко ходим обедать в город, а так все больше дома, голубцы, сардельки, яйца, кефир и прочее такое, в основном колбаска. Нынче вот приехала Катерина Евгеньевна с Ильей Михайловичем — у него трехдневная конференция — так вот сегодня и щец с чесночком вдоволь похлебаем для разнообразия.

Из Хосты Ленка пишет, что устроились там хорошо, еды много, но море еще холодноватое, купаются осторожно и понемногу. Но солнца много и загорают вовсю. Переписка тоже идет не шибко, так, здоровы, любим, твои жена и дети, знаешь, что с дачи обычно написать можно. Только чтобы не беспокоиться друг о друге.

Вот все наши новости.

Крепко тебя целуем, твои верные

Арк и Боб.

Вторую половину июня АБС работали в Ленинграде. На этот раз правили первый черновик ТББ. Сохранились хронология правки и подсчеты объема рукописи. Ежедневно с 20 по 27 июня перебелялась одна глава, с первой по восьмую. В чистовом же тексте ТББ — 10 глав. Тогда рукопись составляла 7,5 авторских листов. В окончательном варианте — на 1 лист больше.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 8 ИЮЛЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб. Имею сообщить:

1. Ленка прочитала ТББ и очень ругалась. В конечном счете выяснилось, что внушает отвращение Румата как личность, а также глупость авторов, их идеализм. Видимо, не совсем удалось нам показать, что Румата — человек, которого обстоятельства сломали, и что Эксперимент по сути не является средством переделки общества, а только разведкой. Еще Ленку возмущали ссылки — очень открытые — на нынешние обстоятельства.

2. Сдаю сегодня рукопись на машинку.

3. Звонила Малинина, очень возмущалась Травинским. Не может сдать третий номер из-за него. Сообщи, как там дела, либо попроси, чтобы Володька сам написал в «Знание».

4. Вчера Илья Михайлович был на совещании по идеологическим вопросам в АН СССР, делал доклад заместитель президента. Было сказано, чтобы обратили особое внимание на научно-популярную литературу, особенно на некоторых писателей, которые распространяют антинаучные знания, как, например, историю с Тунгусским метеоритом. Имен названо не было, но все поняли, кто имеется в виду.

5. Погода в Москве ужасная, боимся выезжать в Ригу, однако надо, поедем числа восьмого-десятого.

6. Прочел и я ТББ, надо сказать, мне очень понравилось. Но Рэбию придется заменить и кое-что добавить для ясности. Но это ужо.

Пока всё. Привет Адке.

Целую, твой Арк.

Напиши, успеешь застать.

О вынужденной замене Рэбии на Рэбу вспоминает БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 27.05.99

...в самом первом варианте ТББ он назывался «дон РЭБИЯ». Но Иван Антонович Ефремов, прочитав, сказал: «Эт-то уж с-

слишком! Т-такую анаграмму только ленивый не р-разгадает...» Редакторы приняли его сторону, и авторам пришлось пойти на попятный.

Традиционно Авторы давали рукописи только что законченных книг друзьям — своей «референтной группе». БН кратко резюмирует для брата мнения ленинградцев, прочитавших рукопись ТББ.

ИЗ АРХИВА. ЗАМЕЧАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ РУКОПИСИ ТББ

1. Калецкая:

А. Фашизм изображен поверхностно и нестрашно.

Б. Неясно, сколько времени прошло от пролога до романа. Ссылки в прологе на Вагу и Румату создают ложные впечатления.

В. Сцена с Оканой очень неаппетитна. Вызывает удивление то, что в дальнейшем Румата больше об Окане не думает.

2. Брускин:

А. Как всемогущие земляне за двадцать лет не могут разобраться в обстановке и найти радикальный выход?

Б. Если не могут, пусть убираются к чертям.

В. Почему земляне не стреляют? Почему Румата не перебил Рэбу и его сообщников?

Г. Неужели это так трудно: разобраться в феодальном об-ве?

3. Травинский:

А. Повесть рафинированная, для избранных.

Б. Рэба воспринимается не как агент Ордена, а как кровавый запутавшийся дурак.

В. Удар копьем противоречит намерению властей взять Румату живым.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 АВГУСТА 1963, М.— Л.

Здравствуй века, любезный брат наш!

Очень рад и доволен, что лето кончается, снова налаживается между нами нормальная связь, и вообще можно счастливо жить и работать по-прежнему, не стесняясь жарой, комарами и скверной с тобой разлукой. Описывать мой отдых не буду, по-

том при встрече. Я здоров, похудел и черен, как немытый мунгал[1]. Имел интересные знакомства с рижским литературным полусветом. Всё об этом.

В отношении ТББ согласен с тобой полностью. Травинский — балда, если ничего там не увидел, кроме пустенького исторического романа. Или врет, дразнит. Поделать там кое-что надо, и именно то, что ты пишешь: дать за спиной Руматы гигантскую массу коммунистической Земли да вдохнуть в Румату его биографию, объяснить, как и почему стал он разведчиком, чтобы это был совершенно живой человек, а не безликий сафроновский коммунар, а также выявить могущество коммунизма через размах Эксперимента. Для всего этого прежде всего следует выявить целевую установку: я хочу показать, что для Эксперимента нужны люди, менее эмоциональные, чем Румата, крушение Руматы, как разведчика, но тем самым показать, что идея Эксперимента неправильна! Т. е. что Эксперимент — антигуманистичен по отношению к самим разведчикам. Вот так. Подумай над этой идеей. Мне она представляется плодотворной, ибо вскрывает невероятную сложность и противоречивость задач, кои коммунистическое человечество ставит перед собой, а вот сейчас я понял, что имел в виду Травинский: просто идея коммунаров в Эксперименте потонула у нас в достаточно ярком и пестром обилии средневековых потребностей. След., мы правы: яркость линии Эксперимента нуждается в большом усилении.

Читали: Юра Абызов (прелесть что за человек, по духу похож на Севера, по эрудиции — на Манина в математике, что ли...) — сказал, что очень хорошо, но выпирают руссицизмы, подумать над передачей мещанского лексикона. Тут я, между прочим, с ним не согласен. Читала его жена, пришла в восторг, но это не важно. Первую главу я читал Джереми, Войскунскому, Олежке Соколову, Ариадне[2]. Все рады, всем нравится, а Женька Войскунский сразу же с пол-оборота завелся и стал рассуждать о нужности книги в защиту интеллигенции против серости. Идея серого слова и серого дела ему страшно нравит-

---

[1] «Мунгал» — архаическое произношение и написание слова «монгол»; отсылка к трилогии В. Яна.

[2] Здесь и далее — Громова Ариадна Григорьевна, писательница, переводчик, критик.

ся, и вообще всем нравится. Читала Нина Матвеевна[1], она в восторге, но сразу сказала, что о Детгизе и речи быть не может. На днях даю повесть Ефремову и Ариадне для прочтения насквозь.

О практике переделки. Настоятельно прошу и предлагаю явиться 28 августа на мой день рождения и пробыть до 1 сентября включительно, чтобы нам обсудить всё и распланировать. Очень прошу. Ты мне сейчас страшно нужен. Там обо всем договоримся.

Теперь о других делах.

1. Детгиз требует возмещения лит. убытков в связи с потерей ТББ. Требуют — и Калакуцкая, и Нина — небольшую веселую и легкую вещь для «Альманаха» (Мир Приключений) к концу ноября. Пусть два-три листа. Это придется выполнить. Видишь, опять нужен разговор.

2. Дела с альманахом «Мечта и наука» — дрянь. Строго конфиденциально. Идиоты настояли на том, чтобы верстку послали академику Семенову. Семенов сам читать не стал, а дал Арцимовичу, которому он совершенно доверяет. Арцимович прочел, пожал плечами и сказал: а при чем здесь наука? И — всё. Альманах как альманах зарубили на корню. Будет он выходить только со следующего года. В редколлегию введен Арцимович. А уже почти готовые четыре номера спешно переделываются в рядовые сборники. Мы-то ничего не теряем. «ДР» идет в первом сборнике целиком. Идут также критические статьи. Но всё равно — обидно. И большая задержка. Теперь сигнал ждать не раньше октября.

3. ССП остался как был. Сливать его не будут. Ариадна уверена, что в октябре-ноябре нас примут.

Вот и всё пока. Я бешено работаю над переводом «Пионового фонаря», сдать нужно к первому октября, выжимая до пяти страниц в день.

Целую, всем привет, твой Арк.

Да, никому про альманах пока не говори. Рассказы Варшавского по-прежнему идут в первом сборнике. А наш молодогвардейский сборник будем устраивать, когда приедет из отпуска Бела.

Всё.

---

[1] Здесь и далее — Беркова Нина Матвеевна, редактор издательства «Детская литература» (до 1963 года — Детгиз), писательница, критик.

«Первую главу я читал Джереми, Войскунскому, Олежке Соколову, Ариадне»,— пишет АН. Вероятно, читал он на встрече неформального кружка, сформировавшегося в те годы из единомышленников — любителей фантастики.

Об этом объединении (группе, кружке и т. п.) вспоминают поразному:

ИЗ: НУДЕЛЬМАН Р. ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

Как и все в нашей группе, я называл его Аркадием — это соответствовало возрасту и отношениям. То была, действительно, группа — небольшой коллектив единомышленников, сложившийся на базе общего понимания фантастики, да и общественной ситуации вообще. Таких неформальных групп в 60-е было много. Просуществовали они недолго — до чешских событий 68-го года. Наша тоже распалась тогда же. А возникла она еще до моего появления в Москве — я застал ее уже сформировавшейся, с неким планом действий. Я приехал в Москву из Ленинграда, где учился в аспирантуре, усердно читал фантастику, особенно Лема и начинающих Стругацких, и пробовал силы в переводе. Один из переводов взяла для публикации редактор тогдашнего отдела научной фантастики в издательстве «Молодая гвардия» Бела Клюева, и по приезде в Москву я отправился первым делом к ней. Выпал именно тот день, когда, как оказалось, в редакции проходил семинар фантастов, и на нем-то я впервые увидел Аркадия. Выступал Полещук, прочно забытый сегодня автор, присутствовали Гансовский, Ариадна Громова, кажется, Емцев с Парновым, кто-то еще; мне, новичку, каждый был по-своему интересен, но Аркадий оказался интересным вдвойне — как живая половинка самого интересного, как мне тогда казалось (и думается сейчас), автора,— и как человек. Он был каким-то большим, по-доброму шумным и по-доброму насмешливым, очень приятельским и очень ярким. В нем чувствовалось что-то крупное и значительное; проще говоря, в нем чувствовался талант. По-моему, Полещука ругали: рассказ, который он читал, был скучный и затянутый,— но ругали как-то по-деловому, без злости, слегка подсмеиваясь. Аркадий же, энергично обхватывая руками воздух и жмурясь улыбкой, рассказчика защищал, упирая, в основном, на его искреннюю преданность жанру. Потом Клюева заговорила о делах, и тут-то я понял, что существует некая группа и даже какие-то планы —

создать издание «Библиотеки всемирной фантастики», протолкнуть через злобно-настороженное молодогвардейское начальство «своих», сделать семинары при редакции регулярными и многое другое.

Потом семинар как-то незаметно распался на группки, и обнаружилось, что Аркадий и несколько других едут к Громовой; взяли и меня. По дороге «заскочили» в большой магазин на Краснопресненской, взяли коньяк и колбасу, прошли на Большую Грузинскую, и с тех пор так оно и пошло на долгие месяцы — встречи на семинаре или в редакции у Клюевой, возбужденные разговоры о делах и очередных планах, а затем — магазин, Большая Грузинская, допоздна у Громовой, коньяк и колбаса. Водку не пили подчеркнуто — Аркадий убедительно доказывал, что у интеллигентов ныне в моде коньяк. Громова пылко теоретизировала, Аркадий шумно витийствовал, заполняя собою весь четырехугольник между стеллажом с книгами и стеной, к которой был приткнут накрытый стол, язвительный худолицый Мирер подавал едкие реплики, улыбаясь тонкогубым, умным ртом, Файнбург (часто наезжавший из своей Перми, где он докторствовал — подумать — на кафедре марксистско-ленинской философии) пил и слегка матерился, добрый Миша Емцев просто пил, Рим Парнов (Еремеем его именовать было как-то неприлично) пил, быстро пьянея; я прислушивался, разинув рот на правах новичка. Это и была «группа». Был, правда, еще Борис Стругацкий, вторая половинка автора, он незримо присутствовал на этих коньячных бдениях, хотя и был далеко, в Ленинграде. Аркадий то и дело говорил: «А вот Борька думает... а вот Борька сказал...» — и чувствовалось, что «Борька» для него — интеллектуальный авторитет. Он вообще, слегка наигрывая, всячески подчеркивал свое уважение к «интеллектуалам», начиная со знакомых физиков и кончая теми же Громовой и Мирером. Его талант был куда более художнического, чем интеллектуального свойства, это обнаруживалось, едва он начинал что-нибудь рассказывать. Но он был и очень умный человек, в этом я позже много раз убеждался. По-моему, он здорово забавлялся, когда почтительно именовал нас с Громовой «теоретиками жанра». Впрочем, Громову он, кажется, искренне уважал — за самоотверженную преданность общему делу и пропаганду ее взглядов, не только как хозяйку дома. Мирера он уважал несомненно, это было видно.

ИЗ: БУЛЫЧЕВ К. НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ...

В большом доме у Бородинского моста жили тогда Нелли Евдокимова, впоследствии известная переводчица, и ее муж Саша Евдокимов, автор ряда статей по библиографии фантастики. Они решили создать настоящий салон — чтобы к ним приходили писатели, критики, а то и просто интеллигентные ценители фантастической литературы, и чтобы всем было интересно. Салон просуществовал некоторое время, и, по-моему, это единственный случай такого рода.

Бывал в том салоне и я. Я тогда уже поступил в аспирантуру, но о литературной деятельности и не помышлял, а если и помышлял, то шепотом.

И вот однажды туда пришли сразу несколько звезд тогдашней фантастической Москвы. И я их лицезрел.

Во-первых, в кресле сидел Аркадий Стругацкий и пил вино.

Во-вторых, напротив него в кресле сидела Ариадна Громова. А за спиной Ариадны как ее адъютанты стояли Александр Мирер и Рафа Нудельман.

Аркадий, должен вам сказать, совсем не казался главным. Царицей бала была, без всякого сомнения, Ариадна Громова, самым умным — Рафа Нудельман, самым ярким и остроумным — Александр Мирер. Я всё это понимал, и в то же время вел себя как мальчик, знающий страшный секрет, мой собственный, никому не скажу! Я-то знал, что специально для меня судьба привела в ту комнату Стругацкого и потому я ни с кем, ни о чем не намерен спорить.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 АВГУСТА 1963, М.— Л.

Дорогой Боб!

Прежде всего, о твоем приезде. На день рождения мне, сам понимаешь, с высокой горы. Как говорил Абызов, я на него облокотился. Жду тебя утром в пятницу, решено. Хотелось бы, конечно, больше, однако же ничегё не поделаешь.

О трех наших заданиях.

1. ДР доделаем, а может быть, и кое-где изменим акценты. Есть мнение, что мы испортили вещь детским столпотворением в конце. Да опять эта слюнявая ерунда на тему «дети в период реконструкции решают всё»[1]. Надо так изменить конец, вер-

[1] Перефразировка слов И. Сталина «Техника в период реконструкции решает всё» («О задачах хозяйственников»).

нее, речи и рассуждения, чтобы стало понятно: не потому детей спасают, что дети — надежда и прочее, а потому их спасают, что человек, который отказался спасти детей,— не человек. Дети — не самоцель, но этакая лакмусовая бумага на человека.

2. Насчет веселой и легкой вещи для Детгиза. Срок у нас увеличился: аж до января. Понятия не имею тоже. Но придумаем. На элементарную тему. Героизм и жизнерадостное ржание. А? Неужто не придумаем? Только не надо проблем. Напишем вещь без проблем. Как в старину. Надо только задаться такой задачей: без проблем.

3. Отработка ТББ. Тут многое. Очень многое. ТББ Громова считает лучшей нашей вещью. Она предлагает дать это в «Новый мир» без ручательства, впрочем, за успех. Я уже забил для нее место в сборнике «Фантастика 64». Бела охотно приняла. Надо исходить из этого. Но делать там надо еще много. Да об этом и поговорим. Для того и приедешь. Срок ТББ — не очень мал, но и не велик. Я вообще думаю опять схитрить: мы дадим первый вариант, он будет считаться сданным, пока рецензия, пока что, а мы тем временем будем работать. Полагаю, при таком положении у нас будет по меньшей мере полгода.

4. Пока не забыл: нет ли у тебя верстки «Попытки»? Надо будет сдавать наш сборник Беле, а у нас нет «Попытки». Нужно либо расклеивать, либо перепечатывать. Расклеивать — книги рвать жалко. Две книги, шутка сказать! И еще пока не забыл: была верстка «Фантастики 63», там наши «О странствующих и путешествующих», бывш. «Мигранты».

5. Тайну судьбы альманаха не хранить. Везде распубликовывать о низости и трусости «Знания», хотя кому до этого дело?

6. А разве Травинский еще не написал? Конечно, пусть пишет. Неужели не найдем, куда поместить? А если и не найдем? Статья нужна!

7. Рукопись «Радуги» привези непременно. Остальное есть.

8. Что будет с «Мечтой» — никто не знает.

9. «Искатель» решением ЦК сделан был отдельным журналом, но вмешалось министерство финансов, и всё осталось по-прежнему.

Насчет пристанища, видимо, плохо. Журнал фантастики опять остался розовой мечтой. Всё.

Привет всем, целую, твой Арк.

Жду письма до приезда. Сообщи, как реагируют ребята. А кстати, не привезешь ли статью Травинского?

Примерно тогда же АН пишет письмо матери.

ПИСЬМО АРКАДИЯ МАТЕРИ, 26 АВГУСТА 1963, М.—Л.

Дорогая мамочка!

Когда ты получишь это письмо, мне исполнится уже тридцать восемь лет. Вымахал парень, ничего не скажешь. А что событий произошло за эти тридцать восемь лет! Давеча читал я книгу генерала Фуллера «Вторая мировая война»[1]. Странно читать такие книги. Вот рассказывается, как немцы вошли в Чехословакию — а я тогда учился в седьмом классе. В Ливии английский генерал разгромил итальянского маршала, а я тогда учился в девятом классе. Японцы обрушились на Пирл-Харбор, а мы тогда доедали последних кошек в осажденном Ленинграде. Под Сталинградом горят горы железа, в Коралловом море, черте где японские и американские флоты гоняются друг за другом, а мы в вонючей хатенке в Ташле получаем из Военкомата призывную повестку для меня. И так далее и тому подобное. В общем, тридцать восемь лет. Много я тебе беспокойств и огорчений причинил за эти тридцать восемь лет, но льщу себя надеждой, что были у тебя от меня и минутки радости. Все-таки вырос я человек ничего, был щенком, сопляком, а потом стал в кость входить, и уже понемножку учусь сопротивляться обстоятельствам, сам создавать обстоятельства пытаюсь, то есть все-таки стал человеком, а не грязной тряпкой, и в том твоя, мамочка, большая заслуга, и я тебе за это на всю жизнь благодарен.

Прости, что долго не писал. Гоню сейчас вовсю перевод для Гослитиздата. Со временем я малость просчитался, вот и приходится сейчас делать по шесть страниц в день, чтобы поспеть к сроку и выиграть дни для свидания с Борькой. А перевод — это очень утомительно, потому что принципов художественного перевода с дальневосточных языков не создано, вот и приходится быть в некотором роде пионером в этой области. Предвижу, что, как всякого пионера, будут меня поругивать или даже бить, но линию свою держу твердо: читатель должен читать как по-русски, а ощущать как японец. А текст-то старый, пушкинских времен, тогда японцы еще понятия о европейской лите-

[1] Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический разбор.— М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

ратуре не имели, да он еще вдобавок исторический, автор описывает времена отдаленные, да всякий обиход тогдашний, да буддизм, о котором никто в Союзе представления не имеет, да мало ли всякого там. Вот и кряхчу! Однако же, думаю поспеть к сроку. Из двухсот страниц восемьдесят уже сделано. Сегодня вот только что добил восемьдесят вторую.

У нас всё благополучно! Дети, слава богу, здоровы, родители пока в Звенигороде, вернутся в начале сентября. Ленка готовит и читает, жду 30-го Борьку к себе, надо сдавать в Молодую Гвардию новую книгу и нужно договориться кое о чем.

Что же до твоей поездки на юг, то это дело хорошее. Но лучше поехать в конце сентября, когда будет прохладнее. Напиши. Когда ты собираешься, я вышлю тебе сотенку, чтобы ни в чем ты там не нуждалась. А получим аванс за новую книгу, вышлю еще.

Ну вот и всё. Расписался я зело что-то. Очень хочется к тебе, да пока это немыслимо, буду, вероятно, в ноябре, поживу у тебя, поработаю, если позволишь.

Крепко тебя целую и обнимаю,

Твой любящий сын Арк.

Ленка и дети тебя обнимают и целуют тоже.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 5 СЕНТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб!

Новостей нет особенных. Слухи расскажет И. Варшавский. Коротко говоря, в ЦК просмотрели наши сборники, им понравилось, они обязали «Знание» работать дальше и выпускать двухмесячный альманах. Что до «Искателя», то оказалось, будто за него дерутся сейчас «Комсомольская правда», «Техника — молодежи» и Днепров. Каждый дерется за себя, а не в том смысле, что отстаивают его. Толя сказал, что есть вполне отчетливые шансы, что мы будем иметь этот журнал, как орган своего литобъединения.

Доклад Севера был. Ничего нового. Только раздолбал он Гора. Когда бил Колпакова, тот обиделся и взревывал. Потом была небольшая драчка между Севером и Полещуком. Андреев был противу обыкновения трезв, однако вполне здоровым его назвать нельзя. Джереми ему ужасно сочувствует и предлагает всякие благотворительные проекты.

Я по-прежнему в трудах. Жму на всю железку, льщу себя надеждой к двадцатому все-таки закончить и сдать. Тогда догово-

римся о встрече. Кстати, у меня к тебе громадная просьба. Сними с книжки двести рублей и, когда вернется мама, передай ей от меня, скажи, это, мол, я переслал с тобой, чтобы не тратиться на почту. Ладно? А то мне не хочется говорить ей, что я в стесненных обстоятельствах. Сделай милость.

Вот всё пока. Жду писем, целую и жму, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 12 СЕНТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб!

Спасибо за богатую посылку.

Вставки твои вставил, немного подредактировал.

Статью прочитал. И все ее прочитали. Впечатления разные. Лично у меня — я не совсем удовлетворен. Сейчас могу дать себе отчет только по частным вопросам. Во-первых, нечего Володьке сверху вниз критиковать наш взгляд на коммунистическое об-во. Это уже спор, и свою точку зрения надо доказывать. Для меня (да и для тебя тоже) коммунизм — это братство интеллигенции, а не всяких там вонючих садовников. На солженицынских матренах[1] коммунизма не построишь. Во-вторых, насколько я понимаю, мы и не собирались внушить читателю ненависть к Маше Юрковской. Это он за нас домысливает нашу задачу. В-третьих, еще что-то. Я должен прочесть еще раза два, а потом отпишу подробно. Большое спасибо за деньги. Мог бы и не посылать сразу все. Да ладно. Хотя у тебя они были бы целее.

Эпизод с доной Оканой пиши. Я за. Вообще я за всё. Сейчас бешено работаю над переводом, числа двадцать второго закончу и сдам. Как там насчет перспектив поездки в Л-д? Удастся нам недельку поработать и покончить с ТББ? Пока всё. Крепко тебя целую, дружище,

твой всегда [подпись]

Привет ото всех. Кланяйся ребятам, поцелуй Адку.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил письмо с вставкой, вставка хороша. Здесь встает вопрос: а так ли необходимо нам сейчас встречаться? Вставоч-

[1] Персонаж рассказа «Матренин двор».

ный опыт показывает, что ты делаешь всё, как надо. Спешить пока некуда. Я заканчиваю перевод двадцатого и тоже могу подключиться. Только нужно распределить роли. А? И еще мама требует, чтобы я приехал в ее присутствие, иначе она обидится. Может, действительно, одолеем ТББ на расстоянии? По крайней мере, подождем до тех пор, пока вам дадут гостиницу. Помни, на нас висит «Суета вокруг дивана». Пришли, что ты об этом думаешь.

Статья Володьки. Уловил я, что мне там не понравилось. Наверное, это субъективно. Не люблю снисходительного тона. А это ужасно чувствуется в последних страницах. Всё впечатление портит. Судьба статьи такова. Я передал ее Громовой. Громова от нее в восторге, хотя и со многим не согласна, в частности с оценкой ДР. Она ее вообще презирает. Статья сейчас у Малининой. Оценка Малининой никого не должна интересовать, главный вопрос в том, как теперь, при неясном положении с альманахом, опубликовать эту статью. Видимо, ее впихнут в четвертый сборник. Будем стараться это сделать. А Громова говорит, что она добивается в «Молодой Гвардии» сборника статей о научной фантастике. Туда она тоже хочет эту статью. Но первый прицел, конечно, это четвертый сборник. К сожалению, Дубровский сейчас в отпуске, но мнение Малининой, если это кого-нибудь интересует, я узнаю и отпишу.

Сборник в «Знании» с ДР: обещают сигнал к 5 октября. Эти сроки мне до лампочки, не верю я им ни на грош. Еще меньше верил бы, если бы обещали сигнал к 13.36 пятого октября. Что касается нашего сборника в «Мол. Гв.», то я перепечатал «ПкБ», всё собрал и отнес. Больше обязательств у нас перед «Мол. Гв.» нет, разве что дать ТББ для «Фантастики 64», но это пока ждет. Дубровский терзал уже меня насчет нашего сборника в «Знании». Я сказал, но не пообещал, о ТББ. Он запылал и вскричал, что это дадут отдельной книгой. Посмотрим. Деньги из «Знания» получил. Вообще больше о моих финансах не беспокойся. Что касается моей сберкассы, то она вот: Сберкасса № <...>. А вот твою сберкассу я забыл, отпиши.

Теперь так. Льщу себя надеждой, что с работы ты удерешь. И вот почему. Как мы ни крутились, а нам придется заняться кино. При студии Довженко волею министра культуры и члена ЦК КПСС Романова создается объединение научно-фантастических фильмов. К традициям студии оно никакого отношения не имеет, не беспокойся. Руководить им будет некий Карю-

ков Михаил Федорович, который еще в 39 году пострадал за попытку наладить производство научной фантастики в кино. Дело солидное. Этот Карюков пришел ко мне от Ефремова с просьбой принять участие в работе объединения, быть одним из его создателей. Ефремов согласен быть шефом. Льготы сногсшибательные. Полное невмешательство в авторский замысел. Безредакционность. Контроль только со стороны таких людей, как Шкловский и Ефремов. Сама задача: создать такие фильмы, которые будут смотреть не менее ста миллионов людей и которые купят не менее ста зарубежных стран. Мы на этой студии будем хозяева. В случае успеха, отдают целую фабрику с присоединением Одесской студии в более далекой перспективе. В ЦК ему сказали: мы вас всем обеспечим, а вот о сценариях заботьтесь сами. Карт-бланш.

Что здесь нужно конкретно? А. Завтра мы еще раз встречаемся у Ефремова и договариваемся о формах контроля (нашего) над работой (их). Б. Им для начала, чтобы показать способности, необходимо пять-шесть сценариев. Ефремов дает к ноябрю сценарий «Туманности Андромеды». Я предложил киносборник из трех-четырех киноновелл с участием фильмов Стругацких, Днепрова, Гансовского и кого-нибудь из ленинградцев. А как со сценарием «Далекой Радуги»? И еще я задумал набросать на пробу сценарий по «Попытке к Бегству». Я его вижу.

Мы образуем худсовет этого объединения. Карюков божится, что наше мнение в переговорах с высшими будет его мнением. А здорово, ведь наш гигант, когда к нему обратились за рекомендациями, сказал: «Прежде всего Стругацкие. А об остальных подумаем». Между прочим, выяснилось, что Ефремов очень авторитетен для всех там. Суди сам, мог ли я отказаться? И смотри, если сценарий Травинского и Брускина еще не принят, надо непременно один экземпляр послать им в Киев.

Вот пока всё. Крепко целую, твой Арк,
привет всем. Жду письма.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 6 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб.

Суббота, пишу, как обещал. Дела такие:

1. Заявку на «Понедельник» сдал в Детгиз.

2. Отнес и заявку на «Хищные вещи». Бела и Жемайтис первый вариант ТББ прочитали, говорят, им не очень понравилось,

но на своем мнении не настаивали, Бела даже сказала в том смысле, что она, возможно, просто заелась. Но меня утешает то, что никто из них не увидел в вещи крамолу. Хуже вот что. Бела сейчас уезжает в отпуск и вернется только в конце месяца. Так что придется еще ждать. Впрочем, Жемайтис обещал прочитать новый вариант сразу, как только я ему дам.

3. ТББ сдал на машинку, машинистки обещают сделать в среду. В среду же сразу тебе пошлю экз.

4. В «Знании» без перемен. Наблюдал затейливую картину: как директор Айдинов бранился с Этингофом, они сваливали вину за создавшееся положение один на другого, поочередно апеллируя ко мне. Жаль, что МЫ с Малининой были единственными свидетелями. Понятно стало одно: Андреев опять наврал, и альманах закрыл своей рукой не Айдинов, а Этингоф. Но больше ничего нового нет. И платить зарплату «Знанию» теперь нечем — прибыль от альманахов не поступила, банк счет закрыл, а Киевская типография, где печатаются сборники, в порядке мести за сорванный план не дает ни сигнала, ни тиража сборников.

5. Собираюсь связаться с Ариадной, чтобы она отнесла ТББ в «Москву».

6. При сем прилагаю письмо из Одессы. Нам прислали по персональному. Ответишь от себя. Я думаю, мы, конечно, поедем. Только в ответе предложи им, чтобы послали приглашения Травинскому и Брускину, а также Илье Иосифовичу, сообщи им адреса, куда посылать. А я в своем ответе дам им адреса наших ребят. Идет?

Вот всё пока. Буду ждать твоего письма и соображений об обстановке. Привет Адке, поцелуй маме.

Целую, твой Арк.

В письме из Одессы сообщалось о следующем:

ПИСЬМО БНу С ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ, СЕНТЯБРЬ 1963

Уважаемый товарищ Б. Стругацкий!

Одесская киностудия художественных фильмов предполагает во второй половине ноября с. г. провести творческую конференцию писателей, ученых, кинематографистов страны по ряду вопросов, связанных с созданием фильмов научно-фантастического жанра.

Ориентировочная повестка дня конференции следующая:

1. Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи научной фантастики в деле коммунистического воспитания трудящихся.

2. Человеческие характеры и взаимоотношения в произведениях художественной фантастики.

3. Материал и сюжет в фантастических произведениях.

4. Советские научно-фантастические фильмы.

5. Научная фантастика в зарубежном кино.

6. Конфликт, его характер и воплощение в научно-фантастическом художественном произведении.

7. Изображение будущего в художественной фантастике.

8. Техника и технология производства фантастических фильмов.

9. Фантастические произведения и горизонты науки.

Просим Вас в ближайшее время сообщить Ваши соображения и замечания по поводу этой тематики, а также просим Вас сообщить, сможете ли Вы принять участие в этой конференции и на какую тему Вы смогли бы сделать доклад или сообщение на конференции.

Окончательную дату проведения конференции сообщим дополнительно.

Ждем Вашего письма.

С искренним уважением,

Директор Одесской киностудии художественных фильмов
В. Федоров

О первом впечатлении сотрудников «Молодой гвардии» от рукописи ТББ БН рассказывал «люденам»:

ИЗ: БЕСЕДА БНС С «ЛЮДЕНАМИ», 1993 г.

Б. Н.: Я помню, например, что в первом варианте, в самом первом чистовом варианте главы с Аратой Горбатым не было вообще. И когда мы эту повесть понесли Беле Григорьевне Клюевой, она прочитала и, надо сказать, без восторга к этой повести отнеслась. Она сказала так. «Ну, ребята, вы знаете, мне эта вещь не нравится,— сказала она.— Но я понимаю, что ее надо опубликовать. Единственное вот что, мне кажется, надо сделать,— это все-таки подпустить туда марксизма. У вас там марксизмом даже и не пахнет. Ну, что-нибудь такое вот... Ну, что-нибудь, вроде там... какое-то рабочее движение».— «Да нет там

рабочих»,— говорили мы. «Ну, крестьянское движение,— говорила она.— Надо же показать, что, так сказать, это общество само как-то к чему-то стремится, а не только привносят извне». И вот... Ну, мы, конечно, страшно... Как всегда, все замечания редактора, естественно, даже самого доброжелательного, встречаются в штыки. Нам было страшно неприятно всё это слышать. Мы пришли, шипя сквозь зубы, ругаясь. Аркадий пил водку, я пил чай. Мы были раздражены: опять, какого черта! Но вот, знаете, так — слово за слово стали прикидывать: а может, действительно... А действительно, это ведь задача — вот Емелька Пугачев победил бы, дошел бы до Петербурга или до Москвы. Или Стенька Разин... Любопытно, что было бы... И мы поняли, что это интересно. И вот так вот возникла целая глава с Аратой Горбатым, которого мы очень любили. Полюбили потом. Потом уже нам говорили: «А зачем эта глава? Ну, зачем это надо? Кому это?» Но уже так осталось. Времена были либеральные тогда. Вот это я помню.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 11 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик.

1. Насчет реакции на ТББ не огорчайся. Не видал еще ни одного произведения, о котором Бела бы сказала определенно, что оно ей нравится. Напечатают за милую душу. Тут я читаю, и у меня самого сомнения появились. Не слишком ли много бутафории? Не наивны ли описания сцен во дворце? Или я уже того?

2. Сегодня высылаю тебе на Пулково один экз.

3. Вчера говорил с Ариадной, договорились, что один экз. я передаю ей 14-го, она читает и несет в «Москву». Господи бласлави.

4. Я в Одессу уже написал, сказал, что сделаем сообщение на тему «Фантастика как метод». Черт с ними, кто-то должен им рассказать, что такое современная фантастика, а читать можно по нашему докладу, помнишь?

5. Письма Володьке из «Знания» я не видел, но могу себе представить. Постарайся объяснить ему, что самолюбие надо в данном случае отодвинуть на второй план, здесь дело важно, а если он согласится, пусть перешлет это письмо мне, и я поговорю с Малининой и компанией. У меня давно руки чешутся посбить спесь с этих паразитов, вот и удобный случай. И еще

Ариадну можно натравить на них вдобавок. Она редакторов не любит, а Малинину в особенности.

6. Попроси Володьку еще раз насчет сценария, ведь время поджимает.

7. Я сценарий написал, Днепров тоже, Джереми с Емцевым тож. Север не хочет писать, пока режиссер не прочтет оригинальный рассказ.

8. Конечно же, предлагай Одессе всех, кого захочешь. Чем больше нас будет там, тем лучше.

9. Прочитай в № 7 «Звезды» «Возвращение к горизонту»[1]. Сила! Передай Володьке мои поздравления. Как-никак это его журнал.

10. Насчет полуставки встречусь с ребятами 14-го, возможно, удастся провернуть ходатайство не от Объединения, а от Президиума ССП. Так вот лучше будет.

Пока всё. Насчет того, ехать женам с нами или нет — не знаю. А где жить там? В общем, это всё потом.

Привет всем, целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Бобка!

Надеюсь, ты уже получил бандероль. Я послал ее через канцелярию Детгиза, и Нина Матвеевна уверяет, что ее отнесли на почту в тот же день, что я написал тебе прошлое письмо.

Пусть директор твой подпишет! Пусть директор твой подпишет! Пусть директор твой подпишет! Пуссау! Куссау! Муссау! Динк! А? Если подпишет... У нас перспективы просто громадные. По получении сего письма немедленно отпиши, каково положение — в Пулкове и дома. Жду, как никогда не ждал. Немедленно пиши.

Что у нас?

А. ТББ отнес Жемайтису. Но он ленив, как мимикродон, прочитает не сразу.

Б. Передал экз. Громовой. Она прочла еще раз, восхитилась и как раз сегодня несет в «Москву». О, томленье, ожиданье, и сортирное сиденье...[2] Надо, однако, ждать.

---

[1] Повесть В. Краковского.

[2] Спародированы строки «Попутной песни» М. Глинки на слова Н. Кукольника: «Пестрота, разгул, волненье, / Ожиданье, нетерпенье...»

В. Из «Мира книг» позвонили, попросили, чтобы я написал рецензию на «Лезвие бритвы». Я написал. Отнес Ивану Антоновичу показать, ему понравилась, хотя он и упрекнул меня в некритичности. Я возразил, что рецензия эта не имеет целью облаивать его за литературные недостатки, это представление читателю его книги. По обычаю ставлю обе наши фамилии. Не трусь, «Мир книг» — это не такой журнал, который все читают.

Г. Отнес в «Знание — Сила» (по их настоятельной просьбе) «Машину времени». Пущай печатают, если хотят. Расчет на № 12.

Д. Приехал наш режиссер — будет работать с Ефремовым над сценарием «Туманности». Мы уже встречались, отдал ему сценарии для сборника короткометражек — наш, Джереми и Емцева, Толи Днепрова. Отвел его к Гансовскому, пусть снюхаются. Кстати, Север написал изумительный рассказ — «День гнева». Или я уже писал тебе об этом?

Е. Передай большой привет и искреннюю любовь Володьке. И пусть скорее присылает сценарий мне. Режиссер будет здесь еще дней десять. Я ему отдам.

Ж. Все-таки старайся настроиться на «Суету». «Крысы» от нас не уйдут при любых обстоятельствах.

З. Сочувствую Брандису в его болезнях <...>.

И. Большой привет Владимиру Ивановичу[1]. Читал в № 9 «Невы» отзыв читателя о «Возвращении»[2]? Первый отзыв на книгу, надо же!

К. Сегодня отношу исправленный сценарий на Диафильм. Поправок, собственно, никаких. Попросили только сократить на три кадра.

Л. Передай привет Илье Иосифовичу, да скажи ему, пусть пришлет свой сценарий. Или новый пусть напишет.

Засим всё. Целую тебя, брат мой, помни, жду с нетерпением ответа. Привет Адочке. Маме сейчас напишу.

Твой Арк.

Да, «Знание» родило первую фантастику: крошечный сборничек Лема «Формула Лимфатера»[3]. Купил для тебя, надеюсь увидеться, а потому слать не буду.

---

[1] Дмитревский Владимир Иванович, писатель, литературовед, критик, сотрудник редакции «Невы».

[2] Акимова А. Будущее человечно // Нева (Л.).— 1963.— № 9.

[3] Лем С. Формула Лимфатера.— М.: Знание, 1963.

«Отзыв читателя о “Возвращении”» — как читатели, так и пресса продолжали жаловать творчество АБС. Благожелательные отзывы, положительно-критические разборы, упоминания со знаком «плюс»...

ИЗ: АКИМОВА А. БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧНО

Своеобразный мир будущего создали в своих книгах писатели-фантасты братья Стругацкие. Урановая Голконда на Венере. Марс, населенный мирными мимикродонами и хищными летучими пиявками, страшная Пандора, таинственная Владислава, благоустроенная Леонида и, наконец, родная Земля, преображенная человеческим трудом,— вот «Вселенная» Стругацких.

<...>

Юмор этой веселой и остроумной книги [«Возвращения»] — полемическое оружие писателей, их ответ спорщикам и скептикам, видящим будущее как сухой и холодный, рационалистический мир, где живые человеческие чувства будут вытеснены бездушным кибернетическим разумом.

В «Возвращении», разумеется, немало кибернетики. Только нет, не сочинением поэм и симфоний заняты «киберы», а например, уборкой улиц и стрижкой газонов... Кибердворники и киберсадовники, ветврачи, пастухи, повара, они же посудомойки. Появляется и Великий КРИ — Коллектор Рассеянной Информации, счетно-логическая машина, способная даже предсказывать будущее. И что же? Это умное сложное устройство пасует перед не поддающимся программированию молодым задором, неиссякающим любопытством людей. Подлинное творчество и фантазия остаются за человеком.

Человечность мира будущего и есть, в сущности, главная тема творчества Стругацких, в том числе и повести «Возвращение». <...>

Эта светлая, оптимистическая книга глубока и серьезна по мысли. Повесть начинается встречей двух звездолетчиков со своими праправнуками на Земле и заканчивается «притчей» о встрече людей двадцать второго века со своим отдаленным потомком. Путешествие пришельцев по новой для них Земле и движет сюжет (стоило бы, кстати, сказать о некоторой разрозненности впечатлений, которые оставляет такой сюжет-обозрение, хотя он по-своему и выигрышен). Дорогая авторам идея

преемственности поколений, неразрывность звеньев бесконечной жизни человечества, осваивающего Вселенную, взята в основу повести. «Возвращение» — один из этапов развития большого замысла писателей: рисуя картины будущего, приблизить его, представить воочию духовный облик людей «полдня XXII века». Тема большая и благородная, и хорошо, что Стругацкие с каждой новой книгой пишут об этом всё более молодо, умно, талантливо.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 25 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик!

Все-таки ты не придерживай ответы, а то я уж не знал, что и подумать. Есть новости, нет новостей — пиши немедленно по получении письма. Понимаешь, как только выбиваешься из нормы — сразу возникает беспокойство.

Поздравляю нас с тобой с твоей полставкой. Это смачно, лихо, великолепно! Теперь поработаем. Я готов отбыть к тебе в любую минуту. Скорее получайте номер.

1. Об альманахе. Существование его утверждено, будет называться «НФ». Третий сборник (останки третьего номера неродившегося альманаха) спешно переделывается в первый выпуск нового «НФ». Там идет Гор, «Бунт 30 триллионов» Емцева и Парнова и другие мелочи, а также, видимо, статья Травинского. Тебя норовят сделать членом редколлегии, я не протестовал. Будешь вместе с Дмитревским представлять альманах в Л-де. Больше об «НФ» ничего конкретного сказать не могу.

2. Сведения о рецензии в «Фиксьон»[1] — любопытны. Непонятно, что имеется в виду, когда говорят о влиянии американской фантастики? Азимов считает «Шесть спичек» самым американским рассказом в сборнике «Кор серпентис». Это потому, что там такой хохмаческий конец. А в чем видит влияние «Фиксьон» — не приложу ума. «БКА», например,— какое же там влияние? Или Альтов-Журавлевская вещь — с ее восторженностью, мажорностью — где там влияние? А уж насчет уровня и тем более странно. Если уровень Брэдбери — это лестно. А если уровень какого-нибудь Блиша — это хамство.

---

[1] Видимо, рецензия на Six Matches / A. Strugatsky, B. Strugatsky; Transl. by R. Prokofieva; Designed by N. Grishin // The Heart of the Serpent.— M.: Foreign Languages Publishing House, [1962].

3. Отзыв на «Возвращение» — см. «Нева», 9, 1963, стр. 189, «Будущее человечно», научн. сотр. Акимова. Что же касается пародии в ЛГ, то не знаю, что ты называешь этапными происшествиями, но я-то хорошо знаю, что такое пошлятина и простой обывательский здоровый юмор (см. А. Блок. «Незнакомка», первое видение, строки: П е р в ы й (берет юмористический журнал): А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай...» и т. д.).

4. Относительно ТББ. Знаешь, я как-то не удивляюсь, что твоя пулковская пятерка не высказала особых восторгов. Если бы мне, например, читали десять листов машинописи до трех часов ночи, я бы чтеца просто убил, независимо от того, что он читает. И если им все-таки «вещь в общем понравилась», то это только из любви к тебе. Непременно и незамедлительно отпиши, что сказали Илья и Володька, высоси у них подробно их мнение, это мне очень важно. И еще очень важно твое собственное мнение.

Понимаешь, я здесь по случаю задаром еще раз размножил ТББ[1] и сейчас сижу и правлю машинисток, скверно работают, мерзавки. Так у меня все растет впечатление, что эта вещь какая-то неуклюжая, что ли, лишнего в ней нет с одной стороны, а с другой — впечатление громоздкости. Нет изящества, понимаешь? Или это мне кажется? Я уже одурел от нее. Не помню, писал ли тебе, что давал читать ее Северу. Этот сноб сказал, что ТББ не хватает очень малого, чтобы она встала на его полку самых любимых книг. Но это вот малое мы дать всё равно не сможем, потому что у нас другие взгляды, чем у него. Так что друзьям нравится. А я, вероятно, просто от нее утомился.

В общем, пиши незамедлительно.

Жду с нетерпением середины ноября. Поработаем. Я тоже сижу над СВД, пишу о б с т о я т е л ь с т в а, которые верно в повесть и не войдут, но стараюсь всё себе хорошо представить.

Привет всем, целую и жму, твой Арк.

Пародия в «Литературной газете» от 19 октября была такой:

---

[1] К сожалению, несмотря на неоднократную перепечатку черновика и затем чистовика, ни одной полной рукописи ТББ в архиве АБС не сохранилось. Поэтому только по воспоминаниям АБС и замечаниям в письмах можно судить об изменении текста в процессе подготовки.

Чудовище лежало на боку и вдоль его брюха тянулись три ряда мягких выростов величиной с кулак. Из выростов сочилась блестящая густая жидкость. Мбога вдруг шумно потянул носом воздух, взял на кончик пальца каплю жидкости и попробовал на язык.
— Фи! — произнес Фокин.
На всех лицах появилось одно и то же выражение.
— Мед,— произнес Мбога.
— Да ну! — удивился Комов.
Он поколебался и тоже протянул палец.
Таня и Фокин с отвращением следили за его движениями.
— Настоящий мед! — воскликнул он.— Липовый мед.
А. и Б. Стругацкие. «Возвращение»

Мчорта проснулся от чьего-то сопения. Рядом лежало тело. Мчорта толкнул его в бок.

— Эй, кто там?

Тело молчало. Серая шелковистая ткань на его спине мерно колыхалась. Мчорта просунул руку вперед и наткнулся на три ряда кнопок, точь-в-точь застежек на скафандре.

— Свой брат, космонавт.— Мчорта успокоился.— Вот так встреча! Откуда, друг? Эпсилон Эридана? Тау Кита? Ферштеен?

Тело молчало. Мчорта перевернул его и отшатнулся. Перед ним лежало чудовище, вдоль брюха которого тянулись три ряда сверкающих выростов величиной с пивную пробку. Из выростов шлепались на землю чужой планеты капли жидкости цвета крепкого чая. Мчорта повел носом, затем подставил ладонь, набрал полную пригоршню жидкости и выпил.

— Тьфу,— сказал подошедший Архиреев.

— Коньяк! — шумно выдохнул Мчорта.

— Побожись,— удивился Архиреев и тут же подставил кружку.— Точно,— сказал он, отхлебнув, потом без колебаний проглотил остальное.— Точно! Настоящий коньяк! Армянский! Минимум пять звездочек!

Тогда же АН пишет письмо матери, где радуется переходу брата на работу на полставки (больше будет возможности работать вместе), переживает по поводу трудностей БНа с жильем и оправдывается в собственной «разбросанности»: дает обосно-

вание, почему писатель помимо творчества должен заниматься другими делами.

ПИСЬМО АРКАДИЯ МАТЕРИ, 27 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогая мамочка!

Какое печальное твое письмо, я прямо расстроился. Ты не принимай всего этого так близко к сердцу. Конечно, ребятам трудно жить вот так — таскаться дважды в сутки в чертову даль, да что поделаешь! Борик писал мне, что к середине ноября дадут ему номер в гостинице, тогда и им легче будет, и я тогда сразу приеду — мы уже там условились. А поработаем-то теперь как хорошо, раз он на полставки устроен! Ты только вот не болей и не огорчайся.

Я, получив твое письмо, сразу отправился к тете Мане. Она чувствует себя хорошо, ты не беспокойся, очень похожа на тебя, тоже всё торох-торох. Мы славно посидели, попили кофейку, пришел Валентин, в общем, я у нее пробыл часа три. Конечно, с негодованием отвергал ее предположения, что это ты меня попросила сходить. Свинтус я все-таки порядочный. Когда уходил, попросил ее тебе незамедлительно написать.

Что до моей разбросанности, так ведь как же иначе? Нельзя же работать исключительно по своей линии. Все настоящие писатели и переводами занимались, и за других хлопотали, и в разных областях себя пробовали, и участвовали в общественной жизни. Вот и я тоже... участвую. Да ты не думай, это ведь все на пользу. А что я жалуюсь, что времени нет, так я этим втайне доволен, признаться. Полная жизнь и интересная. Вот так вот.

Все тебя любят и низко кланяются.

Целую крепко, любимая мамочка,

скоро увидимся,

твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 31 ОКТЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. О судьбе «Новой сигнальной». Сборник, как тебе известно, делает Киевская типография. Все они отпечатали и стали уже переплетать, но тут выяснилось, что обложки они заготовили по старому образцу — с громадным заголовком «Альма-

нах «Мечта и Наука», выпуск 1». Едва успели их остановить. Сейчас Малинина и Дубровский уехали в Киев, вернутся числу к 4-му, привезут сигнал сборника и верстку второго сборника — «Черный столб».

2. Что до «НФ», то вокруг него идет какая-то неопрятная возня страхов, взаимного недоброжелательства и открытой глупости. Статья Травинского редактируется Соколовым — Малинина гордо отказалась,— и Соколов, возможно, числа 11 приедет в Ленинград говорить и работать с Володькой. Кроме того, Малинина ненавидит Громову и всемерно тормозит ее статьи о Леме и о советской утопии. Гнусность. Заказали статью о Леме, упрашивали, торопили, Ариадна бросила дела, отказалась от поездки в Чехию — написала, и вот пожалуйста. Затем опять заказали статью об утопии — опять торопили и упрашивали и опять тормозят. Как только вернутся они из Киева, буду говорить на басах. Хочу пригрозить, что уйду из редколлегии.

3. Получил от Володьки «Черные судьбы»[1] и сценарий. «Черные судьбы» проглотил в два часа. Отлично написано. В лучших традициях прекрасных книг моей юности, пардон: помнишь — «Навстречу любви» о Лаперузе Чуковского[2], «История одного неудачника» Шпанова о Папене[3] — единственная шпановская вещь, которую можно назвать литературой без натяжек. В общем, поздравь Володьку и поблагодари. Никогда не думал, что о рабстве можно так сильно написать. Сценарий вовремя не подоспел. Придется посылать его в Киев почтой.

4. О затее Кана сообщу Дубровскому по приезде из Киева оного.

5. Пародия может считаться доброжелательной, если ей предшествует серьезная оценка вещи. А это — так, бесцветное хихиканье.

6. Я не согласен с Ильей и Сашкой[4] насчет лишнести пролога-эпилога. Во-первых, они, вероятно, читали пролог в качестве «Дорожного знака», и это могло повлиять. Во-вторых, это обрамление я не могу рассматривать иначе, чем необходимое зве-

---

[1] По-видимому, в печати книга Вл. Травинского получила заглавие «Как погибли миллионы негров» (М.: Соцэкгиз, 1963).

[2] Чуковский Н. Навстречу гибели. Повесть о плавании и смерти капитана Ла-Перуза. (Издания 1929—1936 гг.)

[3] Шпанов Н. История одного великого неудачника.— М.-Л.: Детиздат, 1936.

[4] Копылов Александр Иванович, инженер ГАО, товарищ БНа.

но, связывающее Румату «небесного» с Руматой «земным». Без него повесть теряет в привязанности к Земле. Или что-то в этом роде. А что касается нашего с тобой отношения к ТББ, то я спрашивал тебя вовсе не для того, чтобы еще раз переделывать. Просто у меня больше не осталось о ней никаких впечатлений, и я хотел узнать твои.

7. О судьбе ТББ в «Москве» ничего пока не известно. А в «Мол. Гв.» — Бела еще в отпуске, приедет к праздникам, но Сергей Жемайтис прочел и говорит, что всё в порядке. Что до нашей судьбы в ССП — не знаю. Даже о судьбе ССП не знаю. Сейчас идет колоссальная реорганизация издательств, вероятно, все этим заняты.

8. Север написал еще одну неплохую вещь — «Шесть гениев». О том, как парижская шансонетка познакомилась с пришельцами, и что из этого вышло.

9. Планы свои я рассчитываю из того, что попаду в Л-д не раньше двадцатого. Правильно ли? Хочется а) как-то закончить работу над СвД, б) дождаться тиража «Новой сигнальной» и в) запустить в дело сборник в «Мол. Гв.».

10. Я говорил с Дубровским. Наш «знаниевский» сборник будет иметь основой «ПкБ», к нему присовокупим «О странствующих» и еще два-три рассказа. Один — обработаем твой рассказик «Трудно быть богом» — помнишь? Я его привезу. Он очень в жилу пойдет, как одна возможная иллюстрация к ТББ.

11. Оно конечно, СвД будет вещь достаточно легкомысленная. Однако мне мнится другая легкомысленность — серьезная, на прочно-добротном фундаменте космических перелетов и прочего. Чтобы детишки читали и писали от волнения. Ну, об этом при встрече.

Вот пока всё.

Привет всем, целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 5 НОЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик!

Ну, как водится, во первых строках поздравляю с Великим Праздником. Передай поздравление также Адке, а равно большие приветы всем нашим друзьям.

Теперь о деле. Последние три дня я был сильно занят. Дело в том, что приезжал из своего Мурома Рафка Нудельман и привозил свою статью о творчестве Стругацких. Довел он ее опять

только до «Стажеров» и на «ПкБ» споткнулся. Хотел проверить свои взгляды на эту вещь из первоисточника. Разговаривали у Ариадны, было интересно, да ты его знаешь. Я ему вручил ТББ, взял у него статью, и мы на день разошлись. Статью я перепечатал. Вдвоем с Ленкой. В жизни не видел такого похабного почерка. Получилось 18 страниц через один интервал. Ужо привезу, почитаешь, а пока скажу только, что Володьке Травинскому до нее далековато. Конечно, они просто разными методами пользовались, Рафка дает холодный логический анализ, а Володька — эмоциональный, но все же... Так вот, вчера с трепетом отправился опять к Ариадне на встречу с Нуделем. Он давал свою оценку ТББ. Первое, что он сказал,— было: «Великолепно». Затем он объявил, что любит нас так же, как Лема. (А за день до этого, когда мы возвращались от Ариадны, он сказал, что надеется, что мы станем так же сильны, как Лем.) Затем сказал, что рад, что не писал о ТББ — только теперь понял нашу концепцию. После этого три часа продолжался спор, правы мы или нет. В конце спора он махнул рукой и объявил, что лет через триста увидим, а пока плевать ему на идеи, он видит перед собой изумительную по мощи литературу, которую ощущаешь всеми органами чувств. Критиковал он вот что: декларации — это где Румата рассуждает о роли интеллигенции (но тут же, впрочем, объявил, что для нашего читателя это позарез нужно, и пусть так остается), сцена с Оканой непонятно для чего всунута (но тут же оговорился, что она необычайно смачна), усомнился в хронологии и не стал развивать свою мысль. Потом опять начался спор на общие темы, и он сказал: «Лем умно и безжалостно разрушает все мифы нашего века, а Стругацкие слабой логикой и отличной литературой ведут защиту этих мифов». На том мы и разошлись. Сейчас он будет «несмотря ни на что» писать продолжение статьи по «ПкБ», «ДР» и «ТББ». Как видишь, создается подпольная литература о нашем творчестве.

В «Знании» и «Мол. Гв.» без перемен. Малинина не вернулась из Киева, а Бела — из отпуска. После праздников пойду по ним. В «Москве» тоже всё тихо. Зам. гл. редактора, приятель Ефремова, подался в отъезд, а предварительно запер в свой стол ТББ и не велел никому прикасаться. Так что несогласованные действия Ариадны и Ивана Антоновича помешали друг другу. Ну, будем ждать.

Толя Днепров разродился в «Искателе» повестью «Тускарора». Это ужасно.

Рецензию на Травинского в «Правде» читал, очень рад за него. А человек этот — какой-то правдист, Ариадна его не знает.

Теперь о моем приезде. В общем, очень рад, что вас, наконец, устроили. Победа над клопами, чаю, будет одержана своевременно, и у нас с тобой открытое время. Т. о. приезд мой ограничивается теперь только делами в Москве. Ты работай спокойно над рассказами, я буду здесь дожидаться исхода со сборником «Новая сигнальная» и, главное, судьбы «ТББ» в «Мол. Гв.» А пока потихоньку писать СвД. Но в самом крайнем случае приеду не позже 20-го. А если освобожусь раньше, просто дам телеграмму и приеду. Согласен?

Вот и всё пока.

Целую, твой Арк.

Статья Нудельмана о творчестве АБС сохранилась в архиве АБС. Ознакомившись с нею, понимаешь, почему АБС считали критические статьи Нудельмана о своем творчестве лучшими.

ИЗ АРХИВА. НУДЕЛЬМАН Р. ФАНТАСТИКА СТРУГАЦКИХ

Прежде всего — необходимые пояснения. Можно ли говорить о фантастике Стругацких? Почему не о фантастике вообще или о молодой фантастике хотя бы?

А может быть, ворота стоят настежь, и незачем в них ломиться? Перелистаем страницы статей и обзоров. В меру нахвалив Жюля Верна и Алексея Толстого, критик торопливой скороговоркой перечисляет: Стругацкие пишут о кибернетике... Днепров тоже пишет о кибернетике... а вот Журавлева не пишет о кибернетике... В солидных статьях ломаются копья в поисках общих определений фантастики — и непременно всей сразу.

Вопросы ставятся так, будто фантастика представляет собой некое безликое и массовидное явление, интересное в целом и неинтересное в частностях.

Методы изучения целого сведены к примитиву — сопоставление имен и выискивание сходства. Диапазон оценок поразителен: от синтеза науки и искусства до их дурного гибрида. Время от времени, когда фантастика дает научный и литературный крен: вслед за романами-справочниками и рассказами на соискание ученых степеней косяком идут слащавые сказочки и околофилософские циклы — тогда критики толпятся у накре-

нившегося борта, оживленно дискутируя: «Потонет или не потонет», торопливо стряпаются модно зауженные определения предмета: «Научные изобретения, открытия, еще не осуществленные в действительности...», «Не только и не столько завтрашняя техника, сколько завтрашний человек...». Зигзаги сложного пути насильственно распрямляются в безоблачно-ясную прямолинейность: «Фантастика опережает науку...», «Фантастика идет к литературе...».

Если бы все обстояло так просто... Но в том-то и дело, что предсказания не сбываются. Определения лопаются по швам, границы «жанра» расползаются до бесконечности, охватывая чуть ли не всю литературу.

Значит, что-то важное потеряно. Что же? «Фантастика,— говорит Шкловский,— противоречива и разнообразна. Может быть, это самый разнообразный из видов литературы».

И может быть, добавим,— и самый противоречивый. Противоречивость и есть источник ее разнообразия. Она — разнообразие в потенции. Сходство существовало лишь как мгновенный, статичный момент развития фантастики, как сходство исходных позиций: писатели «молодой смены» принадлежат общему времени — времени пересмотра оценок и поиска героев. Развитие фантастики — это выявление различий, его зигзаги порождаются скрещиваниями творческих путей, ведущих к различным целям. Вот почему поиски общих определений неминуемо приводят лишь к общим местам. Специфический «секрет» состоит в том, что и фантастики нет, как единого направления. Единство ее — это единство метода, а не жанра. Период отроческих сходств миновал. Новый этап развития начинается именно там, где отчетливо проступают различия, где возникает фантастика Стругацких, не менее отличная от фантастики Казанцева или Днепрова, чем книги Тендрякова от романов Бабаевского. Это противопоставление не искусственно — оно необходимо. Оно выражает собой зрелость фантастики, от уровня коллективной литературы поднявшейся до индивидуального видения мира.

* * *

Первая большая книга Стругацких — «Страна багровых туч» — появилась в 1958 году. Первая книга писателя — всегда своеобразная декларация идейной позиции и творческих принципов.

Говоря о «СБТ», критика сопоставляла ее с другими романами, сходными по замыслу. «По сравнению с другими,— пишут Брандис и Дмитревский,— Стругацкие с большей серьезностью подошли к описанию подготовки полета, тренировки космонавтов... и пренебрегли дешевыми приключенческими приемами». Это, правильное, в общем, наблюдение ничего не раскрывает по существу. Метод сопоставлений и поисков сходств дает явную осечку.

Книга Стругацких — заявка на будущее. Это заявка на новый стиль. Стиль, по существу,— это метод решения проблемы. Стремление к новому стилю означает вызревание новых проблем. Невозможно понять первую книгу Стругацких, не вскрыв эти качественные сдвиги. Не поняв «СБТ», нельзя понять закономерность творческого пути.

Фантастическая литература 30–40-х годов была преимущественно литературой о будущем, была социально-технической фантастикой. Сходство последних произведений А. Беляева с произведениями Владко, Долгушина, Казанцева, Немцова и др. очевидно при всем различии индивидуального почерка. В центре книги всегда — научное открытие, позже — грандиозный технический проект. Это, по существу, единственная фантастическая идея придает роману характерные признаки монороманa — железная прямолинейность композиционных конструкций, суровая логичность сюжетного движения. Умозрительная конструкция монороманa внутренне статична. В значительной мере это ощущение связано с отсутствием развития характеров. На входе и выходе книги и герои, и действительность почти тождественны. Нет ощущения, что произошли какие-то изменения, сдвиги, развитие. Из фантастики исчезает чувство времени как исторического и психологического процесса. Понятно стремление писателей к внешнему оживлению сюжета. Почти всегда это обострение достигается введением элементов классовой борьбы, упрощенной до примитивного шпионажа и диверсий. Внутренний накал книг Казанцева, Кандыбы, Мартынова («Каллисто») возникает не в столкновении сложных характеров и противоречивых мнений, а по чисто цветовому контрасту черных и белых идеологических красок.

Всё это в достаточной мере дает представление о том схематичном, унифицированном понимании будущего, которое присуще фантастике 30-х и особенно 40-х — начала 50-х годов. Но для книг этого периода характерно и прямое воплощение буду-

щего как неизменного фона действия. Внутренняя статичность, отсутствие живой, ищущей мысли сказываются в этих картинах, быть может, наиболее выразительно. Единственный метод познания будущего — метафизическая экстраполяция настоящего на завтрашний день. Отсюда — невозможность заглянуть вдаль, покорное подчинение лозунгу «ближнего прицела». Мертворожденное будущее — монументально-величественное, непогрешимо-добродетельное, лишенное мысли — не может органично определять характеры героев. Лишенное конфликтов — не может порождать столкновений характеров. Оно несовместимо с живыми людьми, допускает лишь существование ходячих схем. Поэтому оно остается безликим равнодушным фоном, своеобразной декорацией сценической площадки. Это обуславливает неизбежность общих, перечислительных, декларативных, в конце концов, статично-описательных картин будущего, которые столь характерны для фантастики 30 — начала 50-х годов.

Воображение фантаста, деформированное прессом культа личности, столь же деформированно воплощало будущее как набор иллюстраций к предвзятым схемам. Засилье космических романов в 56—57-х годах было связано не только с наступлением космической эры, с первыми запусками ракет. Такое объяснение вполне очевидно: космический этап в истории человечества со своей экономикой, психологией и моралью впервые приоткрывался в зримых очертаниях — как некая закономерность в истории, и роман о будущем в той или иной мере неизбежно превращался в роман о космической эпохе. Но объяснение это также недостаточно. Самое любопытное состоит в почти полном и одновременном исчезновении из фантастики этого самого будущего.

Космический роман почти сразу возник как роман о Приключении, и в этом подчеркнутом игнорировании социальных проблем кроется, по-видимому, еще одно объяснение его популярности у фантастов. То была первая реакция на высвобождение из-под мертвящего пресса схем. Прежние представления о будущем во многом оказались несостоятельными, догматично-умозрительными, а новые еще не улеглись в стройную картину, и в образовавшийся вакуум ринулось Его Величество Приключение.

Но в эти же годы складывается новое понимание мира. Рушится теория человека-винтика, заново открывается простой

человек во всей его сложности и неповторимости, человек — творец истории. Становится необходимым возврат от монументальности к простоте, даже будничности. Героическое переосмысляется — оно уходит в подтекст повседневности, это не снижение пафоса, а высшая, сдержанная страстность его. Непогрешимость уступает место праву на поиск, сомнение, ошибку, унылое единогласие ходячих добродетелей вытесняется многоголосием сложных морально-этических конфликтов. Грубо говоря, основной проблемой становится глубинное, мотивированное утверждение пафоса нашей жизни, ранее утверждавшегося голым лозунгом и высокой фразой. Новая эпоха заново ставит «вечные проблемы» — проблему героизма, самопожертвования и долга, взаимоотношений человека и общества, высших ценностей и принципов человеческого существования.

Смена проблем диктует смену стилей. Нарочито сужается поле зрения, пристально исследуются нравственные механизмы человеческого поведения, сложное угадывается в простом, истоки великого ищутся в малом. Появляется будничность, боязнь высоких фраз, иронический контраст ситуаций (обытовление героического).

На контрасте подтекстного пафоса и внешней будничной (и по контрасту — чуть иронически окрашенной) простоты держится новое сюжетное развитие: контрасты оборачиваются неожиданным и потому напряженным, зачастую трагедийным — ибо это порыв пафоса, извержение героизма — развитие действия. Это — глубоко мотивированная неожиданность.

Стругацкие принесли в фантастику это новое видение мира, отнесенное к будущему. Их первая книга продиктована страстным стремлением утвердить свое видение: простое, земное, даже буднично-ироническое — и в то же время сдержанно-патетическое и в высшем смысле слова человеческое.

Появление замысла «СБТ» закономерно. И в то же время замысел этот невольно и глубоко полемичен. Полемичен сам выбор маршрута. Его традиционность насмешливо и резко подчеркивает контраст новых представлений с традиционным содержанием космического, венерианского романа. На страницах книги возникает незримый и страстный спор со старыми, застывшими представлениями о будущем.

Напрасно искать это новое видение в развернутых описаниях. Голословным декларациям не под силу выразить этот сложный, подвижный и изменчивый мир. Приметы будущего

рассеяны в мимоходом брошенных фразах, в деталях тщательно выписанного быта, в оттенках человеческих отношений. Новое видение будущего — в самом духе книги, это ее пафос.

Образы героев — концентрированное выражение нового взгляда на мир. Это закономерно — в центре мира, каким его видят Стругацкие,— не дворцы из стекла и стали. Мир — на плечах человека.

Технология образа у Стругацких напоминает технологию живописного портрета. Штрих к штриху, мазок к мазку — так лепится живое лицо из тщательно и экономно отобранных деталей. Подчеркнуто-внимательно вглядываются Стругацкие в то, как человек повернулся, вздохнул, посмотрел — из штрихов складывается психологически достоверный портрет.

Так же складывается и характер. От события к событию он проясняется, приобретает новые черты, все более усложняется. Быков входит в роман смущенно и угловато. «Я — и вдруг небо! Невероятно!» Трогательно жмется к единственному знакомому человеку в экипаже «Хиуса» — к Дауге, распрямляется и словно оттаивает под дружелюбными взглядами Богдана и Крутикова, становится уверенней под испытующим взглядом Ермакова. Почти приоткрывается в полный рост, когда делает дело, которое умеет. Но и это оказывается еще недостаточным в трудном испытании. В мысленных спорах с Юрковским постигает Быков всю сложность мира, в который вошел. Тогда только он становится равным среди равных. Быков — «специалист по пустыням» — мог бы сломаться еще легче, чем сломался Юрковский после гибели Ермакова. Новый Быков не просто хочет жить, когда тащит свое полумертвое тело через лес, когда волочит за собой Дауге, заставляет идти Юрковского. Он знает, что должен жить. В эти минуты он становится межпланетником, потому что понял страсть Ермакова, надежды Краюхина, романтику Юрковского и цену жизни Спицына.

Письмо Юрковского курсанту межпланетной школы Быкову — почти ненужная сюжетная роскошь. Становление характера, самоопределение личности произошло на наших глазах — зримо и достоверно.

Так переосмысляется Приключение. История покорения Голконды становится историей воспитания чувств и мыслей, историей развития характера, судьбой человека.

И в то же время это судьба человеческих конфликтов. Истинная драматичность сюжета — не в преодолении опасности,

а в том, во имя чего преодолеваются они. Этого вопроса нет и не могло быть в прежней фантастике, где космические приключения заполняли идейную пустоту.

У Стругацких человеческие споры, возникающие уже в первой книге,— едва ли не самое главное. Главный спор, в подтексте проходящий через весь роман,— это спор Краюхина с незримым, стоящим за страницами книги противником. Для Краюхина главное в экспедиции — даже не Голконда. Главное — «Хиус». Доказательство возможностей фотонных кораблей. Победа «Хиуса» — ключ не только к Голконде, это открытый путь к планетам, это планомерное покорение Системы. Позиция Краюхина диктует: высшая храбрость — вовремя отступить. Мудрая осторожность мучительно сложна и трудна. Она труднее и сложнее не только романтической позы Юрковского, но и по человечески понятной храбрости Ермакова. Быков угадывает истинные глубины Краюхинской невозмутимости. Столкновение Быкова с Юрковским — внешнее неизбежное отражение главного идейного конфликта книги.

Споры героев принципиально важны для понимания идейной позиции Стругацких. Прежде герои космических одиссей не размышляли. Высшей их доблестью было Дело. Так в причудливо искаженном виде фантастика утверждала теорию нерассуждающего «винтика». Споры героев Стругацких — это не только и не столько споры о деле, сколько о смысле его, о том, во имя чего жить и как жить.

В споре сталкиваются не отвлеченные мысли, а живые люди во всей их сложности. Эта сложность преследует Стругацких. Чтобы выразить ее, они идут на подчеркнутое повторение парадоксальных психологических «поворотов»: Краюхин, отменяющий свои осторожные наставления Ермакову; Юрковский, восторгающийся организованным натиском «производственников» на Голконду; Быков, восхищенный «пижоном» Юрковским. Эти «повороты» углубляют не столько образы, сколько спор. Это уже не столкновение добра со злом, а — словами Стругацких — добра с добром. В противоречивости характеров кроется основа противоречивости решений: правота каждого несомненна и ограниченна, нет окончательного и непогрешимого вердикта.

В этом нет ни грана кокетливого психологического релятивизма. Это лишь отражение противоречивости изменяющегося мира. Действительность — вот кто спорит устами героев, мно-

голикая, движущаяся действительность, которая знает множество ответов на один вопрос и в развитии своем закономерно сменяет эти ответы.

Так намечается новое понимание существа идейных конфликтов будущего мира. В незавершенности спора отгадывается вечная незавершенность жизни.

Новое содержание врывается в старую форму космического романа и взрывает ее изнутри. Традиционно-приключенческий сюжет превратился в историю характера, в историю «вечной проблемы». Вот почему исчезли «прекрасные венерианки» и венерианские джунгли. Разламывание старой формы идет еще дальше. Стругацкие начинают многозначительно «таинственные» эпизоды, чтобы тут же, с размаху, обрубить их самым прозаическим объяснением — как в начале романа, как в истории потери радиоприема, истории «загадочных» ракет. Они иронически демонстрируют отказ от загадочности, таинственности, бросая на полпути нарочито подхваченные приемы прежней фантастики.

Печальные следы внутренней борьбы несет на себе и композиция романа. Она вся перекошена в сторону первой, «земной» части. И это не случайно. Здесь, на Земле,— главное для Стругацких, здесь их новый мир, в который они влюблены, который они не устают восхищенно рассматривать.

В этом глубоком противоречии форм и содержания — ключ к пониманию просчетов «СБТ». Традиционный штамп то и дело вторгается на ее страницы — начинаются слегка беллетризованные лекции о скафандрах, фотонном зеркале и т. п. фантастических вещах, появляются расплывчато обобщенные описания снаряжения корабля и сцены полета. Но подлинное свое торжество традиция празднует в последней части книги. Фейерверочные взрывы и картонные ужасы Голконды — это общее достояние прежней фантастики, ее коммунальный фонд. Он условен и безлик. Роль деталей в нем извратилась. Детали и нюансы, вроде розовой слизи, собирающейся у очага радиации,— оригинальны, но не органичны. Они уже не работают на главную мысль, их очевидная цель — создать непохожесть Венеры Стругацких на Венеру Мартынова или Владко. Возникает ощущение произвольного фантазирования в видении чужого мира. И сами герои воспринимаются уже неестественно в условной обстановке придуманного мира. Их действия стандартно-героичны, их реакции можно предугадать. Возникает

конфликт отдельных линий романа, отдельных его частей — частично продолжая друг друга, они в основном лишь сосуществуют. Дух Приключения побеждает мысль.

Космонавтика — как Приключение и космонавтика — как Экономика — это частности общей проблемы нового этапа в истории человечества. Это отдельные стороны будущего, грани нового мира с его особыми конфликтами, героями, мыслями. Узел этой проблемы в человеке будущего. Стругацкие уловили узел, но не смогли раскрыть проблему. Не нашли способа создать широкую картину будущего мира в его необычайной — коммунистической и космической — новизне. Обе частности, оторвавшись от общего, потеряли взаимную связь.

Противоречия нового содержания и старой формы, отчетливо проявившиеся в первой книге, стали источником развития творчества Стругацких. Поиск нового стиля — вот сущность и итог их сложного пути с 58 по 60 год.

Рассказы этого периода столь же отчетливо демонстрируют противоборство двух традиций. Стругацкие все еще не видят своего мира в целом, детально и точно, он — в становлении, расплывчат и хаотичен. Поэтому фон рассказов и повестей преимущественно условен и нереален. Но условный фон и живые герои взаимно исключают друг друга. Там, где побеждает «фон», герои сами становятся условными — внешние приметы нового героя уже не связаны ни с действием, ни с мыслью автора. Закономерно, что это происходит в собственно «научно-фантастических» рассказах — «Извне», «Частные предположения», «Чрезвычайное происшествие», «Шесть спичек», отчасти — «Забытый эксперимент». Научное предвидение фантаста не связано с каким-либо определенным представлением о будущем. Оно замкнуто в логическом круге причин и следствий и не способно давать цепную реакцию открытия будущего мира. Только став человеческой проблемой, фантастическая идея может открыть путь художественному познанию мира, как это было у Беляева. Но Стругацкие, подобно другим молодым фантастам, увлечены в этих рассказах самим движением мысли, их пафос — пафос очередной научно-фантастической сенсации: фантастика овладевает еще одной научной проблемой. Рассказы становятся художественно статичными, романтика будущего сползает до шаблона: чудовищные ускорения, опасности, эффектный героизм.

Одновременно возникают рассказы совершенно другого рода, такие как «Глубокий поиск», «Поражение», «Испытание СКИБР»,

«Ночь на Марсе», «Почти такие же». При желании можно и в них докопаться до н.-ф. первоосновы, можно перечислить: кибернетика, космонавтика и т. д. Важнее другое — увидеть, как переосмыслена в них роль фантастического допущения, гипотезы. Гипотеза предстает уже осуществленной. Научная первооснова — глубоко вошедшей в быт человечества. Ее уже не нужно раскрывать и «доказывать», рассказ перестает быть иллюстрацией к ней, иллюстрацией, сконструированной «под тезис» вопреки художественной логике.

Теперь перед нами — фантастическая, растворившаяся в будничной жизни, глубоко, органично и незримо определяющая сам уклад жизни, деталь действительности, а следовательно — психологию и поступки людей.

Подчеркивая эту будничность, Стругацкие намеренно и эпизодично строят рассказ. Вот эпизод из жизни колонии на Марсе, вот рядовое погружение глубоководной субмарины Китовой Охраны, вот одна из сорока семи групп, испытывающих эмбриомеханический зародыш. Эпизоды, по существу, не имеют ни начала, ни конца. Их предыстория, их продолжение угадываются где-то за рамками рассказа, в большом мире фантастических свершений. Стругацкие намеренно отказываются от панорамного осмотра своих владений. Их рассказы — случайно пробитые, узкие окна в ослепительный новый мир. Сжав историю до эпизода, время — до нескольких часов, заключив мир в узких стенах лаборатории или субмарины, фантасты усиливают звучание каждой детали, каждого штриха. Каждая деталь представительствует от лица всего мира.

Воображение Стругацких — необычайное, яркое, точное, реалистическое — превращает фантастические эпизоды в почти достоверные сцены где-то существующей действительности. В рассказах открывается своеобразие их воображения — способность видеть фантастическое в быту, в отдельных сценах, в конкретных локальных ситуациях, столь же ощутимо и пластично, как непосредственно чувственную достоверность.

Из этих эпизодов складывается более широкая, чем в первой книге, более детальная и многообразная панорама будущего. Возникают какие-то устойчивые повторяющиеся признаки будущего, образ героя — человека будущего — уточняется в различных конкретных ситуациях.

Незримо следящий за каждым эпизодом Большой Мир сообщает этим сценам не только какую-то типичность и скры-

тую в подтексте общность, но и главный признак достоверности — движение.

Движение — уже в самой незавершенности сюжетов, обрывающихся каждый раз словно на пороге главного, того, что совершится завтра. «Господин субмарин-мастер, можно завтра я опять с вами?» — спрашивает Званцева Акико. «Поищем завтра, на обратном пути»,— говорит следопыт Опанасенко. «Приходи,— зовет Валя Петров.— Может быть, пригласить Чэня?» — «Нет,— сказал Ермаков,— Чэня еще рано. Сначала сами». Этот обрыв, остановка перед завтрашним днем — внешнее выражение назревающих в мире Стругацких перемен. Еще гремит слава планетных перелетов Быкова, знаменитый Ляхов только что отправился в первую звездную, а в Школе космогации несколько мальчишек, «почти таких же» как остальные, тренируются на восьмикратных перегрузках и штудируют работы по ускорению мезонов на субсветовых скоростях. Они «почти такие же», но в них уже зреет дерзкая мечта о проверке «частных предположений» теории тяготения, утверждающих возможность звездных перелетов за несколько земных месяцев вместо сотен земных лет. «Почти такие же» уже несут в дни Быкова и Ляхова мечту о новом звездоплавании, из них вырастут герои нового времени, которое они сами создают — времени Горбовского и Валькенштейна из «Возвращения».

Так в фантастическом мире намечается движение от будущего настоящего к будущему будущему. С отдалением будущего от настоящего мир этот обретает свою хронологию, свою историю. Покорение Венеры где-то в прошлом у героев новых рассказов. Их время — время обжитого Марса, освоенной Венеры, станций у Юпитера.

Появляются возможность и желание вернуться к старым героям, к их будущему, контуры которого, намеченные в мечтах Краюхина, теперь очерчены уверенно и четко в рассказах. Вернуться, чтобы вскрыть еще неиспользованные сюжетные и проблемные возможности.

Вторая встреча с Быковым, теперь уже командиром «Тахмасиба», и его друзьями происходит в повести «Путь на Амальтею». Повесть возникает на скрещении двух линий поиска Стругацких — в фантастике «научной» и «бытовой». Она — своеобразный итог поиска, своего рода антитеза к «СБТ». Может быть, в этом внутреннем споре, который Стругацкие ведут со своей первой книгой,— еще одна причина возвращения к ее героям. От-

талкиваясь от найденного в рассказах, Стругацкие создают мир в космическую эпоху с помощью излюбленного приема — через типичную, крохотную его частицу — научную станцию на Амальтее, спутнике Юпитера. Для людей, собравшихся здесь, уже немыслимо давешнее восклицание Быкова: «Я — и вдруг небо!» Небо стало обжитым, космос вошел в быт, мысль людей движется в иных масштабах и категориях. Их будничная работа — изучение Юпитера — кажется им такой же рядовой, как Быкову — его рейс на «Тахмасибе» с продовольствием для станции.

Давнишнее Приключение стало лишь одной из сторон этого незаметно героического быта. Недаром повесть открывается прологом «Амальтея. Джей-станция» — именно он задает тональность книги. Мысль о задыхающейся от голода станции ведет повествование. Поэтому так неожиданно в историю катастрофы «Тахмасиба» вдруг врезана сценка на Амальтее — очевидный, кажущийся чем-то исключительным героизм Быкова становится рядовым, хотя и не менее ярким, на фоне повседневного будничного героизма работников Амальтеи. Приключение перерастает в романтику непрерывной борьбы с природой, идущей во всем Большом мире, героизм укрупняется до морального закона эпохи. Напряженная внутренняя красота нового мира утверждается в главном — в человеке и его труде. Поэтому не умилительной картинкой, а естественным завершением еще одного трудового и трудного дня выглядит рапорт Быкова директору станции.

Совершенно переакцентирована научная линия повести. Легко можно представить себе повесть или рассказ, заданный фантастической гипотезой о строении внутренних слоев Юпитера, сюжетом которого была бы та же история «Тахмасиба». Это была бы искусственно сконструированная иллюстрация гипотезы. В повести Стругацких научный (фантастический) элемент упрятан в толщу происходящего. Где-то в гуще событий звучит диалог Крутикова и Дауге: «Если верна общепринятая теория строения Юпитера, мы не сгорим».— «Какую теорию ты считаешь общепринятой?» — «Теорию Кангрена».

И в самом конце книги: «Быков отнял руку и сказал: “Товарищ Кангрен, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл”».

Что-то от шутливого поддразнивания читателя есть в этой впервые на последней странице произнесенной фамилии директора станции: «Смотри-ка, тот самый Кангрен! Ты думал — теория Кангрена это обычный придуманный термин, фантастика. А он и «в самом деле» существует, Кангрен».

Но за этим скрывается и более серьезная мысль. То, что Быков сделал сейчас для Кангрена и его станции, оказалось возможным потому, что Кангрен создал свою теорию — для Быкова и его друзей. Они связаны незримыми нитями общего дела, каждый из них — солдат на своем — самом важном для него и для дела — посту, каждый — создатель великой героической летописи своих дней.

В «Пути на Амальтею» намечаются уже основные элементы нового, индивидуального стиля Стругацких.

И в то же время в чем-то она — остановка в пути. Мир Стругацких, обретая движение, историю, обретает и черты художественной реальности, начинает подчиняться внутренним законам саморазвития. Действительность будущего не исчерпывается уже повторениями. Между тем герои «Пути на Амальтею» повторяют себя. Их мир повзрослел — они не изменились. Та же расстановка героев, тот же — приглушенный — спор Быкова и Юрковского, вторично решаемый в том же плане, что в первой книге — это топтание на месте, повторение уже открытого, просчеты содержания.

Неудача «Амальтеи» — предвестник нового возвращения к героям — в «Стажерах».

«Стажеры» рождаются на совершенно новой постановке проблем будущего мира. Но прежде чем могло возникнуть это новое понимание проблем, видение более глубоких конфликтов, должен был стать реальностью сам новый мир. Так возникает «Возвращение», книга с многозначительным подзаголовком «Полдень. XXII век».

Стиль Стругацких получает в ней законченное воплощение. Их видение мира находит свое полное и чистое выражение.

Эпизодический пунктир рассказов перерастает в «Возвращении» в хронику жизни целого поколения. Произошло исподволь подготовлявшееся: казавшиеся отдельными эпизоды оказались заготовками большой вещи, кусками своеобразной летописи эпохи. Еще в рассказах у Стругацких появляются переклички имен, событий, примет эпохи. Валька Петров из «Почти таких же» становится героем «Частных предположений», предыстория полета Быкова-младшего, упомянутого в «Частных предположениях»,— содержание «Испытания СКИБР». В этой перекличке уже намечается историческая последовательность, внутренние связи, присущие какому-то почти реально существующему целому. Этим целым оказывается мир «Возвра-

шения». Подобно Грину, создавшему точную, выверенную перекрестными ссылками, географию своей страны, Стругацкие создают реалистически достоверный мир будущего на скрещениях судеб одних и тех же героев, на воспоминаниях и упоминаниях разных людей об одних и тех же событиях прошлого и настоящего, на общих технических и научных приметах времени. Развернутый в ширину, в пространстве, этот мир обретает необходимую для жизненности глубину в своей хронологии. Психологическая убедительность этой хроногеометрии неотразима.

Как и у Грина, у Стругацких — это открытие-прозрение влюбленного. Для большинства фантастов перенесение действия в будущее оборачивается чистой условностью. Будущее — только фон их книг и рассказов. Они не нуждаются в особой достоверности фона, стремясь к максимальной достоверности развития мысли, к логической точности причинно-следственной цепи. Каждый роман Лема, каждая книга Уэллса происходят в своем, определенном времени, а еще точнее — вообще вне его. Даже там, где появляются циклы, они держатся стержнем общей мысли, общей идеи (такова трилогия Ж. Верна, «Звездные дневники» Лема, «Марсианские хроники» Брэдбери).

Будущее для Стругацких — главный герой их книг. Они видят его отчетливо как нечто устойчивое в воображении — поэтому их рассказы, даже когда в них не обозначено время, невольно соотносятся в воображении читателя с миром других, локализованных во времени рассказов. Поэтому время в творчестве Стругацких — органически необходимый компонент. Более того — время отделяет не только будущее от сегодняшнего дня, но и один рассказ-событие от другого. И это позволяет ощутить само движение времени, его реальное существование. Будущее у Стругацких — менее всего условный фон неких открытий, а осуществленное время, некий временной факт.

Когда временные интервалы отчетливо подчеркнуты тщательно расставленными и свершенными фактами разных книг, хроника приобретает подлинность летописи реальных событий. Когда герои одних книг становятся чем-то реально существовавшим в прошлом других, мир получает память, прошлое и будущее. Возникает ощущение бесконечной дороги, идущей от нас к отдаленным потомкам нашим и в то же время будущее становится чем-то необыкновенно близким, детально знакомым, обжитым, населенным знакомыми людьми. Мы приобщаемся к романтическому пафосу человеческих деяний, образу-

ющих нить веков, и кажется, будто свершилась затаенная мечта: мы узнали, что будет после нас.

Многозначительно начало «Возвращения», давшее название роману, на искалеченном звездолете «Таймыр» на Землю 22-го века возвращаются космонавты, родившиеся в 20-м, сверстники Быкова и Юрковского. Это образует тот непрерывный переход, по которому воображение из мира «Хиуса» и «Тахмасиба» устремляется в мир Горбовского. Непрерывность эта обеспечивает психологическое единство восприятия — основу ощущения хронологической цельности нового мира. Исключается раздражающая, рвущая непрерывность времени «переброска» современника в будущее с помощью летаргического сна и аналогичных затасканных приемов. Мир, воспринимаемый впервые, кажется еще поверхностно упрощенным, таким, как его воспринимают дети. В этом месте в рассказ о людях с «Таймыра» вклинивается история отважной четверки обитателей 18-й комнаты Анъюдинской школы. Новый мир впервые предстает перед нами таким, как его видят они, выросшие в нем, но еще не видящие всей его глубины и сложности. Это мир грандиозных и героических дел, в которые им не терпится тотчас окунуться. И рядом — мудрая и осторожная рука Тенина, учителя четверки, раскрывающая перед ними увлекательность менее громких, но не менее интересных дел на Земле.

И лишь теперь, увидев контуры этого мира, мы вместе с Кондратьевым, штурманом «Таймыра», впервые воочию видим его.

Мир начинается с дорог. Это символично — он открыт настежь, он весь в пути.

Мир покоится на технических китах. Рассказы «Самодвижущихся дорог» — это рассказы о быте, техническом, рабочем быте мира, о его повседневном, примелькавшемся чуде, увиденном заново.

С техникой у Стругацких особые счеты. Они остроумно, весело и откровенно очеловечивают ее. В этом последовательном техническом антропоморфизме скрыта глубокая мысль. Такая техника, как кибердворник, не может устроить «бунт машин» — это было бы смешно. Такая неуклюжая вещь, как универсальная кухонная машина, не может поработить человека — это было бы нелепо. Человек будущего свободен от гнета вещей, от суеверного преклонения перед сложнейшей техникой — он их господин и слегка подшучивает над своими умными созданиями.

Очеловечивание машин создает ироническое отрицание техницизма в фантастике, полемическое утверждение человека прежде всего, везде и во всем.

В то же время мир, населенный этими забавными роботами, не отпугивает непонятностью сверхсложных конструкций, кажется уютным, домашним, простым — человечьим.

Он действительно прост. Запросто входят в дом незнакомые люди, узнав, что здесь человеку нужна помощь, и так просто, дружелюбно предлагают ее, что это выглядит чем-то естественным — нормой поведения. Просто встречаются незнакомые люди и минуту спустя уже кажутся старыми друзьями. Откровенно делятся мыслями, сомнениями, радостью. Просто возвращаются из звездного полета, чтобы, с тоской глядя на кушетку, спросить: «Можно, я лягу?» и так же просто встают, чтобы отправиться на штурм Венеры. Простота и естественность — некое внутреннее органическое свойство нового мира. Он не терпит красивых и высоких фраз, звонких и пустых речей, разговоров о долге, о самопожертвовании.

Он удивительно сложен, этот простой мир. И глава о сложности мира называется «Люди, люди...».

Его сложность — это и сложность человеческой души, неслыханно обогатившейся, раскрывшейся, но вечно неуспокоенной, и противоречивость человеческих стремлений и столкновения различных пониманий жизни, главного в ней.

Но главная сложность этого мира — это мысли людей, это их поиски, смятения чувств и их возвышенное кипение, их страдания, гнев, боль, радость, любовь — и всегда и во всем необыкновенное жизнеутверждающее ощущение мира. Различны люди — различны их мысли и чувства. «Томление духа» Поля Гнедых, у которого в голове лишь звенящая пустота и какой-то идиотский голос твердит: «Извлечем из чего-нибудь квадратный корень...» — и скорбное молчание охотника Харина перед черепом разумного существа, первого и единственного, встреченного человеком в Космосе и по нелепой случайности погибшего от Харинской пули, нетерпеливый героизм Сидорова — и мудрое бесстрашие Горбовского, и их неизбежный спор, спор двух людей, равно преданных своему делу, но разно понимающих жизнь. Всё это — случайные страницы жизни, но на каждой из них — спор, спор, спор. Великий, нескончаемый спор о том, как жить, как понять свой мир, как найти свое место и свое главное дело.

Люди, разные люди, но нет среди них равнодушных, душевно сытых, успокоившихся. Их споры не окончены — прерваны делом, бегущим временем, которое задает новые вопросы. Их споры не окончены, потому что сами они — в поиске, потому что их мир спорит с собой, отрицая себя, вчерашнего, во имя завтрашнего себя.

Завтрашний мир уже проступает в сегодняшнем контурами грандиозных экспериментов, надвигающихся проблем, дальних горизонтов науки.

Он входит, завтрашний день, резко, контрастно, тревожно-зовуще в успокоенный на миг, задыхающийся от счастья сегодняшний мир. Поэтому глава о нем называется иронически: «Благоустроенная планета» — это название одного из рассказов как нельзя кстати оказалось там, где речь зашла о дерзком, беспокойном поиске, рвущемся из сегодняшнего благополучия. Поэтому глава начинается рассказом о полноте жизни, о беспокойном счастье, погоне за вечной мечтой.

Здесь познается движение этого мира, и в самой грандиозности стоящих перед ним задач — исполинский размах его свершений. Проблема этих рассказов — на самых пределах сегодняшних наших знаний: Великое Кодирование человеческого мозга, расшифровка рассеянных следов информации прошлого, поиск взаимопроникающих пространств и, наконец, первый в истории человечества контакт с миром разумных существ. Но уже и на этих пределах вырастают еще более далекие цели, еще более величественные перспективы — полумифический человек из будущего с подчеркнуто обыкновенным именем «Петр Петрович» приотдергивает завесу времени — «смотрите, какими вы будете».

Притча словно подводит итог. Она, конечно, излишня. Объяснения не нужны этому живому и сложному миру. Он не подводит итогов, он перешагивает за их черту.

Так новое видение будущего, впервые и робко провозглашенное еще в «СБТ», кульминирует в «Возвращении» в картинах прекрасного и величественного мира, где люди подлинно и впервые свободны — свободны творить добро, свободны быть благородными, свободны следовать безошибочным движениям души. Воинствующий гуманизм этого мира обращен против всякого порабощения человека — несправедливостью, ложью, грязью быта и догмами навязанных схем.

В мире этом Стругацких подстерегала опасность — сделать его слишком прекрасным и слишком величественным, потерять в нем живого человека и живую жизнь.

Но особое, иронически-веселое понимание сложности жизни, в высшей степени присущее Стругацким и создающее неповторимо-привлекательную окраску их стиля, пронизало собой этот мир и оживило его. Исполинский повседневный труд человечества, грандиозность событий, опасности — всё это ушло в подтекст, стало дальним планом происходящего. На переднем плане — подвиг-будни, готовый в любую минуту кульминировать в подвиг-событие. Дальний план служит своеобразным психологическим, романтическим подтекстом жизни, он создает высокую приподнятость, предощущение подвига. Но без переднего плана с его отепляющими, снижающими пафос озорными, насмешливыми, ироническими тонами дальний был бы вымученно-героичен, как у Ефремова, или ложно-патетичен, как у Альтова; в любом случае, он был бы декларативен. Эта двуслойность мира пронизывает образ каждого героя, придавая им жизненную правдивость: в подлинной жизни подлинное и великое скрыто в простом и малом.

Этот, новый в фантастике, путь создания живого человеческого образа до сих пор неправильно понимается и оценивается критикой. «Запорожцами в космосе» назвал сердитый критик молодых и насмешливых смерть-планетчиков из «Стажеров». Критик разгневан шутливым жаргоном научных лабораторий, подобно Ильф-Петровскому персонажу, хмуро вопрошавшему: «Что это за смешки в реконструктивный период? Над чем смеетесь? Над собой смеетесь!» Гнев его проистекает от предвзятых схем, с которыми он подходит — нет, даже не к завтрашней, а уже к сегодняшней жизни.

«Возвращение» — это гимн человеку, земному, простому, великому, вдохновенной радости свободного мира, прекрасному будущему свободного человечества.

Как всякий гимн — немного восторженный и обобщенный.

Обобщенность — в бесконечной размноженности, по существу, одного героя. Собранный из Горбовского, Кондратьева, Сидорова и многих других персонажей образ человека будущего — действительно живой и полнокровный образ, но повторяемый многократно он вызывает ощущение однообразия — Горбовский в чем-то повторяет Юрковского и Быкова, но Горбовскому повезло больше других, другим героям негде развернуться

в тесной клетке мозаики эпизодов. Они статичны и, может быть, именно поэтому так похожи. То, что было достаточным в рассказах, где только намечались черты человека будущего, стало ограниченностью в том сложном мире, каким должен был бы быть мир «Возвращения». Сложный, движущийся и непрерывно изменяющийся мир требует сложного, непрерывно развивающегося образа и характера.

Восторженность сквозит в том внешнем, по существу, характере конфликтов, которые намечены в романе, в молчаливом ощущении каких-то центральных, основных конфликтов времени, и прежде всего непрерывной борьбы за становление и обновление человеческой души. В спорах «В» сталкиваются разные люди и разные мысли, но споры их не меняют, не заставляют задуматься, они расходятся — каждый со своим, как это было уже в «СБТ», «ПнА».

Отсутствие главных, определяющих конфликтов эпохи удачно маскируется мозаичностью формы, а может быть, эта мозаичность даже вызвана этим отсутствием.

Можно сказать, что, едва разрешив противоречие нового содержания и традиционной формы, Стругацкие оказались перед новым противоречием — угаданный в воображении сложный мир выдвигал свои глубинные проблемы, не умещавшиеся в мозаичной, хроникальной форме повествования. Но дело не только и не столько в форме. Стиль определял неизбежность поверхностного — в сравнении с истинной глубиной мира — раскрытия его. Вызревали новые проблемы и требовали нового стиля, нового метода их постановки и решения.

В «Стажерах» намечается новый круг тем фантастики Стругацких. Это, по существу, старая тема становления характера, но звучание ее теперь изменилось. Тема переосмысляется, как воспитание в человеке человека, борьба за человеческую душу. Эта борьба понимается теперь как главное условие возможности осуществления мира «Возвращения», как главное содержание исторического переходного этапа к коммунистическому обществу 22-го века. Тема из узко-психологической стала исторической и социальной. В этом выразилось новое, более сложное понимание будущего и путей к нему. Понятно возвращение назад по хронологической лестнице, ко времени Быкова, Юрковского и их смены — инженера Ивана Жилина, стажера Юры Бородина. Соответственно новому, углубленному пониманию задачи, основная тема «С» сразу ставится на широ-

ком фоне, ей сразу задается социальное звучание. Оно задается заставкой повести, внешне не связанной с сюжетным развитием событий, но в действительности определяющей ее внутренний идейный лейтмотив.

Заставка — это спор Дауге и бывшей его жены, Марии Юрковской. Спор о том, как жить. Но теперь против Дауге выступает не друг, не соратник, а откровенно мещанское мировоззрение.

Вынесенная в композиционный эпиграф декларация нового, социалистического мещанина звучит как главная угроза, ожидающая человечество в случае поражения в битве за души растущих поколений.

Повесть сделана еще в прежнем, хроникальном стиле Стругацких. Внешнее сюжетное движение следует перипетиям полета генерального инспектора Юрковского по станциям Солнечной системы. Один за другим проходят эпизоды, сцены, лица — международный ракетодром Мирза-Чарле, Марс — будни астрофизиков, облава на «летающих пиявок», находка следов Пришельцев (Стругацкие, словно по инерции, продолжают прочерчивать новые линии связей и перекличек с «Ночью на Марсе», со следопытами «Возвращения»), Эйномия — полигон для изучения гравитационных волн, Бамберга — последние, жалкие могикане частнособственнического сектора — и дальше, дальше.

Но, как это обычно бывает, в непременной еще оболочке прежнего стиля уже вызревает новый. И в действительности не внешний ход событий ведет сюжет и организует хронику в единое целое. Теперь это делает внутреннее движение главной мысли. Путешествие генерального инспектора оборачивается странствием в поисках главной истины времени, путешествием к Оракулу Священной Бутылки.

Поиски истины начинаются сразу же, в первой встрече Бородина и Жилина в кафе у старого Джойса, «свободного предпринимателя», умного и убежденного защитника теории личного обогащения. Это другая, грубо-фактическая сторона индивидуализма, утонченно-эстетский вариант которого исповедует и проповедует Мария Юрковская. Что может противопоставить им стажер Бородин? «Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать. И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека — это красиво умереть». Не очень глубоко и не очень умно, хотя и мужественно, если за такими словами стоит честная готовность — у стажера она есть.

По существу, это позиция Юрковского. Есть в ней что-то от рецидивов индивидуализма, теории «героя-одиночки, энтузиаста-мечтателя», с которой Юрковский прошел по «СБТ» и «ПнА». И если порыться еще глубже, фраза Бородина напоминает лозунги, призывающие «животы положить», «погибнуть, но дело сделать», «любой ценой».

Так погибает Юрковский — мужественно, прекрасно, на посту.

Но самое сложное в истории Юрковского,— в словах Жилина: «В наше время история жестко объявила Юрковским: «Баста. Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни». Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, там кончается жизнь простая и начинается сложная».

История откровенно говорит с Юрковским, и в последний свой рейс он идет не геологом-первооткрывателем, а довольно бестолковым администратором, беспомощным генеральным инспектором МУКСа. Идет грузный, обрюзгший, в роскошном халате, способный на личную храбрость, на самопожертвование, но неспособный понять сложность нового времени.

Спор, начатый в «СБТ» и нерешенный в «ПнА», в «Стажерах» решает жизнь.

Где же все-таки истина? Что противопоставить реальной угрозе омещанивания душ?

Может быть, Быков? Быков знает цену человеческой жизни, он мудро осторожен. В нужную минуту Быков может быть решительно смел, но где эта нужная минута Быкова? Она в прошлом. Быков проходит по жизни величественный, монументальный и, если вглядеться,— чуточку стороной, немного равнодушно. У него свое дело, и главное для него — делать свое дело, и пусть другие также делают свое. Быков застыл, он не меняется, а жизнь идет вперед. И «жизнь заставляет Жилина, который целиком согласен с железной линией Быкова, сочинять сказочку о гигантской флюктуации, чтобы хоть так выразить свой протест против самой непоколебимости этой линии».

Скоро жизнь объявит свое «баста» и Быковым, чья непоколебимость незаметно превращается в чувство непогрешимости, в душевную черствость, неумение замечать, понимать и доверять «движениям души своего ближнего».

Внутренний спор развивается в контрастных сопоставлениях: Мирза-Чарле — марсианская колония, Эйномия — Бамберга. Прекрасные люди, чистые и хорошие люди живут и работают на Марсе и Эйномии, но как же незащищены они от равнодушия Джойса, от честолюбивых интриг Шершня и Кравца! Мысли, мысли о цели своего дела, о месте его в судьбах мира, о самих этих судьбах — вот чего не хватает этим прекрасным людям, исповедующим культ Дела. Прекрасны героические будни созидания нового мира, радостна и полна жизнь людей, освобожденных от страха старости, от забот о желудке — но как легко уйти в эти будни и перестать видеть Большой Мир и Большое Дело, как просто полнота превращается в односторонность, а потом — в самоцель, как у Юрковского.

Не гибелью Юрковского кончается книга. Ведь жизнь идет вперед. Быков пойдет в новый рейс — к Трансплутону. А Жилин — первый думающий герой Стругацких — Жилин, герой Юпитера, космонавт с десятилетним стажем, останется на Земле. Он остается, чтобы растить людей. «Главное — на Земле. Главное всегда остается на Земле».

Это — не парадокс. Это закономерное завершение спора. Определение главного узла эпохи, ее главной проблемы.

Впервые у Стругацких «в спорах родилась истина». Раньше они рождались «попарно». Это было первое приближение к сложности действительности. Теперь свершилось приближение второго порядка.

Не потому ли так современно и остро звучат «Стажеры»? «Главное — на Земле». Случайно ли сегодняшнее звучание этих слов, только ли о будущем говорит фантастика?

Эти вопросы очень важны для понимания фантастики Стругацких, но для ответа на них необходимо глубже заглянуть в природу фантастики вообще.

До сих пор в определениях фантастики бытует полный разнобой. БСЭ, например, определяет предмет фантастики как «изобретение, открытие, еще не осуществленное в действительности». Это определение, восходящее к Ж. Верну и справедливое для многих книг, сделанных в его традиции, совершенно не объясняет сущности фантастики Лема, Брэдбери. И разве в «Машине времени» Уэллса предмет изображения — машина времени? Иные критики считают предметом фантастики «не только и не столько завтрашнюю науку и технику, сколько завтрашнего человека». Но как подогнать под это определение фантастику Днепрова?

Фантастика тесно связана с действительностью. Этот очевидный факт имеет для фантастики первостепенное значение. Ведь перед писателем-фантастом, по справедливому замечанию Блонского, нет того сопротивляющегося живого материала, каким действительность является для реалиста. Фантаст конструирует свой мир. В произведении, лишенном материала, могущего сопротивляться, воображение лишено точки опоры. Плечо прилагаемой силы равно нулю, ее действие иллюзорно.

«Сопротивляющийся», т. е. живой материал фантастика берет из действительности. В этом — условие ее реальной познавательной ценности. Фантастика, лишенная этой связи, обращается в пустое фантазирование, и тому есть масса примеров.

Линий соприкосновения, связи с действительностью существует, по-видимому, множество. Так, Ефремов отталкивается от сегодняшних социальных дискуссий, конструируя мир «Туманности Андромеды»; Лем идет от сегодняшних философских проблем. Стругацкие, как мы видели, избрали для себя живой, человеческий образ.

Не следует оценивать воображение фантаста только по умению увидеть небывалое — не меньшую роль играют точность и глубина анализа существующего. Ведь именно это, по существу, позволяет нам ощутить степень психологической, жизненной достоверности фантастического произведения. Именно этот и никакой иной смысл вкладываем мы в выражение «реалистическая фантастика». Всякий иной смысл был бы, очевидно, противоречив. Ведь фантастика — нечто совершенно иное, чем реализм в узком смысле слова. Недаром традиционный реалистический роман не сумел вобрать в себя одну из вершин человеческой мысли — достижения современной науки, которыми свободно распоряжается фантастика. И недаром многие новые проблемы, возникающие в космическую эпоху, не могут быть поставлены в рамках реалистического романа.

Беглая ретроспекция еще ближе подводит нас к пониманию существа различия. Фантастика родилась из сказки, мифа, с их перенесением реальных отношений в вымышленный мир. Сказка издавна стремится к сверхтипизации, храня не просто исторические и национальные типы, но и общечеловеческие сущности. Это сообщило фантастике стремление к обобщениям общечеловеческого, общеисторического масштаба. Но вместе с тем фантастика уже с зарождения отказывается от ясной и непринужденной сказочной морали, преследуя свои особые це-

ли. Но Апулей и Свифт, и Гофман — это еще не фантастика в нашем понимании. Точно так же лишь подходом к современной фантастике была социальная утопия прошлого.

На скрещении этих путей в творчестве Ж. Верна и особенно Уэллса рождается подлинно научная фантастика. Заслуга Верна в том, что он открыл для фантастики область технических идей. Слишком прямое следование традициям Верна породило собственно техническую и ее продолжение — собственно научную фантастику наших дней. Если это и литература, то какое-то особое, находящееся еще в мучительном становлении ее ответвление. Читая многочисленные рассказы, которые можно представлять на соискание ученых степеней, трудно отделаться от впечатления, что их отношения с литературой — чисто официальные, внешние.

Самое важное для фантастики открытие было сделано Уэллсом. «Мне пришло в голову,— пишет он,— что обычное интервью с дьяволом или волшебником можно с успехом заменить искусным использованием положения в науке». И дальше: «Интерес во всех историях подобного типа поддерживается не самой выдумкой, а нефантастическими элементами... Фантастический элемент, страшное свойство или страшный мир используются только для того, чтобы оттенить и усилить наши естественные реакции — удивления, страха или смущения... Когда писателю-фантасту удалось магическое начало, у него остается одна забота: все остальное должно быть человечным и реальным. Необходимы прозаические детали и строгое следование гипотезе».

Уэллс несколько односторонен — второе, обращенное к будущему лицо фантастики почти не замечается им.

Развитие собственно фантастического, имеющего самостоятельную познавательную и художественную ценность, гипотетического элемента фантастики было проделано Лемом.

Мы можем теперь подытожить.

В отличие от романа реалистического, вымысел которого непосредственно связан с первичной действительностью, фантастический роман, отталкиваясь от первичного, создает вымышленный вторичный мир. Он как бы вторично воспроизводит действительность. Контуры реального мира просвечивают сквозь аллегорическую толщу фантастики. Фантастический мир становится — по праву происхождения — невольным зеркалом проблем реального мира.

В этом главная познавательная ценность фантастики как части человековедения.

Можно понять, что фантастика — не жанр литературы с его специфическим предметом изображения. Фантастика — это метод познания действительности (сегодняшней и завтрашней), метод познания человека (исторического, реального и будущего).

Возможность анализа будущего — отнюдь не привилегия одной лишь фантастики. Движение действительности вскрывается с не меньшей силой и реализмом.

Отличия, порождающие различные возможности и устремления, лежат в ином: в противоположном подходе к действительности — в одном случае настоящее познается через будущее в его развитии, в другом — будущее угадывается в сегодняшних его тенденциях.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 11 НОЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Борик.

Ответа на мое письмо я не дождался, да это не страшно. Дела обстоят таким образом. Кончились эти зас...е праздники, наконец, и вчера я обошел издательства. В «Знании» дела такие. Ждут сигнала числа пятнадцатого-двадцатого. Тьфу, надоело уже. Первый номер НФ почти готов, застопорило у них только со статьей. Сейчас гадают, поставить Травинского в первый выпуск или перевести его во второй, который пойдет сразу после первого. Несмотря на мои настояния, они считают, что там надо что-то еще подправить. В последнем случае в первый выпуск пойдет статья Громовой об утопиях (от Морриса до Стругацких). Я потребовал от Дубровского, чтобы меньше рассуждали и обсуждали, а скорее сдавали альманах в производство, всё равно с какой статьей. Иначе никогда это дело с мертвой точки не сдвинется. Вообще там имеет место некоторая растерянность, вызванная тем, что Андреев в больнице. Кстати, я в праздники у него был и отвез ему ТББ. Есть уже слух, что он назвал повесть превосходной. Скоро уточню. В субботу мы договорились встретиться с Этингофом и Дубровским, и они обещали мне твердо сказать, какие приняты решения и что дадут в альманах. Дубровский ТББ не читал, но горит уже желанием занять им большую часть второго альманаха, сразу весь, целиком. Полагаю, когда прочтет,— поостынет.

Был я и в «Мол. Гв.». Бела очень огорчилась, что я уезжаю. Двадцатого она сдает Полещука и сразу принимается за наш сборник. Мы договорились держать связь по телефону, а в случае надобности — либо она приедет в Л-д (что было бы лучше всего), либо мне придется на день-другой вернуться в Москву. В общем, терпение. Из «Москвы» тоже пока ничего нового.

Короче говоря, я свободен и могу приехать сразу после субботы. Скажем, в воскресенье утром. Если ты согласен и позволяет обстановка — немедленно дай знать. Хоть телеграммой, хоть письмом. Что же до «СвД», то я написал четыре главы, одна — собственно «Суета» — у нас и так есть, остаются три. Полагаю, сумею набросать их до отъезда. А не сумею — и так сойдет. Всего пока имеют место 37 стр. Две главы по 12 и две по 6 стр. Все материалы по магам у меня, я их привезу.

Вот и всё пока. Целую, твой Арк.

Поцелуй маму, посоветуйся с ней насчет приезда.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 НОЯБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Боб!

Получил письмо и телеграмму. И еще одну телеграмму. Справку высылаю. Правда, она 61-го года, но это никого не касается. Да и не заметят.

Я последнюю неделю мучился флюсом, сегодня выздоровел, завтра иду за билетом.

В «Мол. Гв.» нам сообщили, что встреча в ЦК ВЛКСМ состоится не то 25-го, не то 27-го, если нам пришлют приглашения — съездим в Москву на день-другой.

В «Москве» ТББ прочитала первая инстанция, сказали, что очень хорошо, только боятся. В «Знании» тоже прочитали, ухватились и требуют 2-й экземпляр. Завтра еду в «Знание» и всё узнаю подробно, а то мне передавали это по телефону и по необходимости коротко и неясно.

Ну вот и всё пока.

Больше писать не буду.

Привет всем, до встречи.

Твой [подпись]

На Одесской киностудии продолжают готовить конференцию по кинофантастике.

ПИСЬМО БНу С ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ, 18 НОЯБРЯ 1963

Уважаемый Борис Натанович!

Очень рад, что наша идея — провести конференцию по производству научно-фантастических, приключенческих фильмов и фильмов-сказок с широким применением комбинированных съемок — и ее ориентировочная повестка дня нашла у Вас одобрение и поддержку.

Аркадий Стругацкий сообщил нам, что он и Вы сделаете доклад на конференции — «Фантастика как метод». Надеюсь, что Вы сможете принять участие в конференции и выступить с этим докладом.

Сейчас окончательно установлен месяц проведения конференции — январь 1964 года. Как только станет известна точная дата — я сразу же Вам ее сообщу.

Прошу прислать краткие тезисы Вашего выступления, а также список Ваших основных работ, связанных с научной фантастикой.

С искренним уважением
Редактор Г. ОСТРОВСКИЙ

О совместной работе АБС в Ленинграде можно узнать из дневника приездов.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

Приехал 21.11.63 писать СВД. Ныиче 27.11.

28.11. Сделано 8 стр. III главы СВД. Спор о беспокойном коммунизме. Кровавые конфликты против розовости.

4.12. Бебс приехал из Пулково.

5.12. СВД — осталась последняя глава.

6.12. «Козара»[1].

7.12. СВД окончена.

13.12. После 3-дневн. побывки в Л-де Гор читал про кольцо. Написали главу про Арату.

14.12.63. Начата чистовая работа СВД.

19.12.63.

20.12.63. Пирушка: И. И.[2], Брумсы, Травинские.

---

[1] Югославск. к/ф, реж. В. Булаич. Упомянут в ПНВС.

[2] Варшавский Илья Иосифович.

23.12.63. Остался рассказ «1-е люди на 1-м плоту».
24.12.63. Работа закончена. Завтра отъезд.
25.12.63. Конец.
1) Суета
2) Арата
3) БЗЛ
4) КВоЦ
5) ПЛнПП

Итог внушителен: черновик и чистовик первой части ПНВС, чистовик ТББ и три рассказа — за месяц с небольшим. Хотелось бы, конечно, экстраполировать такие результаты на все годы совместного творчества АБС и вообразить, сколько осталось ненаписанного... сколько могло быть написано, живи АБС в одном городе и не отвлекайся они на постороннюю работу... Увы, такие штурмы возможны, видимо, только при накоплении желания «встретиться и писать» и при совпадении десятка прочих факторов. Это как любовь. Вспомним ПНВС: «Общение с девушками доставляет удовольствие лишь в тех случаях, когда достигается через преодоление препятствий...» Общение с Музой, вероятно, тоже...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 30 ДЕКАБРЯ 1963, М.— Л.

Дорогой Бобка!

У нас всё благополучно. Завтра Новый Год, ожидаются толпы гостей, наши готовят всё в изобилии, а главным образом китайский чифань. Ошанину подкинули новые компоненты китайского пайка — сушеных каракатиц, грибы муэр, калужью тешку, сычуанскую капусту и прочее. Каракатиц мелко нарезали, сейчас они набухают в теплой воде и ждут жарения с ростками бамбука. Пахнут. Гм.

Ну, о делах.

1. СВД и рассказы сдал на машинку, готово будет после праздников.

2. У Нины Матвеевны неприятности: в «Крокодиле» обругали морские легенды Смурова, а «Комсомолка» набросилась на очерк Горбовского, всё это в последнем «Мире Приключений». Вдобавок выяснилось, что в «Дебрях времени» много фактических ошибок.

3. Бела Григорьевна выходит после праздников, съездит на два дня в командировку в Ленинград и тогда возьмется за наш сборник.

4. Сборник «Фантастика, 64» поручили составлять какому-то мальчишке из «Тех. Мол.». Он приценивался к нам, спрашивал, не можем ли мы что дать. Я сказал, что мы подумаем.

5. В Детгизе мне передали пришедшую на мое имя бандероль из Японии. Журнал «Эс-Эф магадзин». Там добросовестный и скрупулезный перевод «Частных предположений» под названием «Первая попытка». На заставке изображена красивая девочка лет пятнадцати (судя по лицу), с арбузообразными титьками, в трусах и бустгальтере и с вот такими бедрами — японский вариант Ружены Кунертовой. В том же журнале статья японского фантаста Комацу Сакё — ответ на статью Ефремова, что в «Фантастике 62».

6. Виделся с Ариадной. Она уже говорила с Бабаевским и с юристами, перевод нашего дела в Комиссию СП РСФСР вполне реален, возможно, как она надеется, нас примут в феврале—марте. Я написал от нашего с тобой имени заявление под ее диктовку и отдал ей. Я спросил, не нужны ли еще специально рекомендации на тебя от ленинградцев, она сказала, что не помешают. Попробуй взять у Гора и еще кого-либо.

7. Ленка попросила написать, что она тебя очень любит. Да, читал я здесь в семье СВД. Всем очень понравилось. Дети плакали от смеха. Взрослые тож. Но семья, сами понимаете, не редакция.

8. Сейчас иду в Детгиз и Знание. Всех поздравлю.

Взялся за Винера — читаю «Кибернетику и общество»[1],— начал третий раз конспектируя. Плохо все-таки старик пишет. Простому человеку понять трудно. Или уж очень плохой перевод.

Вот всё. Поздравляю, желаю и т. д.

Привет и поздравления всем, Адке особенно.

О «китайском чифане» вспоминает БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 26.10.04

Люблю жареное и острое (бедная моя печень). Более всего люблю китайское. Готовить не люблю и не умею (разве что —

[1] Винер Н. Кибернетика и общество.— М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

яичницу с помидорами). Впрочем, АН даже яичницу не умел. Он вообще был довольно равнодушен к еде, хотя к китайскому приучил меня именно он. О, эти прекрасные обеды в ресторане «Пекин» — знак окончания очередной работы и награда за нее! Салат из вермишели из гороха маш. Маринованная капуста с красным перцем. Консервированные яйца. Вырезка из свинины с грибами сянь-гу... АН еще очень любил трепанги, а я так и не сумел к ним пристраститься.

В канун Нового года к АБС приходит очередное письмо о подготовке творческой конференции по кинофантастике.

ПИСЬМО БНу С ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ

Уважаемый Борис Натанович!

Посылаем Вам информационный бюллетень о ходе подготовки к нашей творческой конференции.

Пользуемся случаем от души поздравить Вас с наступающим Новым годом. Желаем, чтобы он принес Вам только здоровье, счастье, успехи в творчестве.

Верим, что большой разговор о судьбах научной фантастики, приключенческих и сказочных фильмов, начатый нашей студией, явится, с Вашей помощью и дружеским участием, принесет пользу развитию советского кинематографа.

Директор Одесской киностудии художественных фильмов
В. Федоров

Год выдался поистине удачным. Вышли переиздание (спустя год) «Возвращения» и три публикации в сборниках: ДР в «Новой сигнальной», «Извне» в «В мире фантастики и приключений», «О странствующих и путешествующих» в «Фантастике, 1963 год».

Переводы АНа еще только готовятся к печати и выйдут в следующем году, а вот статей по астрономии, коллективных, с участием БНа, в «Трудах 15-й астрономической конференции СССР» вышло целых три. Это:

Д. Д. Положенцев, Б. Н. Стругацкий. О вычислении эфемерид Солнца и планет земной группы на счетно-аналитических машинах с целью обработки меридианных наблюдений;

Е. И. Крейнин, Д. Д. Положенцев, Б. Н. Стругацкий. О составлении таблиц для астролябии Данжона с использованием современных вычислительных машин;

Х. И. Поттер, Б. Н. Стругацкий. Применение счетно-аналитических машин для решения некоторых задач астрофотографии.

Критика в этом году также благоволит к АБС. Помимо статей в прессе, появились статьи о фантастике и в различных сборниках. Там неизменно упоминались АБС и обязательно — в положительном ключе.

В. Травинский в сборнике «Черный столб»:

ИЗ: ТРАВИНСКИЙ В. РАСКРОЕМ СБОРНИК «ФАНТАСТИКА, 1962 ГОД»

<...> В отличие от Г. Гора братья Стругацкие не пытаются найти научного сюжетного объяснения тому факту, что герой повести «Попытка к бегству» Саул перенесся из XX века вперед чуть ли не на тысячелетие. Он перенесся — и всё. Как? Об этом не говорят авторы, об этом не знают ни Антон, ни Вадим, спутники Саула, в их совместном путешествии на страшную планету Саулу. Больше того, Вадим и Антон почти до самого конца и не подозревают, что имеют дело отнюдь не с кабинетным ученым, «книжным червем», историком, изучающим далекий XX век. Саул кажется им немного странным — и только. <...>

Савел Петрович Репнин, командир Красной Армии, военнопленный, взятый немцами в плен под Ржевом, заключенный № 819360, использовал свою последнюю обойму. Попытка к бегству в будущее не удалась. Саул слишком честен для того, чтобы спасти только себя. Он возвращается из будущего на свое место доделывать свое горькое, но необходимое дело. И гибнет. И труп его сапогом переворачивает на спину эсэсовец. И жирный дым валит из труб лагерных печей... Надо, чтоб Саул погиб. Надо, чтоб он стрелял даже тогда, когда это заведомо безнадежно. Попав в будущее, Саул убедился, что если такие, как он, не сделают всё, что они могут сделать сегодня, то завтра не наступит. <...>

«Попытка к бегству» — сложное произведение. В нем Стругацкие впервые уходят от дорогого их сердцу мира добрых камерных коллизий и своеобразных, но частных проблем науки в мир острых социальных конфликтов, дерзких контрастных всечеловеческих обобщений — в большой мир большой литературы. И туда им удалось принести все скопленное на подходе: индивидуальность стиля, добротный естественный юмор, сюжетную остроту, энергичный «сценарный» диалог. И если по-

весть Г. Гора «Странник и время» продолжает и развивает уэллсовские традиции фантастики («Когда спящий проснется», «Машина времени»), хотя и внутренне полемизирует с идейной позицией Уэллса, то «Попытка к бегству» Стругацких ассоциируется с яростной повестью Бруно Ясенского «Я жгу Париж».

«Попытка к бегству» не только самое интересное произведение сборника, но и лучшее из всего, что до сих пор написано Стругацкими.

К. Андреев в сборнике «Фантастика, 1963 год»:

ИЗ: АНДРЕЕВ К. БЕГ ВРЕМЕНИ

<...> Одной из интересных книг года нужно считать фантастическую повесть А. и Б. Стругацких «Возвращение», имеющую подзаголовок «Полдень. XXII век».

«Возвращение» братьев Стругацких никак не отнесешь в разряд утопий. Это даже не повесть, а серия рассказов, связанных несколькими проходящими героями и общей темой: Земля в XXII веке, в эпоху полного расцвета коммунистического общества. Авторы нарисовали яркую картину чудесного, светлого мира, где жить и работать чертовски весело и интересно, где чем дальше, тем больше нерешенных проблем. Но ведь именно в этом и есть бесконечная прелесть нашей суматошной и неповторимой жизни!

1962 год для А. и Б. Стругацких плодотворен. Три произведения, опубликованных в этом году и не «проходных», а принципиально новых,— своеобразный литературный рекорд! Одна книга уже была названа. Две другие — повести «Стажеры» и «Попытка к бегству».

Последняя повесть ставит новую, очень важную проблему: мещанство как социальная база фашизма, проблема перехода к коммунизму отсталых народов и племен. То, что действие перенесено в XXII век и одновременно герой находится в заключении в немецком концлагере, придает повести братьев Стругацких необыкновенную современность и остроту. <...>

Е. Брандис и В. Дмитревский в двух статьях и одной книге также хвалят произведения АБС. В сборнике «Новая сигнальная»:

ИЗ: БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК ГРЯДУЩИЙ

<...> Обратим внимание читателей лишь на некоторые идеи, характерные для их последних фантастических повестей «Возвращение (Полдень. 22-й век)» и «Попытка к бегству».

Речь идет о формировании человека будущего. Отдельные черты этого человека писатели находят в наших лучших современниках, и поэтому они вполне сознательно переносят на своих героев, живущих в 22-м веке, многие признаки, свойственные представителям научно-технической интеллигенции наших дней, вплоть до лексики. Поначалу это может вызвать у читателя недоумение и даже чувство протеста, но потом, когда входишь в динамический ритм повествования, внимание переключается на куда более важные вещи. Как будет вести себя человек, поставленный в чрезвычайно трудные условия? Выдержит ли он проверку делом?

<...>

«Возвращение» — вещь неровная, излишне фрагментарная, она распадается на отдельные малосвязанные между собой эпизоды и по своей направленности занимает в творчестве Стругацких, как нам кажется, переходное положение. Во всяком случае, такое впечатление создается, когда сравниваешь «Возвращение» с новой повестью тех же авторов «Попытка к бегству». Здесь еще более отчетливо и углубленно вырисовываются высокие нравственные качества человека будущего, и авторы как бы отвечают на ими же поставленный вопрос, каким должен быть человек, достойный получить «визу» в коммунизм.

<...>

В альманахе «В мире фантастики и приключений»:

ИЗ: БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. МЕЧТА И НАУКА

<...> Полностью отвечает идеям Циолковского об освоении всего околосолнечного пространства повесть А. и Б. Стругацких «Стажеры». Ближайшие планеты уже обжиты, на дальних, вернее на их спутниках, работают научно-исследовательские станции. Инспекционный звездолет, на борту которого находится знаменитый исследователь космоса Юрковский, знако-

мый читателям по повестям «Планета багровых туч» и «Путь на Амальтею», поочередно посещает уже завоеванные человечеством планеты и астероиды. <...>

Трудно, конечно, сказать, понадобится ли когда-нибудь уничтожать пояс астероидов и сдвигать планеты со своих орбит. Но то, что людям придется обживать околосолнечное пространство,— это несомненно.

<...>

В книге-исследовании «Через горы времени», посвященной творчеству И. Ефремова, несколько слов сказано и об АБС:

ИЗ: БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. ЧЕРЕЗ ГОРЫ ВРЕМЕНИ

<...>

Последняя по времени книга на ту же тему — фантастическая повесть братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Возвращение (Полдень. 22-й век)» — представляет собой цикл рассказов, связанных общими героями. Всем им приданы черты, которые, по мнению авторов, проявляются уже в полной мере в передовых людях нашего времени и будут обычной «средней нормой» для членов всепланетного коммунистического содружества. Достоинство повести — в стремлении раскрыть внутренний мир наших потомков и пробудить у читателей живую творческую мысль. Книга, правда, написана неровно, и психологические портреты молодых людей 22-го века представляются нам нарочито упрощенными, но тем не менее она покоряет романтической страстностью и верой авторов в свою мечту.

<...>

О похожести антуража повестей о будущем Ефремова и АБС рассказывал БН:

ИЗ: БНС: «ГОТОВО БУДУЩЕЕ МНЕ...»

Ну, начнем с того, что спорамин — это не наша выдумка. Мы с Аркадием Натановичем позаимствовали его у Ивана Антоновича Ефремова. То было время (конец 50-х — начало 60-х), когда мы носились с идеей создать общий для всех советских фантастов Мир Светлого Будущего. Чтобы там использовались одни

и те же элементы антуража, одна и та же терминология,— чтобы там были и «скафандр высшей защиты», и «самодвижущиеся дороги», и «кохлеарное исчисление», и «прокол пространства», и «флаеры» с «птерокарами»... Оттуда родом и спорамин — вещество, стимулирующее жизненные силы на гормональном уровне, делающее (причем очень быстро и надолго) слабого — сильным, усталого — бодрым, больного — здоровым. В общем-то, ничего такого уж фантастического в спорамине нет: мне приходилось читать о вполне современных препаратах, способных давать соответствующий эффект. Правда, ценой последующей расплаты, чего за спорамином, помнится, не водилось.

1964

С этого года в архиве сохранились и письма БНа, так что теперь есть возможность читать диалог соавторов в почти полном объеме — кое-каких писем всё же недостает.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 3 ЯНВАРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Долго ждал от тебя письма и наконец дождался — оказалось, что письмо завалялось в гостинице на столе дежурного под большой чернильницей. Ну ладно, могло бы быть и хуже в новый-то год.

Праздники прошли тихо. Читал ребятам (Пулковским) рассказики. В общем им понравилось. Чистяков — профессиональный охотник — сделал ряд замечаний, как-то: 1. Зимние охотники обязательно берут с собой пули, 2. Нынче в деревнях никто не спит на лавках — на кроватях или на полу, 3. Окно локтем в домике лесника не выбить: окна высоки... и еще что-то, у меня записано[1]. Наташка[2] сказала, что в «КВоЦ» не развита нами самая интересная идея: «А если точка останова все-таки сработает? Как и зачем тогда жить?» Наташка полагает, что это есть проблема смысла жизни и что хорошо бы ее как следует развить. Вообще из рассказов более всего понравился «КВоЦ».

Насчет ССП очень интересно. Только я не понимаю, какие рекомендации требуются. По какой форме? Напиши, пожалуйста, подробнее, а то я не знаю, о чем просить Гора. То ли рекомендацию к творчеству Стругацких, то ли рекомендацию Б. Стругацкому, как члену актива Комиссии?

Ленке сообщи, что я тоже ее люблю, но сомневаюсь, чтобы она плакала от смеха, слушая СВД.

---

[1] Речь о рассказе «Первые люди на первом плоту».

[2] Н. Свенцицкая, физик-оптик, супруга Ю. Чистякова, знакомая БНа.

Из «Знания» получил поздравления на художественном бланке.

Никого не видел. Звонил Володьке, новостей особых нет. Суд над Б.[1] отложен, потому что подсудимый сошел с ума. Сволочи вонючие!

Занимаюсь в основном математикой и писанием стихов для газеты «Новое Пулково»[2]. Словом, отдыхаю и накапливаю заряд. По ночам, когда не спится (а мне всегда не спится), думаю о «ХВВ». Пока ничего особенного не придумал, кроме того, что мне не особенно нравится общее построение повести, как мы ее задумали. Буду думать еще.

Передавай привет Северу, пусть пришлет мне «День гнева». Привет Юре Манину и всем нашим.

Крепко целую, жду писем, твой [подпись]

P. S. А что если отказаться от реализма ХВВ и объединить ее как-то со старой идеей о планете мещан? Помнишь, ты раскопал у меня старый план и отозвался о нем с похвалой?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 5 ЯНВАРЯ 1964[3], М.— Л.

Дорогой Боб.

Вчера вечером получил твое письмо, спешу ответить, бо новостей набралось немало. Прежде всего об ССП.

Я уже писал тебе, что по предложению Ариадны написал заявление в СП РСФСР, и она его отнесла куда положено. Дальше события развивались таким образом. В пятницу неожиданно позвонил Томан и сообщил, что приемная комиссия Московского отделения собралась наконец нас рассматривать и что дело на мази, всё будет благополучно, только надо отнести в комиссию книги, вышедшие позже. Я пообещал, хотя сказал, что книг у меня нет. Прошел час, и позвонил Роман Ким, и ликуя и содрогаясь[4] сообщил, что дело наше будет рассматриваться 29 января, что председатель комиссии Аркадий Адамов за нас — хотя и не читал нас — и что всё на мази и будет благополучно,

---

[1] Поэт И. Бродский.

[2] Стенгазета ГАО.

[3] Датировка составителей.

[4] Цитата из пародии А. Архангельского на И. Бабеля «Мой первый сценарий», повторенная там четырежды. Эти деепричастия встречаются у Бабеля в рассказах: «Мой первый гусь», «История одной лошади», «Эскадронный Трунов».

только надо отнести недостающие книги и печатные отзывы. Я кряхтя и стеная поднялся, уложил в портфель два экза «Возвращения», один — «Стажеров», несколько газетных вырезок и поплелся. В ЦДЛ встретил Томана, он меня представил секретарю комиссии — с... там такая — и весело удалился, сообщив, что все на мази... (см. выше). Секретарь указала мне дополнить наши списки книг, что я и сделал, вымазавшись в чернилах по локти, а затем спросила, что же так мало книг. Тут же выяснилось, что все экзы СБТ, ШС и ПнА, которые мы тогда с таким трудом собрали, пропали. Надо принести новые, властно пожелала секретарша. Нету, скромно сказал я. Тогда не знаю, как быть, скучающе сказала она. Вы отвечаете за то, что вам дают, равнодушно сказал я. Выходите из положения как хотите. Видимо, она не привыкла к такому тону и не привыкла, чтобы книги разворовывали, потому что она снизила тон и сказала, что постарается сделать как можно лучше.

Сейчас позвонил Джереми и сообщил, что вчера вечером Кирилл Андреев перерезал себе вены. Он пока жив, но потерял много крови и лежит в больнице Склифосовского.

Коротко: когда я вернулся, позвонили из комиссии РСФСР и сообщили, что заявление наше принято, но мы должны начать всё заново: от тебя и от меня по отдельности характеристики от соответственно Ленинградской и Московской организаций, рекомендации, фотографии, анкеты, книги. Затем я связался с Ариадной. Она, узнав о шевелении в Московской организации, не была так оптимистична и стала наводить справки. Вчера я ездил к ней и узнал следующее. Никаких особых оснований на то, что все на мази и проч. нет. Московская приемная комиссия состоит из дряни и мерзавцев в большинстве, органически ненавидящих наш жанр. За нас там будет только Адамов и, возможно, Нилин. Если даже и обернется всё благополучно, существует опасность, что согласятся передать в Президиум на утверждение только меня, как москвича. Заседают они как тайный совет инквизиции, значит, наши друзья из «Литературки» явиться туда не смогут, и Ариадна тоже. Вызовут только рекомендующих, а их у нас теперь всего двое. С другой стороны, говорит Ариадна, рискованно теперь передавать дело в РСФСР: там могут понять это таким образом, что мы боимся не пройти в центральной организации, и откажутся вообще иметь с нами дело. С третьей стороны, провал 29-го может означать для нас, что ССП для нас надолго закроется.

Вот какое положение. При таком уровне неопределенности, когда даже Ариадна, знающая всё, явно растеряна, принимать решений я никаких не хочу. Пусть всё будет как будет. Наступит 29-е, покоримся судьбе. А там начнем бороться сначала.

Первый номер альманаха всё еще у Этингофа. Статья Травинского все-таки идет-таки во второй номер. Бела на днях принимается за наш сборник. Пока всё.

Целую крепко, твой Арк.

Привет маме и Адке, и всем ребятам.

P. S. Новые сообщения:

1) Ариадна, чтобы присутствовать 29-го, договорилась с Адамовым и дает нам официальную рекомендацию.

2) Кирилл, оказывается, не делал попытки suicide, просто несчастный случай, скоро выходит.

Примерно с этого года в прессе разворачиваются сперва робкие, а позднее — всё более принципиальные дискуссии о фантастике. Поэтому и в публикациях этого года много как восторженных, так и резко отрицательных мнений о произведениях АБС.

В начале года в журнале «Коммунист» публикуется статья Брандиса и Дмитревского, в которой по поводу творчества АБС сказано по-доброму, а надо заметить, что в партийной прессе положительные отзывы ценились особенно: это было скрытое указание издательству: «Верной дорогой идете, товарищи!» И наоборот, любой отрицательный отзыв в партийной прессе указывал издательству на нежелательного автора.

БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. БУДУЩЕЕ, ЕГО ПРОВОЗВЕСТНИКИ И ЛЖЕПРОРОКИ

...Прекраснодушные мечты утопистов, создававших в отрыве от общественной практики свои воображаемые «города Солнца», уступили место научно обоснованным социальным построениям. Открылась возможность заглянуть в близкие и далекие дали. Этой возможностью вслед за Ефремовым воспользовались и другие советские писатели, стремящиеся изобразить будущее общество и людей будущего. Среди них — Аркадий и Борис Стругацкие, опубликовавшие за последние три-четыре года несколько повестей, связанных общими героями, переходящими из книги в книгу («Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Возвращение (Полдень, XXII век)», «Стажеры»).

<...>

...братья Стругацкие переносят на людей будущего черты наших лучших современников. Они исходят из той мысли, что через двести-триста лет большинство людей будут такими, какие сегодня кажутся исключительными.

Необычные для нас условия и обстоятельства, в которых действуют герои Стругацких, порождают новые этические нормы и правила поведения. Так, молодые стажеры на космических кораблях, посещающих все уголки Солнечной системы, держат экзамены и на высокие человеческие качества... Этический пафос Стругацких находит яркое выражение в их новой повести «Попытка к бегству», где утверждается верная мысль, что нельзя совершить «прыжок» в коммунизм, минуя трудности настоящего. Право войти в коммунизм завоевывается делами сегодняшнего дня!..

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 9 ЯНВАРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Спешу сообщить, что из твоего письма не понял ни хрена. Что от меня требуется? Что я должен делать? Какие-нибудь заявления? Рекомендации? Справки? Срочно отпиши или даже телеграфируй по необходимости!

У меня новостей нет. Я болею ангиной. Андрюшка[1] болеет гриппом. Сидим с ним в номере и изнываем от скуки. Читаю книжки по кибернетике и теории информации. Любопытнейшие вещи обнаруживаются! Прочел Поля де Крюи «Борьба с безумием»[2] — здорово! Теперь мне ясно, почему Мишка Хейфец все время хихикает: он гебефреник. Травинский переехал в свою новую, трехкомнатную. Мы все еще ничего не имеем. Появились шансы, доплатив, купить трехкомнатную в том же доме. Если это не повлияет на судьбу маленькой комнатки, куплю.

В общем писать нечего. Жду твоего сообщения. Если в ближайшее время поправлюсь и обрету ясность мысли, то напишу тебе письмо поподробнее с идеями.

Крепко целую, привет всем, твой [подпись]

P. S. Что это там с Кириллом? Опять же я не понял.

P. P. S. Формулирую точно свое недоумение: Что от меня требуется в плане ССП?

---

[1] Здесь и далее — Стругацкий Андрей Борисович, сын БНа.

[2] Крюи (Крайф) П., де. Борьба с безумием. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

P. P. P. S. В «Вопр. Лит-ры», по-моему, пародия на нас? Или нет? Ну и пародии пошли — ни черта не понять[1].

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 11 ЯНВАРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Понимать из моего письма, собственно, и нечего было. Теперь от нас ничего больше не зависит. 29-го состоится разбор нашего дела в Московской комиссии, и повлиять на это ни ты, ни я больше не можем. Что-то делает Ариадна, кого-то настрополял Абызов — у него много здесь друзей — вот и всё. Сложим руки и будем ждать. Положимся на судьбу. На наших рекомендателей. На совесть членов комиссии, черт подери наконец.

Что касается Андреева, то его супруга пустила парашу, будто он попытался покончить жизнь самоубийством, разбив окно и осколком стекла перерезав себе вену. Потом выяснилось, что он просто в пьяном виде открывал окно, примерзшее после оттепели, просунул руку сквозь стекло и сильно порезался. Потерял много крови. Однако вчера я встретил его в «Технике — Молодежи» оживленного и веселого и полного надежд и планов.

Неожиданно получил от Лагина его «Съеденный архипелаг» с надписью «Аркадию Натановичу Стругацкому — настоящему (не одноклеточному) писателю-фантасту от автора — с уважением, наилучшими пожеланиями и поздравлениями с плодотворным, талантливым вступлением на трудную, но благородную стезю политического памфлета («Попытка к бегству»). 7 января 64 года Л. Лагин. К сожалению, не знаю адреса вашего брата-соавтора, к которому я, конечно, испытываю равно высокое чувство уважения и симпатии». Что сей сон значит — понятия не имею, ибо при всей любви к Лагинским вещам самого

---

[1] Гай Э., Ганин Б. Не своим голосом (Монография) // Вопросы литературы (М.).— 1963.— № 12. Пародия направлена против «штампов в литературном производстве». Начало главки о штампах в фантастике: «Классификация штампов по основным направлениям иногда спорна. Можно спорить, в частности, о фантастах Б. и М. Медведицыных. Возьмем их рассказ «Упрек голубоглазого чудовища». Он начинается так: "Шел ...0-й год. Низа Что распахнула дверь обсерватории, пересекла Площадь Приятных Искусств и зашагала по широкой аллее навстречу солнцу. По бокам величавые лавры строго параллельными рядами уходили вдаль и пересекались где-то в голубой плюс бесконечности, левее Музея Честолюбия. <...>"». Вряд ли адресаты пародии — АБС.

его не очень-то жалую, как человека не сильно разборчивого, и при встречах мы с ним просто холодно раскланивались. Может быть, он имеет в виду мое несколько необычное с его точки зрения поведение коллеги-писателя, когда я, прочитав впервые «Майора Вэла Эндъю», не выдержал и написал ему восторженное поздравление, тогда как старые его приятели — Томан, Тушкан и пр. только кисло морщились? Или какое-то отношение к этому имеет его 60-летие? Или мое членство в редколлегии альманаха? Бог знает. Я не привык.

Получил письмо из Японии от нашего переводчика господина Иида (пишется иероглифами «пить» и «поле»). Коротко говоря, предлагает переписку и обмен книгами. Я бы с радостью, но как это сделать? Пародии эти вонючие мне до лампочки. Всех сволочей, бездарных халтурщиков облить керосином и поджечь. Я стану плясать вокруг костра.

Ты помнишь Сашку Горбовского? Того самого, который в «Науке и жизни» дал серию очерков о доантичных цивилизациях и о разных загадках древности. Того, насчет которого в последнее время дважды проезжалась «Комс. Правда». Так вот, он кандидат наук и работает в Институте Востоковедения, и руководство откликнулось на выступление печати очень оригинально: отдало Сашу на товарищеский суд. «На повестке дня два вопроса: персональное дело Иванова, в пьяном виде наблевавшего в кабинете директора, и персональное дело Горбовского, выступившего в печати с гипотезой о доантичных цивилизациях». Примерно так. Впрочем, они потом опомнились (все-таки) и ограничились допросом с пристрастием.

Наши писания восьмого сошли с машинки, и я разнес их по разным журналам. Пока ничего не известно, сам понимаешь.

Ну, пока всё.

Привет всем, целую, твой Арк. Пиши.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, ДО 15 ЯНВАРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик!

Вчера, как ты уже знаешь, был на встрече фантастов с киношниками. Впечатление удручающее. Совершенно ясно, что все они с детства любят научную... э-э... фантастику и с ранней юности как львы боролись за ее внедрение в кино, старые ослы. Но... э... нет, знаете ли, Жюль Верн, нет героев, великолеп-

ных таких, понимаете ли, как Немо, скажем, или опять же Паганель... Но нужно, нужно... Да. Детская и юношеская студия должна... фантасты как разведчики будущего... ну, сам представляешь, на каком всё это уровне, аж тошнило меня[1]. Вышла Громова и кротко поразилась их интеллектуальной несостоятельности. Они удивились. Вышел пьяный в дугу Толя Днепров и сказал «фе» по поводу того, что киношники не знают, почему спутники не падают, когда отделяются от ракеты. Они застыдились и задумались. Вышел Полещук и сказал, что всё это трепотня и на самом деле никто не хочет ничего делать. Они возмутились. Потом вышел режиссер, ставивший «Человека-амфибию»[2], и всех писателей обругал, и рассказал, каких трудов стоит пробивать у всяких фурцевых такие фильмы. Вот, сказал он, ставлю я сейчас «Секретаря обкома» — одно удовольствие, ни о чем не думаешь, лепишь как попало, всё сходит. В таком духе. Я очень смеялся. А потом показали «Человек первого века»[3], и это было то, что надо. Во всяком случае, первое приближение. Техника, юмор, сатира, антимещанство.

Ну, что еще... «Новая сигнальная» и «Черный столб» спорадически появляются и мгновенно исчезают в Москве. Вчера наконец появился «Черный столб» в «Знании». Тебе и Илье Варшавскому пришлют по десять экзов. А «Фантастику 63» достал всего пять экзов, остальное уже раскупили и растащили. Один мне, один тебе, а три Варшавскому и Брандису. Это я привезу сам, как и «Черный столб».

---

[1] Ср. со словами АНа из рецензии на рукопись Георгия Гуревича «Карта Страны Фантазий» (14.11.65): «Поскольку все работники кино за малым исключением — от редакторов до младшего персонала рабочих и техников и от вахтеров до директоров студий и ведущих режиссеров — пребывают примерно на одном и том же уровне неграмотности относительно фантастики (достаточно вспомнить публичное высказывание маститого Трауберга — с мечтательно-сонным выражением — о том, что кроме Ж. Верна он не видит в мировой и особенно отечественной фантастике ничего, достойного экранизации), очевидно, необходимо пособие ликбезовского типа, не отягченное сложной теорией и столкновениями взглядов специалистов, снабженное многочисленными иллюстрациями, умное, скромное, не претендующее на проблемный охват. Таким пособием, на мой взгляд, может и должно служить рецензируемое произведение Г. Гуревича».

[2] В. Чеботарев (к/ф 1961 г. поставлен им совместно с Г. Казанским).

[3] Чехословацкий к/ф «Muž z prvního století» 1961 г. реж. О. Липского.

СВД пользуется успехом. Составитель «Фантастика 64» Смирнов цитирует наизусть, говорят, и однажды неприлично заржал в троллейбусе. Даже Толя Днепров, вечный мой оппонент по вопросам сказки, сказал, что это здорово. Нина Матвеевна тоже отнеслась благосклонно. Дал читать Манину и Ариадне, еще не знаю.

Бела сказала мне, что ТББ дочитывает, на днях сдает в производство. ДР перепечатывать не пришлось, приняли, как есть, и смотрел эскиз обложки и наброски заставок и титула. НичеГё.

Получил письмо от нашего переводчика в Японии господина (а может быть, и товарища, кажется, он коммунист) Иида. Письмо большое, в нем содержится: а) напоминание, что мы с ним встречались в 60-м в Доме Дружбы, б) сообщение, что японский читатель очень интересуется советской фантастикой, в) просьба сообщить, кого у нас считают первыми и лучшими, г) предложение обмениваться литературой, д) перечень переведенных в Японии журналом «Эс-Эф магадзин» советских авторов. Список невероятно беспорядочный.

В ССП пока ничего нового. Андреев клялся, что всё устроено, но я ему ни на грош не верю. Он много завирается последнее время.

Вот всё. Привет тебе от всех, поцелуй маму и Адку,

твой Арк.

Пиши.

13 января АБС заключают договор с издательством «Молодая гвардия» на сборник ДР-ТББ. От лица издательства его подписал главный редактор Валентин Осипов. Редактором книги в договоре значится Бела Клюева. Книга аннотирована так: «Две научно-фантастические повести «Далекая радуга» и «Трудно быть богом» о будущем, об ученых, ставящих необыкновенные эксперименты на далеких от Земли планетах».

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 15 ЯНВАРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Хотел было задержаться с ответом, но потом решил тебя не сердить. Сегодня в писдоме заседание, после коего состоится встреча с редактором отдела науки центрального кубинского органа «Революсьон». Указанный редактор прилетел в СССР

вместе с Кастро, очень интересуется советской фантастикой и в особенности (как сказал мне по телефону Брандис) фантастикой Стругацких, с коими и мечтает познакомиться[1]. Заодно встретимся и с нашими ребятишками, узнаем новости, которые, по словам Травинского, распределяются так: примерно пятьдесят один процент плохих и сорок девять процентов — хороших.

Все интересуются судьбою «Новой сигнальной», и я всем излагаю про затерявшийся контейнер. Правда, уже есть люди, видевшие и купившие сей сборник в Москве. Так, вчера в столовой ко мне за столик присел В. А. Крат, профессор, наш почитатель, и, поедая кефир, сообщил, что «прочел вашу «Радугу» — хорошая вещь, страшная, но хорошая, лучшее из того, что вы написали, и написана хорошо, на самом высоком уровне, и идея очень новая и интересная...». Поговорить с ним толком не удалось, потому что понасело за стол всяких, при них не хотелось.

Получил деньги из МолГв за СиП.

Володька вселился в свою новую трехкомнатную. Мы в свою новую двухкомнатную — еще нет.

Пришло письмо от нашего почитателя Пети Клеймана из г. Хмельницкого — просит помочь выбрать ему профессию (поиски следов Пришельцев или проблемы долголетия?) и сообщает, что все читатели с нетерпением ждут наших новых книг.

Очень сочувствую Саше Горбовскому, но думаю, что всё обойдется: дело Бродского спущено на тормозах, а у вас ведь не Ленинград.

Сообщай обо всех слухах насчет ССП, буде появятся. Передай привет Лагину и сообщи ему мой адрес — не имею ничего против книжки с его автографом. «Кто украл Пуннакана» — прелесть! Киму — мои поздравления.

Жду писем. Твой [подпись]

P. S. Тщательно сообщи все новости из редакций. Меня беспокоят: а) судьба СВД б) Судьба сборника в «Знании».

P. P. S. Обязательно напиши маме. Она обижается!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ЯНВАРЯ 1964, М.— Л.

ВЕСЬМА ВАЖНО, СРОЧНО

Дорогой Борик,

[1] Речь о писателе, поэте, переводчике Оскаре Уртадо.

Посылаю вдогонку еще письмо, содержание коего необходимо срочно довести до сведения Брускина и, в части, его касающейся, Володи Травинского.

1. Закончил ли Брускин перевод «Непобедимого»? Если да, то попроси его в порядке личного одолжения немедленно выслать его персонально мне. Пусть также напишет, будет ли «Звезда» публиковать «Непобедимого», и если нет, то что Лема она собирается печатать. Правда, предупреди его, что моя просьба прислать экз.— ожидаемая выгода коснется его самого мало, главным образом речь идет о самом Леме. Пока ничего больше сказать не могу. Не только потому, что связан словом, но и не знаю всего.

2. Ариадна прослышала где-то, что статью ее если и будут печатать, то с сокращениями (это о «Звезде»). Она заклинает меня передать тебе, чтобы ты передал Володе, что ни о каких сокращениях речи быть не может. Над этой статьей о Леме она работала слишком много и тщательно. Передай, пожалуйста. Я своего отношения к этой просьбе не высказываю. Кажется, у меня его вообще нет.

Вот всё. Целую,

твой всегда Арк.

P. S. Только что звонила Ариадна, я ей давал читать СВД, читала она и муж ее, оба в восторге, говорят, ужасно ржали.

В это время Одесская киностудия уже рассылает приглашения на конференцию.

ПИСЬМО БНу С ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ

(без даты)

Уважаемый Борис Натанович!

Сообщаем Вам, что конференция по производству фантастических, а также приключенческих, сказочных фильмов состоится 30, 31 января и 1 февраля с. г.

Надеемся, что Вы сможете своевременно приехать в Одессу и принять участие в конференции.

С искренним уважением,

Директор Одесской киностудии художественных фильмов
В. Федоров

АБС не смогли выкроить время на поездку в Одессу. Но послали тезисы своего выступления на будущей конференции. Ген-

рих Альтов в своей переписке с московскими писателями цитирует слова АНа из «Бюллетеня Одесской киностудии» № 5, где были опубликованы тезисы[1]:

ИЗ ПИСЬМА Г. АЛЬТОВА В МОСКОВСКОЕ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ, 1 ИЮНЯ 1964

В «Бюллетене Одесской киностудии» (№ 5) приведены слова А. Стругацкого: «...Московское общество писателей-фантастов в ходе ряда дискуссий, обсуждений докладов и отдельных произведений сформулировало для себя вполне определенную платформу, основные положения которой сводятся к следующему:

а) Фантастика, как жанр, должна выполнять те же задачи, что и вся литература.

...г) Научность фантастики ни в коем случае не измеряется количеством популяризируемых научных знаний, но пропорциональна глубине и точности отображения тех сдвигов в сознании людей и общества, которые вызваны гигантским прогрессом науки в наше время». (стр. 3.)

И далее: «...мне кажется, что другие существующие взгляды на фантастику (научно-популяризаторская литература, приключенческо-развлекательная литература и пр.) уже доказали свою несостоятельность». (стр. 3.)

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 21 ЯНВАРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Только что звонил тебе по поводу Одессы, буду еще звонить нынче же вечером, так что письмо ты получишь уже после. Но всё равно.

Во-первых, чего это Ленка такая злая и агрессивная? Не обидел ли я ее чем-нибудь, упаси бог? Вроде бы нет, да и как? Трудно при всем желании. А желания никакого нет. Как-то мне нехорошо сейчас после этого разговора — извинись за меня ежели что, скажи, что готов на всё, если ее чем-нибудь обидел. А может, у нее просто настроение было плохое? Тогда ты виноват. Бить тебя.

Во-вторых, Одесса. О ней мы договорились уже. Но если ты точно не едешь, то не забудь срочно выслать наш доклад, тезисы, кот. ты отправлял в свое время в Одессу, и список ребят, едущих из Москвы.

---

[1] Эта публикация пока не найдена.

В-третьих, новости. Новостей нет. Сегодня иду в «Звезду» — заседание клуба. Буду читать какой-нибудь из рассказиков, что мы давеча написали. В общем-то новости есть, но их лучше рассказывать. «Новая сигнальная» в Лрде появилась и почти исчезла, хотя говорят, что кое-где еще лежит. Не знаю, сам нигде не видел. Самое интересное за последнее время — встречи с кубинцем, но он, наверное, сам расскажет вам всё.

В-четвертых. Много думаю над ХВВ. Есть в нашем замысле что-то, что отталкивает меня от него, как от «Кракена». Наверное, это — сугубый реализм обстановки. Он имеет массу минусов. Невозможность писать всё, что левая нога захочет[1]. Неуверенность в достаточном знании материала. Ограниченность картины в такой постановке сюжета. Можешь меня ругать, но чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к мысли делать что-то, вроде «ТББ» — чужой мир, другие люди, широкая картина, множественность линий, более острый сюжет, меньшая рыхлость, большая концентрированность идей и проблем. Я тоже давеча перечитал тот план — где Бенни Дуров попадает на страшную планету мещан. Что-то в этом есть. Подумай и разубеди меня. А пока целую, твой верный [подпись]

Р. Т.[2] Ленке привет. Слушай, может быть, она сердится, что я ей приветов не передаю. Я, кажется, действительно, в этом отношении хамоват. Так я буду! Ей-богу! Поцелуй ее в щечку, пусть не сердится.

АН продолжает рецензировать приходящие рукописи. Вот для примера несколько его рецензий на рассказы из «самотека».

ИЗ АРХИВА. РЕЦЕНЗИЯ АНС НА РАССКАЗЫ МИРОНОВА, ЛЫСОГОРОВА И КОМАРОВА

Изложение содержания опускаю.

МИРОНОВ «ВЕЧЕР В ГОСТИНИЦЕ»

Рассказ представляется неудачным, и вот почему. Всё происходящее дается через восприятие Катумина, усталого опыт-

---

[1] От слов купца Курицына из драмы А. Островского «Грех да беда на кого не живет» (действ. 2, сц. 1, явл. 2): «Чего моя нога хочет?»

[2] «Пост Текстум» — это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре.— *БНС.*

ного человека, считающего, что ему пора на покой. Он любит свое дело, но оно так надоело ему, что одной глупой фразы («Боже, какая волнующая экзотика!») достаточно, чтобы отвратить его от новой работы. Эпизод с демонстрацией аппарата для записи памяти и реабилитацией фокусника призван, по мысли автора, вернуть Катумина к работе. Получаются, по крайней мере, две вопиющих неувязки. Во-первых, неувязка психологическая. Весьма вероятно, что такой человек, как Катумин, вернулся бы к работе, узнав, что боец сопротивления, незаконно осужденный в период культа личности, строил этот самый город, в котором Катумину предлагают работать. Но фантастическая обстановка реабилитации настолько резко бьет читателя по глазам, что все Катуминские сомнения отступают далеко на задний план, и литературно никому уже нет дела до колебаний героя, на которые автор затратил первую половину рассказа. Во-вторых, неувязка сюжетная. Запись памяти врезана в сюжет грубо, бесцеремонно и наивно, она ничего общего не имеет с замыслом повествования, каким он представляется читателю. Выбор записи памяти как средства реабилитации фокусника и, далее, фактора, влияющего на настроения Катумина, абсолютно произволен. А при фантастичности этого средства — просто притянут за волосы.

МИРОНОВ «ДОРОГИ НАВСТРЕЧУ»

Этот рассказ значительно лучше, хотя бы по замыслу. Вообще чувствуется у Миронова «детская болезнь» фантаста — схватиться за могучую идею, а сюжет к ней приляпать как-нибудь, лишь бы читалось. На этот раз, однако, сюжет не страдает полной непричастностью к научной идее, как это чувствуется в предыдущем рассказе. Правда, и здесь инфраглобатор можно было бы заменить любым другим изобретением, но ведь даже в «Иду на грозу» Гранина выбор темы работы ученых достаточно произволен. Идея сходимости теоретических и экспериментальных путей в современной науке заслуживает внимания, и разработка ее представляет большой интерес для читателя. Но все же рассказ этот тоже нельзя признать удачным. В нем есть интересные сцены, любопытные мысли, однако в целом он производит впечатление весьма непродуманного и недоработанного. Скорее всего, это идет за счет очень банального конфликта и за счет недоверия, которое всегда испытываешь, когда читаешь про ученых-одиночек в наше время. Разумеется, за

спиной Лидского и Андрея институт, лаборатория и всё прочее, но в рассказе этого нет, не ощущается. Трудно поверить и в кустарность опытов с неизвестным аппаратом.

ЛЫСОГОРОВ «ГОД 2019»

Рассказ очень любопытен. Несмотря на плачевную неграмотность исполнения, он производит впечатление свежести и большой энергии. Мне представляется, что это самый достойный внимания рассказ из всех. Но его нужно переписать заново. При этом автору следует прежде всего порекомендовать следующие меры:

1) Убрать напрочь традиционную и нелепую фигуру журналиста, субъекта, вставленного для объяснений непонятного, и смело ввести авторские объяснения. Наипростейший прием при этом — сделать рассказ в форме беседы автора с читателем, стараясь, между прочим, по возможности избегать употребления в авторской речи настоящего времени.

2) Убрать ВСЕ — все без исключения остроты персонажей. Сила автора совсем не в этом. Тщательно разработать диалоги, смело вводить в них ссылки на обстоятельства, остающиеся за гранью рассказа.

3) Не злоупотреблять объяснениями и лекциями, помнить, что читатель фантастики, как правило, окончил не менее семи классов и кое-что ему все-таки известно.

4) Чисто вкусовое замечание. Не надо Димок, Вовок и Андрюшек в авторской речи. Только в прямой речи допускать такие фамильярности. Авторская речь должна быть полна достоинства.

Есть много оснований полагать, что Лысогоров сможет обработать свою вещь и довести ее «до кондиции». Взять хотя бы отличные описания микромира. Или умело (не знаю, возможно, это получилось случайно, а может быть, вытекает из повседневной профессиональной практики автора) построенный сюжет.

КОМАРОВ «БУНТ»

Обычный политический памфлет на уровне Розвала. До Лагина, конечно, далеко. Но автор заслуживает внимания хотя бы за отличную мысль: если снабдить неограниченную машину всей фактической и эмоциональной информацией, которой располагает человечество, и запросить ее относительно будущего устройства мира, она ответит: «Коммунизм». Написано

грамотно, читается легко. Посоветовать автору слегка сократить рассказ — во-первых, четыре первые страницы, смысл которых всё равно повторяется дальше, во-вторых, убрать недоношенный роман с Джен, который в рассказе роли не играет. Тогда рассказ подожмется, станет более логичным и сюжетно мускулистым. Публиковать, на мой взгляд, можно и нужно. Порядочных памфлетов у нас не так много.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 27 ЯНВАРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Итак, ждем в субботу первого. Когда возьмешь билет, дай еще предупредительную телеграмму для общности.

2. Насчет фурора СВД — это всё моча. Нравится и ладно. Нам обольщаться не след, ибо это всё шуточки. Да и Детгиз, как я понял, не берет. Может быть, он и ПНвС в целом тоже не возьмет?

3. Вот насчет «Москвы» — это здорово. Не верится, конечно, но хочется надеяться.

4. К похвалам французов я уже как-то привык. И к тому, что хвалят нас вместе с Журавлевой. И к тому, что хвалят, как правило, не за то, за что следует. Но всё равно приятно.

5. Альманах при МолГв — это светлая идея. Воистину светлая. Кажется, это единственная редакция, при которой что-то можно делать. Остальные только языком болтают. И подписная библиотечка — тоже вещь. Правда, нечто подобное собирались, по-моему, делать уже несколько раз, и каждый раз все увядало и отцветало, как те хризантемы в саду[1].

6. Экзы «Новой сигнальной» получили все, кому следовало. «Ф-63» и «ЧС» привози, конечно. Ощущается острый в них недостаток.

7. Послесловие Нудельмана — отлично! Я очень рад.

8. Наши гиганты задумали одну штуку, о которой пока, наверное, не стоит особенно шуметь. Дело в том, что сюда приезжал Косолапов, выступал где-то с пропагандой чего-то. Вездесущий Хейфец, как всегда страшно нуждающийся в средствах, отвел его в сторонку и предложил издать в Гослите книжку — сборник статей о современных фантастах. Косолапов сказал, что это было бы очень хорошо. У нас, сказал он, лежит в редакции несколько заявок на такие книги, но это всё чудовищные тома

[1] Романс Н. Харито на слова В. Шумского.

по пятнадцать-двадцать листов, издавать которые нельзя из-за недостатка бумаги. Это старики, продолжал он, не умеют писать коротко; вот взялись бы вы, молодые!.. Молодые, конечно, взялись. Заявка уже написана и сдана. В книжке будут статьи о Леме (Хейфец), о Брэдбери (Брускин), о Стругацких (Травинский), о Ефремове (кажется, Урбан), еще о ком-то, не помню. Брандису и Дмитревскому, чтобы не обижались, собираются дать вступительную статью («Опытные, заслуженные критики представляют вселенной пытливую талантливую критическую молодежь»). Мне эта мысль очень нравится, хотя боюсь, всё это останется втуне. Кроме того, возникла еще колоссальная идея: созвать конференцию фантастов при «Звезде» — по-домашнему, с трепом, с руганью, с выездами в места скопления творческой молодежи (в кафе к физикам и к химикам). Все продумано до деталей, но не ясно пока, зачем нужна эта конференция и что на ней делать, кроме распития спиртных напитков и бешеных споров о дефинициях.

9. В Лрде объявилась еще одна женщина-фантаст — физик по фамилии Ларионова. У Володьки лежит ее повесть, говорят, неплохая. Володька сказал, что это довольно мрачная смесь Лема, Стругацких и Варшавского. Похоже на то: я не читал, но бегло просматривал. Володька выяснил, что ее любимые фантасты Лем и Стругацкие («не всё, конечно...»).

10. И наконец, ХВВ. Дело, Аркашенька, не в других планетах, которые мне самому осто и насто. Дело в ограниченности замысла. Я имею в виду сюжетный замысел, так сказать завязку. Дело в том, что придуманный нами аппарат не позволяет рассматривать проблему мещанства под многими углами зрения. Аппарат этот есть в общем-то не что иное, как разновидность наркотика, очень мощного, может быть, но всего лишь наркотика. Как-то проблема мещанства заменяется в этом случае совсем другой проблемой: какою жизнью лучше жить — реальной или галлюцинированной. Проблема интересная, но не та, что меня волнует. Да и тебя тоже. Слабым местом замысла является именно этот аппарат. Галлюцинации и электронный онанизм. По-моему, это не то, что надо. В общем, надо много говорить и думать. Писать, по-видимому, начнем не сразу. Сначала будем долго и нудно ругаться. Как-то всё это очень не просто.

Ну, пока. Ждем тебя, крепко целую, твой [подпись]

Р. Т. Привет Ленке. Очень рад, что всё в порядке и никто ни на кого не сердится.

В 6-м номере журнала «Молодой коммунист» выходит большая статья Юрия Котляра, в которой рассматриваются недостатки фантастики как литературы для юношества, и походя несколько раз пинаются произведения АБС. Имя Котляра, многолетнего противника Стругацких, встретится читателю еще не раз...

ИЗ: КОТЛЯР Ю. ФАНТАСТИКА И ПОДРОСТОК

Паренек сидел, чуть сгорбившись, глядя прямо перед собой невидящим, сосредоточенным взором. Пальцы рассеянно поглаживали корешок книги. Я осторожно присел рядом, наклонил голову и прочел:

А. Стругацкий, Б. Стругацкий, «Путь на Амальтею». Знакомая вещь.

— Как, понравилась книга?

— Ничего. Местами здорово закручено, только разговоров многовато,— серьезно ответил он и снова наморщил лоб.

Обыкновенное мальчишеское лицо, живое, открытое, вдумчивое.

Наверное, много читает, заключил было я, но тут же вспомнил его ответ. «Здорово закручено» не очень гармонировало с представлением о начитанности. Впрочем, зачем гадать? Сам скажет. Он словно подслушал мое желание:

— Вчистую забыл... Никак не припомню...

— О чем ты?

— Да вот об этой книжке. Уже читал похожее, а где, не знаю...

— Может, просто показалось? Мне такой сюжет не встречался.

— Я не о том, что написано, а как в ней говорят герои...

Завязалась беседа. Паренек говорил о фантастике с горячностью завзятого любителя. Он внимательно следил за новинками научно-фантастической литературы. Ему было с чем сравнивать, у него уже выработался свой критерий оценки. Правда, иные его высказывания могли показаться резковатыми и самоуверенными, но никак не пустыми или поверхностными. Это были плоды самостоятельных размышлений о прочитанном.

<...>

Паренек помолчал и вдруг воскликнул:

— А все же вспомнил! У Остапа Бендера говорят как здесь. Правда?

Я понял его — он имел в виду языковую аналогию героев Стругацких с персонажами Ильфа и Петрова — и ответил вопросом:

— А «здорово закручено» откуда ты взял?

Он посмотрел, улыбнулся и сказал:

— Наверное, из «Амальтеи», «Теленка» я давно читал...

<...>

Бедный подросток! Чем только не забиваются его мозги, когда он читает произведения, в которых и взрослый ногу сломит. Материалистическая платформа некоторых повестей и рассказов (идущих под тем же титром «научно-фантастические»!) более чем сомнительная.

<...>

Полную неожиданность преподнесли братья Стругацкие. Уж, казалось бы, кто-кто, а они, писатели ярко выраженного реалистического стиля, бесконечно далеки от мистических вывертов. Но и они отдали дань этой заразительной болезни. В повести «Далекая Радуга» (сборник «Новая сигнальная», изд-во «Знание», 1963 г.) фигурирует некто Камилл. Личность вначале оригинальная, не более. Затем начинается странная трансформация. Камилл убит, но вскоре таинственно оживает. Читатель думает: «Мало ли что, наверное, ошибка, как-то вывернулся», и терпеливо ждет объяснения. Не тут-то было! В конце повести снова появляется Камилл и загадочно вещает, что сегодня умирал уже трижды и трижды воскресал. Что он последний из чертовой дюжины (???), что ему снова предстоит погибнуть наравне со всеми и снова воскреснуть и ему будет ужасно тоскливо одному на обугленной планете. Он, Камилл, синтез человека и машины, он всё может, но ничего не хочет...

Так и тянет мистическим туманом. Поневоле задумаешься: и откуда такое в нашей фантастике?

Мечтать можно и нужно. Но абсолютно недопустимо в погоне за внешним эффектом подменять научные идеи бредовыми, а не разгаданные пока тайны бытия — мистическими домыслами.

<...>

К сожалению, пока в некоторых научно-фантастических произведениях герои будущего предстают перед нами чересчур одномерными, упрощенными, грубыми. Одна такая книжка, посвященная «космическим молодчагам», может свести на нет годичную работу юного ума. Надо приучать мыслить и обоснованно мечтать, а не беспочвенно фантазировать.

<...>

И, уж конечно, юношеская фантастика должна быть высоко литературной и эстетичной, отличаться чистым, безупреч-

по-правильным языком. Там никак не место жаргонным словечкам: трепач, железно, мировецкий и т. п. За примитивизмом речи неизменно кроется и примитивизм мышления. Вовсе незачем щеголять такими бурсацкими оборотами, как «не ори на нее, козел!» («Путь на Амальтею»). Никак не могут люди будущего изъясняться на давно позабытом нэпманском жаргоне, ведь язык — это отражение окружающей действительности. Трудно ждать в будущем воскрешения барахолки и частных лавчонок. Это не Камилл, умерло — не воскреснет! Крайне неудачна попытка представить ученых будущего этакими лихими анархистами и рвачами — самоснабженцами («Далекая Радуга»). Ведь по концепции самих же авторов: «Люди будущего те, кто сегодня исключение». Уж если таковы «исключения» в представлении Стругацких, то каковы же наши рядовые современники!

<...>

1 февраля в «Литературной газете» выходит статья Ариадны Громовой «Золушка», в которой говорится о положении фантастики в общем русле литературы и где положительно упоминается творчество АБС.

И с 1 февраля же АН находится в Ленинграде.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

1964

Прибыл 1.02 для писания ХВВ.

2.02. Составление плана.

3.02. Составление плана. Был Нудельман.

4.02. Нач<ало> составления подробного плана по главам.

7.02. План готов. В новой квартире залило стены. Наталья[1] сломала ногу.

9.02. Первые 5 стр. ХВВ.

10.02. 1-я глава.

11.02.

12.02.64. 2-я глава.

13.02.64.

14.02.64. Отъезд. Сделано 3 главы черновика ХВВ.

---

[1] Здесь и далее — Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна, дочь Е. И. Стругацкой от первого брака.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ФЕВРАЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик.

Не знаю толком, с чего начать, поэтому просто расскажу по порядку, по мере памяти своей и в последовательности временной, от моего приезда по сию пору.

Приехал в субботу. Позвонила Ариадна и попросила зайти. У нее я обнаружил оттиск статьи Альтова, доказывающей, что специальный орган для фантастики не нужен. Проект ответа на эту статью написал Джереми, но плохо. Ариадна взялась за дело сама. Предполагалось, что статья Альтова и ответ на нее опубликуются в одном номере. Договорились с Ариадной, что она закончит и перепечатает статью и пришлет ко мне с верным человеком на другой день. В воскресенье верный человек пришел. Это студент ВГИКа или какой-то другой системы, без пяти минут режиссер. Он принес статью, мы поговорили о фантастике в кино. У него есть группа знакомых, жаждущих ставить фантастику, они хотят встретиться с нами и поговорить. Вечером я поехал к Ефремову. Поговорили, я подал ему оттиск Альтова и наш ответ. Прочитав Альтова, Ефремов сказал: «Л-либо д-дурак, либо п-п-провокатор». Затем прочитал статью нашу, сделал кое-какие поправки и подписал, сказавши однако, что если дискуссия в Литературке будет заключаться выступлением не в нашу пользу, тогда лучше его подпись снять и дать ему возможность выпустить последний залп — в той же Литературке или «Известиях». В понедельник я поехал с утра в Детгиз и встретился с Ниной Матвеевной. Нина дала нам на подпись договоры на «Понедельник начинается в субботу» — сдавать 15 ноября, плюс льготный месяц. Затем отправился в «Знание». Первый номер альманаха сдан, для второго не хватает вещи листа на четыре советского автора. На другой день предполагалась встреча с Айдиновым с целью уточнения вопроса о редколлегии. Оттуда поехал в «Молодую Гвардию». Отдал наш опус с планами и волнениями Климовой, дал Днепрову подписать письмо, у Белы выяснил, что «ДР» и «ТББ» прошли куратора и теперь окончательно вонзились в производство. Договор с нами Мелентьев всё еще не подписывает, некогда ему, наш договор едва нашли в груде подготовленных договоров, накопившихся для подписи за два месяца. Пришла Ариадна, и мы поехали в «Лит. Газету», явились к Ревичу (зав. отделом науки) и отдали ему нашу статью. Он прочитал, попросил кое-что подсократить и пообещал дать либо в этот четверг, либо в следующий. Будем

ждать. Затем было не очень интересное сборище фантастов в «Мол. Гв.», и все поехали к Соколову есть блины. Блины были вкусные. На следующий день с утра нас с Днепровым и Ариадной вызвали в ЦК по поводу письма о кино. Беседа продолжалась двадцать минут, нам дали понять, что НФ-фильмы нужны, но сценариев нет. В результате мы заручились поддержкой ЦК в деле создания группы режиссеров и писателей для разработки сценарной проблемы, а затем мы пошли на совещание к Айдинову. На совещании я поставил три вопроса: будет ли редколлегия, если будет, то обычная или с особыми правами, и если с особыми правами, то каковы сии права суть. Было отвечено, что редколлегия будет обязательно, права у нее будут особые, а вот какие — Айдинов не знает, это в ведении ЦК, а нас он просит набросать два проекта: один — состав редколлегии, второй — статута оной, каковые он повергнет куда надо. На том и порешили, а потом отправились к Малининой в кабинет, и там разразился ужасный скандал по вопросу о составе редколлегии. Громова решительно протестует против Дмитревского и Днепрова, Андреев кричит что-то тоже вроде этого, насилу их утихомирили, причем Андреев объявил, что больше не желает заниматься фантастикой и уходит отовсюду, но сидел до конца и давал ужасные советы. Далее, дома уже позвонила Клюева и сказала, что в подростки их все-таки перевели, что малая (годовая) серия по приказу директора получила девиз ЧМОК (Честь, Молодость, Отвага, Комсомол) — такая это будет серия фантастики и приключений, так что вопрос о «ПкБ» сам собой отпадает. Вот дела на сегодняшний день. Путаница, в которой я не могу никак разобраться.

Очень мутит воду Толя Днепров. Всё время таинственные намеки на новый журнал, который ему якобы обещали в ЦК, ссылки на работников идеологической комиссии и хвастовство, трепотня, ложь на каждом шагу.

Теперь такая просьба:

№ 1. Свяжись с Дмитревским, пусть спешненько сделает так, чтобы мне выслали рукопись этих ребят, Коптева и его друга. Есть шанс пристроить повесть к месту. Пока не очень обнадеживай.

№ 2. Еще раз уточни у Дмитревского: давать ли «Путь на Амальтею» на машинку.

Вот пока всё. Целую, большие приветы Адке и всем. Маме написал.

Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 23 ФЕВРАЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Едва ты уехал, как разразились беды. Заболела мама — грипп, ангина, прострел. Свалился Андрюшка — ветрянка: весь покрылся болячками и стал активным бациллоносителем. Поэтому жизнь наша на протяжении недели не блистала ни разнообразием, ни радостями. Я очень ждал твоего письма еще в среду, но пришло оно в субботу. Я сразу кинулся искать ответы на твои вопросы, но ты же понимаешь: суббота, погода отличная, никого нет. Дмитревский в Комарово (сидит безвылазно), Брандис там же. Звонил сегодня Коптеву — нет дома. Так что я буду звонить еще сегодня Коптеву — уверен, что он с удовольствием пошлет свой опус в «Знание», тем более что совершенно не ясно, кто его будет печатать здесь, в Лрде. Что касается «ПнА», то тут тоже в общем ясно: надо перепечатывать и поскорее. Совсем недавно Брандис торопил.

В пятницу был в «Звезде». Кан читал доклад о Хайнлайне и свой перевод «Зеленых холмов». Перевод ужасен, но в общем было ясно, почему Хайнлайна называют космическим Киплингом.

Вообще новостей у меня нет. Володька болеет воспалением легких, а он и есть основной источник информации. Львов съелтаки Зайцева. Зайцеву были созданы невыносимые условия для работы, он подал заявление об уходе и теперь решил уехать из Лрда. Львов проиграл процесс (тот самый), дочь передали матери. Но он не горюет. Поместил давеча в «Ленингр. правде» статью, где доказывает, что телепатические опыты с «Наутилусом» были газетной уткой, а позавчера выступал по радио — о химии.

Кое-кто в Пулкове читал «СВД». Особых эмоций не возникало. Правда, всем понравился кот.

Прочел я Лема — хорошо. Практически для любого из наших фантастов это было бы великолепно, но для Лема — это слабовато. Отличные приключения, эффектнейшие ситуации, но — мало, мало этого для Лема. Лем — это идеи, новые и глубокие. Здесь их нет. Во всяком случае — новых. Да и глубоких в общем-то тоже. В общем, для Лема этот «Непобедимый» — безделка, вроде «СВД» для нас.

Сейчас читаю этот сакраментальный роман фантастки Ларионовой. Ты знаешь — это хорошо! Честно говоря, я не ожидал. Просто по-настоящему написано. Не знаю, напечатают ли его, но если да, то Ларионова сразу попадет в первую пятер-

ку — гарантия. Немножко меня огорчило, что она в каком-то смысле опередила нас в идее движения по времени в обратном направлении. Правда, у нее там движется целый «соседствующий» сверхгалактический мир, но всё равно. Что-то во мне щелкнуло, когда я это прочел.

Новости твои довольно прискорбны. Мне очень жаль погибшей «ПкБ». Где же теперь мы ее издадим отдельно? А ведь очень хочется именно отдельно.

Жаль, что ты не прислал ответа Альтову. Я тоже хотел бы приложить голову. Но во всяком случае, если будешь подписывать, то подписывай и меня.

А Толя Днепров, по-видимому, порядочный фрукт. Будь с ним поосторожнее.

Ну ладно, всем привет. Как там Север? Как там ССП? Жду сообщений.

Твой верный [подпись]

P. S. Привет Ленке. Как Наташка?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 25 ФЕВРАЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

У меня ситуация не лучше. Дома госпиталь, дом Лазаря. Машка[1] заболела ужасной помесью кори и ангины, это сейчас же подхватила Наталья, можешь себе представить всё остальное. Живу как в бреду каком-то. Ни мыслей, ни работы. Но — надо пережить. И переживем, м-мать его...

Сообщаю весть, которая тебя несомненно, однако же, порадует. С двадцать первого февраля сего года мы с тобой приняты — наконец-то! — в те самые ряды. Заседание комиссии прошло келейно, не были приглашены ни свидетели, ни рекомендатели. Ариадна сидела в Переделкине. И тут ей позвонили, что братья Стругацкие оба приняты комиссией в ССП. Она кинулась звонить мне. Вечером позвонил Ким и рассказал подробности. Против нас выступали только двое: известный второстепенный драматург и малоизвестный третьестепенный литературовед. Еще трое воздержались. За нас горячо ратовали: Адамов, Евгеньев («Москва»), Сафонов (см. «Пришествие и гибель собственника») и еще остальные двое членов комиссии,

[1] Здесь и далее — Стругацкая Мария Аркадьевна, дочь АНа и Елены Ильиничны.

еще не знаю — кто. Прошли мы девятью голосами против пяти воздержавшихся. Против никого не было. Если тебя это утешит, добавлю, что следом за нами провалили зам. ответ. редактора «Юности» и еще каких-то двоих.

Теперь остаются только утверждения на Президиуме, но все говорят, что сие есть лишь формальность. Ким обещал узнать, когда будет это утверждение. Вчера было «Творческое обсуждение» фантастической и приключенческой л-ры за прошлый год, тоже все поздравляли, даже кислый Тушкан. А обсуждение было безобразное, приглашения разослали неаккуратно, список произведений неполный, самое важное пропущено, какие-то интриги с этими списками, совершенно внелитературная возня. Я выступил — был немного болен, не спал ночь перед этим, раздражен — орал жутким голосом, но, как сказал Север и Нина Беркова, выступил очень правильно.

С Коптевым небольшое недоразумение. Неужели я просил тебя послать рукопись в «Знание»? Это же Нина Беркова просила хорошую рукопись для Детгиза на будущий год. Ну ничего, я попробую выкарабкать ее оттуда. Надо было слать ее прямо мне. И еще надо прислать мне рукопись Ларионовой. Шибко надо. Всё это сейчас позарез надо. Возня здесь скрытая и открытая, началась зверская конкуренция между издательствами, а рукописей хороших нетути. Всё, что есть хорошего, проси слать мне. Только предварительно знакомься сам, а мне посылай лишь то, что я могу подкрепить твоим авторитетом.

Рад, что Лем тебе нравится. А что касается идей — слушай, а нет ли чего-то неприличного в том, что мы нагло требуем от автора идей? А ему хочется просто написать, отвести душу — безо всяких идей. Вот вчера на обсуждении выступил один начальник какой-то лаборатории и объявил, что лучшая вещь Стругацких — это «Страна багровых туч». Ну что ты будешь делать? Впрочем, чихать.

Что до «ПкБ» (повествования до дрожи интересного, как пишет один японский журнал), то я полагаю, мы должны включить его в сборник «ХВВ» на 65 год, вот так-то. Всё там будет аккуратно, в одной кучке — ХВВ, ПкБ и повесть о глупой планете. Листов на двадцать в целом. Кстати, о глупой планете. Юра Манин — он у меня был на днях — дал хорошую идею: мы говорили о возможных негуманоидных формах разумной жизни, он предавал анафеме идею Колмогорова о разумной плесени и

выдвинул такую форму: мозг отдельный, а полуразумные эффекторы, управляемые мозгом на расстоянии, отдельны. И вот эти-то эффекторы, оторвавшиеся от связи с мозгом, тамошние гуманоиды и приспосабливают к домашней работе. По-моему, это может получиться забавно.

Ты меня прости, но я как-то сейчас не думаю о ХВВ, а лезет мне в голову небольшая, листа на четыре, приключенческая повесть «Служба на Пандоре», о работниках СИБ во главе с Полем Гнедых. И туда вставить целиком рассказ о «Первых людях на первом плоту» — планета огромная, совершенно неосвоенная, вот они из-за океана и осваивают новые материки, а о них никто ничего не знает, и приключения всякие. И психологии в меру. И разнообразие моральных обликов того времени — почему люди не-специалисты устремляются охотиться на тахоргов. А ХВВ мы напишем своим чередом, ты не думай, смачно и не торопясь.

Вот теперь основная проблема. Когда же мы встретимся? И не пора ли тебе, член Союза писателей, подумать о профессионализации? Это бы во многом облегчило проблему встреч. Мы бы могли работать в Переделкине, в Комарове, в Малеевке хоть всю зиму, наезжая на день-другой в город и не мучая маму. Но это, конечно, только после Президиума, а вот когда мы встретимся в следующий раз? Когда ты переезжаешь? Необходимо ли мое присутствие при твоем переезде? Одним словом — когда? Я полагаю, что смогу быть с тобой в любой день после первого марта. Подумай, посоветуйся с мамой и отпиши. То есть очередное письмо пиши сразу же, а об этом посоветуйся и отпиши. Уже хочется работать.

Толя Днепров ведет себя так, что писать о нем не хочется. Потом расскажу. Север и все остальные шлют приветы. Всё.

Привет всем, целую, твой всегда друг и соавтор [подпись]

P. S. Давеча зашел к Беле. Сидит над нашей рукописью и, ругаясь, вычеркивает упражнения корректоров в пунктуации. Первую верстку получим, видимо, в конце марта.

Наконец-то АБС приняли «в те самые ряды». Правда, это была лишь первая стадия длительной процедуры приема. Предстояло еще утверждение на Президиуме ССП — советская бюрократическая традиция. Оно состоялось 21 апреля и тоже проходило не без проблем. О первой стадии приема БН вспоминает:

БНС. БОЛЬНОЙ ВОПРОС

И в Союз Писателей нас в конце концов (промытарив два года) приняли. Сохранилась легенда, как это произошло. Кто-то из наших лоббистов пожаловался на ситуацию тогдашнему председателю Ленинградской писательской организации, Александру Андреевичу Прокофьеву — знаменитому «Прокопу», поэту и начальнику, очень, по-своему, недурному мужику, поразительно похожему и манерами, и даже внешностью на Никиту Хрущева. Прокоп выслушал и спросил: «Ребята-то неплохие? А? Ну, так давай их ко мне, сюда, у меня и примем». И мы были приняты. В Ленинграде, но не в Москве.

«Легенда» верна лишь в той части, что от низовой писательской организации требовалось предоставить положительную характеристику-рекомендацию на БНа. Что «Прокоп» — спасибо ему! — и сделал. Само же решение было принято все-таки в Москве.

Реалии тогдашнего своего бытия, важность писательских «корочек» поясняет БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 26.10.04

Главным преимуществом члена союза перед прочими смертными была возможность не ходить ни на какую службу. В те времена государство пристально следило за своими гражданами, и милиция с удовольствием и энергично отлавливала «тунеядцев» — людей без определенного места службы. Наличие членского билета решало эту проблему радикально — разочарованный мент, повертев в пальцах заветную книжечку, уходил не солоно хлебавши восвояси. Кроме того, член союза имел право получать путевки в дома творчества (раз в год — даже бесплатно), а также брать денежные ссуды в Литфонде (иногда — даже безвозвратные). Ну и, разумеется, членство давало СТАТУС. Не знаю, как сейчас, а в те времена слово ПИСАТЕЛЬ звучало гордо. Что бы там ни сочинял ядовитый Даниил Хармс.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 27 ФЕВРАЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Ура, ура и ура! У меня от радости недержание... и общее томление. Близок час! Я уже ощущаю на кончиках пальцев шерша-

ное прикосновение заветной книжечки. По-видимому, в глубине души я фетишист и идолопоклонник. Смачно!

В остальном я болею: грипп и ангина. Андрюшка почти выздоровел, мама тоже. Думаю, что приехать тебе надобно пятого. Мама, кажется, написала третьего, но это, по-моему, в порыве энтузиазма — она еще не совсем здорова, горло побаливает и вид неважный. Так что давай договоримся так: пятого в четверг. Выезд, естественно, упреди телеграммою. Попишем всласть. Я только что прочитал написанное «ХВВ» — ты знаешь, здесь что-то есть! Очень сыро, очень грубо, очень неотшлифовано и невнятно, но! Чувствуется какой-то поддон, что-то скрытое, напряженное, что-то обещающее. Может быть, это происходит от того, что я знаю, о чем пойдет речь, но так или иначе меня это вдохновляет. В этот твой приезд кровь из носу — закончим черновой вариант. Тогда многое станет более ясным. А пока мне захотелось двух вещей: 1. Чтобы повествование шло все-таки от первого лица и 2. Чтобы герой был как-то тесно связан с этой страной, с этим городом. Пусть он бывший политэмигрант или, наоборот, уезжал двадцать лет назад куда-нибудь в дебри делать революцию «строить и несть»[1], а теперь вернулся и ничего не узнает. Я понимаю, тогда проваливается вся детективная линия, но, черт возьми, как же сделать героя-сыщика кровно, пупочно связанным с судьбой этой страны. В ТББ у нас были интеллигенты и Кира — они осуществляли эту связь, за них Румата дрался и был готов на все. А здесь? Ужасно не хочется делать Жилина просто сочувствующим. Кровью его связать надо, кровью и сукровицей, чтоб он горло рвал, чтобы не был умным дедушкой среди расшалившихся внучиков. Конечно, мы строители миров, но не мир у нас гвоздь повествования — человеческая трагедия в этом мире.

Идея насчет эффекторов — хороша, только, опять же, почему она у тебя звучит как новая? Подумаешь, Манин! Ты, ты эту идею выдвигал Н лет тому назад, но мы не знали, куда ее сунуть, и ты сунул ее в «ИсСКИБР»! И идея «Службы ИБ» — тоже хорошая — можно здорово завернуть. И завернем. А может быть, соединить ее с «Глупой планетой»? Жила-была отличная планета. Завязали там люди бактериологическую войну и превратили ее в Пандору. И остановиться не могут, и планета стано-

[1] Приблизительная цитата из поэмы В. Маяковского «Хорошо!», гл. 17: «строить и месть».

вится всё более мерзостной. А земляне ничего не знают: устроили себе охотничью базу и развлекаются, а потом всё выясняется. А? В центре — СИБ. Ни черта не могут понять: начали объявляться эти самые эффекторы да еще какие-то люди, умирающие, гниющие заживо — люди как люди, но нигде не зарегистрированные и непонятно откуда взявшиеся. С этого и начинается разматывание клубочка.

Насчет Коптева не беспокойся: и в данном случае, и всегда впредь я давал твой адрес, так что всё будет идти именно к тебе, а ты уж там будешь пристраивать, где спрашивают. Коптев давеча звонил, я объяснил ему ситуацию, он сетовал, что их повесть отнюдь не для Детгиза, но я сказал: «Срочно перепечатывайте, а там видно будет». В общем, ты приедешь и всё тут на месте и получишь. И Ларионову тоже. А в Москве можешь говорить, что в Ленинграде есть две годные к опубликованию повести: пусть готовятся принять. За Ларионову я ручаюсь, то есть ручаюсь, что написано нечто порядочное, вполне на уровне и заметно выше среднего (насколько это печатабельно-принтабельно, судить боюсь: я человек трусливый). Что же касается Коптева, то уверен, что это не ниже среднего и почти наверняка выше: ребята остроумные, современные, знающие, думающие, языком владеют (я читал их памфлетики в «Неве» — вполне!). Так что — распространяй слухи, а приедешь — всё сам прочтешь.

Читал статейку Альтова. Н-да. Нелегко. Очень хочу прочесть наш ответ. С... этот Альтов. Поистине либо д-дурак, либо п-провокатор. Но подцепить его трудно: бьет, гад, навылет. Простые читатели, с которыми я беседовал, считают, что он совершенно прав. И главное, ведь не сбить его, не раскрывая кухни — вот подлость-то! Ну, вы там ребята мощные и много вас, чего-нибудь да придумаете.

Ну, жду тебя. Работать хочется тоже. Профессионально, так сказать, по-членски! А работу я, если всё будет хорошо, конечно, брошу — в этом же году. Дождусь только начальства из Чили[1].

Целую крепко в лобик, твой [подпись]

Р. Т. Привет Ленке, замученной детскими болезнями.

---

[1] Непосредственное начальство БНа — заведующий вычислительной лабораторией ГАО Дмитрий Положенцев — находился в то время в длительной командировке в Чили.

P. P. S. А что касается квартиры, то пусть это тебя не беспокоит. Ключ мы уже получили, но ремонта они еще и не начинали.

Журнал «Молодой коммунист» продолжает печатать статьи о фантастике. В 12-м (мартовском) номере выходит статья Анатолия Днепрова, в которой анализируется современная научная фантастика последних лет. О произведениях АБС там сказано так:

ДНЕПРОВ А. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ФАНТАСТИКИ

<...>

Между тем критики — и профессионалы и любители — иной раз подходят к оценке научно-фантастической вещи с заниженными требованиями, как к литературе второго сорта. Или, не замечая главного, весь пыл направляют на мелочи. Однажды мне пришлось долго разговаривать с библиотекарем, который буквально «разносил» произведения Аркадия и Бориса Стругацких за то, что герои в разговоре допускают «грубые словечки и выражения». Других, серьезных претензий к Стругацким не было. Странный, однобокий взгляд на творчество этих интересных писателей.

Кто они? Аркадий — востоковед, филолог. Его брат — научный работник, астроном. Возможно, их стоит упрекнуть за то, что герои нет-нет да и ляпнут не то слово. Это, может быть, и непростительно, потому что их герои — герои будущего. Однако главное совсем не в этом! У героев Стругацких есть чему поучиться. Мужество, беззаветная преданность делу, крепкая дружба и нелюбовь к пустому слову — вот что их отличает.

Из всего того, что написано этими писателями, мне лично больше всего по душе сборник рассказов «Путь на Амальтею», «Стажеры» и «Далекая Радуга». Это все «космические» произведения. Но в них космос уже стал обжитым. Это не место невероятных приключений, это место приложения знаний и труда на благо человечества земли. Космос необъятен, и там хватит работы на всех. И это работа для несгибаемых. Вот одна из основных идей произведений Стругацких. В космос отправляются опытные ученые, закаленные звездолетчики и молодежь, полная романтических мечтаний. И эту романтику корректирует суровая вселенная. Герои Стругацких четко представляют, что если обновленная земля требует от людей дружбы, взаимного уважения и взаимопомощи, то тем более эти качества необходимы в суровой внеземной обстановке.

«Далекая Радуга» — драматическое произведение. Перед исследователями будущего может стать такой вопрос: «Что важнее, человек или результаты его труда?» Жизнь на далекой «Радуге» обречена, и собравшиеся там ученые решают проблему: как поступить, тем более что времени нет. И решение, конечно, одно: жизнь человека важнее любых результатов научного или художественного творчества, сколько бы труда на него ни было потрачено. В детях — будущее человечества. Пусть на «Радуге» погибнут физики и их научные труды. Спасая детей, ученые неизбежно продолжат свою работу.

<...>

И на встречах с читателями — любителями и знатоками научно-фантастической литературы,— и в письмах-откликах на книги мне приходилось сталкиваться с таким вопросом: что научно и что ненаучно в фантастике и насколько правомерно загромождение повестей и рассказов псевдонаукой? Смысл псевдонауки таков: научные проблемы будущего не станут походить на современные. Значит, нужно что-то придумать. И — придумывают.

Этим отличаются, например, Стругацкие, как, впрочем, и многие другие писатели-фантасты. Они увлекаются слишком «фантастическими» научными проблемами. Отсюда непонятная, иногда раздражающая читателя псевдонаучная терминология: «нуль-физика», «П-волна» и т. д.

<...>

5 марта в «Литературной газете» публикуется статья, подписанная коллективом авторов, о которой АН упоминал ранее в письме (он носил это письмо И. Ефремову на подпись). Она продолжает полемику, начатую статьями Громовой и Альтова. Статью подписали Днепров, Емцев, Ефремов, Парнов, АНС, БНС.

АБС И ДР. НЕТ, БУДЕТ ЛУЧШЕ!

Отклик Г. Альтова на статью Ариадны Громовой подтверждает, по сути, одну из главных мыслей этой статьи: фантастика до сих пор находится в особом положении, по ту сторону обычных законов, действующих в литературной полемике.

Представим себе, что в те дни, когда речь шла о создании журнала «Москва», в ответ на статью, доказывающую необходимость такого журнала для московской писательской органи-

зации, появились бы в печати возражения, мотивированные так: а) верно, у московских писателей есть хорошие произведения, но есть ведь и плохие, б) чем это не устраивают московских писателей страницы всесоюзных журналов, в) создание такого журнала отгородит московских писателей от всей советской литературы, откроет дорогу потоку слабых произведений и самый факт появления такого журнала будет признанием неполноценности московских писателей.

Если б возражения, сделанные на таком уровне, и попали бы на страницы «Литературной газеты», они вызвали бы смех. Но в данном случае речь идет, увы, всё о той же научной фантастике, и у нас есть основания опасаться, что рассуждения Г. Альтова многими будут приняты всерьез. Поэтому мы находим нужным дать некоторые разъяснения.

Г. Альтов активно работает в области фантастики, и мы считали, что его не может не заботить судьба этого жанра. Но, прочитав его статью, можно подумать, что он в этом деле — человек посторонний и весьма недружелюбно настроенный. Не знаем, что именно побудило Г. Альтова написать такого рода статью, но он допускает чересчур много неточностей.

«Солидные журналы не так уж (?) чураются фантастики»,— говорит Г. Альтов. И в доказательство ссылается на «Звезду» и «Неву», которые якобы «щедро печатают фантастику». «Звезда», насколько нам известно, опубликовала лишь повести Г. Гора да небольшую подборку коротких рассказов И. Варшавского. И это всё, если не считать произведений Ст. Лема, которые не имеют прямого отношения к советской фантастике. «Нева» за время своего существования напечатала роман Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков» и «Лунную дорогу» А. Казанцева. Так же обстоит дело и в «Молодой гвардии»: две-три вещи научных фантастов за все годы существования журнала, преимущественно невысоких по качеству. Дюжина рассказов и повестей в «солидных» журналах за долгие годы — вот и вся щедрость, которая умиляет Г. Альтова. Кстати, в упомянутой им статье Е. Брандиса и В. Дмитревского, опубликованной в журнале «Коммунист», прямо указывается: «Толстые литературные журналы, как правило, вообще пренебрегают этим жанром».

Что же касается «тонких» журналов («Знание — сила», «Техника — молодежи» и т. п.), а также альманахов, выходящих раз в год, а то и реже (к тому же печатающих по преимуществу приключения и путешествия), то Г. Альтов должен был бы знать,

как невелики возможности этих изданий в смысле публикации фантастики, при всем желании их руководства.

Забавно выглядит замечание Г. Альтова насчет того, что общий объем опубликованных за прошлый год произведений научной фантастики «раз в 50 превышает объем "Аэлиты"». Разумеется, превышает, и очень возможно, что даже в пятьдесят раз. Что ж из этого следует? А на пожелание «дать хоть раз в пять лет одну вещь, подобную "Аэлите"», вообще очень трудно ответить. Скажите поэтам: дайте, мол, хоть раз в пять лет вещь, подобную, ну, скажем, «Двенадцати» Блока. Или потребуйте от прозаиков, чтобы они за тот же отрезок времени выдавали вещь, подобную, к примеру, «Даме с собачкой». И при этом добавьте, что общий объем их произведений за истекший год во много-много раз превышает объем названных образцов. Вот и пускай крутятся и доказывают, что, мол, Блок или Чехов, конечно, классики, и дотянули ли мы до них, не знаем, но время идет вперед, и есть новые, интересные, заслуживающие серьезного разговора вещи... Всегда можно посмотреть на них свысока и сказать: нет, это всё разговорчики, а «Двенадцати»-то вы, братцы, так и не написали, признайтесь?

Можно «добить» прозаиков, поэтов, драматургов (кого угодно!) и другим приемом, использованным Г. Альтовым. Вы говорите: есть у нас хорошая проза, есть талантливые стихи? А мы отвечаем: ничего подобного. Можем привести доказательства: одна и та же повесть (поэма, рассказ) была напечатана в журнале, а потом вышла отдельной книгой. Если это вещь хорошая, мы скажем так: это потому, что хороших вещей уж очень мало. Если плохая: потому, что «дефицит отчасти восполняется произведениями явно недоброкачественными». А уж если два издательства выпускает одну и ту же книгу, то налицо кризис жанра и следует призадуматься: а не закрыть ли парочку журналов?

В таком духе написана вся статья Г. Альтова. Найдя, что произведения Ал. Шалимова (о котором, кстати, говорилось и в статье А. Громовой) подражательны и что два рассказа двух малоизвестных авторов очень похожи друг на друга, Г. Альтов делает вывод о катастрофическом положении во всей научно-фантастической литературе. Можно подумать, что Г. Альтов читает фантастику очень редко, совершенно случайно и не пытается в ней по-настоящему разобраться. Прочел он книгу С. Гансовского — и тоже постарался пристегнуть ее к тезису о «повторе-

нии пройденного». С. Гансовский действительно включил в эту книгу первый свой рассказ, «Шаги в неизвестное», где развивается идея уэллсовского «Новейшего ускорителя» — хоть и в совершенно других условиях, с другим поворотом сюжета. Но это никому не дает права опорочивать всё творчество С. Гансовского. К тому же искать сходство в «Новой сигнальной» с рассказом Г. Уэллса «Поразительный случай с глазами Дэвидсона» — всё равно, что объявить: мол, «Спутники» В. Пановой — это «переигранная» «Анна Каренина», ведь там тоже поезд!

Несколько слов о еще одном тезисе статьи: о том, что журнал научной фантастики уже существует — это «Искатель». Г. Альтов спрашивает: «Разве что-нибудь изменится, если «Искатель» будет выходить ежемесячно?» Отвечаем: ничего не изменится. «Искатель» прежде всего не занимается специально фантастикой. В некоторых номерах его (например, в 6-м за 1963 г.) нет ни строчки фантастики. К тому же объем его слишком мал, в «Искателе» нельзя публиковать повесть иначе, как в искалеченном виде (даже рассказы там идут обычно «в сокращенном варианте»). Ни о какой мало-мальски серьезной критике и речи быть не может,— для нее нет места.

Но главное — в другом. Будущий журнал (или альманах), о котором шла речь в статье А. Громовой, должен возглавляться людьми, знающими и любящими фантастику, заинтересованными в развитии жанра. Что толку, если некоторые журналы время от времени публикуют фантастику, чтобы поднять свой тираж? При отсутствии правильных критериев отбора в их поле зрения почти неизбежно попадают зачастую случайные вещи. Можно сколько угодно ругать редакцию того или иного журнала за нетребовательность; а из чего можно сейчас исходить, предъявляя требования к фантастике, кроме как из вкусовых оценок? Ведь, повторяем, нет теории жанра, нет серьезной, квалифицированной критики. Пишущим эти строки известны еще не опубликованные острые проблемные статьи по фантастике; известны и смелые, интересные замыслы будущих работ; для них нужна реальная трибуна, а не мифические «неиспользованные площади».

Процитируем Г. Альтова еще раз и на этом закончим: «Журнал (в этом его суть) должен вмещать все жанры». Правильно! Журнал, о котором мы мечтаем, должен вмещать романы с продолжением, повести и рассказы, стихи и поэмы, пьесы и киносценарии, публицистику и критику. В нем могут быть и иллюс-

трации, и рисунки, фотографии, кадры из кинофильмов, цветные вкладки с репродукцией картин,— ведь научная фантастика существует и в кино, и в живописи. И всё это вполне реально, для всех разделов этого журнала, пока не существующего, пока не получившего имени. Есть полноценный материал и есть надежные резервы для постоянного пополнения этого материала. Есть люди, которые хотят и умеют работать. Есть громадная читательская аудитория, которая с нетерпением ждет такого журнала.

В противовес Г. Альтову мы настроены оптимистически. Мы верим: будет лучше! И, надо надеяться, в ближайшее время. Журнал научной фантастики возникнет и будет жить!

В середине месяца АН — опять в Ленинграде, о чем свидетельствует дневник приездов.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

10.03.64. Вчера прибыл для ХВВ. Начало 4-й гл.
23.03.64. Сделано 8,5 гл. Переезд на нов. квартиру.

В это же время продолжается переписка Г. Альтова с АНом (начало переписки, к сожалению, в архиве отсутствует) по поводу «Регистра» фантастики (скрупулезно собираемого Альтовым свода научных идей фантастических произведений, из которого позднее выросла его знаменитая ТРИЗ — теория решения изобретательских задач) и о фантастике как жанре-методе вообще.

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АНу, 12 МАРТА 1964

Уважаемый Аркадий Натанович!

Получил Ваше письмо, благодарен за внимание. Конечно, лучше перенести обсуждение «Регистра» на апрель.

Я, к сожалению, не совсем ясно представляю, что Вы подразумеваете под словом «метод». В Вашем письме в Одесскую киностудию говорится: «...фантастика есть метод отражения действительности, равноправный с любыми другими методами в рамках социалистического реализма» («Бюллетень студии», № 5, стр. 3). Поскольку социалистический реализм называют методом, то получается, что фантастика — метод внутри метода. Если же суть дела в том, что фантастика должна быть

не служанкой науки, а художественной литературой, то здесь всё ясно и двух мнений быть не может.

Пока речь идет о предельно простой и локальной вещи. Пусть фантастика — метод, тема, средство, жанр, словом, что угодно. Однако при всех обстоятельствах фантастика не должна быть хулиганством. Проделки с машинами времени, бунты роботов, бесчисленные встречи с мамонтами и т. п.— это надругательство над литературой. Округляя цифры, можно считать, что $^1/_7$—$^1/_{10}$ выходящего в Москве и Ленинграде и $^1/_2$—$^1/_3$ выходящего вообще — литнакипь в химически чистом виде.

Оставим случаи, которые вызывают хоть какое-то сомнение (например «Поединок» Громовой). Будем считать серое и темно-серое — белым. Но черное есть черное. Мое предложение — минимум внутри минимума: оно относится только к ультрачерному.

Коллективный голос писателей-фантастов не раз поднимался, когда речь шла на тему «дайте»: дайте дорогу в толстые журналы, дайте тиражи, дайте свой журнал, дайте, дайте, дайте!.. Пусть хоть раз этот голос прозвучит самокритично: мы обращаем внимание на такие-то штампы, мы призываем редакторов и издателей требовательнее относится к фантастике.

Надеюсь, что к концу марта я смогу сообщить итоги обсуждения в Баку.

Желаю Вам успешной работы,

Г. Альтов

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АНу, 27 МАРТА 1964

Уважаемый Аркадий Натанович!

К сожалению, в Баку еще не было обсуждения, и я не могу пока ничего сообщить. Но в Ленинграде обсуждение было. Учитывая опыт этого обсуждения, я прилагаю записку, которая уточняет суть дела и обращает внимание на наличие двух предложений (следовательно, и на необходимость решения по двум пунктам).

Для наглядности и информации я сделал таблицу. Пожалуйста, покажите ее нашим коллегам.

Было бы, мне кажется, полезным повесить эту таблицу — после обсуждения — в издательстве «Знание». Если товарищи из «Знания» не захотят взять себе таблицу, порвите ее; мне не хочется затруднять Вас сооружением большого конверта.

С искренним уважением,

Г. Альтов

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Дела, значится, такие. Пишу по порядку, чтобы не, упаси бог, забыть.

1. Ленка прочитала ХВВ и сказала, что очень завлекательно и интересно, но что это Лем в чистом виде: и первое лицо ищущего и недоумевающего героя, и словообразования, и, главное, отчаянная безнадежность положения — не для героя, а для общества, для сферы, в которой он крутится. А пропо: Ленка читала «Возвращение со звезд» и «Рукопись, найденную в ванне».

2. Позавчера на вечере обсуждения Кима встретил меня Томан и сообщил, что президиум будет нас утверждать 24 апреля. Томан уверен, что всё сойдет благополучно.

3. Сейчас иду в «Мол. Гв.» для беседы с дирекцией по поводу подписной биб-ки мировой фантастики. Утверждена серия в пятнадцать томов на три года, ежегодно пять: один советский автор, один из стран нар. демократии, один из США, один из Англии, Франции или Японии, один том — антология рассказов без различия строев и сторон света. Первую группу на 65 год намечаем так: Ефремов «Туманность» и «Звездные корабли», Лем «Солярис» и «Непобедимый», Брэдбери «451» и «Марс. хроники», Абэ Кобо «Ледниковый период» и «Песчаная женщина», ну а антология она и есть антология.

4. Сегодня же будет встреча с Л. Леоновым — его тронная речь при вступлении в отправление функций председателя совета приключ. и фант. л-ры ССП.

5. Пришло несколько писем от поклонников. Ответил. Пришло письмо из Японии от нашего переводчика Ииды, письмо мое, значит, до него дошло, а вот книги, которые я послал, по-видимому, еще нет. Впрочем, письмо его, да и мое, тащилось по месяцу. Срамота, право. Он пишет, что переводит «Лезвие бритвы», оно выйдет в этом году в изд-ве «Кагава сёбо».

6. Обсуждение «Пуннакана» прошло хорошо, я рад за Кима. Да и то сказать, он да Лагин — лучшие памфлетисты, никуда не денешься.

6. Не курю. И весь дом у нас не курит. И ничего.

7. Нудельман прислал в «Мол. Гв.» для сборника статью о фантастике, излагает свои взгляды на фантастику вообще, с презрением отметает зарубежную, где вообще не о чем говорить за неимением оной как таковой и всюду говорит лишь о Леме, Ефремове и нас. Статья очень сложная, построена так, что он

ставит вопросы и доказывает, что ответа на них ждать не приходится, ибо все течет и изменяется. Но мне понравилось.

Пока всё. Пиши. Привет всем, крепко целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 6 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. С запозданием, ибо ты так ловко его послал, что пришло оно в субботу вечером, так что прочитал я его только в понедельник днем. Ну, что я могу тебе, так сказать, сообщить?[1]

Говорил с Володькой. У него, как он выразился, «странное настроение» (имеется в виду ПкБ), обещал изъясниться подробнее при встрече. Встретимся на днях. Он был у Малининой, и та заявила, что его статью снимают, а пускают Нуделя[2]. По-моему, это свинство.

Я беспрерывно пребываю в квартирных делах, каковые мне уже осто и насто. ХВВ не перечитывал и Адке не давал. Ужо. Отзыв Ленки кажется мне весьма симптоматичным. Надо будет что-то придумать.

Курю. С фильтром. Пришли мне на день рождения пачек пятьдесят «Фильтра» в смысле «Фитиля». Если пришлешь до дня рождения, будет еще лучше. И не забудь поискать двойную мойку или попроси Ленку.

Пришли мне: рассказы Севера и статью Нуделя. Очень хочется.

Напиши подробнее про тронную речь Леонова. Я тут прочитал «Бегство м-ра Мак-Кинли» — г... Не ожидал. Все-таки Леонов. А слабак. А я-то думал.

Сволочи — всё откладывают и откладывают. Мне это не нравится, я лучше пойду домой, как говаривал один эпизодический герой Уэллса[3].

А в этой Биб-ке мировой ф-ки мы будем или как?

Как Толя[4]?

---

[1] Фраза из миниатюры А. Райкина.

[2] Т. е. Нудельмана Рафаила Ильича (Эльевича), критика.

[3] «Война миров», кн. 1, гл. 4: «Пробежал какой-то мальчуган.— Оно движется,— сообщил он мне,— всё вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой». Пер. М. Зенкевича.

[4] Имеется в виду Анатолий Днепров.

Всем привет, жду писем, твой [подпись]

Р. Т. А «Происхождение человека»[1] — любопытная штука!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 9 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борис.

Весьма прискорбно, что до сих пор нет ответа на мое письмо. Впрочем, ты, вероятно, в заботах, а я пишу тебе, не дожидаясь ответа, вот почему.

Вчера вечером позвонили мне из «Вопросов литературы» и сказали, что требуется наше выступление на тему «Писатель и наука». Требуется срочно — чтобы от силы к 14-му оно было готово, а 13-го редакция сама приедет ко мне и заберет выступление с квартиры прямо в верстку. Требуется много, не менее четырех и до шести машинописных страниц. Требуется изложить наши позиции по указанному вопросу и подтвердить (или не подтвердить) нашим творческим опытом. Требуется не только с нас. Это выступление сразу четырех авторов: кого-то (не расслышал), Олега Писаржевского, И. Ефремова и нас. Подозреваю, что нас включили в последнюю очередь, потому такая и спешка. Ну, на это плевать.

Сказать тебе откровенно, мне эти выступления до лампочки. Я занят, и мне заниматься ими некогда, да я и не умею, и не люблю. Именно поэтому я передоверяю все тебе. Напиши сам. По моим расчетам это письмо придет к тебе числа одиннадцатого, писать ты будешь день-другой, так что четырнадцатого оно будет обратно у меня. Я пройдусь по нему пером и отнесу в редакцию. А если ты не захочешь писать, тогда я скажу, что мы не успели, или еще что-нибудь совру.

А занят я сейчас вот чем: с большим увлечением перевожу японский фантастический рассказ. Кажется, отличный рассказ. Думаю, тебе понравится. Хотя он захватил кое-что из внешней атрибутики «Кракена».

Все. Целую, твой Арк.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 12 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик.

---

[1] Нестурх М. Происхождение человека.— М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Письмо твое получил только вчера — странная штука, судя по штемпелям, опущено оно было седьмого, а пришло в Москву десятого. Так редко бывает. Ну, к делу.

Не понимаю, что это у Володьки странное настроение в связи с «ПкБ»? Что он, раньше ее не читал, что ли? Почему такая замедленная реакция? Я по поводу статьи ходил к Малининой, выяснилось, что Володьку не снимают, а передвинули в третий номер, а будет этот третий номер или нет — я не знаю. Я там сказал, чтобы меня членом редколлегии не считали.

Ариадна по заказу написала о нас небольшую статью в «Сов. Литературу на иноязыках». Хорошая статья, на мой взгляд. Считает, что мы продвинули метод фантастики от Уэллса дальше. От «фантастики через бытовое» к «фантастике самого быта».

Тронная речь Леонова не состоялась. Он, кажется, болен. И х... с ним. Говорят, он был вне себя от ужаса и удивления, когда узнал, что его назначили председателем этого совета — узнал, между прочим, как раз за день до своей тронной речи. На что нам такой председатель? И, прямо скажем, на что нам такой совет?

Ходят слухи, что Большой ЦК разрешил журнал ФП Союзу писателей. Во главе поставили, якобы, Сытина. Так что фактором в нашей жизни этот журнал вряд ли будет.

Купил тебе 60 пачек «Лайки» с фильтром. Двадцать вышлю, не замешкав, если примут бандероль, или же посылкой, а остальные сорок привезу. Так что считай, подарок ко дню рождения есть. Что до двойного унитаза, о котором вы столь молите, то Ленка следит и будет до победы следить.

Статью Нуделя и вещи Севера прислать не могу. Статья — в издательстве, рассказы — где-то. Севера давно не видел. Да ты не огорчайся, все будет, и кофе, и какао[1]. Нищие вот одолели. Пока пишу письмо — третий ломится.

Выступление для «ЛиЖи» я все-таки написал, Ленка сказала, что ничеГё. Так что рискнем своими репутациями при любых обстоятельствах.

Толя Днепров учинил очередной скандал с ребятами, поругался со всеми. Но на этот раз высокими именами не размахивал, а ссылался на общественность. Я его видел, предложил

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 13): «Кофе тебе будет, какава!»

начать дискуссию, он, кажется, согласился. Вообще всё это гроша ломаного не стоит.

О биб-ке мировой фантастики. Мы разработали поименно весь состав первой серии — 15 томов на первые три года. Даю тебе перечень:

1965	1966	1967
Ефремов	Стругацкие	Днепров (?)
Лем	Кларк	Уиндем
Брэдбери	Азимов	Джек Вэнс (?)
Абэ	Веркор	Ван-Вогт
Антология	Антология	Антология

Названия вещей тоже примерно определили, но еще не окончательно. Мне уже дали переводить Абэ Кобо, у Брэдбери пойдет «451» и целиком «Хроники», Лем будет представлен «Солярисом» и либо «Непобедимым», либо «Возвращением со звезд». Сейчас с трепетом ожидаем: утвердит нам Романов саму библиотеку или нет.

Одновременно мне предложили (неофициально) составить подобную же библиотеку для Детгиза — но там приключения и фантастика советских авторов на 20 томов. Сейчас возьмусь за работу.

Пока всё.

Кажется, ничего не забыл. Целую, твой любящий брат.

Привет Адке. Поцелуй мамочку.

[подпись]

Совсем забыл, пришлось даже конверт разорвать. Срочно вышли в бухгалтерию «Мол. Гв.» заявление о переводе на сберкнижку, получай свою долю в 60 % по одобрению «ДР». Сообщи также, получил ли деньги по авансу за ПНвС из Детгиза.

К слову: вчера был в Детгизе, мадам[1] очень настойчиво требовала от меня заверений в том, что к концу сентября вещь будет лежать у нее на столе. И вздыхала, что не раньше.

В архиве АБС сохранился примерный состав подписной библиотеки, датированный 12 апреля 1964 года.

---

[1] Здесь и далее — Калакуцкая Мария Михайловна, заведующая редакцией «Детской литературы». Также: «М. М.», «Мария Михайловна».

ИЗ АРХИВА. ПРИМЕРНЫЙ СОСТАВ ПОДПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» «ФАНТАСТИКА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПОДВИГ» (В 20-ТИ ТОМАХ)

А. Раздел «ПРИКЛЮЧЕНИЯ».

1. Л. Платов «Секретный фарватер», 500 стр.

2. Г. Тушкан «Джура», 400 стр.

3. Н. Томан «Погоня за Призраком» (авторский сборник, состав уточнить с автором). 450 стр.

4. В. Ардаматский «Он сделал всё, что мог» (авторский сборник, состав уточнить с автором). 400 стр.

5. Р. Ким «Кто украл Пуннакана» (авторский сборник, состав уточнить с автором). 500 стр.

6. Л. Лагин «Белокурая бестия» (авторский сборник, состав уточнить с автором). 500 стр.

7. А. Адамов «Дело Пестрых» (авторский сборник в составе двух повестей: «Дело Пестрых» и «Черная моль»). 550 стр.

8. Е. Рысс «Буря», 450 стр.

9. Г. Брянцев «Конец осиного гнезда», 400 стр.

10. Сборник «Подвиг» (повести Б. Лавренева, Л. Соболева, Эм. Казакевича). 500 стр.

Б. Раздел «ФАНТАСТИКА»

1. С. Лем «Магелланово облако», 400 стр.

2. И. Ефремов «Великая Дуга» («Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены»). 400 стр.

3. А. Казанцев «Пылающий остров», 450 стр.

4. В. Немцов «Три желания» (авторский сборник, состав уточнить с автором). 400 стр.

5. Ю. Долгушин «ГЧ», 450 стр.

6. Г. Мартынов «Каллисто» («Каллисто» и «Каллистяне»). 550 стр.

7. А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Страна Багровых Туч» («Страна Багровых Туч», «Путь на Амальтею» и «Стажеры»). 550 стр.

8. Г. Уэллс «Люди как боги», 400 стр.

9. Сборник «Баллада о звездах» (избранные повести советских фантастов).

А. Днепров «Глиняный бог»

Г. Альтов, В. Журавлева «Баллада о звездах»

А. Полещук «Ошибка Алексея Алексеева»

Н. Разговоров «Четыре четырки»

Г. Громова «Глеги»

Г. Гуревич «Мы — с переднего края»

Всего 500 стр.

10. Сборник «Когда задают вопросы...» (избранные рассказы советских фантастов).

Г. Альтов «Богатырская симфония», «Полигон Звездная Река».

И. Варшавский «Индекс Е81», «Роби», «Сиреневая планета».

Е. Войскунский, И. Лукодьянов «Перекрестки времени».

С. Гансовский «День гнева», «Мечта», «Двое».

А. Днепров «Крабы идут по острову», «Мир, в котором я исчез», «Когда задают вопросы...».

М. Емцев, Е. Парнов «Снежок», «Уравнение с Бледного Нептуна».

И. Ефремов «Атолл Факаофо», «Встреча над Тускаророй», «Озеро горных духов».

В. Журавлева «Человек, создавший Атлантиду», «Астронавт».

Л. Леонов «Первые» (отрывок из «Дороги на Океан»).

В. Михайлов «Черные журавли вселенной».

А. Полещук «Тайна Гомера».

Примечание: В зависимости от того, в каком году планируется этот сборник, состав его можно будет варьировать, пополнять и изменять.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 13 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Все эти «Писатели и Науки» я, как и ты, мягко выражаясь, э...л. Со всеми моими заботами еще только не хватало «Воплей». Конечно, приятно было бы появиться в этом журнале, который я искренне уважаю, но, ей-богу, некогда было. И потом, что у них за манера обращаться в последний день? Свинство в общем-то! Словом, за вчерашний день я придумал только сюжет, сейчас отошлю тебе это письмо и попробую что-нибудь написать. Потребуется мне на это минимум два дня, причем, может быть, вообще ничего не получится. Так что, если будут звонить, скажи, что мы не успели и что надо предложения такого рода делать все-таки заранее, а не за два-три дня. А там видно будет.

Читал Адке ХВВ. Ей очень понравилось. Она сказала, что это не лучшая наша вещь, но во всяком случае — самая увлека-

тельная и интересная. Так что можно считать, что хороший детектив у нас уже получился.

Видел Володьку. Настроение мрачное и, действительно, странное. Но это не для письма. Илья[1] читал новые рассказы — ничеГё. Про кошку — просто хорошо. Хулиган он все-таки, молодчина.

Я обживаю квартиру. Все болеют. Мама — ничего.

Купил хорошую книжку: «Вирусы и природа жизни»[2]. Вообще веду растительный образ жизни. Большею частию лежу на ковре[3], курю и читаю «Происхождение человека». Кроме того, приколачиваю всякие нашлепки, гвозди, гардины, хожу по магазинам и выискиваю мебель. Как там насчет двойных моек и пишущей машинки?

Целую в щечку, твой верный [подпись]

P. T. А что были за письма от поклонников? От кого и о чем?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 15 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

Ну, в рассуждении «Воплей» я уже тебе писал: статью написал, приехал за ней какой-то хмырь болотный, говорит, что отлично и что публиковать будут в 5-м номере. Сфотографировал меня, расхвастался знакомствами и способностями, причем, по-моему, всё время врал, и уехал. Зовут его А. Лесс, спроси Володьку, может быть, он в курсе.

Если ты уже что-нибудь написал, не горчись, не пропадет, куда-нибудь сунем, а может, и идеи хорошие подвернутся там у тебя, тогда вставим куда-либо.

Очень рад, что Адке нравится ХВВ. Манин здесь приходил, в ногах валялся, даже в порядке подлиза припер два тома лекций Фройда, но я ему не дал. А Фройда читаю. Вот так.

Вчера на обществе фантастов предложил отнестись к Альтову прилично. Куда там! Обгадили с головы до ног. Все жаждали веселиться и веселились вовсю. Молодые ребята прочитали свой рассказ — про Ноя, Хама и прочую публику из Книги в

---

[1] Здесь и далее — Варшавский Илья Иосифович, писатель.

[2] Стэнли У., Вэленс Э. Вирусы и природа жизни.— М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

[3] Аллюзия на «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя: «Большею частию лежал на кровати».

связи с Пришельцами, рассказ дерьмовый, но нельзя же так — обгадили и их. Вышел парнишка, уполномоченный из молодежного кафе «Аэлита» звать фантастов на вечерок — его тоже обгадили, простыней утираться не хватило. Черт знает, до чего хлопчики пораспустились. Мы после всего пошли к Ариадне — она, Ленка, Олег[1], Нина Беркова и режиссер Каневский, да потом Ревич пришел, ну и того... Между прочим, я не курю.

Послать тебе сигареты пока не удалось. Упаковка какая-то там нужна. Табак не принимают.

А письма были от мальчишек, с целины и из Донецка. И еще ни к селу ни к городу прислал Женька Закладный вторую часть седьмого тома «Махабхараты». Впрочем, там я сразу обнаружил Упанишады, Арджуну и прочую муть из разговоров «Зеркала».

Пока всё, целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 15 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

С этой научно-писательской мочой у меня ничего не вышло — и некогда, и не тянет. Ну их к черту.

Вчера было заседание клуба фантастов в «Звезде». Зайцев читал свой рассказ из личной жизни — ничего, в стиле Солженицына. И еще показывал югославские газеты с сенсацией: там в какой-то церкви XIV в. обнаружили фрески, изображающие ангелов, летящих на спутниках, и Христа, возносящегося в ракете. Приведены фотографии. Действительно, похоже. Правда, это может быть современной подделкой монахов для привлечения внимания к храму. Дмитревский сообщил, что директор Лениздата предложил: a) Выпустить сборник советской фантастики к 50-летию Советской власти и b). Организовать ежемесячные (!) выпуски фантастики по пять-шесть листов, дешевые и тиражеватые. Лениздат, кажется, выхлопотал себе положение республиканского (а не областного) изд-ва и теперь будет экспортировать свою продукцию по всему СССР.

Вышел сигнал ленинградского сборника Ильи И.[2] Очень милая, аккуратная книжечка, битком набитая рассказами и с очень хорошими заставками. Прочитал еще два рассказа Ольги Ларионовой — ничего, оба хохмаческие. Урбану изд-во «Сов. пис.»

---

[1] Соколов Олег Игоревич, редактор «Искателя».

[2] Варшавский И. Молекулярное кафе.— Л.: Лениздат, 1964.

поручило составить сборник лучшей за последние два года советской фантастики. Он просил у меня консультацию, я ему дал. Миша Хейфец ездил в Москву выяснять насчет того критического сборника в Гослитиздате (о Леме, Брэдбери, Ефремове и о нас) — сборник перенесли на следующий год (мало бумаги). Хейфец говорит, что если бы у него была возможность посидеть в Москве подольше, он пробил бы этот сборник и в этом году. Обстановка там и отношение к сборнику самые благоприятные.

Кан вернул мне твоего Lewis'a[1]. Очень его хвалил и удивлялся, что тебе не понравилось. Вырвал у меня твой адрес, будет, наверное, писать, благодарить и просить еще. А может быть, и не будет.

Да, я подслушал разговор Дмитревского и Брандиса. Слышно было плохо, но, кажется, Лениздат в сборнике 1964 года не хочет печатать ни «ПнА», ни «Непобедимого» Лема. Хоть компания хорошая.

Напиши, как там у вас дела. Кто что делает и как поступает.

Всем привет, целую [подпись]

P. S. Сегодня мне стукнуло 31 год. С ума сойти можно!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо с новостями. У меня никаких особых новостей нет. Всю неделю сидел дома и переводил, читал Фрейда и Фредерика Поля — есть такой талантливый американский фантаст, отмечен вниманием Эмиса. Однако нет, выезжал в порядке самопроветривания к Северу. Север хорош, отрастил усы и ходит в милицию за материалами для пиесы. Кроме того, сам себя иллюстрирует для сборника в «Знании». Передавал тебе большие приветы. Читал свои рецензии — он любит и умеет рецензировать, получается очень убедительно. Правильно или нет — это другой вопрос.

Не помню, писал ли тебе, что начал перевод Абэ Кобо «Четвертый ледниковый период». Очень глубокая и странная вещь, что-то весьма близкое к Лему. Интересно, он, конечно, о Леме понятия не имел, когда писал, находился на другом конце земли, а вот поди ты... Он умный человек, коммунист, как и Лем,

[1] Вероятно, книгу англ. писателя К. С. Льюиса.

философ, как и Лем, кажется, не дурак в науке... как и Лем. Нет ли здесь какой-то закономерности? Случаен ли «лемизм» в литературе? И тоже, как и Лем, пиком возвышается над сородичами-фантастами в том отношении, что ему надо не поразить читателя, а высказать то, что обычными средствами не высказывается. В «4-м ледниковом» ясно светит мысль: современники, не смейте судить будущее! Даже если оно вам не по вкусу, не смейте убивать его. Вашему вкусу в будущем места нет.

Вот, кажется, все новости. Да, днями разодрал все журналы, извлек из них квинтэссенцию[1], сейчас иду в переплетную мастерскую. Места освободилось — страсть.

Имею прибыть к 6-му мая.

Целую, твой Арк.

Привет всем.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 20 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Пришли, пожалуйста, то, что ты написал для Воплей. Должен же и я посмотреть. Может быть, что-либо добавлю. Я не написал ничего: не нашел материалов. А мысль состояла в том, чтобы проблему Писатель-Наука свести к проблеме Писатель-Новый Читатель. О правах и обязанностях писателей в отношении новой аудитории ученых, невиданной раньше (в 1962 г. в вузах СССР училось три миллиона человек, представляешь?). Такая трактовка проблемы писатель—наука представлялась мне весьма заманчивой, но я не нашел никаких справочников, а без цифр всё это звучало бы ерундово.

2. Сигаретки получил — большое спасибо. Курю.

3. Заявление в бухгалтерию МолГв отправил. Из Детгиза получил четыреста с лишним уже довольно давно.

4. Намедни ребята здорово приставали, чтобы прочитал им ХВВ. Очень мне хотелось, но верный своему союзническому долгу... Кстати, если разобраться, то единственная причина, по которой я был против прочтений черновика, сводится к тому,

---

[1] Реминисценция подзаголовка «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции».

чтобы черновик не ходил по неприятным рукам. Может быть, во изменение предыдущего решения постановить: черновик научно-фантастических статей Стругацких выдается для прочтения ТОЛЬКО лицам, к литературе прямого отношения не имеющим. Пример: Манин — да, Громова — нет. Чистяков — да, Варшавский — нет. И т. д. Чтобы не приставали разные Брандисы-Дмитревские у меня и соответствующие доброхоты у тебя. Как ты относишься к такой идее?

5. Прочитал «Исландский колокол» Лакснесса[1]. Ты знаешь, противу ожиданий это оказалось хорошо — очень горькая и сильная повесть об Исландии времен, примерно, петровских. Очень честная и жестокая. И какая-то безнадежная. Прочти. Преодолей две-три первые страницы, а потом пойдет само.

6. Бегаю за мебелью. Пока безнадежно. По-видимому, будем писать ПНвС за кухонным столом, сидя на немецких табуретках и лежа на советских раскладушках или на немецком же репарационном ковре. Думаю, это будет не так уж плохо, а?

7. Я все-таки попрошу тебя приподнять почтенную поясницу и зайти в магазин пишмашинок. Если найдешь нечто подходящее — телеграфируй, я вышлю деньги (на сбк) и ты купишь и привезешь. Хочу иметь хорошую машинку и тебе тоже не след таскать свою из города в город. Займись. Заодно и воздухом подышишь.

8. Травинский уехал в отпуск. Настроение его было странным не по поводу ПкБ, а в смысле ПкБ («желающие странного»). «Непобедимого» берут в «Звезду». Брускин ходит и всех угощает коньяком. На днях в ССП состоится интересное заседание: какой-то товарищ из дома детской книги проведет анализ детских отзывов о н.-ф. Ужо отпишу. Альтов и Журавлева прислали очень нахальное письмо в «Звезду». Всех несут. По-видимому, их гипотеза получила огромный резонанс на Западе. Говорят, что даже Би-Би-Си что-то излагала по этому поводу. Но хамы они редкостные, все-таки.

Ну, на сем кончаю, всем большой привет. Поцелуй Ленку. Жду твоих писем и тебя самого, твой [подпись]

P. T. Как-то там наше дело в ССП? Бр-р-р...

В это время приходит ответ от Альтова.

[1] Лакснесс Х. Исландский колокол.— М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АНу, 21 АПРЕЛЯ 1964

Уважаемый Аркадий Натанович!

Получил Ваше письмо, спасибо. Ради бога, не огорчайтесь. Всё идет нормально: пусть ответ будет сформулирован в любой форме.

Я, конечно, не теоретик литературы. И не писатель (в сущности, моя сила в том, что я это понимаю). Но я люблю фантастику. С детства — на всех поворотах — фантастика определяла мою жизнь. Это что-то вроде религии. Правда, я не фанатик и допускаю, что в одном храме можно молиться разным богам. Я лично верую больше в фантастику прогнозную, когда фантастика используется не как лит-прием, а чтобы на самом деле возможно точнее и возможно дальше заглянуть в будущее. Но, повторяю, я терпимо отношусь и к другим религиям. Единственное, что, на мой взгляд, недопустимо — это осквернение храма.

Веселые ребята, которые проголосовали за письмо ко мне, двинули пешку и не видят ничего дальше этого хода. Между тем, уже при небольшом напряжении умственных способностей можно было догадаться, что я рассчитываю именно на такое отношение.

В сущности, дело уже сделано: «мамонтовстречные» и т. п. произведения, которые уже в типографиях, по инерции выйдут, но через полгода злоупотребление штампами станет заметно меньше. Раздражение пройдет, а внедренная в сознание фантастов мысль останется, даст ростки. Удобрения для этих ростков подготовлены.

Пожалуйста, не надо никого отговаривать: всё учтено могучим ураганом — пусть отправляют свою резолюцию.

Первый опыт показал, что есть смысл наладить не эпизодическую, а более или менее стабильную связь между фантастами, работающими в разных городах. Конечно, хорошо было бы начать с всесоюзного совещания или семинара. Мне кажется, что такое совещание должно быть деловым (в отличие от семинара 61-го года) и творческим (в отличие от парада, устроенного «Техникой — молодежи» в 62-м году). Для этого надо заранее разумно отобрать вопросы и продумать организацию работы. В частности, если до совещания представить отпечатанные на машинке тезисы основных выступлений, будет сэкономлено полтора-два дня. Есть вопросы, до которых вообще никогда не

успевали дойти: иллюстрации к фантастике, фантастика в театре, на радио и телевидении.

Если Вы за такое совещание, то возникает вопрос: кто его проведет? Может быть, литобъединение при «Молодой Гвардии»? Или ленинградцы?

В прошлом году Войскунский говорил, что Вы думаете побывать в Баку. Здесь есть человек 10 начинающих (и способных) авторов: они очень хотели бы встретиться с Вами. Разумеется, того же хотят и читатели. Опять вопрос: кто командирует Вас (конечно, если Вы согласитесь) в Баку?

Картина сейчас грустная: сидят по всей Руси — каждый в своем углу — фантасты и самодеятельно лепят фантастику. Огромное количество брака и полубрака не столько от прямой халтуры (есть и это), сколько из-за незнания азов, разобщенности, отсутствия постоянного обмена мнениями. Накапливают опыт методом «ткнулся, набил шишку, снова ткнулся и т. д.». Журнал — вещь официальная, малоподвижная. Поэтому мне хочется найти какую-то деловую, творческую форму контактов.

Рад буду узнать Ваше мнение... если, конечно, Вам не очень скучно говорить на эту тему.

С искренним уважением [подпись]

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Бешка!

1. Ликуй, старый рыжий пес! Вчера звонил Томан и сообщил, что комиссия нас утвердила. Потом звонила Ариадна и сообщила, что ей звонил Томан, что комиссия нас утвердила. Меня не было дома, и когда я пришел домой, Ленка сообщила, что Катерина Евгеньевна говорила по телефону с Ариадной, и та сообщила, что Томан звонил ей, что комиссия нас утвердила. Поздравляю, товарищ Советский Писатель.

2. Пришла вторая верстка ДрТбб, уже чистенькая и с рисунками. Напишу тебе письмо и помчусь снимать вопросы, сегодня же Бела сдаст в производство, производство свободно, и, возможно, в мае будет сигнал. Ликуй, рыжий... Впрочем, я уже писал, да?

3. Высылаю тебе статью с сокращениями. Твоя идея отличная. Мы обязательно напишем такую статью и опубликуем в Литературке. Три миллиона научников в год! Ничего себе ухо!

4. Чистяков — да. Манин тоже да. Согласен. Только читай из своих рук. И немедленно пришли отзывы.

5. «Исландский колокол» я э... Я Фройда читаю. Намедни переставлял свою библиотеку и обнаружил интересные фотографии. Ужо привезу. Сколько пыли в книгах заводится!

6. ПНвС готов писать даже на унитазе, не то что на ковре. Приеду, видимо, к маминому дню рождения. А я кое-какие книжечки для этого достаю.

7. Пишмашинку тебе ищут четыре человека, а двойной унитаз — два. Если пишмаш-ку не найдут, привезу пока свою. Какую-то особую ищут, с приставным стулом и чтобы одновременно была клавесинами. Фирмы «Бедекер».

8. Угости на радостях Брускина коньяком. Очень рад за него. У нас в изд-вах его ждут.

На сем кончаю. Крепко целуй маму и Адку, всем ах-приветцы.

Твой верный АНС.

[Рисунок: Подпись, переходящая в ряд очков]

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 23 АПРЕЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Оказывается, праздновать еще рано. Утвердить нас утвердили, но утвердили условно, впредь до представления Ленинградским отделением характеристики и рекомендации на тебя.

Что всё это значит и для чего это нужно — я не знаю и знать не хочу. Кстати, рассматривало нас правление не Московской организации, а РСФСР, ибо Московская вообще не имеет тебя права рассматривать, как они вдруг заявили.

Так вот, уведомляю тебя, что я послал их всех — и не шепотом, а вслух, в телефонную трубку — и заявил, что заниматься этой белибердой не намерен, звонить и согласовывать и увязывать и вообще кланяться им не стану. Сказал, что мне на них наср... И пусть не думают, что они меня утвердили, а тебя нет.

Вот такое положение. Если хочешь, хлопочи дальше сам через Гора и прочих. Я всегда с тобой, без тебя я утверждаться не стану. С огромным наслаждением вообще плюнул бы на них, но ты считаешь, что быть членом необходимо. Ну а мне и так хорошо. Я перебьюсь без них столько времени, сколько тебе потребуется на получение рекомендации, и даже еще года полтора сверх этого.

Только не проси меня, чтобы я шел и что-то еще узнавал и согласовывал. Я туда не пойду. Ноги моей там не будет.

Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 24 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Я должен ликовать? Но я не понимаю, почему. Ты написал, что комиссия нас утвердила. Но пардон — комиссия, как я понимал, нас утвердила давно. Либо ты описáлся — и тогда я радуюсь, либо... А билеты когда? Билеты давай! Билеты давай, говору! Черт, неужели ты описáлся»!..

2. Статейку ты написал превосходную в Вопли. Молодчага! Мне очень понравилась — злая и наша. Только когда пишешь о проваливающихся куда-то Уэллсе и пр., не надо писать о Стругацких. Мы еще не классики. А в общем отлично.

3. Пишмашинку особенную мне совсем не надо. Мне надо обычную — немецкую, с крупным шрифтом и достаточно приятным общим видом. Без приставного стула. Стул у меня есть и так. И неплохой.

4. Был давеча в ССП. Слушал доклад сотрудника Публ. Бибки т. Коноплева на тему: «Советская н.-ф. литература о будущем в чтении учащихся средних и старших классов». Тов. Коноплев оказался дураком и тупицей. Доклад был дерьмо: набрал разных отзывов вундеркиндов и думает, что от этого есть какая-то польза. А когда я ему предложил заняться серьезной статистикой, он очень обиделся и рассердился, словно я пригласил его на совокупление с коровой. Я всё пытался объяснить ему, что это очень приятно, но он отвечал, что больно далеко бегать целоваться. На заседание пришла куча ребятишек в возрасте от 12 до 16. Все развращены донельзя своими библиотекарями, которые старательно вбивают им с детства, что в н.-ф. главное — наука. Впрочем, чем ребята старше, тем отчетливее они ощущают, что это не так. Коротко говоря, из доклада и высказываний ребятишек я понял, что мы котируемся высоко. Зачитанные отзывы были очень лестными: очень современны, много выдумки, неожиданные идеи, читаются без отрыва, Юрковский и Горбовский очень симпатичные и живые человеки, один из братьев ученый и это дает им возможность вовремя остановиться... (М-м-м-мать!..) И т. д. О других авторах тоже отзывались хорошо, но всё с какими-то оговорками. Мартынов

хорош, но редко шутит и герои его совсем не улыбаются. Гор хорош, но временами слишком заумен и скучен. Савченко, Колпаков и Полещук — излишне запутанны. О Ефремове и Казанцеве говорили мало. О Леме тоже.

В общем было довольно интересно, но бесцельно. Ребятишки не показались мне искренними. Слишком много заученных формулировок. Или выпендриваются. После заседания навалились на меня и вытянули всю подноготную. Долго добивались, что такое «Люди Земли»[1] и когда они выйдут. Где ТББ? О чем? Когда выходит ДР отдельно? И пр. и пр. Потом я натравил их на Брускина и пошел пить кофе.

Ну, пока. Крепко целую. Жду новостей. Твой [подпись]

Р. Т. Слушай, а чем кончилась та история с перепечаткой Возвращения французами?

Доклад Коноплева на чтениях в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина позже был опубликован в сборнике «О литературе для детей». Об АБС там говорилось так:

КОНОПЛЕВ В. СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА В ЧТЕНИИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА

<...>

Вот Валентин Петров, звездолетчик, герой рассказа «Частные предположения» братьев Стругацких.

«Веришь ему,— говорят читатели,— веришь, что такому всё удастся, что такой, по словам одного из героев произведения, в XXIV век войдет, так же весело улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете».

«Люди, люди будущего — им посвящены все книги Стругацких»,— отмечают ребята.

В этом плане примечательна последняя повесть Стругацких «Далекая Радуга». Беспримерная катастрофа произошла на планете физиков — Радуге. Люди должны погибнуть. Они находят способ спасти детей и часть своих работ, результаты наблюдений, имеющие большое значение для всего человечества. И все-таки впечатления обреченности не создается.

---

[1] Первоначальное название сборника «Путь на Амальтею».

«Нет, думаешь ты,— говорит Боря Миловидов,— такие люди не могут погибнуть, потому что они не боятся смерти, потому что они из племени победителей. И, даже погибая, они побеждают стихию, вырвавшуюся из их рук».

<...>

Идея эмоционального робота, по мнению ребят, жестоко высмеивается Гором. Они отмечают, что страсти его героев скорее интеллектуального порядка, тогда как, например, у Стругацких герои не только интеллектуальны, но и страстно действенны. Не все герои Гора запоминаются, может быть, именно по этой причине. Персонажам Стругацких, по мнению некоторых читателей, не хватает известной тонкости, воспитанности, но они в избытке у героев Гора. Здесь возникают споры. Поклонники книг Стругацких защищают их персонажей. Эти читатели полагают, что герои Стругацких не менее глубоки и многогранны, просто они люди иного склада, иначе выражают себя.

<...>

Ребята выступают против фантасмагорий, популяризации сомнительных в научном отношении идей, остро критикуют шаблон и примитив в нашей фантастике.

Даже в таких интересных произведениях о коммунистическом будущем, как «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых и «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких, чудеса техники заслоняют ее создателей.

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 25 АПРЕЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Получил твое горестное письмо и, естественно, скис. Но, собравшись с духом, позвонил Влад. Ив-чу[1] и, изложив ситуацию, попросил помочь. Он сказал, что сейчас едет к Брандису, и они вдвоем составят характеристику-рекомендацию, а в понедельник постараются сунуть на подпись Прокофьеву или Чепурову (секретари Лен. отд-я). Так что шансы еще есть. Меня больше всего беспокоит: a) Что еще могут быть чьи-то козни, и тогда всё усложняется и b) Что мы не успеем пробить это дело до середины мая, и тогда все уйдут на каникулы и придется

[1] Дмитревский Владимир Иванович, литературовед, писатель.

ждать еще год. Ты все-таки выясни (еще раз): что именно (точно) от меня требуют (характеристику, или рекомендацию, или и то, и другое вместе, или, м. б., можно, как собирается сделать Вл. Ив., соединенную характеристику-рекомендацию) и куда эти бумаги посылать (на какой адрес). Срочно вышли эти данные. Тут нужно жать и жать, а то как раз опоздаем. Давай, Аркаша! Плюнь на чувства. Надо! Разом это дело свалить — и всё!

Крепко жму руку, твой [подпись]

P. S. Вл. Ив-ч, услышав мой голос, сказал: «А! Поздравляю, ты принят в Союз Писателей». Оказывается, 22-го ему сказал об этом Ефремов.

И очередное письмо от Г. Альтова с приложением — письмом в литобъединения о призе «Гриадный Крокодил».

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АНу, 30 АПРЕЛЯ 1964

Уважаемый Аркадий Натанович!

Час назад получил резолюцию московского литобъединения. Право, Вы слишком строго ее оценивали. Резолюция не хамская, это просто игривость.

Пришлось выпустить джинна. Я берег эту штуку для других целей: мне хотелось, чтобы три наших литобъединения учредили премию за лучший научно-фантастический фильм. Мне казалось, что полезно учредить — на общественных началах — такую премию. Ведь есть даже премии за фильмы с авиационной тематикой... Но всё это пришлось оставить: фантастика требует жертв.

Поздравляю Вас с праздником, желаю успехов

Г. Альтов

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА В ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ, 30 АПРЕЛЯ 1964

Комиссии по научной фантастике (Баку)
Литобъединению писателей-фантастов (Москва)
Комиссии по научной фантастике (Ленинград)

Дорогие товарищи!

Прежде всего, хочу поблагодарить вас за внимание, с которым вы рассмотрели предложения, касающиеся борьбы с лавиной повторов в научной фантастике.

1. Ленинградские фантасты приняли следующую резолюцию:

«Комиссия разделяет точку зрения преамбулы относительно необходимости борьбы с халтурой и штамповки одинаковых сюжетов, но считает, что «Регистр» не может принести в этом смысле практической пользы и ни в какой мере не оправдывает надежд составителя».

Очень хорошо, что необходимость борьбы с халтурой не вызывает сомнения. К сожалению, ленинградские коллеги не указывают — как бороться. Именно в целях борьбы с халтурой я и внес два своих предложения. Оправдают ли они возлагаемые на них надежды? Я настроен оптимистически: мне кажется, что они уже с лихвой оправдали.

Задача состояла в том, чтобы обратить внимание фантастов на недопустимость прямых повторов («тех же щей, да пожиже влей»). Чисто психологическая операция: фантасты должны были заметить и запомнить мысль об опасности повторов. И это уже достигнуто. Заметили и запомнили. Хорошо заметили и надолго запомнили.

Конечно, в ближайшие месяцы появятся ранее запущенные в производство «мамонтовстречные» и т. п. «произведения». Но я уверен, что уже через полгода поток «тех же щей» поуменьшится.

Раздражение, сопутствовавшее психологической операции, пройдет, а полезное действие останется.

Ну, а если не у всех останется, разве нельзя повторить?

2. Бакинские фантасты — в большинстве — тоже считают, что с повторами надо активно бороться. Это побуждает к поискам новых форм борьбы с халтурой — помимо Регистра.

Раз большинство товарищей считает, что Регистр не оправдает надежд и нужно идти дальше, я готов идти. Тем более что московские фантасты указывают конкретные пути.

3. По мнению литобъединения московских фантастов, наиболее ценным в «Регистре» является десятичная система регистрации, принятая — для каталогизирования — в передовых странах мира. В связи с этим работа должна получить признание в организации, занимающейся данной проблемой,— в ЮНЕСКО. К каковой организации меня и отсылают.

Хотя при голосовании не было единодушия, но в числе коллег, голосовавших за эту резолюцию, были фантасты особо компетентные в проблеме повторов. Это заставляет меня присоединиться к их мнению.

Практическим выводом инициативы, проявленной коллегами, принявшими резолюцию, является учреждение — по согласованию с ЮНЕСКО — приза «Гриадный Крокодил», присуждаемого за наихудшее научно-фантастическое произведение года.

Ежегодные призы, как свидетельствует практика кинематографии, не уступают по своей ценности десятичной системе каталогизирования. Приз «Гриадный Крокодил», надо надеяться, будет эффективным средством борьбы с «теми же щами».

Прилагаю Статус приза, предусматривающий порядок его присуждения и вручения, а также фотоснимки, сделанные с первого полностью готового к вручению приза.

Я понимаю, что «Гриадный Крокодил» — не панацея. Но было бы нереально искать средство, способное одним махом ликвидировать халтуру в фантастике. Нужна цепь продуманных и последовательных действий, и «Гриадный Крокодил» — лишь звено цепи.

С уважением [подпись] Г. Альтов

«ГРИАДНЫЙ КРОКОДИЛ»

§ 1. «Гриадный Крокодил» — приз за наихудшее научно-фантастическое произведение года. Назначение приза в том, чтобы воздать по заслугам халтурным сочинениям, бросающим тень на весь жанр научной фантастики.

Примечание: «Гриадный Крокодил» присуждается вне зависимости от размеров и формы произведения (проза, поэзия, киносценарий и т. д.).

§ 2. Приз представляет собой укрепленную на пластмассовой подставке стеклянную сферу (см. снимок), внутри которой — в глубоком вакууме — находится фигура крокодила, выполненная, в основном, из кислорода, кремния и алюминия. Крокодил держит в руках вилы. На подставке, рядом со сферой расположена металлическая пластинка, на которой выгравированы — год, фамилия автора и название произведения.

§ 3. В соответствии с духом пожеланий литобъединения московских фантастов, решение о присуждении «Гриадного Крокодила» может вынести только ЮНЕСКО.

Примечание 1: Временно (до согласования с ЮНЕСКО) определение наихудшего научно-фантастического произведения производится Клубом любителей фантастики при Доме Детской Книги (Москва).

Примечание 2: Правопреемником Клуба любителей фантастики является Клуб любителей книги при библиотеке им. Ахундова (Баку).

§ 4. Решение о присуждении «Гриадного Крокодила» выносится по окончании года, но не позже 15 марта следующего года.

Примечание: Решение о присуждении «Гриадного Крокодила» за 1963 год — в порядке исключения — должно быть вынесено к 1 июня 1964 года.

§ 5. Вопросы, связанные с торжественной процедурой вручения «Гриадного Крокодила», решаются по ходу дела.

Примечание 1: Лет через 10–20, когда накопится опыт проведения подобных процедур, можно будет составить инструкцию, определяющую церемониал вручения приза.

Примечание 2: Автор, не явившийся в месячный срок за получением причитающегося ему «Гриадного Крокодила», теряет право на получение приза, который передается — в назидание потомкам — на вечное хранение и выставляется на видном месте в помещении организации, принявшей решение о присуждении.

§ 6. Приз «Гриадный Крокодил» не дает получившим его авторам прав на какие-либо льготы, например, вхождение в троллейбус или автобус с передней площадки.

Для читателя, не знакомого с историей «Гриадного Крокодила», а в особенности для тех, кому непонятно и само название премии, приводим фрагмент выступления Г. Альтова (Альтшуллера) на семинаре в Челябинске в 1986 году.

АЛЬТШУЛЛЕР Г. ГРИАДНЫЙ КРОКОДИЛ

Приз назвали «Гриадный Крокодил».

Почему Гриадный Крокодил?

Вы здесь люди молодые, я надеюсь, вы не помните кошмарный роман Колпакова «Гриада». Никто не помнит? Ну, вам повезло. В начале шестидесятых годов в «Пионерской правде» из номера в номер начал печататься роман Колпакова «Гриада», начались перепечатки в разных журналах, еще продолжал печататься этот роман, как появились рассказы Колпакова, повести Колпакова, появился классик, как сейчас Булычев. Кто не знает сейчас Булычева? Так тогда возник мыльный пузырь под названием Колпаков. Было потрясающе непонятно, куда

смотрят издатели и куда смотрит издательство, потому что Колпаков заимствовал сюжеты, переписывал целые абзацы, слова, ситуации, идеи, он тихо-тихо орудовал так почти со всей фантастикой. Цельнотянутые произведения, бездарно скроенные. Но популярность его взрывоподобно увеличивалась.

Ребята, естественно, не прошли мимо этого; я их немножко поднатравил, мне казалось, что это вроде громоотвода: зачем, чтобы они нападали на всю фантастику, когда вот есть конкретно Колпаков. Я сказал: «Вот вам первый кандидат в призеры». Мне сказали: «Нет, его надо физически уничтожить», и принесли коллективно написанную статью. Статья была блестяще сделана. Невольно они нашли самую удачную литературную форму: никакой формы не было, статья представляла собой две строчки в начале, три строчки в конце и два ряда цитат. Они хорошо знали фантастику, дословно, они натолкнулись на целые «Гриады», переписанные у Уэллса, из романа «Когда спящий проснется». И шел кусок: вот абзац Уэллса, вот абзац Колпакова, вот еще шестнадцать страниц в таком же духе. Теперь другой кусок, здесь всего девять страниц. Вот такой анализ. В первой строчке от себя у них шли слова: «Мы учимся в школе, нас учат не списывать, а мы видим, что взрослый дядя-писатель списывает». И далее примеры. Затем заключительные строчки: «Когда мы списываем, нам ставят двойку и вызывают родителей. Как быть с таким писателем, может, он не писатель, а списыватель?» Вот такой наивный вопрос.

Я отнес статью в «Комсомольскую правду», они проверили и опубликовали. И с Колпаковым было покончено одним махом. Там, где начали печатать с продолжением, вдруг сократили. Колпаков, как гнойное явление на теле фантастики, быстро исчез. Это было достижением тогда, но меня беспокоило другое: нет Колпакова, но кто получит первый приз?

Почему гриадный крокодил? Чисто случайно: в это время исполнилась круглая дата журналу «Крокодил». И этот журнал, потеряв остроумие, выпустил статуэтки крокодила с вилами, фарфоровые, по пятерке. Нормальный человек не купит: представляете, крокодил с вилами, купить и подарить. Как это понимать, зачем это нужно было — сувенирное изделие не годилось для подарка. Редактор подарит сотруднику, сотрудник редактору, но зачем для широкой продажи? К тому моменту, о котором идет речь, уценили эти вещи, и за бесценок ребята скупили штук пятьдесят, на пятьдесят лет вперед, и сделали приз.

Надо сказать, они книжные мальчики и девочки, интеллектуалы, но руки у них хорошо работали, и они сделали внешне блестяще оформленный приз — текстолитовая очень красивая накладочка, гриадный крокодил стоит, стеклянный плафон его закрывает... Такой приз не стыдно отвезти в Канны или Карловы Вары. И металлическая пластина с гравировкой — кому, за какие заслуги. Они торжественно показали мне его — знаете, приятно получить такую вещь. Вот только надпись — «За наиболее худшее произведение такого-то года» не слишком-то воодушевляла...

Обзоры фантастики стали появляться практически во всех литературных журналах. В майском номере «Москвы» была опубликована статья Лукьянина. Она тоже пополнила счет нападок на АБС.

ЛУКЬЯНИН В. РОЖДЕННЫЙ ПРОГРЕССОМ

<...>

Самая ходовая тема, конечно, «космическая». Вы открываете первую страницу — планетолет (он же — звездолет, он же — космоплан, он же — астроплан) «Тахмасиб», «Витязь», «Урания», «Стрела» отправляются на Луну, Венеру, Марс, к центру Галактики или вообще за ее пределы. Экипаж: суровый командир, этакий космический волк, видавший виды, молодой, еще не облетанный ученый (или радист, или стажер), девушка (без нее не получится фабулы), ну и еще кто-нибудь для компании. Всё. Дальше можете не читать, все известно заранее: полет будет долгим и трудным, в пути случится авария, но ее быстро устранят, потом он влюбится в нее, а она — в него. Иногда еще — для большей занимательности — на чужой планете астронавтов встретят страшные чудовища или — того страшнее — мелкие и неуничтожимые насекомые, а может — разгул стихий. И автору придется даже пожертвовать кем-нибудь из своих героев, но не волнуйтесь: остальные в полном здравии отправятся в обратный путь, и Земля ликованием встретит их.

<...>

Кто еще страшней придумает?

Можно и еще страшней. Последуйте за героем братьев Стругацких Лозовским («Извне») на корабль таинственных Пришельцев. Вы увидите там «кошмарную тварь, похожую на по-

месь жабы и черепахи величиной с корову», «слоноподобных бронированных тараканов», «глазастых полурыб-полуптиц ростом с автомобиль» и «что-то невероятно расцвеченное, зубастое и крылатое, и что-то вообще неразборчивых форм, погруженное в зеленое полупрозрачное желе, разлитое на полу».

<...>

А что умеют сказать о труде своих героев писатели-фантасты? <...> Прославленный космический волк, командир «Тахмасиба» Быков («Стажеры» А. и Б. Стругацких) целыми днями на глазах изумленного Юры Бородина (традиционный юноша на корабле) читает старые журналы, так как корабль управляется автоматически. Он тут, как ильфовский Фунт, «для ответственности». Нередко авторы, как бы спохватываясь, пытаются уверить нас, что герои их много работают, но всегда оказывается, что либо эта работа закончена до нашего с ними знакомства, либо делается где-нибудь не на наших глазах. А если уж автор и покажет работу героев, так это непременно героическая работа, преодоление трудностей. Иногда герои даже гибнут, но чаще переносят все мужественно и даже с юмором.

<...>

А каковы моральные принципы этих людей будущего? Оказывается, в отношении долга, совести, чувства коллективизма они не очень-то далеко ушли от своих далеких предков. <...> Дружба? Коллективизм? Эти качества декларируются всеми авторами... и нарушаются их героями. <...> Нарушая запрет, нарушая честное слово, данное другу, устремляется на хрупком аппарате в каменный пояс Сатурна Юрковский («Стажеры» А. и Б. Стругацких), гибнет сам, а с ним и его старый друг. Таких примеров много. Всё это выглядит романтично, но несколько странно: выходит, подвиг лежит за гранью дисциплины, за гранью коллективизма? Действительно, чем Юрковский в таком случае отличается от Шершня, директора обсерватории на Дионе, который предпочитает всё делать сам?

А вот как говорят эти люди: «Душу выну из мер-рзавцев!» «Вернутся — изобью в кровь,— думал он.— Этого паиньку штурмана и этого генерального мерзавца». «Ни черта, ребята,— сипло сказал Гургенидзе и встал.— Ни черта.— Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы щек.— Ни черта,— повторил он». «Ох, и понесут же тебя сегодня, спортсмен!» и т. п.

А вот и декларируемые нормы их поведения:

«Он обладал правом понижать в должности, давать выговора, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать всё это».

Впрочем, подчеркнутая грубость — это единственное качество, которое позволяет отличать героев А. и Б. Стругацких если не друг от друга, то по крайней мере от героев Г. Гуревича или И. Забелина. В остальном они просто близнецы, и имя им — легион.

<...>

Враждебная техника, враждебная природа, враждебный космос, враждебная судьба — всё наваливается на одинокого рыцаря науки, и он борется и гибнет. Этот мотив понятен в произведениях буржуазных писателей. Но как он попал в повести и рассказы Б. Фрадкина, А. Днепрова, В. Журавлевой, А. и Б. Стругацких?

В майском же номере «Техники — молодежи» публикуется статья Нудельмана, где упоминается недавно вышедшая ДР.

НУДЕЛЬМАН Р. ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЕЗД

<...>

Стругацкие не ученые, не политики, не социологи. Они моралисты в фантастике. Они исследуют природу добра и зла, стремятся разделить «хорошо» и «плохо». Отсюда растут моральные императивы человеческого поведения, диктующие выбор главного направления в жизни. Герои Стругацких всегда на историческом распутье, перед выбором, а котором проверяются высшие ценности — разум и человечность. Острая и трагическая ситуация «Далекой Радуги», где в минуты смертельной опасности решается вопрос о том, что ценнее: труд всей жизни целого коллектива людей или дети этих же людей, наиболее полно выражает главную мысль Стругацких: как трудно быть человеком и как важно всегда оставаться им, как трудно побеждать дьявольски правильную логику разума во имя высшей логики человечности.

Май АН проводит в Ленинграде. АБС трудятся над второй и третьей частями ПНВС.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

Приехал 6.05.64. Уезжаю 7.06.64. Написаны черновики

«Ночь перед рождеством»[1]
«О времени и о себе»[2]
Жарко
Жажду
Ж...а.

Во время совместной работы продолжается переписка с Альтовым. Им легко и весело отвечать — вдвоем.

ПИСЬМО АБС Г. АЛЬТОВУ, 7 МАЯ 1964

Уважаемый Генрих Саулович.

Мы тщательно изучили Ваше письмо и похихикали над «Гриадным Крокодилом». Мы сейчас в Ленинграде и положение о Гриадном Крокодиле обязательно зачитаем на ближайшем же сборище местных фантастов. Не сомневаемся, что реакция будет соответствующая. Надо сказать, что Ваши обращения к общественности всегда вызывают только соответствующую реакцию. Впрочем, как говаривал трактирщик Паливец, всему этому цена дерьмо[3].

Нам, уважаемый Генрих Саулович, представляется, что Вы беретесь за дело не совсем с той стороны. Фактически Вы боретесь против литературного середняка. При этом Вы нападаете на Громову и Гансовского, на Парнова и Емцева, хотя совершенно ясно, что эти писатели стоят значительно выше среднего уровня, и создается впечатление, что Вы словно ослеплены своим принципом порицания сюжетного повтора, принципом, который по сути его имеет смысл применять (и Вы сами согласны с этим) только против середняка. Но ведь вся история негативной литературной критики в новое и новейшее время — это история борьбы с литературным середняком. И борьбы безнадежной. Середняка давят, ошпаривают пародиями, травят постановлениями, и тем не менее литература, как старый ди-

---

[1] От заглавия повести Н. Гоголя. Первоначальное заглавие второй части ПНВС.

[2] Цитата из поэмы В. Маяковского «Во весь голос» (первое вступление в поэму): «Я сам расскажу / о времени / и о себе». Первоначальное заглавие третьей части ПНВС.

[3] Цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», ч. 1, гл. 1. Перевод П. Богатырева.

ван <клопов>, ежеминутно и ежечасно рождает новые и новые стада середняка. Середняк попросту неизбежен. Неизбежен так же, как талант. Неизбежен так же, как бездарный халтурщик, ибо всё в нашем мире распределено по гауссиане. Может быть, мы немножечко пацифисты, но нам кажется, что самый верный путь — это путь утверждения, а не отрицания, путь позитивной критики, положительного примера, путь непрерывного поиска рационального зерна. Слишком часто чистка оскверненных храмов начиналась с погромов и кончалась сожжением какого-нибудь Джордано Бруно. А между тем, «Баллада о звездах» и «Полигон "Звездная Река"» сделали ей-богу много больше, чем все обращения к общественности вместе взятые. Если воевать, то воевать хорошими произведениями, а если уж бить, то бить в корень: не по автору-середняку и даже не по Волгину-Оношко, а прямо по издательству, по неприхотливому редактору и по безграмотному рецензенту. Впрочем, Вас мы тоже понимаем: прочтешь иногда чего-нибудь — так и дал бы в рыло.

Проблема связи между фантастами разных городов, как нам кажется, в какой-то степени уже решена многочисленными, хотя и эпизодическими личными контактами. Мы, например, очень дружны с Войскунским и Лукодьяновым, большинство московских фантастов часто встречаются с ленинградцами. По-видимому, этого достаточно. По-видимому, пока дело находится в такой стадии, когда другие формы общения не являются необходимыми. Идея всесоюзного совещания, как и любая позитивная идея, безусловно заслуживает всяческой поддержки. Она уже выдвигалась в Ленинграде и со вкусом обсуждалась, но вскоре сама собой заглохла, потому что никому не было ясно, чем на этом совещании заниматься, кроме как сидеть в буфете и пить коньяк. Лично мы, честно говоря, считаем, что сделано еще слишком мало, чтобы ставить какие-то вопросы, требующие специального совещания. Пока вполне достаточно личных контактов. Но это, повторяем, только наше мнение, мы вовсе не против совещания, как такового, мы просто не знаем, о чем стоило бы сейчас совещаться во всесоюзном масштабе. А впрочем, мы за любые контакты и за любые совещания — были бы практические предложения.

Давно и очень хочется побывать в Баку. Там при личной встрече мы могли бы поговорить о многом, о чем просто не имеет смысла писать в письмах. Но, черт его знает, никак эта

поездка не получается, всё время что-нибудь мешает. Может быть, удастся все-таки выбраться в этом году.

С искренним уважением

Р. Т. Если надумаете писать нам, пишите до 1 июня по адресу: Ленинград <...>

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АБС, 12 МАЯ 1964

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Ваше письмо очень огорчило меня. Мне хотелось верить, что герои ваших произведений близки вам по мировоззрению. И вдруг всё иначе. Жаль.

Борьба с литхалтурой — дело тяжелое, но совсем не безнадежное (во всяком случае — в фантастике). Допустим, однако, что это безнадежная борьба. Всё равно надо бороться. Так у вас и поступают люди в «Далекой Радуге». Я бы сказал: в безнадежных случаях особенно важно бороться. Потом будут тысячи случаев, когда в неясных ситуациях (бороться или не бороться) пригодится принцип «всё равно — борись».

Между прочим, самая результативная битва в истории человечества — это сражение Дон Кихота с ветряными мельницами. Стерлись (не только из памяти людей, но и по своим практическим последствиям) битвы Ганнибала и Цезаря, давно закончилось влияние на историю грандиозных сражений первой мировой войны (Марна, Верден, Ютландский бой). А налет Дон Кихота на мельницы еще много столетий будет формировать общечеловеческую идеологию и ощутимо воздействовать на историю. И не из-за «живучести» литературы: сохранили свою действенность и реальные древние сражения... если они были безнадежны (Фермопилы).

Другой вопрос — с той ли стороны я берусь за дело. Пожалуй, можно математически доказать, что сторона выбрана правильно. Прежде всего, Емцев и Парнов отнюдь не лучше Волгина и Оношко. «На оранжевой планете» Оношко вышла тиражом в 65 тысяч. «Космический бумеранг» Волгина — 105 тысяч. «Последняя дверь» Емцева и Парнова по степени маразмичности подобна «Бумерангу» (правда, в «Бумеранге» выдан псевдоузбекский колорит, а в «Двери» — псевдоукраинский), но зато опубликована «Дверь» в журнале, имеющем тираж 1.167.000. Потом «Дверь» пойдет в какой-нибудь сборник «Знания» — 315.000. А потом — в книгу Емцева и Парнова в том

же издательстве: еще 315.000. Уже по одному этому вредное действие «Двери» в десятки раз больше, чем «Бумеранга». Но есть еще два фактора. Книги Оношко, Волгина и других периферийных авторов сразу же подвергаются разносу в печати: это снижает их вредное действие. Кроме того, они вообще имеют малое хождение. Зато «Техника-молодежи» переходит из рук в руки. Если даже допустить, что «Дверь» на какую-то микровеличину менее маразмична, чем «Бумеранг», всё равно она оказывает — с учетом дополнительных факторов — в СОТНИ раз более вредное действие.

Я прикидывал годовой листо-тираж фантастики (кроме переводной) за последние два года. Оказывается, что 60—70% листо-тиража приходится на Днепрова, Емцева-Парнова, Гансовского, Михайлова, Мартынова, Войскунского-Лукодьянова. Ефремов с 58-го года не опубликовал ни одной новой фантастической строчки. Ваши вещи выходят сравнительно небольшим тиражом (сравните тираж «Попытки к бегству» с тиражом «Черного столба», который вышел в «Молодой Гвардии», затем в сборнике «Знания», а теперь появится в книге Войскунского-Лукодьянова) и почти не переиздаются (к сожалению).

Вот и получается, что «середняки», как вы их называете, при всей своей неизбежности и многочисленности выдают — всем гуртом — лишь 10—15% листо-тиража. И эти небольшие проценты сразу же заливают хлорной известью злых рецензий (тут все храбрецы!). А 60—70 % безнаказанно расхищаются Емцевым-Парновым и еще 8—10 гражданами. Совсем не потому, что Емцев и Парнов, как вы считаете, стоят выше среднего уровня. Их преимущество в другом — они имеют столичную прописку и запас молодых нахальных сил. Куда престарелому Оношко (он родился в 1905 году) угнаться за энергичными Емцевым-Парновым! А в тех случаях, когда появляется оношко сравнительно молодой и попадает в Москву, он превращается в Колпакова и обходит всех...

Расхищение 60—70% идет разными методами. Вы напрасно считаете, что я «ослеплен своим принципом порицания сюжетного повтора». Просто повторы — наибольшая графа хищений. Кроме того, здесь легче поймать за руку. Но я отнюдь не думаю ограничиваться этим направлением. Например, внимательно изучаю творчество Днепрова. Сложный случай. Обидно за самого Днепрова. Тут нужен какой-то другой подход. Вероятно, я построю робот, запрограммированный по Днепрову. Техничес-

ки задача не очень сложная (я приобрел некоторый опыт в проектировании «эвратронов» — машин, решающих изобретательские задачи), можно обойтись электромеханической схемой (а не электронной). Возможно, демонстрация такого робота в Москве вызовет соответствующую реакцию. (Не помню, писал ли я вам, что еще в апреле застраховал свою жизнь. Очень удачно — всего за пятерку.)

Я, конечно, понимаю, что вы останетесь при своем мнении. Вы скромничаете, когда говорите: «Мы немножко пацифисты». Очень даже множко. Отсюда и мнение, что если уж воевать, то хорошими произведениями. Типичное не то! Войскунский и Лукодьянов наизусть знают ваши вещи. Самая их заветная мечта — «писать как Стругацкие». И что же? Результаты самые плачевные. Иначе, разумеется, и быть не может: давно известно, что в искусстве нельзя ставить ногу на чужой след. Волгин старался писать «под Ефремова». Многие пытаются писать «под Днепрова»...

Хорошие произведения нужны. Для читателей. Это само собой. А противодействие литхалтуре — само собой.

Бить по неприхотливым редакторам и безграмотным рецензентам надо, вы правы. Но неприхотливость редакторов — это следствие, а не причина. Редактор не может закрыть журнал на год-другой и поискать авторов, подумать. А писатель может! Может — при желании — не выпаливать сырые вещи, а подумать, повременить. Редактор же стоит у конвейера. Он (редактор) трепыхается, ищет — тщетно. А тут возникают Емцев-Парнов: «Здрасте, мы принесли... Вот и Стругацкие одобряют...» Редактор смотрит, видит, что это не очень того, но думает: «А что делать? В конце концов, первый опус молодых авторов, кто придерется...» В следующий раз «молодые» говорят жестче. А третий редактор сам просит («Все печатают, что мы, одни должны идти не в ногу?..»). И работать с такими авторами легче: они не капризничают, на всё соглашаются.

Неприхотливость редакторов — прямое следствие пацифизма тех, кто понимает литературу и мог бы препятствовать процветанию литхалтуры. В Вашем письме есть, однако, очень обнадеживающая строчка: «Прочтешь иногда чего-нибудь — так и дал бы в рыло». Дайте! Не надо сдерживать благородные порывы! М. Глуховский говорил, что Вы, Аркадий Натанович, здорово владеете самбо. Очень удачно! В крайнем случае, можно застраховать свою жизнь: по пятерке на брата — не так уж много.

Если говорить серьезно, то вы не раз уже дрались. Например, защищая меня от Казанцева. Беда в том, что понимающие люди предпочитают терпеть и лишь в крайнем случае защищаются. А надо нападать! Нападать на всем фронте — от Немцова до Емцева. Насколько я помню, вы один раз выступили в газете — только для того, чтобы доказать, что в фантастике всё в порядке... А ведь были, есть и будут иные поводы: осталось много хороших книг, которые ни разу не были замечены критикой (газетной), есть много плохих книг, есть много неверных теоретических выступлений. Три-четыре статьи в год — это ничему не помешает (в смысле отвлечения от других дел), а эффект будет больше. Да вот конкретно: вы говорили о неприхотливых редакторах — так напишите!

От всей души желаю успеха!

[подпись]

ПИСЬМО АБС Г. АЛЬТОВУ, 30 МАЯ 1964

Уважаемый Генрих Саулович.

Подумать только, ведь мы с Вами хотим одного и того же: хорошей разнообразной литературной фантастики. А в письмах всё время спорим — того и гляди загубим истину. Наверное, надо встретиться, по-человечески познакомиться и тогда уж поговорить как следует. А пока давайте действовать порознь, но, так сказать, во имя общих идеалов. И давайте обменяемся своими кредо.

Вот Вам наше.

1. Мы считаем, что фантастам не следует ругаться из-за определений. Всегда получается буза и всеобщая неудовлетворенность, переходящая в личные ссоры (что хуже всего). Один кричит, что главное — наука. Другой кричит, что ему на науку плевать, а важен нравственный идеал. А третий заявляет, что нужно потрясти воображение, а литературу-де пусть Чехов с Толстым пишут. Всего-то фантастов тридцать человек, а идейных направлений сорок пять, и все друг друга исключают.

2. Мы считаем, что главной бедой фантастики является не наличие плохих произведений, а недостаток хороших. И мы в меру сил и способностей намерены бороться с этой бедой плечом к плечу с Вами и другими фантастами, пишущими бескорыстно и добросовестно.

3. С халтурой как таковой мы тоже намерены бороться и сами, и как близкие знакомые рецензентов, членов редколлегий и составителей сборников.

4. Мы считаем, что дела в фантастике обстоят не так уж плохо; что современная советская фантастика гораздо лучше довоенной и сразу-послевоенной. И мы питаем самые радужные надежды, когда читаем пока еще неопубликованные вещи Громовой, Гансовского, Емцева и Парнова и новых ленинградских авторов. А также когда слышим, что Вы и Войскунский с Лукодьяновым тоже намереваетесь что-то выдать на-гора.

5. Мы считаем, что фантастам необходим журнал, как трибуна для эксперимента и квалифицированной критики. Надежда на толстые журналы чрезвычайно мала, мы эту надежду уже больше не питаем.

6. Мы считаем, что хорошая литература как правило вырастает из средней и поэтому всё, мало-мальски поднимающееся над средним уровнем, требует самого терпеливого и деликатного внимания.

Вот пока и всё.

С уважением, Ваши [подпись]

Р. Т. А кто такой Глуховский? Знакомая фамилия. Что-то он напутал. А. Стругацкий — это немолодой толстый человек. О самбо он, А. Стругацкий, конечно, слышал и даже видел в кино. Но чтобы самому...

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АБС, 6 ИЮНЯ 1964

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Мое кредо можно сформулировать коротко: «Человек имеет право писать только в том случае, когда у него на сердце стучит пепел Клааса». Но я отвечу на Ваши 6 пунктов.

1. «Фантастам не следует ругаться из-за определений». Согласен на 100 %. Никогда не выступал против какого-либо направления как такового. Я против халтуры, против графоманов в каждом направлении. Фантастика может быть какой угодно. Даже научно-популярной (хотя в этом уже почти нет надобности). В каждом направлении есть плохое и хорошее. Есть, например, близкая фантастика хорошая (рассказы Ефремова), есть близкая фантастика плохая (Немцов, Сапарин). И дальняя фантастика бывает хорошая и плохая (о посредственной особо).

Строго говоря, в разное время в центре фантастики оказываются разные направления. Это историческая закономерность, стоило бы проследить ее и понять. Тут один из ключей к теории фантастики. Можно и без драки обсуждать специфику направ-

лений, их состояние и развитие. Мне казалось, что это будет интересным разделом обсуждения на совещании фантастов. Но я уже понял, что фантасты будут в буфете.

Так вот, первый пункт кредо не вызывает разногласий. Пусть на здоровье существуют все направления.

2. «Главной бедой является не наличие плохих произведений, а недостаток хороших». Увы, количество хороших произведений во многом зависит (обратно пропорционально) от количества плохих.

Когда «Искатель» только-только возникал, я имел обстоятельный и откровенный разговор с Сапариным. В конце разговора я ему сказал: «При такой трусоватой линии у Вас не будут печататься Ефремов, Стругацкие, Днепров, Журавлева. Я тоже не буду». Сапарин ответил: «Ничего. Найдем кого-нибудь». Как вы знаете, оба прогноза оказались верными. Журнал почти не имеет произведений перечисленных авторов (Днепров им дает не-днепровские вещи). Но кого-то они нашли! Они нашли Емцева и Парнова, В. Михайлова, Худенко, Г. Голубева... У меня были сторонники в редакции «Искателя». Был момент — Сапарин дрогнул. И тогда его спасли штрейкбрехеры. Теперь Сапарину чихать на меня. На вас, простите, ему тоже чихать. Штрейкбрехеры исправно поставляют подражательные вещи — и это сходит.

Примерно так было и с издательством «Знание». Нас (Журавлеву и меня) пригласили зайти, когда еще только шли разговоры о фантастике. Зашли. Увидели не очень умную тетку — Малинину. С вежливым и выдержанным Сапариным надо было два часа добираться до сути. Здесь всё выяснилось в течение пяти минут. «Что ж, обойдемся без вас»,— сказала Малинина. Я ее заверил, что не выйдет. И оказался прав. В сборниках, если не считать переводов, есть одна дельная вещь — ваша повесть. (Еще — микроповесть Н. Разговорова. Но такие вещи годятся один раз и в малых дозах.) Маловато на две книги. Даже на четыре: надо добавить книги Емцева-Парнова и Войскунского-Лукодьянова. Одна дельная повесть на четыре книги — почти вакуум.

После разговора с Малининой прошло много времени. Однако, Дубровский не предложил нам участвовать в этих сборниках. Есть штрейкбрехеры. С ними проще, они на всё готовы. Дурацкое научное послесловие? Пожалуйста! Сокращения и изменения? Пожалуйста!

Думаю, вы меня правильно поймете. Дело не в обиде. И не в беспокойстве за место. Я просто хочу объяснить, что ваш вто-

рой пункт кредо — это общая фраза. А на практике всё иначе. «Искатель» и пальцем не шевельнет, чтобы найти хорошие вещи,— есть штрейкбрехеры. «Знание-сила» давно уже не печатает Стругацких, Журавлеву, Альтова. Обходятся самодеятельностью, дали миру таких фантастов, как Оглоблин, Муслин, Зубков. А Муслин и Зубков в своем журнале («Изобретатель и рационализатор») тоже печатают свои рассказы и в порядке взаимодействия — статьи знаньесильцев.

Вы заканчиваете второй пункт кредо так: «И мы в меру сил и способностей намерены бороться с этой бедой плечом к плечу с Вами и другими фантастами, пишущими бескорыстно и добросовестно». Увы, это тоже общая фраза. Если «бороться» означает написать еще одну вещь, то так вы уже давно боретесь. Но это не помешало хлынуть потоку халтуры. Если же «бороться» означает «активно выступать против халтуры», давайте попробуем перейти от слов к делу. Вношу конкретное предложение: пора выступить за «Искатель». Спасти его от Сапарина. Журнал устоялся, давно определилась его безликость. Самое время выступить.

3. Выступление по поводу «Искателя» будет вполне отвечать 3-му пункту вашего кредо. «Бороться» — это хорошо.

Поделюсь опытом борьбы.

Надо взять бумагу (не откладывая больше, чем на 24 часа) и написать статью. Например, об «Искателе». Или о сборнике «Черный столб». Или о книгах, вышедших в республиканских к областных издательствах. Можно написать и об общих проблемах фантастики, сделав упор на критику халтуры. В сущности, любая фантастическая тема (например, фантастика и наука) может нести и критическую нагрузку. Затем статья посылается по почте в одну из следующих редакций: «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Учительская газета», журналы «Вопросы литературы», «Природа» и т. д. и т. п. У меня лично не было ни одного случая, чтобы статью не взяли.

Вот таким путем.

4. «Мы считаем, что дела в фантастике обстоят не так уж плохо; что современная советская фантастика гораздо лучше довоенной и сразу-послевоенной».

Если «довоенная» фантастика — это фантастика 20-х годов, то, увы, современная хуже. А. Толстой, Беляев и Обручев — одна эта тройка перевешивает современную фантастику. В 30-е годы,

как известно, фантастику почти прикрыли. Были годы, когда выходили 1–2 книги. Разумеется, сейчас лучше. Был абсолютный нуль, поэтому даже градус выше нуля — уже хорошо. Ура, наступила жара — плюс один по шкале Кельвина! Если говорить серьезно, то само сравнение современной фантастики с довоенной (чтобы показать, что современная не так уж плоха) весьма знаменательно.

А сразу-послевоенная фантастика — нечто вроде минус 50° ниже абсолютного нуля. Тут и нуль — тропики.

Да, после «Туманности Андромеды» лед заметно тронулся. Но если собрать всё хорошее (отличного не было), что вышло после «Туманности», и если добавить к этому посредственное, но интересное, получится книга страниц на 600. Может быть, на 400 (если отбирать строго) или на 900 (если отбирать либерально).

Радужные надежды на Громову, Гансовского, Емцева-Парнова, Войскунского-Лукодьянова? Это напоминает характеристики знакомых в мемуарах Крутикова. Наукой доказано, что чудес не бывает. Все перечисленные граждане пишут уже ряд лет. Давно определился их начальный творческий потенциал и ежегодный прирост потенциала, так сказать, Δ_X. В одних случаях этот Δ_X имеет отрицательную величину, в других — положительную. Но всегда Δ_X весьма близок к нулю. Представьте себе, что есть ученики шестого класса. Они знают математику — чуть больше, чуть меньше, но средний уровень ясен. И вот кто-то радужно говорит: а вдруг они завтра выдадут работы на уровне диссертаций... Не выдадут. Нужны годы. Когда эти годы пройдут, часть шестиклассников, возможно, станет кандидатами наук. Другие переквалифицируются, скажем, в тигроловов. Но ни завтра, ни через три года заведомо не произойдет чудес. Это ясно и ежу. Только что появилась «Последняя дверь» Емцева—Парнова. Типично графоманское произведение. И вы хотите сказать, что Емцев и Парнов печатают эту муру в то время, когда у них лежат вселяющие радужные надежды неопубликованные вещи?!

5. Журнал — «как трибуна для эксперимента и квалифицированной критики». Допустим, с 1-го сентября возник журнал. Так сказать, соорудили трибуну. И что же — с неба упадут широкие массы квалифицированных критиков?..

Критиков можно пересчитать по пальцам. Брандис-Дмитревский (это один коллективный автор) и К. Андреев. 2 (два!) профессиональных критика. Всего два! Эпизодически высту-

пают Рюриков, Ларин и еще 1–2 человека. Брандис и Дмитревский пишут грамотно, но без глубокого анализа и без активной позиции. Я слежу за всеми их статьями. Могу доказать как дважды два, что они в значительной мере повторяются уже при имеющемся в их распоряжении объеме. Допустить, что создание журнала увеличит зоркость их глаз и вложит в их грудные клетки хоть какой-то пепел? Наивно.

К. Андреев? Этот, конечно, взыграет на базе журнала. Когда-то он рецензировал рукопись моих «легенд». Одобрил. Поругал только сам цикл легенд. Два главных пункта: герои настолько абстрактны, что не имеют фамилий, и легенды «украшены самодельными стишатами, более чем посредственными». Я не согласился. В «Богатырской симфонии», которую Андреев хвалил, тоже герои без фамилий. А стишата не самодельные, а из Гёте и Брюсова... Нельзя сказать, чтобы я не отнесся самокритично к рукописи. Я долго тянул, зато сам (никто об этом не говорил) выбросил все ранние рассказы. Из старого осталась «Симфония» и цикл маленьких легенд. Но Андреев разозлился за конфуз с Гёте и Брюсовым (стихи Брюсова я, кстати, тоже убрал). И стал со всех трибун упрекать меня (а заодно и Журавлеву) в подражании дурным западным образцам. А мы их просто не знаем! Получив как-то очередную вырезку из «Московского литератора», мы запросили Андреева: а в чем именно проявляется это подражание? Запросили очень вежливо, хотя обвинение сволочное, а доказательств — ни полслова. Запрашивали несколько раз. Молчит К. Андреев. И продолжает со всех трибун «квалифицированно критиковать»...

Когда-то мы регулярно участвовали в сборниках «Молодой гвардии». Но вот их составление поручили К. Андрееву. Он взял реванш за Гёте: не стал включать наши вещи в сборники... Все эти годы, пока вы, дорогие друзья, вели приятные радужно-теоретические разговоры, К. Андреев пытался вычеркнуть нас из фантастики. Делал вид, что нас нет. И это имело бы успех, если бы мы вовремя не поняли, что надо писать на уровне толстых журналов, неподведомственных К. Андрееву.

Еще раз подчеркиваю: я не руководствуюсь личными обидами. Одно время передо мной маячил соблазн подзастрять на уровне тонких журналов и спецсборников. Благодаря К. Андрееву и еще десятку разгневанных граждан, я, как говорится, стал упорно работать над собой. Но когда заходит радужная речь о трибуне для квалифицированной критики, я думаю: а кто бу-

дет говорить с этой трибуны? И я представляю конкретных людей в конкретной ситуации. Скажем, была бы эта трибуна в период, когда громили абстракционистов. У фантастов, к счастью, не оказалось тогда ведомственного журнала. Журнал, как вы понимаете, обязательно должен был бы реагировать. Нашли бы абстракционистов. Успел же Казанцев тиснуть в «Уч. газете» статейку об абстракционистах Днепрове, Журавлевой, Альтове...

Подобные кампании часты. И журнал неизбежно превратится не в трибуну квалифицированной критики, а в трибуну для проработок и навешивания ярлыков.

Радужные разговоры о журнале — слова. Акустика. Дело же начинается с элементарного размышления. Кто, например, будет редактором? Выбор ограничен — пяток фамилий. Одна другой краше... Как будет действовать журнал при очередной кампании? Кто будет квалифицированно выступать с трибуны?

Словом, с трибуной ясно. Да, еще трибуна для экспериментов. Не понимаю, почему у вас иссякли надежды на толстые журналы. Сколько раз вы обращались в «Новый мир»? Или в «Звезду»? Мы год рылись в материалах по Тунгусскому взрыву, думали. Потом написали статью с критикой имеющихся теорий и методов доказательства. Предложили новую гипотезу. Получилась сугубо экспериментальная статья. Ее не взяли тонкие журналы. Тогда наш друзья из «Комсомолки» — по своей инициативе — показали статью в «Октябре». Сразу получили ответ: возьмем. Мы не согласились: «Октябрь» своеобразный журнал. Вложили статью в конверт и без всякой протекции послали в «Звезду». Там сразу приняли. Напечатали. Отлично понимая, что им тоже может влететь от разгневанных академиков и оравы метеоритчиков и антиметеоритчиков, привыкших десятилетиями доить Тунгусскую проблему.

Ефремов напечатал в «Неве» экспериментальную вещь. В толстых журналах печатались Гор и Лагин. Мы тоже печатались. Казанцев печатался. Убежден, что вас напечатали бы. Не все ваши вещи (как и у нас) подходят для толстых журналов. Но многое подходит. Неужели все дело в том, что толстые журналы не берут Емцева-Парнова, Гансовского, Громову?..

Вчера получил письмо от Брандиса: в № 5 «Москвы» есть статья о фантастике «какого-то начинающего критика». Обратите внимание: начинающего! Двери открыты. Ну, хотите, поставим опыт: я напишу статью для толстого журнала. Убедит ли вас ее опубликование в том, что толстые журналы «не чураются»?

6. «Хорошая литература», как правило, вырастает из средней». А средняя из плохой. Поэтому надо особо внимательно относиться к очень плохой литературе, из коей вырастает плохая, из коей — в свою очередь — произрастает средняя, дающая хорошую... Это — шутка. Но и ваше утверждение — сплошной юмор.

В том номере «Литгазеты», где была моя статья, есть большая статья Бондарчука. Вы ее, конечно, не читали. Иначе в своем ответе вы бы не сказали о «Двенадцати» Блока. Вот, что пишет Бондарчук:

> «Появилась даже теория, правда, негласная, о том, что плохие фильмы вовсе и не зло, а явление естественное, что они даже способствуют появлению фильмов настоящих, так сказать, знаменуют собой переход количественного состояния в качественное. И как неоспоримый аргумент приводится некий «закон» мирового кинематографа, согласно которому на подавляющий процент макулатуры приходится всего несколько выдающихся фильмов. Сторонники этой «теории» фарисейски поджимают губы. «Не всем же быть Чаплинами и Эйзенштейнами, кому-то надо делать и рядовые фильмы». Но если нет в твоем сердце эйзенштейновского или довженковского горения, то зачем ты пришел в кинематограф?
>
> Нет! Сто фильмов надо не просто делать. Надо их уметь делать! Создание подлинного произведения, каждого из ста, требует и подлинных длительных, порой мучительных исканий. Я не открываю никакой истины. Она непреложна и извечна, как само существование искусства. Но искания в свою очередь требуют времени. Истинные художники всех времен и народов, чьи минуты были драгоценны, не считали часы, месяцы, годы, уходящие на титаническую работу. Почему же мы, безмерно жаждущие совершенства, надеемся его легко достигнуть».

В том же номере газеты — статья Сельвинского. Смысл тот же: лепить «среднее» могут все, печатать надо хорошее и отличное. «Среднее», по самой своей природе, расползается, растет, преграждает дорогу хорошему.

«Литгазета» не подбирала специальный номер. Просто во всех отраслях искусства и литературы неуклонно крепнет антихалтурное движение.

Два года я высиживаю свой второй детгизовский сборник. Дважды мне продлевали срок. 5–8 листов. Я мог бы за месяц

сколотить сборник из рассказов типа «Полигона». Стыдно. Полуподохну, но пойду дальше. И вот в паузе на этом полуподыхательном пути мне выдают радужные разговоры о Громовой, Войскунском и др. Юмор. Чтобы эти люди выдали что-то хорошее, им надо — прежде всего! — годика на три заткнуть свой фонтан. Думать, искать. Некоторые придут к горькой, но правильной мысли, что они не писатели. Некоторые дойдут до каких-то мыслей. Помните Бабеля? Если не ошибаюсь, он лет восемь не писал, думал, учился. Возьмем, скажем, Лукодьянова. Он приятный человек. Но при всех достоинствах у него в груди нет пепла Клааса. А еще никому за всю длинную историю литературы не удавалось написать хорошее, не имея означенного пепла или его высококачественного заменителя. Поэтому радужные надежды почвы не имеют. С таким же основанием можно надеяться, что у Немцова вдруг появится чудесное меццо-сопрано.

«Всё, мало-мальски поднимающееся над средним уровнем, требует самого терпеливого и деликатного внимания». Требует. Терпеливого и деликатного. Но вы считаете средним... я не знаю даже, что вы считаете средним, если Емцев и Парнов «поднимаются». На мой взгляд, средний уровень — это именно средний уровень фантастики от Ж. Верна до Шекли, Азимова, Ефремова. И над этим средним уровнем мало-мальски возвышаются лишь некоторые страницы у вас, у меня, у Ефремова, еще у нескольких человек. Пока, к сожалению, ни у кого нет вещи, выдержанной целиком на хорошем уровне, как, скажем, «Аэлита». Нам еще надо много думать и учиться. В вас я верю. В себя верю «секторно»: знаю, что буду писать только в тех направлениях, в которых смогу. Это какая-то гарантия. Кроме того, мы — это я знаю твердо — проложим путь новым авторам.

* * *

Ваши шесть пунктов — не кредо. Это только шесть пунктов в защиту идущих у вас в кильватере эпигонов. О кредо нам еще предстоит когда-нибудь поговорить. Это из другой оперы. Вопросы о смысле литературной жизни, о технологии творчества, о законах развития фантастики, о связи фантастики, науки и литературы, о минимальных гражданских обязанностях писателя и т. д.

* * *

Вы хорошие и добрые люди. Но пока в литературе есть подлость и глупость, нужны — кроме хороших и добрых — хорошие и злые. Вроде меня.

* * *

Извините, что письмо получилось длинным. Я трижды его переписывал, сокращал. Когда отвечаешь на общие фразы, неизбежно наступает стадия, требующая один раз перевести все на конкретный язык.

Кроме того, я чувствовал, что в связи с присуждением «Гриадного Крокодила» впереди бури, и меня не спасет даже страховой полис. Сейчас прибыло новое письмо от Брандиса. Меня уже испепеляют громы и молнии. То есть молнии под грохот грома. Брандис, боюсь, не захочет передавать мой ответ разгневанным мужчинам. Поэтому, Борис Натанович, пожалуйста, передайте Вы. Я приложу ответ к этому письму

В случае чего — не поминайте лихом [подпись]

P. S. Надеюсь, вы — в союзе писателей? Здесь мне не от кого узнать. Если в союзе, от души поздравляю.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 11 ИЮНЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Приехал я в Москву, побегал два дня по делам, и вот я заперт на даче. Условия здесь хорошие, вокруг леса, наш с тестем кабинет на веранде, от всех изолирован. Буду сидеть, переводить и думать о ХВВ.

Из всех твоих поручений не выполнил, пожалуй, ни одного. Насчет билетов узнать не у кого, все в разъездах. Конфекты Беле купить не успел, да это ладно, книжка выйдет, тогда воспользуюсь предлогом и преподнесу.

В понедельник сразу же попал на фантастическое сборище. Полещук ходил с горестной усмешкой и с большой фотографией Гриадного Крокодила, прикрепленной к лацкану пиджака. Всем рассказывал, что он кавалер означенного ордена. И все в ответ тоже горестно и сочувственно усмехались. Были призывы к кровавой расправе — а ля Брускин, были призывы пожаловаться («на каком основании он позволяет себе?..»), были призывы никак не реагировать. На том последнем и порешили и принялись слушать новое творение Колпакова. А народу было много, и когда Жемайтис предложил по летнему времени встречаться реже, случилась буря протеста.

Потом мы завалились к Соколову и поговорили. Был Римка, Гансовский, Олег, Ленка, жена Олега и я. Все жаловались на усталость. Я совершенно простым голосом поинтересовался,

как дела с альманахом в «Знании», Олежка окрысился и потребовал, чтобы я перестал задавать ехидные вопросы. Кто-то рассказал, будто Днепров рассказал, будто Лема исключили из союза польских писателей. Бодяга какая-то, не знаю, в чем дело, врет, по-моему.

Бела жмет на материал, хочет в этом месяце сдать первый сборник советской фантастики. В нем будет: «В кругу света» Громовой, начало новой повести Емцева и Парнова, рассказы, пара статей. Окончательно решен вопрос с библиотекой мировой фантастики. Леонид Леонов отказался возглавлять Совет по приключенческой и фантастической литературе, и вместо него назначили Сытина. А чтобы он не дал маху, в члены Совета ввели меня. Моча. До сих пор никто не знает, для чего этот Совет нужен.

Все знакомые поздравляют нас с членством в ССП. Причем половина из них вычитала об этом в газете. Не то в «Известиях», не то в «Московской вечерке».

Вот и все новости. Пиши аккуратно, письма мне будут доставлять.

Жму руку, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 18 ИЮНЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Билет ССП я уже получил, на прошлой неделе. Вручал (по чистой случайности) сам Прокофьев — толстый, красный, пьющий человек с сухими горячими руками. Поздравил, вручил, потряс руку, пробурчал, глядя тоскливыми глазками, что рассчитывает на мою помощь («...потому что без общественности мы ничего не можем сделать»). Я кланялся, улыбался и заверял, что обязательно, хотя так и не понял, о чем речь. Потом с меня содрали пять рублей, и я ушел.

Песенку Тираспольского (так, кажется?) мне проиграла на пианино Адка. НичеГё. Правда, в самой патетической паузе хочется продолжить: «А ну, космонавт, потихонечку трогай...»[1] В общем, можешь ему отписать, что песенка нам понравилась,

[1] «Перед дальней дорогой», музыка М. Блантера, слова В. Дыховичного и М. Слободского.

и мы очень благодарны, и что он — первый сделал нам такой редкий и оригинальный подарок[1].

Читал ХВВ Сашке Копылову. Он сказал, что не знает, большая это литература или нет, но написано очень хорошо. Валялся на ковре, благодушно растопырившись, и всё приговаривал: «Хорошо... Здорово... Как, интересно, интеллигенция это примет...» Сделал ряд замечаний по каждой главе (они все у меня записаны) и притащил путеводитель по Лондону, чтобы мы могли на него ориентироваться, когда описывали путеводитель в повести. В общем, я даже не ожидал такой от него благоприятной реакции.

Дома в связи со смертью дядьки Фани[2] — траур. Маме было сначала плохо, но сегодня приехали из Москвы дядья и тетя Маня, и ей полегчало. Ужасно это всё, и глупо, и отвратительно. Водка проклятая.

Ну пока. Крепко жму руку. Привет Ленке.

Твой [подпись]

P. S. Неделю назад получил от Альтова письмо. Посылаю тебе письмо, обращение к ленинградцам и мой проект ответа, который исправь, перепечатай (у меня же машинки нет) и отошли. Тут была еще копия письма москвичам, но ты ее, наверное, и так знаешь.

То, что я написал для Альтова,— ужасно. Ты уж что-нибудь придумай, а то мне сейчас не до этого — все время отвлекают.

Ну, целую.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 19 ИЮНЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил вчера твое письмо и пакет с Альтовскими художествами. Я это всё уже от него получил в копиях, так что обо всем знаю. И Брандис мне прислал письмо, в котором жалуется на Альтова и просит, чтобы я повлиял на Полещука — замять это дело, не допустить шума. По-моему, мы как-то вышли в арбитры, и это мне очень не нравится.

---

[1] Свою песню «Дети Тумана» на слова БНа из СБТ прислал АБС школьник 10-го класса Геннадий Тираспольский, впоследствии видный филолог, лингвист. Еще в 1959-м году, сразу после выхода СБТ, была написана песня под таким же названием Владимиром Туриянским, композитором, поэтом, бардом.

[2] Литвинчев Афанасий Иванович, дядя АБС, брат А. И. Стругацкой.

Ответ Альтову я напишу, смягчу кое-что и прочее, что ты просил. А вот ответ Тираспольскому придется делать тебе — я же все тебе передал, и письмо, и адрес.

Рад за Сашкину реакцию. М. п., передай ему, что в Москве есть из сигарет только «Слънце», «Краснопресненские» и «Восток». Что ему купить?

Билет я не получил. Ну его к черту, успеется.

Буду сидеть ближайшее время — до месяца — в Москве. Ждем вас. Возможно, еще, если мама позовет, приеду на несколько дней в Л-д. Как это ужасно с дядей Фаней! Но больше всего я все-таки тревожусь за маму. Отпиши, как она себя чувствует. Хорошо ли будет, если я приеду к ней.

Неделю высидел на даче. Ежедневно делал походы на 10–12 км. Никакого результата. Стал чувствовать себя хуже. Вероятно, нельзя ходить быстро по солнцу так много. Но что делать с брюхом? А, моча всё это. Бог дал, бог возьмет.

Вот всё. Да, в № 5 «Тех.-Мол.» страшно изуродованная статья Нудельмана.

Целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 22 ИЮНЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Я думаю, нам ни в коем случае не следует выступать никакими арбитрами. Пусть каждый получит то, что ему причитается. Полещук — крокодила, Альтов — по зубам. Мне кажется, и тот, и другой переживут. Будем всем сочувствовать. Понеже все правы. По-своему.

2. Ответ Тираспольскому я сочиню, хотя что-то не помню — где лежит его письмо и адрес. Песенка-то у меня, а вот где письмо, не помню.

3. Приезжать тебе, по-моему, смысла не имеет. Мама успокоилась, чувствует себя неплохо. Пусть отдохнет малость. А вот насчет нашего к тебе приезда хорошо бы договориться. Мы предлагаем такой вариант: самолетом прибываем ранним вечером третьего июля (пятница); пребываем у вас вечер, день субботы, день воскресенья и вечером в воскресенье уезжаем «стрелой». Обсуди сей вариант у себя дома и срочно отпиши. Хорошо бы побыть исключительно вчетвером.

4. Статью Нуделя читал. Написано, как выразился Илья Иосифович, бойко, но чувствуется, что редакторы покопались в ней задними ногами.

5. Никого не вижу. Ничего ни о ком не знаю. Сижу в основном дома и читаю книжечки. Прочел Луи Селина «Путешествие на край ночи»[1]. Надо тебе сказать — да! Такой квинтэссенции ненависти к роду человеческому я еще не встречал. Что-то вроде отношения Руматы к королевству Арканарскому, но без светлячков разума.

6. Для Сашки покупай просто всё, что попадается, в одном экземпляре. То, что ему не подойдет, выкурим. И заодно купи для меня несколько блоков чего-нибудь фильтрованного.

7. Вопросы. Как дела с «ДР»? Будет ли опубликовано наше интервью в «ТМ»? Что сказали в Детгизе по поводу ПНвС?

Привет Ленке, целую, твой [подпись]

Р. Т. Как там насчет машинки? Прошелся бы по магазинам-то!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 24 ИЮНЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб!

Ждем вас с радостью. Итак, третьего июля. Попытайтесь, однако, взять сразу обратный билет, если хотите уехать в воскресенье, чтобы потом не тратить время в московских очередях. Мы славно проведем времячко и побеседуем — именно вчетвером, больше никого не будет. Что до машинки, то в субботу с утра пойдем с тобой на улицу Горького, и ты сам выберешь, что лучше. Вернее, выберем вдвоем, нам на ней работать.

Обрадовал тут нас Ревич. Он написал статью в ответ Лукьянину очень хлесткую, уловил его в массе ошибок и благоглупостей. Статья, возможно, пойдет в следующий четверг в Лит. Газете[2].

Относительно интервью в ТМ не знаю, не спрашивал. А стоило бы. Завтра поеду и спрошу обязательно. С ДР дела нормально, без изменений — выйдет в июле. ПНвС в Детгиз решил не давать. Там все вареные от жары, не стоит их сейчас беспокоить. Ужо дадим в готовом виде, ничего им не сделается. Я намедни перечитывал и сам киснул от смеха. Читал детям, они в страшном восторге были, а в конце пригорюнились — очень жалко им стало Януса Полуэктовича.

---

[1] Возможно, следующее издание: Селин Л. Путешествие на край ночи.— [М.], Гослитиздат, 1934.

[2] Статья Ревича опубликована лишь в апреле следующего года: Ревич В. Художественная «душа» и научные «рефлексы» // Молодая гвардия (М.).— 1965.— № 4.

Да, главная новость. В редакции Жемайтиса ушла в декрет на год Соня Митрохина и на ее место взяли Ленку. Теперь есть свой человек и в Гаване[1]. Она уже там неделю подвизается. Я ей понемножку помогаю, дело пока идет.

Перевожу Абэ. Страшная книжка все-таки. Такое болезненное давящее ощущение, но здорово закручено. Испытываю удовольствие.

Нового, за исключением двух детективов, ничего не читал. Хэм на машинке, возможно, экземпляр увезете с собой. Испанские слова спишем по оригиналу[2].

Вот и всё, кажись. Да, с нас требуют что-нибудь в один из четырех сборников молодогвардейского «Фантастика 65». Как насчет «Паразитов», а?

Привет Адке, твой [подпись]

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 27 ИЮНЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Итак, договорились. Мы прибудем третьего июля самолетом что-нибудь этак часов в 15—17. Когда возьмем билеты, дополнительно известим телеграммой. Встречать нас, я думаю, не нужно — сами доберемся. Неужели так трудно взять билет на Л-д? Тогда мы и обратно улетим — утром в понедельник. На самолет-то, надо полагать, билет достать всегда можно.

Каков план действий в Москве?

1) Хотелось бы разок сходить в «Пекин». Наверное, это можно будет сделать в какой-нибудь день — в субботу или в воскресенье, а?

2) Хотелось бы (мне) повидать Севера и Севку[3].

3) Очень хотелось бы увезти с собою Хэма. Дело в том, что мне очень хочется подарить один экз Наташке Свенцицкой. У нее 8 июля день рождения. Нельзя ли там будет выгадать один лишний экземплярчик, хоть плохонький? Ей-богу, Наташка того стоит! А подарок был бы царский!

4) Хотелось бы купить машинку!

5) Само собой — поговорить и помыслить.

---

[1] Отсылка к заглавию романа Г. Грина «Наш человек в Гаване».

[2] Речь идет о распечатке перевода «По ком звонит колокол».— *БНС.*

[3] Здесь и далее — Ревич Всеволод Александрович, журналист, литературовед.

Чер-ртовски рад за Ленку! Эт' здорово! Эт' хорошо! Вот если бы она там как следует застряла! Надолго! Эт' смачно!

И очень рад, что Севка написал статью. Почитать бы. Думаю, ее не опубликуют, так что ты бы расстарался добыть экзик.

Прислал открыточку Володька Травинский. Он обитает в Москве. Вот тебе (на всякий случай — мало ли что!) адрес: Москва <...> Травинскому. Тел. Г-3-67-01. Тебе, я думаю, он будет всегда рад, а другим, наверное, эти координаты давать не стоит. Во всяком случае всем тут в Л-де он оставил для связи совсем другой адрес.

На днях меня выследил один корреспондент — из эстонской «Комс. правды». Вырвал у меня интервью, а потом мы долго беседовали о положении дел в Эстонии. Приглашал нас. Говорил, что СБТ, кажется, переведена на эстонский. Обещал проверить и прислать экзик.

ПНвС, значит, не давал? Ну что ж. Тебе виднее. Только я очень боюсь, что не возьмут они там. Не по-детски это всё. Что тогда делать будем?

Кстати, ты читал последний номер З-С? Там полномера отведено Обнинску — городу ученых под Москвой. И там куча хохм. Но хохмы хохмами, а там есть рецензия на книгу Н. Рыбака о физиках[1]. Рецензия с подзаголовком: «Трое физиков на одного лирика»[2]. Это блеск! Бедного полуграмотного Рыбака смешали с г... и тщательно размазали на большой площади. Ну ей-богу же обидно, что такие — по-настоящему литературные — вещи, как рецензия Нуделя или эта штука, печатаются не там, где следует! Что делать? Стрелять хочется в идиотов. А тут еще в «Правде» какой-то дипломированный кретин разругал отличный фельетон Лиходеева.

Насчет того, что давать в МолГв сборник 65 г., подожди обещать: поговорим и обсудим. Время терпит?

А мне повезло! Я подписался на Каверина. И уже получил два тома. Хочешь, и на тебя подпишусь? Правда, я пока несколько разочарован: ранний Каверин это отнюдь не ранний Эренбург. Но любопытно. Странно они как-то писали в конце двад-

---

[1] Рыбак Н. Пора надежд и свершений (авториз. пер. с укр. Б. Тургенова).— М.: Сов. писатель, 1961; Гослитиздат, 1963.

[2] Нозик В., Турчин В., Павлинчук В. Согнувшись у печки (трое физиков на одного лирика) // Знание — сила (М.).— 1964.— № 6.

цатых — начале тридцатых. Мир их какой-то болезненный, изломанный, весь из острых углов и с одушевленными вещами. Слава богу, что сейчас так не пишут.

Ну, ладно. Целую, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 29 ИЮНЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб!

Ждем 3-го.

В «Пекин» сходить можно. Только стоит ли? Там теперь гадость.

Севера повидаем, если встречу, обязательно передам. С Севкой труднее, он в воскресенье на даче, но тоже небезнадежно.

С Хэмом так. Боюсь, что будет он готов только через день после вашего отлета. Но возможно, что и удастся. Насчет Свенцицкой ужо поговорим. Тут тоже есть претенденты.

Машинку купим.

Поговорим и помыслим.

Севкина статья будет назавтра после получения письма. Так я надеюсь.

Травинский ко мне заходил, распили читушку водки. Потом исчез и больше не появлялся.

Каверина мне не надо, спасибо.

Скорее приезжайте, ждем.

Целую, твой Арк.

Привет Адке.

Приветы от Ленки.

И наконец-то готово письмо Альтову.

ПИСЬМО АБС Г. АЛЬТОВУ, 30 ИЮНЯ 1964

Уважаемый Генрих Саулович!

Простите, что опять так задержали ответ. Много времени отнимает грустное удивление по поводу внезапных и странных атак со стороны «Москвы» и «Молодого коммуниста». Вот так сидишь и оглядываешься: кто еще захочет развлечься? А оправдываться и отмежевываться противно. Впрочем, это к слову.

О кредо. Вы пишете: «Человек имеет право писать только в том случае, когда у него в сердце стучит пепел Клааса». Возразить против этого трудно. И незачем возражать. Всё правиль-

но. Тем не менее, согласитесь, формулировка эта слишком смутная и расплывчатая, чтобы ее можно было применить на практике. Всегда можно спросить: какой пепел? какого Клааса? Рабочего клааса? А может быть, клааса капиталистов? Что делать, если он стучит, а мы не слышим? Или стучит не так, как хотелось бы? И кто признается, что у него не стучит? И как быть с теми, у кого вроде бы и вообще ничего не стучит, а пишет интересно? Все-таки в такой форме это кредо хорошо как руководство к действию для себя лично, так сказать, интимное кредо. Но пытаться договориться на такой основе с другими товарищами, по-нашему, невозможно. Получилась бы, наверное, одна болтовня: всякий бы кричал, что у него стучит, и не желал бы слушать возражений, и наверняка обижался бы (и, как правило, основательно) на возражения[1].

Видимо, очень трудно сформулировать свое кредо достаточно общо и в то же время достаточно конкретно. Бог с ним, с кредо. Хотелось бы возразить Вам по поводу еще двух вопросов: о методах борьбы и о журнале.

С точки зрения любого квалифицированного читателя вся опубликованная литература (мы всюду имеем в виду художественную) распределена по гауссиане. Эти гауссианы различны для Вас, для нас, для А. и для Я., и для ученика 10-го класса Петра Сидорова, читающего запоем и предпочитающего Хэмингуэя Л. Толстому и Ефремова Мориаку. Если взять самых квалифицированных и просуммировать их гауссианы, то получится, очевидно, некая новая гауссиана, характеризующая отношение культурных людей эпохи к литературе. Преобразование этой кривой от Гомера до наших дней — проблема интереснейшая, но, к сожалению, пока неразрешимая. Да и не об этом речь. Для нас важно, что гауссиана существовала всегда, во все времена, при хорошей и при плохой критике, при Александре Освободителе и Николае Кровавом[2], и так до наших дней. И всегда левую часть этой гауссианы (шаблон, безвкусица, пошлятина) терзали и рвали в клочья, и ничего ей не делалось. Другое дело — правая часть. Она поставляла идеи, новые формы, новые стили, переоценивала ценности и выворачива-

---

[1] Авторы иронизируют над излишне пафосной формулировкой Альтова, но, конечно, ее источник — роман Ш. де Костера — им известен.

[2] Аллюзия на слова зицпредседателя Фунта из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 15 и 23.

ла наизнанку привычные представления. Она двигала литературу вперед, подавала пример и создавала последователей. Плохая литература никогда не мешала хорошей. И, естественно, никогда не помогала. Они слишком далеки друг от друга. Вы хотите одним ударом обрубить всю левую часть гауссианы. Совершенно очевидно, что это невозможно. Так же невозможно, как отрубить один полюс магнита от другого. Для этого придется обрубить левую часть гауссианы распределения редакторов по вкусам, левую часть распределения читателей по вкусам. И вообще много придется рубить. Слишком много. И стоит ли? Давайте все-таки лучше стремиться сильнее писать, пропагандировать самое хорошее (это тоже надо уметь — мы, например, не умеем), помогать молодежи. Короче говоря, давайте лучше пробовать сдвинуть вправо всю гауссиану.

Между прочим, Вы нас неверно поняли. Должно быть, мы неточно выразились. Когда мы говорили о том, что хорошая литература вырастает из средней, мы просто имели в виду, что подавляющее большинство хороших писателей начинало с серятины. Ранний Толстой А.— не блеск, как и ранний Горький, ранний Беляев и прочее. Именно поэтому представляется страшным и опасным преграждать путь молодому автору, даже если он начинает не блестяще.

Наконец, о журнале. а) Лично мы обращались в три толстых журнала (Новый мир», «Звезда», «Москва») — вещи предлагались не из худших, напр. «Далекая Радуга». «Новый мир» отказался иметь дело с фантастикой, не читая; «Звезда» прочитала, похвалила, но не рискнула; «Москва» молча продержала три месяца и так же молча вернула, не вдаваясь в подробности. б) Критиков для трибуны нашего журнала нашлось бы достаточно — мы сами знаем двоих ленинградцев и четверых москвичей, которые могут и хотят работать, да и Вы разве бы отказались от выступлений? в) Вы, конечно, правы, толстые журналы не чураются — иногда. Однако они не могут позволить себе достаточно продолжительный обмен мнениями, дискуссию, монографическое исследование. И мы охотно верим, что Вашу статью толстый журнал непременно напечатал бы. Только — Вы не обидитесь? — ведь это была бы критикующая, негативная статья, такие материалы, как известно (в применении к фантастике, во всяком случае), берут довольно охотно. Но нам не верится, что можно увидеть на страницах «Нового мира» или «Звезды» утверждающую, позитивную статью. Разве что-нибудь

снисходительное и общее, трактующее главным образом проблему популяризации.

Вот, кажется, всё. Сердечно благодарим Вас за поздравление с СП. А как у Вас обстоит с этим делом?

С уважением.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 11 ИЮЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Закупленные для меня экзы пересылай, пожалуй, на мамин адрес. Это будет рациональнее всего. И всего верней.

2. Получил из «Уральского Следопыта» наш рассказ и письмо Румянцева. Рассказ им понравился, и они согласны его печатать, но для контроля они отдали его на рецензию некоему доктору философских наук, и тот быстро вымарал там часть наших рассуждений и в частности всё то, что касается нападок на оккультистов и львовых. Выброшено рассуждение о сущности человека на стр. 9. Выброшена вся 15 страница. На стр. 16 вымарана вторая половина второго абзаца. Выброшена фраза о том, что человек производит впечатление жизнеспособного вида. И естественно, вымаран самый конец. Кроме того, они изменили название — «Его ошибка», сделали кое-какие мелкие исправления и просят, чтобы герой помечтал о том, что и мы когда-нибудь станем столь же могущественны. И наконец, редколлегия пожелала, чтобы ошибка была продемонстрирована еще чем-то, кроме сгущенного Солнца. Мне очень хочется послать их на и в, но я не знаю, под каким соусом это сделать. Проект ответа прилагаю. Произведи исправления и верни.

3. Написал и отослал ответ Тираспольскому, композитору.

4. Мама чувствует себя хорошо. Приехал с дочерью Валентин[1]. Вперся. Так его в молоко единокровия.

5. Как разворачиваются события? Отпиши. У нас тут Брандис вдребезги разругался с Альтовым. Разрыв полный. Я играл в волейбол и ободрал всю задницу. Сижу теперь сам не понимаю, на чем. Прочитал «Пески Марса»[2] — г... Нашли что печатать. Завтра пойду к Илье.

Привет Ленке, целую [подпись]

Р. Т. Честно говоря, это второй вариант письма. Сначала я не разобрался толком в ситуации и обложил «Следопыт» ужас-

---

[1] В. Теселько, двоюродный брат АНа и БНа.

[2] Кларк А. Пески Марса // Наука и жизнь (М.).— 1964.— № 4–6.

но. Теперь я вижу, что вымаранные строки не столько одиозны, сколько плохо написаны. И вообще рассказ мне как-то не тово... Ну да бог с ним.

Письмо из «Уральского следопыта» сохранилось в архиве. Речь в нем идет о считавшемся утраченным, но счастливо найденном совсем недавно и опубликованном в журнале «Полдень, XXI век» рассказе «К вопросу о циклотации».

ПИСЬМО ИЗ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА», 3 ИЮЛЯ 1964

Уважаемый Аркадий Натанович!

Уважаемый Борис Натанович!

Вы, конечно, могли предвидеть, что Ваш рассказ вызовет споры. Наши товарищи прежде всего дали его на консультацию доктору философских наук Л. Н. Когану. Тот ответил в общем положительно с учетом правки (см. оригинал). Затем возникла еще одна трудность. Редколлегия хочет, чтобы в этом рассказе герой-астроном подумал или сказал о том, что со временем и наши потомки станут такими же сильными, как пришелец, и м. б. еще сильнее.

Кроме того, на каком-либо еще факте четче показать «его» ошибку (не только на «сгущенном» солнце).

Вот и всё.

А рассказ нравится. И если Вы пойдете навстречу нам, то в 10 или 11-м номере он обязательно увидит свет, чему я буду очень рад.

Жду Вашего ответа.

С уважением,

Л. Румянцев

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 13 ИЮЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Никаких новостей нет. С пятницы по вчерашний день провел на даче. Звонил Джереми, сказал, что в журнале «Молодая Гвардия» идет какая-то подборка по фантастике, но не знает, чьи и о чем. Так что возможен еще один удар в спину, а может быть, и реабилитация.

Дочитал «Большой ком воска»[1], там есть даже бунт интелей против образа жизни, вот как параллельно идет мысль о будущем. Хорошая книга, не слабее и пострашнее Орвелла.

Сейчас собираюсь к Беле Клюевой, буду просить увеличить объем ХВВ, может быть, удастся втиснуть при нужде туда и ПкБ. Во всяком случае, объем не помешает. Не будет лишним.

На даче прочитал «Один год» Ю. Германа[2], про угрозыск и про преступников, дело происходит перед войной. Читается хорошо, как и всё у Германа, но книжечка бросовая, слабая, лживая.

Должен встретиться с Лукодьяновым и Войскунским, поговорим за жизнь. Вот и всё, что могу сообщить.

Пиши.

Жму всё такое, твой Арк.

Привет всем.

Чини машинку, не забудь.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 ИЮЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо, едва опустив свое.

Взбеленился, прочитав о бесчинствах философа-рецензента, но потом махнул рукой: «Уральский следопыт», чего с них возьмешь. Я бы даже сказал, что они проявили незаурядную смелость, не отказавшись от вещи вообще.

Письмо твое вполне меня удовлетворяет (к Румянцеву). Насколько я понял, они прислали тебе рукопись со всеми предлагаемыми исправлениями. Вот и ты внеси свои исправления и отошли им. Пусть печатают. В письме не забудь упомянуть о том, чтобы больше не правили ни слова и чтоб прислали нам по экзу, когда номер выйдет.

«ДР» буду пересылать маме. Только ты напиши — на чье имя.

Событий у нас никаких. Собирается помаленьку первый выпуск «Фантастики 65». Для ХВВ нам выделили 15 листов, это уже зафиксировано. Бела очень обрадовалась, что мы напишем для этого сборника «жизнерадостную» вещь.

Вчера встречался с Войскунским и Лукодьяновым. Слушай, а не махнуть ли нам в октябре в Баку? Они очень приглашают и обещают все устроить с гостиницей и прочее. А?

---

[1] Mead S. The Big Ball of Wax.

[2] Герман Ю. Один год.— Л.: Сов. писатель, 1960.

Брандис с Альтовым погрызутся и помирятся. Бог с ними. Хуже то, что, как мне говорили, в № 7 «Мол. Гвардии» опять враждебная подборка. Что ты скажешь, поход комсомольской печати против фантастики.

Всё.

Привет Адке, поцелуй маму,

твой [подпись]

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 17 ИЮЛЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Пакет «Следопыту» укомплектую и вышлю завтра. Я тоже думаю, что они проявили незаурядную смелость, но если они не согласятся с нашими резонами, то пусть идут к е. м. Рассказ таки слабоват, и я был бы более доволен, если бы его не напечатали.

2. Звонил сегодня Брандису. Альтов прислал письмо. Ему. Пишет, что в связи с появлением статьи Котляра (где сказано, что борьба с повторами ведется недостаточно энергично) он решил прекратить работу в области н.-ф. беллетристики и переключается теперь полностью на критику. Для начала прислал копию статьи об истоках халтуры в н.-ф. кино. В статье вдребезги уничтожает Колпакова. Статья злопыхательская, свирепая, недоброжелательная. Я думаю, что он пришлет копию и тебе. И тогда надо будет попытаться отговорить его от такой глупости. И вообще объяснить ему, что такое Котляр.

Пытался я выяснить что-нибудь о походе комсомола против н.-ф., но никто ничего не знает. Бог не выдаст, а? Кстати, м. б. в «Мол. Гв.» собираются печатать попросту статью Альтова?

3. Что слышно от Ивана Антоновича? Как с письмом наверх?

4. В Баку, я думаю, мы поедем все-таки попозже. Например, зимой, когда я брошу работу. Ну что там делать сейчас? Море там плохое, и холоднее, чем в Крыму. Поедем-ка мы лучше на Черное море. А?

5. Я подумал, что экзы (если они все-таки появятся) пересылай-ка, брат, лучше... Черт. Мама скоро едет в Москву. Я скоро еду на Белое море. Знаешь, ты их пока вообще не пересылай. Пришлешь после 8.08, когда я вернусь, на Пулково. Ладно? Да они и не появятся, наверное, до тех пор. Я уезжаю 24-го.

6. Был сегодня в Литфонде. Меня вызвали для заполнения анкет и пр. Между прочим, я там расспрашивал: льготы не так уж велики. В частности, в дом творчества попасть летом невоз-

можно. Зимой — трудно. Правда, осенью и весной легко. Насчет бесплатных путевок вообще речи не было. То ли тебе всё наврали, то ли у нас в Ленинграде всё это сложнее, чем в Москве. Если ты пойдешь в Литфонд, поспрашивай тоже.

Засим крепко пожимаю, твой [подпись]

Привет Ленке.

P. S. А это экслибрис И. Варшавского — подарок от него. Наклей на «Молекул. кафе». Большой привет от него и от Брандиса.

P. P. S. Надеюсь до своего отъезда получить еще хоть одно письмо. От тебя.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 ИЮЛЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб!

С письмом задержался, потому что был на даче. Надеюсь, дойдет до тебя вовремя.

Коротко:

1. Экзы все получил. В Москве вчера уже продавали. Твои пятнадцать штук у меня полежат, пока ты не вернешься. Потом сразу напишешь, и я вышлю.

2. От Ефремова пока ничего не слышно. Он куда-то выезжал, вернется сегодня-завтра, буду ему звонить.

3. С Баку отложим.

4. Насчет дома творчества ты не беспокойся. Всё будем делать через Москву. Все так делают. И всё будет в порядке.

4. Передай спасибо за экслибрис.

Всё.

Целую, привет Адке.

Твой Арк. Доброго отдыха.

Очередное письмо Альтова тоже пришло с задержкой.

ПИСЬМО Г. АЛЬТОВА АБС, 24 ИЮЛЯ 1964

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович, прежде всего от души поздравляю с вступлением в СП. Дискриминация фантастики постепенно тает. Очень хорошо.

Я не мог сразу ответить на ваше письмо: в Баку еще не было шестого номера журнала «Молодой коммунист». Теперь я прочитал статью Котляра.

Итак, много времени у вас отнимает грустное удивление по поводу внезапных и странных атак со стороны «Москвы» и «Молодого коммуниста». Что ж, давайте разберемся в этих атаках.

В прошлом году «Комсомольская правда» провела анкету: что положить в контейнер, посылаемый на Марс? В частности, в анкете был вопрос о книге: какую книгу (дающую представление о современниках) положить в этот контейнер? Я был уверен, что среди, скажем, первых десяти-пятнадцати книг читатели назовут и фантастические произведения. Читатели — молодежь, т. е. основной и наиболее благодарный потребитель фантастики. А марсианам (по логике вещей) было бы интересно знать — как современные люди представляют будущее («Скажи мне, о чем ты фантазируешь, и я скажу, кто ты»).

К великому моему удивлению, никто или почти никто не вспомнил о фантастике. Первые десять книг, набравшие наибольшее число голосов,— не фантастика. В обзоре — кроме этой десятки — перечислялись и многие другие книги. Самые разные. Вплоть до таких, за которые высказывалось полпроцента опрошенных. Но фантастики не было! Не было «Туманности Андромеды», однако в первую десятку попал, например, Леонид Леонов, хороший, но отнюдь не гениальный писатель.

Тут не было коварных противников фантастики (типа Шитовой). Не было происков «негативного» Альтова. Была статистика. Опрос, подчеркиваю, проводился среди наиболее восприимчивых к фантастике читателей. Сама форма опроса (марсиане, первый контакт и т. д.) прямо наталкивала на упоминание научно-фантастических произведений. И фантастика все-таки получила... почти ничего! Или совсем ничего.

Аксиома: фантастика должна быть полноправной частью литературы. Факт: она всё еще — даже в лучших своих современных образцах — остается литературой второразрядной.

Почему?

Наивно было бы думать, что дело в коварстве недругов. Или недостаточной активности друзей фантастики. Вы, например, ошибаетесь, когда говорите, что нет монографий о современной фантастике. По «Туманности Андромеды» есть книга Рюрикова, книга Брандиса и Дмитревского, сотни (!) статей. «Туманность» издавалась астрономическими тиражами... и все-таки читатели — при опросе — ее не вспомнили.

Почему?

Давайте разберем это на примере «Далекой Радуги».

Гамильтон, рисуя в «Звездных королях» будущее, проецирует современный (и даже полуфеодальный) мир на огромный экран Вселенной. Земное королевство превращается в Королевство Фомальгаут. Земная империя — в Средне-Галактическую Империю. Какие-нибудь захудалые Бенилюксы становятся Маркизатами Внешнего Космоса...

Всё это очень условно, но читатель принимает условность, ибо она позволяет автору организовать увлекательные приключения.

В «Далекой Радуге» использован тот же прием «проецирования на Вселенную». Но вы проецируете не Бенилюксы, а, скажем, Академию Наук. Институты увеличиваются до размеров планетной системы. Лаборатории расширяются до размеров планеты.

В обоих случаях экспозиция сделана вполне доброкачественно. «Проецирование» — один из основных приемов фантастики. Использован этот прием хорошо. Но читатель не хуже нас с вами знает, что это прием. Расстановка декораций перед началом действия. «Ладно,— думает читатель,— посмотрим, что будет разыграно на фоне этих декораций». Гамильтон выдает приключения. По состоянию на 50-ый год, когда публиковались его «Звездные короли», приключения были на отличном уровне. Вы выдаете... что вы выдаете? Приключения, опять-таки приключения. В лаборатории произошла авария. Лаборатория имеет размеры с целую планету. В этом отличие приключений.

Когда я читал «Далекую Радугу» и вдруг понял, что ничего, кроме сгоревшей лаборатории, не будет, я хотел закричать: «Братья по разуму! Люди! Зачем же так?» Но я не закричал. Я подумал: а вдруг все дело именно в проецировании? Вдруг нарисован будущий мир? Или будущие люди?

Я перечитал все заново. Нет, будущего мира не было. Чтобы показать мир, надо показать главную его характеристику: во имя чего он существует. Мир — величина векторная. В «Далекой Радуге» показан мир, пронизанный наукой и разросшийся до звездных масштабов. Все осатанело что-то исследуют. Зачем? Когда Гранин в «Искателях» рассказал о лаборатории, читатель увидел — кто что хочет в этой лаборатории. У вас Вселенная стала скопищем лабораторий, а наука — формой существования человека. Но зачем? Скорее всего, так и будет. Но почему? Зачем им, «далекорадуганцам», вся эта напряженная научная работа? Ради самой работы? В повести нет художественного и убедительного ответа на эти вопросы.

Мир будущего сделан бегло и явно условно. На всей планете-лаборатории в нужный момент не оказывается ни одного космического корабля — кроме грузового корабля Горбовского. Научный мир удивительно не-научно организован. Устроили на планете целый детский городок, но не удосужились принять элементарные меры предосторожности. Но будь эти «далекорадуганцы» и в самом деле так слепы, просто невероятно, чтобы на планете оказалось всё, вплоть до детского городка, но не было сотен или тысяч космических кораблей; это такая же хохма, как если бы при наводнении в городе не оказалось бы ни одной лодки и ни одного автобуса...

Что ж, пусть будет условный мир. Так сказать, сцена с декорациями. Поверим, что эти дрючки и холсты всамделишные. Что же происходит на сцене?

Ничего. «Далекорадуганцы» гибнут. Тихо, благородно. Есть, конечно, отдельные лица, поступающие в отдельных случаях не совсем хорошо. Но в целом все гибнут организованно и прилично.

Вас огорчили статьи в «Москве» и «Молодом коммунисте», где несправедливо ругают ваши произведения. Но разве вас не огорчает статья в «Технике — молодежи», где столь же несправедливо хвалят эти вещи? Рецензент усмотрел ядро повести в проблеме: вывозить детишек или не вывозить? Вы отлично знаете, что проблемы здесь абсолютно нет. Когда погиб «Челюскин», со льдины прежде всего эвакуировали детей. И у вас в повести конфликт гасится еще в стадии воспламенения. Горбовский спокойно говорит: детишки уже грузятся...

Гашение этого конфликта — правильная мера. Худо, что в повести нет другого конфликта. Нет другой проблемы. Читателю не над чем думать. Описан несчастный случай. Не трагедия Хиросимы. И вообще не трагедия, а именно несчастный случай.

Может быть, смысл в том, что наука (будущая или современная) играет с огнем? Так ведь несчастный случай: окажись на планете нормальное число космических автобусов, сели и уехали бы! Авторы сами убрали автобусы. И вместо предостереженья получилось: «Играйте с огнем, но держите дверь открытой».

Когда конфликта не оказалось, я подумал: все-таки гибнет целая планета! Так сказать, не фунт изюму. Но в повести нет глобальной катастрофы. Тут уже чисто художественная недостаточность. То, что сгубило Далекую Радугу, могло быть не ус-

ловным (а поэтому и не очень впечатляющим), а чем-то иным. Не обязательно трах-бах, но гибель целой планеты — это же можно было написать!

«Далекая Радуга» — хорошая повесть ни о чем. С моей личной точки зрения, это — этюд, полустанок на пути к чему-то значительному. В «Стране багровых туч» был тот же просчет, но в более сильной степени. Нельзя на громадной космической сцене повторять то, что уже предельно ясно решено жизнью и литературой.

Если же говорить объективно, то я приветствую повесть, ибо она написана хорошим языком — а это пока редкость (и в фантастике, и вообще). Я приветствую повесть, ибо в ней есть поиск, нащупывание новых идей, новых конфликтов (Камилл).

Ну, а теперь посмотрим, что такое «Новый мир». Журнал на пределе возможностей борется за то, чтобы сделать литературу не служанкой, не иллюстратором, а очагом новых и прогрессивных идей. Наиболее левый журнал. Воюет. Получает по шее. Ходит в синяках — и не сдается. И вот вы приносите им «Далекую Радугу». Тут — фронт, передовая, и всё оценивается под этим углом зрения. Дудинцев, Эренбург, Некрасов. Солженицын... Все вещи точно нацеленные, острые... А «Далекая Радуга»? «Попытка к бегству» имела бы определенные шансы. Но «Далекая Радуга» и «Новый мир» — антиподы. Остроконфликтный журнал и бесконфликтная повесть, увы, несовместимы.

«Звезда» и «Москва» могли бы — теоретически говоря — опубликовать «Далекую Радугу». Но практически шансы были очень малы. Скажем, «Звезда». Этот журнал охотно печатает фантастику. Но в данном случае они опубликовали бы повесть, впервые (в их журнале) изображающую коммунистическое общество. Такая вещь — вне зависимости от воли авторов, редакторов, читателей — воспринимается как программа. И общество будущего вдруг предстало бы в довольно унылом виде. Ученые, расползшиеся по звездам, но не умеющие организовать свою работу хотя бы на уровне первой половины XX века. Научная гонка... без великой цели и великой перспективы. Гонка, в которой наиболее передовые гонщики (Камилл) говорят: а не плюнуть ли на всё?..

У каждого читателя уже есть некоторое представление о будущем, о коммунизме. Когда фантаст обращается к этой теме, он должен сказать нечто новое. Меня всегда изумляли талмуды

Мартынова. Скажем, «Гость из бездны». 200 страниц тянется медленное оживление героя. Потом герой столь же занудно протирает глаза. И что же? Он видит то, что читатель знал, еще сидя на горшке. А когда надо сказать что-то новое, Мартынов спешно укладывает героя еще на 1000 лет...

«Далекая Радуга» — не «Гость из бездны». Книга нравится читателям, ее читают с увлечением. Но не спорят. НЕТ ПРОБЛЕМЫ.

В «Новом мире» сидят нормальные люди. Они, уверен, охотно читают фантастику. Но печатать они будут только то, что содержит проблему.

С другими журналами и критиками еще проще. Они не понимают, что повесть беспроблемна. Но они ощущают это. И поскольку проблемы нет, их внимание невольно отвлекается на мелочи. Обратили ли вы внимание, что все критики, рассматривая ваши вещи, придираются именно к мелочам? Ругань по поводу двух-трех мелочей становится оценкой вещи в целом. Это несправедливо и обидно. Но корень тут в отсутствии проблем.

Здесь самое время вернуться к вопросу о кредо. Если на сердце стучит пепел Клааса — это отчетливо слышно. Не стучит — тоже слышно. Наивные вопросы: «Что делать если он стучит, а мы не слышим? Или стучит не так, как хотелось бы? И кто признается, что у него не стучит? И как быть с теми, у кого вроде бы и вообще ничего не стучит, а пишет интересно?»

Отвечаю:

1. «Стучит, а мы не слышим» — не бывает. Это всё равно, что умирать от жажды и не чувствовать, что хочешь пить.

2. «Стучит не так, как хотелось бы» — не бывает. Стук = велению сердца = именно тому, что хотят.

3. «Кто признается, что у него не стучит?» С таким же успехом можно спросить: «Кто признается, что у него нет баса?» Признавайся — не признавайся, а запоешь — и будет ясно...

Когда вы писали «Далекую Радугу», вы хотели только одного: создать хорошее литературное произведение. Это не стук от пепла Клааса.

4. Как быть с теми, кто и без стука пишет интересно? Публиковать и читать. Но публиковать не в «Новом мире», которому нужны пеплоклаасовские вещи, а в «Молодой гвардии», сборниках «Знания», «Искателе», «Мире приключений» и т. д.

Письмо затянулось. Я коротко отвечу на другие вопросы:

1. По гауссиане распределены случайные явления. Не понимаю, откуда такое преклонение перед этой кривулькой. Вся сознательная деятельность человека есть изменение гауссианы.

2. Преграждать путь молодому автору, даже если он начал не блестяще, конечно, не нужно. Но если он годика три-четыре налаживает конвейер халтуры — надо преграждать.

Ваш первый рассказ «Спонтанный рефлекс» — повтор типовой ситуации с взбесившимся роботом, но вы далеко ушли с тех пор. И ни разу не включали этот первый рассказ в свои книги. А вот Днепров так и остался на стадии первого рассказа. Ни одна его последующая вещь не поднялась до уровня «Крабов». С Емцевым и Парновым — еще хуже: первый рассказ и все последующие — дерьмо. Теперь они пишут роман... Так и не научились решать квадратные уравнения, но перешли к высшей математике... Чудес не бывает: роман заведомо будет дерьмовый, и уже сейчас нужно преграждать ему дорогу.

3. Критика в области фантастики действительно слабовата. Не по количеству книг и статей, а по качеству и глубине мыслей. Но это поправимо. Некоторое время назад я принял решение полностью переключиться с фантастики на «фантастическое» литературоведение. Понятно, нужно определенное время на переключение.

В огорчившей вас статье Котляра в качестве «положительного» примера приведен... «Звездный человек» Полещука! Анекдот. И в то же время — закономерность. Вы призывали к сосуществованию с халтурой — и получили это существование. Пока гауссиана считается незыблемой, будут статьи такого типа.

Гауссиану надо ломать, халтурщиков надо бить. Руководящие указания по этому поводу даны Ильфом и Петровым. Прилагаю выписку.

А в СП меня не приняли. Валю приняли — она человек выдержанный, спокойный. А я перед самым финишем имел полемику с некоторыми членами президиума. Один-ноль в мою пользу: у одного члена начался сердечный приступ. Члена взяли за руки и ноги и вынесли на балкон. К сожалению, при этом почему-то решили не принимать меня в СП. Поручили Вале заняться моим перевоспитанием.

Хотелось бы знать, над чем вы сейчас работаете.

Желаю успехов [подпись]

P. S. Несколько приложений:

1. Вырезка из «Экономической газеты». Наука будущего, приобретя космические масштабы, не будет лабораторией, механически увеличенной до размера планеты. У космической науки будет качественно иная структура. А поэтому — и новые проблемы.

2. Ильф и Петров отвечают защитникам Емцева и Парнова.

3. Выписка из «Техники-молодежи». Еще в 61-ом году кричали: «Караул! Повторы!»

4. «Пионерская правда» спокойно учит детишек, что каждое стихотворение должно быть открытием новой мысли. Значит, можно учить взрослых детишек пониманию несложной истины: каждая новая научно-фантастическая книга должна быть открытием новых мыслей.

Прошу вас, отдайте три прилагаемые вырезки из «Пионерки» фантастам. По своему усмотрению.

[подпись]

В августе под рубрикой «Мастерство писателя. Литература и наука» журнал «Вопросы литературы» опубликовал дискуссию писателей — как фантастов (Лем, Днепров и др.), так и нефантастов (Гранин, Каверин, Грекова и др.). В рамках этой дискуссии АБС в очередной раз изложили свое понимание фантастики.

АБС. ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ — В БУДУЩЕЕ

Если принять во внимание, что в наше время наука стала фактором первостепенного общественного значения, важнейшим аспектом Ее Величества Действительности, то вопрос «Писатель и наука» без труда сводится к не новому уже и по-прежнему сложному вопросу «Писатель и действительность». Но такая постановка вопроса слишком обща, она приводит к банальностям, вроде: «Неудержимо стремительный прогресс науки на глазах меняет повседневную жизнь...», «В своем стремительном развитии наука формирует у человека совершенно новое мироощущение...», «Возник и неудержимо растет массовый человек нового типа — научный работник...» и так далее. Поэтому мы позволим себе несколько сузить вопрос и поговорить на тему «Писатель-фантаст и наука». Сразу оговоримся, это вовсе не значит, что мы признаем за фантастикой какую-то особую жанровую специфику. Просто вопрос о роли науки в литературной фантастике ставится в последнее время как-то излишне остро.

Прежде всего, что такое писатель-фантаст? Пресса распространяет мнение, будто писатель-фантаст есть либо крылатый мечтатель, либо генератор идей, либо популяризатор и бард науки, либо и то, и другое, и третье вместе. Он крылато мечтает о грядущих достижениях науки, исходя из достижений науки сегодняшнего дня. Он занят генерированием научных идей, которые впоследствии поразят потомков мощью и глубиной предвидения. Он популяризирует и воспевает науку, вплетая скучноватые специальные сведения в роскошный ковер яркого и острого сюжета. Можно согласиться с таким мнением, а можно и не согласиться. Мы, например, соглашаемся, но считаем, что он далеко не исчерпывает многообразие фантастики. Проваливаются куда-то Уэллс, Лем, Брэдбери и, что самое обидное, последние повести братьев Стругацких.

Функциональные определения задач фантастики только мешают и сбивают с толку. Правда состоит в том, что писатель-фантаст это прежде всего такой же писатель, как и все остальные,— обремененный мыслями и идеями, удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей» (как говорил Моэм), пишущий потому, что не может не писать. И фантастика является полноправным видом художественной литературы без всяких скидок на жанр, призванным отражать действительность в художественных образах. Только полезно помнить, что действительность — это не только мир вещей и событий, но и духовный мир человека, и мир общественного сознания; что отражать — вовсе не обязательно означает отражать в плоском зеркале; что художественный образ есть нечто, существенно зависящее от цели, поставленной автором перед собой. И отличие писателя-фантаста от «обычного» писателя состоит в том, что он пользуется методами, которые не применяли ни писатели-реалисты, ни Рабле, ни Гофман, ни Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Отличие только в методах.

Всё это прекрасно, скажете вы. Но при чем здесь наука? Почему вас называют научными фантастами? Мы ответим: не знаем. Не знаем, почему до сих пор держится устаревший термин «научная фантастика». В лучшем случае он пригоден для определения одного из направлений фантастики. И мы понятия не имеем, почему у писателя-фантаста должны быть какие-то особые взаимоотношения с наукой, отличные от отношений с наукой любого другого писателя. Могут возразить: но ведь большинство фантастов являются научными работниками или инжене-

рами. Это так. Но Гранин, Грекова и многие другие тоже пришли в литературу не из литературного института. Гранин и Грекова показывают психологию научного коллектива и тернистые пути научного поиска не менее убедительно, чем, скажем, Савченко или Войскунский с Лукодьяновым. Отношения с наукой у них всех примерно одинаковые. Разные только методы работы. Хотя, заметьте, цели работы тоже одинаковые.

В идеале у всех писателей нашей страны отношения с теперешней «властительницей дум» должны быть такими же, как у Гранина и у Грековой. И не только потому, что новый ученый заявляет свои права на место в литературе, наряду с другими, старыми героями нашего времени. Дело еще и главным образом в том, что только «короткая нога» с наукой, с научным мировоззрением, с философией науки позволяет сейчас раздвинуть рамки традиционных сюжетов литературы и заглянуть в новый невиданный доселе мир гигантских человеческих возможностей, всепланетных тенденций, надежд и ошибок. Если можно так выразиться, «писатель-научник» может в литературе больше, чем «обыкновенный» писатель. Человек, не имеющий представления о самых общих закономерностях движения материи и общества, просто не может быть в наше время настоящим писателем. Ну что он нового скажет своему современнику, всюду побывавшему, острослову и умнице, открывателю миров и строителю морей? Современная литература высшего класса — это философская литература. Толстой, Достоевский, Фейхтвангер, Томас Манн — вот гигантские образцы того, как должен подходить к своей работе КАЖДЫЙ писатель.

«Писатель-научник», писатель-философ видит дальше, угадывает вернее. Взрывоподобное развитие науки застало человечество врасплох. Лучшие умы человечества силятся нынче осмыслить этот процесс и научиться управлять им. Рано или поздно это им удастся. Что же касается не лучших умов, то они либо как и встарь, на все плюют, либо по невежеству устраивают облавы на узкие брюки и участвуют в диспутах псевдофизиков против псевдолириков. Время сейчас сложное. Писатель должен пристально следить за социальной действенностью всех явлений жизни, прогресса науки; он должен первый привлечь внимание к росткам прекрасного нового, первым предупредить о возможной, никем еще не осознанной угрозе. Это может сделать только писатель, вооруженный знанием. Хочется добавить — современным знанием. К сожалению, таких писателей пока прискорбно мало.

Что же касается роли науки в нашем творчестве, в творчестве братьев Стругацких, то добавить к уже сказанному, пожалуй, нечего.

Считается, что мы пишем о будущем, строим модели грядущих существований. Это, однако, не совсем так. Во всяком случае, для наших последних произведений: «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Акинари Уэда сказал как-то: «Настоящее можно узреть в глубокой древности»[1]. У него был свой метод, через столетие примененный Фейхтвангером. А мы поступаем немного по-другому — протягиваем элементы настоящего в более или менее отдаленное будущее. Нам представляется, что такой метод позволяет более отчетливо увидеть эти интересующие нас элементы. Но это, разумеется, не единственный возможный метод.

Очень хочется написать о многом.

О далеком будущем с его колоссальными проблемами, которые мы сейчас не в состоянии разрешить, но уже можем поставить, о будущем, которое предстает перед нами не как смутное розовое марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир человеческого духа, озаряемый молниями великих задач и дел, мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров.

О близком будущем, о великой эпохе человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, об эпохе победоносного сражения с мещанством — сражения, о котором так хорошо сказал Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком»[2]. Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке.

И о нашем времени хочется написать, о нелегком и суровом, когда миллионы испытываются на прочность, создавая фундамент будущего. О времени проблем, требующих немед-

---

[1] См. авторское предисловие к сборнику новелл «Луна в тумане» (М.: ГИХЛ, 1961, с. 23). Перевод З. Рахима и А. Стругацкого.

[2] Цитата из главы «Беззаботный попутчик» романа «Блистающие облака».

ленного разрешения, о времени удивительно интересных, хотя и противоречивых людей, решающих эти проблемы.

Дискуссию предваряло предисловие редакции:

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА: [ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОДБОРКЕ СТАТЕЙ]

<...>

Нельзя согласиться, например, со Стругацкими, когда они утверждают, что «только «короткая нога» с наукой, с научным мировоззрением, с философией науки позволяет сейчас раздвинуть рамки традиционных сюжетов литературы, заглянуть в новый, невиданный доселе мир гигантских человеческих возможностей, внепланетных тенденций, надежд и ошибок. Если можно так выразиться, «писатель-научник» может в литературе больше, чем «обыкновенный» писатель!»

Думается, что мысль авторов сформулирована с такой категоричностью, что становится просто-напросто неверной.

Явно односторонним является и следующий тезис их статьи: «Современная литература высшего класса — это философская литература. Толстой, Достоевский, Фейхтвангер, Томас Манн — вот гигантские образцы того, как должен подходить к своей работе сейчас каждый писатель».

В данном случае авторы статьи забывают о том, что успешное развитие литературы предполагает многообразие стилей, форм, течений. Нельзя одну из ее форм (в данном случае «философскую» литературу) объявлять самой верной, самой плодотворной и категорически заявлять, что ныне каждый писатель должен работать в традициях Толстого, Достоевского, Фейхтвангера и Томаса Манна. А разве плохи, например, традиции Чехова или Тургенева, Бальзака и Хемингуэя?

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 7 АВГУСТА 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Вот я и на месте. Вернулся несколько раньше срока по причине поломанной машины, не выдержавшей северных дорог. Съездили неплохо, хотя цели путешествия не достигли — на телегах в этот Беломорск ездить, а не на современных легковых

машинах. Подробности расскажу потом — было довольно интересно, и кое-что из впечатлений может пригодиться.

Теперь так.

1. Остатние экзы быстренько вышли по адресу: Ленинград М-140 Пулково до востребования. А то многие уже ноют-просят, а у меня ничего не осталось.

2. ДР продается в Ленинграде. Сам не видел, но некоторые купили. Я все мечтаю съездить в город, посмотреть как расходится.

3. Новостей пока никаких нет. Звонил Брандису — нет дома. Звонил Варшавскому — говорит, что всё о-кей. Приезжал по слухам Володька со своей Лилей[1]. Производил развод и теперь, вероятно, уже сочетался.

4. Ты, кажется, собирался съездить в Туапсе? Или, там, в Армавир? По заданию ЦК ВЛКСМ. Это как понимать в свете недавних опасений? Отпиши. И что с Ефремовским письмом, отпиши. И что с грозной подборкой в «Мол. Гв.», тож отпиши.

5. Читал в З-С рассказ Анфилова[2]? Почти в точности наша идея об обратном движении во времени. Вообще неплохой рассказ, немножко нудноват, правда. И в том же нумере статеечка Гуревича[3], тоже почти по нашей идее: разговор автора с критиками.

6. Вообще какие новости?

7. В октябре нам, кажется, никуда поехать с тобой не удастся. Теща что-то хворает, придется брать Андрюшку домой, а как раз в октябре Адка собирается ехать в Чехословакию. Но это, я думаю, ничего. Зато в ноябре для написания ХВВ я возьму отпуск, и мы попишем на свободе!

Ну, целую, твой [подпись]

P. S. Машинка починена. Так что всё в порядке.

Привет Ленке. Как она там, наша V колонна?

Да, поездка на Север вроде бы не была удачной, но БН недаром написал, что «кое-что из впечатлений может пригодиться».

---

[1] Здесь и далее — Обухова Лидия Алексеевна, писательница, супруга Травинского.

[2] Анфилов Г. Маленькая повесть // Знание — сила (М.).— 1964.— № 6, 7.

[3] Гуревич Г. Десять оппонентов: фантастическая юмореска // Знание — сила (М.).— 1964.— № 7.

Действительно, она одарила читателей сказочным колоритом, памятным нам по первой части ПНВС. Спустя годы БН так говорил о той поездке:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 25.12.03

...сообщу, что при участии Валентины Николаевны Журавлевой недавно открыт сайт о Генрихе Сауловиче Альтшуллере <...>

Может, когда-нибудь летом заглянете в наши края?

Дмитрий Ухлинов. Петрозаводск, Россия

Спасибо. На сайт загляну обязательно, в ваши края — вряд ли. Увы. Края — замечательные! Помню их с 1964 года, когда наша команда на прокатном автомобиле пыталась пробиться (по несуществующей дороге) из Петрозаводска в Мурманск.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 10 АВГУСТА 1964, М.— Л.

Дорогой Бек!

Ёку каэримасьта, как говорят японцы, что значит, как правило, слава богу, наконец-то вернулся. Буду отвечать по порядку, но прежде несколько вопросов:

1. Будем ли мы все-таки работать в сентябре? Учти, это совершенно необходимо, в конце сентября я д о л ж е н положить на стол Калакуцкой готовую рукопись ПНвС в двух экзах.

2. Когда же мы, наконец, будем писать повесть в пару к ХВВ? В ноябре мы сделаем ХВВ. А ту когда делать будем? Это вопрос для ориентировки, чтобы Бела запланировала нашу рукопись в работу.

3. Если Адка едет в октябре, то нельзя ли нам съездить до или после ее возвращения?

Ну вот, а теперь ответы.

1. Остатние пятнадцать экзов начну высылать завтра, и не все сразу, а порциями в два или три очереди.

2. В Москве ДР раскупили мгновенно, поступила она в продажу восемнадцатого, а уже двадцать первого исчезла. Иногда выбрасывают остатки по две-три книжки на магазин, и они сейчас же исчезают. Отзывы самые восторженные. Два раза звонили незнакомые люди и благодарили. Один сказал: «Мы были ошарашены и очарованы». Готовятся рецензии — точно не знаю, где. Известно, однако, что в одно из ближайших воскресений будет хорошая подборка в «Литературной России», что

Ревич договорился написать рецензию в «Вечерней Москве», что Рим Парнов написал рецензию о ПкБ и ТББ и затрудняется ее пристроить.

3. В № 11 «Коммуниста» есть критический очерк некоего Сеничкина[1]. «Журнал молодых коммунистов». Журнал хвалят, желают ему новых успехов, критике подверглась только статья Котляра. Написано вот что: «...нельзя признать удачной статью Котляра «Фантастика и подросток». Хотя в статье правильно поднимается ряд важных вопросов, ее субъективизм в оценке отдельных произведений советских и зарубежных фантастов, недостаточная глубина в анализе современной фантастики — всё это не способствует деловому решению тех проблем, за которые справедливо ратует автор».

4. Никуда я не ездил, как-то не пришлось. Видимо, в ЦК ВЛКСМ раздумали посылать. Ефремов, конечно, ничего не написал, но, видимо, сейчас это уже и не нужно. Грозной подборки в «Молодой Гв.» тоже не было, вместо нее была любопытная статья о половой дисциплине современной молодежи.

5. Рассказ Анфилова не читал. Статью Гуревича пробежал. НичеГё.

6. Новостей особенных нет. Было заседание Совета по фантастике и приключениям в ССП. Присутствовали: Сытин (очень деловой товарищ), Томан, Гуревич, Тушкан, Ефремов, Платов и аз. Цена всему этому, как я понял, дерьмо. Совет будет рекомендовать Полещука и Днепрова в Союз. Есть ли у него полномочия — не знаю. Как-то Сытин ловко увертывался от этого вопроса, хотя я дважды его задавал. А в первом этаже в это время был официальный банкет, и пьяные писатели дружно ревели: «Пейдодна, пейдодна»[2].

Вот, кажется, всё. Если что запамятовал, напишу потом. Привет Адке, целую, твой Арк.

А Ленка там хорошо себя чувствует, ее там полюбили, работает она здорово.

---

[1] Сеничкин И. Журнал молодых коммунистов (Обзор публикаций журнала «Молодой коммунист» за 1964 год) // Коммунист (М.).— 1964.— № 11 (июль). И. Сенечкин — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС. Возможно, в публикации фамилия автора изменена намеренно.

[2] Вероятна отсылка к «Золотому теленку» И. Ильфа и Е. Петрова, ч. 2, гл. 11.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 15 АВГУСТА 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Как странно: ты отправил письмо десятого, а получил я его только четырнадцатого, на два дня позже, чем мама. Соответственно и отвечаю.

1. В сентябре мы будем писать несомненно, всенепременнейше и архинаверняка. Если у меня не произойдет опущения яичника, а у тебя — воды в колене[1]. И в конце сентября ты положишь всё, что надо, на стол Калакуцкой, со всем прибором и в необходимом количестве.

2. Повесть в пару ХВВ мы будем писать, вероятно, уже в 65-м. Когда я брошу работу. Или несколько раньше. Что-нибудь — в январе-феврале. Думаю, что к апрелю-маю есть шансы с ней разделаться. Впрочем, всё это ориентировочно. Я готов и к другим вариантам.

3. Съездить нам с тобой, повторяю, вряд ли удастся. Посуди сам: в сентябре мы разделываем ПНвС. В ноябре — ХВВ. Адка уезжает в октябре дней на 20–25. Что нам остается? Можно было бы, конечно, подкинуть Андрюху маме, но уж очень мне не хочется этого делать, тем более, что мама будет весьма утомлена после сентября и ей надо будет отдохнуть перед ноябрем. Так что съезди уж один, а мой отпуск мы используем для сладострастного и вдумчивого написания ХВВ. Впрочем, может быть, в октябре нагрянет отдохнувшая теща, и тогда мы, действительно, могли бы съездить, но это — далеко не наверняка. Так вот обстоят дела.

«Коммунист» уже прочел — наткнулся совершенно случайно и был весьма обрадован. Есть все-таки, есть правда на земле! Кто этот Сеничкин? Хорошо бы знать. В Ленинграде ДР тоже раскупили. Отзывов особенно восторженных пока не слышал, но в общем нравится. Всем, с кем ни пришлось говорить. Правда, пока всё говорят о ДР. О ТББ ни слова. Странно. А я не спрашиваю, как-то неловко.

Новостей и у меня нет. Был в прошлое воскресенье у Варшавского, весь день играл в карты — сначала в преф, потом в девятку. Было скучно.

Вот пока и всё, крепко целую, твой [подпись]

---

[1] Отсылка к «Трое в одной лодке, не считая собаки» Дж. Джерома, гл. 1. Тамошний термин «housemaid's knee» в русских переводах зачастую передавался названиями болезней, заведомо невозможных у мужчин.

Р. Т. Между прочим, договорились же, что часть экзов будет снабжено твоей подписью. В чем дело? Неужели так трудно? И еще: дарил ли ты книжку Травинскому? И будешь ли дарить? Отпиши. Пока получил 5 дополнительных экзов. Всего 15. Жду еще.

Привет Ленке.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 АВГУСТА 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Письмо опустил тебе вместе с письмом маме, так что странно, как оно запоздало. Подозрительно, изнт ит?[1]

1. Буду между первым и пятым сентября, выеду, как только получу с машинки и сдам в редакцию «4-й ледниковый» Абэ Кобо. Работать мне осталось неделю, но надо еще написать предисловие.

2. Значит, я доложу Беле, что рукопись ХВВ мы сдаем где-нибудь в районе марта—апреля 65-го.

3. Не поедем, так и черт с ним.

4. Кто такой Сеничкин — понятия не имею. Узнать же не у кого.

5. Было опять два предложения от кино. Одно — режиссер Бунеев из студии Горького, жаждет ставить ТББ. Это я не знаю, возможно, парень он и хороший, потому что его прельщает гамлетовская ситуация Руматы. А может, он и трепется. Второе — серьезнее. В Москве создана студия экспериментальных фильмов под руководством Чухрая и Симонова[2]. Мне звонил оттуда писатель Воробьев, он попал к ним в штат и хочет работать с «Попыткой к бегству». Я и тому, и другому ответил неопределенно. Чему они, впрочем, не удивились.

6. Сходи в то, что у вас соответствует Литфонду, и вступи. Оказывается, там нужны формальности. Анкета, фото и прочее. Поторопись, а то я буду, а ты нет.

---

[1] Isn't it? — Не правда ли? *(англ.)*

[2] «Экспериментальная творческая киностудия» (ЭТК) была создана в 1964-м году. Ее директором стал В. Познер, К. Симонов возглавил сценарный отдел, Г. Чухрай был назначен художественным руководителем ЭТК. В августе 1968 года Госкино преобразовало ЭТК в «Экспериментальное творческое объединение» при «Мосфильме» под руководством Г. Чухрая.

7. Прислал письмо Илья, просил обеспечить ему четыре экза «Фантастики 64». Отвечать лень, да и конверта нет. Скажи ему, что обеспечу.

8. Звонил Платов, восторгался ТББ.

9. Подписи на экзах — моча. Подписывай сам. Я же подписываю за тебя. Сегодня выслал еще пять экзов. Остальные — в конце недели.

10. Травинскому не дарил. Буду дарить.

Вот всё, дружище. Крепко жму и целую.

Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 21 АВГУСТА 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Прости меня, грешного, малость я задержал ответ: сидел дома с Андрюшкой.

1. Итак, ждем тебя в первых числах. Чем скорее, тем лучше — мне уже надоело мое теперешнее времяпрепровождение.

2. В октябре, может быть, и поедем. Врачи, видите ли, запрещают сопляку пребывать в Ленинграде — не та, видите ли, ингаляция. Поэтому Адка хочет его все-таки отправить в Киев, когда теща отдохнет и когда в Ленинграде станет плохо. Так что появился (снова) шанс съездить нам с тобой на юг и немножко поплавать. Впрочем, усе это писано вилами по сену.

3. Насчет кино, наверное, все треп. Но ты отвечай, что ничего против не имеешь. Пусть экранизируют. Там, говорят, есть какое-то авторское право, за которое можно получить деньги. Вот и надо получить, а сценарий пусть пишут дяди.

4. В то, что у вас соответствует Литфонду, а у нас называется Литфонд, я ходил еще аж в июне-июле, о чем незамедлительно и отписал тебе (см. полное собрание писем Б. Стругацкого А. Стругацкому). Книжечки я, правда, еще не получил, но думаю, что дело в шляпе.

5. Травинскому не дари, я уже подарил. Он был здесь давеча — заканчивал развод. Как всегда, рассказал много интересного.

7[1]. Читаю любопытную книжку некоего Данэма «Человек против мифов»[2], где разбираются и критикуются современные

[1] Шестой пункт пропущен.

[2] Данэм Б. Человек против мифов.— М.: Изд-во иностр. лит., 1961.

социальные мифы, вроде расовой теории, солипсизма, точки зрения «всё имеет две стороны» и «человек по натуре сука» и пр. Очень любопытно. Он довольно легковесен, этот Данэм, но пишет хорошо.

Писать, сам видишь, нечего, посему и кончаю. Жму и целую, привет Ленке, твой [подпись]

P. S. Войскунского там нет? С... он, не мог прислать экземплярчик.

С 16 по 23 августа в газете «Московский комсомолец» публикуется отрывок из первой части ПНВС с послесловием, в котором редакция информирует читателей, что опубликованный текст — заключительная часть «Суеты вокруг дивана», и сообщает, что полностью повесть будет напечатана в сборнике «Фантастика, 1964 год».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 25 АВГУСТА 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Вчера кончил перевод, сдал на машинку. Обещают выполнить в субботу. Привезу тебе один экз., чтобы ты почитал и дал просвященное мнение по машинной и по философской терминологии. А также мнение вообще. У меня лично такое ощущение, что этот Абэ с ходу попадает в первую десятку мировых фантастов.

Теперь мне остается быстренько набросать небольшую статью-предисловие, и всё будет в шляпе. Хотя написать статью для меня — тоска смертная. Да, должен тебе покаяться: я еще написал статью-предисловие к сборнику Севера, хотел бы подписаться вместе с тобой, ты как, не возражаешь? Если не забуду, привезу эту статью с собой. Далее, в предвидении нападок на «Лезвие бритвы» Бела взяла нашу статью об этой книге, которую мы подготовили в свое время для «Что читать», помнишь? Статья пойдет в «Фантастике 65».

В № 8 «Молодой Гвардии» есть интересное выступление вице-президента Академии меднаук В. В. Парина, где он хвалит «Далекую Радугу»[1], а также статья Турбина, где он очень

[1] Парин В. О невероятном и вероятном, о далеком и близком... / Литературная запись Б. Володина // Молодая гвардия (М.).— 1964.— № 8.

странным образом хвалит «Лезвие бритвы» и «Воры в доме»[1]. Посмотри обязательно.

Узнал вдруг, что «Суету вокруг дивана» принялись <публиковать> ни с того ни с сего в газетке «Московский комсомолец». Хотел сказать им «фе», но они уже закончили, да еще изуродовали конец. Сволочи. Потом оказалось, что они явились в редакцию к Беле и попросили что-нибудь дать. Бела дала им верстку сборника «64» и порекомендовала рассказ Савченко. А они, видишь, как устроились — никого не предупреждая, рубанули нашу повесть. Пес с ними. Может, лишние деньги получим, и то хлеб.

Что до кино, то знающие люди требуют, чтобы право на экранизацию мы не продавали, а писали сценарий сами. Изуродуют, говорят они. Надо тщщщщательно пррродумать это. Ужо.

Приеду, видимо, утром 2-го сентября с. г. Готовься.

Целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 29 АВГУСТА 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получив твое письмо, отвечаю в надежде, что еще застану тебя в Москве. Во первых строках мово письма еще раз поздравляю тебя с днем рождества твоего. Время, сука, так и рвет. Вот ты уже почти и старый хрен. И жить осталось каких-нибудь двадцать-тридцать лет. А как много еще надо написать! Хорошо бы написать к твоему семидесятилетию метр книг. А? Если бы ты, дьявол, поменьше жрал водки, то это было бы совершенно реально. И если бы я, засранец, поменьше курил и побольше лечил печень. Г... мы с тобой, вот что.

Теперь о делах.

1. Обязательно привези с собой всё, что собираешься подписывать моим именем. И своим, впрочем, тоже. А то перечитал я статеечку в Воплях[2] и содрогнулся. Несерьезно подойдено, товарищ АНС, не подумали мы. Вези статью про «Лезвие», вези предисловие к Северу. Тщательно надо продумывать, тща-а-тельно! А мы не продумываем. И колесим.

---

[1] Турбин В. Апокрифы нашего времени // Молодая гвардия (М.).— 1964. — № 8. «Воры в доме» — роман В. Киселева.

[2] Через настоящее — в будущее // Вопросы литературы (М.).— 1964. — № 8.

2. Газетный вариант «Суеты» постарайся достать и привезти. В особенности изуродованный конец. Вообще-то за такие штуки надо морду бить. Главное, ведь не заплатят, сволочи, это же как пить дать.

3. Насчет кино обдумаем.

4. Звонил Дмитревский. Заявил, что статью в «Коммунисте» устроил лично он. Якобы прочитав «МолКом», он немедленно направил гневное письмо в «Ком», и это, якобы, всё и объясняет. Я не поверил, но восторгался и кричал капиви[1].

В остальном жду тебя с нетерпением. Эх и работнем же! Работка приятная, не пыльная. Чмок, а не работа. (Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.)

Жму, целую, привет Ленке, твой [подпись]

P. S. Не забудь захватить «ПНВС». Хе-хе-хе.

В № 9 журнала «Звезда» публикуется обзорная статья Владимира Дмитревского о фантастике последних лет (в этом же году она печатается в сборнике «О литературе для детей»). В ней, помимо прочего, говорится и такое:

ИЗ: ДМИТРЕВСКИЙ В. ВСТРЕЧИ С ГРЯДУЩИМ

<...>

Авторы «Страны багровых туч» не почили на лаврах своего первого литературного успеха. Их творческий труд напоминает бег с препятствиями. Всякий раз Стругацкие ставят перед собой новую, усложненную задачу и, надо признать, интересно ее решают. Тому свидетельство — их повести «Возвращение», «Стажеры», «Попытка к бегству».

<...>

Друзья и соратники, совершившие когда-то первый полет на Венеру, вовсе не похожи один на другого. Суровый и внешне очень сухой Быков, «роскошный», лениво-пренебрежительный Юрковский, нежнейший Крутиков, простой и ясный Жилин... С одним было бы приятно провести застольные часы, с другим

---

[1] Реминисценция из перевода АНом повести Р. Киплинга «Stalky & Co» (глава «Slaves of the Lamp», 1): «...we must make him cry "Capivi!"» Киплинг широко использовал роман Р. Сертиса «Handley Cross, or Mr. Jorrocks's Hunt». Здесь неточно процитировано частое у Сертиса восклицание «Capevi!» (видимо, его персонаж путает «capevi» и «peccavi», «я виноват» — *лат.*).

поговорить по душам, с третьим просто помолчать. Но с каждым из них и со всеми вместе легко и радостно совершить самое главное в своей жизни, такое, что потребует полной отдачи и самого высокого взлета души, то, что принято называть подвигом.

<...>

В каждом произведении Стругацких мы сталкиваемся с попыткой найти, раскрыть и обосновать те новые конфликты, которые, по всей видимости, вырастут на почве будущего и станут типичными для человека, решающего массу новых, сложнейших жизненных, нравственных и философских проблем. Особое значение придается вопросам нравственности. Преодолевать собственные слабости и недостатки. Уметь понять душевное состояние другого человека и вовремя прийти ему на помощь. Ненавидеть и презирать равнодушие — эту коррозию, разъедающую душу...

<...>

У Стругацких будущее — это конец XX и начало XXI века («Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры») и XXII век («Возвращение»). Таким образом, Алексей Быков, Владимир Юрковский, Леонид Горбовский и другие лишь поднимаются по ступенькам лестницы в будущее, которое отдалено от нас не столь уж большими сроками.

<...>

Со 2 по 26 сентября АН вновь в Ленинграде. АБС пишут заключительную часть ПНВС.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

Приехал 2.09.64. Работа над «ПНВС».
18.09. Пишется «Полным-полно попугаев».
19.09.64. Приступили к 4-й главе «Полным-полно попугаев».
25.09.64. Закончен ПНВС. Сегодня черновик-комментарий.
26.09.64. Отъезд в Москву. Закончен комментарий.
АНС победил.

Там же, в Ленинграде, АБС пишут очередное письмо Альтову.

ПИСЬМО АБС Г. АЛЬТОВУ, 3 СЕНТЯБРЯ 1964

Уважаемый Генрих Саулович!

Вот мы опять в Ленинграде, вместе, и готовы со свежими силами продолжать нашу переписку.

Прежде всего, об анкете в «Комс. Правде», с которой Вы начали свое письмо. Нам кажется, что здесь имеет место недоразумение. Во всяком случае, недоразумение здесь вполне возможно. Дело в том, что вопрос анкеты двусмыслен. Если речь идет о том, чтобы с помощью десяти книг дать марсианам правильное представление о чаяниях, страхах и заблуждениях современного человечества, то в контейнер надлежит засунуть десяток самих дрянных, тенденциозных и конъюнктурных детективов и н.-ф. поделок, изданных у нас и за рубежом. Если же речь идет о том, чтобы представить марсианам образцы человеческой культуры, то средний опрашиваемый склонен запихивать в контейнер не столько те книги, которые он любит, сколько те, к которым ему внушили уважение. Например, мы, не питая никаких чувств к Гомеру, сунули бы его тем не менее в первую очередь, потому что с детства знаем и верим: Гомер велик. Так что анкетно-контейнерная затея, на наш взгляд, не дает однозначного ответа на вопрос, как относится массовый читатель к фантастике. Трудно спорить — в представлении очень многих людей (и очень культурных) современная фантастика — литература второразрядная. И именно поэтому нам нужно: а) стараться писать лучше и б) морально уничтожать критиков, старающихся утвердить общественность в этом представлении. Лично мы затрудняемся определить понятие «второразрядность», но интуитивно мы чувствуем, что второразрядная фантастика все-таки на голову выше второразрядной Большой Литературы.

Насколько мы Вас поняли, второразрядность для Вас это прежде всего отсутствие острой проблематики и предмета для споров. Ну, во-первых, мы не можем согласиться с этой точкой зрения уже потому, что существует масса книг, великолепных, перворазрядных и, тем не менее, лишенных сколько-нибудь заметной проблематики. Правда, проблему всегда можно примыслить, либо раздуть, но никто не убедит нас в том, что «Иметь и не иметь», «Один день Ивана Денисовича» и «Тихий американец» великолепны потому, что проблемны. Они великолепны потому, что это огромные куски жизни и правды, сделанные руками мастеров так, что заставляют сопереживать. Если говорить о себе, то в нашей работе проблематика составляет очень важную, конечно, но не единственную задачу. Не меньшее, а иногда и большее значение для нас играет квазиреальный мир, в котором мы ставим и решаем (или не решаем) проблему.

Возьмем, к примеру, ту же «Далекую Радугу». Повесть вышла из идеи, которая однажды вошла в наши головы: в условиях

безграничного роста духовных потребностей возможны кризисы, возникающие как результат несоответствия между количеством идей и количеством ульмотронов. (Кстати, в знаниевском варианте важный кусок повести, содержащий теоретическое обоснование происходящего, по некоторым причинам выброшен. Это, несомненно, не могло не способствовать созданию ложного впечатления полной бесконфликтности повести и случайности катастрофы.) Но важна нам была не только эта идея. «Далекая Радуга» это еще одна попытка моделирования будущего, попытка построения мира, управляемого определенными (пусть спорными) законами и населенного живыми, по возможности, людьми. Нас интересовало не только теоретическое (проблемное) обоснование катастрофы, но и поведение, поступки, мысли людей, попавших в эту катастрофу. Короче говоря, не только идеи, но и эмоции. Читатель должен не только обдумывать, но и сочувствовать. (Между прочим, мы с большим интересом проследили Ваш анализ «Радуги» и, учтя, что Вы читали только знаниевский вариант, почти со всем согласились. Только вот насчет мер предосторожности и тысяч звездолетов на Радуге... Дело ведь в том, что, по условию, полигон на Радуге существует тридцать лет, и роковая Волна была не первой, и не одну уже Волну благополучно удерживали «харибды». И физики — тоже люди, а где люди, там и дети, а за тридцать лет успешных сражений с Волной неизбежно должно было прийти ощущение достаточной защищенности. Никто же не прикрепляет огнетушителей к спичечным коробкам и не ставит на каждом оживленном перекрестке санитарный пост.)

«Радугу» в «Новом Мире» не взяли совсем не потому, что она беспроблемна. Просто мы ее туда не давали. И вообще мы не верим, что «НМ» взял, скажем, «Чужого» Липатова, повестушку вяловатую и слабоватую, за острую проблематику. Проблематику сочинили уже потом — в «Литгазете». А в «НМ» И. А. Ефремов рекомендовал «Трудно быть богом». И «НМ» ответил, что, да, пожалуй, если он так настаивает, то они из уважения к нему попытаются найти время, чтобы ознакомиться с рукописью. После этого все мы скисли и рукопись посылать не стали, а взяли ее и отнесли в «Москву». Там ее расхвалили, пообещали немедленно напечатать, но потом кто-то там с кем-то поссорился и вместо «ТББ» напечатали статью Лукьянина, а рукопись спустя некоторое время вернули без всяких объяснений. Что же касается «Радуги», то она через знакомых попала в «Звезду»,

и знакомые попытались ее там протолкнуть, но у замглавного «Радуга» почему-то сассоциировалась с безыдейной деятельностью некоторых пробуржуазных деятелей в нашем искусстве, и было объявлено, что только через его труп. Как видите, здесь проблемность даже помешала. Это мы не жалуемся, поймите нас правильно. Мы просто стараемся Вас убедить, что свой журнал фантастике необходим.

Теперь о стуках в сердце. Мы, по-видимому, неясно выразились. Мы говорили не о стуке в н а ш е м сердце, мы говорили о стуке в чужом сердце. Например, у Колпакова пепел стучит в сердце, но, как известно, никто его не слышит. У некоторых наших знакомых стучит, но не так, как хотелось бы. И так далее.

А о гауссиане мы заочно, видимо, так и не договоримся.

Очень жалко, что Вас не приняли в Союз. Экое идиотство! И надолго эта опала?

Желаем успеха. Ждем Ваших писем по ленинградскому адресу: <...>

Работаем сейчас над шутливой повестью-сказкой «Понедельник начинается в субботу», первая часть ее опубликована в «Фантастике 64», только что вышел сигнал.

16 сентября в газете «Вечерняя Москва» выходит статья Всеволода Ревича с подзаголовком «Раздумье над книгой» — рецензия на книгу АБС ДР-ТББ.

РЕВИЧ В. ПРЕКРАСНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Фантастика Аркадия и Бориса Стругацких завоевала неизменную и заслуженную любовь читателя (можно было бы добавить — при одновременном равнодушии или даже несправедливо неприязненном отношении критики). Эти писатели сравнительно недавно появились в литературе, и легко заметить, как от книги к книге растет их литературное мастерство, утверждается собственный почерк, как все более усложняются, становятся весомее и масштабнее задачи, которые они ставят перед собой. «Молодая гвардия» издала недавно новую книгу братьев Стругацких, состоящую из двух повестей — «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». И, пожалуй, это лучшее из того, что выходило в свет за их подписями.

Произведения А. и Б. Стругацких отличает любовь к деталям, к точно найденным подробностям. Большинство сцен

выписано у них так выпукло, так зримо, что невольно начинаешь верить, будто всё это случилось на самом деле.

Но все же не наука и техника, не детали конструкций, не развернутая мотивировка фантастических гипотез главное в произведениях Стругацких. Авторы поставили перед собой в первую очередь другую задачу — показать людей будущего, их мысли, заботы, переживания, сомнения, мораль. Было бы преждевременным сказать, что они во всех случаях добиваются полного успеха, но есть несомненные удачи, в частности образ героя «Далекой Радуги» (и некоторых других книг) космонавта Леонида Андреевича Горбовского.

«Далекая Радуга» — остроконфликтная вещь. На планете Радуга, отданной в распоряжение физиков, в результате дерзкого эксперимента случилась беда. С полюсов к экватору начинают двигаться два гигантских всплеска вырожденной материи — огненные Волны, испепеляющие всё на своем пути. Попытки остановить их кончаются неудачей. По времени действие повести обнимает всего несколько часов, тех часов, которые остаются в распоряжении жителей Радуги. Выбора и выхода нет, на космодроме — один маленький звездолет, который — и то с трудом — может спасти только детей.

Мы уже познакомились немного с людьми, живущими на Радуге, до катастрофы. Они очень похожи на нас — шутят, поют, любят, ссорятся из-за недостающего оборудования. Но вот наступает час испытания. «Игра кончилась, мальчики и девочки,— говорит Горбовский подросткам, которые отказываются идти в звездолет, уступая место воспитателям,— перед вами жизнь, какой она бывает иногда, к счастью, редко». Больше всего потрясает в поведении этих людей, над головами которых уже встают аспидно-черные стены, полное спокойствие. Каждый выполняет свой долг, ученые пытаются спасти хоть что-нибудь из научных трудов. Никакой паники. И здесь мы начинаем чувствовать, что это люди, которые в чем-то выше, совершеннее, сознательнее нас. Впрочем, не надо клеветать на своих современников — каждый из нас слышал и читал, а может быть, и встречался с теми, кто в подобных ситуациях вел себя не хуже, чем далекие потомки. Ну что же, мы должны гордиться тем, что среди нас уже много людей, чьи жизненные принципы, мораль, убежденность станут в будущем нормой для каждого.

Но это подвиг-порыв, к тому же вынужденный, ибо люди находятся во власти обстоятельств. А вот подвиг, который дол-

жен совершить главный герой «Трудно быть богом» — Антон, требует ежедневного, ежечасного напряжения всех его духовных сил. Чтобы дать представление о том, что делает Антон, можно поставить один, на первый взгляд, странный вопрос: представьте себе, что каким-то образом вы очутились на римской Площади Цветов в то время, когда торжественная и страшная процессия инквизиторов вела на костер Джордано Бруно, а кругом бесновалась толпа, приученная к подобным зрелищам. Что сделали бы вы? Мрачно промолчали, стали агитировать за гуманизм, бросились на палачей, начали бы стрелять в толпу? Что? И что вообще нужно делать в подобных случаях, если развитая, гуманистическая цивилизация столкнется с дикостью и мракобесием? Именно на такие очень непростые вопросы должен отвечать Антон — он же Дон Румата,— по собственному желанию и по воле землян посланный на планету, где «правит бал» феодальное варварство. Его задача как раз и состоит в том, чтобы на месте изучить возможность для помощи тем, кто нуждается в ней, в первую очередь тамошним Джордано. Но можно представить себе, как трудно Антону и его товарищам, выросшим в обществе, где человек, человеческая индивидуальность, тем более человеческая жизнь — явление высшей ценности, смотреть на пытки, костры, разврат.

«Трудно быть богом» — назвали авторы свою книгу. Совсем напротив. Богом быть легко. Бог может прилететь на припрятанном вертолете, чтобы спасти вождя крестьянского восстания или, заплатив взятку золотом «дьявольской» чистоты (полученном в синтезаторе), выкупить старого книжника. Бог мог бы с легкостью уничтожить всё это сборище насильников и палачей. А вот человек этого сделать с легкостью не может. Он должен сначала решить, можно ли грубо вмешаться в чужую историю, к каким последствиям это приведет. Трудно во всех условиях оставаться человеком, но прекрасно, когда все же и в самые тяжелые минуты люди остаются людьми.

Планетарная катастрофа, огненные Волны, костры инквизиторов... Это так, но не надо думать, что книги А. и Б. Стругацких мрачны по колориту. На самом деле это светлые и с большим юмором написанные повести. Авторы умеют сочетать серьезность проблем с шуткой, философское отступление с острым сюжетным пассажем. Их книги занимательны в лучшем смысле этого слова, в то же время несут большую идейную нагрузку.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 30 СЕНТЯБРЯ 1964, М.— Л.

Dear Bob!

Я готов выехать в любой день, the sooner the better[1]. Сообщи срок и порядок поездки. Где встречаемся? Если в Москве, то на когда заказывать билеты? На самолет или поезд? Отпиши скорее.

Новостей пока никаких.

«ПНвС» сдал на машинку, будет готово в субботу. Так, во всяком случае, обещают.

Привет Адке.

Целую, Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 3 ОКТЯБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Быстро-быстро отвечаю.

1. Ехать надо числа десятого-одиннадцатого. Вероятно, рациональнее всего лететь самолетом из Москвы. Скажем, ты берешь билеты на самолет и телеграфируешь мне. Я накануне сажусь в «стрелу», приезжаю, и в тот же день мы вылетаем. Ты должен всё рассчитать так, чтобы свести риск опоздания к минимуму. Чтобы между поездом и самолетом осталось хотя бы часа три. Но поздние рейсы тоже не годятся: неохота приезжать в Алупку поздно вечером. Разузнай всё и пришли свой план действий.

2. Пришло письмо от Альтова. По-прежнему спорит. В конце письма ругательски ругает СВД. Письмо я привезу, мы его обсудим и ответим. А может быть, из Крыма махнуть в Баку на пару дней?

3. Собирал нас Травинский. Читал введение в свое «Путешествие с цифрами и остановками». Пока это неудачно. Подробности расскажу.

4. Был я в Лавке Писателей. Купил несколько интересных книжек. Ни о Вознесенском, ни об Окуджаве не может быть, конечно, даже речи. Это такая же шарашка, как и всё остальное. Надо втираться в доверие. Буду втираться.

5. Мои всё еще не уехали, но отбывают все-таки четвертого. Адочка — пятого. Несколько дней мне понадобится для улаживания дел на работе, а там: ту-ту-у-у...

---

[1] Чем скорее, тем лучше *(англ.)*.

6. Что-то не шлют и не шлют денег из МОЛГВ. Ленинград (писательский) обеспокоен этим обстоятельством.

Целую, жду диспозиции, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке и ребятам, коих встретишь.

P. P. S. Между прочим, ты знаешь, что до сих пор еще не разрешена подписка на газеты и журналы. Все почтовые конторы в недоумении. Не связано ли это с реформой прессы, о кот. ты говорил?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 7 ОКТЯБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик.

Итак, беру на десятое-одиннадцатое билеты до Симферополя. Так постараюсь, чтобы сразу с вокзала на аэродром.

Насчет Баку из Крыма — посмотрим. Видно будет. Особенно, если в Крыму будет холодно.

Денег еще никому не давали. Выписали только пять дней назад. Теперь надо ждать.

Газеты, видимо, действительно подвергнутся реформе, но какой — в точности неизвестно.

ПНвС прочитал Ю. Манин. Ему активно не понравилось. Исчезла, говорит, чистая простота СВД, много лишнего, лобового, надо, говорит, сокращать.

Машинистки, с..., столько ошибок понаделали, что до сих пор (третий день уже) не могу справиться. Но сегодня, кажется, я добью.

Вот всё. Жди телеграммы на выезд. Телеграмму пошлю на Пулково, ведь дома у тебя сейчас никого не будет. А еще лучше было бы, если бы ты позвонил мне, когда получишь это письмо. К тому времени я уже, наверное, билеты возьму.

Жму, целую, Арк.

До 20 октября АБС отдыхают в Алупке. Памятью об этой поездке стала серий фотографий братьев, самая известная из которых была опубликована в 7-м томе знаменитой «Библиотеки современной фантастики», а ныне открывает сайт АБС http://rusf.ru/abs/ Их автором был Александр Копылов, отдыхавший там вместе с Авторами.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 ОКТЯБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Новости такие.

1. В «Детгизе» рукопись еще никто, по-видимому, не читал. Во всяком случае, рядовые члены редакции. Читала ли Мария Михайловна — не знаю, сегодня иду туда, попробую уточнить.

2. Все эти дни мне звонили из театра МГУ — есть такой, соперник знаменитого «Современника». Вчера, наконец, дозвонились, хотят ставить «ТББ». Дали мне понять, что «клубничка» (возможные ассоциации с современным положением) их не интересует, привлекает их-де динамика вещи и идея о невозможности изменить естественный ход истории. Им нужно, чтобы кто-нибудь — не мы, так наши знакомые — дал драматургический вариант ТББ. Я сказал, что должен посоветоваться с тобой. Обязательно напиши, они будут звонить через неделю. Я дал понять, что сами мы этим заниматься не будем.

3. Высказывание Егорова о фантастике ты, наверное, знаешь.

4. Ариадна прочитала ПНвС, в восторге, если не врет. Прочитала она и Ларионову — тоже понравилось. Будет писать рецензию с позитивными предложениями. Мне бы хотелось видеть эту повесть в третьем или четвертом номере «Фантастики 65».

5. Пришла верстка «Фантастики 65» № 1. Там наша рецензия на «Лезвие бритвы» (если ты не забыл). Не очень-то она мне нравится, но она необходима в интересах редакции и самого И. А. Пусть.

6. Вчера ходил в «Диафильм». Помнишь? Просмотрел пятьдесят кадров-рисунков. НичеГё. Вообще-то чушь, конечно, да ладно.

7. Ходят слухи, что Аджубея и Сатюкова сняли, не знаю, верно ли это.

Вот пока всё, что можно написать. А сейчас жду звонка из «Мосфильма», вчера они искали меня, да я дома не был. Не знаю, чего им надобно.

Нина Беркова приехала, сегодня с нею увижусь. И с Ревичем думаю увидеться.

Пока всё. Целуй Адку, если приехала, передай ей наши поздравления и пожелания по случаю именин.

Целую, жму, твой Арк.

БН в это время пишет черновик письма Альтову и отправляет АНу на доработку с комментарием:

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 23 ОКТЯБРЯ 1964[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Писал это до 3-х часов ночи, совсем ошалел. Перепиши, и отредактируй, и отошли, и мать семь-восемь.

Я подписался на Фейхтвангера, купил «Семь дней в мае»[2] и перечитал «ПНВС». Суки они все — славная же вещь! Чего им надо?

Жду твоего письма, твой [подпись]

P. S. А космонавты-то! А? Смачно, смачно! Как это в свете претензий Казанцева?

Первая страница следующего письма, к сожалению, утрачена.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 25 ОКТЯБРЯ 1964, Л.— М.

<...>

Дождался твоего письма. Рад, что Ариадне понравился ПНВС. Это несколько ободряет.

Мальчикам из МГУ, я думаю, можно разрешить постановку. Но я тоже не знаю, кто будет заниматься — какие знакомые. Если найдутся охотники — ради бога.

Читал и отзыв Егорова, и отзыв Феоктистова, о котором ты почему-то ничего не пишешь ни мне, ни маме, а он — интереснее.

Сейчас торчу на аэродроме, жду Адку. Самолет опаздывает, и мне еще придется ждать не менее часа.

Подробнее напишу, когда получу твое второе письмо. Еще раз всем привет, твой [подпись]

Упоминаемые в письме отзывы космонавтов — Егорова и Феоктистова — были опубликованы 22 октября в «Комсомольской правде» и «Литературной газете».

«ВСЕ НОВОСТИ КОСМОСА. ЭКИПАЖ «ВОСХОДА» ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТОВ»

<...> Корреспондент «Литературной газеты» попросил ученого сравнить свои переживания и ощущения в космосе с теми, которые описываются в фантастических произведениях.

---

[1] Датировка составителей.

[2] Нибел Ф., Бейли Ч. Семь дней в мае.— М.: Воениздат, 1964.

Мне кажется, сказал Феоктистов, что у нас впечатления более будничные, но в то же время и более необычные: мы смотрели и видели то, о чем не написано в фантастических романах. В фантастических романах мы чаще ищем не картину будущего, а мысли и видение мира, близкие нам. Из научно-фантастических произведений, отметил ученый, я отдаю предпочтение работам польского писателя Станислава Лема и советских фантастов Ефремова и Стругацких.

<...> На трибуне Б. Б. Егоров.

<...> Среди вопросов был и такой:

— Читаете ли вы научную фантастику? Кто ваш любимый автор?

Ответ: Мне нравятся советские фантасты братья Стругацкие и польский писатель Станислав Лем. Я очень люблю рассказы американского фантаста Рея Брэдбери.

РЕВИЧ В. РАЗВЕДЧИКИ НЕВЕДОМОГО. ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ГЕРОЕВ-КОСМОНАВТОВ, 21 ОКТЯБРЯ, МГУ

<...> Я тоже задаю вопрос. О космических полетах написано немало книг. До недавнего времени они относились к ведомству научной фантастики. Интересно, насколько верно удалось фантастам угадать и описать ощущения и переживания, которые владеют космонавтами при полете. Константин Петрович Феоктистов отвечает:

— Я бы сказал, что наши впечатления были и более будничны, и более необычны, чем те, о которых мы читали в фантастических произведениях Лема, Ефремова, Стругацких. Мы видели то, о чем не написано ни в одном фантастическом романе...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 ОКТЯБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо. Послание к Альтову перепечатаю и вышлю ему завтра. Сегодня, вероятно, не удастся, потому что, во-первых, везу Машку записывать в поликлинику, во-вторых, сегодня выдают муку, которую я должен приволочь домой — двенадцать кило на нашу семью.

Новости.

1. ПНвС прочитала Мария Михайловна и очень расхвалила. Рассказала, что прочел ее сын — студент — и визжал от востор-

га от начала до конца. Сейчас читает Нина Беркова, затем всё будет одобрено, выплачены деньги (остальные после аванса 35 %) и сдано на иллюстрацию. Я тут же потребовал хорошего художника, типа Ротова. Обещали.

2. Очень хорошая новость. Бела сама (!) предложила, чтобы наш сборник в «Мол. Гв.» состоял бы из ХВВ и «Попытки к бегству». Каково? Я так и подпрыгнул от радости. Теперь можно будет работать не спеша, спокойненько, да и ПкБ пристроена в отдельную книгу. Так что можешь насчет сборника не беспокоиться: мы сдадим его в редакцию в декабре — ведь машинописная рукопись ПкБ у меня есть, готовая к сдаче, даже в двух экземплярах.

3. В среду должно было состояться заседание Совета по фантастике, где Казанцев намеревался атаковать СВД. Не будет заседания: заболели Тушкан и Казанцев. Царство небесное.

4. Ленка осрамилась в издательстве. Их там собрал главный редактор по случаю отъезда одного из сотрудников на Кубу. В прощальной речи сей главный редактор взволнованно пожелал отъезжающему, чтобы «земля ему была пухом». Ленка громко, во всеуслышание назвала его дураком. Теперь ходит и трясется, как герой «Смерти чиновника»[1].

5. «Московский комсомолец» не желает платить за СВД. Я решил написать в Комитет по охране авторских прав.

6. В редколлегию альманаха ввели Ревича. Он, кстати, написал два неплохих рассказа. Сейчас собирается второй сборник за 65 год. Будет в нем перевод главы из «Суммы технологии». Росоховатского большинством голосов зарубили. Гора, я думаю, удастся отстоять. До чего пошел свирепый редколлегер — страшно смотреть. Все снобы. И Ревич, и Громова, и Бела с Ленкой.

7. Перевод Брускина действительно оказался скверным. Он многого не понял в словотворчестве Иона Тихого, в игре слов и прочем. Это я сам убедился на примерах. Еще обвиняют его в халтуре, но этого я уже не знаю. Лема дали на доработку одной специалистке по польскому. Это довольно досадно, потому что надеялись, что Лем пойдет сразу после Ефремова. Кое-кто действительно опасается, что журнальная публикация «Возвращения со звезд» может испортить нам дело.

8. Два рассказа Ильи — «В атолле» и про старого пилота — пойдут в альманах несомненно. Об остальных еще не знаю. В

---

[1] Рассказ А. Чехова.

«Знании» Макаров запорол обложку к его сборнику, но сейчас уже исправил.

9. Половина первой главы второй части ПНвС идет в «Искателе» с нашими фото. Лаборатория писателя, так сказать. Верстка будет на той неделе. Я дал Коротееву только первую главу. Ему очень понравилось.

10. Ходят слухи, что Захарченко выгоняет Толю Днепрова из журнала. Я пошел узнать, но мне сказали, что Толя болен.

11. Есть несколько писем, все похвальные, потом прочтешь. Одно, однако, требует внимания. Пишет выпускник Украинского Полиграфического института из Львова, по специальности художник. Готовит диплом — разработка художественного оформления книги. Тема — «Трудно быть богом». У него к нам два вопроса: а) Не целесообразно ли разработать общее оформление для дилогии ПкБ и ТББ сразу? Я полагаю, пусть так и делает. б) Хочет показать нам предварительные эскизы, которые закончит к середине ноября. Не думаю, что имеет смысл приглашать его в Ленинград, пусть приезжает в начале декабря в Москву. А как ты думаешь? Отвечать не буду, пока ты не пришлешь своего мнения.

Вот пока всё.

Поцелуй маму, привет Адке.

Все тебя обнимают.

Твой Арк.

АН перепечатывает и отправляет Альтову следующее письмо.

ПИСЬМО АБС Г. АЛЬТОВУ, ОКТЯБРЬ 1964

Уважаемый Генрих Саулович!

В Вашем письме, как нам кажется, интересных соображений столько же, сколько спорных. Трудно будет нам договориться, однако попытаемся по крайней мере обменяться мнениями по некотором принципиальным вопросам.

Начнем с некоторых Ваших утверждений, которые произвели на нас впечатление с у г у б о спорных.

1. Главным в фантастике Вы считаете «яркую, значительную научно-фантастическую идею». Вы пишете: «Опыт упрямо свидетельствует, что любое... произведение звучит только в том случае, если в нем есть (помимо прочего) удачная научно-фантастическая идея». Вы с горечью отмечаете, что «фантастика уче-

ных везде обогнала фантастику писателей», что за последнее время не появилось ни одной яркой н.-ф. идеи и что таким образом главная дорога фантастики пустует.

Вы нигде не определяете достаточно отчетливо, что Вами понимается под научно-фантастической идеей произведения. Это сильно затрудняет спор, потому что всегда остается опасение: не имеется ли в виду нечто столь общее, что не противоречит и нашей точке зрения. Но приводимые Вами примеры вызывают у нас определенный протест. Вы утверждаете: «вечные книги» «80000 км», «Война миров», «Гиперболоид», «Аэлита», «Амфибия» звучат и не угасают потому, что в них наличествует яркая научно-фантастическая идея. «Помимо прочего» — добавляете Вы в скобках.

Превосходно. А теперь посмотрим на перечисленные книги н а ш и м и глазами, сразу же отметив, что и с нашей точки зрения все они великолепны и несомненно могут служить образцами и литпамятниками.

«80000 км». Н.-ф. идея? Да, наличествует. Идея мощного подводного корабля, движимого электричеством и множество проистекающих отсюда возможностей. Ярка ли, свежа ли, научно-фантастична ли? Несомненно. Для своего времени. Но для того же времени не более свежа и пр., нежели воздушный корабль Робура Завоевателя, или сверхпушка из «Бегумы», или проекты Пушечного Клуба. Но «80000 км» живут и поражают воображение до наших дней, в отличие от «Робура», «Бегумы» и «Вверх дном», воздействие которых и на детей и на взрослых всегда было значительно меньше. В чем же дело? Может быть, в «80000 км» есть еще что-то, некое «прочее», помимо идеи электрической субмарины? С нашей точки зрения — да, несомненно. Есть великолепный сюжет. Есть первый и, кажется, единственный в литературе образ благородного изгнанника, вооруженного всей мощью современного знания. Есть неповторимое правдоподобие изложения. Есть, наверное, и еще что-то, что мы лично не способны сформулировать — либо потому, что мы не литкритики, либо потому, что это пока никто не может сформулировать. И нам кажется, что творчество Ж. Верна вообще дает образец того, как беспомощны любые сколь угодно неожиданные и захватывающие идеи сами по себе, без чего-то непосредственно с ними не связанного, но необычайно важного для превращения книги в литпамятник или классический образец.

«Война миров» и «Машина времени». Соответственно, содержат идеи космической экспансии и путешествия по времени. Не исключено, что именно Уэллс высказал их впервые. Но разве в них дело? Позже на те же мысли были написаны тысячи произведений, и на девяносто процентов это была макулатура — боевики, приключения, дешевка. Но разве потому, что сами идеи стали пованивать со временем? Десять процентов составили настоящую литературу, потому что это были вещи, написанные настоящими писателями и по-настоящему. А тот же Уэллс на базе не многим худших идей (война в воздухе, атомная война, путешествие в соседствующее пространство и пр.) создал значительно более слабые, нежели «Война миров», книги. И тот же Уэллс на основе совсем не самородной идеи вивисекции создал великолепный «Остров д-ра Моро», а на совсем уже банальной идейке — «Человека, который мог творить чудеса» — рассказ программный, поражающий мысль и воображение.

О «Гиперболоиде» говорить в предлагаемом плане вообще странно. Ну какая там свежая н.-ф. идея? Гиперболоид, что ли? Господи, да Толстой мог взять сколь угодно примитивное или сколь угодно неправдоподобное орудие разрушения и написать вещь точно такой же силы, потому что он — великий стилист, человек потрясающей фантазии. (Достаточно сказать, что сам он никогда не скрывал, что пишет «Гиперболоид», чтобы скопить денег для работы над «Петром».) С точки зрения научных идей, «Гиперболоид» дилетантен до крайностей, а если считать идеей повести проблему захвата мира сильной личностью, то к тому времени был уже Муссолини и «Майн кампф». «Гиперболоид» велик не идеями, он велик потому, что написан рукой мастера, и велик, несмотря на то, что мастер писал его играючи, несерьезно.

Можно было бы аналогичным образом проанализировать и «Аэлиту», и «Амфибию», и вообще любое произведение, о котором Вы сказали бы, что оно хорошо потому, что содержит яркую н.-ф. идею. И мы неизменно видели бы: если произведение действительно хорошо, то не благодаря идее, а благодаря чему-то «прочему», имеющему к этой идее зачастую весьма косвенное и, во всяком случае, служебное отношение. А разве мало произведений, не содержащих вообще ослепительных идей и тем не менее превосходных? «Война с саламандрами», «451 градус», «Детская площадка», «Дневник, найденный в ванне» Лема.

Нет, Генрих Саулович. Мы согласны, что остроумная НФ-идея при прочих равных условиях способна украсить любое про-

изведение, но только при прочих равных. Мы согласны, что любой писатель имеет полнейшее право сделать главной своей задачей разработку такой идеи, если он обладает литературным мастерством. (Вот, кстати, произведения на предложенную Вами тему — о гносеогенном аппаратике, надеваемом на головы младенцам будущего и что из этого получится — такие произведения уже есть: у Бердника и, кажется, у Росоховатского, но написаны они скверно.) Но мы решительно возражаем против утверждения, будто такой путь единственно верный, что такая задача — главная, что все фантасты стройными рядами обязаны работать в этом русле.

2. В связи с вышеизложенным не может не вызвать самого решительного протеста Ваше, Генрих Саулович, очевидно произвольное толкование понятия ОБОЧИНЫ в фантастике. По Вашим словам «фантастика, уйдя с главной дороги, пошла по обочинам». Что же это за обочины? а) Иллюстративная фантастика, которая «использует идеи, высказанные учеными, и облекает их в «художественную» форму». Но позвольте! Тогда иллюстративна почти вся фантастика! Иллюстративны «Аэлита» и «Гиперболоид», «Амфибия» и «Остров д-ра Моро», практически иллюстративен весь Ж. Верн, да что там, весь Беляев! В большой степени оказываются в иллюстративщиках Лем, Ефремов, почти весь Азимов, весь Кларк... Ничего себе обочина! А сколько писателей шло и идет одной ногой по Вашей главной дороге, а другой — по этой самой обочине? Нет, Генрих Саулович, на наш взгляд иллюстративность — это не столько направление, сколько технический прием, к которому неизбежно прибегает практически любой фантаст, пишущий о науке. И нет в иллюстративности ничего плохого, пока автор пишет хорошо.

б) Приключенческая фантастика. Элемент приключения присутствует опять же практически в любом хорошем фантастическом произведении, и о приключенчестве можно сказать то же самое, что было сказано об иллюстративности. Собственно говоря, нам не к чему разбирать пункты в) и г). Для нас это не обочины уже просто потому, что являют собой отнюдь не какие-то направления (повторяем: в нашем понимании), а некие технические литературные приемы, свойственные, кстати, не только фантастике, но и «главному потоку». Вот «философская фантастика» — это, действительно, не прием, а направление, но такое направление, которое мы ни за что не осмелились бы назвать обочиной. Скорее уж именно философская

фантастика определяет собою главное направление, хотя бы потому, что неизбежно обобщает все частности.

Надо Вам сказать, Генрих Саулович, что в свое время мы пытались заниматься литературоведением фантастики и даже написали три статьи, ни одна из которых не была опубликована. Так вот, в одной статье мы наметили такие основные направления в современной НФ-литературе (вернее, даже не направления, а основные тематические течения, вбирающие в себя почти все разнообразие тематики НФ-произведений): а) Деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки. Сюда относятся почти все вещи, героями которых являются научные идеи и сами научники. б) Философия. Разработка научных, социальных, моральных идей наиболее общего характера, напр. проблематики социологии коммунизма, проблематики жизни, проблематики гносеологии и пр. в) Антивоенный и антиимпериалистический памфлет.

Конечно, эти течения на своих границах сливаются и перемешиваются, но в качестве характерных представителей первого потока можно назвать Савченко и Войскунского с Лукодьяновым; второго — Ефремова, Лема, Гора; третьего — Лагин, Днепров, частично Варшавский. Ваша Главная дорога лежит тогда где-то на границе первого и второго потоков. Так вот, и иллюстративность, и авантюра, и квазиреализм, и хохма — как приемы — в той или иной степени присущи всем трем потокам. Скажем, «Туманность» философична, но использует с успехом элемент приключения. «Экипаж "Меконга"» стоит на научно-фантастической идее проницаемости и отлично использует и приключения, и квазиреализм, и хохму.

Хотелось бы поругаться по поводу Ваших оценок конкретных вещей. Недоумение, например, вызывает Ваше утверждение, будто проблематикой влияния на отсталые цивилизации в космосе и психологической подготовленности коммунистического человека для работы в условиях таких цивилизаций («Трудно быть богом») должна заниматься не-фантастическая литература. Но письмо и так здорово затягивается, и поэтому перейдем к следующему пункту спора.

3. Мы убеждены, что все Ваши рассуждения родились не от нечего делать и не от хорошей жизни. Мы убеждены, что Вас действительно сильно заботит второразрядность фантастики и Вы упорно ищете какие-то пути превратить это самое в конфетку. Мы рассматриваем Ваш тезис о необходимости выделе-

ния главной дороги в фантастике, как попытку найти главное звено проблемы. И тем не менее, уважая Ваши усилия, мы с огромным сомнением качаем головами.

Сами мы решительно не беремся с полной ответственностью объявить одно из трех упомянутых течений фундаментальнейшим. Лично мы тяготеем ко второму, именно оно ближе всего нам по характеру (нашему), именно оно заставляет стучать пепел в наших сердцах. Но мы прекрасно понимаем, что возможен и другой взгляд, и готовы отнестись к такому взгляду с полным сочувствием и уважением. Если сторонники первого течения станут писать, как Гранин и Грекова, а в русле третьего появятся новые Лагины — разве можно будет сетовать на них за то, что они пошли именно своим путем, а не нашим?

Но дело даже не в этом. Мы глубоко убеждены, что не существует такого направления в фантастике, выбрав которое писатель сразу станет писать лучше. Вот Вы алкаете свежих НФ-идей. Но нет ведь таких идей, которые сами по себе обеспечили бы перворазрядность произведения. И какую бы великолепную идею Вы ни предложили, а) всегда найдется автор, который на ее базе напишет дрянь, б) всегда найдется читатель, которого эта идея не заинтересует, в) всегда найдется знаток, который скажет, что ничего нового в этой идее нет, и будет прав. Мы таких людей знаем.

Мы глубоко убеждены, что дело не в свежести идей, а в художественном мастерстве и в новых, современных трактовках проблематики, которую выставила жизнь — пусть даже давно. И главным вопросом теории фантастики остается главный вопрос теории литературы вообще: что такое литературное мастерство и как его достигнуть.

4. Несколько слов о второразрядности фантастики. Генрих Саулович, а существует ли все-таки она, эта второразрядность? Мы имеем в виду, существует ли она ОБЪЕКТИВНО? Ведь Ваша аргументация так и не убедила нас. Анкета «Комс. Правды»? Но она доказывает только, что фантастика не пользуется признанием тех людей, которые руководят воспитанием и образованием широких масс, и ничего больше. Ведь Кафку тоже никто не назвал, и Сэлинджера тоже, и Андрэ Жида. 90 % современной фантастики дерьмо? А 90 % реалистической прозы — современной и в прошлом? Нам кажется, что в этом вопросе надо не столько спорить, сколько пытаться совместно найти некий объективный критерий, учитывающий и существующую систему взглядов на

фантастику со стороны официальной критики, и инерцию этих взглядов, и уровень квалификации современного читателя, и склонность очень многих не столько судить о литературе, сколько верить авторитетным суждениям... Вот вернемся к анкете. Этот самый сопляк, который громыхает именами Шекспира и Достоевского,— ведь его за Шекспира ни в жисть не засадишь, а Беляева он прочел от корки до корки, и прочтет еще два раза с наслаждением! И это так понятно. Или босс-критик — ведь ему фантастика чужда по самой своей сути, как нам чужда «Повесть о Горе-Злосчастье», которой он искренне восхищается. А в наших суждениях о второразрядности — как много в них субъективного! Как много восклицаний и гневных выкриков базируются на эмоциях, чертовски далеких от объективного подхода...

5. О критиках. Надо Вам сказать, что мы чрезвычайно далеки от мысли ставить рядом с Вами гражданина Котляра (которого недавно выгнали из одного дома за антисемитизм). Морально уничтожать надлежит не тех, кто ругает за дело, которым сам болеет, а халтурщиков, тех, кто не понимает, о чем пишет, и которым всё равно о чем писать (вроде Лукьянина). Вы пока не относитесь к этой категории. Вы та самая щука, которая необходима в нашем пруду, чтобы не дремал карась-фантаст. Но есть у Вас один чертовски опасный недостаток: НЕТЕРПИМОСТЬ. И фанатизм в суждениях, проистекающий из этой нетерпимости. Валяйте, громите, рубите, грызите Полещуков, Варшавских, Стругацких, Днепровых, Войскунских и Лукодьяновых, но ради бога, будьте осмотрительны, не опустошите пруд. Взять, например, Ваш великолепный пересчет литературы на дрова и электроэнергию. Вам не кажется, что он таит в себе некие опасные возможности? Да, это очень эффектно и наглядно. И это особенно эффектно и наглядно в глазах людей, предпочитающих дрова книгам. Эти люди с удовольствием подхватят Ваш прием и будут ратовать за сохранение стройных березок и дремучих елок, чтобы никогда не появились в печати не только Емцев с Парновым или Полещук, но и Солженицын, и Эренбург, и Хемингуэй. Смотрите, понабегут союзнички и заплюют Вас своими грязными поцелуями.

6. И в заключение — о «Суете». Нам очень жаль, что эта повестушка вызвала у Вас такую горькую реакцию. Подавляющему большинству наших знакомых (у нас отличные знакомые, между прочим, люди привередливые и снобы) она очень понравилась. Знакомые искренне забавлялись, читая, и требова-

ли продолжения. Мы были вполне удовлетворены таким резонансом и уже написали продолжение, правда, по мнению тех же знакомых, менее удачное. Видимо, Вы подошли к «Суете» слишком уж серьезно. Не надо. Не надо ни подходить серьезно, ни, подобно составителю сборника, искать в ней титанических идей вроде «удивительное рядом». А надо просто читать и смеяться, когда и если смешно.

Какой толстый журнал мог бы напечатать «Суету»? Да любой. Любой толстый или тонкий журнал, который согласен в принципе печатать сказки. Например, «Москва», публиковавшая недавно сказки Каверина. Могла ли «Суета» появиться в фантастическом журнале? Отчего же нет? Как «Звездные дневники» или «Сказки роботов».

Вот пока всё. В ноябре мы снова работаем в Ленинграде, так что пишите по ленинградскому адресу. Ждем.

С уважением, Ваши [подпись]

Переписка АБС с Альтовым продолжалась, но уже по иным, менее фундаментальным вопросам — то обсуждали проект памятника Беляеву, то АН как составитель очередного сборника «Фантастика» просил Альтова присылать новые рассказы, то Альтов делился с АНом новым вариантом своего «Регистра».

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 30 ОКТЯБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Сначала твое письмо.

1. Черт с ними, пусть идет ПНвС в Детгиз. Но — никаких там уступок. Берут так пусть берут.

2. По поводу ПкБ я тоже запрыгал от радости. Это было бы здорово. Теперь надо только достойно справиться с ХВВ, а в 66-м дадим сборник из «Глупой Пандоры» и «Записок Здравомыслящего».

3. Тушкан и Казанцев заболели вовремя. Иногда мне даже жаль, что они не успели провести свою провокацию до интервью космонавтов.

4. Ленка пусть не трясется. Пусть главред трясется, это его дело и его обязанность.

5. На «Моск. комс-ца» подать жалобу надо, но на этом и кончить. Не увлекаться. Не надо нам скандалов и лишних сплетен.

6. Обязательно запасись для меня сборником фантастики «Знания».

7. С Брускиным поговорю. Адка была в Польше у Лема. Лем очень хвалил Брускина, ласкал его словесно и раздумывал, как бы пригласить его к себе.

8. Толю Днепрова все-таки жалко. Надеюсь, слухи о его увольнении преувеличены.

9. С львовским художником просто не знаю, что делать. Мне ведь тоже очень хочется посмотреть его эскизы. Может быть, написать ему что-нибудь вроде: «Если Вы окажетесь в Ленинграде во второй половине ноября, мы будем очень рады навестить Вас». А домашнего адреса не давать, дать пулковский телефон. А? Оформлять же, конечно, надо и ПкБ, и ТББ вместе.

Теперь что у меня.

1. Только что проводил Травинского. Он приезжал выписываться из Л-да. Выписался. Рассказывал много интересного. Оказывается, Ариадна его довольно активно использует как рецензента. Я попросил его, чтобы они с Лилей оказывали мягкое давление на Ариадну — поменьше пыла, поменьше фанатизма, побольше осторожности. Правда, я забыл изложить свою точку зрения на «Возвращение со звезд». Но ты эту точку зрения знаешь. Не надо. Пока.

2. Вчера участвовал в вечере писателей-фантастов в Выборгском доме культуры. Было скучно. Присылали записки. В основном нам и Мартынову. Мартынову больше. Массы читателей интересовались в основном: a) как мы пишем вдвоем; b) где сейчас А. Стругацкий; c) Что мы пишем и что где будет опубликовано; d) Есть ли жизнь на других мирах. Всего 10 записок. После вечера школьники собирали автографы; какой-то серьезный до унылости молодой человек средних лет рассказывал, как его разочаровала ТББ; две тетки из организаторов жали руку и благодарили за ТББ («самая умная книжка последнего времени»).

3. Приехал Роман Подольный. Я его ввел в Пулково, и он тут же раздал кучу заказов. Ноет, чтобы я дал ему почитать ПНвС и чтобы мы дали кусок оттуда в ЗС. Читать я ему ничего не дам — он мне не настолько понравился. Кусок в ЗС по твоему усмотрению. Я ничего против не имею.

4. До меня дошел слух, что Ленка не приедет. В чем дело? Почему не приехать на пару дней полежать на наших диванах? Поцелуй ее в щечку и скажи, чтобы не дурила и приезжала, пока Андрюшки нет. Ждем вас 7-го или когда там.

5. Итак, Адка побывала у Лема. Лем настроен к нам очень хорошо, но совершенно по-альтовски удивляется СВД. Ей-богу, такая разное...ца в оценках у нас, по-моему, впервые. Никогда не было такого раскола во мнениях среди наших лучших знакомых и уважаемых людей.

6. Денег за СВД всё нет и нет. А деньги у меня на исходе. Заказать стеллажи я уже не могу. О магнитофоне нет и речи. Подгони их там, черт возьми. Что они — ошалели?

Ну, пока всё. Жду от тебя еще одного письма, а потом и вас с Ленкой. Целую, жму [подпись]

В конце года «Искатель» публикует отрывок из второй части ПНВС с кратким предисловием авторов.

АБС [О ТВОРЧЕСКИХ ПЛАНАХ]

Наша первая книга, «Страна багровых туч», вышла в 1959 году. После нее — «Шесть спичек», «Путь на Амальтею», «Возвращение», «Стажеры». В сборниках «Фантастика, 1962 год» (издательство «Молодая гвардия») и «Новая сигнальная» (издательство «Знание») напечатаны повести «Попытка к бегству», «Далекая радуга» и «Трудно быть богом».

Сейчас мы работаем над тремя фантастическими повестями сразу: о фантастических ученых, о фантастических мещанах и о фантастических событиях на фантастически незадачливой планете. Может быть, это звучит несколько игриво, но мы надеемся, что повести получатся довольно серьезными независимо от того, веселые или печальные события в них описываются. Первая повесть называется «Понедельник начинается в субботу», вторая — «Хищные вещи века», а третья пока никак не называется.

И наши ближайшие планы — скорее закончить начатые повести. Планы дальние тоже есть, но пока говорить о них рано.

Вот несколько страничек начала одной из повестей.

Третью из этих начатых тогда повестей поклонникам АБС долгое время не удавалось отождествить с опубликованными впоследствии книгами Авторов. БН поясняет:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 30.01.02

Я сам, помнится, наткнулся как-то (лет 15 назад) на это интервью и задумался: а что, собственно, за роман имеется там в

виду. Спросил у АНа — он тоже вспомнить не смог. Общими усилиями мы тогда пришли к выводу, что это была «Улитка», в своем первоначальном варианте (см. «Беспокойство»). Впрочем, настоящей уверенности нет у меня и по сей день.

О некоторых реалиях из ПНВС БН позднее говорил так:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 10.06.01, 09.02.00, 17.08.00

Как связано написание этого произведения с годом написания или с Вашей биографией?

Соня. Электроугли, Россия

Никак. Мы задумали эту повесть еще году в 59-м, несколько лет собирали материалы и, наконец, в 62-м начали писать. Биография нашего героя Саши Привалова немного похожа на биографию БНа, но сходство, скорее, только самое общее. Так же, как НИИЧАВО отдаленно похож на Пулковскую обсерваторию, в которой БН несколько лет работал.

Когда-то давно в интервью Вы вспоминали манеру говорить Ивана Ефремова. Вопрос: не повлиял ли Ефремов на образ Федора Симеоновича Киврина в ПНВС: «П-проклятье, опять ч-червивое сделал»?

Владимир Шеховцов. Харьков, Украина

Безусловно! Федор Симеонович писался именно и только с Ивана Антоновича. По-моему, получилось очень похоже.

Очень хотелось бы узнать, как Б. Н. относится к творчеству И. Ефремова?

Мне кажется, много пародийных — «под Ефремова» — моментов содержится в гл. 2 «Понедельник начинается в субботу» (путешествие в мир описываемого будущего).

Так ли это?

Alexei Gavrilov. Leuven, Belgium

АБС (оба) Ефремова очень ценили и уважали. Пародийный элемент «под Ефремова» в «Понедельнике», конечно, есть, но это пародия дружеская, вовсе не злая. Чисто художественные просчеты «Туманности» очевидны были любому, да и сам Ефремов не раз говорил, что на самом деле никакой он не беллетрист, а — философ, и написать ему больше всего хочется не очередной роман, а философский трактат в манере каких-нибудь древнегреческих «Диалогов». «Только к-какой д-дурак это возьмется н-напечатать?»

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 2 НОЯБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Буду краток. Новостей никаких особенных нет. Вчера был у Севы Ревича, познакомился с Анчаровым, он пел новые песни. Хороший парень. Сегодня иду к Гуревичу. Не очень хочется, но надо — он меня уже второй год приглашает, а я всё отнекивался, а дальше уж нельзя.

Относительно денег. Я тоже еще не получил за СвД. В Мол. Гв. послал Ленку в бухгалтерию, ей там сказали, что перевели только двадцать седьмого. След., либо деньги будут у тебя на книжке, когда письмо получишь, либо придут вот-вот. Я, брат, тоже слегка психанул и хотел уже идти ругаться, но Бела меня отговорила.

Деньги перечислят также и из Детгиза — за ПНвС по одобрению. Это будет к середине месяца. Я зайду к ним перед отъездом и возобновлю твое заявление о переводе, если оно там утратилось.

Кстати, о ПНвС. Прочитал Ревич — «убийца Ревич», как мы называем его с тех пор, как он у нас в редколлегии — и похвалил. Сказал, что вторая часть еще лучше, чем первая, но вот третья подгуляла. Нет, видишь ли, социальной идеи в разоблачении Януса.

Теперь так. Приеду я, видимо, утром шестого. Не знаю, как Ленка. Она колеблется, не хочет мотаться взад-вперед. Вообще же жди телеграмму. Пошлю на мамин адрес. За билетом пойду четвертого и сразу протелеграфирую.

Вот всё. Поцелуй маму, обними Адку.

Большущие приветы и поцелуи от Ленки.

В ноябре АН опять едет в Ленинград. В дневнике приездов только одна запись: «11.11.64. Прибыл 6.11.64. Делать ХВВ».

24 ноября в газете «Известия» публикуется вызвавшая заметный резонанс статья Льва Когана («доктора философских наук»), которой начат очередной этап обмена мнениями о задачах фантастики.

ИЗ: КОГАН Л. ОБЕДНЕННЫЙ ЖАНР

Этот вопрос приходится мне слышать очень часто: «В какой книге можно прочесть о полном коммунизме?» Называешь несколько брошюр. И обычно сразу же следует новый вопрос: «А беллетристика?» — «Увы»,— пожимаешь в ответ плечами.

<...>

Описывая жизнь коммунистического завтра, искусство даст возможность яснее увидеть коммунистическое в нашей сегодняшней жизни, сделает более непримиримыми ко всему, что мешает нам строить будущее. К сожалению, эта чудесная машина времени у наших работников искусства куда чаще устремляется в далекое прошлое, чем в коммунистическое будущее!

Что я могу рекомендовать своим слушателям прочесть о будущем коммунистическом обществе в художественной литературе? Предо мной объемистая пачка книг — сколько научно-фантастических романов, рассказов, повестей появилось у нас в последние годы! Просматриваю книгу за книгой... Полеты на далекие планеты; посланцы звездных миров у нас на Земле; роботы, роботы и еще раз роботы; искусственно созданные из белковых клеток люди, восставшие против своего создателя...

Фантастика — литература мечты, мечты о завтрашнем дне! Ее часто сравнивают с двуликим Янусом: одно лицо ее в настоящем, другое в будущем. Почему же, говоря о нашем будущем, авторы стараются увлечь нас миром технических диковинок и куда больше внимания уделяют роботам, чем людям завтрашнего дня, их отношениям, их мыслям, их быту — быту коммунистического общества? Могут сказать, есть же «Туманность Андромеды» И. Ефремова, повести Аркадия и Бориса Стругацких? Да, но исключения всегда подтверждают правило. И «Туманность Андромеды» не потому ли стала одной из любимых книг, что в ней научная фантастика неразрывно сплетена с фантастикой социальной? В каком еще романе автор сумел так показать будущее, как сделал это И. Ефремов в своей «Туманности Андромеды»? Конечно, с отдельными выводами автора можно поспорить: вряд ли нужен будет для борьбы с остатками индивидуализма мрачный «остров Забвения», вряд ли люди так легко будут сочетать столь далекие профессии, но бесспорно одно — И. Ефремову удалось создать яркую, увлекательную, образную картину коммунистического общества. В таком обществе хочется жить, такое общество хочется строить.

Но, увы, «Туманность Андромеды» во многом остается еще одинокой. «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею» Стругацких, не говоря уже о «Каллисто» и «Госте из Бездны» Г. Мартынова и «Поясе жизни» И. Забелина, дают куда более бледную картину коммунистического общества. В десятках же фантастических романов и повестях о завтрашнем дне науки нет даже роб-

кой попытки коснуться социальных отношений коммунистического общества. Поистине — роботы выжили людей.

<...>

Можно ли примириться с тем, что в одном из популярнейших альманахов фантастики, издаваемом «Молодой гвардией» («Фантастика 1963 года» и «Фантастика 1964 года»), нет буквально ни одного произведения, где бы читатель смог найти яркую картину социальных отношений в условиях коммунистического строя!

<...>

АБС откликаются на эту критику практически мгновенно (3 декабря) статьей в «Литературной газете».

АБС. НЕТ, ФАНТАСТИКА БОГАЧЕ!

В «Известиях» 23 ноября[1] сего года была помещена статья доктора философских наук Л. Когана «Обедненный жанр», посвященная некоторым проблемам советской фантастики. Она напечатана под рубрикой «О чем думаем, о чем спорим». Мы готовы откликнуться на призыв редакции и включиться в спор с автором статьи. Сразу же скажем, что со многими мыслями Л. Когана мы, безусловно, согласны. Например, с тем, что «описывая жизнь коммунистического завтра, искусство дает возможность яснее увидеть коммунистическое в нашей сегодняшней жизни, делает более непримиримыми ко всему, что мешает нам строить будущее». Или с тем, что «нам нужна советская социальная фантастика. Много книг, хороших и разных, и не только книг, но и фильмов, полотен живописцев». Однако кое-что в статье вызывает у нас недоумение.

В отличие от тов. Когана мы никак не можем принять определение: «Фантастика — литература мечты, мечты о завтрашнем дне!» И только? Мы решительно отказываемся понять, как можно после Жюля Верна и Уэллса, после А. Толстого и Чапека, после Беляева и Ефремова, после Брэдбери и Лема пытаться затиснуть все тематическое многообразие фантастики в рамки однотемного определения, как бы пышно оно ни звучало. «Литература мечты», «литература о завтрашнем дне», «литература научного предвидения»,— честное слово, нам казалось, что

[1] Датировка московского вечернего выпуска.

даже школьнику нашего времени должно быть ясно: подобные определения способны лишь ограничить и обеднить жанр, каковы бы ни были намерения их авторов. В самом деле, ну какая мечта о завтрашнем дне содержится в таких классических произведениях жанра, как «Человек-амфибия» или «Война с саламандрами»? Какому научному предвидению посвящены «Аэлита» и «Человек, который мог творить чудеса»? История фантастики свидетельствует, что она может быть превосходно применена и для создания зримой картины коммунистического будущего (отражение современных идей и представлений научного коммунизма), и для художественного исследования индивидуальной и социальной психологии, и для рассмотрения общих философских проблем (например гносеологических), и для антимещанского памфлета, и для антивоенной, антиимпериалистической сатиры. Всякая же попытка гипертрофировать значение какого-нибудь одного тематического направления неизбежно должна вести не только к теоретической путанице, но и к обнищанию жанра, как это уже случилось однажды, когда в нашей фантастике временно восторжествовала так называемая «теория ближнего прицела».

Мы ни в какой мере не хотим умалять важность и значимость утопической темы в советской фантастике, мы лишь хотим подчеркнуть, что в ней существуют темы, столь же важные, темы, прямо связанные с современностью, со становлением коммунистического человека, с борьбой против империализма и т. д.

В отличие от тов. Когана, в ответ на вопрос: «В какой книге можно прочесть о полном коммунизме?» — мы не стали бы говорить «увы», пожимая при этом плечами. Мы не будем защищать книги Сафроновых и Г. Мартынова (хотя, к слову, как нам известно, целые коллективы ленинградских, например, школьников зачитываются эпопеей о Каллисто, играют в ее героев, выдумывают и пишут ее продолжение), но даже если оставить их в стороне, мы бы порекомендовали вопрошающему, скажем, следующие книги: «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Странник и время» и «Уэру» Г. Гора, «Девушку у обрыва» В. Шефнера, «Путешествие длиной в век» В. Тендрякова, и это были бы только книги, в которых изображение коммунистического будущего — либо самая главная, либо одна из главных задач авторов. Повестям же и рассказам, где коммунистическое будущее служит необходимым фоном, нет числа.

С другой стороны, мы никак не рискнули бы порекомендовать читателю, интересующемуся зримой картиной коммунизм-

ма, ни «Пояса жизни» Забелина, ни «Страны багровых туч» и «Пути на Амальтею» Стругацких. Не стали бы рекомендовать просто потому, что авторы в названных повестях вовсе не ставили перед собой задачу изобразить полный коммунизм. Забелин пишет о некоторых идеях астрогеографии, а Стругацкие пытались рассказать всего лишь о будничной работе космонавтов самого недалекого будущего. Как можно требовать изображения ярких картин коммунистического общества от маленькой повести, где описан частный эпизод — авария звездолета на Юпитере! Да извинит нас Л. Коган, но у нас создалось такое впечатление, что он не очень внимательно читал некоторые из названных им книг. Странно также, что почти ни одной книги действительно последних лет он не упоминает, а подробно анализирует одно-единственное произведение шестилетней давности, кстати сказать, уже много раз раскритикованное,— роман Сафроновых «Внуки наших внуков».

Правда, Л. Коган отмечает, что в ежегодниках «Фантастика» за 1963 и 1964 годы «нет буквально ни одного произведения, где бы читатель смог найти яркую картину социальных отношений в условиях коммунистического строя!». Нам не кажется верной такая избирательная критика, надо же взглянуть на фантастику в целом, и тогда мы увидим, что дело обстоит не так плохо, как это представляется тов. Когану. В 1963 и 1964 годах издательство «Молодая гвардия» (а это не единственное издательство, занятое выпуском фантастики) не ограничилось упомянутыми сборниками. Оно выпустило немало произведений, в том числе и посвященных проблемам коммунистического общества. Что же касается самих сборников, то надо сказать следующее. Сборники эти делают большое и полезное дело, в частности они вводят в читательский обиход много новых имен. Не всё в них ровно и хорошо, они заслуживают обстоятельной критики, но, на наш взгляд, упомянутые сборники, кроме недостатка, указанного тов. Коганом, обладают все-таки и кое-какими достоинствами, тов. Коганом не отмеченными. Об этом свидетельствует хотя бы их громадная популярность. Нам кажется, в предисловии одного из сборников правильно подмечено, что особенностью большинства произведений, входящих в «фантастику», является «горячая заинтересованность писателей-фантастов проблемами современной жизни, их нетерпимость к тому, что мешает советским людям строить самое разумное, самое счастливое общество на земле».

В отличие от тов. Когана, у нас не создается такого категорического впечатления, будто в советской фантастике «роботы вышли людей». Тов. Коган пишет: «А. М. Горький так определял предмет научной фантастики: она «...должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода...» Мы считаем своим долгом прежде всего исправить досадную оговорку тов. Когана. Начало приведенной им цитаты из статьи А. М. Горького «О темах» (1933 год) выглядит в действительности так: «Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать...» и далее по тексту. Таким образом, А. М. Горький этими словами определял не предмет научной фантастики, а, прямо скажем, предмет научно-популярной и научно-художественной литературы. Нам кажется, что между этими вещами есть известная разница. Однако мы вполне допускаем, что высказывание Горького остается справедливым и для некоторых направлений научной фантастики. И нам кажется — в отличие от тов. Когана,— что многие советские фантасты, старающиеся показать деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки, удовлетворяют этому пожеланию А. М. Горького. Конечно, в фантастике есть плохие произведения, где «роботы вышли людей». И, к сожалению, их немало, но не эти произведения определяют советскую научную фантастику; где и когда общая оценка литературы давалась по ее неудачам?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 8 ДЕКАБРЯ 1964[1], М.— Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

1. ХВВ читали Ленка и теща. Обе считают, что это самое лучшее и значительное из того, что мы когда-либо делали, а также — как обычно — предупреждают о возможных последствиях. Ленка после чтения ходила как убитая.

2. Вчера сдал ХВВ на машинку.

3. ПНвС идет благополучно. С Ниной я, правда, почти не говорил, только по телефону, но узнал, что на иллюстрацию сдали хорошему художнику, последователю Ротова.

---

[1] Датировка составителей.

4. Когда был в Детгизе, позвала меня на разговор Мария Михайловна и, каюсь, уговорила стать членом редколлегии «Мира Приключений». Альманах загибается, не выдерживая конкуренции. Я был в растерянности, не зная, что предложить, но случился рядом редактор Михаил Антонович Зубков и заметил, что нужно просто заказывать с заключением договоров хорошим писателям. Для приключенческой литературы это выход, а вот с фантастикой?

5. Вчера была фантастическая шарашка наша, Ариадна подводила итоги 64-го года, вершинами признаны ТББ и СВД. Также предложена «Душа мира», но выступил Мирер и сказал, что ей далеко до Стругацких. Потом выступил я и призвал фантастов взяться за фантастику ситуаций (помнишь, то, что мы говорили?). Кажется, выступил не совсем удачно, не поняли меня. А может, и поняли.

6. Альтов — неугомонный мужчина — прислал письмо с предложением воздвигнуть памятник Беляеву. Предложение от имени Бакинского объединения. Наши поддержали. Вы, верно, тоже поддержите. Пусть.

7. Журнал «Вожатый» просит для мартовского номера полистика из ПНвС. Отпиши согласие или отказ. Для меня это значения не имеет, ответим им так, как ты скажешь.

8. Днепров из «Тех. Мол.» ушел, я его не видел, говорят, что сидит дома и пишет.

9. Были в гостях у Ивана Антоновича. Он посещал Казанцева, Казанцев тяжело болеет и точит на нас чудовищный клык — обвинение в издевательстве над священными фольклорными реликвиями русского народа, хотел писать статью, но Ефремов его отговорил, намекнув, что он станет посмешищем на весь Союз.

10. В Мол. Гв. масса писем по поводу подписки. Любопытный материалец. Я выклянчил право составить представление для дирекции относительно тиража, а заодно попробую навести кое-какую статистику. Я еще как следует не ознакомился, но сейчас уже видно: мы недооцениваем читателя-фантаста. Научников много, но не меньше и рабочих, и сельской молодежи. Сие отрадно.

Вот и всё, кажется. Пиши.

Поцелуй маму, Адку. Привет всем заинтересованным.

А я сейчас буду писать Гору от имени «Мира Приключений».

Жму, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 12 ДЕКАБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

ХВВ я прочел ряду лиц, как-то: Адка, Сашка, Юрка, Наталья[1] и двое — супружеская пара — из Института Высокомолекулярных соединений. Понравилось. Высказывались опасения. Как сказал Юлька[2]: «Повесть будет иметь несомненный успех среди лиц, которые ее прочтут... разумеется, в списках». Основные возражения: затянуто начало. Наташка вопила, что Жилин должен был бы превратиться в слегача. Но в общем всем понравилось, и все хвалили. У меня по прочтении создалось впечатление, что в повести слишком много ругаются и слишком много едят. Кроме того, мы, по-моему, все-таки сделали главный упор на слег, а не на благосостояние. Над этим надо основательно подумать. И надо поотчетливее все-таки показать, что слег на разных людей действует по-разному, это у нас все время как-то смазывается.

Сегодня буду читать нашим ПНвС.

Прочел статью Ариадны в НФ. Откуда ты взял, что там о нас хорошо написано? Написано о нас там правильно (в общем), но совсем не хорошо. Мы там имеем весьма бледный вид рядом с Лемом и даже с Ефремовым. А сам альманашек — дерьмо. Кроме Гансовского, там ничего нет, но «День гнева» это действительно хорошо. Брускин дурак. Передай Северу мои конгратюлейшнз. И Парнову с Емцевым — за «Фосетта»[3]: очень мне понравилось. Не знаю даже, в чем тут дело, но — очень.

Журналу «Вожатый» дай кусочек — отчего же? Сам выбери что-нибудь попроще и позабавнее — можно про путешествие в будущее, например.

Прислал письмо Володька. Собственно, не письмо, а пародийный рассказик о сверхфантасте-халтурщике, загубившем мир. Забавно.

Был в Литфонде, получил билет.

Из фантастов никого не видел. Шестого должен был идти в Дом Ученых, так забыл начисто, не пришел. Рассказывали, что очень меня за это облагали. Опять решат, идиоты, что зазнался.

Ну, пока всё, жму, твой [подпись]

---

[1] А. Стругацкая, А. Копылов, Ю. Чистяков, Н. Свенцицкая.

[2] Ю. Готлиб, физикохимик, приятель БНа.

[3] Парнов Е., Емцев М. Последнее путешествие полковника Фосетта // Искатель (М.).— 1964.— № 6.

P. S. Леночке поцелуи в больших количествах, а всем прочим — приветы.

Журнал «Вожатый» отрывок из ПНВС так и не напечатал, но в архиве сохранилось подготовленное предисловие к этому отрывку, где АБС воспользовались тем же приемом повествования от лица своего персонажа, что и в «Послесловии» А. Привалова.

ИЗ АРХИВА. АБС. ВРЕЗКА К ОТРЫВКУ ИЗ ПНВС В ЖУРНАЛ «ВОЖАТЫЙ»

В свое время братья Стругацкие на правах старого знакомства вынудили меня рассказать о нашем НИИЧАВО (Научно-исследовательском институте чародейства и волшебства) и написали с моих слов несколько очерков о деятельности этого учреждения. Первый очерк, «Суета вокруг дивана», был опубликован в сборнике «Фантастика, 1964 год», в нем описываются события и переживания, сопутствовавшие моим первым встречам с работниками института. Позже, когда я стал полноправным сотрудником НИИЧАВО, мне вновь довелось быть участником и свидетелем разных странных событий. Некоторые из этих событий описаны Стругацкими во втором и третьем очерках, которые, по слухам, выйдут отдельной книгой под общим названием «Понедельник начинается в субботу».

Ниже публикуется отрывок из этой книги, довольно частный эпизод — мое путешествие по времени. Речь идет, конечно, не о реальном физическом времени, всем известно, что путешествие по физическому времени, как его описал Уэллс, относится к чистой фантастике. И я совершил путешествие не по физическому времени, а по времени, описанному в литературных произведениях. Машина для передвижения по описанному времени создана в стенах НИИЧАВО. Оказывается, существуют идеальные миры, созданные творческим воображением литераторов вообще и больших писателей в частности, в этих мирах живут и переживают Дон Кихот, Анна Каренина, Григорий Мелехов и капитан Немо. Эти миры тем более конкретны и наполнены жизнью, чем лучше знает жизнь и ее закономерности автор, чем лучше он владеет пером и чем глубже проникает в психологию своих героев.

К сожалению, познакомиться лично с любимыми героями литературной классики мне не привелось. Я совершил путеше-

ствие не по прошлому Чехова, Бальзака и Толстого и не по современности Шолохова и Хемингуэя, а по будущему, описанному писателями-фантастами. Да и в этом будущем мне не удалось увидеть мир ефремовского Великого Кольца и ад страшных пожарников Брэдбери. Вероятно, виной тому — конструктивные особенности машины. Отправься я на ней в прошлое или настоящее, меня бы наверняка занесло к истеричным гимназисткам Чарской, к склочным героям Шевцова, в толстый производственный роман и страшно подумать, куда еще.

Тем не менее, я вынес из описанного будущего достаточно много сильных впечатлений.

А. Привалов

«Откуда ты взял, что там о нас хорошо написано? Написано о нас там правильно (в общем), но совсем не хорошо. Мы там имеем весьма бледный вид»,— пишет БН. Статья Ариадны Громовой в сборнике НФ была посвящена утопии. Об АБС там говорилось так:

ГРОМОВА А. ДВОЙНОЙ ЛИК ГРЯДУЩЕГО

<...>

Мир Стругацких [по сравнению с миром «Туманности Андромеды» И. Ефремова] вообще отличается пластичностью, предметностью, он гораздо более ощутим, реален, обжит, чем величественная панорама «Туманности Андромеды». Это впечатление идет прежде всего от образов героев — они обрисованы вполне реалистично, без всякой внешней приподнятости, торжественности. Говорят герои Стругацких тоже простым, ничуть не возвышенным языком, частенько чертыхаются, еще чаще смеются и острят — у них прекрасно развито чувство юмора.

Сила воображения у Стругацких развита не меньше, чем у Ефремова, но применяют они эту силу несколько в иных целях — чтоб добиться максимальной иллюзии реальности того мира, который пока существует лишь в их воображении, чтоб заставить читателей дышать воздухом этого далекого мира, видеть его небо, его здания, его обитателей, ходить по его дорогам и слушать его голоса.

Конечно, выигрывая в точности и пластичности, Стругацкие по сравнению с Ефремовым проигрывают в смелости обобщений, в широте перспективы; однако их подход к теме имеет настолько явные преимущества, что с таким проигрышем есть

смысл примириться. <...> Придирчивые критики могут сколько угодно попрекать Стругацких за «приземленность» их героев: это не приземленность, а заземление, которое придает жизненную достоверность и правдивость их образам.

<...>

О более далеких веках Стругацким, пожалуй, не удается рассказать с такой же яркостью и убедительностью. Тут сказывается известная ограниченность избранной ими манеры (впрочем, опять-таки, выбор тут невелик — либо чистая публицистика, либо максимальное сближение с нашим уровнем реакций и восприятия). Мы допускаем, что люди начала XXI века будут очень похожи на нас. Талант авторов заставляет нас верить и тому, что эти люди, попав на столетие вперед своей эпохи, освоятся там легко и безболезненно, что опять-таки их психика не будет существенно отличаться от психики «правнуков». Но разница между людьми XXI и XXII веков все же ощущается в романе достаточно ясно, и доверие читателя не нарушается. Но когда оказывается, что и в последующие века человечество ничуть не меняется (а если и меняется, то не всегда разберешь, к лучшему ли, ибо наш современник Саул выглядит в общем-то умней, благородней и смелей тех обитателей далекого века, с которыми он сталкивается в «Попытке к бегству», хотя Вадим и Антон, бесспорно, милейшие ребята), то это уже заставляет задуматься: полно, так ли это будет?

<...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 ДЕКАБРЯ 1964, М.— Л.

Здравствуй, Боб!

Ты все-таки отвечай сразу же, как получаешь письмо, а то я беспокоиться начал.

Получил ХВВ с машинки, считал, сегодня несу. Сегодня же узна́ю, что скажет Нина Матвеевна, она как-никак цензор, даст настоящее мнение, а не то, что «опасения выскажет». Думаю, большинство опасений высказывается из-за подсознательного смешения понятий «нецензурное» и «нестандартное». Прочно замордовали нашего брата-читателя за сорок лет, вот он все никак привыкнуть не может к тому, что на бумаге можно не токмо лозунги, но и мысли выражать.

Насчет обилия кушающих и ругающихся — верно, пожалуй, у меня тоже такое впечатление, посмотрим, что скажет Бела, а

вот насчет главного упора на слег ты, по-моему, не прав. Слег — ведь это и есть крайнее выражение капитуляции перед изобилием, высшее выражение мещанского благосостояния. Так что здесь я бы менять ничего не стал. Насчет разного действия слега на разных людей — пожалуй, только зачем? Это уже вспомогательная мысль. А вообще, прочтет Бела, даст РУ, будем думать.

Одолевают киношники. Мосфильм хочет ставить ДР и ТББ. ДР — как дипломная работа двух ребят из ВГИКА, хотят и сценарий писать сами, а ТББ просят написать нас. Пожалуй, согласимся. Будем писать или нет — там посмотрим, а право на экранизацию ДР — продадим. Для молодых ребят это вопрос диплома, стараться будут, Ромм им поможет, интересно же, что получится.

Очень рад, что «День гнева» тебе понравился, и «Фосетт» тоже. Люблю радовать людей, а тебя они любят и будут рады. Статья же Громовой ничего особенного действительно не представляет, однако главное в ней — мы попали в число утопистов контра Коган. Вот что там главное.

С Севкой виделся мельком, у него жена на сносях последние недели, сам понимаешь. Коган прислал в «ЛГ» письмо, очень приличное, пишет, что его не поняли, но ряд критических замечаний он всё же учитывает. Письмо Севка хочет опубликовать с врезкой редакции.

Изменилась система составления альманахов «Фантастика». Я назначен собирать следующий, третий. И знаешь, с ходу мне поперло. Получил по крайней мере три очень неплохих вещи. Смелые и интересные, одна пиеса, две повести. Могу сдать альманах хучь сейчас, только надобно кое-что банально-смелое поубрать. И авторы, заметь — не москвичи, все из разных провинций, и вполне и неожиданно литературно грамотные. День настанет настоящий![1]

Всё. Ответ немедленно. Поцелуй маму, на днях напишу.

Адку тож поцелуй многажды. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 16 ДЕКАБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Мама очень сердится, что не пишешь ей. Я даже не стану говорить ей о втором твоем письме, пока ты не пришлешь ей первое.

[1] Зачин фривольной частушки.

2. Читал ПНвС ребятам. Впечатление не бог весть. Улыбались, немножко хихикали, но сказали, что это всего лишь ничегё. Не понравилось им с определенностью: путешествие в будущее, сцена с газетой, а вся третья часть кажется им неорганической — можно было бы и обойтись.

У меня мнение по ПНвС такое: надо нам с тобою еще разок за нее засесть и, ничего не вставляя, кое-что повыбрасывать. По-моему, имеются в некотором количестве плеоназмы.

3. Насчет ХВВ еще подумаем. Кое-что там все-таки не урегулировано. Неужели ты не чувствуешь, что сущность слега и его многообразные возможности чертовски заслоняют основную идею ужаса изобилия? Читатель будет думать прежде всего о слеге, слег он будет смаковать и обсуждать, а проблема изобилия останется как-то в стороне. Ну, еще побеседуем.

4. Право на экранизацию ДР, естественно, продадим. А ТББ, натурально, попытаемся написать сами. Только всё это — моча.

5. Читал в «Известиях», что «Стругацкие все-таки ниже Гоголя, несмотря на их талантливость»?

6. Я сейчас читаю сборник «О сущности жизни»[1] — материалы совещания с участием крупнейших биологов, физиков, математиков и химиков. Очень интересно. И чем больше читаю, тем яснее мне становится, что наша земная жизнь — явление искусственное. Иначе не сходятся концы с концами. Надо предполагать либо: что жизнь явление чрезвычайно маловероятное, либо, что оно искусственное.

7. Никого не видел, никому не звонил. Надоели все. В пятницу будет комиссия.

8. Начал читать «Уэру». Ничегё. Я ожидал худшего. А «Бунт 30 триллионов» — довольно любопытно. Мне понравилась смелая идея: реликты дожили до наших дней, ибо бессмертны.

Крепко целую, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке и Севке.

Статья, упоминаемая БНом в письме, опубликована 13 декабря. Об АБС говорилось следующее:

БОЧАРОВ А. УМНЫЙ ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЯ

<...>

Известно, что реплику «Мы с товарищем читали ваши стихи и ничего не поняли» Маяковский парировал словами: «Надо

---

[1] О сущности жизни [Сборник статей].— М.: Наука, 1964.

иметь умных товарищей». Вот критике и определено, по всей видимости, быть таким умным товарищем, помогающим познать глубину там, где она есть, или показать ее отсутствие, ежели ее нет. Словом, научить отличать подлинное искусство от суррогата, настоящую литературу от поверхностной беллетристики, истинную актуальность от конъюнктурных подделок. Тогда будет меньше жалоб библиотекарей на то, что нарасхват идут лишь детектив и фантастика, и больше появится живых споров о правде и глубине изображения. Как трудно понимают дети, что Гоголь, все-таки, выше безусловно талантливых братьев Стругацких. Но как важно, чтобы они, в конце концов, это поняли.

<...>

А 17 декабря в «Литературной газете» был напечатан ответ Когана на статью АБС.

КОГАН Л. ФАНТАСТИКА ДОЛЖНА БЫТЬ БОГАЧЕ

Если бы ответ А. и Б. Стругацких на мою статью «Обедненный жанр», опубликованный в «Литературной газете» 3 декабря под названием «Нет, фантастика богаче!», затронул только мое авторское самолюбие, я, право же, не рискнул бы продолжать спор о социальной фантастике и принял бы как должное некоторые верные критические замечания. Но мы расходимся с А. и Б. Стругацкими по глубоко волнующему не только меня принципиальному вопросу: есть ли у нас богатая социальная фантастика, достаточно ли часто и глубоко обращается наша научно-фантастическая литература последних лет к изображению высшей фазы коммунизма?

Я убежден, что нет. Моим оппонентам, напротив, положение рисуется в весьма радужном свете. Приведя 5 названий книг четырех авторов (из которых «Туманность Андромеды» И. Ефремова приводилась и мной), А. и Б. Стругацкие считают, что оснований для беспокойства нет: советская фантастика дает достаточный материал читателю для того, чтобы он ярко и зримо увидел будущее нашего общества. Правда, при этом указывается, что «нет числа» повестям и рассказам, где коммунистическое общество «служит необходимым фоном». Говоря о романе Сафроновых «Внуки наших внуков», я именно и стремился показать, что чаще всего понимается под таким «необходимым фо-

ном», как поверхностно и примитивно изображается коммунизм во многих произведениях наших фантастов.

Пусть мои оппоненты правы и список хороших произведений наших фантастов о коммунизме можно было бы несколько увеличить, но разве это решает дело, разве неправилен мой вывод о том, что яркое изображение коммунистического будущего — редкость в нашей литературе? Зачем же так ревностно защищать «честь мундира» писателей-фантастов?! Вот в чем суть расхождения моей статьи и статьи моих оппонентов. Как можно было писать о статье и не заметить ее основной идеи, ее цели?!

Остановлюсь попутно и на некоторых частных замечаниях А. в Б. Стругацких. Я пишу: «Фантастика — литература мечты, мечты о завтрашнем дне!» Каждый непредубежденный читатель не примет эту фразу за попытку дать определение фантастики. Кстати, принадлежит она не мне, а известному писателю-фантасту И. Ефремову (см. газету «Советское кино», от 4 января 1964 г.), который в отличие от меня именно определяет научную фантастику как «мечту о будущем, облеченную в плоть и кровь научного предвидения».

Хочется также защитить произведения братьев Стругацких от... самих же Стругацких. Я все-таки рекомендовал бы их произведения читателю, интересующемуся коммунистическим будущим, именно потому, что в отличие от многих других романов и повестей им удалось ярко показать черты людей коммунизма.

Нет в моей статье и огульного зачеркивания рассказов и повестей сборников «Фантастика», выпущенных издательством «Молодая гвардия» в 1963 и 1964 гг. Я только отмечаю, что в этом популярном у читателя ежегоднике нет ни одного произведения, где бы содержалась яркая картина социальных отношений будущего общества. Разве можно это оспорить?

Нет, жанр научной фантастики еще обеднен. Авторы большинства научно-фантастических произведений еще крайне робко, а подчас и неумело рисуют нам картину коммунистического будущего. Научная фантастика действительно должна быть богаче!

Дискуссию завершало следующее резюме редакции:

ОТ РЕДАКЦИИ

Основная мысль статьи А. и Б. Стругацких выражена в ее названии: «Нет, фантастика богаче!» Нам представляется, что формула Л. Когана «фантастика — литература мечты, мечты о

завтрашнем дне» действительно сужает тематическое многообразие советской фантастики. И в этом смысле упрек в его адрес нам кажется справедливым. Ссылка на И. Ефремова не меняет сути дела.

Вместе с тем мы, естественно, всецело поддерживаем призыв Л. Когана: пусть появится как можно больше хороших, ярких книг о коммунистическом будущем, о людях коммунистического завтра. Эта мысль была и в статье Стругацких. Что же касается некоторых частных разногласий между оппонентами, то мы предоставляем читателю быть арбитром в их споре, считая, что состоявшийся обмен мнениями полезен, так как и то, и другое выступления были продиктованы искренней заботой о судьбах советской фантастики.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ДЕКАБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Маме я послал письмо еще вчера утром, наверное, уже получила.

2. А каким ребятам ты читал ПНвС? Пулковчанам или писдомовской кодле? Или Аршавскому[1] с Брускиным? Это, видишь ли, разница. Вот Ревичу вторая часть понравилась больше первой, а третья не понравилась потому, что кончается пшиком — без социальной значимости. Характерно, что эпизод с газетой не нравится и ему — это, говорит, на уровне «Крокодила». А что делать, если он мне нравится? (Эпизод я имею в виду.) Плезио... плеонизо... в общем, излишки информации, наверное, имеют место. Что ж, в январе можно будет встретиться дня на два-три и выправить.

3. ХВВ прочитала Бела. Сказала, что это здорово и страшно, и спросила, какого мы хотим художника для оформления. Любопо такой подход к делу. Они с Ленкой сдружились — водой не разлить, да и то, женщина она умная и очень левая. А сейчас читает Сергей Жемайтис. Посмотрим. Еще читала Нина Беркова — не помню, писал ли я тебе: она тоже сказала, что здорово, но боится цензуры. Это меня не очень пугает, потому что так же она боялась цензуры для ТББ. Ведь она бывший цензор. И еще читала Ариадна. Сказала, что это ей очень напоминает Лемовское «Возвращение» (вот это хуже всего), хотя написано

[1] Имеется в виду, конечно, Варшавский.

в совершенно другой манере и гораздо лучше литературно. А что слег заслоняет ужасы изобилия — это неправда. Все у нас, кто читал, восприняли слег именно как пик изобильного мира, мечту обожравшегося мещанина. Не знаю, я бы не стал исправлять эту сторону.

4. Был пятнадцатого Совет в ССП, обсуждали «Фантастику» 63 и 64 и «Новую сигнальную» и «Черный столб». 80 % времени говорили о ДР и о СВД. Тушкан был рупором отсутствующего Казанцева и выдал про издевательство над священными образами. Его подняли на смех. Котляр был — не знаю, кто его допустил. Выступил с отрывками из своей статьи. Никто не реагировал. Больше всего порадовал меня Сытин. Подводя итог обсуждению, он, этот клеврет вышестоящих организаций, всегда держащий нос по ветру, заявил, что нельзя ограничивать фантастику темой изображения будущего, что она многообразна, как сама жизнь и пр. в том же духе.

5. Чувствую себя очень усталым. Мысль ленится, ничего не хочется делать. Был у меня Юрка Манин. В обмен на дать почитать ХВВ я усадил его писать статью для альманаха. Просидел он, бедняга, с 11 до 16, статью написал небольшую, но хорошую, лег на мою кровать и стал спать. Говорит, что обалдел.

6. Получили мы письмо от И. Грековой. В восторге от СВД. У нее там в семье все математики и все в восторге. Я поблагодарил и написал, что мы тоже в восторге. Лестно, как ни говори. Тушкан против, а И. Грекова — за. Это, брат, кое-что.

9. У меня готовая рецензия на «Уэру». Подписать бы ее псевдонимом и толкнуть, а? В «Неву», например. Или в «Звезду». Поспрашивай там.

Целую, дружище, твой Арк.

Приветица Адке и друзьям.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 21 ДЕКАБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Вчера поздно вечером вернулся из Таллина. Ездили на машине покупать радиолу «Эстония 3М». Купили. Роскошная машина. Теперь можно будет слушать джазы и последние известия.

1. ПНвС я читал пулковским ребятам.

2. Очень меня огорчает, что Ариадна сразу подумала про Лема. Теперь я только молю, чтобы «Возвращение со звезд» вышло раньше ХВВ. Насчет соотношения слега и изобилия ты

меня, Аркашенька, никак не хочешь понять. Я просто хочу сказать, что в ХВВ проблема слега, как такового, захватывает читателя больше, чем проблема изобилия. Иначе говоря, у меня впечатление, что если бы мы написали роман просто про слег (без всяких прочих идей), то он увлек бы читателя больше, чем роман про изобилие, но без слега. Слег задевает воображение так сильно, мне кажется, что изобилие остается практически незамеченным. Компране ву? Читатель склонен спорить не на тему: «Плохо изобилие или хорошо», а на тему: «Плох слег или хорош?» Компране, значить?

Кстати, а кто-нибудь еще из читавших и ВсЗ, и ХВВ обнаруживает связь между ними? Кроме Ариадны.

3. Рад, что Тушкана подняли на смех. Но надо быть готову ко всему. Лично я не перестаю ждать погрома. Что же касается клеврета Сытина, то он выступает с наших позиций по очень простой причине: плохие повести о кровожадности фантастических шпионов писать гораздо легче и безопаснее, чем плохие повести о будущем. Вся эта компания во главе с Казанцевым, по-моему, должна бы печатать свою халтуру, к светлому будущему никакого отношения не имеющую.

4. Я чувствую тоже некую усталость мысли, но думаю о «Паразитах». Чудятся мне страшные картины: один раз ночью не спалось и до того я зафантазировался, что мне пришлось зажечь свет и разложить пасьянс, чтобы успокоиться. По-моему, можно написать на эту тему вещь, если не умную, то впечатляющую во всяком случае.

5. Грекова — это здорово. Но я предпочел бы восторг по поводу ТББ.

6. У нас новость: приняли в Союз Илью. Вот как надо уметь: вся процедура заняла всего две недели. Таков вес звонка Гранина в приемную комиссию.

7. В пятницу было сборище в Союзе. Делался доклад о межзвездных перелетах. Было интересно.

В таком вот аксепте. А больше новостей особых нет.

Жму руки, твой [подпись]

P. S. Привет

1). Ленке

2). Манину

3). Севке

4). Северу

5). Всем прочим.

Срочно сообщи мнение о ХВВ Манина и Севки. И напиши достаточно прозрачно, что именно вызывает опасения Нины Матвеевны.

P. P. S. Посылаю тебе экслибрисы. А мои еще не готовы: я неэкслибрисогеничен, оказывается.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 24 ДЕКАБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Боб.

Сначала о самом главном. Сдача в производство ХВВ по план-приказу на январь назначена на 23 января — между прочим, по настоянию Жемайтиса уже после того, как он прочел рукопись. Ленка попыталась передвинуть на февраль, но он не разрешил. В связи с этим совершенно необходимо, чтобы ты приехал в Москву сразу после нового года и поработал здесь со мной дней десять. Дети будут в зимних лагерях, и всё будет очень удобно. Это — необходимость, и обсуждению не подлежит.

Мы имеем сегодня (24-е) отзывы: Берковой, Ленки, Ариадны, Екатерины Евгеньевны, Жемайтиса, Белы и Севки Ревича. Это по Москве. Есть ряд ленинградских отзывов. 27-го будет отзыв Манина. Чтобы мы могли ориентироваться, перечислю отзывы и претензии, как это было с ТББ.

1. Ленка. Захватывает, тяжелое впечатление, сходство с «Возвращением» утрачено, Жилин получился, ничего менять не след, лучше, чем ТББ.

2. Ек. Евг. Очень интересно, захватывает, выше, чем ТББ, растянута вводная часть, нужен ли эпизод с Амадом?

3. Нина. Здорово и своевременно. Очень нужная книга. Боится, что власти примут на свой счет всю концепцию. У истории слега много сходства с сепульками[1]. Очень хорошо, что такое многообразие, но как расценивать интелей? Жилин — неудачно, много ассоциаций со «Стажерами», они мешают.

4. Ариадна. Очаровательно. Хорошо, что именно Жилин. Много стилистических небрежностей. Большое сходство с «Возвращением», но это не страшно, таких книг надо больше. К тому же художественно, возможно, лучше «Возвращения».

5. Бела. Здорово. Захватывает. Необходимо укрупнить, улучшить, «окоммунарить» образ Жилина.

---

[1] См. Путешествие 14-е «Звездных дневников Ийона Тихого» С. Лема.

6. Жемайтис. Читать было скучно. Сюжета нет. Необходимо прояснить мысль, что это страна, доставшаяся коммунизму от капиталистического мира. Необходимо связать Жилина с этой страной более прочными узами, помимо служебных — любовь к Вузи, например.

7. Ревич. Этот дал наиболее подробный и квалифицированный разбор. Да, и Бела, и Жемайтис тоже видят перекличку с «Возвращением», но признают, что это выше и художественнее «Возвращения», Сева тоже нашел тематическое сходство, но отметил это только после напоминания и нетерпеливо, сказавши, что таких книг десяток нужен, а не две, хотя, конечно, это в какой-то мере лишает книгу самостоятельности. Вот замечания Ревича. а) Интересно, читается напролет, но ТББ не переплюнуто. б) Никакой нецензурности нет, напротив, вещь современная и нужная. в) Плох Жилин. Не целен, мало у него ненависти, он должен все здесь презирать, а есть впечатление, что ему кое-что даже нравится (обстановка в комнатах и пр.), нет у него никаких связей с прошлым, нужно больше реминисценций, сравнений и ассоциаций того, что он видит, с тем, что он видел. Производит впечатление частного шпика, для которого цель оправдывает средства. Разительная и печальная отсталость по сравнению с образом Руматы. г) Почти все разговаривают одинаковым жаргоном. Приятное исключение составляют Опир, парикмахер и латиноамериканец. д) Зря сделали Марию и Оскара идиотами — обоих. Оскар — пусть, а Мария должен понимать, что он и его методы устарели, но ничего поделать не может, тогда бы очень хорошо сыграл эпизод с окрашенным душем — комизм, врывающийся в трагическую фигуру человека, понявшего, что он устарел. е) Памятник Юрковскому — всем нравится идея, но недовольны исполнением, истолковывают по-разному и часто неправильно. ж) Нереально впечатление от общей ситуации. Почему Совет обратил внимание на слег, когда в городе стреляют из пулеметов и бросают бомбы? Далее, в таком обществе должно быть очень много хулиганства и прочих безобразий. з) Непонятны интели. Если это бандиты и хулиганы, ими Совет должен заинтересоваться в первую очередь. Если это глупые, но честные борцы, то нелитературно было бы не показать хоть одного их них вплотную, как Опира или парикмахера. и) Чувствуется местами небрежность и поспешность, в ТББ этого нет и в помине, там совершенная стилистика. к) Нет ни тени того, что делается за пределами города, не видно дыха-

ния большого мира, что быть не может, город же неизолирован. л) Не стоит осовременивать такими дешевыми словечками, как «еврей», «патлатый» и пр.

Вот в таком плане. Еще он из любопытства потребовал было, чтобы были переданы ощущения и сны Жилина в ванной, но потом забрал это предложение обратно.

Давай думать, времени мало. Отвечай немедленно.

Поздравь Илью.

Перевод Брускина — независимо от претензий Ариадны — признается худшим, чем у Бобырихи[1], менее русским.

Приветы Адке и всем, кому понадобится.

Жму и целую, Арк.

Экслибрисы — гм. Не знаю, не знаю. Впрочем, что смотреть в зубы дареной кляче?

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 26 ДЕКАБРЯ 1964, Л.— М.

Дорогой Арк!

Отвечаю немедленно (в тот же вечер). Сначала некоторые новости:

1. Илья принят окончательно. Завтра устраивается банкет на 20 персон. В программе — цыплята табака.

2. Ленинградский сборник на выходе. Я дал твой адрес в бухгалтерии. Мне деньги (твои) дать отказались: необходима доверенность, заверенная нотариусом. Должны получить что-то около 350 каждый.

3. Постараюсь выехать числа 3—4 января. Адке твое письмо еще не показывал. Готовлюсь к сражению: 2-го приезжает Андрюшка. Будут, вероятно, трудности и на работе: сейчас вся обсерватория в едином порыве вместо того, чтобы заниматься астрономией и смежными делами, борется за высокую производственную дисциплину. Словом, рассчитываю всё это преодолеть и, если преодолею, пошлю уточняющую телеграмму. Или позвоню.

4. Поблагодари Ариадну за теплую статью в «Комсомолке». Спасибо ей, не забывает нас, грешных.

5. В следующем году Лениздат намерен выпустить сборник новой фантастики. Дмитревский потребовал от нас повесть. Видимо, придется дать. Во всяком случае, я не нашелся, под

---

[1] Бобырь Зинаида Анатольевна, писательница, переводчик, критик.

каким предлогом отказать. Я думаю, если мы напишем две повести, одну дадим ему. А?

6. О «Предисловии к регистру» Альтова поговорим на месте. Ничего ему не отвечай: надо обдумать.

7. Наша комиссия принялась шевелиться насчет памятника Беляеву. Мне поручили совместно с тобой написать по этому поводу краткую заметку в «Комсомолку», и опять я не сумел отбиться. Старею, видно. Дело, впрочем, терпит: по-моему, все понимают, что всё это сивый бред.

8. Смолян предложил устроить ежегодный день фантастики. Оля предложила 1 апреля. Смолян жаждет выпускать спецсборник по типу сборника «День поэзии». Я резко выступил против: хватит плодить халтуру. Вопрос замяли.

Теперь о ХВВ. Из всего тобою сообщенного, из отзывов моих ребят и из собственных размышлений я сделал пока только следующие практические выводы:

1. Сократить сцену «освоения квартиры». Убрать описание гостиной.

2. Убрать жратву, пусть лучше побольше пьют. Кушать в книге должны только: Амад, Опир и латиноамериканец. В кафе — пьют, играют в настольные игры и смотрят телевизор.

3. Обязательно сделать Марию умным человеком, который просто не может иначе. В связи с этим основательно переработать последнюю сцену. Весь негативизм отдать Оскару. (Севка молодец, а мы дураки: не доперли до такой простой и выигрышной детали.)

4. Необходим интель. Личная встреча и разговор. Но как сделать, не знаю. Предлогом встречи может служить то, что интели заподозрили Жилина в провокаторстве и хотят его стукнуть (тот самый тощий трезвенник). Но о чем им говорить — не знаю.

Подробнее поговорим на месте. В этот мой приезд надо также подчистить и ПНвС. Кое-что там меня смущает.

Крепко целую, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке.

О Брускине сожалею. Он намерен ехать в Москву после нового года.

«Теплая статья в “Комсомолке”» — это вышедшая 26 декабря статья Ариадны Громовой с подзаголовком «Заметки о творчестве Стругацких». Вот начало этой статьи:

ГРОМОВА А. ГЕРОИ ДАЛЕКИХ РАДУГ

Писательские судьбы складываются подчас весьма необычно. К примеру, есть в нашей стране два человека, которые пишут вместе, а живут в разных городах и, помимо писательской, имеют другие профессии, весьма несходные. Впрочем, это еще ничего. Более удивительно другое. Эти писатели за пять-шесть лет написали восемь повестей и десятка полтора рассказов. Все они издаются массовыми тиражами и мгновенно исчезают с прилавков. Многие их произведения изданы и за рубежом — в Италии и ГДР, Канаде и Японии, Польше и Румынии. Книги Стругацких читают, о них спорят, о них думают. А критика молчит. До сих пор нет ни одной даже газетной статьи, посвященной их творчеству...

Странно, не правда ли? Да, странно. Но уточним: писатели, о которых шла речь,— фантасты.

<...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 30 ДЕКАБРЯ 1964, М.— Л.

Дорогой Борик!

Я совсем забыл, что у тебя могут быть такие трудности. Ведь Адка меня предупреждала. Слушай, если будет о ч е н ь т р у д н о, прямо-таки невозможно, дай телеграмму, умоляющую приехать, и напиши письмо п о у б е д и т е л ь н е й. Вообще-то я говорил с Ленкой, так что морально она, кажется, подготовлена. Так или иначе — мы скоро встречаемся. Только ненадолго. Я во всяком случае больше, чем на неделю, приехать не смогу. Но ты не боись, успеем.

О делах прочих поговорим при встрече. А сейчас подумай о таком ходе в ХВВ.

Пусть Жилин уже был в этой стране и в городе десять лет назад во время заварушки, командовал взводом или что-нибудь еще. Полюбил эту страну, полюбил народ, дрался, как дьявол. В воспоминаниях дать боевой эпизод (со взрывом атомной мины, например), с горящим танком, с мертвецом, свесившимся из люка, с консервированным пивом, которое вскрывают пистолетным выстрелом. Понимаешь, тогда будет: а) возможность для Жилина сравнивать, кем они были и кем стали; б) появится у Жилина личная боль за этот город, который он так полюбил и за который пролил кровь; в) дать Жилину объемность не только пространственную, но и временную.

Интеля давать, по-моему, не стоит. Провалиться им, интелям, они меня совсем не интересуют, да и тебя тоже. Остальные твои предложения правильные, есть и еще несколько мелких у меня, так и сделаем. Одним словом, до встречи, дружище.

Всем приветы. От всех приветы. Сижу по колено в новогодних поздравлениях.

Целую и жму, твой Арк.

И последняя в этом году публикация АБС в прессе — ответ на анкету в газете «Вечерняя Москва» за 31 декабря.

АБС. ГОД 2000-Й... ЧТО ГОВОРЯТ О НЕМ ФАНТАСТЫ

1. Как вы встречаете 1965 год и каким его хотите видеть?

— Мы живем в интересное время, когда наука отвоевывает у природы одну за другой ее тайны. Пусть 1965-й порадует нас новыми важными открытиями, которые так нужны человечеству. И пусть никто не посмеет употребить эти открытия человечеству во вред.

2. Как вы представляете себе человеческое общество в 2000 году?

— Прежде всего, мы просто хотели бы встретить двухтысячный год. Что будет характерно для человечества в то время? Во-первых, все международные конфликты будут решены. Во-вторых, во всем мире начнется наступление за человека в человеке. Разные страны и государства будут использовать в этом отношении опыт, накопленный в СССР. А у нас работа по воспитанию людей нового общества уже завершится. Исчезнут из жизни явления, которым соответствуют ныне понятия мещанства, обывательщины, мракобесия.

Мы не хотим говорить о развитии техники. Здесь обо всем позаботится Госплан. Химия, физика, генетика, биология прочно войдут в быт и сделают его совершенно другим.

1964 год — удачный для АБС на публикации. В «Молодой гвардии» вышла книга с их новыми повестями ДР и ТББ и с замечательным предисловием Р. Нудельмана («...И вечный бой»), было несколько публикаций в сборниках и журналах (ПНА — «В мире фантастики и приключений», СВД — «Фантастика, 1964 год», отрывок из ПНВС — «Искатель»).

Был выпущен диафильм «Девятая планета Тайи» — по мотивам рассказа «Частные предположения». Диафильм состоял из

54 кадров, был сделан в двух вариантах (цветном и черно-белом) и тиражировался затем в 1966, 1967 и 1969 годах.

Опубликованы в этом году и три перевода АНа. Перевод «Пионового фонаря» Санъютэя Энтё был подписан своим именем. И два рассказа вышли под псевдонимом «С. Бережков»: с японского — Кобо Абэ «Тоталоскоп» и с английского — Айзека Азимова «Как им было весело».

О причинах использования в подписи имени или псевдонима рассказывал БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 26.06.99

<...> ни АНу, ни мне (я ведь тоже занимался переводами, хотя и на порядок меньше, чем АН) не хотелось «светиться» по пустякам. Ведь большинство переводов делалось исключительно из-за денег, и соответственно рассматривалось нами как халтура — серьезная, честная, без поблажек для себя, но все-таки халтура — работа второго сорта. В тех же (редких) случаях, когда это была не халтура, а Работа, АН подписывался полным именем (см. например, его переводы Акутагавы Рюноскэ).

1965

В январском номере журнала «Знание — сила» выходит рецензия на книгу АБС ДР+ТББ.

ИЗ: КОЛОГРИВОВ Р. ЧЕЛОВЕК НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ БОГОМ

Главный герой этой повести сильнее Портоса, знатнее Атоса, хитрее Арамиса и везучее — поначалу — самого д'Артаньяна. А мечом он владеет лучше, чем великий Амадис Галльский — недосягаемый идеал отважного Дон Кихота. И при всем при том благородный дон Румата Эсторский, двадцать второй отпрыск славнейшей дворянской фамилии, герой сотен дуэлей и тысяч попоек, на самом деле просто Антон, Тошка, обыкновенный человек Земли, только посланный на далекую планету в качестве исследователя феодализма. Послал его сюда научно-исследовательский институт экспериментальной истории. Казалось бы, полная аналогия ситуации, изображенной Марком Твеном в «Янки при дворе короля Артура». Но там за янки стоит вся наука и техника его XIX века. Помните, как он на турнире выхватывает револьвер и бац — одного, бац — другого рыцаря... А дальше появляются и пушки и даже провода под током высокого напряжения. Знание здесь оказывается не просто силой, но и грубой силой. Кто же сомневается, что один-единственный пулемет решил бы судьбу любой средневековой армии?!

А для Антона — дона Руматы знание часто оборачивается другой своей стороной. Нельзя единым махом изменить жизнь бесконечно далекой от нас, темной эпохи, «не проливая крови тысяч замученных, одурманенных, слепых, не знающих сомнения людей». Антон хорошо знает, что одними пулеметами историю не исправишь. И все-таки только наблюдателем быть не может. Техника для него — лишь подручное средство. На вертолете похищает он из темницы вождя крестьянского восста-

ния, с помощью телевизионного передатчика информирует Землю обо всем, что видит и слышит, но когда надо защищать себя — к его услугам только собственный меч. И к тому же — человек будущего, он не может не жалеть людей, в которых, по существу, видит собственных предков, тоже переживших всё это. Ни один дуэлянт не пал от его руки. Даже в минуту смертельной опасности он не убивает ни одного вражеского солдата. Он всемогущ, как бог, по тому, что он может сделать. Но до чего же беспомощен! Он даже и не один на планете. Еще двести пятьдесят историков живут здесь. Они — купцы и монахи, рыцари и судьи. Специалист по истории первобытных культур «работает» шаманом в первобытном племени. Им всем очень трудно быть богами.

Стефан Орловский, он же дон Капада, командир роты арбалетчиков его императорского величества, кидается на палачей во время публичной пытки восемнадцати «ведьм» и гибнет на копьях дворцовой охраны. Специалист по истории крестьянских войн в Германии и Франции пытается встать во главе крестьянской армии в инопланетной империи. И гибнет от рук своих же товарищей по восстанию...

Трудно быть богом — недаром так и назвали свою повесть Аркадий и Борис Стругацкие.

Дети коммунистического общества, посланцы Земли ненавидят феодалов и жалеют угнетенных. Им грустно сознавать, что на всей планете есть только один человек, которого нельзя ни жалеть, ни ненавидеть — неукротимый Арата, вождь бесчисленных восстаний, кочующий из конца в конец империи после очередного поражения. Дон Румата спасает его и помогает ему деньгами и оружием... и завидует ему — потому что Арата может действовать без оглядки на теории и инструкции...

Человек не годится на роль бога, он не может без конца мириться с несправедливостью, происходящей на его глазах,— и, держа по мечу в каждой руке, Антон выходит на площадь перед своим домом. На этот раз он убивает тех, кого должно убить. Гуманизм действия побеждает гуманизм бездействия. Закрывая книгу, веришь — пройдет совсем немного времени и помогут далекой планете стать счастливой полпреды коммунистической Земли.

Под той же обложкой поместило издательство «Молодая гвардия» еще одну повесть, давшую имя всей книге,— «Далекая радуга».

Повесть о том, как над осколком земного человечества, живущим на далекой планете, нависает смертельная опасность... Дальше я ничего не буду рассказывать, потому что уверен: вы прочтете эту книгу.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 15 ЯНВАРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Посылаю ответ Альтову. Отправляй скорее. Копия у меня есть.

Ничего особенно нового. Сегодня обработал ХВВ, работал без перерыва пять часов подряд, зато рукопись такая, что смотреть приятно.

Дирекция Мол. Гв. пока ничего не предпринимает, но уже сейчас ясно, что сборники в таком виде не пойдут. Особенно пострадали критический отдел и Емцев с Парновым (полетела их повесть).

Звонили из «Искусства кино», просили написать статью. Я отнекивался. Вот и всё пока.

Привет всем. Целую. Арк.

А Брускин здесь и пьянствует.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 17 ЯНВАРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Письмо Альтову отослал в тот же день. Ничего не исправлял, кроме как заменил слово «применем» на «преминем».

Написал письмо Володьке, чтобы он с тобой связался насчет предисловия.

Был на отчетно-перевыборном собрании в нашем ССП. Провалили Прокофьева. Интересное было собрание, приедешь — расскажу.

Когда поедешь, захвати для Адки обещанную пьесу.

Вообще ничего особенного не делал. Дал на радио ПНвС — выбрал кусок с Витькой-дублем. Отовсюду продолжают поступать восхищенные отзывы о СВД. А Илье понравилось и ПНвС — всё время цитирует. Экземпляр попал к нему от Кана и содержит массу замечаний. Я пока не видел — посмотрим вместе. В частности (Илья сказал): Ойра-Ойра, оказывается, из Арцыбашева, а Бен Бецалель — не Бен Бецалель, а как-то по-другому. Ох уж этот Кан! Ты бы привез ему все-таки что-нибудь почитать. Он же нас любит и ценит.

Пытался править ПНвС. Ничего не получилось: нравится! Всё нравится. Черт знает что.

Вот пока и всё, жму и жду, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

В начале года в письмах появляются тревожные нотки.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 18 ЯНВАРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Пишу тебе по совершенно особенному случаю.

Ты знаешь, что 22-го мы с тобой должны выступить в Доме Деткниги с докладом «Фантастика как метод». Я уже получил пригласительный билет и извещение, что мне выписана командировка. Я думал выехать 21-го, чтобы заранее договориться с тобой и подготовиться. Но получается так, что выехать именно в эти дни я не могу.

Положение в «Молодой Гвардии» катастрофическое. Ленке тайком передали верстку первого и рукопись второго выпуска «Фантастик» с пометками и замечаниями директора, главного редактора и замглавного. Полный разгром. Истребили Нудельмана за попытку подменить социалистический реализм фантастикой. Истребили статью Громовой. Истребили рассказ Севера Гансовского. На ниточке висит «В круге света» Громовой, решительно выбрасывается поэма Парнова и Парново-Емцевская повесть. Видимо, дело идет о самом существовании альманаха — да это бы еще полбеды! — и о всем курсе фантастики в «Молодой Гвардии». Ленка плачет — ведь за альманах отвечать ей, как редактору. Бела дрожит за ХВВ (хотя не знаю, за что там теперь дрожать). Настроение у всех крайне подавленное.

Жемайтис, Бела Клюева и Замошкина (это зав. редакции иностранной литературы, которую директор включил в комиссию по расследованию альманашного дела) считают, что я — единственный человек, который способен говорить с дирекцией на равных, т. е. единственный человек, достаточно авторитетный для Мелентьева и Осипова, как бы они к нашему творчеству ни относились. Директор объявил, что будет говорить с редакцией числа двадцать первого — двадцать третьего. Ты понимаешь, что уехать и бросить их я просто не имею права. А самое главное — меня уже тоже заразила эта паника, я просто боюсь за нашу работу. Я должен быть сейчас в Москве неотрывно.

В связи с этим прошу вот о чем. Доклад (или там сообщение) ты сделаешь сам, ты, кстати, справишься с этим и лучше меня. Морозовой — так, кажется, фамилия директора Деткниги — соври, что я заболел и не смог приехать. Я еще специально подкачаю Нину Матвеевну, которая там будет от московского Детгиза.

Вот пока и всё. И не хихикай, что я так паникую. Мне, ей-богу, страшновато. И положение может быть даже хуже уже, чем я описал. Что-то делается нехорошее, такое ощущение, будто вот-вот тебя ударят.

Привет всем. Целую, твой Арк.

Памятуя о том, что лучшая защита — это нападение, АН пытается предотвратить грядущие неприятности и пишет следующее письмо.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО АНа В ГОСКОМИТЕТ ПО ПЕЧАТИ, 20 ЯНВАРЯ 1965

В ГОСКОМИТЕТ ПО ПЕЧАТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА СССР

Замечания о состоянии и перспективах
литературы фантастического жанра в СССР

РАДУЕТ, ЧТО:

1. За последние несколько лет (точнее: после 1956–57 годов) возник и успешно развивается количественно и качественно отряд советских писателей-фантастов. Сегодня можно насчитать не менее пяти десятков писателей, специализирующихся в этом жанре, и выделить из них «первую дюжину» наиболее талантливых, «отличных и разных», задающих тон всей советской фантастике. В первую очередь это маститый И. Ефремов, а также А. Громова, Г. Гор, М. Емцев и Е. Парнов, Г. Альтов, С. Гансовский, И. Варшавский, О. Ларионова, А. Полещук, Е. Войскунский и И. Лукодьянов, В. Григорьев, А. Днепров. Советская фантастика вышла наконец из пеленочного возраста, характеризовавшегося безраздельным и недобросовестным владычеством А. Казанцева и В. Немцова. Как любопытное свидетельство этому: к жанру всё чаще обращаются профессиональные писатели не-фантасты — Обухова, Шаров, Тендряков, Берестов, Разговоров, Соколова, сценарист Анчаров и др.

2. Огромную роль в развитии советской фантастики играют такие ведущие издательства, как «Детская Литература» и «Молодая Гвардия». Их смело можно назвать инкубаторами советской фантастики. Без умной, точной и тактичной работы таких издательских работников, как Калакуцкая, Беркова, Жемайтис и Клюева, наша фантастика так и осталась бы на прежнем сером, внелитературном уровне до 1956 года. Характерно, что после самых первых ошибок (напр. халтурная повесть А. Колпакова «Гриада») эти издательства не выпустили ни единой страницы литературного брака. Большую роль в развитии советской фантастики играют также молодежные журналы «Техника — молодежи» и «Знание — сила».

3. Постепенно налаживается регулярный выпуск зарубежной научной фантастики, играющей немаловажную роль в антиимпериалистической, антимещанской и антивоенной пропаганде. Центральные книжные и журнальные издательства знакомят читателя с выдающимися произведениями таких мастеров жанра, как Лем, Брэдбери, Азимов, Шекли, не допуская на свои страницы произведений беспринципных и безыдейных, как это иногда еще случается с иностранной не-фантастической литературой. Большое дело делают, в частности, «Молодая Гвардия», выпускающая подписную библиотеку всемирной фантастики, и издательство «Мир», публикующее серию памфлетных антиимпериалистических произведений зарубежных фантастов.

ОГОРЧАЕТ, ЧТО:

1. Периферийные издательства издают большими тиражами низкокачественные, порой халтурные произведения, дискредитирующие жанр. Примеры: «Тайна доктора Хента» Винника, «Проданная Луна» Кнопова, «На десятой планете» Митрофанова, «Желтое облако» Ванюшина. (Довольно подробно этот вопрос освещен в статье сотрудника «Комсомольской правды» Д. Биленкина «Фантастика и подделка» в сборнике «Фантастика, 1965» вып. 2, изд-во «Молодая Гвардия», 1965. Полагаю, работникам Госкомитета были бы интересно ознакомиться с этой статьей.)

2. Многие руководящие товарищи не замечают, что в наше время фантастика стала Художественной Литературой со всеми вытекающими отсюда требованиями к ней, и продолжают рассматривать фантастику как средство научной популяризации или, в лучшем случае, непомерно сужают ее функции к детской или утопической литературе. В соответствии с такими представлениями

они начисто отрицают в фантастике философию, борьбу идей, парадокс, человековедение, конфликт вообще. Необходимо помнить, что, как и вся литература, фантастика немыслима без острого, значительного, современного конфликта.

3. Некомпетентные товарищи в некоторых органах печати время от времени предоставляют страницы своих газет и журналов некомпетентным, а то и прямо недобросовестным выступлениям, сбивающим с толку читателей, а иногда и авторов (наиболее крупными выступлениями такого рода были статьи Когана и Немцова в «Известиях» и статья Лукьянина в «Москве»). Решительно непонятно, почему «Известия», например, задавшись благородной целью опубликовать статью о советской фантастике, не предложили написать такую статью хорошему современному специалисту по жанру, напр. Громовой, Дмитревскому и Брандису, Нудельману, И. Соловьевой, а предпочли очень далекого от литературы философа Когана и давно скомпрометировавшего себя, очень неодаренного «фантаста в отставке» Немцова.

4. Нет до сих пор специального журнала, посвященного фантастике. Но об этом писалось и говорилось много, и нет нужды повторяться.

А. Стругацкий, ССП.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 ЯНВАРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Сижу, как мне велено редакцией, дома, наготове, подобно тому, как Шура Балаганов держал наготове Берлагу для атаки на Скумбриевича[1]. Жду. С часу на час Мелентьев вызовет к себе в редакцию, и я должен буду по сигналу ринуться в Мол. Гв. и открыть боево-увещевательные действия. Так это мне осто и насто, что сказать не могу.

Вчера было перевыборное собрание Московской организации и выдвижение делегатов на съезд[2]. Здесь было тоже очень интересно, ужо приеду, обменяемся информацией. Пока только скажу, что это было похоже на пожар в зоопарке. Правда, мы управились короче, чем вы,— в один день, с одиннадцати до полуночи. Но всё равно, я был несколько ошеломлен и испу-

[1] См. роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 18.
[2] II Съезд писателей РСФСР (3—7.03.1965).

ган. А когда вернулся, Ленка поднесла пилюлю: в десять вечера позвонил ей Травинский и сказал, что будут крыть нас с тобой и чтобы она передала мне (!), чтобы я ни в коем случае не отбрехивался. Не знаю, может быть, среди шестнадцати записавшихся и не успевших выступить и был кто-нибудь, кто хотел нас атаковать, но, право, там было совсем не до этого. Вообще там было не до литературы.

Приехать мне, видимо, все-таки придется. По слухам, «Известия» собираются заказать нам статью о фантастике. Писать такую ответственную штуку в одиночку я не могу, сам понимаешь, поэтому мы встретимся. Когда все определится, сообщу.

Сообщи, когда мы собираемся с тобой встречаться для фундаментального письма. Нужно заранее заказать места в Переделкине. Это уже срочно, если мы собираемся сойтись в марте.

ХВВ Бела из страха перед дирекцией отдала Ефремову, чтобы он написал предисловие. Ленка с ним сама говорила. Обещал, что напишет. Но не знаю, не знаю...

Пока всё. Привет всем. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 23 ЯНВАРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, наш доклад в ДДК прошел, и прошел, по-моему, неплохо, хотя большинство всех этих старперок ни черта не поняли (судя по последующим выступлениям). НинМатв тебе всё расскажет, она очень подробно все записывала. Я добавлю только, что если сравнить это сборище с аналогичным предыдущим (помнишь такую зелененькую книжечку 1960 года с докладами?), то чувствуется, что произошел громадный все-таки скачок в общественном мнении. И еще: популярность наша все-таки весьма велика. Сразу же после выступления, в кулуарах, мы получили еще два приглашения выступить: перед распространителями книг (с аналогичным докладом) и перед работниками философской кафедры не то Университета, не то АН (с докладом о задачах литературы в свете новой философской и научной проблематики). Я не говорю уж о многочисленных поклонниках, жмущих руку, заглядывающих в глаза и осведомляющихся: остался ли жив Горбовский и появится ли он еще где-нибудь. Словом, жить и работать стоит[1]. Пока.

---

[1] Реминисценция из стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям»: «И стоило жить и работать стоило».

Я болею. Грипп отвратительный. Одна ноздря постоянно забита, и болит голова.

ПНвС прочли Илья и Кан. Илье, по-видимому, понравилось. Во всяком случае, он все время цитирует, а на титульном листе написал следующий стишок: «Разных книжек и в журналов по возможности пиши, потому что А. Привалов мне приятен для души». С Каном поговорить мне не удалось. Я успел с ним только поздороваться, и физиономия у него при этом была кислая. На полях он оставил ряд примечаний, как правило, бессмысленных и бесполезных[1], но ясно, что во всяком случае Привалов ему не понравился. В одном из замечаний он называет его подонком, а в самом конце пишет: «Сколько лет Привалову? В I главе — 25, во II — лет 17, в III — 12 плюс вундеркиндовы идеи, в Послесловии — лет 50...» И в этом замечании что-то есть. Вероятно, надлежит Привалова во II и III частях сделать пожестче, порешительнее, самостоятельнее. Я еще буду заниматься ПНвСом и попытаюсь что-нибудь сделать. А НинМатв ПНвС тоже кажется не очень-то. Подробно я с ней поговорить не успел, но из пары фраз у меня создалось впечатление, что у нее таки есть к нам претензии.

Были перевыборы в нашем ССП. Я тебе в общем о них уже, кажется, писал. Провалили Прокофьева и избрали новое правление. Секретарь — Дудин, зам — Гранин. Ходят слухи, что новое правление отказалось от платы и намерено должность секретаря сделать непрерывно сменной: т. е. все по очереди будут занимать эту должность. Демократизация идет вовсю.

Положенцев мой прибыл, но никак не может добраться до Пулкова. Неделю сидел в Москве, теперь сидит у мамы в Ленинграде. Но ясно, что ему не уйти. Со дня на день он заступит на свой пост, и я ему поднесу пилюлю. Немного страшно, но я уже полон решимости.

Звонил Коля Коротеев. Я чувствовал себя мерзко и не пригласил его. По-моему, обиделся, но обещал еще позвонить.

Вчера встретил Первушина. Тоже шлет тебе привет. Он, как и многие, пришел на вчерашнее собрание послушать тебя и был разочарован.

Как твои намерения? Остаешься ли в редколлегии? Как вы вообще намерены действовать? Отпиши всё это подробно. Что

---

[1] Аллюзия на пушкинское «<русский бунт —> бессмысленный и беспощадный» («Капитанская дочка», пропущенная глава).

думает Ревич? Как его наследник? Я тут ему послал поздравительную телеграмму от фантастов Ленинграда — получил ли? Какого рода статью просили «Известия»?

Жду ответа, твой [подпись]

P. S. Ленке привет. Пусть не плачет. Всё обойдется.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 ЯНВАРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик!

Здесь рассказывают о небывалой эпидемии гриппа у вас в Ленинграде. Очень за вас беспокоюсь. Будьте осторожны, ради бога, хотя не знаю, что это значит — быть осторожным при эпидемии. Вчера по радио пришло сообщение, что эпидемия началась и у нас. С приветом.

Насчет отношения НинМат к «ПНвС» ничего не знаю, да это и не очень важно. Литературные вкусы ее сильно отличаются от наших, симпатии лежат совсем в другой сфере, так что при всех ее достоинствах — она хороший товарищ, умница и нас любит — это не тот человек, к мнению которого о фантастике нужно чутко прислушиваться. Не Манин. Не Травинский. Конечно, если возражения идейно-политического характера — это другое дело, у нее просто хороший нюх и опыт. Там видно будет.

О Коле Коротееве не беспокойся. Он повседни был в Ленинграде пьян, а сейчас заболел гриппом и лежит. Брускин его навестит.

Ты спрашиваешь о моих намерениях. Я теперь всю эту общественную деятельность... снимая пенсне. Как только уладится дело со сборниками — немедленно ухожу из редколлегии. Возмутила меня Ариадна. Она все валит на редакцию. Сама она, как всегда, непогрешима. А ля Лысенко. А мы по ее милости имеем: а) Ленку выгоняют из редакции, б) Нудельмана отлучили от издательства, в) Редакция теперь будет под строжайшим наблюдением со стороны начальства. И всё это, по ее мнению, потому, что с нею, Громовой, не желали считаться. Провалиться им всем, чтобы я еще ввязался в такое дохлое дело.

Сейчас мы с Ленкой составили два альманаха, по счастью подвернулся большой политический памфлет и несколько рассказов, в том числе Сапаринские. Главное сейчас — протащить «В круге света», а там меня больше эта чехарда не интересует. Да, Балабухинское «Чудо святого Иллюзия» — помнишь, он читал? — подверглось резкой критике и выброшено с треском.

Что думает Ревич? По-моему, ничего особенного. Огорчается только, что закрыта трибуна для солидной критики. Его жена Танюшка за несколько дней до родов начала и сразу после родов возобновила атаки на меня: она работает в «Вокруг Света» и требует туда ХВВ. Я со стонами и воплями отмежевываюсь[1]. Вообще много к нам пристают. Вот статью в «Искусство кино», например. Может, написать им страничек пять? А из «Известий» так и не звонили. Видимо, раздумали.

Вот пока всё. Целую, твой Арк. Привет Адке, а маме я тоже сейчас напишу.

Да, чуть было не забыл: Михалев прислал репродукции своих иллюстраций. Они стали почему-то хуже. Видимо, сказывается воздействие профессоров, которые взрастили под своей сенью такого многообещающего и пр.

Работая над сборниками, АН еще пишет рецензии. В архиве сохранились четыре рецензии-отзыва с датой 27.01.65: на рассказ Колпакова «Континуум два зэт»; на рассказы Котляра «Голубой астероид» и «Возмездие»; на научно-фантастические рассказы Михановского «Евсей», «Катастрофа», «Апельсин», «Плоды воспитания» и «Погоня»; на научно-фантастические рассказы Ярова «У подножия радуги» и Гурфинкеля «Черный гребень Чолпонбая». Приведем для примера один из отзывов.

ИЗ АРХИВА. АНС. ОТЗЫВ НА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ В. МИХАНОВСКОГО «ЕВСЕЙ», «КАТАСТРОФА», «АПЕЛЬСИН», «ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ» И «ПОГОНЯ»

В. Михановский, по-видимому, задался отличной целью — создать цикл рассказов о «школе роботов», подобно тому, как сделал это А. Азимов в своей книге «Я, робот». Представленные произведения являются как бы образцами, пробами для будущего цикла.

К сожалению, замысел оказался явно не по плечу автору. И вот почему.

В тех случаях, когда в сюжетной основе фантастического произведения «лежит» кибернетическая машина, в наше вре-

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 3, гл. 26): «...будет с визгом и стонами отмежевываться».

мя, после водопада произведений о роботах в СССР и за рубежом, это может иметь смысл только в трех мыслимых случаях:

1) Когда автор задается целью показать, как, по его мнению, изменится психология людей, ежедневно и ежечасно имеющих дело с «разумными машинами». Вопрос принципиально важный и задача чудовищной трудности, одна из главных задач современной советской фантастики, рассматривающей, как выражается И. Ефремов, аспекты социальной действенности науки.

2) Когда автор маскирует проблемы человеческих взаимоотношений при помощи вымышленных отношений между человеком и роботом и между роботами, т. е. ставит своей целью моделирование человеческих взаимоотношений, как это делает Азимов.

3) Наконец, когда робот в произведении служит средством гротеска, сатиры для обнажения или разоблачения современной нам действительности. Истыми мастерами тут являются Варшавский и, отчасти, Лем.

Рассказы же Михановского не несут никакой литературной нагрузки. В одном случае — это старая-престарая слезливая история про то, как баловник издевался над престарелым слугой, а тот в трудную минуту спас его и погиб сам («Евсей»). В другом — не очень интересные (потому что эпизоды имеют самодовлеющее значение, не скрывая под собой ничего) случаи из жизни «школы роботов». Есть, наконец, и откровенное переложение древнего бородатого анекдота про студента, имевшего привычку бросать сапоги в стену («Плоды воспитания») — только анекдот короток, на полстранички от силы, а рассказ растянут на одиннадцать страниц. Наконец, рассказ «Погоня» является вариантом давно навязшей на зубах темы «бунта роботов».

Мне представляется, что рассказы эти не могут быть приняты для альманаха. Между прочим, автор не лишен литературных способностей. К этим способностям да прибавить еще убежденность, что литература — не бирюльки, а исследовательская работа, и можно было бы ждать от Михановского интересное произведение.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 29 ЯНВАРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Эту книженцию просила меня прислать Нина Матвеевна. Адреса ее у меня нет, а потому... Если и когда встретишь, передай, пожалуйста.

Твое письмо получил. Мало пишешь, брат. Да, видно, писать нечего. У меня вот тоже ничего особенного не произошло. Болел гриппом. Потом мама болела гриппом. Теперь, кажется, Адка и Андрюшка намерены заболеть все тем же гриппом. Нет, я всегда говорил, что истинные владыки Земли — вирусы. А всё прочее — плешь.

Много раз ездил на студию — участвовал в фильме «Гордое смирение»[1] о Пулковской обсерватории. Ничего получился фильмик. От автора сценария получил приглашение что-нибудь экранизировать. Определенного ответа не дал, но автор мне понравился — интересный парень. Шлепянов его фамилия. Фантастика его интересует как способ постановки общих всечеловеческих проблем.

Завтра хочу пойти в Писдом: показывают фильмы Жана Габена, для писателей только. Любопытно.

За ПНвС еще не брался по-настоящему. Хожу вокруг, потираю руки, подскакиваю и отскакиваю.

А если к тебе будут приставать насчет ХВВ, отвечай: «ХВВ? ХВС!» Таков, мне кажется, должен быть наш лозунг по этому поводу. Нельзя рисковать предварительной печатью — потом не расхлебаешь.

Получил из МолГв 1000 руб. За что, интересно? За ХВВ?

Вот пока и всё. Жму руку [подпись]

P. S. А Ариадне хорошо бы навертеть хвост. Да как ухватишь?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 1 ФЕВРАЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Я мало пишу? Это ты мало пишешь. Долго пишешь. Затягиваешь.

А дела неважные. Как я уже говорил, ХВВ дали на предисловие Ефремову. Позвонил мне старик, попросил зайти. И вот что он мне сказал.

1. Это, конечно, ниже по всем показателям, чем ТББ.

2. Ему не нравится Джойссовско-Хэмовский стиль, которым мы злоупотребили, но пусть мы на это внимания не обращаем — это оценка вкусовая и нас не касается.

3. Что-то надо было бы сделать с кубинцем, который жрет в последней главе. Сцена отличная, но явственно видна борода Кастро.

---

[1] Режиссер Ленинградской студии документальных фильмов П. Коган. В фильме «Гордое смирение» голос БНа звучит за кадром.

4. Самое главное. Мир, нами описанный, настолько ярок и страшен, что не оставляет никакой надежды на что-либо хорошее для человечества. Это не советская фантастика, а западная, с горечью и ужасом перед будущим. Агентишки, как он величает Марию и Жилина, производят жалкое впечатление, совершенно очевидно, что и мир, который они представляют, так же жалок и беспомощен. Кстати, настолько нищи и убоги духом людишки в этой стране (впечатление: во всем мире), что слег выглядит бледным, никому не нужным атрибутом.

Он сказал, что предисловие, конечно, напишет, потому что любит нас и считает единственной надеждой советской фантастики (а он не очень-то разорителен на комплименты, впервые от него такое слышу), но, судя по разговору с Жемайтисом, с которым он виделся за день до этого, предисловие само по себе нам не поможет, и книгу просто остановят. Книга, сказал он, тем более опасна для нас и для всей советской фантастики, что написана она страшно талантливо и убедительно.

Что он предлагает? Либо:

а) Написать заголовок, вроде «Хищные вещи века. Часть 1-я. Страна торжествующих дураков». Это даст возможность ему написать в предисловии, что мы собираемся писать вторую часть, где покажем, как человечество справилось с раковой опухолью, возникшей на его теле.

Либо:

б) Напихать известное количество вставок, в которых показать красоту и могущество мира, откуда пришел Жилин. Сделать это либо в виде ретроспекций, когда Жилин вспоминает, как ему было там хорошо, либо телевизионные передачи из того мира, либо встречи с другими людьми из того мира, которые тоже в ужасе от того, что здесь происходит.

Вот так-то.

Мне лично не улыбается ни то, ни другое. Вопрос вот в чем: будем мы публиковать эту книгу или нет? Прими во внимание то, что главная редакция эту книгу в нынешнем ее виде не пропустит нипочем. Но аванс, который нам, возможно, выдали (а может, и нет: та тысяча, которую ты получил, была, может быть, за дополнительный тираж «Фантастики 64» — не знаю точно), в крайнем случае вычтут потом из гонорара за «Всемирную фантастику», так что денежный вопрос пусть тебя не волнует. Так вот, мы можем просто расторгнуть договор и остановить издание. Для редакции это будет неприятность, но они переживут.

Поругает их дирекция, и всё. Не снимет с работы, как сделала бы, если бы книга чудом вышла.

Если же мы согласимся на доработку, то вот тебе результат моих нощных размышлений[1].

Надо, ничего почти не меняя в книге, написать эпилог. Небольшую главку на десять страничек. Заседание штаба Совета Безопасности. Председатель Совета, этакий спокойный старик а ля король Магнус из «Тележки с яблоками»[2]. Начальники отделов. Представители заинтересованных стран. Хвост вопроса о, скажем, конфликте в Эквадоре: перебили черепах на Галапагосских островах. Рассмотрение вопроса о положении в этой стране и еще нескольких подобных странах. До начальников отделов дошло, что этот гной расползается по всему миру и нужно принимать меры. Различные меры предлагаются. Протесты представителя этой страны. Выясняется, что никто толком ничего не знает. Предложение: вызвать этого смутьяна Жилина, назначить его главой специального комитета, и пусть он разработает план и представит. И начало следующего вопроса: скажем, случаи заболевания на космической станции «Аменхотеп 4-а».

Если мы согласимся на доработку (= издание книги), то это, на мой взгляд, единственно приемлемый выход.

Если ты согласен, я могу приехать дня на два и мы напишем. Если не согласен, напиши срочно. Я начну кампанию за расторжение договора.

Рукопись я у Ефремова забрал и держу у себя. В издательство не даю.

Привет всем, целую, твой Арк.

К счастью для читателей, АБС не разорвали договор. И обошлись «малой кровью». В архиве АБС сохранились предисловие к книге ПКБ-ХВВ Ефремова и черновик авторского предисловия к ХВВ, которое они написали, вероятно, при краткой встрече, состоявшейся в середине февраля в Москве.

---

[1] Отсылка к заглавию книги Э. Юнга «Дух, или Нравственныя мысли славнаго Юнга, извлеченныя из Нощных его размышлений; с присовокуплением некоторых нравственных стихотворений лучших российских и иностранных стихотворцов: Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, Томсона и других» (СПб. 1798, 1806). Издание неоднократно цитируется в ПНВС.

[2] Пьеса Б. Шоу.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 20 ФЕВРАЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Удивлен: ты, как уехавший, должен был написать первым, а письма нет.

Я пребываю в трудах, забот прибавилось. Ходят слухи, что второго марта Совет собирается разбирать дело Емцева-Парнова по обвинению в плагиате («Путешествие полковника Фосетта» по настоянию Котляра плагиировано с «Неоконченного путешествия» П. Фосетта). Проглядел я обе вещи еще раз, все заимствования у Парнова закавычены и имеют ссылки на оригинал. Буду давать бой Совету, если дело действительно начнется: обыкновенная клевета, до каких пор и т. д. Но надобно хорошо подготовиться, а это требует времени.

Утрясаю свой сборник. Травинского Жемайтис из сборника выбросил. Я передаю статью Кагарлицкого Ревичу. Получена любопытная повесть некоего А. Львова — отличная работа, на мой взгляд, втисну ее, пусть все объемы лопнут, такую повесть надо печатать. Помещаю также статью Биленкина — ты ее читал, о халтурщиках в фантастике. И буду стараться втиснуться со статьей Юрки Манина.

Была беседа редколлегии с Мелентьевым в присутствии главного и замглавного редактора. Приняты мы были благосклонно, подали нам чай с конфетами и печеньем. Верстку первого сборника разнесли вдребезги, мы с воплями и воем отмежевывались от всего, отстаивая впрочем свои и редакции добрые намерения. Результат: Мелентьев не возражает против четырех сборников («был бы материал»), выразил уверенность, что когда сборники начнут трещать под напором доброкачественного материала, он сам войдет в ходатайство о создании журнала. Нудельман, по-моему, реабилитирован полностью, было даже сказано, что если его статью выправить и упростить, то ее можно будет публиковать. Думаю, надобно заняться.

«ХВВ» подписана главным редактором без чтения (вероятно, прочитал авторское предисловие и удовлетворился), потери — убран эпиграф из Вознесенского и всё. Бела нагло убрала «Книгу первую» и «Авгиевы конюшни», а также всё, что касается этой «Книги первой» из предисловия Ефремова. Молодчина она, ей-ей.

В качестве члена редколлегии «Мира Приключений» прочитал новый рассказ Альтова «Клиника “Сапсан”». Молодчи-

на он. Хороший рассказ. Сильно кренится в интеллектуальность, но — хорошо.

Борька, у нас, по-моему, с тобой назрел некий творческий кризис, за которым должно следовать что-то новенькое. Эх, нам бы посидеть спокойно и поругаться всласть несколько дней, то-то было бы славно! Я здорово устал, как и ты, наверное, а между тем меня не оставляет этакое возбуждение, когда хочется рваться с места, прискуливая, и мчаться к чистой бумаге и машинке, чтобы оформить какие-то неясные идеи, ворочающиеся в башке. Не получается это самостоятельно, это нужно, чтобы ты был рядом и ныл, что ничего не получится и всё пропало. Нужна сопротивляющаяся среда. Как у тебя с работушкой? Брать путевки или нет? Когда всё выяснится?

Пока всё. Всех там обнимай и целуй. Жду писем. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 22 ФЕВРАЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

То есть ты меня изумляешь! Вот он, вред от алкоголя. Ты начисто, я вижу, забыл, что должен был ПЕРВЫЙ написать мне и прежде всего о сроках нашего будущего пребывания в Малеевке. Я просто в ярости. Ведь теща же приедет скоро, а я должен буду здесь торчать, и всё из-за того, что ты никак не сходишь в Литфонд! Скорее выясняй и телеграфируй!

1. Я переговорил с начальством. Меня готовы отпустить, причем просили остаться консультантом и не увольняться совсем, а перейти «на внештатную работу без выплаты оклада». Это ни к чему не обязывает, но дает лишние шансы устроиться обратно, если времена потяжелеют. Словом, я готов ехать в любое время, начиная с первого марта, и все теперь зависит только от тебя.

2. Беседовал с Дмитревским. Всё в порядке, старик остыл и благосклонен. Он получил письмо от Кима, где тот хорошо пишет о нас, но предупреждает о возможных кознях Казанцева. Дмитревский, впрочем, считает нас неуязвимыми (пока). Собирается писать какую-то статью, успокаивающую страсти, но всё поговаривает о том, что надо «кого-то принести в жертву». Имеет при этом в виду, по-моему, Громову. Я отговариваю.

3. Симпозиум «Лит-ра и наука», по-видимому, переносится на осень. Наш доклад там стоит: «Проблематика современной фантастики». Не забывай об этом. Как только в голову прихо-

дит какая-нибудь идея общего характера, быстренько ее записывай — потом обсудим. Этот же доклад нам, по-видимому, придется делать на семинаре философов — очень просят. Это будет в апреле-мае.

4. Звонили из нашего телевидения. Просят инсценировать или дать разрешение на инсценировку ТББ. Я сказал, что посоветуюсь с тобой. Предлагаю отдать им право. Впрочем, это, вероятно, очередная болтовня. Они уже намеревались раз инсценировать ПКБ.

5. Лениздат предложил издать в 66 или 67 году в «биб-ке молодежи» наш том листов на 30. В среду я иду туда для подробных переговоров. Если возникнут вопросы, я тебе позвоню.

Таковы мои новости. А твои новости мне очень нравятся. Беле я нежно целую ручки, вычеркнувшие то, что следовало вычеркнуть.

Итак, пиши скорее, где и когда мы встретимся в Москве. И встречайся с Деляркой[1] — кажется, она порядочный человек и переносчик информации, что ценно.

Что касается кризиса, то он, конечно, зреет. И поругаться очень нужно. И именно поэтому поскорее уточняй время и место встречи.

Да, у нас в секции состоялось собрание, на котором мы пытались отделиться. Имели место безобразные сцены. Гор озверел и идет в секретариат. Посмотрим, что будет.

Большой привет Ленке. Высуни ей язык по поводу того, что я все-таки ушел с работы. Целую вас, ваш [подпись]

P. S. Мне понравилась статья Румянцева в «Правде»[2]. К чему бы это?

С упоминания этой же статьи в «Правде» начинает свой рассказ об истории издания беспрецедентной «Библиотеки современной фантастики» в 15—25 томах и Андрей Кротков. Отметим, что исследователь всё же ошибается, увязывая начало работы над БСФ непосредственно с этой статьей. Как мы видели из переписки АБС, издание обговаривалось в «Молодой гвардии» еще в январе 1964-го. Но статья Румянцева означала некоторое ос-

---

[1] Пока не удалось выяснить, кто это.

[2] Румянцев А. Партия и интеллигенция // Правда (М.).— 1965.— 21 февр. Академик А. Румянцев был тогда главным редактором «Правды».

лабление гаек, до упора затянутых идеологами в последние годы правления Хрущева. Вдруг стало «можно».

КРОТКОВ А. НАЧИНАНИЕ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

В истории издания в СССР научно-фантастической литературы 1965 год был переломным. Корни переломной тенденции уходили в идеологическую толщу советской жизни, а изменение отношения к НФ было знаком заигрывания власти с интеллигенцией.

21 февраля 1965 г. «Правда» опубликовала невнятную, но с намеками, установочную статью, которую издатели, умевшие читать между строк, поняли как «добро». Статья давала установку на плюрализм (в известных пределах), одобряла «освоение культурных достижений», указывала на необходимость «более широкого знакомства советских читателей с лучшими образцами прогрессивной зарубежной литературы».

Работа закипела. И уже в апреле 1965 г. произошли важные события. Издательство «Мир» получило разрешение выпускать серию «Зарубежная фантастика». А в издательстве «Молодая гвардия» 28 апреля 1965 г. был подписан в печать первый том 15-томной «Библиотеки современной фантастики» — невероятно популярного, ажиотажного и престижного подписного издания 60-х.

В редколлегию издания вошли Кирилл Андреев, Ариадна Громова, Иван Ефремов, Сергей Жемайтис, Еремей Парнов и Аркадий Стругацкий. Один литературовед, пять писателей — и ни одного партбосса! Это было по тем временам почище любой фантастики.

Макет издания сделал художник Е. Галинский. В соответствии со вкусом эпохи он нашел эффектное решение. Переплеты томов были окрашены в два цвета — серый и бруснично-красный. На лицевой стороне переплета помещалось стилизованное изображение освещенной солнцем планеты, рассеченное вертикальной чертой. На прокладном листе заднего форзаца авторских томов печатались портрет автора и краткая биографическая справка (нововведение западного образца). Тираж каждого тома составлял 215 тыс. экземпляров.

Скорость, с какой готовилась БСФ, была вызвана двумя соображениями: 1) успеть до перемены идеологической погоды, 2) пресечь склоки и интриги обойденных. Состав БСФ был

откровенно прозападный. Авторские тома в ней получили Ст. Лем, К. Чапек, К. Абэ, Р. Брэдбери, П. Буль, А. Азимов, А. Кларк, Д. Уиндем, К. Воннегут; из советских авторов — И. Ефремов и братья Стругацкие. «Мэтров» совковой фантастики (Казанцева, Адамова, Долгушина, Гребнева, Мартынова, Немцова) либо вообще не допустили в БСФ, либо взяли у них по рассказику-другому для сводных томов.

От цензуры составители полностью уйти не смогли. Начались корректировки. Из авторского тома К. Абэ были выброшены все тексты, кроме маленькой повести «Четвертый ледниковый период» и рассказа «Тоталоскоп», отчего этот том в ряду других выглядит тощей брошюркой. Из рассказа А. Кларка «Девять миллиардов имен Бога» вымарали слово «Бог». В том Брэдбери вместо намечавшегося романа «Надвигается беда» включили неоднократно печатавшийся «451 градус по Фаренгейту». О включении в БСФ текстов Р. Хайнлайна не могло быть и речи. Но составители грудью отстояли «Возвращение со звезд» Лема, «Конец Вечности» Азимова, «День Триффидов» Уиндема, «Планету обезьян» Буля — в составе БСФ эти вещи были по-русски напечатаны впервые.

БСФ вышла из печати, по тогдашним понятиям, стремительно — всего за два с половиной года. <...>

25 февраля АБС одновременно пишут друг другу письма.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 25 ФЕВРАЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Сам ты алкоголик. Я прежде всего — прежде узнавания о сроках нашего пребывания в Малеевке — должен был узнать, уйдешь ли ты с работы, точнее, сколько тебя на работе еще будут держать. И вообще не ярись: Малеевки, Переделкина и Комарова нам в ближайшие месяцы не видать, как своих ушей. Дело в том, что, как оказалось, заявки на Подмосковье и Подленинградье следовало (и следует) подавать за полтора-два месяца. То есть, если бы мы имели возможность подать заявку в начале января, у нас бы были шансы. Сейчас — никаких.

Путевки есть в три места: Гагры, Ялта, Дубулты. С начала марта.

Принимая во внимание, что:

1. Я считаю, что нам сейчас нужно быть вместе и всё тщательно обсудить, не торопясь и последовательно, а также дать первый вариант чего-нибудь;

2. Твоя теща прибывает специально, чтобы заменить тебя с Андрюшкой именно в марте месяце;

3. Мама себя чувствует плохо, а у нас дома работа сам понимаешь какая,

так вот, принимая во внимание всё это, я беру на себя ответственность решить за нас обоих (время не терпит, и эти путевки могут улизнуть) и завтра с утра еду в Литфонд и беру две путевки в Гагры, где, по отзывам знающих людей, жить и работать можно очень даже хорошо. Путевки постараюсь взять с числа третьего-четвертого, пробудем мы там двадцать четыре дня, полетим на самолете, так что, по оформлении путевок, я немедленно беру соответствующие билеты на самолет, до Адлера, постараюсь взять часов на одиннадцать, так, чтобы сразу по твоем прибытии на Ленинградский вокзал, мы бы без заездов отправились на аэродром и часам к четырем дня были уже на месте.

Почему именно Гагры? Наши утверждают, что сейчас там уже будет довольно тепло, а ты, насколько я знаю, это любишь. Во-вторых, там ежегодно по два раза трудится Гуревич, и он считает, что все Малеевки в зимнее время дерьмо по сравнению с Гаграми. В-третьих, хорошее сообщение с Москвой и гораздо ближе от аэродрома, чем Ялта или Дубулты.

Жду от тебя подтверждения моих решений.

Вот только машинку надо с собой захватить.

Об остальном при встрече.

Обнимаю всех, целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 25 ФЕВРАЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Это внеочередное письмо я посылаю после посещения Лениздата. Нам предлагают издать в 1967 году том наших повестей емкостью в 30 листов (не меньше). Разрешаются и старые, и новые вещи, хотя, по-моему, предпочитают они — старые. Единственное ограничение, налагаемое на вещи: чтобы они не издавались в том же 1967 г., а если можно, то и в 1966. Кроме того, завредакцией напоминал, что год — юбилейный, но Нина Александровна[1] — наш обычный редактор — сказала, что это моча.

[1] Чечулина Нина Александровна, редактор Лениздата.

Я составил для себя следующую таблицу переизданий:

СБТ, ПнА, Ст	Детгиз	1966 или 1967
ТББ, Возвр.	МолГв	1966
ХВВ, ПКБ	МолГв	1965
ПНвС	Детгиз	1965

Если я верно составил таблицу и если учесть, что они все-таки предпочитают произведения о будущем, то пока мы можем предложить им только ДР и Возвр. Это, если я не ошибаюсь, меньше 20 листов. А им нужно не меньше 30 (тоже условие). Не рискнуть ли предложить еще и ПКБ с ТББ? Там тоже люди ком. будущего, и заявку можно было бы составить в том смысле, что «рассказывается о будущем и о людях будущего, преодолевающих... решающих... помогающих...».

Для того чтобы я мог составить заявку и аннотацию, необходимо твое просвещенное мнение по всем этим вопросам. Срочно. Учти, что можно туда будет вставить и то, что мы напишем за следующий год.

Жду ответа, целую, твой [подпись]

P. S. У Андрюшки корь. Дом Лазаря функционирует нормально.

P. P. S. Когда будешь составлять свой вариант тома, подсчитай листаж, а то у меня под рукой нет наших книг.

P. P. P. S. Завредакцией у них — Петр Федорович Копытин — чем-то здорово напоминает Жемайтиса с той печальной разницей, что терпеть не может ф-ку и на меня смотрел все время как на удачливого халтурщика, ищущего где обогатиться.

P. P. P. P. S. Да! А почему бы не вставить туда и некоторые рассказы? «НнМ», «ЧаПредп.», «ЧП», «ШС», «ОСиП» и т. д.

В Гаграх АБС начинают вести рабочий дневник. Соответственно, далее в настоящем издании будут представлены оба дневника — и рабочий, и дневник приездов АНа в Питер. Чтобы не смешивать эти два дневника, но и одновременно не давать два перечня дат — из одного дневника и из другого,— записи из дневника приездов, которые накладываются на рабочий дневник, даются здесь внутри последнего в квадратных скобках с пометкой «дневник приездов». Если идет запись: «дневник приездов: дата», значит, кроме даты, в дневнике приездов ничего нет.

О рабочем дневнике БН рассказывал Михаилу Шавшину:

ИЗ: БНС. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

М. Ш.: У вас было два дневника или один?

Б. Н.: У нас был один рабочий дневник.

М. Ш.: А как вы его вели? Кто его вел?

Б. Н.: Ну, кто-кто... Оба.

М. Ш.: По очереди?

Б. Н.: Да нет. Просто у кого под рукой была тетрадка, тот и вел.

М. Ш.: Она перемещалась из Москвы в Петербург?

Б. Н.: Нет-нет-нет. Она всегда была в Петербурге, всегда. Когда я уезжал на встречу, я брал ее с собой. Этот дневник заполнялся только во время работы. То есть в перерывах между встречами я туда записывал иногда, конечно, какие-то соображения, которые в голову приходили. Для будущих встреч. Но, как правило, этот дневник работал только тогда, когда мы собирались вместе. Тогда шли записи: такого-то числа сделали столько-то страниц, такого-то числа ездили туда-то и туда-то. В основном вот так это делалось.

М. Ш.: Позвольте тогда, Борис Натанович, поймать Вас на слове. Если он не покидал пределов Петербурга...

Б. Н.: Нет-нет. Он покидал пределы Петербурга много раз, но только вместе со мной. А как же! Ехали работать в Комарово — я брал с собой дневник. Ехал я работать в Москву, к Аркадию Натановичу,— я брал с собой дневник. Ехали мы работать к маме — я брал с собой дневник. А как же. Обязательно! Собственно, в Гаграх этот дневник был начат.

М. Ш.: Да. Из текстов «Комментариев» это следует.

Б. Н.: Да-да-да. Это был такой рабочий дневник, который представляет собой три тетрадки, ну... две с четвертью, наверное. Последняя тетрадка... там почти ничего нет.

М. Ш.: То есть в основном его вели Вы?

Б. Н.: Да нет. Ну как же! Ну на работе... Сидим, работаем, скажем, над «Парнем из преисподней», и возникла какая-то идея. Какую-то сцену не хочется записывать на машинке сразу — Аркадий хватает дневник, начинает быстро писать диалоги, встречи... как бы черновой набросок черновика делает. Это мог быть Аркадий, мог быть я — это неважно... Дневник лежал наготове...

М. Ш.: Постоянно лежал на рабочем столе?

Б. Н.: Да-да-да. Всё время лежал на столе. Это был рабочий дневник, а кроме того, еще дневник отдельно вел Аркадий Натанович, довольно регулярно, у себя дома. У него тоже накопи-

лось довольно много дневников, по сути дела — тоже рабочих. Просто он туда записывал свои собственные работы, связанные с переводами, как правило. И такой же дневник был у меня... я его вел очень плохо. Десять раз начинал, десять раз прерывался. Ну, тоже какие-то мысли, наверное, там сохранились. Но главный дневник — это рабочий дневник.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

Первая тетрадь дневника заполнена с начала (форзац, первые страницы) различными рисунками, зарисовками Авторов, заметками (имена, телефоны). В том числе БН, как любитель послушать «вражеские голоса», отмечает там время и волны радио Би-Би-Си: «25 м 36.5 (18^h, 20^h)», радио Пекина: «26 м 61.5 (19^h)», замечает там же: «В посл<еднюю> пятницу каждого месяца — концерт по заявкам» и «Волны меняются сильно».

Там же обозначен вычисленный средний день рождения братьев (между днями рождения АНа и БНа): «Наш д. р. 22.06.1929[1]» и стихотворение БНа:

Давно мы свергнули царизм,
Давно у нас социализм,
И потому, как фон барон,
Имею я магнитофон.

Имею я, имеешь ты —
Сбылись заветные мечты.
И как сказал один поэт:
Тебе и Леночке — привет!

По приезде АБС обсуждают идею новой повести.

3 марта 1965 г. Гагра (день 1-й)

Идеи:

1. Вместо обезьян — протоплазма-мимикроид.

2. Параллельная эволюция — протоплазма есть тень жизни. Гибель трилобитов, ящеров, неандертальцев — результат перегрузки этих видов протоплазменными дублями.

3. На чьей стороне правда? Кто объективно прав — люди разумные или протоплазма?

---

[1] Теперь 22 июня проводится вручение литературной премии АБС.

4. Аксиоматическое решение. Две системы аксиом, и разум должен драться за свою систему.

5. Приятель героя, мимикроид, сторонник простых путей: думать нечего, надо стрелять, сажать и т. д. В конце повести от спазм и умственного напряжения деформируется и исчезает. Нужен своей философией, своим мировоззрением.

Общий вывод: культурно время провели. 0^h05^m.

4 марта

1. Разведка заинтересовалась. Пришли двое, выясняли: могут ли дубли возникать в любом месте? Он, сообразив, притворился сумасшедшим, заговаривается.

2. Никого это не пугает! Одни стремятся извлечь корысть, другие вообще не понимают, что тут плохого.

3. Бросаются к коммунисту — старому злому волку подполья: тот пожимает плечами: протоплазма или нет, это наши враги, мы их будем истреблять так или иначе.

5 марта

Обсуждается «Пандора».

Схоластич<еский> спор: инструкц<ия> предусм<атривает> высадку, а здесь мы 50 лет.

1. Передвиж<ение> джунглей и болот.

2. Исчезновение людей (объяснено ранее естеств<енными> причинами). Один прожил среди колонистов и ничего не понял.

3. Колонии женщин без мужчин.

4. Методы войны:

a. Заболачивание и обджунгливание и обызвесткование (метод обороны)

b. Прямое отравление болезнями: вирусы, бактерии

c. Расшатывание наследственности мутаг<енными> вирусами

d. Уничтож<ение> и внедрение новых инстинктов

e. Вирусы, стерилизующие мужчин

5. Виды людей:

a. Вояки (самовоспроизвод<ящиеся> женщины). Генштаб — сплошь из берем<енных> женщ.

b. Колонисты, изнемог<ающие> в борьбе с природой

c. Колонисты, пытающиеся спасти остатки цивилизации

d. Колония мутантов, паразитирующих на норм<альных> людях

e. Бандиты, охотники за наст<оящими> женщинами

6. И никто не может сказать: война это или борьба за Великое общество великих возможностей.

7. Крестьяне. О них забыли. Идет Деяние, обходятся без них и им все до лампочки. Есть самые разные мнения. «Не война, а планомерное разрыхление почвы». Иванов сколачивает по окрестным деревням группу и идет в ближ<айшую> школу.

Хотя кр<естья>не по-разн<ому> объясняют происходящ<ее>, но действуют одинаково. То же — в правит<ельст>ве женщин. Если тоталит<арное> прав<ительст>во может обход<иться> без народа (имея могучую технологию), оно перестает <использовать> пропаганду, демагогию и агитацию, перестает обращ<ать> внимание.

8. Радио.

«Фронт борьбы с роботами»

«Борьба за урожай»

«На фронте без перемен»

«Борьба идет успешно».

9. Разные методы дрессировки разных животных.

10. Путь Горбовского:

1. Заколдованная деревня (с мутантами-вурдалаками)

2. Местный рай (женщины в болоте)

3. Офицерская школа (встреча с Ивановым)

4. Ген<еральный> штаб.

11. Г<орбовский> смотрит на проблему вмешательства как на игру. Играли в субатомн<ую> структ<уру>, играют в 0-трансп., поиграйте теперь в контакт. «Дико мы, наверное, выглядим из глубины веков». Но мы теперь можем делать всё, что хочется. [Сбоку пункт обведен с пометкой «в конец».]

12. Разработать философию существования для научных сопляков. Суть — всё в жизни можно и нужно превращать в увлекательную умственную игру.

13. Представление о людях, сфера приложения талантов которых лежит в далеком прошлом и в далеком будущем. Базы — убежище для таких людей: егеря, СИБ, мастера по ремонту, люди, любяшие природу бескорыстно, без желания узнать, почему так, а не иначе. Люмпены века деритринитации и 0-транспортировки.

14. Предположение о Пандоре: здесь правит раса инстинктивных фантастов, мутировали в инстинкт стремления узнать: «Что было бы, если бы...»

15. Открытия к этому времени:

а) Алгоритмизация больших областей искусства.

б) Алгоритмизация юмора и некоторых других эмоций.

в) Разочарование от неуспешных попыток полного вытравливания инстинктов.

г) Создание полностью человекоподобных роботов.

д) Полемика в Совете: осуществлять ли практическое бессмертие.

е) Разрешение некоторым ученым на евгенические опыты.

ж) Прохождение мимо сверхразума. Разочарование.

з) Подозрение на разум некоторых негуманоидных форм жизни на Земле и в иных мирах.

Возросла уверенность в своих силах и в дальнейшей судьбе. Миновали огромное количество предсказанных опасностей. Войны, перенаселение, мещанство, соперничество роботов, угроза из космоса, наследственные болезни. Теряется инстинкт самосохранения, и человек стал весьма беспечен. Всюду чувствует себя как дома. Не верит ни в какие опасности и ни в какие границы себе.

В какой-то мере потерян смысл жизни. Еще не забыты времена, когда смысл жизни состоял в пресечении угроз. Инфантилизация человечества под лозунгом: «Твори!»

Горбовский — the catcher in the rye[1]. Он не один такой. Эти люди тревожатся: слишком весело стало в мире, слишком всё хорошо. Комитет по Контактам.

Горбовский, разобравшись в ситуации на Пандоре, понимает, что ничего страшного для человечества здесь нет. И сразу теряет интерес к этой планете. «Пойду полетаю, есть несколько планет, на которые стоит заглянуть. Например, Радуга».

Резонер (в последней главе): Обошлось?

Горбовский: Да, снова обошлось.

Резонер: Я давно слежу за вами, Горбовский. Я знаю, кто вы. А что вы станете делать, когда наконец не обойдется?

[Этот отрывок обведен сбоку скобкой с пометой «в конец».]

Горбовский должен поймать Поля над пропастью[2]. Как?

Он поймал Поля за руку, когда тот хотел стрелять направо и налево. Он знал, что когда Поль очнется, он повесится от сты-

---

[1] «The catcher in the rye» — оригинальное заглавие романа Дж. Сэлинджера. В переводе Р. Райт-Ковалевой — «Над пропастью во ржи».

[2] Вновь отсылка к Сэлинджеру.

да. А Иванова не успели взять за руку, и он чуть не вешается. Горбовского при нем не было.

Чтобы не было пальбы и паники, проистекающих из представления о войне, Горбовский с ложной уверенностью выдвигает тезис о преобразовании природы на Пандоре, хитрит.

Из-за семи деревьев на нас глядел тахорг.

6 марта

Культмассраб<отни>ца: «Скорее бы уезжали эти футболисты. Невозможно на них угодить. Говорят: нам нужны дамы, как сейчас во Франции ходят. А где я их возьму, когда не сезон. А они: эта — деревня, эта — старая, эта — каблуки вот такие...»

Гл. 1. База. Горбовский таскается по базе. Разговоры:

а) С Полем Гнедых — насчет Атоса, насчет других исчезновений, насчет изменения географии, про клоаку, про русалок, про еще ч<то>-л<ибо>. Заботы Поля.

б) С резонером Тойво Турненом — Тойво сидит, мыслит и предсказывает, спор Тойво с физиком-туристом относительно познания.

в) С физиком-итальянцем, теория жизни как игры.

[Сбоку стрелки к «а» и «в» с надписью: «разговоры за столом про тайны джунглей. Пугают новичка».]

г) Люмпены века деритринитации.

д) Отправление Егеря с парочкой в джунгли.

е) Две шкуры и два черепа тахорга висят и сушатся.

ж) Возвращение биолога из джунглей — приехал с поста. Вдруг в разговоре обнаруживают растение, довольно глубоко проросшее в плече.

Гл. 2. Поселок в джунглях. Атос. День Атоса.

а) Утро, описание поселка.

б) Полевые работы.

в) Прием информации.

г) Заседание народного схода. Жених и невеста из разных деревень. Вопрос: отпускать парня туда или брать девку сюда.

д) Появление из джунглей робота. Прогоняют.

Это конец переговоров. Уславливаются, когда выходить.

е) Переговоры Атоса с будущим участником экспедиции № 1.

ж) Девочка, влюбленная в Атоса (бежала от экспериментов).

Слухи о болотах, где лежат убитые люди. Искаженные слухи о Базе и вертолетах. Роботы — мертвецы, кот<орым> приставили новые головы. Праздник Одержания, закваску (привозят и увозят). Деревни, заросшие грибами.

Крестьяне все болтливы a la Рэтклиф[1].

Гл. 3. База. День Поля. Начало экспедиции.

а) Сеанс разговора с землей по Д-связи.

б) Горб. присутств<ует> при инструктаже.

в) Поднимается паника, хлопоты по предупреждению.

На Базе чел<овек> 20 туристов и 20 чел<овек> обслуж<ивающий> перс<онал>

г) Панический сигнал от егеря, взывает о помощи.

д) Поль, водитель, Горбовский, другой егерь в вездеход и в джунгли. Дирижабль, сбрасывает вездеход.

Гл. 4. Поселок. Атоса посылают за невестой. Девочка с ним увязалась.

а) Встреча в джунглях с бандитами.

б) Драка. Бегут, заблудились. Бандиты, добежав до деревни, кричат: «Назад! Дураки! Погибнете!» Сами в деревню не идут.

в) На ночлег в деревне.

г) Ночь в деревне вурдалаков.

Гл. 5. Вездеход добирается до клоаки.

а) Описание клоаки. Спасение егеря и парочки.

б) Появление роботов.

в) Вездеход идет за роботами.

г) Местный рай.

Гл. 6. Атос с киской добирается до искомой деревни.

а) Сбор добровольцев. Ряд образов.

б) Выступление в джунгли (разрушен<ие> деревни).

в) Останавливаются на ночь в деревне с инстинктом познания.

Гл. 7. Вездеход вслед за роботами добирается до офицерской школы.

а) Осмотр школы, попытка войти в контакт с роботами.

б) Нападение на школу, каша. Колонна уходит.

---

[1] Персонаж «Особняка» и «Города» У. Фолкнера.

в) Встреча с Атосом. Разговоры с Атосом.
г) Школа разрушена, начинается биоклазм[1].

Гл. 8. Появление отряда женщин.
а) Контакт.
б) Непонятные действия женщин.
в) Горбовский через Атоса вступает в переговоры.
г) Пошли в центр.

Гл. 9. В центре.
1) Нава встречает мать. Наву контрапупят. Атос не отдает. Поль хочет стрелять. Горбовский...

Гл. 10. Снова на базе. Споры, что происходит. Горбовский и Тойво.
В конце — Горб<овский> снова сидит и смотрит на джунгли и джунгли дружелюбны и прекрасны.

Стругацкий А.— ведет линию войны.
Стругацкий Б.— ведет линию преобразования.

Загорали.

Гл. 1
Описание базы. Горбовский на краю пропасти, свесив ноги. К нему подходит Турнен. Горбовский: Тойво, бросьте камешек. О шлепанцах. Как вам не страшно сидеть. Я чел<овек> боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь. Разговор. Жена Турнена — охотница. Заинтересованы Горбовским. Скоро уезжают. Турнен норовит выудить, зачем Горбовский здесь сидит.
Обед, сидят Горб<овский>, Турнен, итальянец-физик, к ним присаж<ивается> люмпен. Разговор.
1) Люмпен пугает итальянца легендами
2) Турнен изобретает легенду и рассказыв<ает>
3) Итальянец говорит, что врет
4) Турнен: а не всё ли равно? соврать невозможно
5) Спор с итальянцем об истинном знании и ментальном

---

[1] Неологизм от заглавия рассказа Дж. Уиндема «Хроноклазм». Первая публикация: сб. Современная зарубежная фантастика.— М.: Молодая гвардия, 1964.

6) Горбовский спраш<ивает> у люмпена, что он соврал и что правда

7) Люмпен злорадно: не всё ли равно

. . . . . .

Горбовский идет к Полю. Поль инструктирует егеря и парочку, читает инструкцию. А вот когда я уходил в джунгли, Поль, вы мне зачитывали еще такой параграф. О ружье. Почему не берете ружье? А ну его, еще выстрелит. Горбовский приходит к Полю справиться, врет ли люмпен. Поль: «Я вас представлял совсем иным, когда писал о вас сочинение. Вот и Атос тоже писал о вас сочинение. Он вас больше всех любил».

Биолог врывается, размахивая руками. Горбовский напрягается. Поль обрабатывает рану у биолога. Когда биолог уходит, он говорит: «Это мог быть Атос. Его прислали на место Атоса».

Шифровка с Земли. Горбовский пишет на блокноте: идиоты. А вы повесьте на доске объявлений, кому нужно — найдет и прочтет.

К «ДР»
Он в страхе пальцев не ломал
И не рыдал в тоске,
Безумных призрачных надежд
Не строил на песке,
Он просто слушал, как дрожит
Луч солнца на щеке.
О. Уайльд «Баллада Рэдингской тюрьмы»[1]

Зах<од> солнца 19.15

И вот наконец — первые строки УНС. Вернее, пока только первой версии УНС — «Беспокойства». Частая правка, отмеченная ниже, подтверждает, что знаменитая ритмическая проза начала повести давалась Авторам нелегко.

С этой высоты лес был как [«зеленая губка» — перечеркнуто; вставлено: «пышная»; «рыжая» — перечеркнуто; «грязная» — перечеркнуто; «пятнистая» — вставлено] пена; как огромная, на весь мир, рыхлая [вставлено «мокрая»] губка; как [«невиданный» — перечеркнуто] животное, которое затаилось когда-то в

[1] Цитата из гл. 2. Перевод Н. Воронель.

ожидании, а потом заснуло и [«покрылось» — перечеркнуто; поросло — перечеркнуто] проросло мохом. Как [«зеленая» — перечеркнуто; «бесформенная» — перечеркнуто] аморфная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и [«сложил их» — перечеркнуто] аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и [«тихонько» — вставлено] бросил [«его» — вставлено] вниз, в [«рыжее и лиловое» — вычеркнуто; «рыхлое» — вставлено и вычеркнуто; «в теплое и молчащее, в затаившееся и спящее» — вычеркнуто] живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не [«случилось» — вычеркнуто] произошло, и никакие глаза не открылись [добавлено «при» — «приоткрылись»], чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

7 марта

— Так это вы гремели у меня под окнами сегодня [переставлено после «гремели»: «сегодня у меня под окнами»]? — сказал Турнен.

Л. А. скосил глаз и увидел ноги Турнена в мягких сандальях.

— Доброе утро, Тойво,— сказал он.— Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен [вставлено: «приблизился» — перечеркнуто; «придвинулся к обрыву,»] осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

— Кошмар,— сказал он.— Как вы можете так сидеть?

— Как?

— Да вот так. Здесь два километра,— Турнен присел на корточки.— Даже дух захватывает,— сказал он.

Горбовский нагнулся и посмотрел вниз через раздвинутые колени.

— Не знаю,— сказал он.— Понимаете, Тойво, я человек боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь... Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко рассчитывал, что вы выйдете...

— А босиком почему? — спросил Турнен.— Так надо?

— Иначе нельзя,— сказал [«Горбовский» — перечеркнуто, вместо него вставлено: «Л. А.»] — Вчера я уронил туда правую

туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком.— Он снова поглядел вниз.— Вот она лежит. Сейчас я в нее камешком...

Он бросил камешек и сел [«скрестив но» перечеркнуто; вместо них вставлено: «по-турецки»].

— Не шевелитесь [вставлено: «вы»] ради бога,— сказал Турнен нервно.— И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно...

[«Горб» — перечеркнуто] Л. А. послушно отодвинулся.

— Ровно в семь,— сообщил он,— под утесом выступает туман. Ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

— Это не туман,— сказал Турнен сквозь зубы.

— Я знаю,— сказал Л. А.

[«Никогда не задавайте мне таких вопросов» — вычеркнуто.]

— Я надеюсь, вы не обиделись?

— Нет, конечно.

— А вы тоже не любите охоты?

— Терпеть не могу.

[«Турнен взял несколько камешков»; исправлено на «сгреб в левую руку»; «и стал швырять в пропасть.» — все вычеркнуто.]

— А что бы вы делали на моем месте?

— На вашем месте? Я бы ходил следом за женой по лесу и носил бы ее карабин.

— Это было бы глупо.

— Зато спокойно. Я люблю, когда спокойно.

— Она терпеть не может, когда я таскаюсь следом. Она начинает раздражаться и всё время мажет. А егеря просто свиреепют... Нет, уж пусть я лучше здесь понервничаю. В конце концов, можно представить себе, что это даже полезно. Здоровое волнение, этакое взбадривание.

— Действительно,— сказал Л. А.— как это мне сразу не пришло в голову? Это просто нормальная реакция здорового соскучившегося организма. Ведь что такое этот лес? А?

— Да,— сказал Турнен оживленно.— Что он, собственно, такое?

— Ну, тахорги. Ну, туман, который не туман. Смешно.

— [«Бродячие» — вычеркнуто] Какие-то там блуждающие болота,— подхватил Турнен.

— Насекомые,— напомнил Горбовский.— Насекомые — это действительно неприятно.

— Ну, разве что насекомые,— сказал Турнен.

— Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся. Просто от безделья.

Турнен снова покраснел.

— Почему я беспокоюсь — понять в общем можно. А вот почему вы беспокоитесь?

— Я? — удивился Горбовский.— Кто вам сказал, что я беспокоюсь?

— Вы сказали: «мы».

— А... Ну, это просто... А не пойти ли нам позавтракать?

Он встал и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.

— Ох,— сказал Турнен.— Да отойдите же вы от края.

— Уже всё,— сказал Л. А., притопывая.

Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозовое кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

— Хотите бросить камешек? — сказал он Турнену.

— Что?

— Бросьте туда камешек.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть.

Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и размахнувшись швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.

— Я еще мог бы напомнить,— сказал тот,— что с ней Вадим Сартаков. А это самый опытный егерь на Базе.

Турнен смотрел на него.

— А ищейку настраивал сам Поль. А это значит...

— Всё это я знаю,— сказал Турнен.— Вы же знали?

Когда они вошли в столовую, инженер-водитель Алик Кутнов уже сидел на своем месте и пил [«рюмочку» — перечеркнуто; заменено на «томатный сок»], держа стакан двумя толстыми красными пальцами, а на месте Риты сидел тот молодой [«физик» -- перечеркнуто, вместо него — «человек»] [«(кровь с молоком, рот до ушей и курчавый. Как смоченные, бачки треугольничком)» — вычеркнуто] с громким голосом, что прибыл вчера вечером на спортивном корабле.

— Это новичок,— [вставлено: «предупредительно»] сообщил Л. А. Турнену [последнее — изменен порядок: «Турнену Л. А.»].

— [«Вижу» — вычеркнуто] Догадываюсь,— буркнул Турнен.

Они подошли к столику. Новичок представился очень вежливо: Марио Пратолини, физик. Турнен выбрал варенец, а Леонид Андреевич взял сметану. [«Столовая понемногу наполнялась» — вычеркнуто] Народу в столовой было мало.

[Всё, что выше, с начала страницы — вычеркнуто.]

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан толстыми красными пальцами. На месте Риты [«сидел» — вычеркнуто; вместо него: «почему-то расположился»] тот молодой человек с громким голосом, что прибыл вчера на спортивном корабле, и Турнен [«старался не смотреть в его сторону. Он сидел нахохлившись и резал кусок хлеба на крошечные кубики.» — вычеркнуто] сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от [«своей» — вставлено] тарелки [«На тарелке лежал кусочек хлеба, и Турн» — вычеркнуто] и резал на тарелке кусочек сухого хлеба — пополам, и еще раз пополам, и еще раз пополам.

— Или, например, Ларни,— сказал Алик, взбалтывая в стакане остатки сока.— Он видел болото, в котором плавали русалки.

— Русалки! — сказал новичок и хохотнул.— Превосходно!

— Да, да, самые настоящие русалки. Вы не смейтесь, Марио, я же вам говорю, что наш лес [«совсем» — вычеркнуто] немножко не похож на ваши лаборатории. Русалки были зеленоватые, красивые и купались в болоте. Но у Ларни не было времени ими заниматься, у него истекал срок биоблокады, но он говорит, что запомнил это на всю жизнь.

— А может быть, биоблокада к этому времени у него уже кончилась?

— Может быть,— охотно согласился Алик.— Он вернулся совсем больной. Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам. И не один раз. Но каждый раз это было похоже на сон: огромное дерево вдруг срывается с места и переносится шагов на двадцать.

— [«Зачем это» — вычеркнуто] И не падает при этом?

— Один раз упало, но сейчас же поднялось,— сказал Алик.

— Ах, вот как... И зачем же они скачут?

— Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие плюют в прохожего едким соком пополам с семечками, третьи... Вот здесь, на северо-восток, в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь около него, и вы летите точно на восток еще на три километра 372 метра и находите там точно такое же дерево. И вот когда я стреляю из карабина в

свое дерево, ваше вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так.— Алик показал руками, как начинает топорщиться дерево.

— Понимаю! — вскричал новичок.— Это одно и то же дерево. Вернее, деревья от одного корня.

— Нет,— сказал Алик.— Просто они чувствуют друг друга на расстоянии. [«Ботаник» — вычеркнуто] Фитотелепатия. Слыхали?

— А как же,— сказал новичок. [«— У нас в одной лаборатории стоит кактус и в другой» — вычеркнуто]

— Еще бы,— сказал Алик лениво.— Кто об этом не слыхал... Но вот чего вы, наверное, не слыхали, так это что в лесу есть еще люди кроме нас. Их видел Курода, он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

— У него тоже кончалась биоблокада?

— Нет. Он просто любит приврать. Не то, что я, скажем, или вы.

8 марта пн

[АБС решили ограничить курение: рядом с датой идут строчки, обозначенные «А» и «Б» с палочками рядом, в итоге после «А» стоит «12», около «Б» — «15», а далее обведено: «2 сигареты?»]

На море малый шторм.

Робот — мертвяк.
Атос — Молчун.

Глава 2

1) Утро. Атос просыпается. Нава лежит в другом углу и спрашивает, когда он уходит в экспед<ицию>.

2) Приходит старик, жрет, ругает пищу (перебродила) и болтает. Бывший топтун.

3) Встает Атос, отбирает горшок, дает Наве и себе. Старик продолжает болтать.

4. Обходит людей и проверяет припасы.

а) Приходит к Колченогу. Припасы не готовы, болит нога, разговоры о климатах, а в конце разговора готов идти и припасы уже готовы.

б) На дороге встречает Слухача. Тот дает информацию.

Старик-топтун следит за Атосом, увязывается в экспедицию, чтобы там заодно и донести: а кормить вы меня сами будете, поскольку я лицо служебное.

в) Приходит в дом к [«Носатому» исправлено на «Бегуну», снова вычеркнуто и исправлено на «Кулаку»]. Тот на поле. Идет на поле, беседует. Кулак готов. Выясняется, что он идет грабить. «Один вот тоже, шерсть на носу»[1].

г) Появляется робот. Мертвяк. Прогоняют.

д) Идет в дом к Хвосту. По дороге объявляется сход. Обсуждает вопрос о женихе и невесте. Начал выступать топтун, никто ничего не понимает (все в едином строю, стальными рядами, победа близка). Затем выступает Старшина. Выступления. Договорились. Теперь — кому идти к невесте с информацией. Дебаты. Атос предлагает себя. Тут же выскакивает Нава.

е) Разговор с Хвостом. Хвост готов. Очень любопытен, хочет побывать везде.

ж) К нему подходит топтун и говорит, что пойдет с ними.

9 марта вт

[Сбоку от даты опять подсчет «палочками», А — 12, Б — 16]

1. На южном фронте успех развивается. На северном <фронте> временно захлебнулся из-за особенных условий местности.

2. Заболачивание холодных участков дает хор<ошие> результаты, и скоро будем иметь новые позиции для дальнейшего наступл<ения>.

3. Власти на местах сообщ<ают> о решит<ельных> победах. Больш<ие> начинания по идеологич<еской> обработке всех, успешн<ы> решит<ельные> ряды наших нов<ых> отрядов подруг. Они не будут знать рабства. Мир спокойствия и единения.

10 марта ср

[Опять подсчет: А — 12, Б — 17; сбоку столбиком 13 + 9 = 22]

«Мертвяки! Мертвяки! — заорал староста.— Женщины, назад!» Женщины завизжали. На опушке [вычеркнуто, вместо этого вписано: «Атос обернулся. Между] деревьями на краю поля шли [вычеркнуто, вписано «стояли»] мертвяки — двое синих рядом и один желтый поодаль. Головы их с круглыми черными провалами [вычеркнуто, вписано: «дырами глаз»] медленно поворачивались из стороны в сторону, огромные руки плетьми висели вдоль тела. Из-под ступней [исправлено на: «Земля»] под [вставлено: «их»] ступнями уже курилась, белые струйки пара

[1] БНС об идиоме (Офлайн-интервью, 22.05.00): Придумалось как-то само собой. По-моему, автор этого маленького шедевра — АНС. Помню, что спервоначалу это выражение казалось нам ужасно неуклюжим и искусственным, а потом — ничего, привыкли и даже полюбили.

мешались с сизым дымком. Мертвяки эти видали виды и потому держались крайне осторожно. У желтого весь бок был изъеден травобоем, а оба синих были испятнаны лишаями бродильных [вычеркнуто] ожогов от бродила. Местами шкура на них отмерла и свисала лохмотьями. Пока они стояли и смотрели, женщины с визгом умчались в деревню, а мужчины, угрожающе рыча, сбились в кучу, выставив впереди себя чаны [вычеркнуто] горшки с заква [вычеркнуто] травобоем и бродилом. Потом староста схватил один из горшков и сказал: «Чего стоять? Пошли!» И все дви [вычеркнуто, вставлено: «неспеша»] рассыпаясь в цепь, двинулись на мертвяков.

Глава 3

1) Горбовского вызывают на Д-связь. В кабинете Поля. С Полем [вычеркнуто] В присутствии Поля Горбовский беседует с председателем Комиссии по Контактам. Поль и читатель слышит только его разговор. Открыта цивилизация, Горбовского приглашают устанавливать контакт, он отказ<ывается> и рекомендует закрыть цивилизацию.

2) Горбовский щупает Поля по линии проблем, могущих иметь для человечества катастрофический смысл, схождение с лезвия бритвы. Люди стремятся принимать самые простые и прямолинейные решения и всегда сваливаются в потенциальную яму.

— Нет, Поль, не подходите вы для Пандоры.

— А куда?

— На Яйлу, на Ружену...

3) Приходят на инструктаж егерь и физик. Поль инструктирует. Для него и для егеря это рутина. Горбовский подсказывает пропущенные пункты и задает егерю каверзные вопросы. Егерь тоже обижается. (Как вы поступите, если увидите незнакомое животное? Я его застрелю. Охотник Харин.)

4) Тревога. Егерь Риты сообщает о крушении вертолета. Вертолет обмотался соплями и свалился на деревья. Удалось спуститься на землю. Место странное, не могу объяснить, какое. Туман.

Поль: то самое место, где 6 лет назад погиб Атос.

Горбовский вскакивает. Дирижабль, вездеход. Заместитель

Горбовский: я с вами. Поль. Четкость работы Поля. Поль (с язвой): Так м<ожет> б<ыть> лучше Турнен поедет?

Отразить щекотливость момента.

11 марта чт

[Фиксация сигарет прервана, только «Б» и 5 «палочек», далее «19». Ниже — «16 +»]

Поль их оставляет.

Сделали третью главу.

Гл. IV

1. Сцена увязывания Навы за Атосом.

2. Тела мертвяков у дороги; следы недавней драки.

3. Встреча с бандитами; переговоры, прорыв. Сцена у околицы.

4. Описание деревни.

12 марта пт

Сделали 9 стр.

13 марта сб

Идет снег.

1. Выходят к деревне. Гекатомба, кости, заросли моха, плесень, лежит несколько трупов [все вычеркнуто] Стоит на ровном утоптанном месте.

2. Человек их встречает, приглашает в деревню, надо работать, а людей мало.

3. В деревне никого на улицах, в домах валяются, спят и не спят.

4. Жрать недопросились. Нашли пустой дом. Сумерки.

Гл. V

Подавать все в эмоциональном восприятии Горбовского.

Горбовский ничего не понимает и помалкивает. Ему тревожно.

1. В дирижабле, мегавид сверху, тучи, ветер, видно плохо. Пеленги. Сигнальные ракеты. Публика забирается в вездеход, люки закрыты, вездеход вниз.

2. Приземлились. Взяли пеленг. Через несколько минут на месте. Проламывает в лесу просеку, всё высушивается до влажности 0 и рассыпается в труху. Труха уминается на почве и преобразуется в асфальт. На телеэкране то, что видно с дирижабля. Тянется туманная нить через лес.

3. Описание клоаки. Пока Горбовский смотрит, Поль и Алан снимают егеря и Риту и берут на борт. Попадают они на остров. А на острове — обезьяны. Странные. Споры, совещание, что

делать дальше. Принято решение ехать вдоль пути одной из колонн.

4. Отступ. Едут долго. Доходят до треугольного озера. Туда уходит часть мяса. Алик смотрит в бинокль, видит вдали человеч<еское> тело. Горбовский смотрит и не видит. «Русалка».

14 марта вс

Солнце

Кончили пятую главу.

Гл. VI

1. Разговор с Навой по поводу ночи, по поводу ножика.

2. Выясняется, что они заблудились. Бродят и натыкаются на дорогу. Решили идти по дороге. Питаются фруктами.

3. Идут через грибную деревню.

4. Натыкаются на «рай». Их приводит туда колонна «щенков», о которых Нава слыхала раньше.

5. Уходят подальше, напуганные. Попадают в казармы мертвяков. Надзирательница-дрессировщица вирусов. Лепка мертвяков из «щенков». Мертвяки самых разных типов, каких раньше Атос не видел.

6. Атос видит дирижабль, бежит, натыкается на вездеход. Встреча.

Разговоры Навы:

Кулак и Колченог, поди, ждут нас, да так и не дождутся.

Всякие истории из их жизни.

15 марта пн

Солнце

Начата 6-я гл.; 8 стр.

16 марта вт

Солнце

Идет 6-я гл. Кончили 6-ю главу.

Гл. VII

1. Начало в туче. Горбовский кричит Алику тормозить. Туча рассеивается, видят: бежит к ним человек, за ним маленький человек. Из куч мяса поднимаются мертвяки, из леса выходят мертвяки. Алик трогает машину, обзор плохой, спускается немного. Поль лезет смотреть наружу.

2. Часть мертвяков, узревших Наву, начинает охоту. Большинство стоит и лупает глазами. Атос дерется. Горбовский стонет: попали мы в переплет. Он вылез. Атос кричит, Нава верещит. Атосовы крики похожи на земные. Дерется ланцетом,

издали не видно, и это производит ужасное впечатление. Атос прорывается и с Навой на плече взлетает на гусеницу и вваливается, рвет боковой люк: «Полли! Полли!» Мертвяки прыгают вокруг и вытягивают длиннейшие руки.

3. Атос с Навой внутри. Обстоятельства встречи. Как только Нава скрывается, мертвяки пассивизируются.

Нава быстро приспосабливается и трещит без перерыва. Очень удивлена, что ее не понимают.

Их описание.

За время беседы:

а) дикость Атоса, полоумие, изжеванность лесом

б) сигналы с дирижабля о биоплазме

в) появление женщин.

С дирижабля: падают гектары леса, проваливается суша и заполняется водой, зелень сменяется желтым и наоборот, обнажаются поляны, озера затягиваются растениями.

Горбовский не отдает приказа удирать немедленно потому, что:

1) Он не имеет права забирать с собой Наву.

2) Пандора знает о Базе, а База о Пандоре — нет. Надо хоть что-нибудь узнать о Пандоре.

4. Появление женщин.

Конец главы.

[Вся глава 7 перечеркнута и большими буквами наискось: «Отставить. Впредь именовать несуществующей»]

17 марта ср

Облака тонкие

Солнце село в тучу

Гл. VIII

Трое женщин: одна беременная, одна Навина мать, одна девушка с жестким взглядом.

Три логические системы из недоказуемых и ужасных постулатов.

1) Встреча Навы с матерью.

2) Знакомство с Атосом. Ты с чертовых гор.

3) Атос понимает, что это Хозяева.

4) Доходит, что забирают Наву. Огорчен, но понимает: мать, положение Хозяев.

5) Нава вопит, что без Атоса не уйдет, а ей говорят, что Атос будет не уместен. Некоторое насилие.

6) Понимает, что с ним хотят сделать что-то нехорошее. Хотят засадить в деревню, как Карла.

7) К нему не относятся как к личности, говорят о нем в его присутствии.

1. Атос кричит: «Стойте, здесь мертвяки!»

Отличия от женщин деревни: другая речь, уверенность, манеры хозяев планеты.

2.

Показать, что Космос для них не существует, для них База — не пришельцы, а жители Белых Скал, мутанты.

Все время разговора Атос поражен: женщины пренебрегают присутствием мертвяков, даже командуют ими. Для Атоса — мертвяк спокон веков — ужас женщин.

Идея: вы умеете творить из неживого, что противоестественно и безнравственно, мы умеем творить только из живого.

Бабы эти тоже болтливы, но болтливы интеллигентно.

Эпизод с мертвяком, который к ужасу Навы ложится у ног беременной, скрючился и превратился в удобное сидение. Мать ее успокаивает: это не мертвяки, а работники. Бояться нужно только диких людей.

Какую-то сцену, показывающую функцию облака и занятия баб. Баба командует свежеиспеченным мертвяком или заходит в облако.

В конце — возле озера Нава не хочет расставаться с Атосом, ее оттаскивают, мертвяк хватает Атоса, бабы говорят: в какую его деревню? Бой. Пока дрался, бабы и Нава исчезают.

Безалаберщина Колченога — это, как в конце концов понимает Атос, не глупость, а желание Колченога отвлечь сумасшедшего от ужасного похода в Город.

Горбовский боится неразрешенных вопросов. Пострадает совесть человечества.

Моральная аксиоматика в противоположность аксиоматике научной. Моральную нельзя изменить, иначе мы перестанем быть людьми. А зачем нам переставать быть людьми?

18 марта чт

Солнце село во мглу

Наука заним<ается> в основном уже не природой, а искусственно созданным миром

1) Партеногенез.

2) Озеро с мертвецами — связать со «щенками».

3) Производственный процесс — от клоаки до холма.
4) Тайна деревни.
5) Деревни в осаде.
6) Вопрос Атоса о Белых Скалах — через фронт — опять спор: фронт между Зап<адом> и Вост<оком> или фронт разрыхления.
7) Основа могущества — дрессированные вирусы.

1) не помнил, когда в последний раз говорил по-русски
Гл. VIII
1. Старик.
2. Кулак.
3. Слухач. Одна из древнейших традиций, когда еще думали, что мужчины понадобятся.
4. Колченог.
5. Вывод.
На стороне побежденных. Моральная аксиоматика.
А если бы его приютили женщины?
19 марта пт
Солнце
Завтра закончим повесть и выпьем.
Послезавтра ничего не будем делать. Будем лежать.
В понедельник прочитаем повесть.
И тогда решим, что делать.
1) Горбовский над лесом
2) Разговор с Турненом
Нога, самостоятельная единица тела.
Не идет она со мной, обиделась. Вчерась накормить забыл.
Иди, говорит, без меня.
20 марта сб
Пасмурно. Солнце село в тучу
Кончили I черновик.
1. Составить заявку и аннотацию в Лениздат.
2. Ответить на письма.
3. И вообще.
21 марта вс
Солнце село в тучу

Директору...

Заявка

Предлагаем издать наш сборник в составе научно-фантастических повестей: «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею»

и «Стажеры». Все три повести объединены общей темой завоевания Космоса людьми недалекого Коммунистического будущего и общими героями. Это рассказ о мужестве и дружбе коллектива советских космонавтов, первооткрывателей и пионеров исследования иных миров, о людях, воплощающих в себе лучшие черты нашего современника. Повесть «Страна багровых туч» была опубликована в Детгизе (1959 год), «Путь на Амальтею» и «Стажеры» в «Молодой гвардии» (соответственно, 1961 и 1962 годы).

Объем сборника — 30 (тридцать) авт. листов.

Рукопись сборника может быть представлена в любой срок, приемлемый для издательства.

Аннотация на сборник
научно-фантастических повестей А. и Б. Стругацких

Аркадий и Борис Стругацкие являются известными писателями в жанре научной фантастики. Их произведения («Страна багровых туч», сборник «Шесть спичек», «Путь на Амальтею», «Возвращение», «Стажеры», «Далекая Радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом») пользуются популярностью у молодого советского читателя. Ряд их произведений (рассказов и повестей) издан за рубежом — в Польше, Румынии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Италии, Франции, США и Японии.

Трилогия «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и «Стажеры» рассказывает о завоевании Космоса людьми недалекого коммунистического будущего, о дружном коллективе советских космонавтов, первооткрывателей и исследователей чужих планет.

Повесть «Страна багр. туч» посвящена первой высадке экипажа советского фотонного планетолета «Хиус» на Венере, самой таинственной планете Солнечной системы. Преодолевая огромные трудности, герои повести выполняют поставленные перед ними задачи — установка радиомаяка на берегах Урановой Голконды, мощного месторождения радиоактивных руд.

Действие повести «Путь на Амальтею» происходит десять лет спустя, на борту планетолета «Тахмасиб», идущего с грузом продовольствия для обсерватории на спутнике Юпитера Амальтее. В результате катастрофы планетолет падает на Юпитер и только благодаря мужеству и находчивости героев вырывается из водородной бездны.

Те же герои в повести «Стажеры» участвуют в инспекторском рейде по космическим базам человечества в Солнечной

системе. При этом они встречаются с самыми разнообразными людьми и коллективами, с учеными, рабочими и инженерами, осваивающими Марс, астероиды, спутники больших планет.

Общий объем трилогии — ок. 30 авт. л.

Глубокоуважаемая Нина Ал-на!

Извинения за задержку — совсем заработались и только сейчас немного пришли в себя. Вот наша заявка и вот наша аннотация. Надеемся, что это всё сгодится. Б. Н. будет в Л-де в начале апреля и обязательно, всенепременнейше вам позвонит.

Желаем вам всего хорошего

Ваши [подпись]

22 марта пн

Солнце, цирусы[1].

TV

В новом достижении советской космонавтики[2] нас более всего восхитило мужество человека, впервые в истории покинувшего надежную и уже привычную кабину космического корабля и рискнувшего остаться лицом к лицу с равнодушной пустотой Вселенной. Это не только важное достижение научной и технической мысли, не только важный и необходимый этап в завоевании человеком Космоса, но и акт огромной дерзости, переход через психологический барьер, за которым человек земной превращается в человека космического.

Мужество и дерзость человеческая восхищают всех. Восхищают они и любого писателя. И для нас, конечно, мужество и дерзость являются неотъемлемыми качествами всякого настоящего человека, и человека нашего времени, и человека отдаленного будущего. О таких настоящих людях мы всегда стремимся писать, пишем сейчас и намерены писать дальше.

23 марта вт

Пасмурно, густые цирусы

1. Злоумышл<енники>	1	1	1. Злоумышл<енни>ки
2. Десантники	6	1/2	2. Естествозн<ание> в м<ире> д<ухов>

[1] Русифицированное латинское именование перистых облаков: «cirrus». Множественное число — «cirri».

[2] Полет П. Беляева и А. Леонова на «Восходе-2» 18—19 марта 1965 года, первый в истории выход человека в открытый космос.

3.	КРИ	3	1	3. Загадка задн<ей> ноги
4.	О странств<ующих и путешествующих>	8	1/2	4. Свидание
5.	Благоустр<оенная> пл<анета>	7	1/2	5. Крестьяне
6.	Свидание	4	1	6. Десантники
		[вставлено:]		Свечи перед пультом
7.	Крестьяне	5	1	7. Благоустр<оенная> пл<ане>та
8.	Естествознан<ие> в м<ире> духов	2	1/2	8. О странств<ующих и путешествующих>
			7 л	

24 марта ср
Пасмурно, тучи
25 марта чт
Солнце
Загорали

За время работы АБС в Гаграх оживилась пресса. 12 марта вышло интервью с БНом в «Ленинградской правде».

БНС: «ГЛАВНОЕ — НА ЗЕМЛЕ...»

Имя братьев Стругацких в литературу вошло совсем недавно: всего лишь в 1959 году вышла их первая научно-фантастическая повесть «Страна багровых туч», за нею одна за другой появились другие книги этого жанра: «Шесть спичек», «Путь на Амальтею», «Возвращение», «Стажеры», «Далекая радуга». Их произведения полюбились не только советскому читателю, но и с успехом издаются за рубежом — в социалистических странах, во Франции, США, Англии, Японии...

В творческом содружестве этих двух авторов самым неожиданным является то, что один из них — Аркадий Стругацкий — живет в Москве, а Борис — ленинградец. Аркадий — востоковед, специалист по японскому языку и литературе. Борис — астроном, научный сотрудник Пулковской обсерватории.

Нашего корреспондента, встретившегося на днях с Борисом Стругацким, в первую очередь заинтересовал вопрос о том, как создают братья свои произведения, каковы «секреты» их творческой лаборатории.

— Конечно, среди многих наших читателей бытует мнение, что научную сторону произведений «обеспечивает» брат-астроном,— *улыбается Б. Стругацкий.*— Честное слово, они заблуждаются. Аркадий в курсе всех научных проблем современности. Лучше его я знаю, пожалуй, только астрономию, это моя специальность. Но ведь в наших книгах мы касаемся и других проблем. И тут уж, как говорится, совершенно на равных...

Книги наши рождаются сначала в переписке. Два раза в неделю мы обмениваемся письмами. В них — первые планы, наброски. Встречаемся тогда, когда чувствуем, что уже нужно браться за перо. И тогда — два, три месяца сумасшедшей работы. Работаем «запоем». Это, пожалуй, основной «секрет» нашей творческой лаборатории.

— *И еще, очевидно, традиционный вопрос: Борис Натанович, почему вы стали писать в жанре фантастики?*

— Дело в том, что мы с Аркадием с детства увлекались научно-фантастической литературой. «Проглатывали» буквально всё, что появлялось нового. Но не всегда все нам нравилось. И вот наступил момент, когда нам захотелось попробовать написать так, как мы представляем себе произведения жанра научной фантастики. Нам кажется, что задача фантастической литературы — не только популяризация современных достижений науки и предсказание того, чего она достигнет в будущем. Писатель-фантаст, используя специфический прием жанра — введение элемента необычайного,— должен решать, по сути, те же задачи, что и писатель-реалист. Он должен писать о человеке и человечестве, о проблемах, связанных с развитием и науки, и общества, и человеческой личности. Писатель-фантаст имеет в этом отношении даже некоторые преимущества, потому что проблемы социальных последствий научного прогресса, проблемы человечества будущего трудно ставить и решать в произведениях чисто реалистических.

— *Какая, по-вашему, из наук наиболее важна и интересна?*

— Это, может быть, покажется несколько необычным, но мы убеждены в том, что нет сейчас более важной науки, чем педагогика. Мы убеждены, что в самое ближайшее время в ней должны произойти большие перемены. Ведь педагогика — наука о воспитании нового человека. Совершенствуя мир, человек должен совершенствоваться сам. В коммунистическом обществе люди не будут знать, что такое подлость, несправедливость, трусость, эгоизм...

— Над чем вы работаете сейчас?

— Помимо уже упомянутой мной повести, нами сдана в издательство одна веселая, а может быть, и поучительная книга «Понедельник начинается в субботу» — о фантастических ученых одного фантастического института.

В марте — очередная встреча с Аркадием. Мы засядем за очередную повесть. Какую? Об этом лучше всего рассказать, когда она уже напишется. Сейчас могу сказать лишь одно: место действия — неведомая планета. А действующие лица — опять же наши земляне. Их мысли, их действия, их поступки. Потому что «главное — на Земле»...

В «Московском комсомольце» 14 марта была опубликована запись «круглого стола» с фантастами: Громовой, Гансовским, Емцевым, Парновым, Ричем, Григорьевым. Дискуссия шла о фантастике. Там же приводилось письмо А. Мирера, где о АБС говорилось следующее: «Воображаемый мир «Человеческой комедии» ничуть не менее фантастичен по сути, чем воображаемый экипаж «Тахмасиба» братьев Стругацких, ибо сейчас время движется в сотни раз быстрей, чем при жизни Бальзака. Спор может идти об одном — можно ли писать литературные поделки, именуя их фантастикой. Мне кажется, что те, кто защищает «особливость», внелитературность фантастики, защищают право на халтуру».

26 марта в газете «Литературная Россия» вышла рецензия Ариадны Громовой на книгу АБС «Далекая Радуга», в которой рассматривалось ТББ.

ГРОМОВА А. МОЛНИИ БУДУТ СЛУЖИТЬ ДОБРУ

Новая повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» прежде всего необычна. Ощущение необычности возникает, пожалуй, сразу с названия, с эпиграфа, где странно соседствуют Пьер Абеляр и Эрнест Хемингуэй, и всё усиливается по мере того, как переворачиваешь страницу за страницей.

«Трудно быть богом» оказалась под одной обложкой с «Далекой Радугой». Разумеется, при желании можно обнаружить некоторые сходные мотивы в этих двух повестях. Но история обитателей «царства свободы», попавших в темное, кровавое, жестокое «царство необходимости», рассказанная в «Трудно быть богом», начинается еще в рассказе «Попытка к бегству».

Там впервые возникает тот трагический конфликт, который лежит в основе «Трудно быть богом»: необходимость вмешательства — и невозможность вмешательства. Но «Попытка к бегству» — лишь эскиз к великолепной трагической картине «Трудно быть богом».

Тут все не просто, всё очень сложно, трагически противоречиво и запутано, как порой и бывает в жизни. И конфликт не базируется на случайности, на столкновении неравноценных противников, все взято укрупненно и углубленно, в наиболее ярком, наиболее заостренном проявлении. Со средневековым варварством сталкиваются не юноши-туристы, а зрелые, сильные, мужественные люди, прошедшие специальную подготовку, «психологическое кондиционирование» и готовые ко всему, что может их встретить на этой чужой планете.

Впрочем, для ясности следует оговориться сразу: слова «феодализм» и «средневековье» имеют здесь (как и в «Попытке к бегству») скорее символическое звучание. Внешние приметы «феодализма вообще», соединившего в себе элементы феодализма испанского, немецкого, японского, тут налицо: есть король и придворные, бароны и монахи, благородные доны и разбойники, монастыри и замки. Но, во-первых, если принимать всё это за чистую монету, авторов легко попрекнуть «ненаучностью»: ну; можно ли поверить, что на какой-то другой планете разумная жизнь вообще и цивилизация в частности развиваются в формах, неотличимо сходных с земными? Во-вторых же, сквозь «средневековую» маску довольно отчетливо проступает иной строй, гораздо более близкий к нашим дням. В этом «средневековье» действуют «серые штурмовички»; да и монахи тут выглядят довольно странно, и на их черных одеждах наверняка можно было бы сыскать ловко запрятанную свастику — они ведут себя как деятели ведомства Гиммлера. А когда черные «монахи» готовят переворот, при котором удар обрушивается на «серых штурмовичков», авторы и прямо заявляют: «История коричневого капитана Эрнста Рема готова была повториться». Что ж, авторы правы: «Каждый век имеет свое средневековье»,— как говорит польский сатирик Станислав Ежи Лец. И от фантастики вовсе не всегда можно требовать «строго научной основы» (вернее говоря, никогда не следует требовать). Разве Марс может быть таков, каким он изображен в «Аэлите» А. Толстого или в «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери? При всей неполноте наших теперешних сведений о Марсе мы все же знаем достаточно, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Очевидно, правильней будет рассматривать события, происходящие в Арканаре, как обобщенную модель такого рода событий в истории человечества. И модель поведения тех, кто знает, что будет дальше, перед лицом событий сложных, грозных, опасных. На твоих глазах гибнут замечательные люди, умные, честные, добрые — лучшие люди своей страны. А ты, зная всё, видя всё, обречен на бездействие. В романе — потому, что ты сотрудник Института экспериментальной истории и послан на эту несчастную планету, утопающую во тьме, грязи и крови, только как наблюдатель. В жизни... что ж, и в жизни бывают случаи, когда нельзя вмешаться, хоть сердце у тебя пополам рвется. Нельзя потому, что твое вмешательство приведет к катастрофе, вызовет неуправляемую цепную реакцию.

Посланец Земли, играющий в Арканаре роль благородного дона Руматы Эсторского, всё это отлично понимает. Он знает, что нельзя поразить зло и защитить добро, не проливая крови тысяч запуганных, одурманенных, слепых, не знающих сомнений людей. Он знает, что стоит ему поддаться жажде мести, жажде немедленного действия, стоит ему перестать «быть богом» — и в стране наступит кровавый хаос, погибнут десятки тысяч людей. Он ясно видит «окаменевшее лицо того, кто будет послан с Земли тебе на смену и найдет страну обезлюдевшую, залитую кровью, догорающую пожарищами, в которой все, все, все придется начинать сначала...». Но вот он разговаривает с Аратой, «вечным главарем мятежников», с единственным здесь человеком, к которому он не испытывает ни ненависти, ни жалости; наоборот — он мечтает быть не «богом», а «именно таким вот Аратой, прошедшим все ады Вселенной и получившим за это высокое право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей». Арата и вправду считает его богом, иначе он не может себе объяснить существование вертолета и скорчера, стреляющего молниями. И он просит, чтобы бог дал ему свои молнии на время, чтобы сжечь всю эту «золоченую сволочь», уничтожить крепости феодалов и их армии. «...Ваши молнии будут служить только добру,— говорит он,— и когда на Земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их». Румата знает и видит неизмеримо больше, чем его собеседник, и он знает, что прав, отказываясь помогать Арате. «...И тем не менее эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чем-то, и не толь-

ко его, а всех, кто незваным пришел на эту планету и, полный бессильной жалости, наблюдал страшное кипение ее жизни с разреженных высот бесстрастных гипотез и чужой здесь морали».

И это неотступное чувство болезненной раздвоенности терзает его все сильнее. Оно, в конечном счете, толкает его, как и Саула, на заранее обреченный, бессмысленный бой против неодолимого зла. Трудно, невозможно человеку быть «богом», безучастным наблюдателем, даже если он понимает, что это необходимо. Антон-Румата не удерживается до конца на этой позиции, и мы понимаем, что так должно быть, что это неизбежно, потому что он — человек. Мстя за смерть любимой, он проходит свой последний путь на этой планете, оставляя за собой кровавый след. Это не выход, не сознательное решение; это лишь бурный, стихийный взрыв, калечащий душу, непоправимо ранящий сознание. Но такой — израненный, искалеченный — Румата понятен и близок нам. Неизмеримо более понятен и близок, чем был бы, если б до конца остался на позициях «бога», предписанных ему «базисной теорией» и условиями эксперимента. Потому что человеком во всем значении этого слова быть тоже нелегко.

Вот об этом и о многом другом заставляет глубоко задуматься яркая и страстная повесть «Трудно быть богом».

26 марта о фантастике вновь заговорила «Литературная Россия». Утверждая свою точку зрения — фантастику должно оценивать по литературности, а не по научности,— Изабелла Соловьева не раз обращается за примером к произведениям АБС.

ИЗ: СОЛОВЬЕВА И. ОТ ФАНТАСТИКИ НАУЧНОЙ К ФАНТАСТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

<...>

Это именно художественная литература, художественная фантастика. И она не притворяется наукой. <...> Или сатирический рассказ Вл. Григорьева «Рог изобилия» с извечным конфликтом бюрократа и изобретателя. Изобретение — рог изобилия — чистая условность, но вся обстановка, люди, комиссия, которая принимает изобретение,— реалистичны. Так же построена и повесть самых популярных наших фантастов А. и Б. Стругацких «Суета вокруг дивана».

<...>

Стругацкие в «Суете вокруг дивана» и в других своих произведениях создают не мир будущего, а мир, не существующий реально, мир придуманный. Они пишут не для потомков, а для современников. Потомки разберутся сами, что фантазия, а что предвидение. И неизвестно, что глубже — фантазия или предвидение. Стругацкие создают, как и Рэй Брэдбери, на которого они тем не менее решительно не похожи, условный мир, пользуясь очень широко и смело приемами условности, которые существуют в литературе так же долго, как и сама литература. Герои Рэя Брэдбери («В серебристой лунной мгле») прилетают на Марс в ракете. Как она устроена, как работает,— неважно. Эта ракета только названа. А потом развертывается страшноватая история зверского вмешательства варваров в чужой мир. У Стругацких есть почти зеркальный рассказ «Благоустроенная планета». Люди, прилетев на неизученную планету, столкнулись там с биологической цивилизацией. Они покидают планету, потому что, не поняв цивилизации, случайно и грубо вмешались в чужую жизнь. Они сами понимают, что еще не готовы, для контакта должны приехать другие, более чуткие, более тонкие. В «Далекой Радуге» гибнет планета: надвигается «лю-волна». А что такое «лю-волна»? Мы знаем это очень приблизительно, хотя хорошо представляем ее опасность. Точнее и не надо знать, ведь главное — как ведут себя люди перед лицом гибели, характеры, идея книги. Мир условный, но яркий, реальный, он становится хорошо знакомым и любимым.

О сборнике «Фантастика. 1964 год» я сказала просто как о примере. Но тенденция — от научно-технической худосочной литературы к литературе подлинной, к художественной фантастике — проступает очевидно во всех более или менее популярных произведениях последних лет. Даже такой приверженец технических открытий, которые смогут оценить только потомки, как А. Полещук, в своей последней книге стремится все-таки, правда еще робко, решать задачи художественные, и писать не для потомков, а для современников. Эту же тенденцию можно проследить по произведениям А. и Б. Стругацких. Ранний сборник «Шесть спичек» — рассказы, построенные как научные эксперименты, главное и самое интересное в них — технические загадки, повороты и неожиданности научной мысли, а не характеры.

Но популярность Стругацким завоевал не этот сборник, а такие произведения, как «Стажеры», «Благоустроенная плане-

та», «Извне» с их мужественными, думающими, активными героями.

<...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 28 МАРТА 1965, М.— Л.

Здравствуй, Боб.

Перечисляю новости — в том порядке, как они будут приходить в голову, не по важности.

1. Оказывается, Ленке уже вот-вот удалось закрепиться в «Мол. Гв.», но тут произошло непредвиденное обстоятельство. Триумвират подонков — Котляр, Колпаков и Чижевский — написали в ЦК ВЛКСМ донос, содержание коего составляло возмущение работой Московского общества фантастов, где Нудельманы и Громовы при поддержке Стругацких занимаются антикоммунистической пропагандой, а редакция им потакает, что естественно, поскольку в редакции работает жена упомянутого Стругацкого. Подробности неизвестны. Стало известно только, что из ЦК ВЛКСМ спросили: правда ли, что в редакции работает жена Стругацкого, и Мелентьев, который только день до того якобы заявил своему заместителю, что Ленка — ценный работник и выпускать ее из издательства нельзя, жалобно возопил: «Так она же у нас временно!» и тут же подписал приказ об увольнении. Ленка страшно, сам понимаешь, расстроилась. Достоверность этой информации по пятибалльной шкале (где 1 — низший балл) составляет примерно 4.

2. В прошлом нумере «Литературной России» опубликован — наконец-то — разворот о фантастике[1]. Не видел, получу наверное в понедельник. Достоверность — ок. 5.

3. В Детгизе показали мне эскизы иллюстраций к «ПНвС». Художник Мигунов Евгений Тихонович. Тот же самый, который полтора месяца назад заявил, что не может найти ключ к этой вещи и склонил меня к ограничению иллюстраций до трех заставок по числу частей. Что-то с ним за это время произошло, и он сделал иллюстраций двадцать и просит еще шесть страничных иллюстраций. Эскизы мне очень понравились, хохотал я много. Особенно удались образы самого Привалова, Витьки,

[1] Соловьева И. От фантастики научной к фантастике художественной (и др. публикации) // Литературная Россия (М.).— 1965.— № 14.— 26 марта.

Хунты и Наины Киевны. Если помнишь, стиль иллюстраций — среднее между Гальбом и Ротовым. Смачно. Из серии «Приключения и фантастика» книгу мы выводим, совершенно не подходит к этой торжественной серии сплошная хохма содержания и иллюстраций. В понедельник встречусь с Мигуновым и обговорю (он очень просил о встрече) образы Выбегаллы и Киврина, а также, пожалуй, Януса. Они не совпадают с нашими представлениями. И Модест отличный. И ифриты у его дверей — колоссальные дядьки, похожие на анархистов гражданской войны, обмотанные пулеметными лентами — отличная находка на мой взгляд. Достоверность — 5 (сам своими глазами видел).

4. Ленка тут встречалась у Ефремова с Дмитревским. Они с Брандисом написали, по ее словам, отличное предисловие к «Библиотеке мировой фантастики» — пойдет сразу в первом томе. Там много места уделено и нам. Дмитревский очень нас любит и жалуется, что мы не очень любим его, что выражается в том, что не даем ему читать рукописи, как другим. По-моему, надобно Дмитревского срочно обласкать и прижать к сердцу, а рукописей больше не давать никому. А? Достоверность — 4.

5. Нина Беркова для вящей безопасности, чтобы никто из г... не посмел набрасываться на «ПНвС», отдала рукопись на предисловие Ефремову. Ефремов сказал, что такого стиля он не любит, но зато он любит нас с тобой, а потому предисловие напишет самое доброжелательное. Ленка считает, что Нина права, надо заткнуть рот Казанцеву. А я, право же, не знаю, что Иван Антонович может написать о «Понедельнике». Я бы не взялся. Достоверность — 5.

6. Нина хочет сдать «ПНвС» в производство к десятому апреля. Достоверность, что хочет,— 4. Что сдаст — 3.

7. Вчера мне удалось попасть на просмотр «Семи дней в мае»[1]. НичеГё. Получилась иллюстрация к книге. Артисты, правда, превосходные. Разговаривал с Сытиным. Он рассказал, что вчера смотрел отснятые материалы по «Гиперболоиду»[2]. Говорит, что фильм получится отличнейший. Обещал устроить просмотр материалов для нас. Буду на нем сидеть, я очень заинтересовался. Достоверность — гм. Бог его знает.

8. Олег Соколов собирается переходить в журнал «Изобретатель и рационализатор», бог знает, что у него выйдет. В ре-

---

[1] Амер. к/ф 1964 года, реж. Дж. Франкенхаймер, в ролях: Б. Ланкастер, К. Дуглас, Э. Гарднер и др.

[2] К/ф реж. А. Гинцбурга.

дакции этого инженерного журнала и так всего один инженер, остальные же — журналисты, как и Соколов. А сватался Соколов сначала в «Советский Писатель». Но сейчас пошел слух, что будет ликвидирован Комитет по делам печати, и в предвидении трудоустройства его сотрудников директорам предложили воздержаться временно от набора новых редакторов. Достоверность — 3.

9. Встретил Володина. Он между прочим сообщил, что позавчера принято решение восстановить в Союзе Писателей все секции: очерка, критики, рассказа и пр. Наш Совет тоже таким образом превратится в секцию. Я спросил, какая разница. Оказывается, секция имеет право первичной организации при приеме новых членов Союза. Достоверность — 3.

10. Звонил вчера Травинский. Собирается быть завтра на Объединении вместе с Лилей. А у нас теперь строго, необходимы две рекомендации на новое членство и две же рекомендации на приглашение гостей. Я ведь отвел себя из членов Бюро, завтра нужно будет прийти пораньше и поговорить с Полещуком и Севером, кои члены есть. Разрешить имеет право только Бюро.

11. С Белой и Севкой буду ужо говорить на той неделе.

Вот все на с. д. Жму, целую, твой Арк. Пиши, не мешкая.

Об отношении Ивана Ефремова к ПНВС вспоминал БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 17.08.00

Ефремов был отнюдь не чужд юмора. Он любил и умел рассказывать и анекдоты, и смешные истории. Но в литературе он юмора, действительно, бежал. Он считал, что литература — дело слишком серьезное, чтобы разбавлять ее шуточками. Например, к нашему «Понедельнику» он относился в высшей степени скептически, о чем прямо и говорил. У меня сохранился экземпляр «Туманности» с характерным его посвящением:

> «О, поэт, устрани эту грубую брань, шутовство балаганное это.
> И большое искусство создай ты для нас и высокую башню построив
> Из изысканных мыслей, из высоких речей,
> Из тончайших, не рыночных шуток...» (Аристофан. Мир.)[1]

[1] Для своего посвящения Ефремов изменил строки перевода А. Пиотровского, придав им повелительное наклонение.

За точность передачи не ручаюсь — почерк у мэтра был не ахти,— но смысл, по-моему, совершенно ясен.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 30 МАРТА 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Ты молодец, что так скоро и хорошо меня проинформировал. Было весьма интересно читать. Все твои мероприятия одобряю и ко всем твоим оценкам присоединяюсь.

1. Вставки в ПНвС и изменения не забудь все-таки вставить. Как-то ты все, брат, уклоняешься, а там есть существенные замечания.

2. У меня ничего нового нет. Я успел только заплатить взносы в Литфонд и купить в Лавке «Естественную философию времени» Уитроу[1], как заболел Андрюха, и я с ним засел. Уитроу — небезынтересно: эдакое собрание мнений и споров по поводу сущности времени. Есть любопытные повороты. В частности, не так уж просты субъективные филозофы, заявляющие, что время, мол,— понятие сугубо человеческое, антропоморфное и, помимо человеческого сознания, вероятно, и не существующее.

3. За этот месяц пришло пять писем. Три — от старых корреспондентов, не очень интересные; одно — от студентов Псковского культурно-просветительского училища (зовут к себе на космический вечер и восхищаются творчеством) и одно — от четырехклассника Славы[2] (адресовано: «астроному-писателю-фантасту»; сокрушается, что в ДР все гибнут, предлагает дословно: «Припишите там что-нибудь, вроде: Вдруг в небе послышался грохот. У горизонта показалась черная точка. Она быстро неслась по небосводу и принимала все более ясные очертания. Это была «Стрела». Вам лучше знать. Пишите, пожалуйста, больше»).

4. Не удержавшись, прочитал «Лес» Адке. Правда, только Атосову часть. Она сказала, что очень интересно, что мы молодцы — здорово выдумали, но общая идея непонятна. А Горбовскую часть я даже сам еще не рискнул перечитывать.

5. Кстати, летел я не без приключений. Промежуточных посадок у нас никаких не было, но зато, когда мы подлетели к Лрду, оказалось, что не принимают, и мы вернулись в Москву, в

---

[1] Уитроу Дж. Естественная философия времени. — М.: Прогресс, 1964.

[2] Будущий писатель и синолог В. Рыбаков.

Шереметьево. Там я просидел до 11-ти и все время жрал бутерброды с великолепнейшей кетой (сидели мы почему-то в зале для иностранцев) и пил чай и читал «Павлова и Фрейда»[1]. В Лрд прибыли в полпервого и до полвторого стояли в очереди за такси под проливным снегом. Изматерился я весь.

Ну вот пока и все. Привет Ленке. Очень жалко, что так сволочно получилось. Набить бы им морды, гадам.

Целую, твой [подпись]

P. S. А в Детгизовском издании Днепрова уже разрекламирована ПНвС именно в издании «Зол. биб-ки». Жаль, что не будет.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 2 АПРЕЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Ты не жалей, что ПНвС выпала из «Золотой». Ничего страшного. Дело в том, что с таким оформлением книга в «Золотой» просто непредставима, ты сам посмотришь и убедишься. А оформление менять не хочется, уж очень хорошие, по-моему, рисунки. И очень их много, и здорово идут по духу к книге. Ну, ладно. Теперь, как всегда, информация.

1. Получилась верстка «ХВВ». Сейчас бросил всё, сижу и читаю. Одновременно пришли еще две верстки сборников «Фантастика 65», первого и второго, моего. Ленка надо мной сжалилась и сидит сейчас над сборниками, а то мне не успеть. По техническим причинам техред требует либо в «ХВВ» убавить пять полос (страниц), либо добавить десять. Об убавить, конечно, не может быть и речи, а насчет прибавить у меня есть два предложения. Первое — набирать главы не подряд, а со спусков, то есть каждую главу начинать с новой страницы. Второе: включить в сборник какой-нибудь из старых рассказов, лучше всего — «Странствующие и путешествующие», хотя он потом включится в наш том биб-ки мировой фантастики. В понедельник я должен пойти к Беле и поговорить об этом.

Достоверность информации — 5.

2. Звонила Бела, редакция составляет план редподготовки на 66 год, то есть план выпуска на 67. Потребовала, чтобы я назвал и аннотировал наше предложение. Я испугался и продиктовал вот что. «Дни Кракена», фантастическая повесть об открытии существования иных форм разумной жизни на Земле, 20 авт. листов. Название условное. Достоверность — 5.

---

[1] Уэллс Г. К. Павлов и Фрейд.— М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

3. Вставки и изменения в ПНвС не забуду, не беспокойся. Уже взял рукопись у Нины, верну ей в понедельник с кучей всяких рецензий. Кстати, в «Смене» от ПНвС уклонились, очень похвалили, потребовали, чтобы подарил, когда выйдет, но печатать отказались. Сложно, говорят. Это после Абэ-то![1] Но и то сказать, по всему видно, что им напечатать всё равно не успеть. Достоверность — 5.

4. Получил из отдела писем «Молодой гвардии» со страшным опозданием (на полтора месяца) письмо из Мурманской студии телевидения, очень просят приехать и выступить у них нас с тобой. Вернее, просили. Сейчас полагают, что мы возомнившие о себе хамы. Достоверность — 5. Всех утверждений.

5. Попросил Фиму Дубровского (это в «Знании») найти Ленке место. Он сообщил, что наклевываются две возможности. Одна — это в «Детской энциклопедии». Вторая — интереснее: в издательстве «Мир» у Девиса, в редакции фантастики. Если бы там выгорело, было бы расчудесно, по-моему.

Почитал вчера в «Науке и жизни» отрывки из повести Амосова[2]. Очень меня впечатлило. Хорошо стали писать хирурги.

Вот пока всё. Привет Адочке. Поцелуй маму.

Жму и целую, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 6 АПРЕЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркус!

1. Говорил сегодня с Дмитревским. Здесь вроде всё в порядке. В пятницу секция, там я должен буду познакомиться с какими-то важными типами из комиссии горкома, производящей обследование и исследование литературного процесса. Дмитревский хвастался своей статьей и долго рассказывал, какие неимоверные усилия он предпринимал, чтобы Ленку оставили в изд-ве.

2. Говорил с нашим редактором в Лениздате. Редсовет утвердил нашу заявку и включил в план на 67 г. Дело теперь за Москвой, где планы утверждаются. Очень она интересовалась новой повестью. И Дмитревский тоже. В мае надо кончать.

3. Илья болен, лежит в больнице. Опять у него что-то с головой. Через неделю выйдет.

---

[1] Абэ К. Четвертый ледниковый период / Пер. с яп. С. Бережкова // Смена (М.).— 1965.— № 1—6. «С. Бережков» — псевдоним АНС.

[2] Амосов Н. Мысли и сердце // Наука и жизнь (М.).— 1964.— № 2—4.

4. Пристают ко мне телевизионщики и радиокомитетчики. Я отказываюсь изо всех сил — надоели. Вот один рядом сидит сейчас. Я отказался записываться на тему будущих межзвездных трасс человечества — сидит надувшись, обиделся. Один вот тоже сидел-сидел — дали ему по соплям — больше не сидит, и детям своим сидеть заказал.

5. Против помещения «СиП» в ХВВ не возражаю, если это так уж нужно, хотя лучше было бы как-нибудь обойтись — скажем, методом спусков.

6. «Кракен»... Ну что же... Может, это нас подтолкнет. Слушай, а не соединить ли нам в единое целое «Кракена» и «Как мы искали пришельцев»[1]? Сделать этакую трагикомедию. Ты не ругайся, не ругайся... Ты поразмысли! В этом ей-богу что-то есть.

7. Если бы Ленка проникла в «Мир» — это было бы колоссально.

8. Повесть Амосова и впрямь хороша.

Вот и все новости. Мало что происходит. Читаю все в основном и нигде не бываю.

Жму, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И прочим тоже.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 9 АПРЕЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. ХВВ уже вернули в типографию, переделали главы на спуски. Ничего включать не стали. Будем ждать второй верстки, видимо, это уже не за горами. Что до ПНвС, то все поправки я внес (только не стал менять черта на чертика) и во вторник отнесу к Нине Матвеевне.

2. Биленкин из «Комс. Правды» выпросил у меня отрывок — злосчастную «Машину времени». Вчера звонил мне, сказал, что в отделе все единодушно «за», но великовато, придется сокращать, а если сокращение нам не понравится или высшее начальство отвергнет, то возьмут у меня интервью. Я согласился. Возьму твое интервью и слово в слово его перескажу. Хоп? Только надо там и насчет ХВВ сказать.

3. В понедельник выступал за городом во Дворце культуры при одном предприятии, где одни научники и инженеры. Выс-

[1] По-моему, задумывалась такая юмористическая повестушка. Деталей никаких не сохранилось — ни в дневниках, ни в памяти.— *БНС.*

тупало нас там четверо: один антарктидист, потом я, потом Андрей Соколов (это он <...> меня и втравил) и народный акын Визбор. Отличные песни он пел, его здорово приняли. Впрочем, всех здорово приняли. Записок наслали всяких лестных. Но я еще раз зарекся таскаться на выступления.

4. Приставали из радио и ко мне. Из «Юности». Послал.

5. Насчет трагикомедии «Кракен + Как мы искали пришельцев». Не знаю. Не ругаюсь, не беспокойся, но пока не знаю. Надо поразмыслить. Что-то в этом чудится, но... не знаю, не знаю. А вообще-то почему бы и... Нет, подумаем.

6. А какой это статьей хвастался Дмитревский? Той, что в «Коммунисте»? Или он еще что-нибудь написал? Может, предисловием к «Всемирной биб-ке»? Если так, то, говорят, действительно, очень хорошая статья.

7. Котляр и Чижевский ходют и зловеще говорят: «Вот ужо им всем...» Шутки шутками, а главный редактор Валя Осипов забрал в библиотеке все произведения Стругацких и читает на предмет выявления крамолы, указанной в доносе триумвирата. Это мне Глеб Голубев рассказал.

8. В «Лит. Газ.» меня изловил Щугал, зав. иностранным отделом. Они там думают дать серию статей о будущем в противовес многочисленным статьям на эту же тему, появившимся сейчас в западной прессе. Дал мне несколько переводов из «Фигаро», «Экспресса» и бюллетеня Международных Женевских Встреч (слыхал про такие?) и попросил подумать над статьей. Почитал я и понял, что в противовес написать не могу ничего. А ты-то уж и тем более. Мучаются они теми же вопросами, что и мы с тобой (минус классовая борьба). Придется вернуть, а жаль, хорошо бы попробовать выступить. По уровню мы можем сделать во всяком случае не хуже, чем они, а скорее и лучше. Я сделаю так. Выпишу основные тезисы и верну переводы, а то Щугал за них дрожит, и скажу, что мы подумаем. А там решим.

Вот всё. Жму, целую, Арк.

Да, самое важное. Где будем встречаться? Есть отличная идея. Ефремов предлагает нам устроиться на квартире его сына. Алан в Камбодже, и квартира пустая. Она в центре, до всех издательств рукой подать. Можно поработать полмесяца там, а полмесяца у мамы. Как ты? Ефремов отдает нам ключи на любое время, хоть до возвращения Алана через два года. Подумай.

Привет Адке, привет всем. Целую, твой Арк.

Ленка здесь стоит и тоже целует маму, тебя, Адку.

Неизвестно, где на этот раз «за городом» выступал перед читателями АН. Таких поездок было немало. Об одной из них вспоминает Рафаил Нудельман.

ИЗ: НУДЕЛЬМАН Р. ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

<...>

Он [АНС] вообще был актером — в магазине становился расторопным распорядителем, за столом преображался в шумного тамаду, мог угостить мгновенно сочиненной байкой типа «одноногого пришельца», литературная игра и мистификация казались его стихией, и меня он как-то угостил одним таким насмешливым розыгрышем. Мы ехали с ним в Серпухов; пригласили, собственно, его, но кто-то там настоял, чтобы был еще и какой-нибудь критик, так что я выступал в этом качестве при Аркадии; и вот — мы ехали в Серпухов. Дорогу не помню, потому что он угощал меня длинным рассказом о своей случайной встрече с маршалом Тимошенко в поезде «Красная стрела» по пути в Ленинград. Будто бы они пили в купе, и Аркадий все спрашивал маршала: «А правда ли, что Сталин то-то и то-то?» — а маршал будто бы на все его вопросы отвечал: «Так ставишь вопрос? А хрен его знает!» Утром же, выйдя в коридор, Аркадий, якобы, увидел насупленного с похмелья Тимошенко у окна, и тот, подозвав его, хмуро сказал: «Я вчера спьяну чего-то там тебе наболтал, так ты смотри — никому, понял?» Я долго смеялся, Аркадий тоже, а много лет спустя я опознал этот его рассказ в поведанном мне кем-то старом анекдоте.

<...>

Он был также предельно серьезным, когда речь заходила о принципах, и в том же Серпухове я увидел другого Аркадия — он говорил о фантастике, потом о жизни, об окружавшей нас мерзости (впрочем, не называя ее прямо), и я впервые понял тогда, как огромна его популярность и как велико уважение к нему его читателя. В зале научного городка собралось несколько сот эмэнэсов, и чувствовалось, что они ждут от этого большого, спокойного, почитаемого ими человека какого-то урока жизни, истолкования ее, писательского откровения. По-моему, я даже отказался выступать после него — это было невозможно, никого не интересовал «пристегнутый» к Стругацкому «критик», у них шел разговор с ним, со «своим» автором. Он, действительно, был их автором, и я видел, как он внимательно

слушал их слова, загорался в ответ на их вопросы и реплики, наклонялся к залу, словно сливаясь с ним, и все впитывал и впитывал в себя энергию этих людей, их юмор и вопросы, их доверие и веру в него, их мысли и профессиональный жаргон их шуток. То была творческая работа прямо на людях: писатель вбирал в себя социальный и профессиональный фольклор своего класса.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 12 АПРЕЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Отвечаю, хотя новостей в общем-то и нет. Был в Писдоме, слушал нового фантаста. Пожилой лысый хрен, довольно известный детский писатель (фамилию я забыл). Судя по всему, захотел подзаработать и написал дерьмо. Господи, до какой же степени они не понимают нынешнего стиля! Дмитревский пытался его защищать (Дмитревский его и выдвинул), но — заклевали. Я помалкивал, ибо мне было до лампочки.

Насчет следующей встречи. Во-первых, о какой встрече идет речь? Ты же собирался еще разок наехать (с Ленкой) просто так, потрепаться. Если приедешь — тогда обо всем и договоримся, а если не приедешь, то имей в виду, что с первого мая я — свободная от работы пташка. Предлагаю работать весь май. Если имеет смысл принять предложение Чифа[1], то лучше первую половину мая — у мамы, вторую — в Москве. Вообще-то мама ждет самым серьезным образом, имей в виду.

Я тут размышлял, но без особенного толку. Во-первых, размышлял о «Лесе». Придумал несколько эпизодов (из собственной экспедиционной практики), прикинул, какие именно люди должны фигурировать и чем они занимаются, утвердился в мысли, что узловой темой вещи надо делать, как мне кажется, идею «история вид снаружи и история вид изнутри». Атос наблюдает историю снаружи, крестьяне — изнутри. Ученые — изнутри, а кто снаружи? И как это выглядит снаружи? Существование крестьян эфемерно. Самое трудное будет показать эфемерность существования ученых — без нажима, чисто реалистическими средствами, но с некоторой сумасшедшинкой.

Кроме того, я думаю над нашим докладом на симпозиуме. Там нам нужно будет доказать теорему: «Существуют весьма

---

[1] Чиф, Шеф — именование Ефремова.

важные идеи и проблемы, которые необходимо внедрять в сознание каждого современного культурного человека. Главнейший путь для этого — литература. Реалистическая этим не занимается, остается фантастика». Примерный список таких проблем у нас уже есть. Надо только все продумать и скомпоновать. Весь этот материал мог бы составить одну или несколько серьезных статей — и для ЛГ, и, может быть, для Нового Мира.

Вот и всё, что у меня пока есть.

Привет сердечный Ленке. Крепко тебя целую, твой [подпись]

P. S. Если решишь приехать — телеграфируй заранее. Числа 20–22 нужно будет выступать перед молодежью Петроградской стороны, мать ее в перекос...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 АПРЕЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. Случилось со мною престранное происшествие[1]. В ту субботу зашел я в «Мол. Гв.», вернулся домой и поехал с Ленкой к ее подруге, вернулись домой часов в десять вечера, все было хорошо, попили чайку, почитали и легли спать. Просыпаюсь — батюшки светы! Правую щеку у меня раздуло неимоверно. Знаешь, это не простой флюс, это флюс зловещий, наглый, бесцеремонный. Правая щека была величиной со все остальное лицо и притом весело торчала в сторону и лоснилась, тугая и румяная. Рот не раскрывался. Правый глаз тоже. С правой стороны под подбородком висела исполинская складка, как у монаха Ламме Гудзака[2]. Такого со мной не было никогда, даже в сорок третьем, когда мне долбануло по зубам (в этом же месте) прикладом противотанкового ружья — а ведь я тогда две недели противогаз надеть не мог, не налезала маска. Короче, пролежал я так воскресенье и понедельник. Во вторник опухоль начала спадать, я смог работать. Сегодня уже совсем почти хорошо. Но что это было — один бог знает. Сообщаю тебе об этом как о любопытном феномене натуры, как если бы случилось мне увидеть летающее блюдце.

2. А читал ли ты статью Ревича в «Мол. Гв.» № 4? Меня она слегка разочаровала, хотя по котлярству пройдено там неплохо.

---

[1] Реминисценция из «Ревизора» Н. Гоголя: «Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался».

[2] Ш. де Костер, «Легенда об Уленшпигеле», ч. 5, гл. 4.

3. О встрече. В ближайшее время не приеду, понеже собираюсь уже в ближайшее время быть с вами. Скорее всего, числа двадцать пятого. Апреля. С. г. 65-го. Побудем у мамы и у тебя до середины месяца мая, а затем я уеду на перерыв на три дня, и явишься в Москву ты. Можно, конечно, и без перерыва, но с перерывом будет интереснее. Итак, ты являешься числа восемнадцатого, и перед тобой сразу откроются две возможности: либо жить с нами (тесть и теща в середине месяца уедут на дачу, и кабинет будет в твоем распоряжении), либо жить у Алана. Приедешь и выберешь. Ленка очень хочет, чтобы ты жил с нами, а там сам смотри. Договорились, значит.

4. Насчет «Леса» есть некоторые соображения, касающиеся не таких частных вещей, как эпизоды, но и не таких общих, как главная идея. А именно есть соображения по сюжету и по принципам построения сюжета, и немножко по героям. И кое-что по природе предлагаемой сумасшедшинки. Все записано, если хочешь — напиши, я перепечатаю и пришлю, это всего на страничку-полторы. А можешь и подождать. Как желаешь.

5. Не осрамись перед молодежью Петроградской стороны, будь на высоте.

Итак, все. Напиши, удобно ли будет приехать в районе двадцать пятого апреля, не слишком ли рано. А если удобно, то пиши пригласительно, с нажимом, свидетельствующим не токмо о возможности и желательности, но и необходимости именно такого приезда. Скажу между нами, здесь у моих щенков день рождения, так уж больно хочется удрать от этого. Ненавижу суету.

Адочке привет, целую, твой Арк.

Статья В. Ревича, о которой в письме упоминает АН, в основном была посвящена критике публикаций Лукьянина и Котляра. Об АБС же там говорилось так:

ИЗ: РЕВИЧ В. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ «ДУША» И НАУЧНЫЕ «РЕФЛЕКСЫ»

<...>

А работы критиков, выступающих в других органах печати, часто страдают дилетантизмом, случайностью и просто недоброжелательным отношением к жанру.

Естествен вопрос: а почему бы не предположить, что их «ругань» продиктована высокой требовательностью? Требователь-

ность, конечно, вещь хорошая. Больше того, можно согласиться со многими конкретными замечаниями, но беда в том, что чаще всего в таких статьях широко используют один известный прием: берутся (в таких случаях говорят «вырываются») две-три цитаты, пусть даже и вправду неудачные, на этом основании объявляется безнадежным всё произведение и даже делаются далеко идущие выводы в отношении целого жанра. Авторы статей не утруждают себя доказательствами того, что данные эпизоды, сцены, фразы типичны для всего творчества критикуемого писателя или для всей нашей фантастики.

Подобная «методика» особенно заметна в отношении критиков к творчеству братьев Стругацких, которые в той или иной степени упоминаются почти в каждой статье по фантастике, в том числе у В. Лукьянина и Ю. Котляра. «Ножницы» между недоброжелательностью критики и отношением читателей здесь очень велики.

Ежегодно появляющиеся книги А. и Б. Стругацких написаны весело и занимательно, они оптимистичны, хотя часто в них мы видим остроконфликтные и даже трагические ситуации. Если коротко сформулировать основную тему их творчества, то она будет звучать примерно так: подвиг во имя науки, во имя людей. Естественная тяга нашей молодежи к героике и обусловила огромную популярность книг Стругацких. Странным образом именно это обстоятельство не нравится В. Лукьянину, который, если несколько утрировать его претензии, считает, что подвигам, героическим поступкам, преодолению трудностей не должно быть места в мире будущего. В его представлении подвиг если и останется, то будет явлением заурядным, рядовым, запланированным, не выходящим за рамки обыденности. И уж ни в коем случае не результатом нарушения дисциплины. Можно подумать, что на подвиги надо будет получать письменные разрешения: «Товарищ начальник, разрешите мне в указанное время совершить подвиг».

У Стругацких были и средние, «проходные» работы, но нельзя не отметить их новых повестей «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Суета вокруг дивана». Каждая из этих повестей — вещь достаточно своеобразная, чтобы потребовать особого разговора, но каждая из них служит блестящим подтверждением того, что фантастика — это прежде всего литература, а не унылая популяризация научно-технических гипотез.

Взять хотя бы «Далекую Радугу». К этой повести применим, может быть, несколько странный для фантастического произведения эпитет «достоверность». Читая ее, начинаешь верить, что катастрофа, которая произошла на отданной в распоряжение физиков планете, и в самом деле могла быть. Начинаешь переживать и волноваться вместе с героями, начинаешь ставить себя на их место и размышлять: а как бы ты поступил в подобном случае?

В одном письме к Горькому Чехов приводит слова Льва Толстого: «Выдумывать можно всё, что угодно, но нельзя выдумывать психологию». А ведь как часто режущая ухо психологическая недостоверность, а еще чаще полное отсутствие мотивировок в поведении героев фантастических книг сводит на нет даже интересные замыслы. Подобный упрек неприменим к Стругацким. При этом я не хочу утверждать, что в их книгах все находится на грани совершенства и должно быть выставлено как нормативный образец. Далеко не все характеры разработаны одинаково подробно, есть и языковые «излишества» и неубедительное решение некоторых сцен. К сожалению, творчество Стругацких не подвергалось добросовестному и квалифицированному рецензированию. Пока дело обходится только лихими кавалерийскими наскоками типа эссе Ю. Котляра. Право же, надо обладать весьма развитым отсутствием чувства юмора, чтобы увидеть в остроумно написанной «драке» между физиками за новое оборудование «крайне неудачную попытку представить ученых будущего этакими лихими анархистами и рвачами-самоснабженцами». Вот брошена такая фраза, и тут же сделан политический вывод: «Ведь по концепции самих же авторов: «Люди будущего те, кто сегодня исключение». Уж если таковы «исключения» в представлении Стругацких, то каковы же наши рядовые современники!»

Я не знаю, какого рода научные идеи «генерирует» «Далекая Радуга». Боюсь, что конкретно — никаких. Хотя в ней идет речь о физике и физиках. Немного, видимо, пародируя самих себя, авторы заставляют своих героев время от времени произносить такие фразы: «Поля ульмотронов перекрываются тем, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гипероплоскости, представляешь?» Но рассуждения о «квазинуль-полях» нужны авторам единственно для того, чтобы подчеркнуть серьезность и сложность задач, над разрешением которых трудятся их герои. Зато «Далекая Радуга» «генерирует» идеи долга, товарищества,

дерзаний, жизнелюбия; другими словами, маленькая фантастическая повесть несет большой идейный заряд.

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 19 АПРЕЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Жду тебя 28-го, по возможности не позже: это будет способствовать моему уходу из ГАО. Да и работать пора. Раньше тоже можешь приехать, но лучше 28-го. Сейчас у меня теща. Чувствую себя соответственно.

Соображения по «Лесу» высылай немедленно. Я хочу с ними ознакомиться заранее. Тем более, что ты можешь изложить их связно.

Новостей особых нет. Приходят письма от любителей, от детишек преимущественно.

Сегодня поеду к Илье. Он вышел из больницы, но чувствует себя по-прежнему неважно.

Одним словом жду. А что касается работы в Москве, то если есть возможность жить у вас — превосходно, а если нет, то можно и у Алана.

Целую тебя и Ленку, твой [подпись]

P. S. Обязательно вышли соображения по «Лесу».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 АПРЕЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

Как тебе верно уже известно, приезжаю я вечером 25-го. Поскольку как следует из твоего письма, это рановато, на два дня раньше, то и высылать соображения по «Лесу» не стану. Нынче 21-е, ну получишь ты их в лучшем случае 23-го, всего на два дня раньше, а перепечатывать мне их, скажу откровенно, лень, они у меня в дневнике, лучше уж потом почитаешь. Извини, что на этот раз так неудобно приезжаю — в половине десятого вечером, кажется. Так уж случилось.

Сдал Нине ПНвС. Она собирается сдать к первому мая. Не помню, писал ли я тебе, что они, гиганты мысли[1], пока мы были

[1] И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 14.

в Гагре, отдали экз. Ивану Антоновичу, невзирая на то, что Чиф терпеть не может этой вещи. Он вчера мне звонил и жаловался, что ему не нравится, что он нас любит, а юмора этого не понимает, это его раздражает и так далее, и что он будет просить безжалостно сокращать текст. Я Нине всё это передал, но она меня успокоила, кроме того, я еще сегодня пойду вечером к Чифу и буду с ним говорить. Но вообще-то даже лучшие из издательских редакторов и наши друзья в своем трепете перед возможными и невозможными последствиями иногда делают такие глупости, что руками разведешь.

Был Совет по фант. и прикл. Тема — критика. Пригласили всех критиков и зав. критическими отделами. Но явились, как и следовало ожидать, только двое: из «Известий» и из «Комс. Правды». Еще был Боря Володин, внештатно из «Смены». Все было более или менее спокойно, как вдруг заговорил Колпаков. Он, естественно, обрушился на наши ТББ и ПкБ. Но поскольку он глуп, как пробка, он понес о безыдейности и необходимости помнить, что мир разделен на два лагеря, а вот Стругацкие проповедуют невмешательство в дела африканских государств. Я молчал и печально смотрел в потолок. Но туг на Колпакова ринулись сразу десять человек и мигом выяснили, что он неграмотен и не знает марксизма. А затем выступил Север и, трясясь от злости, спросил уважаемый Совет, долго ли отдельные господа будут присваивать себе исключительное право напоминать нам, что мы живем в разделенном лагере? Попутно он выдал и по Котляру, и по творчеству Колпакова. Сидевший тут же подонок Чижевский потихоньку юркнул за дверь и исчез. Побили дураков. Котляра, к сожалению, не было. Впрочем, если бы он был, мы бы просто ушли с Совета — так было договорено.

Встретился я с Макаровым. Он, правда, и соврать недорого возьмет, но клянется, будто был у Бороды и видел письмо из «Правды» на официальном бланке, в котором тов. Казанцеву предлагается написать статью о научной фантастике. Борода, якобы, великодушно писать статью отказался. Он не желает ставить палки в колеса молодежи.

Ну ладно, пока всё. Поцелуй маму и Адку. До встречи.

Твой Арк.

И вот АБС снова встречаются для работы. На этот раз — в Ленинграде, с последующим переездом в Москву.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

28 апреля ср

[дневник приездов: 28.04.65. «Лес».]

Солнце; не загорали.

Горбовский — Перец

Атос — Зыков[1]

1. Убежавшая машинка.

2. Сборы в лес.

3. Уговаривает всех, чтобы взяли с собой в лес.

4.

Ленинград

Оптимизм — пессимизм

1. Метод подбора эпизодов для о<птимизма> и п<ессимизма>

2. Метод параллельно (собрание;

Ким Аристархович Доморощенных

29 апреля чт

Солнце; не загорали.

1. Р. Не состоялось рандеву с начальником, кот<орый> иногда выходит делать зарядку.

Н. Договаривается с шофером на завтра.

2. Р. Ждет в грузовике. С грузовика снимают колеса. Шофера послали лаборантом.

Н. Завтра свидание с начальником. Точно.

3. Р. Очередь у нач<альни>ка. Когда очередь доходит, приглашают ехать в город. Садится в грузовик. Много народу. Потом выясняется, что все едут на биостанцию получать зарплату. А оттуда уже в город. (Едущие — закреплены за биостанцией и должны получать зарплату именно там.)

---

[1] Зыков — вариант имени главного героя. Об окончательном рассказывал БНС в офлайн-интервью: «В первом варианте «Улитки» (известном теперь под названием «Беспокойство») героем «лесной части» был Атос-Сидоров. При работе с окончательным вариантом нам, естественно, понадобилось заменить Атоса на кого-то другого. Обычно в таких случаях подбирается имя с тем же числом слогов и с тем же «ритмом» (чтобы не сбивались с ритма фразы, в которых это имя присутствует). Кто-то предложил имя Кандид. Кан-дид — А-тос, очень хорошо. Мысль о Вольтере, разумеется, тоже обсуждалась, и было признано, что это даже недурно: Простодушный и Лес. Но какого-то особенного смысла мы в имя Кандид не вкладывали».

Н. Еле догоняет уехавшую машину. Возвращ<ается> на базу. Высаживают. Нежное и окончательное прощание с другом. Сидит в кабине (больше не рискует выходить) и ждет.

4. Р. Машина гонит по степи в поисках машинки. Засаживается в грязь. Возвращаются пешком.

Подготовка машин к бунту. Полубред Переца.

Н. Его отмывает и приласкивает девица — любовница директора. Части туалета директора (одна туфля; пенсне и хоккейное обмундирование). Сейф. Пенсне; картуз; генеральский погон; парабеллум с одним патроном; два железных креста с дуб<овыми> листьями; фотографии; папки (пустые) — в одной приказ о взыскании. Приходит директор. Он обещал ему утром все устроить.

[слева от текста: «Разговор; раскрытие души; жалобы».]

[справа от текста: «Все ссылаются на директора. «Директор — голова». «Директор занят». «Директор сам решил». Но никто его не видел. Даже человек, бывший перед П<ерецем> в очереди.

Все врут.

Сцена в биб<лиоте>ке — вечером (a la Абастумани). Книги. Пусто. Хочет украсть, но стесняется».]

5. Утром выясняется, что он назначен зав. отделом. Сидит на обрыве, приносят бумаги на подпись (тот же человек, что и в I главе). (Мало ли что отдел называется отделом уничтожения? М<ожет> б<ыть>, можно еще что-либо сделать. Как повернуть!) (создается новая группа, чтобы Переца сделать начальником).

1. Домарощенных Валерий Африканович. Сотрудник группы искоренения. (Разговор у обрыва; завтрак; в очереди к директору; финал)

2. Гостомыслов Ким — нач<альник> группы научной охраны, друг Переца

3. Алевтина Юрьева — лаборантка фотолаборатории

4. Шофер Коля

5. Шофер Володя

6. Стоян Стоянов — словак, с иностр<анным> акцентом, микробиолог, зав. биобазы.

Управление

Группы:

Искоренения

Изучения
Вооруж<енной> Охраны
Научной охраны
[«Сношений с местным населением» — вычеркнуто]
Помощи местному населению
Инженерного проникновения

Ким курит по часам.
Забава с пульверизатором.
Перец: какой должен быть человек?
Домарощенных: простым.
Шофер: непьющим.
Разговоры о будущем Управления:
1) Перенаселение.
2) Термоядерная война — бунт машин, привезенных в Управление и стоящих грудами во дворе. Машина вылезла ночью из ящика, походила, осмотрелась и снова залезла и заколотила себя изнутри. Смотрите, гвозди остриями наружу торчат.
3) Черное лицо досуга.
4) Всё будет хорошо, Директор не позволит всего этого, а выстроит бассейн со спортзалом, и все сотрудники после работы будут сидеть в биб<лиоте>ке: сочинять мелодии, играть на гитаре, вырезать по дереву, писать стихи.

30 апреля пт

Солнце; н/з
Гл. 1.
Тема Домарощенных — любопытство к Перецу (нездоровое): шпион, беглый каторжник, контрразведчик.
Всюду шляется за Перецем.
«Терпеть не могу сложных людей. Мне неуютно. Человек должен быть простой».

1. Разговор у обрыва.
2. Столовка. Сидят за столиком: Перец, Домарощенных, шофер Коля. Разговор о чудесах леса, упоминание о Кандиде, Коля завтра уезжает и предлагает захватить Переца, но сначала перечисляет все варианты другие, как уехать, в т<ом> ч<исле> поговорить с Алевтиной. Тов<арищ> Перец, вот вы человек грамотный, а правда, что скоро всех сотрудников будут после работы загонять в библиотеку?
страх

восхищение неколебимостью и продуманностью, стихийной и естественной, этого механизма, его соответствием состоянию души

тревога

надежда

сомнение — а вдруг так и должно быть? На чем мы собственно основываемся, когда протестуем, если все — за?

3. Сцена у Кима. Стоян Стоянов с хвостом из джунглей.

Лес — будущее

Внимание: лес! Перед тем, что будет.

Перец ночью забредает на машинный двор и слушает, как машины беседуют.

1. Речь директора по телефону (каждый слышит в трубку свое).
2. Перец ночью на складе машин.
3. Бежавший автомат.
4. В библиотеке — разговаривающие книги.

Общая криминалистика. Отпечаток пальца. Давно это было. Мужчина или женщина? А что на этой странице?

1. Разговор у обрыва — выпытывание:

— Сколько везешь?

— Руки у всех чистые?

— Езжай.

У съезда в лес вдоль просеки масса разбитой техники: старые бульдозеры, экскаваторы и т. д.

Непонятное — всегда опасно, страшно, чуждо.

В конце II главы:

В разговоре Кима с комендантом. В конце тирады Кима комендант, уже сдавшись, спрашивает, кто говорит. На кого сослаться. Перец хочет вступить в спор, что это-де жестоко, но тут в клозет входит кто-нибудь из сотрудников.

М<ожет> б<ыть,> с комендантом будет говорить Домарощенных?

Когда моется, саднит содранный ноготь на пальце. Кровь капает на «Мерседес».

[дневник приездов: 7.05.65. Должен маме и Бобу по рублю.

11.05.65. «Лес». 2-я глава (II вар.).

12.05.65. 2-я глава.
17.05.65. 3 гл.
18.05.65. 3 гл. «Леса».
19.05.65. 3-я гл. кончена, начата 4-я.]

25 мая Москва

Сделали 6 стр. «Кандида»

31 мая

Рассуждение Кандида о том, что он совершает слепой механический поиск, воспоминание о механизме, который испытывали инженерники: машинка бегала по лабиринту, а все на нее смотрели.

1 июня 65

1) Подтрунивание над Навиной матерью.

Дразнят происхождением Навы.

«Ты тоже не в озере родилась».

Нава заступается за мать и отца.

Смех.

Про Кандида: а это не муж твой?

Успокаивают мать: не сердись, это шутки.

Кандиду говорят с усмешкой: бедный старый козел, это хорошо, что ты привел к нам девочку и защитил ее от воров. Тебя следует отблагодарить кочерыжкой.

2) Нава делает замечания за покрой платья и короткие волосы. Миленькая девочка.

3) Эпизод с рукоедом. Преображение девушки, добивающейся повиновения.

Уходя, замечание насчет Кандида.

4) А можешь ты живое сделать мертвым, а мертвое — живым?

— Убить?

— Убить всякий может. Сделать мертвым. Заставить сделаться мертвым.

5) Кандид увязывается за ними. Ему говорят: Уходи в лес, в лес.— Позвольте узнать у вас кое-что.

1. Насмешки над матерью Навы. Нава защищает ее и отца.

Старый козел.

За это время выходит немало интересных статей в прессе.

В майском номере «Иностранной литературы» публикуются фантастические рассказы Роберта Шекли с предисловием АБС.

27 мая в «Литературной газете» выходит статья Кирилла Андреева «Почти такие же» — рецензия на книгу АБС «Далекая Радуга».

В июньском номере журнала «Знание — сила» публикуется статья АБС «О чем не пишут фантасты?» с перечислением тем, которые чрезвычайно важны, но которые не рассматриваются фантастикой. Причем в этот список попадают не только чисто научные проблемы («По единым ли законам развивается разум во Вселенной, и если да, то по каким именно?», «Полезно или вредно изменять наследственность организмов?»), но и социальные: «Как конкретно будет совершаться переход от нынешней ступени развития человечества — к коммунизму?», «Какие силы будут обуславливать прогресс общества великого благосостояния?»

В июне АНу приходит от Валентины Журавлевой письмо с приложением — отчетом бюро комиссии по научно-фантастической литературе СП Азербайджана, в котором все направления фантастики рассматриваются как поджанры и приводится их классификация. В заключительной части отчета все поджанры признаются равноправными и высказывается просьба к критикам: каждое произведение должно сравниваться и критиковаться только на основе эталонов своего поджанра. Отчет подписан Войскунским, Журавлевой и Махмудовым.

АН тут же пишет ответ:

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО ОТ АНа В. ЖУРАВЛЕВОЙ, 9 ИЮНЯ 1965

Уважаемая Валентина Николаевна!

Я получил бумагу, в которой отражены итоги дискуссии в Бакинской Комиссии. К сожалению, я не имею возможности ознакомить с этим документом наше литобъединение немедленно, потому что оно распущено на летние каникулы. Впрочем, у меня такое ощущение, что литобъединение этот документ одобрит.

Что касается меня лично, то я прочел бумагу дважды и с большим удовлетворением. Если не считать некоторых частностей, я не могу не согласиться с ее содержанием и поднимаю обе руки «за». Ваша Комиссия — молодцы. Именно так: терпимость к теме и нетерпимость к литделячеству.

Между прочим, мне представляется, что после некоторой необходимой подготовки имеет смысл собрать на эту тему что-нибудь вроде Всесоюзной конференции — достаточно представительной, чтобы говорить профессионально, достаточно уз-

кой, чтобы не опасаться провокаций, достаточно ответственной, чтобы избежать бессмысленной ругани, ссор и взаимных обвинений. Лучшим местом для такой конференции я считаю Баку, потому что в Москве и в Ленинграде в такое дело непременно ввяжутся внелитературные силы. Неделя добротных, достаточно откровенных разговоров, личных контактов (это особенно важно), благородного литтрепа — без «приглашаются все желающие». Такая Бакинская Конференция дала бы хороший прецедент и на будущее.

С уважением [подпись]

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 11 ИЮНЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Не знаю, кто должен был первым слать письмо, кажется, я.

Здесь в общем все в порядке. Занимаюсь английским. Читаю Шпенглера. Звонил Илье. Он рассказывал, что Брандис ему рассказал, что Дмитревский ему написал, что Немцов с ним встречался в ЦДЛ, пил и говорил: «Если вы не ударите по молодым, то — всё. Спасу от них не будет». Дмитревский, якобы, отмалчивался и поддакивал. Кстати, есть сведения, что с Дмитревским надлежит держать ухо чрезвычайно востро. Спроси об этом у Травинского. Травинский, конечно, не полностью объективен, но сведения преинтересные.

Пришло сегодня из ленинградского ДДК письмо с верстской нашей статьи. Сейчас буду править.

Не удержался — перечитал «Лес». Н-ничегё. Но в общем-то без Переца это не звучит. Надо будет еще подумать. Кандид какой-то получился не такой. Какой-то он не современный. Сильно отсвечивает Атосом XXII века. Я над этим буду думать и попытаюсь править. И ты тоже подумай между визитами к зубодеру.

Как с зубами? Как дела у Ленки? Как дела со статьями? Вообще что нового? Жду писем, целую, привет Ленке, твой [подпись]

P. S. Пишу на половине листа, т. к. на другой половинке находится сопроводиловка Кану. Севке скажи, что кляссер я ему искал, но магазин закрыт на переучет. Пусть потерпит n-е время.

Как читатель уже знает, рабочий дневник между встречами Авторов находился в Ленинграде у БНа. Иногда он делал там записи, которые мы будем приводить перед записями очередной встречи. Но как исключение, если такая запись датирована,— непосредственно по хронологии. Вот первая из них:

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

13.06.65

«Это все потому,
Что мы не хотим ничего, чего нет,
А хотим мы лишь то, что есть,
То есть то, чего хотеть и не стоит».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 15 ИЮНЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо на половинке клозетной бумаги. Очень огорчился интригами Немцова. Завтра мы встречаемся с Ильей, и я попробую разузнать у него все как есть. Травинского в Москве нет, он где-то у вас, когда приедет — спрошу и у него.

Новостей особых нету. На днях будет подписка в «Мол. Гв.» с выдачей первого тома. Статью японцам послал, книги тоже. За статью для Дет. Энц. еще не принимался, за Азимова — тоже. Сегодня, видимо, начну. Тут еще поднавалилось всякого: «Московский Комсомолец» слезно просит прокомментировать их анкету. (Были заданы вопросы а) Какая из последних прочитанных книг произвела на Вас наибольшее впечатление? б) Что читаете вообще? в) Ваша любимая книга. Желательна статья-комментарий по ответам на заданные вопросы с уклоном «Книга и жизнь» и «Фантастика» — одни называют ее своим любимым жанром, другие вообще не признают; но первых намного больше — чем это объяснить?) Мне дали ответы восемнадцати читателей. Мы упоминаемся только в одном. Много хвалят «Туманность Андромеды». А есть ужасный ответ: моя любимая книга «Сын рыбака» Лациса (студентка 4-го курса педучилища). Я поколебался, не хотелось связываться с поганой газетенкой, но если не мы, то Котляр? Придется, ничего не попишешь.

Вырвали мне в два сеанса пять зубов. Один — такое чудовище, настоящий марсианин на трех корнях[1]. Теперь всех-провсех зубов, считая с самими задними (единственные здоровые) осталось четырнадцать штук, сам дважды считал. Но, вырвав пятый зуб, врачиха заколебалась и велела сначала специально сходить к протезисту, что он скажет. Ей кажется, что остальные

---

[1] Реминисценция марсианских треножников из «Войны миров» Г. Уэллса.

зубы еще могут послужить, если их подлечить. А меня при одной мысли о лечении тошнит. Ладно, завтра иду к протезисту. А здоровый организм, черт подери, тьфу-тьфу — все эти рваные раны на деснах у меня к следующему утру уже превращаются в пологие ямки, а на третий день затягиваются совсем.

Магнитофон я свез и вернул, все хорошо.

Начал было перечитывать «Улитку» — не захотелось.

Ленка между двух стульев. Ждет звонка из «Знания» — резолюции директора на своем заявлении. Пока сидит на даче с Машкой, понеже теща должна быть в Москве — Илья Михайлович болен и лежит в больнице.

Все, дружище.

Жму, целую, передай. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 20 ИЮНЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Вообще-то я не собирался тебе пока писать, ибо писать нечего, но вот пришла от тебя бандероль. Я думаю, излишне говорить, что, увидев ее еще в руках почтальона, я уже вспотел от волнения, решивши, что это ХВВ. Разочарование мое было, сам понимаешь, ужасно. Но первые жуткие минуты я как-то пережил, потом отошел, присмотрелся и — восторгнулся. Блестящее издание Биб-ки! И отличнейший выпуск Ф-ки! Одним словом, спасибо большое. Слушай, неужели и нас издадут в этой библиотечке? Даже не верится. Какое издание! Какое издание!!! Вы там все — орлы плюс орлицы. А в некотором смысле — даже беркуты, грифоны и кондоры.

А у меня ничего нового. Мама тут приболела — простудилась. Сейчас выздоровела, и завтра я повезу ее на дачу: она сняла комнату в Сестрорецке. Адке я достал-таки путевку в Гагры — поедет к 13 июля. Сам я занимаюсь английским (по-прежнему) и по-прежнему читаю Шпенглера, которого так перевели с немецкого, что стоило бы еще пару раз перевести с русского на человеческий.

Севке сообщи, что кляссеров в Ленинграде нет, ни польских, ни каких иных. Пусть подождет. Рассказывали люди, что видели таковые на прошлой неделе в «Детском мире» в Москве.

Слушаю Галича. Кстати, ты не разобрал там слова сразу после: «...не подследственное, жаль, незаключенное»? Там что-то:

«трам-там-там-та-та взял за дело я... и т. д.»[1] Если разобрал — отпиши.

Думаю над Кандидом.

С приветом [подпись]

P. S. См. ленту; скорость 9.

Еще одна датированная «между-встречная» запись БНа в рабочем дневнике.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

20.06

Вставить рассуждение: «Главная задача — найти свое место в истории и действовать в соответствии с законом истории, не против него. Так опр<еделяют> добро и зло. А если этот закон ненавистен?»

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 ИЮНЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Новостей особых нет. Лечу зубы. Оформляюсь в Японию. Анкета, десять (!) фотографий, автобиография, справка о здоровье. Жду со дня на день сигнала «ХВВ». Послал тебе первый том «Библиотеки» и второй выпуск «Фантастики» — ты, верно, уже получил. Поскольку талон на подписку прикреплен к определенному магазину, буду высылать тебе том за томом.

Манин выдал два стиха. Вот они:

Слетает лист, проколотый звездой,
поколебав, как воду, темь густую.
Я дом. Я сдан эпохе на постой.
Я не пустую.

Жильцы, спеша, глотают горький сок.
Калеки исцеляются, увечась.
И, дверь рванув, как спусковой крючок,
выходят в вечность.

---

[1] А. Галич, «Заклинание»: «Ой, ты море, море, море, море Черное, / Не подследственное, жаль, не заключенное! / На Инту б тебя свел за дело я, / Ты б из Черного стало белое!»

Войди в меня, и окна притвори,
и мир закрой, как закрывают ставни,
все забери и лишь следы свои
еще оставь мне.

Я буду пуст, просторен и высок.
Последний час мне чистоту подарит.
Потом чугунный тяжкий шар в висок
меня ударит.

.....

Лес за спиной
странно живет,
но глубиной
небо зовет.
Белое, белое, белое море,
серое, серое, серое небо,
до горизонта уходит, узка,
полоска песка.

Крик над водой,
О перестань!
Мне немотой
сводит гортань.
Медленным, медленным, медленным шагом
в серое, серое, серое небо
я ухожу по полоске песка
через века.

Где я рожден?
Как я умру?
Пусть под дождем
и на ветру.
Между прошедшим и между небывшим,
между забытым и между забывшим
эта коса проложила межу.
Я ухожу.

Вот так. Второе стихотворение почти подходит, как ты полагаешь? Отпиши подробнее замечания и предложения, Юрка очень болезненно на этом настаивает.

Статья продвигается туго. Написана по моим расчетам едва седьмая часть. Но я стараюсь. Буду биться.

И еще. Некий Лесс (тот, что организовывал опрос писателей на тему «наука и литература» в «Воплях», он всегда такой мочой занимается) слезно молит заполнить прилагаемую анкету. Эту анкету проводит «Юность»[1]. Просит как можно скорее, но я прынцыпыально не буду торопиться. Посылаю ее тебе. Ты напиши ответы, а я пройдусь ногой мастера (рукой, вероятно, касаться не буду) и ему отошлю. Идет?

Вот всё пока.

Жму, целую, твой Арк.

Приветы Адке, поцелуй маму.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 23 ИЮНЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Ответы составил, можешь проходиться органом мастера. Если что по существу — меняй беспощадно, но старайся не смягчать. Я знаю, что писал островато и смеловато, но пусть так и остается. Не пожелают печатать — хрен с ними.

Стихи Юркины неплохие, а первое — так и вовсе хорошее, но в «Лес» они совершенно не лезут. Причины:

1. Они слишком интеллектуальны. За версту несет очками, впалой грудью и тонкими пальцами. А нам надо что-либо попроще, что-нибудь в стиле «Хорошо в лесничестве»[2] или «Дурацкой лирической»[3]. Этакую придурковатость треба, но придурковатость зловещую.

2. Они слишком серьезны. Слишком много чувства настоящего и искреннего. А нужна ирония и жалость[4], опять-таки придурковатость и некоторое паясничанье, эмоциональное хулиганство.

Передай Юрке большую благодарность и это мое мнение. Если не обиделся, пусть еще разок попробует. А если ему это неприятно, то и не надо. Мы ведь сами не слишком четко представляем себе, что нам надо — нечестно получается. Скажи ему, что я его очень люблю и ценю, и спроси, не он ли прислал мне

---

[1] Ответы АБС на анкету «Что вы думаете о жизни, времени, счастье?» были опубликованы в журнале «Смена» (1966, № 1).

[2] Ю. Ким, «Лесничество».

[3] М. Анчаров, «Мальчик лезет на забор...» («Дурацкая лирическая»).

[4] Название песни из главы 12 романа Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)». Перевод В. Топер.

на днях конверт со странной вырезкой из какого-то текста: «При выстреле пистолетик держите на вытянутую руку». Очень странное послание.

Мама на даче. У меня все по-прежнему.

Жду твоих писем. Твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 24 ИЮНЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

Как ни печально, но придется тебя огорчить: цензура задержала ХВВ.

Коротко, итог такой: по ХВВ будет совещание Главной редакции, и тогда возможны три варианта (в порядке понижения вероятности): либо сделают «ряд замечаний» и нам придется калечить книжку дальше; либо книжку запретят и снимут с плана вообще; либо — это наименее вероятное — замечания цензора будут признаны необоснованными. Впрочем, так вообще, кажется, не бывает.

Как все произошло? (со слов Белы). Цензорша уже какое-то время боролась с кем-то из главной редакции и решила доказать свою правоту — она добивалась «повышения ответственности главной редакции, которая всё подписывает в печать, не читая». Взяла она нашу книгу, «возникли у нее сомнения», и она с торжествующими воплями бросилась в главную редакцию: вот, глядите, что вы в печать подписали! Главред, естественно, к Беле: что там опять эти жиды натворили? Бела к цензорше: в чем дело, какие у вас претензии? Цензорша: никаких политических и идеологических претензий у меня нет, у меня просто возникли сомнения. Бела: почему же вы с сомнениями вылезли сразу на главную редакцию, вы же знаете, что сомневающийся цензор улаживает дело с редактором. Цензорша: ах простите, я так замоталась, что даже упустила из виду этическую сторону дела, но мне надо было приструнить главную редакцию. Бела: это плохо, что вы забыли об этике, а какие у вас сомнения? Сомнений оказалось три, и за каждое хочется стрелять: 1) не может быть богатых стран, где все есть, и одновременно нищих азиатских стран. 2) этот шпионаж в капиталистической стране — очень отдает привнесением революции на штыках. 3) в этой стране нет ничего, что бы можно было противопоставить разложению (это последнее замечание самое

дельное, но это же не дело цензора!). Короче говоря, делу дан ход, главная редакция завертелась, остается ждать.

Как только что-нибудь прояснится — дам знать.

Очень, очень сильно копают под Белу и Жемайтиса. А кто — неясно. Быть нам жертвами в этой борьбе. Но ты все-таки не Б. Хвост трубой.

А Котляр ходит в ЦК регулярно и гадит. А? Об этом замглавного Беле шепнул.

Привет всем. Целую, твой Арк.

Бела Клюева рассказывала об издании ХВВ так:

ИЗ: КЛЮЕВА Б. ВОСПОМИНАНИЯ

Серьезные испытания начались с появления в 1965 году в редакции рукописи повестей «Хищные вещи века» и «Попытка к бегству». Несмотря на вполне еще терпимое отношение начальства к Стругацким, она с самого начала вызывала у самих авторов и в редакции некоторые опасения. Редакция прибегнула к обычному в таких случаях методу — предпослала книге предисловие именитого человека. На этот раз это был Иван Антонович Ефремов. Ефремов не очень одобрительно отнесся к «Хищным вещам», он даже сказал Аркадию, что не туда, мол, они идут. Тем не менее, во имя спасения книги написал предисловие, в котором правильно (для чиновников) расставил все акценты. В «Комментариях» Бориса Стругацкого великолепно отражены и наша тревога за судьбу книги, и наша борьба буквально за ее выживание. Но ни Борису, ни Аркадию я никогда не рассказывала о моих первых «сражениях» с главной редакцией Издательства за спасение ее.

Первые этапы прохождения рукописи — от подписания в набор до подписания ее в печать — прошли гладко. Осипов, как всегда, положившись на мою оценку — «Вещь хорошая»,— не глядя подписал ее в набор и в печать (тут обычно редактор вздыхает с облегчением — задержек больше ждать неоткуда). И вдруг, спустя некоторое время, меня вызывает «на ковер» главный редактор и «тычет мне в харю» подписанную в печать сверку, разрисованную красным карандашом цензора, и кричит примерно так: «Вы что наделали? Обманули меня, сказали, что книжка хорошая! А это что? В «лапшу» прикажете?» (В лапшу в те времена нередко рубили неугодные начальству книги, по-

рой даже изымая их из продажи.) Я, мельком взглянув в сверку, попросила дать мне ее на просмотр. Главред швырнул ее на стол, я взяла ее и пошла в редакцию. Просмотрела подчеркнутые места — не поняла, чем недовольна, чего хочет от меня наша цензорша и что мне делать: сверку было велено вернуть в тот же день. Тут зашла ко мне моя коллега, заведующая редакцией зарубежной литературы Наташа Замошкина. Я ей показала художества нашей цензорши и спросила, как тут быть — ведь книгу загубят! Она согласилась со мной и посоветовала постараться не возвращать Осипову сверку: он пошлет ее в ЦК ВЛКСМ, и там книгу наверняка зарежут. Я положила сверку в стол и, когда вечером Осипов по телефону потребовал ее к себе, я бухнула в ответ: «У меня нет ее», еще не зная, что буду говорить дальше. «Как нет? Где же она?» — «В ЦК партии».— «Что? Каким образом?..» — «Тут у меня оказия случилась, и я передала ее в ЦК».— «Кому?» — «Поликарпову». (Дмитрий Алексеевич, заведующий отделом агитации и пропаганды, в то время величина для нашего начальства недостижимая.) Осипов бросил трубку. Через некоторое время снова требует меня к себе. Я прихожу — он укрепил свои позиции секретарем парторганизации издательства. Началось с дуэта: да как вы посмели, вы давали подписку о неразглашении тайн, вы — много разных слов. Наконец вопрос: «Почему вы так сделали?» Хочу посоветоваться, отвечаю, мне Дмитрий Алексеевич что отец родной, кохал меня (помню, что именно это слово почему-то взбрело мне на ум и я упорно повторяла его потом в разговоре), еще когда я была ребенком (и не то, чтобы вру: Поликарпов был другом моих родителей, и они не раз говорили мне о нем, что он был талантливым самородком: не получив в свое время по бедности образования, он сам много читал, был эрудитом, обладая незаурядной памятью, словом, был интересным, образованным человеком, но — увы! — человеком того времени). Тут уж, как говорится, взятки — гладки, отпустили меня без дальнейших разговоров. Некоторое время я ничего не предпринимала, сверка тихо лежала у меня в столе. Наконец встретилась я с директором Издательства Ю. С. Мелентьевым и на его вопрос, как дела с «Хищными вещами века», ответила, что посмотрели их там, наверху, сказали, что ничего страшного в этих произведениях не находят, можно публиковать. Вот тогда только он велел мне вызвать авторов, а о том, как пошел разговор у Стругацких с Мелентьевым, вы знаете из «Комментариев» Б. Стругацкого. Я присутствовала на перего-

ворах директора с моими авторами, но помалкивала, опасаясь своим вмешательством теперь только навредить.

Считаю, что отделались мы «малой кровью»: кое-где по красному карандашу внесли «поправки», и Аркадий предложил предпослать «Хищным вещам» предисловие о Стране Дураков, которое по смыслу своему практически повторяло предисловие к книге И. А. Ефремова, зато для начальства должно было стать свидетельством «правоверности» самих Стругацких. И работа над этим предисловием шла очень туго: от Аркадия требовали вычеркнуть одно, дописать другое, без конца морщили нос и, наконец, смилостивились. Книга вышла в свет. Правда, В. О. Осипов обещал после этого рассматривать «через микроскоп» каждую отредактированную мною рукопись. Обещание свое он не выполнил, ибо читать, да еще фантастику, он категорически не мог, но портить жизнь Стругацким и наказывать меня за выходившую в те годы фантастику ему помогали доброхоты-рецензенты, постоянно оплевывавшие эту литературу в солидных газетах и журналах, даже в «Крокодиле».

Небезынтересно и то, что в 1966 году бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «О неблагополучном положении в редакции фантастики издательства «Молодая гвардия». Как стало мне известно совсем недавно, поводом для этого послужила «Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о серьезных недостатках в издании научно-фантастической литературы от 05.03.1966 года» за подписью А. Яковлева и И. Кириченко. В ней подробно анализировались и были признаны идейно вредными повести Стругацких «Попытка к бегству» и «Хищные вещи века».

«Записка» и постановление — еще впереди, в 66-м году. Пока же — середина 65-го, грядущие неприятности не кажутся неизбежными, еще есть надежда, что все препоны лишь случайны.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 26 ИЮНЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Ну что тут сделаешь? Хотел с горя пойти на улицу, набить кому-нибудь морду для облегчения, да махнул рукой. Не везет нам с ХВВ, но ведь на то и шли. Таков наш первый опыт сугубо сомнительного писания. Ясно одно: книжку надо спасать. Вероятно, можно надеяться, что Бела будет присутствовать на за-

седании редакции? Предложи ей такой план защиты (учитывая сделанные три замечания):

ХВВ — есть памфлет на капиталистическое мещанство. Да, некоторые черты страны чрезмерно подчеркнуты и раздуты; да, не показаны силы, которые сопротивляются; да, разложение гипертрофировано. Но ведь это же памфлет! Это не история р е а л ь н о й страны. Это история страны выдуманной, страны-обобщения. Поэтому, естественно, краски сгущены для того, чтобы показать весь ужас мещанства, как наследия капизма. В книге обобщенное мещанство противостоит обобщенному же коммунизму, не надо упрекать книгу в неконкретности деталей.

Насчет невозможности нищих стран при наличии богатых стран — это несерьезно. Но можно сказать, что под азиатом мы изобразили (опять же памфлетно, обобщенно, символически) — экстремизм диктаторов, не желающих считаться с нуждами народов.

Что же касается экспорта революции, то совершенно ясно, что никакого экспорта на штыках нет и намека. Есть экспорт идеологии, что можно только приветствовать.

Всё это ты, наверное, и сам знаешь, но я на всякий случай пишу, просто, чтобы как-то скомпоновать.

Можно ли рассчитывать на амбицию редакции (какой-то там цензоришка нам, ответственным и главным, будет указывать, что к чему, и срывать план)? Можно ли рассчитывать на финансовые соображения редакции (невыгодно и разорительно убивать готовую доходную книгу)? Можно ли надеяться уломать цензора? Отпиши.

Целую, привет Ленке [подпись]

P. S. Кстати, будет ли редакция читать книгу перед совещанием? Или поручат прочесть кому-либо одному и сделать доклад?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 28 ИЮНЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Пока ничего нового. Редсовета еще не было. Осипов никак не соберется прочесть, а скорее всего, просто волынит, не желает брать на себя ответственность. Теперь все ждут Мелентьева, он сидит где-то в заграницах и его ждут на днях. Прочитали ХВВ завы редакций зарубежной литературы и эстетического воспитания, оба считают, что повесть хороша и ее надобно скорее печатать. Все

меня успокаивают, даже Ревич. Он, кстати, сейчас же взял верстку и написал рецензию для редакции. Я ее еще не видел. Ну что ж, будем ждать. А времена тугие наступают, судя по всему.

Кстати, тебе известно, что «Возвращение» стоит в списке обязательного внеклассного чтения для уч-ся 7–8 классов? Это мне Наташка сказала.

С зубным врачом я покончил. Вырвано пять зубов, запломбировано два. Теперь остается протезист. Иду к нему сегодня.

Очень хорошо ты ответил на анкету, у меня сердце радовалось. Я так и перепечатал, и отослал ничего не исправляя.

Вот и всё пока. Пиши. Привет всем, поцелуй Адку.

Твой Арк.

В это время в № 7 журнала «Нева» выходит статья Адольфа Урбана «Фантастическая или философская?», один раздел из которой посвящен АБС. В нем после пересказа сюжетов ПКБ и ТББ делается вывод: «Острые конфликты повестей Стругацких подробно трактуют моральные проблемы, возникающие из общения разных цивилизаций. Проблемы, не до конца еще решенные на Земле. Не ушли в прошлое колониальные войны. Не ушла в прошлое «политика силы» по отношению к малым народностям».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 1 ИЮЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Посылаю черновик статьи для Детск. Энцикл. Приведи его в порядок, перепиши, перетопчи, перемеси — словом, сделай все, что душе угодно, а то я уже изнемог. Я сажусь сейчас за предисловие к Азимову.

По линии ХВВ ничего нового. Прочитали еще кое-кто из редсовета, говорят, что можно издавать. Прочитал некто Митрохин, работник института философии и друг Мелентьева, ему не нравится, хотя он и наш почитатель, литературно. А в цензурном смысле — что не определена социология мира и страны. Но он доброжелателен. Я с ним говорил, привел все аргументы, кое с чем он согласился, и вообще сказал, что читал, как ему и сказала Бела, с предубеждением. В общем, он будет за нас, если что. Ждут Мелентьева.

Постарайся прислать статью к 8–9 июля.

Целую, привет Адке.

Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 3 ИЮЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо и бандероль со статьей и письмом. Что ж, будем ждать Мелентьева. Спасибо и на том, что многие из редакции высказываются «за». Кстати, в каком, собственно, состоянии книга? Это верстка? Последняя? Ты мне напиши, а то я плохо себе представляю, насколько она готова к печати. Наверное, нам нужно быть готовым вставлять туда новые «благодару и ура»[1]. Неужели же зарежут почти готовую книгу накануне выпуска!

Статью твою прочитал с удовольствием. По-моему, хорошо. Так и надо писать — с упором на лучшее, а не на дерьмо. Утрем нос ККК[2]. Ты пишешь, чтобы я перепечатал — непонятно, зачем? В целом все ОК. У меня только два замечания — одно более общее, а другое — мелочь.

1. Многовато сложных умных слов: «тенденции», «ассоциируется», «гротескный» и пр. Наверное, надо все-таки в этом пойти навстречу молодому читателю, хотя, конечно, энциклопедию, даже детскую, читают в основном родители, а не дети. Я думаю кое-что популяризировать и на том и закончить свою редактуру.

2. Ты пишешь про ноябрьскую книжку «Журнала научной фантастики» (Япония), что там включен «старый рассказ французского фантаста Андрэ Моруа». Вообще-то Андрэ Моруа не фантаст, а писатель-академик, классик. У нас недавно вышла его небольшая книжка рассказов «Фиалки по средам»[3]. Конечно, возможны два экз. Андрэ Моруа, но если рассказ называется, как я подозреваю, «Отель Танатос» (о гостинице для самоубийц), то это тот самый великий Моруа — эстет, стилист, современный Мопассан. Ты проверь. Я тут исправлю в твоем тексте, а если окажется, что это не тот Моруа-классик, то ты вновь переправишь, но на всякий случай, все-таки, помягче: не «писатель-фантаст», а просто «писатель».

Вот пока всё мои замечания. Может быть, будут еще — посмотрим. Статью я надеюсь выправить за воскресенье и понедельник, а во вторник вышлю.

---

[1] «Благодару (или «брагодару») и ура» — цитата из письма АБС их японского переводчика Ииды.

[2] Новый вариант триумвирата идейных врагов: Казанцев, Котляр, Колпаков.

[3] Моруа А. Фиалки по средам.— М.: Изд-во иностр. лит., 1963; М.: Мир, 1964.

Новостей у меня никаких нет. Получил пятый нумер «ИнЛит-ры» — с удовольствием прочел там Шекли и с удовлетворением — бр. Стругацких[1]. Над докладом думаю, над «Лесом» — тоже, над ХВВ -- паче всего, днем и ночью. Неужели же зарежут, сволочи! Стрелять хочется. Цензоршу эту я бы со сладострастием распял и сек бы розгой — день, другой, третий, с перерывами на еду и на сон... И очень меня беспокоят твои намеки на то, что «времена наступают тугие». Слушай, если Мелентьев не зарубит ХВВ на корню, а просто потребует каких-то переделок — обязательно вызывай меня в Москву. Заодно и поговорим.

Крепко жму твою честную волосатую ногу, твой [подпись]

P. S. Севке передай, что нужные ему марки я ищу, и есть надежда (небольшая), что найду.

Идет ли его рецензия на Каз<анце>ва?

P. P. S. Леночке гранд-привет. Пусть тебя оберегает от зубных болей и душевных депрессий.

5 июля братья опять пишут два «встречных» письма.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 5 ИЮЛЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик!

Продрал нынче глаза, а письмо твое — вот оно. Приятно.

Ты спрашивал о том, в каком состоянии ХВВ. В самом что ни на есть готовом. Это сверка, последняя сверка. Матрицы поставлены в машины и готовы начинать шлепать десятки тысяч экз-ов в день. Со склада привезли сто пятнадцать тысяч готовых обложек. Все наготове. Только цензор оказался сукой. У меня здесь вообще такое впечатление, что мы случайно пали жертвой какой-то склоки между цензурой и главной редакцией. Но новостей по-прежнему нету. Будем ждать.

Радуюсь, что понравилась тебе статья для ДЭ. Жду, отдам в перепечатку и отнесу. Что до Андрэ Моруа, то это тот самый. Рассказ называется «Жизнь человеческая», он из цикла «Невозможные миры».

Рецензию Ревича на Казанцева ты, наверное, уже читал. Она здесь произвела известный фурор. Но реакции той стороны я еще не знаю.

---

[1] [Предисловие к рассказам Р. Шекли] // Иностранная литература (М.).— 1965.— № 5.

Был я у Севки, виделся с Биленкиным. Хороший парень, славно посидели и потрепались. Он между прочим рассказал, что Казанцев прислал в «Известия» письмо «О странной позиции изд-ва "Молодая Гвардия"», в каковом письме обвиняет изд-во в уклонении от курса советской фантастики и в сплачивании вокруг себя молодых литераторов, пишущих в подражание худшим западным образцам и в большинстве нерусской национальности. А на следующий день я был в Мол. Гв., видел Сережу Жемайтиса, и он сказал, что ККК написали еще один донос в ЦК ВЛКСМ и этот донос уже переслан оттуда в издательство, но что там написано, пока неизвестно.

Ну вот и все. Поцелуй Адку.

Твой Арк.

А я сейчас сижу и пишу предисловие к Азимову.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 5 ИЮЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Первые два листа я перепечатал заново и несколько подредактировал. Остальное все оставил.

Новостей нет, никого не вижу да и видеть-то не хочу. Давеча, правда, раздобыл пленку с записями песен Галича, Визбора и Якушевой, слушаю себе и вдруг — что такое! Очень приятный хор молодых басов исполняет: «Ты слышишь печальный напев кабестана...» Сочинили очень милый мотив, оставили только три куплета, поковеркали их малость и — дают копоти! Было приятно. Вот так, наверное, и возникло мнение о Стругацких как акынах.

Жду твоих писем со страхом и надеждой,

целую, жму, твой [подпись]

P. S. Все-таки статья получилась взрословатая, да что поделаешь? Сожрут. А?

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 9 ИЮЛЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

По-моему, предисловие отличное. Я только выловил несколько насекомых, показавшихся мне блохами, и ничего больше менять не стал. И не стоит убирать цитаты: в них Азимов говорит о себе лучше, чем мы могли бы сказать о нем. Вот только, может быть, взять другое заглавие? Что-нибудь из его высказываний. Скажем: «Я желал бы уничтожить ненависть». Или:

«Фантастика служит человечеству». Или: «Человечеству больше не разрешается враждовать». А в подзаголовок вынести: Айзек Азимов — человек и фантаст.

У меня особенно нового нет ничего. Адка достала для Ленки очки. Скоро я вам их вышлю, найду только соответствующую коробочку. Правда, стекла будут отдельно, оправа — отдельно, но это уж вы сами.

Адка сегодня уезжает в Гагры с Андрюхой. Я остаюсь один. Мне будет грустно и скучно. Приезжай — потоскуем вместе. Приезжай с Ленкой. Будет хорошо. И мама вот тоже вернулась с дачи — не выдержала, сбежала, хочет дома.

Вчера кончил читать наконец «Зе эмейзинг партнершип»[1] — ну и г... же! Но я прочел ее всю и очень горд — это моя первая английская книжка. Мне тут привезли из США книжку «Ворлдс оф сайнс-фикшн» за июль 1965, хочу перевести оттуда один рассказик, может, пригодится для антологии.

Купил в Лавке Пастернака, стал листать и вдруг наткнулся на любопытное стихотворение. Оно в первой редакции называлось у него «Будущее» и там рассказывается, как у входа в лес поет на веточке птичка, «как бы оберегая вход в лесные норы. За нею целый мир берлог, пещер, укрытий, предупреждений и тревог, просьб о защите». Потом идет описание леса и кончается стихотворение (уже в новой редакции) так:

За поворотом, в глубине
Лесного лога,
Готово будущее мне
Верней залога.

Его уже не втянешь в спор
И не заластишь,
Оно распахнуто, как бор,
Всё вглубь, всё настежь.

Хорошо было бы «Лес» назвать «За поворотом, в глубине» и дать такой вот эпиграф. Слишком уж многозначительное совпадение.

Я все корячусь, стараюсь сочинить песенку для «Леса» — не получается, хотя бродят какие-то образы и символы в мозгу. Слушай, а Манин не обиделся?

---

[1] Возможно — повесть Дж. Оппенгейма.

Зашли как-то тут ребятишки-школьники из звездинского объединения, принесли почитать свои опусы. Ничего опусы. А один, с забавной фамилией Лемхен[1] (маленький Лем) написал большую пародию на всех фантастов разом. Мы там — братья Рубацкие. Так вот младший Рубацкий рассказывает, как у него в комнате торопливо сконденсировался человек:

«Некоторое время он, светски улыбаясь, глядел на меня. Потом заметил:

— Я, собственно, из будущего.

— Это как же?

— А вот так. А зовут меня Ха Эм Иванов.

— С ума сойти,— сказал я.

— Я, собственно, вас очень уважаю... Собственно, в будущем вас любят все.

— Мне чрезвычайно лестно,— заявил я.— И Аркадию тоже будет...

— Вам с братом памятник поставили,— сообщил Ха Эм доверительно.— Золотой».

Дальше приходишь ты, и мы выражаем желание осмотреть памятник.

«Мы вышли на улицу. Мостовая была забита народом.

— Где же ваш аппарат? — спросил я.

— Собственно...

— Понятно,— сказал Аркадий и с криком: — Товарищи! Товарищи! Пропустите экспертов,— ринулся на толпу».

Потом мы влазим в машину, Ха Эм нажимает на рычаг.

«Меня что-то кольнуло, а Аркадий странно взглянул на меня и вдруг заорал:

Ой бував я в тим садочку
Та скажу вам всю правдочку:
Ото так копають мак.

Я с ужасом обнаружил, что подпеваю ему».

Наконец мы прибываем к памятнику:

«Машина стояла в сквере у памятника, чем-то напоминающего памятник Минину и Пожарскому в Москве и ленинградский памятник Крылову одновременно. Постамент был укра-

[1] Имеется в виду Михаил Лемхин. Литерация «Лемхен» появится вновь в ПНО, где персонаж с такой фамилией — «приятельская шутка», как писал сам Михаил в НС-4.

шен с большой изобретательностью. Тут была и щука, высовывающая замшелую физиономию из ведра, и какой-то странный диван, и гриф с чрезвычайно большим носом, и даже кот с балалайкой, который, завидев нас, поднял лапу и закончил когда-то начатую фразу: «...дурак, естественно».

— Хорошо сработано,— авторитетно заявил Аркадий, похлопав свою золотую голову. Аркадий был явно доволен.

— А не могли бы вы подарить нам эту машинку?

— Как вам будет благоугодно,— сказал вежливый Ха Эм с облегчением. Очевидно, он сосредоточил в этой фразе всю свою светскость.— А ежели еще ковер-самолет,— добавил он,— или, допустим, скатерть-самобранку, то за мной не пропадет...»

И т. д. и т. п. Забавно в общем. Там есть отличное место, как изготовленный Брускиным (Доскиндом) студень вдруг заговорил придушенным голосом. Брускина заставляют студень сожрать, хотя он и отбивается, и оказывается, что все в порядке — просто кто-то уронил в студень транзистор.

Ну ладно, жму каждый твой волосок, а также протез, твой [подпись]

P. S. Ленке спецпривет.

Приезжайте!

Кульминационный этап прохождения ХВВ через издательские рогатки в письмах из Москвы описывает БН. Причина этому такова:

ИЗ: БНС. КОММЕНТАРИИ

Ждать нам оставалось еще недели две. АН, так и не дождавшись, улетел с семьей на юг, в отпуск, БН приехал в Москву и жил один в пустой квартире, ожидая, пока его вызовут.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 17 ИЮЛЯ 1965, М.— ОДЕССА

Дорогие братья и сестры!

Встреча состоялась. Присутствовали: Мелентьев, Гусев, Фальский, Бела, Сергей[1]. Говорил в основном Мелентьев, остальные молчали. Фальский не сказал ни единого слова. Бела,

[1] Здесь и далее — Жемайтис Сергей Георгиевич, заведующий редакцией «Молодой гвардии», писатель.

практически, тоже. Сергей пару раз проснулся и сообщил: один раз — что речь идет о расстановке акцентов, а второй — что Жилин старый герой Стругацких и из прежних книг видно, что он коммунист. Гусев встревал в разговор каждый раз, когда мне удавалось остановить словоизвержение Мелентьева (было несколько таких случаев, и каждый раз Мелентьев был весьма недоволен — ему хотелось говорить). Гусев говорил очень странно: то за нас, то вдруг ни с того ни с сего против. У меня создалось впечатление, что книга ему весьма понравилась, но есть указание придираться, и вот он придирается. В общем, он мне показался приятным и субъективно нашим.

Мелентьев начал с нападения («Как вы себе представляете мир, Землю в вашей повести в описываемое время?») и нападал практически все время. Несколько раз мне удавалось остановить его наступление (я тоже орал), но он возрождался вновь и вновь, пытался ловить меня («Авторы прекрасно понимают, что имеют в виду не только капитализм»), лягал редакцию, «излишне влюбленную в авторов», нес околесицу — совершенно, между прочим, нецензурную — об экспорте революции, об Испании, о Китае — одним словом, излагал.

Я окончательно перешел к защите, когда он прямо сказал, что конец повести находится в противоречии с идеологией издательства. Это толстовство, мы за экспорт революции, и вы нас не собьете. Извольте, чтобы в конце стало ясно: 1. Что Жилин не один. 2. Что никаких столетних разговоров не может быть. 3. Что Жилин намерен опираться на прогрессивные силы страны и заниматься не воспитанием, а делами похлеще. Спорить стало невозможно. Раз идеология издательства не совпадает с идеологией автора, то что уж тут спорить. Между прочим, в общем он настроен вполне доброжелательно. Если отвлечься от тона и собрать воедино его рассуждения (зачастую противоречивые), то образуется такая картина:

Книга важная и нужная. Мы готовы издать ее и защищать в дальнейшем перед цензором и от котляров. Проделанные исправления уже внесли определенную ясность, этот процесс надлежит завершить. Издательство не защищает ничьих позиций, кроме позиций издательства. Издательство проводит определенную линию и базируется на определенной идеологии. Для того чтобы издательство и в дальнейшем могло следовать этому пути, издаваемые книги должны лежать в русле издательской идеологии. Для этого осталось внести последний акцент:

сделать Жилина одним из многих и показать, что он намерен заниматься не воспитательной работой (во всяком случае — не только), а помощью прогрессивным силам. В этом случае книга станет нашей, и мы будем готовы за нее отвечать, хотя там останется еще масса двусмысленностей и крючков для повешения собак.

Распрощались мы дружески. Я сел и внес все необходимые исправления, а именно:

1. Выбросил слово «угнетение» в одном из размышлений Жилина, когда тот думает: «здесь нет угнетения, здесь никто не умирает с голоду». Мелентьев решительно настаивал на уничтожении первой части этой фразы, дабы не дать оружия в руки котлярам. Ладно.

2. Выбросил слово «столетний». Жилин теперь предлагает просто «план восстановления и т. д.» Слово «столетний» приводило Мелентьева в неистовство и не помогали никакие ссылки на Ленина. Он просто замолкал, а через некоторое время принимался говорить о том же.

3. Расширил уже сделанную нами ранее вставку в последний абзац книги. Теперь Жилин думает примерно так: я не один, даже здесь. Должны быть люди, которые ненавидят всё это так же, как мы (МЫ). Они просто не знают, как. Но МЫ-то знаем. Мы им поможем, мы их научим, что надо делать и как не растрачивать ненависть на мелочи. НАШЕ место здесь. И мое место здесь... и т. д.

Как видишь, я бросил им огромный кусок, но странно — я не испытываю особых угрызений совести. Во время этого разговора я вдруг осознал, что дело ведь совсем не в том, что предлагает Жилин делать. Это все моча, болтовня. Я даже предложил Мелентьеву вообще выбросить всю резолюционную часть книги, оставить только постановку проблемы, но он требовал крови. «Короче, вы стоите на позиции Марии?» — спросил я. «Да»,— сказал он прямо. Мне стало смешно и страшно.

В конце разговора я спросил, последние ли это исправления, будут ли еще претензии у издательства? Нет, сказал он. Если эти акценты будут расставлены, то останутся только возможные претензии Главлита.

Итак, исправления я внес (и старые, и новые) в рабочую корректуру (он отдал нам наконец рабочую корректуру) и отдал все Беле. Она одобрила в общем и даже сказала, что мы даем слишком большой кусок. Теперь в понедельник она отнесет это Гу-

севу и Мелентьеву и позвонит мне. В это же время Алька[1] отвезет Ефремову наше предисловие, чтобы он вставил его в свое. Жемайтис говорил с Ефремовым, я тоже. Старик, кажется, согласен. Кстати, Мелентьев специально настаивал на этой операции и говорил, что предисловие хорошее и многое разъяснило. Вот так.

Будем ждать дальше. Перед отъездом я напишу тебе еще одно письмо, где изложу окончательное положение дел.

Должен вам сказать, что Мелентьев произвел на меня весьма большое впечатление. Нет, он не умен и не слишком-то образован. Он даже не такой уж великий спорщик — я отбил все его удары, пока он не заговорил об идеологии издательства. Но он велик удивительной самоуверенностью, чудовищным апломбом и полным отсутствием самокритичности. Его можно остановить, но его нельзя заставить попятиться, если он это не хочет. Ты можешь заставить его замолчать, он замолчит, переведет разговор на другую тему, а потом снова вернется к старому и будем говорить то же, пусть другими словами. Великий человек. Удивляюсь тебе, Арк: у меня не возникло ни малейшего желания сблизиться с ним. Он велик, но не вызывает никакого интереса. Начисто. Просто будущий министр. Человек-стена, непреклонный, как Модест Матвеевич.

Ну, ладно, целую, жму, ваш [подпись]

P. S. Позапирал ящики, м-м-мать!.. Пишу на дерьме какомто. [Письмо напечатано на бумаге в линейку, как в тетрадях для учета.]

Свое впечатление от увиденного и услышанного БН позже описывал так:

ИЗ: БНС. КОММЕНТАРИИ

Мне стало страшно, потому что Мелентьев был в этот момент без пяти минут в ЦК, и я воспринимал его уже как человека из правительства, и вот этот человек из правительства ОТКРЫТО, ПРИЛЮДНО занимает позицию политического экстремиста, готового вмешиваться, вторгаться, переделывать «под себя» любое государство, устройство которого противоречит его идеологии. Это был открытый и уверенный в своей пра-

[1] Здесь и далее — Лобанова Алевтина, редактор «Молодой гвардии».

воте сторонник «привнесения революции на штыках». И мне было смешно, ибо весь сыр-бор загорелся ведь именно потому, что глупая цензорша как раз и обвинила НАС в том, что мы ратуем за такое «привнесение». Директор издательства требовал от авторов того, что цензура полагала недопустимым.

(Это противоречие, несомненно, было следствием невероятного идеологического бардака, который царил в головах начальства еще с 20-х годов. С одной стороны, «революция на штыках» была выдумкой Троцкого и официально была заклеймена самым решительным образом. А с другой стороны, вся политическая практика — всегда! — опиралась именно на эту доктрину, и как раз именно в середине 60-х уже вовсю напористо шло невидимое вторжение СССР в Африку и в Латинскую Америку.)

ТЕЛЕГРАММА БОРИСА БРАТУ, 24 ИЮЛЯ 1965, М.— ОДЕССА

СЕЙЧАС КНИГА ПОДПИСАНА ВТОРУЮ СВЕРКУ ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ ЦЕЛУЮ = БОРИС

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 25 ИЮЛЯ 1965, Л.— ОДЕССА

Братья и сестры!

К вам обращаюсь я, друзья мои![1]

Итак, я в Ленинграде. Вчера кончился первый и, по мнению Белы с Сергеем, главный этап эпопеи. Я немедленнейше взял билет и полетел домой.

Почему я молчал и что произошло? Как известно, в субботу после разговора с Мелентьевым я в темпе внес исправления, и мне велели ждать понедельника для окончательного подписания. Понедельник этот начался для меня в ту же субботу и длился всю неделю. Сначала несколько тянул Ефремов, которого упросили вставить наше предисловие в свое. Закончил он это к среде. Потом происходило что-то неясное с начальством. Потом у Белы начались свободные дни. Потом я был вызван в пятницу, но ни Мелентьева, ни Гусева на работе не оказалось: уехали в ЦК. В 5 часов они явились, и Жемайтис схватил их, и они на-

[1] Обращение из речи И. Сталина 3 июля 1941 г.

значили ему на субботу. Надо вам сказать, что Мелентьев достиг, наконец, высшей власти[1]: его перевели наверх и сделали заместителем Поликарпова. Именно в пятницу был подписан об этом приказ и уже с субботы Мелентьев перестал иметь к МолГв прямое отношение. И. О. остался Гусев, замещающий сейчас и директора и главреда. Уходя от нас в пятницу, тов. Мелентьев сказал, что единственное темное пятно, остающееся за его уходящей в выси спиной, это ХВВ. Но, сказал он, уходя от нас, если предисловие сделано и если все поправки внесены, то ничего, можно. В субботу в девять часов я был в МолГв. В 10 Сергей пошел к Гусеву. В 11 Бела смылась на каких-то французов. В 12 явился Сергей, поглядел на меня верблюдом и сказал, что все в порядке, но надо сделать еще некоторые исправления. Исправления привели меня в изумление. Гусев не понимал, что такое «кормовые ноги» кибера и сомневался: как это у них там устраиваются развлекаться ПО ЗНАКОМСТВУ (разговор Жилина со шлюшкой в баре, перед дрожкой). Я немедленно уничтожил знакомства и отстоял кормовые ноги, сославшись на ряд обстоятельств. В 12.10 Гусев был уже занят и просил прийти через часок. Я сбегал в магазин и купил для Альки конфет и орехов. Потом беседовал с Сонькой[2] о литературе и твисте. Начала звонить Нина, нетерпеливо ждавшая меня над гранками, которые надо было подтягивать и растягивать совершенно срочно. (Кстати, накануне я был у Нинки, пил чай и рассуждал о дружбе и любви.) В 12.30 пришел сияющий Жемайтис и пожал мне руку. На исковерканной верстке стояла неразборчивая надпись красным карандашом. Мне объяснили, что там написано: «на вторую сверку. Гусев».

Итак, книжка идет на подверстку, потом к корректору, потом к цензору. Ребята не боятся цензора, но считают, что все возможно. Мне разрешили уехать. Я бросился давать вам телеграмму, потом к Нинке, исправил с ней гранки, посмотрел рисунки (блеск!), взял билет и улетел домой.

Вот так. Все ваши поручения я выполнил. Теперь начнется эпопея с «Лесом». Дмитревский ждет.

Бела обещала меня информировать о происходящем.

Вот пока и все. Крепко вас целую, ваш [подпись]

---

[1] Реминисценция из «Бориса Годунова» А. Пушкина: «Достиг я высшей власти...» (сцена «Царские палаты»).

[2] Митрохина Софья Александровна, редактор «Молодой гвардии».

P. S. Мы с Римом долго обсуждали проблемы дальнейшей борьбы. Он жаловался на пассивность и уклончивость Арка, а я говорил, что Арк не годен для открытого боя и что трогать его не надо.

Многократно виделся с Севкой, Севером и Володькой. У них пока всё хорошо.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 28 ИЮЛЯ 1965, Л.— ОДЕССА

Дорогой Арк!

Никаких особенных новостей у меня нет. Москва молчит. Возможно, это и к лучшему.

Сегодня ходил в Лениздат, отнес рукопись «Улиток». Встретился там с Дмитревским, очень сжато изложил ему наши перипетии и вручил рукопись. Он немедленно утомил меня длинным рассказом о Югославии, причем, по-моему, все время врал. Теперь я встречусь с ним завтра или послезавтра.

В Ленинграде спокойно. Равновесие.

Пишу я тебе в основном потому, что собираюсь уезжать в отпуск четвертого-пятого. Я старался оттянуть изо всех сил до 9-го, но это неудобно, я подвожу ребят, тем более, что первоначально мы намеревались выезжать 1-го. Ты всё это имей в виду. Может быть, тебе имеет смысл приехать в Москву не 9-го, а, скажем, 7-го хотя бы. Все равно же тебе там осто и насто, что я, тебя не знаю.

Чувствую себя каким-то замотанным, ни черта не делаю — копаюсь в марках и листаю журналы. Был намедни в Обществе Коллекционеров. Старый дядька, принимавший меня в члены, излагал историю и задачи Общества. Начал он так: «Наше Общество существует давно, но, правда, при культе оно было закрыто...» Господи! Коллекционеры-то при чем тут!

Словом, давай! Жму загорелые члены, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет и лобзания.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 29 ИЮЛЯ 1965, ОДЕССА — Л.

Дорогой Боб!

Получил наконец-то от тебя письмо. Слегка поволновались, ты бы все-таки в телеграмме сказал, что возвращаешься в Л-д. Ну, насколько я понимаю, мы — в смысле ты — сделали все,

что можно. Цензура должна пропустить, поскольку ее послушались и верстку всю искалечили. Будем ждать.

У нас все ничего. Вообще, если придется, обязательно побывай в этих местах. Они отличаются тем, что в самый палящий зной здесь дует холодноватый ветерок. Это очень облегчает жизнь. Вспомню только, как плавали мы в раскаленном крымском воздухе, и ликую. А пляж здесь плохой, ракушечник, без туфель нельзя. А люди здесь толсты фантастически. Вообще, одесситы и южные украинцы — это отдельный народ, с загадочными обрядами и поступками. С раннего детства у такого человека (мальчика или девочки, безразлично) бедра и грудь взрослой пожившей женщины, брюхо вываливается из трусиков, шеи нет или очень мало, и все этак трясется, трясется...

Мы здесь подружились с В. Л. Киселевым, автором «Воров в доме». Читал он нам еще главку из новой повести и рассказ, хорошо. Левый, но влиятельный (судя по рассказам). Ходим с ним покупать местное вино — сухое и довольно вкусное, идет вместо воды, рубль литр.

Вот пока всё. Если будет о чем, давай информацию.

Ленка целует. И я тож. Твой [что-то вроде подписи: буква «а» с завитушками и изображение лошади одновременно]

В августе — вновь интересная пресса. В журнале «Радуга» публикуется статья Виктора Коптилова «Окно в грядущее», где автор полемизирует со статьей Лукьянина «Рожденный прогрессом». В качестве примера использования в фантастике мотива путешествия во времени приводится повесть «Попытка к бегству», в которой выделяются «слияние поступков героев, философских размышлений и фантастической идеи авторов».

В № 15 журнала «Коммунист» выходит статья Михаила Емцева и Еремея Парнова «Наука и фантастика», где об АБС (в основном о ТББ и ДР) опять же упоминается положительно.

А 21 августа «Московский комсомолец» публикует беседу корреспондента АПН В. Петряевской с АБС. Ее перепечатывают два рижских издания («Ригас Баллс» и «Советская молодежь»), два ленинградских издания («Смена» и «Вечерний Ленинград»), а также газета «Копейский рабочий» (Челябинская обл.).

АБС. ВЛЮБЛЕННЫЕ В ФАНТАСТИКУ

Двое молодых, веселых, очень милых людей сидят на диване и, улыбаясь, ждут моих вопросов. Аркадий и Борис Стругацкие, изве-

стные писатели-фантасты. Их книги любят и с нетерпением ждут, ими восхищаются, о них спорят. С авторами соглашаются или возражают, но ни одну их повесть читатели не оставили без внимания. А сейчас мы сидим в уютной комнате, их рабочем кабинете: большой письменный стол, кресло и, конечно, книги. Книг много, я даже не успела как следует рассмотреть все... Домашняя, очень располагающая обстановка, и сами они такие простые и свойские, что с ними хочется разговаривать сразу как с друзьями.

Мой первый вопрос журналисты, вероятно, задают всем соавторам со времен Гонкуров: как вы пишете вдвоем?

— Все, кто осмеливается писать вдвоем, втроем и более, прежде всего решают, о чем писать,— *отвечает Аркадий.*— Затем какое-то время, с позволения читателей, думают, а потом один садится за машинку, другой — в то старое удобное кресло, где сейчас сидите вы. И мысли, которые возникли в подготовительный период, излагаются на бумаге,— *улыбаясь заканчивает он.*

— То, что Аркадий живет в Москве, а я убежденный ленинградец, серьезных осложнений пока не вызывает,— *добавляет Борис.*

Борис — астроном, Аркадий — переводчик японской классики. Второй вопрос возникает сам по себе: как они начали писать и почему предпочтение отдали именно фантастике?

— Учителями и «виновниками» стали Уэллс, Алексей Толстой и Беляев,— *говорит младший из братьев, Борис.*— Сначала я был последователем, затем единомышленником и, наконец, соавтором Аркадия. Написали первую повесть — «Страну багровых туч». Ее напечатали, она даже получила премию. Такое одобрение было неожиданным и приятным, и мы написали вторую повесть — «Путь на Амальтею», затем — «Возвращение», «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга»... Последняя из опубликованных — «Трудно быть богом». Исполнение получилось, пожалуй, выше замысла. Задумывалась книга как веселый мушкетерский роман, история отважного рыцаря, который спасает от тирана цивилизацию иной планеты.

Но в процессе работы, а писали мы примерно год да переписывали раза три, получилось серьезнее и, нам кажется, интереснее.

Нечеловечески трудно быть человеком в том мире, где живет Румата Эсторский, где серость и невежество возведены в культ, а на страже варварства и жестокости стоит вся государственная машина арканарского королевства. Нас интересова-

но не покорение непохожих миров, а столкновение социальных и моральных критериев в цивилизациях, подобных земной.

Слушая Стругацких, я вспоминаю, какое впечатление на меня и моих друзей произвела эта книга, этот яркий протест против серости, мещанства, стадности, против сил и явлений, порождающих фашизм.

В течение разговора мы не раз еще возвращались к этой повести. Из всего написанного писателям особенно дорога эта книга.

— Мы ждем от вас еще одного традиционного вопроса,— *шутит Аркадий.*— И поскольку вы его упорно не задаете, ответим заранее. Наши планы весьма скромны. В пятилетнюю программу-минимум входят пока только две повести, пьеса, сборник рассказов-пародий. Но можем вдруг написать роман, и это не исключено.

— И, безусловно, фантастический,— *берет слово Борис.*— Фантастика такая область литературы, которая не связана никакими канонами, возможности ее безграничны. Мы не придерживаемся мнения тех, кто предпочитает видеть в фантастике только торжество сверхнеобыкновенной техники. Случается, что техническая терминология и непонятность убивают всякую возможность представить события и разобраться в них. Человеческие чувства задавлены мощью киберов, а сам маленький человек с его одиночеством в этом техническом совершенстве становится жалким и никчемным. Почему-то фантастику принято относить к разряду литературы для детей и юношества. Не станем говорить, что так считают все, но тем, кто хочет видеть в фантастике только занимательный сюжет, мы должны возразить: рассчитываем на читателя взрослого, думающего и серьезного.

Кто-то из древних говорил, что человек это мир. И вот перенести этот мир знаний, убеждений, восприятий в любую среду, ввергнуть в водоворот конфликтов, проследить его реакцию — это ли не задача для фантаста?

Так разговор, спокойно начавшийся, превратился в горячую защиту человеческих возможностей, независимо от эпохи.

— Если хотите,— *продолжает Аркадий,*— нам самим было интересно, как, скажем, тот же Румата-Антон, синтез человеческих добродетелей, будет вести себя среди варваров Арканара. Он убежденный гуманист. Его принципы требуют безотлагательного вмешательства в события. А он имеет право только смотреть, только наблюдать и не в состоянии применить тысячной доли своих знаний, чтобы не нарушить естественный ход истории.

Борис подходит к полкам, на которых собраны десятки томов научной фантастики. Безошибочно достает одну из книг. И, открыв ее, читает:

— «...Чаша погрузилась в Солнце. Она зачерпнула частицу божественной плоти, каплю крови Вселенной, пламенной мысли, ослепительной мудрости, которая разметала и проложила Млечный Путь...» Это Брэдбери, «Золотые яблоки Солнца». Да возьмите любой его рассказ — это не только фантастика, это поэзия. Брэдбери писатель честный, умный, видящий последствия. Мы считаем, что Ефремова, Брэдбери, Лема можно любить или отвергать, но не уважать их нельзя.

Сочетание необыкновенного, невиданного с физически ощущаемой обыденностью, поражающее своей неожиданностью и в то же время злободневностью проблемы,— вот что имеют предложить на сегодняшний день писатели, воображение которых не ограничивается классической проблематикой.

Стругацкие выбрали для своего творчества форму научной фантастики, увлекательную и перспективную. Писатель силой своего воображения заставляет ожить мечту ученого, а чем глубже проникает наука в тайны мироздания, тем шире горизонты писателя. Поэтому нельзя относиться к фантастике, как к литературе второстепенной. Проблемы ее в наше время не менее значительны, чем у большой классической литературы.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 28 АВГУСТА 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

Кажется, кончилось это вонючее лето, и можно будет заниматься настоящими делами. Так вот, к делу.

Ты просил сообщить, что с книгами. Ей-ей без перемен.

ХВВ еще немного покалечили и сдали, наконец, в печать. У меня уже выработалось к этой повестушке некое брезгливое отношение, слишком уж она захватана грязными руками, и не отмыться ей никогда. Ладно, будем ждать. Говорят, в августе выйдет. Нынче двадцать восьмое, мой день рождения, сорок лет дураку, думал, поднесут подарочек, но пока нет.

ПНвС идет пока гладко. Ходят даже слухи, что производственный отдел намерен сдать в сентябре тираж, то есть сигнал ожидается в середине сентября. Очень может быть, некоторым книгам на моей памяти такая удача выпадала. Но учти: Нина требует как можно скорее какую-нибудь замену для ЗИМа, ко-

торым я буду задавим, на всякий случай, если цензор запорет, чтобы моментально подставить, не задерживая. В остальном с этой книгой в порядке.

Другие дела, так-скать, прочее и разное.

1. Ревич, Биленкин и Громиха продолжают кампанию по преодолению культа личности в фантастике. На днях я был у Биленкина с Севкой, составляли мы список тех, кто будет присутствовать на историческом совещании. Набралось шестьдесят человек. Но вот беда. Голосовать могут только члены ССП, то есть в подавляющем большинстве люди незаинтересованные и равнодушные, а те, кто заинтересован, права голоса не имеют.

2. В начале сентября должен был я ехать в Чехословакию на какой-то конгресс международной писательской организации. Что я там буду делать — решительно непонятно. Впрочем, от Инкомиссии уже неделю нет ни слуху, ни, что утешительно, духу. Может, все и отложили.

3. В телевизионной газетке объявлено о создании тележурнала «Мир приключений». В нем будут участвовать «крупнейшие фантасты, как А. Казанцев, А. Днепров, С. Гансовский, Емцев, Парнов и другие». В частности, обещают какой-то многосерийный фильм. У нас телевизор сломался, так что ты там сам следи, может, что интересное, паки — забавное будет.

Каковы планы на сентябрь?

Поскольку мама всё равно на юге, а к тебе приезжают родственники, может быть, приедешь к нам? У нас будет в сентябре вполне свободно, родители в санатории, и можно будет поработать хорошо. Если я и поеду к чехам, то только на несколько дней. Ты как, а? И обговорим все, и поработаем, и новости узнаешь.

Давай решай. А то я соскучился.

Целую тебя, привет от Ленки. Поцелуй Адку.

Твой Арк.

«Нина требует как можно скорее какую-нибудь замену для ЗИМа, которым я буду задавим, на всякий случай, если цензор запорет, чтобы моментально подставить, не задерживая»,— пишет АН. БН позже об этом вспоминал:

ИЗ: БНС. КОММЕНТАРИИ

<...> Не могу не отметить, что цензура не слишком трепала эту нашу повесть. Повестушка вышла смешная, и придирки к

ней тоже были смешные. Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе. («Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим».) Дело в том, что в те времена Молотов был заклеймен, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ — Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопристойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 31 АВГУСТА 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Приехать я готов, но надо сначала выяснить вопрос с твоей поездкой за границу. Лучше было бы, если бы ты сначала съездил, а потом бы мы уже занялись делом. Так что выясни все поточнее и присылай мне вызов, буду ждать.

Есть несколько новостей — старых, но тебе неизвестных.

1. Еще в Москве я давал интервью девочке из «Недели». Интервью она написала довольно жалкое, но мне было лень всё это приглаживать, и я дал добро.

2. Муж этой девочки, некто Церковер, написал по ТББ пиесу для театра глухонемых. Мама рассказывала, что он в августе был в Ленинграде и пытался связаться со мной, чтобы дать почитать.

Перед самым моим отъездом меня поймал один режиссер Лентелевидения. Он снимает для новогоднего вечера «Суету». Я передал ему весь «Понедельник», потому что он мне понравился. Мы видели одну его постановку — «Кюхля»[1]. По-моему, нам понравилось. В роли Саши Привалова он надеялся снять Смоктуновского. На днях я ему позвоню: он говорил, что в конце августа «Суета» будет снята, и он приступит к продолжению.

4. Перед отъездом я беседовал с Дмитревским относительно «Леса». Дмитревский сказал, что интересно, но надо бы, чтобы я ему рассказал, о чем там речь и что ему писать во вводной статье. На днях я ему позвоню и договорюсь.

---

[1] Постановка А. Белинского, в главной роли С. Юрский.

Отдыхал я отвратительно: погода была дрянь и машина непрерывно ломалась, так что я совсем не отдохнул и работать мне не очень-то и хочется, хотя я знаю, что надо. Пока еще никому не звонил, но с 1 сентября возьму себя в руки и сяду на телефон.

Родственники приедут числа пятого, так что после пятого я могу уже спокойно ехать, если вызов окажется достаточно убедительным.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Поблагодари Севку за марки. Спроси у него, как достать адрес Б. Егорова, как вообще с ним связаться.

Спроси Нину, получила ли она деньги.

Поцелуй Ленку.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, ДО 4 СЕНТЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик.

Сигнала все нет.

Задержался с ПНвС. Дело в том, что этот старый болван Кирилл Андреев явился в Детгиз и стал хвастать Марии Михайловне, как он своей блистательной рецензией спас в Мол. Гв. книгу Стругацких. Мария Михайловна не знала о наших затруднениях, Нинка ее тщательно от этого отгораживала. Но после встречи с Кириллом она схватила сверку и стала читать, мало того, дала для гарантии читать Пискунову. Нина на стену лезла, дралась как лев, но была в разгаре сражена приступом холецистита, или как это там у вас называется. Пришлось вступить мне, я ругался, но кое-чем пришлось пожертвовать. В частности, вместо «человека будущего» везде будет «идеальный человек». И еще кое-что по мелочам. Но мне эти благодетели вроде Андреева-болвана уже надоели. Все хвастают, что это они сделали нас писателями. <...>

В общем, будет вторая сверка, сигнал все-таки ожидают в сентябре.

Сегодня я вызван в Инокомиссию, видимо, еду, хотя и не хочется. Вернусь, наверное, десятого. К этому времени будь готов выехать по первой телеграмме. Дело в том, что твое присутствие здесь будет в сентябре необходимо. Мы должны сдать наш том в биб-ку фантастики, обговаривая всё это с Белой и художником, ибо сдадим мы только один экз. Расклейку. Затем надо кончать с «Улиткой» и для этого вступить в переговоры с «Советской Россией» и «Советским писателем». Ты мне здесь

совершенно необходим. Если не приедешь, я один делать ничего не буду, слишком тяжела ответственность.

Вот пока всё.

Очень тебя целую, соскучился и одиноко.

Твой Арк.

Поцелуй Адку.

Севку никак не могу поймать. Нина деньги получила, но они не понадобились, и она вернула мне. А я их прожрал. Кстати, если нужны деньги — только мигни. Тотчас вышлю.

С 5 по 9 сентября АН находился в Чехословакии, в Марианских Лазнях, бывшем Мариенбаде,— на симпозиуме, посвященном Карелу Чапеку. Сергей Никольский, присутствовавший там же, позже цитировал выступление АНа на симпозиуме:

ИЗ: НИКОЛЬСКИЙ С. ЗАМЕТКИ О СИМПОЗИУМЕ В МАРИАНСКИХ ЛАЗНЯХ

<...> «Идеалом социальной фантастики является современный человек в самом глубоком смысле этого слова, человек, морально и психически стоящий на уровне наивысших отметок духовного развития сегодняшнего дня». <...>

ИЗ: НИКОЛЬСКИЙ С. КАРЕЛ ЧАПЕК — ФАНТАСТ И САТИРИК

<...> И в наши дни последний роман Чапека и его антифашистские драмы, по прежнему широко читаемые, воспитывают ненависть к идеологам войны, к бесчеловечной практике и идеологии вообще. Они и будят мысль и чувства читателя. Но, конечно, нельзя недооценивать и того факта, что «Чапек вместе с Уэллсом был одним из основателей совершенно новой ветви в литературе и искусстве XX века. Эта новая литература называется социальная фантастика, литература фантастического реализма»,— так сказал о Чапеке советский писатель А. Стругацкий на чапековском симпозиуме 1965 г. в Марианских Лазнях. <...>

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНу ОТ Е. БРАНДИСА

Дорогой Борис Натанович!

Прошу вас явиться, прибыть, пожаловать завтра 8-го, в 6 час. вечера в Союз на заседание Бюро секции по поводу предстоя-

щей работы на текущий, как говорится, сезон, чтобы поделиться с товарищами, коллегами и прочими лицами своими соображениями, предложениями, прогнозами, гипотезами, проектами, идеями обо всем, что может интересовать вышеупомянутую секцию.

Е. Брандис

P. S. Вышел сборник Дома детской книги, где есть Ваша статья. Продается в киоске Детгиза.

«Сборник Дома детской книги» — это ежегодник «О литературе для детей», выпускавшийся в то время в Ленинграде. Часть десятого выпуска 1965 года была посвящена фантастике. Статья АБС, опубликованная там,— это «Фантастика — литература», изложение выступления АБС в дискуссии о фантастике, состоявшейся в январе 1965 года в ленинградском Доме детской книги. Почти в каждой статье этого сборника, посвященной фантастике, так или иначе упоминались сами АБС и их произведения.

Е. Брандис («О научной фантастике наших дней»), отметив достоинства ПКБ и ПНВС, спорил со статьей АБС «Через настоящее — в будущее» и упрекал ДР: «Но мне, как читателю, мотивировка действия кажется недостаточно убедительной, недостаточно продуманной. Почему на Далекой Радуге, где производятся столь опасные опыты, должны находиться дети? И можно ли представить себе звездолет, битком набитый детьми, как кильками в банке? Правдоподобно ли это?»

Г. Гор («Мир без потолка») писал о реалистической детализации фантастики в произведениях Лема и АБС.

В. Журавлева («Трудности роста») требовала разнообразия в фантастике: «Грустно, когда, например, в «поджанре», называемом «фантастика как метод», идет стрижка «под братьев Стругацких». Разумнее терпеливо раздувать искорку оригинальности, чем вытравлять оригинальное, чтобы быть «похожее» на Стругацких. Когда артист Филимонов имитирует Райкина, это делается в шутку. Но ведь многие имитируют Стругацких всерьез, отдавая этому всю писательскую жизнь».

Е. Званцева («Так что же такое научная фантастика») оценивала по-своему дискуссию Когана и АБС: «Да, Стругацкие безусловно правы: фантастике не обойтись без сатиры и памфлета. Но Стругацким, как и редакции «Литературной газеты», кажется, что Л. Коган неоправданно сужает границы жанра. Так ли это? Ведь Л. Коган нигде не отрицает необходимости сатиры, памфлета и

иных форм фантастики. Он только справедливо сетует на то, что у нас мало хороших утопических книг и машина иногда вытесняет человека. Как ни верти, а кроме «Туманности Андромеды», у нас нет ни одной столь же яркой, увлекательной и достаточно обоснованной книги о далеком будущем, о коллективном счастье — нет полноценной социалистической утопии».

И. Майзель («Трудно быть человеком») сопоставлял действия героев в произведениях «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена и ТББ АБС.

А. Шалимов («Жанр или метод?») хвалил произведения АБС за философскую глубину без потери динамизма и занимательности.

По-своему были интересны замечания о творчестве АБС М. Лазарева.

ИЗ: ЛАЗАРЕВ М. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФАНТАСТА

<...>

Стилевые особенности Стругацких оказались весьма пригодными для создания аргументированной, гармоничной и в то же время лаконичной картины будущего общества. Еще в «Стране багровых туч» и продолжении ее — «Стажерах» — Стругацкие нащупывали средства, которые без утомительной описательности позволили бы максимально приблизить читателя к далеко отстоящим по времени и месту событиям. Своеобразие литературной манеры, в которой выполнена повесть «Далекая Радуга», заключается в том, что, в отличие от Ефремова и Мартынова, Стругацкие абсолютно ничего не поясняют читателю, не расшифровывают научной сути явлений, не предаются авторским размышлениям о тех или иных сторонах изображаемой жизни, не поручают аналогичных функций персонажам. Они обращаются к читателю, не скрывая уверенности, что тот не менее их самих осведомлен в основных социальных, научных и технических предпосылках изображаемых событий.

Условность этих предпосылок сродни природе алгебраических величин: действия с ними подчинены определенным законам, но читателю дается возможность конкретизировать их значения и производные, домысливать любые подробности. Тут авторы вполне полагаются на читательское воображение. Их не смущает, что по-разному можно представить себе сущность предполагающейся «Д-транспортировки», или природу эксперимента, породившего всеразрушающую «волну», или принцип

устройства того космического корабля, на котором эвакуирует детей обреченная на гибель планета. Главное внимание привлечено к отношениям и поведению людей, к их духовному облику, выявляющемуся благодаря значительности масштаба событий.

В людях «Далекой Радуги» тоже просвечивают знакомые нам черты. Но, в отличие от «Соляриса», мы улавливаем в них лучшее из присущего современникам. Качества, составляющие актив современной морали, преподносятся Стругацкими как нечто обыденное, как наиболее общее для подавляющего большинства персонажей, как разумеющееся само собой. Лучшие черты нынешнего поколения превращены писателями в начальный член некой математической прогрессии; вывод последующих членов, определяющих особенности отношений на «Далекой Радуге», доверен снова читателю.

В выборе исходных позиций для начала работы читательского воображения — источник того обаяния, большой душевной красоты, которым проникнута повесть о трагическом просчете экспериментаторов и неотвратимо надвигающейся катастрофе. По сравнению с «Солярисом», океан которого до удивления терпим и фактически ничем не угрожает действующим лицам, в «Далекой Радуге» волна взбесившейся материи агрессивна и беспощадна. И хотя она сметает всё и всех с поверхности планеты, не оставляя за собой ни живого ни мертвого, у читателя, не сомневающегося в неотвратимости трагической развязки, не возникает и тени тех мрачных ощущений, которые гнетут его при чтении «Соляриса».

Можно спорить о совершенстве художественных средств, о тонкости проникновения в глубины человеческой психики, о степени одаренности создателей того и другого произведения. Но игнорировать необходимость соблюдения не только естествоведческой и технической, но и социологической достоверности на современном этапе научной фантастики невозможно.

Впрочем, сами Стругацкие, судя по их дальнейшим творческим шагам, смотрят на это иначе. В повести «Суета вокруг дивана» они делают попытку привести фантастику прямиком во двор современных буден. В этой повести Стругацкие не меняют литературной манеры — суть фантастического вымысла, так же как в «Далекой Радуге», постепенно вырисовывается из отдельных штрихов, случайно оброненных фраз, коротких отрывочных разговоров. Даже терминология, что встречается в фантастике не часто, уже знакома постоянным читателям Стру-

гацких: «трансгрессия», «нуль-транспортировка». Только происходит эта мгновенная, невозможная для современной науки и техники переброска материи не в отдаленном будущем, а сегодня, не на далекой планете, а рядом с нами, не в экспериментальной лаборатории, а в бытовой, подробно описанной обстановке небольшого районного городка.

Какие творческие цели преследуются Стругацкими в «Суете», определить довольно трудно. При всей научной неосведомленности читатель Стругацких не так уж прост, чтобы поверить в возможность происходящего не в условиях отдаленного будущего, а между столовой и чайной среди вполне натурального периферийного бездорожья. Такое годилось бы для «Продавца воздуха» А. Беляева — в те времена это звучало бы еще правдоподобно.

Еще труднее предположить, что повесть написана ради того, чтобы раскрыть неравномерности современного развития, из-за которых высокие научные достижения соседствуют с неблагоустроенным бытом. Слишком «земна», слишком несвойственна эта задача для фантастики — литературы смелых обобщений, ярких красок, ускоряющих мысль идей.

Можно также говорить о попытках пародии, даже самопародии, хотя, несмотря на шутливость подзаголовка, вряд ли авторы стремились замкнуться в узких рамках юмористики.

Во всяком случае, сама возможность различных предположений показывает, что в повести плохо проглядывается ее основная идея. Художественные средства повести, в отдельности каждое, весьма впечатляющие, при насильственном их сближении «аннигилируют». Загадка трансгрессии плохо уживается с запыленным диваном; неразменный пятак, сказочная щука из колодца, рыбьи хвосты на дубе и кибернетический, но страдающий склерозом «кот» как будто бы намекают на попытку объяснения сказочного фольклора с точки зрения современных научно-технических гипотез, попытку, заведомо обреченную на неудачу, какими бы сверхсовременными ни оказались привлеченные к этому средства.

Но легче всего появление этой повести объясняется избытком литературных сил ее авторов, их озорным стремлением поэкспериментировать.

Право на литературный эксперимент не подлежит обсуждению. Но направление поиска поддается анализу. Не раз в последнее время раздавались воздыхания по поводу того, что фан-

тастике якобы тесно в суровых рамках научности, что необходимость согласовать свой вымысел с воззрениями науки ограничивает свободу фантазии писателей. Тенденции такого рода обнаруживаются в сборнике «Фантастика. 1964» (М.: Молодая гвардия, 1964). Тут и подзаголовки: «Неисторический рассказ», и нарочитая приблизительность ссылки на источник эпиграфа; «кажется, Винер», и такая степень свободы фантазии, при которой автор «Гулливера» объявляется явившимся из другой звездной системы или, обратившись к лексикону Лиллипутии, попросту свалившимся с Луны.

Открывая сборник, «Суета вокруг дивана», точно флагманское судно, выводит в литературное плавание эскадру этих рыскающих от научного фарватера корабликов. В самой повести, хоть и не столь откровенно, чувствуется стремление пожонглировать научностью, попробовать обойти иные из ее аспектов. И, в первую очередь, обойтись без необходимого сочетания научно-технических условий, созданных воображением авторов, с элементами социологической фантастики.

Но необходимость такого рода уже возникла в современной фантастике. Поэтому не мешало бы начать отдавать отчет в том, что в нынешние времена в мировоззрении нет третьей грани и что фантастика ненаучная рискует очень скоро обернуться фантастикой антинаучной.

<...>

Никто не отрицает стремления фантастики к максимальной свободе полета. Никто не возражает против освобождения ее от излишнего научно-технического и социологического буквализма, который отягощает, например, интересно задуманные произведения Ефремова или Мартынова, и от которого в значительной мере удается избавиться Стругацким. Но всякому полету — своя динамика. И потому хотелось бы услышать ясный ответ: на какой основе возможна нынче фантастика, кроме научной? Какие воззрения читателя, кроме научных, позволят ему поверить в достоверность вымышленных событий? Возможно ли художественное воздействие современного произведения на современного читателя, заведомо уверенного, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ни при какой мере условности описанных событий быть не может? И не случится ли, что, узрев Джонатана Свифта (а почему, собственно, ограничиваться только Свифтом?), «свалившегося с Луны», чита-

тель, подобно горьковской девчонке из «Самгина», воскликнет: «Да что вы озорничаете?»

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 30 СЕНТЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Имею сообщить тебе, что я здоров, а Андрюха, напротив, болен, почему я так долго и не писал. Новостей никаких нет. Были у меня: Север, Севка и Брускин. Обещали зайти вновь, но не зашли. Скажи Северу, что у меня осталось твердое впечатление, будто он заходил ко мне с единственной целью: стрельнуть марочек. Потому больше и не зашел.

От телевидения я отвертелся и, как они там выступали, ничего не знаю. Читаю «Inventing the Future»[1], несколько раз думал над «Лесом» и несколько — над повестью о войне. Жду тебя. Мама приедет числа 2–3, я думаю; так что числа 5–6 можно, вероятно, нагрянуть. А может, и раньше. Я с мамой поговорю и немедленно тебе телеграфирую. А ты телеграфируй день прибытия.

Что тебе надлежит не забыть?

1. Маме — иностранный подарок.

2. Мне — марки, выпущенные до 1961 г. (в том магазинчике, что рядом с несостоявшимися раками). И еще мне купи, пожалуйста, два больших кляссера вроде тех, что я покупал: с бежевой корочкой и серой суперобложкой.

Вот пока и всё.

Жму конечности, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 ОКТЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик!

Очень рад был получить твое письмо. С мамой дело обстоит так. Она едет через Москву, приедет завтра. Я ее встречу. Скорее всего, мы приедем в Ленинград с нею вместе. Я тебе дам телеграмму, ты нас встретишь. У меня много второстепенных новостей, лень писать, они не очень тебе, наверное, интересные, ужо расскажу.

Обнимаю, твой А.

Поцелуй Адку, поцелуй сына.

---

[1] Книга физика и футуролога Д. Габора.

АН в очередной раз приезжает в Ленинград. В дневнике приездов значится: «7.10.65. Приехал доделывать «Лес». Продолжаем 4-ю главу». Рабочий дневник же начинается с 9-го октября.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

9.10.65
Ленинград. Арк приехал 6-го. Пишем «Лес».
7-го — 5.5 стр.
8-го — 6.0 стр.
Вчера вышел сигнал ПНвС.
Написали 6 стр.
10.10.65
[дневник приездов: 10.10.65. Середина 5-й главы.]
Написали 6 стр.
11.10.65
[дневник приездов: 11.10.65. Середина 5-й главы.]
Написали 6.5 стр.
12.10.65
[дневник приездов: 12.10.65. Законч<или> 5-ю главу «Леса».]
Написали 5 стр. Кончили 5-ю главу.
13.10.65
Перерыв.
14.10.65
[дневник приездов: 14.10.65. Начата 6-я глава «Леса».]
Сделали 7 страниц. Тяжелые шаги за дверцей.
15.10.65
Сделали 8 стр. и закончили на 117 стр.
Требует доработки
1. Имена
2. Сцена в биб<лиоте>ке
3. Последн<яя> глава

Нужно предисловие к УнС

Ритмические перебои:
стр. 1.
стр. 5. (Что-то о Домарощ<инере>. Война? A la Сыщенко[1]?) Или ощущение от него: паук с паутиной.

---

[1] Сыщенко Тимофей Евсеевич, член экспедиции ГАО 1960-го года на Северный Кавказ. История о войне, рассказанная БНу Сыщенко, использована в ГО и приведена ранее в НС-5.

стр. 7. (...Перец, говорит, это, говорит, фигура!..)

стр. 8. (Дать конкретные имена, должности, кто что говорит)

стр. 21. Что-то должно произойти, чтобы настал час отчаяния. Воспоминание об неудачах этого дня. Донос? Приказ? Встреча с каким-либо гадом? Расширить поведение чемодана — подробный жуткий бред.

стр. 25. Разговор книг. Переделать. Только о лесе. Из Кауэлла[1]!

И с перерывом в два дня снова продолжается дневник приездов.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

18.10.65. Окончен «Лес». Статью для симпозиума делать не хоч<ется>.

19.10.65. Размышления над «Записками здравомыслящего».

20.10.65. Взял билет на 24-е. Готовится рецензия на Гора.

22.10.65. Купили Адке «Зенит 3п».

24.10.65. Отъезд.

Защитник находит на поле чью-то ногу...

Во время работы АБС над УНС в «Учительской газете» от 9 октября выходит статья О. Битова «Далеко-далеко от Арканара». В статье критикуются учителя, «приземляющие» полет мысли школьников, противопоставляющие фантастическую литературу реалистической, и пересказывается сюжет ТББ.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 29 ОКТЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Прежде всего с прискорбием отмечаю, что вот уже середина пятницы, а бандероли от тебя, которую я с нетерпением ждал еще в четверг, все нет и нет. Для меня это мучительно.

Теперь новости:

1. Был в нашем Литфонде, подал заявление. Там же выяснилось, что московские писатели, желающие попасть в Комарово, должны действовать через Московский литфонд. Срочно сходи и тоже подай заявление (на одного себя), что, мол, жела-

---

[1] Т. е. из книги А. Кауэлла «В сердце леса» (М.: Мысль, 1964), упоминаемой позднее в ПП.

ешь работать в декабре в Комарове. Твоя заявка придет в Лрд и в соединении с моей даст желаемое.

2. Весь вторник и всю среду протаскался с Лемом. Обеды, заседания, телевидение. Чувствовал себя идиотом и закаялся навсегда принимать участие в таких увеселениях. Должен тебе сказать, что Лем действительно сильно переменился. Он очень много и быстро говорит, уклоняется от сколько-нибудь серьезных бесед, суетится и производит впечатление человека, которому всё обрыдло до предела, который хочет только побыстрее закончить все финансовые дела и удрать домой. Я его, впрочем, очень хорошо понимаю. Кстати, Мосфильм снимает две его повести. «Солярисом» займется лично Тарковский (см. «Иваново детство»). Вот так-то. И вообще триумф Лема не поддается никакому описанию — его встречали в СССР как космонавта, высадившегося на Луне,— только что на улицах народ не ревел.

3. Был на открытом партсобрании в писдоме, слушал Толстикова. Было интересно только, когда он отвечал на вопросы из зала. Забавно, Толстиков очень похож на Рима — то же лицо кувшином, такой же подбородочек, нос с горбинкой, близко посаженные черные глаза. Подробности при встрече.

4. Кан рассказывал, что в США выпустили сборник сов. н.-ф. и в «Аналог» появилась рецензия. Всех разругали, кроме «Пути на Амальтею».

5. Получил от Нины 5 экз. ПНвС, передай ей большое спасибо и имей в виду, что этого крайне мало.

6. Выслушиваю много разговоров о ХВВ. Все они строятся по принципу: «Это здорово сделано, но...» Противу наших ожиданий большинство людей так и не поняло, что цензура порезвилась — все недочеты за наш счет.

7. Денег нет ниоткуда: ни из МолГв, ни из Детгиза. Черт знает что.

8. Перечитал с Адкой ЗПвГ. Любопытная получилась вещь, местами — очень. Адка сказала, что остается ощущение хаоса и что надо читать еще раз, но интерпретировала все почти правильно: Управление — символ всяческого управления и бюрократии, Лес — всё, что не познано человеком.

Вот, пожалуй, и всё. Очень жду бандероли, прихожу в ужас при мысли, что ты ее еще не отослал.

Жму и трясу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи.

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 19.10.04

Станислав Лем:

Из «Воспоминаний» в «Книге друзей», 1975 г.:

«С братьями Стругацкими, должен сказать, мне просто не везло. Лишь однажды мне удалось повидать их вместе и всерьез побеседовать; это было в Ленинграде; потом, сколько я бы ни приезжал, встречался с ними порознь и ненадолго».

Из интервью 1999 г. о встрече с Вами в Ленинграде в 1965 г.:

«Братья Стругацкие попытались меня испытать: во время разговора на стол поставили бутылку коньяка с тремя звездочками, и как только бутылка пустела, волшебным образом появлялась следующая. Но у них ничего не получилось, я не позволил себя на этом поймать и ушел с честью».

Виктор Язневич. Минск, Беларусь

Что касается воспоминаний Лема по поводу встреч его с АБС, то здесь расхождения наши максимальны. Я, например, точно помню, что втроем (АБС + Лем) мы не встречались никогда. Эпизод с распитием коньяка — да, имел место, но происходило это в Питере, в самом начале 60-х, в большой компании ленинградских писателей (Варшавский, Брускин, Брандис, БНС, еще кто-то), напитки, действительно, лились рекой, и пан Станислав, действительно, поглощал их с удивительной стойкостью и без каких-либо вредных последствий для хода беседы. По-моему, аналогичная встреча и примерно в те же времена имела место и в Москве — там были Громова, Нудельман, АНС, Парнов, кажется, и там пан Станислав тоже был на высоте. Он вообще — прекрасный полемист, интереснейший собеседник и великий эрудит. Потом они встречались с АНС в Праге, на юбилее Чапека, и тоже там общались за рюмкой чая, но, опять же, без меня... Такие вот аберрации памяти.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 31 ОКТЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил телеграмму и письмо. Во вторник, то есть послезавтра, пойду и куплю тебе эту клятую бандероль. Только не уверен, что во вторник же и пошлю. Дело в том, что сейчас на почтамтах чудовищные очереди, все шлют подарки к праздни-

кам. Надо тратить часа два, а это мне сейчас вельми не по карману — много дела с переводом и с первой Ленкиной рукописью, которую она сдает в Воениздате. Так что придется тебе, возможно, потерпеть, пока эта волна спадет.

Вчера Ариадна приглашала к себе на встречу с Лемом, да я отказался. Так с ним, слава богу, и не виделся. Сейчас он, кажется, поехал к себе домой.

Завтра или послезавтра поеду в Литфонд и подам заявление. Только что-то мне это разделение не нравится. Ты уверен, что все будет оформляться в Ленинграде? А то дадут нам на разные сроки, вот будет потеха.

Был на открытом партсобрании в ЦДЛ (Московской организации), выступали: с докладом Чаковский, а в прениях — Демичев. Было очень интересно, народу — не провернуть, много серьезных и горячих выступлений. Расскажу подробнее при встрече.

Получил в Детгизе сто экзов, лежат в углу, понемногу отдариваю, штук сорок привезу или частью вышлю тебе, когда эта свистопляска на почтамтах пойдет на убыль.

Деньги в Детгизе тебе переведены, узнавал специально и дотошно, ты уже должен получить. Что же касается МолГв, то Аля больна, и их некому выписать. Смешно, но факт. Впрочем, это тоже вопрос дней. По нашей редакции никто уже два месяца не получает денег, даже Ленка за редактирование сборника детективов.

Про ХВВ слышать приходится довольно редко, всё забили разговоры о ПНвС. Вещь очень читается и хвалится. О ХВВ, впрочем, тоже говорят хорошо, только мало. Рецензия Севки лежит у Биленкина и не идет из-за того, что очень уж интеллигентная. Не знаю еще, что это значит.

Вот пока всё. Пиши. Жму и проч.

Привет Адке.

30 октября Ленинградский академический театр оперы и балета информирует БНа:

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНу ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА

Уважаемый Борис Наумович!

Пусть Вас не удивляет, что Театр оперы и балета имени С. М. Кирова решил обратиться к Вам с не совсем обычным предложением.

Дело в том, что при театре организована небольшая группа молодых композиторов из числа аспирантов и студентов-дипломантов Ленинградской консерватории, которые имеют ряд интересных творческих замыслов по созданию оперных и балетных произведений на различные современные темы.

Один из этих композиторов давно мечтает написать оперу по одному из Ваших (и, конечно, Аркадия Наумовича) фантастических романов. Если Вы в принципе не возражаете против такой идеи, мы хотели бы просить Вас связаться с нами, чтобы установить день и час для более конкретного разговора и встречи с композитором.

Как Вы сами понимаете, вся трудность в выборе произведения и написании сценарного плана либретто будущей оперы. Остальное (сам текст оперы) может быть написано либо непосредственно Вами, либо кем-то из драматургов или поэтов по Вашей рекомендации или выбору театра.

Просим Вас позвонить в литературно-репертуарную часть по тел. А 6–41–64 с 11 ч. до 4 ч. ежедневно, кроме воскресений.

С уважением

Зав. литературно-репертуарной частью Боголепова Татьяна Владимировна

И еще БН получает уведомление из КЛФ журнала «Звезда».

ИЗ АРХИВА. ЗАПИСКА БНу

Уважаемый Борис Натанович!

В четверг, 11 ноября с. г., состоится первое заседание клуба фантастов при журнале «Звезда». Предполагаемая повестка дня:

1. «О провинциальной фантастике нашей великой Родины», сообщение Б. А. Миловидова.

2. «О провинциальной фантастике Соединенных Штатов», сообщение В. Л. Кана.

3. Разное (игры, танцы, аттракционы).

Начало в 6 часов вечера.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 4 НОЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Был еще раз в литфонде. От тебя требуется только организовать заявку от своего, московского, отделения, где было

бы сказано, что, мол, просим предоставить члену СП такому-то путевку в Комарово на декабрь. Всё. Остальное будет урегулировано здесь. Так что организуй заявочку побыстрее.

2. Получил из Детгиза 1857.88 р. Прикинул и выходит, что как-то маловато. Может быть, это еще не всё? Если исходить из девяти листов, то за две последние части (6 л.) должны были получить мы как раз по 1800, а ведь за СвД тоже кое-что причитается, нес па? Выясни, пожалуйста, у Нины.

3. Поймал меня радиокомитетчик, заставил отвечать в магнитофон на разные вопросы о будущем и о нашем творчестве. Наболтал я ему и теперь надеюсь только, что Филиппов не пропустит — глава ленинградского радиовещания — очень милый человек, о котором говорят, что предел его мечтаний — жить в квартире с окнами, выходящими на еврейское кладбище.

4. ПНвС и у нас здорово читается. Во всяком случае, многие люди спрашивали меня, где же ее можно купить — даже почтовый мальчик, который доставил мне твою телеграмму.

5. Получил письмо из Ленинградского Государственного ордена Ленина Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Зав. литературно-репертуарной частью тов. Боголепова Т. В. обращается к Аркадию Наумовичу и Борису Наумовичу с просьбой связаться с нею на предмет установления «дня и часа для более конкретного разговора и встречи с молодым композитором», который «давно мечтает написать оперу по одному из ваших фантастических романов». На ее взгляд «вся трудность состоит в выборе произведения и написании сценарного плана либретто будущей оперы». Сам текст оперы может быть написан либо непосредственно нами, либо кем-то из драматургов или поэтов по нашей рекомендации или по выбору театра. Я ей еще не звонил и звонить пока не буду — подожду твоего ответа. Мое мнение таково: предложить им «ДР», дать любые необходимые объяснения, постараться выколотить что-нибудь за право оперизации и устраниться в дальнейшем полностью. Жду твоего мнения.

6. Кстати, если будет еще раз обращаться кто-нибудь из кино с более или менее серьезными намерениями, соглашайся. Я морально готов писать сценарий. В самом деле — Лем может, а мы нет?

7. Я очень жду кляссера и экзы ПНвС и ХВВ. Но я готов пренебречь даже экзами, лишь бы ты поскорее прислал кляссер. Умоляю. На коленях.

Засим жму ногу, твой [подпись]
P. S. Ленке и всем приветы.
А Поликарпов-то умер! Плохо теперь дело!

Об увлечении филателией БН позже замечал:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ 20.01.02

«Я филателист, но к филателизму отношусь отрицательно». Филателия — это страсть, со всеми онерами страсти: потеря чувства реальности, полная переоценка естественных ценностей, искажение моральных принципов и т. д. Чего уж тут хорошего.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 7 НОЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. Насчет гонорара в Детгизе попробую выяснить снова. После праздников пойду к Нине и попрошу узнать точный листаж.

2. Насчет оперы — забавно и как-то гадостно. Ты представляешь, какой это будет развеселый смех? Причем никто не поверит, что это не наша затея. Опера «Далекая Радуга», потом балет «Извне», потом живые картины «Улитка на склоне». Не знаю. Может быть, всё дело в том, что я терпеть не могу современную оперу. Хор (речитативом): «Он срастил себя с машиной, он срастил себя с машиной! (Все сообщают об этом, поворачиваясь друг к другу и разводя руками. Затем Горбовский пронзительным голосом выводит) Бедня-а-а-а-а-ага Камилл!» Одним словом, если ты не возражаешь, я против.

3. А вот относительно сценария — совершенно другое дело. И нам не надо дожидаться, пока кто-нибудь к нам обратится с серьезными намерениями. Надо написать заявку — более или менее подробную — и, посоветовавшись с тем же Андреем Соколовым отнести на студию: в Мосфильм или имени Горького. Сценарий без особенных философских сложностей, с изрядной долей юмора, приключений и трагизма, более или менее специальный (не по написанным книгам), не для детей, но и не для шибко квалифицированных ценителей Феллини. У меня есть одна идейка, которая базируется на самой первой интерпретации «Попытки к бегству», попробую изложить на бумаге и тебе пришлю. Общая ситуация — коммунары-туристы садятся

на планету, где идет мировая война. Шанс показать войну в смешном виде, идиотов-генералов, солдат-швейков, развеселых ребят-научников. Свежо (для кино) и оригинально (для кино).

4. Что касается кляссера и экзов, то девятого куплю и тут же пошлю. А почему ты спрашиваешь про ХВВ? Откуда я тебе ХВВ возьму? Экземпляра три-четыре еще осталось, но ведь не больше же!

Вот пока всё. Привет Адке и всем.

Жму и целую, Арк.

Посоветовавшись с братом, БН отвечает:

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНа В ЛЕНТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА, 11 НОЯБРЯ 1965

Уважаемая Татьяна Владимировна!

В ответ на Ваше письмо от 30.10.65 имею сообщить Вам следующее.

Мы обсудили Ваше предложение и, к сожалению, вынуждены отказаться от него. Специфика оперы такова, что ни одно из наших произведений не может, по-видимому, дать материала для сколько-нибудь порядочного либретто. Как мы ни старались, нам так и не удалось представить хоть что-нибудь из написанного нами на оперной сцене. Писать же для оперы с п е ц и а л ь н о мы по ряду причин не в состоянии.

Итак, будем считать, что бр. Стругацкие категорически против постановки оперы или балета по их произведениям, что, впрочем, отнюдь не мешает им испытывать чувство искренней благодарности работникам Вашего театра за внимание к их творчеству.

С уважением Стругацкий Б. Н.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 12 НОЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. В театр оперы и балета я отправил письмо, в котором вежливо посылаю в задницу как оперу, так и балет.

2. Только что от меня ушла редактор 3-го объединения Ленфильма, которая добивается меня уже два месяца. Мы с ней очень мило поговорили. Они хотят ставить фильм по ТББ. Книжку уже прочитали некоторые молодые талантливые ре-

жиссеры, главный редактор объединения, какие-то там завы. Всем нравится, все не прочь. Портфель редакции на 67 год пустует, так что имеет место и объективный фактор. Редактор понимает вещь правильно, видит именно те достоинства, что следует, согласна с центральностью фигуры Руматы, как с задачей фильма номер один, и вообще производит впечатление честной и умной девочки (на вид ей — не больше 30-и). По ее мнению, нужно только переговорить с главредом (Яковом Нисоновичем Рохлиным), а потом писать заявку и подписывать договор. Короче говоря, мне это дело кажется противу ожиданий серьезным. В любом случае я завтра схожу на прием к главреду и побеседую с ним: послушаю, что он думает о вещи, как он ее представляет в кино и т. д. Обещаний никаких давать не стану, выражу только общую нашу благосклонность — самую общую, с шевелением пальцами. Ты же тем временем обдумай всю эту информацию и сообщи мне свое принципиальное согласие и несогласие. В зависимости — и будем решать. Я же, поговорив с редактором, а может быть, и познакомившись заодно с вероятным нашим режиссером, составлю более общее свое мнение и отпишу тебе в порядке уточнения.

3. Мама извиняется, что не отвечает тебе. Она тут приболела — простудилась. Сейчас ей получше. Пойду бросать письмо — позвоню ей.

4. Вчера было заседание в «Звезде». Был доклад одного мальчика о провинциальной советской фантастике и доклад Кана о современном состоянии американской фантастики. Мне показалось страшным и занимательным, что за последние три года на периферии вышло 110 наименований фантастики — все сплошь г... Мальчик молоденький, с неразработанным вкусом, он считает, что были и неплохие вещи, скажем, Аматуни или там Росоховатский. Это — лучшее. Бр-р-р... Присутствовал <...> О. Соколов. Произвел на меня самое тягостное впечатление. Насколько я понял, всем очень нравится ПНвС и мало кому — ХВВ. Мееров с женой полагает ХВВ — нашей самой большой неудачей, а по поводу ПНвС спорят: войдет ли он в историю как «12 стульев». Кан и Ларионова непрерывно цитируют ПНвС. В Пулкове тоже некоторый ажиотаж — многие, вместо того чтобы работать, дискутируют: есть ли Модест Матвеевич наш Гашков, похож ли Саня Дрозд на А. Копылова и кто же такой Хунта? А вообще, весь вчерашний вечер ты мне испортил начисто, потому что

5. Ольга передала два кляссера и твою записку. За кляссеры спасибо (хотя подобно Портосу я мог бы воскликнуть: «Пустые? Но мне нужны полные, сударыня!»[1] (Так вот, из записки я понял только тот огорчительный факт, что третьего набора марок ты не прислал и присылать не намерен. Ты пишешь: «Набора по 20 р. нет». Что значит — нет? Нет в природе? Или нет в продаже, все распроданы? В записке, которую ты прислал с первыми двумя наборами, говорилось: «В продаже были еще наборы — по 7–8 и по 20 р.» Ты собирался купить (судя по письму) 20-рублевый набор еще до праздников, а переслать — после. Ты что — не купил его тогда? И теперь их распродали? Во всех трех магазинах? Не понимаю.

Никакому Ревичу я писать не буду. Из принципа. Он мне просто приятель, а ты мне брат. Единственный. А раз брат (да еще и соавтор), то изволь в ближайшее же время дослать мне третий набор. Можешь перепоручить это Севке, твое дело. Даю еще раз отличительные свойства необходимого мне набора:

1. В отличие от уже присланных наборов он содержит не только ЧИСТЫЕ, но и ГАШЕНЫЕ марки.

2. В отличие от у. п. н. он в значительном количестве содержит ДОВОЕННЫЕ марки. (В частности: марки РСФСР, доплатные довоенные марки, марки из серии «26 бакинских комиссаров» и т. д.)

3. Цена в пределах 10–20 рублей.

4. Продавался при мне: в «Детском мире»; в магазине на ул. Кирова; в магазине, что на Арбате, вблизи того места, где мы с тобой, идя к Нине, пытались купить раков.

Ты знаешь, что такое страсть? Читал? Так вот мною владеет страсть. И нечего хихикать. Это со всяким рано или поздно случается. Этот кляссер для меня — самый важный из трех. Я его очень жду. Я как дурак выбегаю на каждый звонок, думая, что это почта. Я вижу его во сне. Я измучился в мечтах. Ты мне просто ОБЯЗАН его достать. А если не достанешь, я буду вынужден прилететь за ним в Москву. На один день. Специально за ним. Он обойдется чудовищно дорого. Все надо мною будут потешаться. А тебе станет позорно.

Вот так вот. Я очень на тебя надеюсь. Снова теперь начну считать дни. Сегодня 12-е. Это письмо ты получишь 14-го. Не

[1] См. А. Дюма, «Три мушкетера», ч. 2, гл. 2.

позже 15-го ты купишь и отправишь набор. Значит, уже семнадцатого я начну выбегать на каждый звонок.

6. 15-го я еду в Петергоф, выступать на читательской конференции в местной биб-ке. Приезжала лично заведующая и умоляла. Не смог отказать. Теперь придется ехать. Я верен своему слову.

Жму, целую, твой [подпись]

P. T. Всем привет. Как там Аля? Соколов ничего не знает. И организовал ли ты высылку заявки в Ленинградский литфонд?

P. P. S. Да! ПНвС я получил. Большое спасибо. Но мало! Прискорбно мало!

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 14 НОЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Итак, я побывал у главреда 3-го объединения т. Рохлина Якова Нисоновича. Познакомился с работниками редакции. Поговорили. Главред показался мне надежным человеком, заинтересованным в экранизации. Речь его была мягка и не обременена специфическими выражениями. Пальцами он не шевелил и мэтра из себя не корчил. В редакции его, судя по поведению сотрудников, обожают. В основном я задавал вопросы, а он отвечал. На вопрос, чем его привлекает ТББ, он отвечал, что это может быть фильм, представляющий собою хорошее зрелище плюс интеллектуальная нагрузка. («Его будут смотреть взахлеб, а выйдя из зала будут вспоминать и думать».) На вопрос о том, что такое сценарий, он отвечал, что сценарий есть прозаическое произведение, в котором всё внимание автора отдано изобразительности и действию. Экспозиция должна задаваться один раз («Фильм должен быть заведен с самого начала, а потом уже пружина раскручивается непрерывно, без остановок, без замедления и новых заводов»). Необходим юмор. Особенно в трагическом фильме, где он контрастирует с трагедией и дает особенный эффект. ТББ содержит в себе все необходимые для сценария черты. Надо только сократить повесть, сделать более жестким сюжет и (к сожалению) убрать внутренние монологи и размышления (как не изобразительное). Да, их намерения совершенно серьезны. Да, он не будет в дальнейшем шевелить пальцами, просить чего-нибудь этакого и говорить: «Здесь я не вижу... вы понимаете?.. не вижу! А хотелось бы видеть!» Нет, пока он не может назвать мне определенного ре-

жиссера, но на примете их несколько — все молодые и способные (в основном почему-то грузины). Он еще не выбрал кандидата окончательно, но не хотел бы давать читать книгу всем намеченным: тогда все накинутся и будет трудно ввести их в русло. Не надо думать, что ТББ уже готовый сценарий, но не надо думать и того, что он потребует какой-то сверхъестественной работы. Будем считать, сказал он, пожимая мне руку, что мы уже начали сотрудничество. Такой тихий, неприметный бледный еврей с внимательными глазами и сдержанными манерами. Короче, они мне понравились.

СРОКИ. Желательно подать заявку в ближайшее же время. После обсуждения на редсовете будет заключен договор и выплачен аванс. Первый вариант сценария желательно представить не позже апреля 1966.

Условия. Авторы дают сценарий, но на этом работа их не оканчивается. Они должны будут принимать активное участие в создании режиссерского сценария и в дальнейших съемках. Советы и консультации их режиссеру не только желательны, но практически обязательны. (Режиссеры без авторов обычно выпускают г...) Сценарий-экранизация стоит 4000. Если фильм выходит в свет, выплачивается еще столько же, или дважды столько же, или (правда, в редчайших случаях угождения высшему начальству) трижды столько же.

Я по этому поводу думаю следующее:

1. Намерения их, вероятно, вполне серьезны. Люди деловиты, относятся к нам уважительно, но без размахиваний руками и возгласов. Очень важно, по-моему, что иметь дело сейчас приходится не с режиссером, который сам толком не знает, что ему надо, а с редакторскими работниками, выполняющими сценарный план на соответствующий год.

2. Мне кажется, надо сказать им ДА. Если ты согласен, немедленно вышли телеграмму «СОГЛАСЕН», и я напишу и отошлю им заявку.

3. Писать сценарий мы начнем не раньше, чем получим договор и аванс. Так что даже если фильм по каким-то имманентным причинам не получится, труд наш даром не пропадет (аванс), а Рохлин кажется мне человеком, который может поучить нас делать сценарии — это умение рано или поздно нам понадобится.

4. Я не знаю пока, как делают сценарий, но вижу уже один прием, кажется, небезлюбопытный. Если Румату будет играть

хороший артист, он сможет создать любопытный двойной образ: вызывающий живейшее отвращение Румата-дон (когда он в свете — высокомерный, брезгливый, манерный, туповатый, невежественный) и обаятельный Румата-коммунар (когда он один или с ближайшими друзьями). На уровне Толстовского Болконского.

Вот так. Жду, жму, целую [подпись]

Р. Т. Получил еще две порции ПНвС. Большое спасибо. Теперь за тобой только кляссер. Ноги буду мыть, а воду пить. Не кипятя.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 15 НОЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Театр в задницу — это хорошо.

2. Инсценировка ТББ мне очень улыбается, здесь предоставляю тебе все полномочия, делай, как тебе виднее. Пиши заявку и подписывай договор. Договор обязательно авансовый! Не дадим водить себя за нос, это очень важно. Заявку можешь написать и с прямым указанием на ТББ, и на сценарий более общего типа, сразу по нескольким произведениям Стругацких, специально для кино. Это тоже смотри сам. Вперед, на экран!

3. Что это ты, брат, так на меня возник? Ну пошлю я тебе завтра все наборы, которые найду в магазинах, пошлю, не огорчайся. Наборов по 20 р. действительно больше нет, все распроданы. Вообще, у филателистических прилавков творится что-то невообразимое. Народ стоит стеной в три слоя. Ориентир «пределы «10—20 р.» уже лучше. Видел наборы по 12 руб. и по 15.78 р. Куплю и вышлю завтра же, не скули. Продерусь через толпы, давя кости и рвя мясо сопротивляющимся.

4. Не помню уже, писал ли тебе о том, что 9-го было партбюро Моск. орг. ССП, где заслушивали коммунистов Совета по фантастике. Били в Казанцева, как в бубен. Кажется, Совет распустят и вольют фантастов в Организацию прозы. Подробности при встрече.

5. Меня тоже вынудили выступить в одной школе. Ничего, пронесло.

6. Встречался здесь с Аркадием Львовым, автором «Старшего брата, которого не было»[1] и т. д. Произвел на меня отличное

---

[1] Точнее, «Мой старший брат, которого не было».

впечатление, умница, с очень тяжелой судьбой человек. Видимо, настоящий писатель, причем писатель-одессит. Я видел, какие ему дифирамбы пел Симонов, чтобы его книжку рассказов (одесских, а ля Бабель) издали в Сов. Писе. Считает ХВВ шедевром, не имея при этом никаких корыстных оснований.

7. Заявку на Комарово организовал давно, еще когда послал тебе телеграмму.

8. Дал читать Улитку в Литературную Россию. Надежды, конечно, никакой, но очень просили. Свои люди. Севка требует «Лес» в сборник «Фантастика», который он составляет на следующий год. Я уклончиво отвечаю, что де там видно будет. Обижается.

Пока всё. Целую и жму обыкновенно, твой Арк.

Получив «добро» от брата, БН пишет на киностудию Ленфильм.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНа НА ЛЕНФИЛЬМ, 18 НОЯБРЯ 1965

Глубокоуважаемый Яков Нисонович!

Переправляю Вам вариант заявки. А. Стругацкий дал согласие на наше сотрудничество, правда, при условии, что будет заключен авансовый договор. Если у Вас будут замечания по Заявке, попросите, пожалуйста, Аллу Валентиновну[1] связаться со мной (она знает, как) или — что было бы лучше всего — черкните мне открыточку, чтобы я приехал. Если особых замечаний не возникнет, просто держите меня по возможности в курсе дела.

Большой привет Алле Валентиновне и всем товарищам,
Ваш Б. Стругацкий

ИЗ АРХИВА. ЗАЯВКА НА СЦЕНАРИЙ ТББ, 18 НОЯБРЯ 1965

Директору киностудии Ленфильм

ЗАЯВКА

Предлагаем сценарий по мотивам нашей фантастической повести «Трудно быть богом», в котором рассказывается о судь-

[1] Здесь и далее — Михайлова Алла Валентиновна, редактор 3-го творческого объединения «Ленфильма».

бе гражданина коммунистической Земли отдаленного будущего, направленного вместе с группой других ученых на чужую планету для участия в грандиозном эксперименте по изменению хода истории чужой, хотя и землеподобной цивилизации. Главный герой — ученый-историк, человек высоких моральных качеств, настоящий коммунар, пройдя специальную подготовку, попадает в мир феодально-фашистских отношений. Его задача состоит, главным образом, в том, чтобы собирать и передавать на Землю детальнейшую информацию о чужой цивилизации, в подготовке к решительному вмешательству в тяжелую судьбу братьев по Разуму. Он, плоть от плоти дитя своего коммунистического века, лицом к лицу сталкивается с древним ужасом варварства, невежества, с миром феодальной жестокости, отягощенным какой-то разновидностью средневекового фашизма. Положение героя глубоко трагично. Он не в силах холодно наблюдать страдания, которые несет местному человечеству фашизм, но он знает, что всякое поспешное и необдуманное вмешательство (даже с самыми лучшими намерениями) в судьбу другого мира чревато страшными и непоправимыми последствиями. Он бог, всемогущий и всезнающий, для окружающих его аборигенов, но сил его пока явно недостаточно, чтобы изменить существующий порядок вещей.

Сценарий построен на остром сюжете, но главной его задачей является показать столкновение двух диаметрально противоположных моралей, психологий, мировоззрений — коммунистических с одной стороны и фашистских, мещанских, варварских с другой.

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 19 НОЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Получил кляссеры. Среди них и тот, которые мне был так нужен и из-за которого горел сыр-бор. Огромное спасибо. Больше у меня к тебе нет ни единой претензии.

2. Наше заявление в Литфонде рассмотрено и удовлетворено. Даден нам пансион на период 6—29 декабря с. г. В ближайшее же время съезжу, выкуплю путевки. А ты помалу собирайся. Бери побольше теплых вещей, бо у нас уже зимно, а будет ще зимнее.

3. Кан вернул с благодарностью твои книги на аглицком и просит-умоляет еще Уиндема — что-то про Тайм. Начало названия я не разобрал. Сборник рассказов[1].

4. Заявку в Ленфильм начертал и отправил почтой. Посмотрим, что будет. В сопроводительной записке с прямотой римлянина[2] указал, что договор будет подписан лишь при условии его авансовости.

5. Вчера было собрание секции. Обсуждали фант. сборники последних лет. Скромно хвалили ленинградцев, активно ругали москвичей — «можно!». Особенно наваливались на «Последнюю дверь» и почему-то на «В круге света»[3]. После заседания Ольга[4] устроила банкет. Все перепились и очень нас расхваливали — кто за что. В особенности — за ПНвС и УнС.

6. Выступал в Петродворцовой биб-ке. Опять же наслушался теплых слов, иногда очень точных. Спрашивали, между прочим, все ли наши вещи опубликованы, нет ли задержанных. Я воспользовался и кратко изложил историю ХВВ.

7. Да, некто Голант (научпоповец) просил узнать у тебя, не показывал ли Володька Травинский его (Голанта) фантастический памфлет, и если показывал, то что ты о нем думаешь. Ты отпиши, пожалуйста.

8. Ленинградский сборник выйдет, оказывается, в марте. Так что, если УнС напечатают в ЛитРоссии, ничего страшного не случится, кроме, конечно, осложнений типа «Стажеров».

Вот пока и всё, жму, целую, твой [подпись]

P. S. Да, есть какой-нибудь резонанс у статьи Рима в «Коммунисте»?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 НОЯБРЯ 1965, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Слава богу. (Это о кляссерах.)

2. Ура! (Это уже о путевках.) Значит, путевки достаешь ты. Как только получишь их на руки, немедленно отпиши, да со-

---

[1] Уиндем Дж. Семена времени; Wyndham J. The Seeds of Time.— Michael Joseph, 1956; Penguin Books, 1959.

[2] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 16.

[3] Книги Е. Парнова и М. Емцева и А. Громовой.

[4] Ларионова Ольга Николаевна, писательница.

общи, что еще требуется из формальностей, какие справки-шмакодявки и так далее.

3. Уиндемовскую книжку «Семена времени» я привезу, а к тому привезу тебе еще подарочное издание Лагинского «Хоттабыча» с его дарственной тебе надписью, японских марок в качестве обменного фонда и кое-какие письма, в частности — очень трогательное письмо от И. Грековой за посланный ей ПНвС. Да, кстати, послали ли вы книжки тому искалеченному инженеру? Если не послали, то будет вам стыдно.

4. Днями был у Ю. Манина, наперепсывал у него почти всего Кима, да в придачу еще несколько исполнений Дулова. Хочу привезти, чтобы вы послушали. Есть очень хорошие вещи.

5. Звонил мне Гинцбург, тот, что поставил «Гиперболоид». Просил оказать ему честь и встретиться с ним, а заодно посмотреть «Гиперболоид». Он имеет мысль создать в Союзе Кинематографистов комиссию по фантастическому фильму. Конкретных предложений не делал, но дал понять, что жаждет от нас сценарий. Я вероятно встречусь с ним после их съезда[1]. Ничего конкретного обещать не буду, скажу, что поговорю с тобой.

6. Володька Травинский неделю назад звонил, обещал зайти. Он сдал в издательство какую-то книгу и очень доволен. Я его широко пропагандирую в разных редакциях. Печатают всякую серятину, а такой публицист без дела сидит, срам. Никаких Голантов он мне не показывал, да и не мог, я его в последний раз видел в августе. Или еще раньше. Хотя мы у него в гостях были, правда. Но с тех пор не виделись.

7. Открытого резонанса на статью Мишки[2] и Рима нет, но видно, что гиганты в администрации ССП стали относиться к нам уже не пренебрежительно. А к ним, Мишке и Риму, особенно щепетно.

8. Дали мне на рецензию «Небесную любовь Паолы (такой-то)» Ларионовой. Литературно это слабее «Леопарда», но острее сюжетно и читалось с немалым удовольствием. Только вот американских империалистов она там совсем заругала, хотя их действия в книге, право же, бледнее бомбежки Вьетнама. А так ничего, писать она может и пишет вполне профессионально, конечно.

---

[1] Первый учредительный съезд Союза кинематографистов СССР (23–26.11.1965).

[2] Емцев Михаил Тихонович, писатель.

9. Ожидается в «Комсомолке» Севкина статья о ХВВ. Где-то близко.

10. В «Лит. России» УнС очень понравилась. А там видно будет.

Вот всё пока.

Всех целую, всем приветы.

Твой Арк.

В архиве АБС сохранился отзыв АНа на упомянутую повесть О. Ларионовой.

ИЗ АРХИВА. АНС. ОТЗЫВ НА ПОВЕСТЬ ОЛЬГИ ЛАРИОНОВОЙ «НЕБЕСНАЯ ЛЮБОВЬ ПАОЛЫ ПИНКСТОУН»

Новая фантастическая повесть О. Ларионовой, как и ее превосходный «Леопард», написана вполне профессионально, с хорошим литературным вкусом и на должном идейно-художественном уровне. Это, правда, не значит, что повесть совершенно лишена недостатков. Имеют место стилистические небрежности — словно специально оставленные для редакторского карандаша — есть также и целая сцена, в самом начале, где автору явно изменило чутье: это проходная сценка игры мальчишек в кибернетический футбол; сценка эта написана в сусально-неестественном тоне, свойственном довольно многим авторам, когда они пишут о детях. Убрав эту сценку, Ларионова только улучшила бы повесть.

Нет никаких сомнений, что повесть нужно публиковать. Попробуем, однако, доказать это.

1. Сюжетный узел повести тесно увязан с очень насущной в наше время проблемой морального вырождения «делового человека» на Западе. Наша пропаганда прилагает немало усилий, чтобы предупредить человечество о грозной опасности такого вырождения, и Ларионова довольно убедительно показывает его последствия в космический век. Очень удачно звучит и тема «кибернетического социализма» в будущих США, и тема обреченности всех будущих претендентов на звание супермена.

2. Превосходно, что героями повести являются женщины. Это — явление небывалое в советской (да, насколько нам известно, и в мировой) фантастике. Женский экипаж искусственного спутника, матери и жены на том месте в системе мира, где

мы привыкли видеть сегодня отцов и мужей — это свежо и интересно, причем сделано с настоящим тактом, без сюсюканья и снисходительного полупрезрения, чего можно было ожидать от автора-мужчины.

3. Герои очерчены очень хорошо, созданы о б р а з ы, обобщенные и очень точные образы лучших из наших современниц, с их слабостями и достоинствами, смешными и трогательными черточками, и потому трагедия, постигшая экипаж «Арамиса», весьма чувствительно отзывается в душе читателя. Вообще в нашей фантастике мало сильных образов, и повесть Ларионовой счастливо восполняет этот пробел. Если говорить о наших личных впечатлениях, то временами сочность и сила изображения героинь достигают уровня Леонида Леонова (см., напр., «Взятие Великошумска»).

4. Сюжет вполне доброкачественный, хотя и мог быть оригинальнее. Но в повести главное, конечно, не сюжет. Главное — всевечная и всечеловеческая трагедия любви, чувства, способного и поднять человека до полубога, и сделать его предателем.

Если редакция соглашается с высказанными выше соображениями, то мы не видим причин отвергать эту рукопись.

22.11.65

В конце ноября в прессе появляются новые точки зрения по поводу фантастики. «Известия» публикуют статью Владилена Травинского, где о АБС — только вскользь:

ИЗ: ТРАВИНСКИЙ В. ФАНТАСТИКА И ЧЕЛОВЕК

<...>

Если не считать нескольких произведений И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, Г. Гора, то большинство рассказов, повестей и романов этого жанра написаны на темы науки, и герои их — ученые или космонавты, а часто даже та или иная научно-техническая проблема.

<...>

Было бы несправедливо утверждать, что писатели-фантасты не пытались обратиться к теме человека будущего. В какой-то мере ее касаются писатели, противопоставляющие духовный облик советского человека духовному облику буржуа — произведения Адамова, Казанцева, Лагина, Немцова, Войскунского и Лукодьянова, Днепрова, Гансовского и многих других. Фраг-

ментарно к ней время от времени обращаются и другие писатели-фантасты.

Ближе всех подошли к этой нелегкой теме И. Ефремов, Г. Гор и А. и Б. Стругацкие.

В одном из публичных выступлений Борис Стругацкий сказал, что, создавая образы людей будущего, они с братом исходили из того, что люди эти живут уже сегодня, они — лучшие из наших современников; а нравственный прогресс общества в том и состоит, что через пятьдесят лет «лучших» станет вдвое больше, через сто лет — вчетверо и так далее. Поэтому все положительные герои Стругацких по существу люди наших дней, перенесенные в будущее. «Технологию» того, как число этих «лучших» будет возрастать, Стругацкие не затрагивают.

Так же или почти так поступает большинство авторов, пишущих о будущем: они или просто декларируют нравственный прогресс человечества или «перемещают» на сотни лет вперед своих современников.

<...>

Необходимо очистить язык научно-фантастических произведений от современного жаргона. Злоупотребляют же жаргоном не только начинающие, но и писатели, давно работающие в этом жанре. Вот как у М. Емцева и Е. Парнова разговаривают звездолетчики на далекой от Земли планете: «Я попросту решил, что он свихнулся...», «выбью дверь, возьму Джорджа за глотку...», «черт дернул меня за язык...» О жаргонных «прегрешениях» Стругацких писалось уже не раз.

Не из литературного снобизма вытекают возражения против жаргона в фантастических утопиях. Жаргон — времянка: он меняется с каждым десятилетием. Языковая «привязка во времени» становится слишком узкой.

<...>

«Литературная Россия» публикует сразу два мнения — противоположные:

ИЗ: ЛЯШЕНКО М. БЕЗ ПРИЦЕЛА

Научная фантастика (в последнее время называемая осторожности ради просто «фантастикой»), имеет и права, и обязанности. Нелепо отрывать фантастику от науки и так же нелепо в фантастических повестях и рассказах изобретать самовары.

Одной из сложнейших и увлекательнейших задач для всех авторов научной фантастики было строить хотя бы явно не противоречащие науке обоснования своих фантастических идей. Сейчас этим не затрудняются. От сказки современная фантастика отличается лишь звучанием главного слова, этого самого «сезам, откройся!». У Гауфа калиф и визирь произносят таинственное слово «мутабор!» — и человек превращается в аиста. В прелестной сказке Гоцци «Король-олень» дело обстоит несколько сложнее. Там, чтобы превратиться в оленя, надо выговаривать нечто длиннее и труднопроизносимое:

Кра хра триф траф
Канатаута риогна.

Сейчас в повести Стругацких «Суета вокруг дивана», например, говорят трансгрессор, гиперполе, анизотропная модуляция или что-нибудь такое же наукообразное — и дело сделано: можно накручивать любые чудеса из сказок всех времен и народов. Действительно, чем «трансгрессор» хуже «кра кра триф-траф»? Ничем не хуже. Нужно знать слово!..

<...>

Хотя рядом со старыми повестями и романами А. Беляева повесть тех же Стругацких выглядит остроумнее, литературно сильнее и, конечно, современнее. Но тем не менее все преимущества работ Беляева очевидны: они адресованы массовому читателю, подростку, и не просто будоражат умы, а устанавливают живую связь между читателем и определенной отраслью науки, наконец, у них четкая социальная направленность. Речь идет прежде всего о том, чтобы наша научная фантастика имела точный адрес.

<...>

Конечно, и произведения вроде повести Стругацких, рассказа В. Григорьева «Рог изобилия», собранные в книге «Фантастика. 1964», имеют право на жизнь. И безделушка, если она сделана умело, может позабавить. Но не слишком ли много этих безделушек, не тонут ли в них основные задачи научной фантастики?

В этих сказках, где всё решается с помощью известного слова (вместо «триф траф» — «трансгрессор»), герой борется лишь с теми трудностями, которые природа воздвигает на пути к такимто замыслам. Отсутствие прямой борьбы между действующими лицами сушит нашу фантастику, делает ее менее привлекательной для подростков. Как бы свежа, неожиданна, увлекательна

ни была та или иная идея, но если вокруг нее нет столкновения характеров, нет четкой социальной расстановки борющихся сил, а отсюда — нет и ярких приключений, сюжетных неожиданностей, интерес молодых читателей, да и не только молодых, разбужен в полной мере не будет. К сожалению, у наших фантастов приключения носят сугубо служебный, головной характер, они явно выдуманы в кресле, а не навеяны бурей борьбы, либо приключений просто нет, как в упоминавшейся ранее повести Стругацких. Нельзя же, действительно, считать приключениями то, что происходит в избушке на курьих ножках...

<...>

ИЗ: СОЛОВЬЕВА И. БУДЬ ГОТОВ К НЕОЖИДАННОМУ

<...> Не для детей, а для взрослых писали Стругацкие «Суету вокруг дивана». Удивительно, право, как это М. Ляшенко не попрекнул Лема «Солярисом»... И «Суета вокруг дивана» (это главы из недавно вышедшей книжки «Понедельник начинается в субботу»), и многие рассказы Рэя Брэдбери, и, например, новая книга Стругацких «Хищные вещи века» совсем не предназначены для детей. Адрес они имеют точный: для взрослых. Никому не придет в голову упрекать Ю. Казакова, положим, или К. Симонова за то, что их книги написаны не для подростков. А фантастов почему-то можно.

<...>

Дело не в том даже, насколько нова и оригинальна научная гипотеза. Дело в том, как она воплощается.

Воплощение — проблема №1 в нашей фантастике. А ведь конфликт науки и антинауки, конфликт человечности и античеловечности лежит и в основе, например, «Гиперболоида инженера Гарина». Да что классика! Вот «Трудно быть богом». Одна из наиболее ярких книг последних лет. И нам не придет поставить в вину Стругацким использование «вечного конфликта» научной фантастики. Потому что это истинно художественное произведение, потому что воплощение замысла глубокое и оригинальное.

На первый взгляд кажется, что в этом произведении нет подобного конфликта. Но на самом деле именно он самый.

В руках Руматы — новейшее оружие, все достижения земной техники будущего. Но, как тот давний, жюль-верновский,

уэллсовский, беляевский ученый-одиночка, он колеблется, применить или нет свое оружие.

У Стругацких в «Попытке к бегству» и «Трудно быть богом» конфликт определен тем, что герои — герои романтические — не могут действовать как им положено, и все-таки действуют. Потому что они люди, и потому что этого требуют законы романтики, законы художественной литературы.

<...>

В каждом научно-фантастическом произведении есть тайна, процесс ее раскрытия и борьба. Потому что тайна редко открывается сама собой, человек должен приложить к ней руки.

А отсюда — герой, совершающий поступки, деятельный. И непременно умный, думающий. Разумеется, я имею в виду подлинную литературу, а не тьму-тьмущую книг, где герои — лишь бледные тени. Герой фантастики не может не быть умным. Закон жанра — герой-ученый, первооткрыватель. Таковы, например, и Горбовский, и Быков, и Юрковский у Стругацких — характеры крупные. А как же иначе? Ведь герою научно-фантастического произведения приходится часто взваливать на свои плечи ответственность за судьбу человечества, на худой конец — за судьбу планеты, как Румате в «Трудно быть богом».

<...>

А «Хищные вещи века» Стругацких? Эта книга продолжает ту же линию тоски по романтике, которую начали Лем и сами Стругацкие в «Попытке к бегству». Почему невыносимо бескрыла жизнь в стране дураков, куда попал, кстати, герой тоже романтический, Иван Жилин? В стране изобилие, а люди не знают, для чего им жить, для чего работать, потому что нет цели, не за что бороться — вот они и оглушают себя наркотиками, которые дают иллюзию жизни, красоты, борьбы. Ведь в стране дураков романтике нет места, и люди задыхаются. Вроде бы отказавшись от романтического героя, фантастика подходит к нему с другой стороны, потому что она не может без него обойтись.

А там, где схема,— там нет героя, там нет человека, там нет художественной идеи. И фантастика из романтической становится просто скучной.

А мы говорим — бедность научной фантазии; мы говорим — забыли о детях, о познавательной ценности научно-фантастического произведения!..

У фантастики, как и вообще у литературы, есть, кроме познавательной, еще две функции — воспитательная и эстетичес-

кая. Только когда они слиты воедино, тогда это истинно художественное произведение. А когда мы настаиваем на главенстве одной из них... Что ж, вряд ли мы оказываем услугу писателям и читателям.

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 26 НОЯБРЯ 1965, Л.— М.

Дорогой Арк!

Совершенно замотался последнее время из-за этой вонючей конференции молодых писателей Северо-Запада. Каждый день убегаю в ССП к 11-ти и возвращаюсь домой к двенадцати. Написать совершенно некогда. Сегодня вот Адка подняла меня пораньше, может, успею.

1. Путевки получены: с 6-го по 29-е, комн. 20 и 29, второй этаж. Требуется справка о состоянии здоровья, но мне дали понять, что это моча. Ты еще возьми... А может, и тебе брать не надо. Это же не Гагры: съездим в случае чего в город в нашу клинику, и все будет о'кей. Итак, жду тебя не позже 5-го, захвати, если есть, бумагу, а копирки я накупил на три года.

2. Из кино звонили, что получили заявку, но что сейчас съезд кинематографистов и они очень извиняются, что дело чуть откладывается, что все будет хорошо, что мы не должны беспокоиться и т. д.

3. Искалеченному инженеру я послал только ХВВ. Он не ответил, и я решил пока ПНвС не посылать. Зато я послал ПНвС Птену и Лапу[1] (помнишь?) — они ответили прочувствованной телеграммой. Вообще ПНвС имеет очень большой успех даже у озлобленных непризнанных молодых писателей, которые вообще ничего не признают.

4. Из Москвы доходят всякие хорошие слухи об общем положении — ты выясни и привези ворох слухов и сплетен.

Ну, мне пора бежать. Целую, жму, твой [подпись]

P. S. Всем привет!

Несмотря на нежелание, БН исправно посещал конференцию молодых писателей Северо-Запада и в итоге получил такое любезное письмо:

---

[1] Корреспонденты БНа из Ростова-на-Дону Татьяна З. и Изабелла А.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНу ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СП

Дорогой Борис Натанович!

От имени Секретариата Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР приношу Вам глубокую благодарность за то, что Вы не пожалели времени и сил для участия в большом и нужном деле — в руководстве творческими семинарами на IX конференции молодых писателей Северо-Запада.

Секретарь Лен. отд. Союза писателей РСФСР В. Кетлинская

И вот Авторы снова съезжаются для работы. Один день в Ленинграде — дневник приездов сообщает: «5.12.65. Прибыли в Комарово, делать "Лес"». А затем уже в Доме творчества.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

6 декабря 1965

Прибыли в ДТ Комарово. Расположились. Всюду следы стаканных донышек. В шкафчике 4 малыша и полубутылка «333».

Сделано 6 стр.

7 декабря 1965

Сделали 8 стр. + 2 стр. вечером. Арк отбил себе внутренности. Стонет. Катались на финских санях[1].

Сомнения Переца: а что, если весь этот бардак — это норма, а я, урод, стою вне этой нормы и потому считаю ее бардаком? Что если все здесь — закономерность или, по крайней мере, закономерный этап чего-то?

8 декабря 1965

Сделали 10 стр.

Сюжеты рассказов:

1. Второе нашествие марсиан.
2. Горбовский и пришелец.
3. Человек, кот<орого> направили в ад.

9 декабря 1965

Сделали 7 стр. Ездили в Лрд.

---

[1] Этот эпизод потом отразится в ХС: «В первый раз я сломал себе это ребро в шестьдесят пятом, зимой в Мурашах, когда подвигнул меня лукавый рискнуть съехать на финских санях по крутому склону до самого залива».

шофер Коля — Тузик
Клавдий-Октавиан Домарощинер
Муж Риты — Квентин
10 декабря 1965
Сделали 10 стр. (43)[1] Приезжал Брускин и Таня.
11 декабря 1965
У Б. болит зуб. По этому поводу сделали 10 стр. (53)
12 декабря 1965
Сделали 9 стр. (62). Приезжала Адка.
13 декабря 1965
Сделали 11 стр. (73)
14 декабря 1965
Сделали 10 стр. (83)
У Б. опять болит зуб. Тот же.
15 декабря 1965
Сделали 9 стр. (92)
Приезжала Адка.
16 декабря 1965
Сделали 10 стр. (102)
17 декабря 1965
Сделали 7 стр. (109)
18 декабря 1965
Сделали 8 стр. (117)
И ЗАКОНЧИЛИ
Итого, встречались:
март: Гагры; 1 вариант
апрель—май: Лнгд; начало Переца
май—июнь: Мскв; Кандид
октябрь: Лнгд; конец Переца
декабрь: Комарово; конец

Надо сделать:
1. Доклад.
2. Рассказы.
3. План веселой повести.
4. План сценария.
5. Врезка к УнС.
19 декабря 1965
Сделали врезку к УнС.

[1] Число в скобках — общее количество страниц рукописи.

	Перец	Кандид
I день	I гл.	I гл.
II день	III гл.	II гл.

20 декабря 1965 г.

Второе нашествие марсиан (Записки здравомыслящего)

Уездный городок недалеко от столицы в воображ<аемой> стране.

Герой и автор, почтальон в отставке, 60 лет, экономка 40 лет. Дочь замужем за редактором местной газеты, крутит с секретарем магистратуры, на 5 лет моложе — зятя не любит и хочет иметь руку в магистратуре. Внук — 12–13 лет, бойкий мальчик.

Отвлекающие занятия:

1) Адюльтер дочери с секретарем.

2) Соперничает с аптекарем в коллекционир<овании> марок.

3) Хлопоты по пенсии.

Предполагаемый конец: из столицы пришло заверение, что пенсия не изменится, герой, удовлетворенно улыбаясь, выходит на крыльцо магистрата и смотрит на отряд марсиан, уходящих в карательную экспедицию против партизан.

За всё время ни разу не видел марсиан, только их машины. И слухи — основное — слухи.

пенсия	марсиане
1. Секретарь туманно намекнул, что министерство почты собирается сократить лиц, получающих пенсии. 2. Идет к аптекарю, обсудить эту новость — самый грамотный человек в городке. Марки.	1. Ранним утром в стороне столицы огонь и взрывы. Летают самолеты, проезжают военные грузовики — и тут поцелуи и объятья дочки с секретарем, и слова секретаря насчет пенсии.
3. Идет выяснять в магистрат. Список действий марсиан с видимым результатом: 1) Война в столице — зарево. 2) Машина марсиан проезжает через город. 3) Возвращение солдат — ни-	1. Днем слухи: восстание, революция, нападение — война, взрыв заводов с горючим, связь прервали, маневры. 3. Пока сидели в кабаке (под вечер), прилетели марсиане в магистратуру. Герой видел толь-

чего не знают, демобилизованы два-три человека. 4) Указание о посеве марсианских злаков, в газете рубрика: советы врача и администрации. 5) Приказ не пропускать из столицы, ловить и сажать до распоряжения.	ко машину. Констебль разгоняет толпу. 4. На след<ующее> утро он спешит к магистратуре узнать насчет пенсии. Уже народу полно, слухи о вчерашнем посещении марсиан. След в пыли — оказалось, инвалида на деревяшке.
6) Донорские пункты желудочного сока. Половина налога уплачивается желудочным соком.	5. Мрачные прорицания редактора и несоответствие их действительному положению.
В конце все его заботы остаются по-прежнему 1. Редактор разобрал винтовку и снова погрузился в газету, забывши про жену, а та развлекается. 2. Аптекарь раздобыл кучу марок и хвастает, что теперь у него есть и марсианские, но не показывает. 3. Вопрос о пенсиях висит. Говорят, что будут выдавать желудочным соком. Ну что за проклятый мир — ничего в нем не меняется, все остается прежним.	Третий день: 1. Сбор ветеранов на площади. Констебль их разгоняет. 2. Избиение короля наркотиков. 3. Сообщение о снижении цен на спиртное и возвращение некот<орых> ветеранов. 4. Герой подходит к [1 слово нрзб] наводит гестаповца[1] на аптекаря. 5.

21 декабря 1965

Осовелость. Говорим о всякой всячине.

Составили план «Нашествия».

[1] «Гестаповец» — это марсианский боевик, молодой человек в черном. — *БНС.*

Опыты гипноза. Вечер у Димы[1].

22 декабря 1965

Ничего особенного не сделали. Говорили о плане веселой повести. Приезжала Адка.

23 декабря 1965

[Перечень фамилий, адресов, телефонов — кинодеятели.]

24 декабря 1965

Обсуждали сценарий.

25 декабря 1965

Обсуждали сценарий.

Шлепянов Александр Ильич

А–4–84–25 (Лрд)

АД–1–45–76 (Мск)

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

27.12.65. Закончили «Лес». План «2-го нашествия». Обсужд<ение> сценария ТББ.

28.12.65. Отъезд п. № 13. 15h 45m.

1965 год — удачный год. Часто встречались, много сделали...

Много и издано: книги (ПНВС в «Детской литературе», ПКБ+ХВВ в «Молодой гвардии»), публикации в сборнике (ДР в третьем томе «Библиотеки фантастики и путешествий»), ХВВ в казахской газете «Ленинская смена».

Вышли переводы Кобо Абэ под псевдонимом «С. Бережков»: «Тоталоскоп» и «Четвертый ледниковый период» во втором томе Библиотеки современной фантастики. До книжной публикации перевод повести «Четвертый ледниковый период» был опубликован в журнале «Смена» с предисловием АНа. Этим же предисловием открывался и том Абэ в БСФ.

БЕРЕЖКОВ С. ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Читатель, раскрывший в июле 1958 года свежую книжку журнала «Сэкай», был поражен. В номере начиналась новая повесть Абэ, писателя, заслужившего высокую оценку японской критики как представителя «чистой литературы». «Четвертый ледниковый период» — название повести несколько странное, но

---

[1] Брускин Дмитрий Михайлович, переводчик, писатель.

дело даже не в названии. «Сэкай» — журнал с репутацией. Это «толстый», солидный ежемесячник, не без левизны в отделе критики, но печатает он произведения исключительно классического типа, с глубокими мыслями, без всяких скидок на неподготовленного читателя. И Абэ — серьезный автор. Кажется, в литературе придерживается западноевропейской ориентации: достаточно вспомнить одно из первых его произведений,— «Преступление господина Карумы», которое так странно перекликается с «Метаморфозами» Кафки, или роман «Звери идут на нас», опубликованный в позапрошлом году. Итак, «Четвертый ледниковый период». Читатель листает повесть, и его охватывает смущение. Программирование... Электронная машина... Пульт управления... Да ведь это же чистой воды научная фантастика. Нет, читатель ничего не имеет против научной фантастики как таковой. Это неплохое чтиво, чтобы развлечься. Он сам иногда почитывает в вагоне электрички по дороге на службу выпуски «Эс-Эф магадзин», перепечатку на японском языке американского журнала научной фантастики. Он временами заглядывает даже в роскошно изданные научно-фантастические романы весьма популярного у детей молодого писателя и астронома Сэгавы, которого именуют японским Жюлем Верном,— «Цветут цветы на Марсе», «61 Лебедя» и другие. Но чтобы Кобо Абэ... и вдобавок в журнале «Сэкай»...

Впрочем, читатель вспоминает, что Абэ уже немножко грешил фантастикой. Что-то такое передавали по телевидению. «Охота за рабами» — про людей-животных и «Корабль-экспресс» — про лекарство-панацею. Показывали еще «Изобретение Р–62» — это про робота, который научился делать людей, очень забавно, и «Привидения живут здесь» — про лавку привидений. Да, очень забавно; но, насколько помнится, не совсем самостоятельно, чувствуются влияния, заметны заимствования... Но что может означать научно-фантастическая повесть на страницах такого — не будем бояться этого слова — склонного к снобизму журнала, как «Сэкай»?

Но вот повесть прочтена. Она была написана на высоком литературном уровне, свойственном Абэ. Несмотря на научные термины, научно-фантастический антураж и совершенно фантастические ситуации, повесть эта, как и другие произведения «большой» литературы, имеет дело с психологией среднего человека. И, говоря по правде, она явилась в японской литературе чем-то новым, свежим, необычайно интересным и читалась залпом.

А самое главное — конфликт «Четвертого ледникового периода» выходил далеко за пределы обычных конфликтных ситуаций вроде любовного треугольника, бесславного восхождения к вершинам общества ценой попрания совести, всякого рода саморазоблачений и так далее. Он был совершенно необычен, этот конфликт. Вторжение будущего в настоящее. Испытание пригодности человека для будущего. Непреходящая враждебность повседневной обыденщины в отношении будущего. Повесть заставляла переживать необычные проблемы.

Более того, повесть заставляла думать! Она напоминала о громадной ответственности каждого человека перед обществом — особенно в такие поворотные эпохи истории, как наша. Наш мир идет к тупику, утверждает автор. Забыты высокие идеалы, остановилось общественное развитие, в духовной жизни царит цинизм, разочарование, любые перемены внушают ужас. Это начало конца, начало деградации.

Но, говорит он, оглянитесь с завистью на другой мир, на Советский Союз! Вот кому ничего не грозит, вот кто ничего не боится, потому что еще в начале века он вступил на правильный путь и с тех пор смело глядит в будущее! И потому ему одному не грозит катастрофа, его одного не захлестнут кипящие волны диковинного и жестокого грядущего, надвигающегося на нас, грядущего, которое не оставит нам места на Земле, разве что в качестве экспонатов в музеях.

Конечно, и среди нас есть люди, которые сознают значение темной тени, уже упавшей на человечество по эту сторону «железного занавеса», они работают для спасения того, что еще можно спасти, но их так мало, и они работают тайком — ведь мещанское болото, окружающее их, враждебное им; осознав свою обреченность, оно может все уничтожить в припадке последнего животного ужаса и ненависти. Даже лучшие из этих мещан, ученые и изобретатели, оказываются не в силах вынести очной ставки с жестоким будущим своего мира и, как честные люди, сами приговаривают себя к смерти.

Будущее и только будущее является высшим и единственным судьей настоящего. Судьей неподкупным и строгим. И чтобы смело глядеть в глаза этому судье, нужно отрешиться от непрерывности обывательского бытия, нужно осознать свою ответственность и жить, работать, бороться на основе этого осознания.

Странная история профессора Кацуми, талантливого ученого и пошлого обывателя, поразила воображение и заставила задуматься, вероятно, не одного читателя в Японии. Повесть Абэ

является первым настоящим, в современном смысле этого слова, произведением японской научной фантастики и, несомненно, выдающимся явлением в фантастике мировой. Советский читатель узнал и запомнил имена Ефремова, Лема, Брэдбери. Есть все основания надеяться, что запомнит он и имя Абэ.

Выступил АН и как составитель — в сборнике «Фантастика, 1965», опять же — с предисловием от составителя.

АНС. ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Пожалуй, наиболее характерной чертой настоящего сборника является то обстоятельство, что половина его участников — это профессиональные литераторы и старые члены Союза советских писателей. Одни из них (Г. Гор, А. Громова) давно уже «натурализовались» в фантастике, другие (например, В. Берестов, А. Шаров) выступают в этом виде литературы впервые.

Новая повесть Геннадия Гора «Мальчик» знаменует, по-видимому, очередной и очень интересный этап в творческой биографии этого писателя-фантаста — переход от холодноватого философского диалога к менее масштабным, но живым и горячим интересам сегодняшнего дня.

Повесть Ариадны Громовой «В круге света» посвящена разоблачению психологии буржуазного индивидуалиста наших дней. Одно-единственное фантастическое допущение (автор наделяет героя мощными парапсихологическими свойствами) позволило в небольшом произведении последовательно разрушить идею «круга света», интеллектуализированную модификацию древней и особенно опасной сейчас идейки хаты, которая с краю... Заодно читатель убеждается и в том, что гангрену животного ужаса перед миром лечить надо не гипнозом.

Как бы в противоположность произведению Громовой повесть Аркадия Львова «Человек с чужими руками» дает любопытный опыт анализа психологии людей коммунистического будущего. Имя А. Львова уже известно читателю по повести «Мой старший брат, которого не было».

С остроумным антифашистским памфлетом впервые выступает в фантастике Александр Шаров. Его «Остров Пирроу» выдержан в лучших традициях советской политической сатиры и, вероятно, доставит читателю истинное удовольствие.

После сравнительно долгого молчания вновь вступает в разговор с читателем Генрих Альтов. Рассказ «Порт Каменных Бурь» —

это крепкое, сильное научно-фантастическое произведение с философской глубиной, с интересной идеей.

Редкие пока (к сожалению) в фантастике юмористические миниатюры дали в сборник писатель Валентин Берестов и научный сотрудник Р. Яров. Новые имена представлены первыми рассказами журналиста Всеволода Ревича и инженера Ольги Ларионовой.

В статье «Разговор с редактором» заведующий отделом редакции «Комсомольской правды» Дмитрий Биленкин резко и убедительно критикует неудачные научно-фантастические произведения, вышедшие в свет за последние годы. Нельзя не согласиться с его призывом к писателям и редакторам быть взаимно требовательными.

В сборнике публикуется также письмо доктора технических наук М. Каганова, одного из руководителей клуба любителей фантастики при Харьковском доме ученых, и рецензия на сборник рассказов Айзека Азимова, написанная публицистом «Литературной газеты» Н. Разговоровым. Стоит напомнить, что Разговоров — автор полюбившейся читателю отличной фантастической повести «Четыре четырки».

Чуть ли не помимо (но отнюдь не против) воли составителя получилось так, что сборник в какой-то мере представляет основные эмоциональные направления в современной советской фантастике. Во всяком случае, составитель надеется, что, перелистывая страницы сборника, читатель ощутит жгучее любопытство вместе с героем «Мальчика» и посмеется над злоключениями основателя цивилизации в юмореске Ярова, с гневом отпрянет от микроидеалов теории «круга света» и проникнется насмешливым презрением к правителю острова Пирроу, задумается над мечтой альтовского Зороха и погрустит вместе с Ларионовой. Другими словами, я думаю, читатель еще раз убедится: эмоциональное разнообразие советской фантастики под стать разнообразию тематическому.

В книге ПНВС тоже имелось свое предисловие — от Авторов.

АБС. ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОВЕСТИ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Сказка сказке рознь. Бывают сказки для маленьких и для взрослых. Веселые и грустные. Поучительные и легкомысленные. С драконами и без.

Повесть «Понедельник начинается в субботу» — тоже сказка. Авторы написали ее для «научных работников младшего возраста». Так они называют людей любознательных и склонных к научным занятиям: тех, кто пережигает в доме пробки, взрывает во дворе самодельные ракеты, накалывает на булавки жуков и бабочек, ну и, конечно, много читают и много знают.

Конечно, авторам хотелось сделать повесть веселой, но оказалось, что в ней есть и грустные места. Авторы считали своим долгом сделать повесть поучительной и назидательной, однако как-то так получилось, что она вышла довольно легкомысленной.

И есть в ней всякого рода драконы. Есть настоящий сказочный герой — не то Александр-царевич, не то Александрушка-дурачок — обыкновенный, вполне современный и совершенно настоящий младший научный сотрудник. Есть заколдованный замок — заурядный Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства Академии наук. Есть в повести пригоршня вурдалаков, несколько Кощеев Бессмертных, попадаются отдельные, совсем нетипичные колдуны и маги, небрежно обращающиеся с волшебной палочкой. Наконец, есть там и Великая Тайна, относительно которой ни герои, ни авторы не уверены: удалось ее раскрыть или нет. Много чего там есть. Даже примечания и комментарии. А вообще-то это повесть о славных веселых работниках, для которых заниматься наукой гораздо интереснее, чем играть в футбол или отплясывать на танцульках.

Важно только не принимать эту сказку всерьез (кто же принимает всерьез сказки?), а с другой стороны, не считать, что она написана от нечего делать (сказка, как известно, ложь, да в ней намек). Одним словом, каждый читатель пусть возьмет из нее то, что ему нравится. Совсем не исключено, что этот читатель завтра сдаст нужные экзамены, оставит в покое квартирные пробки и отправится на настоящие полигоны и в настоящие институты.

В книге же ПКБ-ХВВ наличествовало целых два предисловия: от И. Ефремова — в общем к книге, и от Авторов — к ХВВ.

Ефремов после общих слов о фантастике писал об АБС:

ИЗ: ЕФРЕМОВ И. ПРЕДИСЛОВИЕ

<...>

Для создания позитивной стороны представлений о будущем очень важно проследить формирование нового в челове-

ке, показать его в преодолении старого мировоззрения, обычаев и привычек, отживших форм общественной жизни. Не подлежит сомнению воспитательная роль подобных книг. Вот почему они так хорошо принимаются читателем и вызывают живейший интерес. В современной научной фантастике к этой категории принадлежат произведения Аркадия и Бориса Стругацких, одних из наиболее интересных наших фантастов.

Читателю полюбились их повести «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом». В них авторы на фоне схематически обрисованных технических деталей пытаются представить морально-этические проблемы, разрешаемые людьми будущего коммунистического общества, и тем самым показать их психологический облик как результат коммунистического воспитания и жизни на высокой ступени общественного сознания.

В настоящей книге объединены две повести: «Попытка к бегству» и «Хищные вещи века». Первая издавалась ранее и уже известна читателю. Замечу лишь кратко, что она затрагивает очень интересную проблему «вмешательства-невмешательства» при столкновении людей коммунистического общества с тиранническими, жестокими формами общественного устройства типа фашистских диктатур или феодальных деспотий. Особенно ярко эта проблема поставлена братьями Стругацкими в их очень интересной повести «Трудно быть богом». В «Попытке к бегству» авторы показывают, что высшая форма общества не может быть достигнута сразу, одним прыжком. Коммунизм должен быть завоеван в трудной борьбе с отживающим миром. Именно в этой борьбе и происходит формирование человека будущего, его подготовка к тому, чтобы стать полноценным членом коммунистического общества.

В новой повести «Хищные вещи века» братья Стругацкие продолжают в более резкой, почти гротескной форме ту же борьбу против буржуазной идеологии. В этом произведении писатели не ставят перед собой задачу показать реальное капиталистическое государство с его социальными контрастами, с развитой вследствие социального неравенства классовой борьбой.

Исходя из реальных тенденций современного буржуазного общества и более всего из свойства его идеологии разлагать души людей, воспитывать отупелых потребителей, ищущих во всем широком мире только сытости и наслаждения, Стругацкие создают модель воображаемой страны, где многое условно, где люди живут, не задумываясь о завтрашнем дне, о куске хле-

ба. Люди в этой стране имеют все — еду, одежду, развлечения — и тем не менее опускаются до состояния наслаждающегося животного, лучшие из них мучаются и погибают. Такая картина не случайна. Наиболее ошеломляющим представляется писателям разлагающее действие буржуазной идеологии, которое наблюдается сейчас, в настоящее время в капиталистических странах с наиболее высоким материальным уровнем жизни. Люди там, лишенные высоких идеалов, большой цели в жизни, низводятся до уровня обывателей. Повесть А. и Б. Стругацких насыщена ненавистью к подобному благополучию, достигнутому ценой измельчания идей, чувств, человеческой личности. Ему противопоставляется уверенность в первостепенной ценности и победе духовных идеалов коммунизма.

Я уверен, что читатели с большим интересом встретят новое произведение талантливых писателей.

В вымученном же издательством предисловии Авторов говорилось о том, что всё это — о капитализме.

АБС. ОТ АВТОРОВ

«Главное — на Земле,— решил космонавт Иван Жилин, бортинженер фотонного планетолета «Тахмасиб».— Главное всегда остается на Земле».

И он вернулся на Землю. Он стал героем этой повести.

Речь в ней идет о чрезвычайно тревожной и всё усиливающейся тенденции, свойственной современному капиталистическому миру. Наиболее открыто, явно, грубо она проявляется в колониальном грабеже и террористических диктатурах, военных интервенциях и экономическом разбое. Но есть еще одна сторона буржуазного развития — массовая идеология, ежедневно и ежечасно порождаемая практикой частнособственнического предпринимательства. Такая практика приучает смотреть на человека как на источник собственного обогащения. Единственной жизненной целью она делает деньги, а совесть заменяет благополучной чековой книжкой. Меркантильные интересы тогда готовы проглотить все другие человеческие чувства, а само общество выглядит как толкучка стяжательских страстей.

Всё это неизбежно приводит к господству эгоизма, корыстолюбия, к измельчанию чувств и духовному убожеству.

Одним словом, мы имеем в виду реальные тенденции современного буржуазного строя, явления, суть которых раскрыта в

работах К. Маркса, В. И. Ленина, явления, о которых всё с большей тревогой говорят многие честные писатели и художники Запада. Достаточно напомнить о положении заокеанского телевидения, об отупляющей ширпотребной «массовой культуре», о штампованных фильмах и потоке бульварной литературы.

Самым страшным свойством буржуазной идеологии является ее способность разлагать души людей, ежедневно и ежечасно пополнять ряды корыстолюбцев, паразитов, равнодушных потребителей, ищущих в мире только сытости и наслаждения. И особенно страшным представляется действие этой идеологии в условиях материального довольства.

Чтобы показать это как можно более выпукло, пусть даже ценою некоторого гротеска (старого и верного приема фантастической литературы), мы построили модель Страны Дураков. Эта страна условна, как условен сам гротеск. Мы не ставили перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой. Да и в одной небольшой повести нам никогда не удалось бы осветить все стороны, все социальные противоречия капиталистического государства. Поэтому мы ограничиваемся одним, но, на наш взгляд, очень важным аспектом: духовная смерть, которую несет человеку буржуазная идеология.

Нам хотелось передать читателю нашу ненависть к сытому мещанскому неблагополучию и нашу уверенность в необходимости борьбы за коммунистические духовные идеалы, нашу уверенность в победе их. Нам хотелось сказать читателю: капитализм опасен не только как экономическая и военная система — реальную опасность представляют последствия его векового хозяйничанья в душах людей.

Также в этом году выходят две книги известных уже критиков, посвященные фантастике. В обеих книгах произведения АБС находят положительный отклик, а если и получают упреки, то — легкие, дружеские и по делу.

ИЗ: БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. МИР БУДУЩЕГО В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

<...>

Читателям хорошо знакомо творчество наших писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Их последние повес-

ти — «Возвращение» («Полдень, 22-й век»), «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» — посвящены морально-этическим проблемам и формированию духовного мира нового человека.

Когда-то Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» писал: «...если хотите, это так: гений — просто человек, который говорит и действует так, как должно на его месте говорить и действовать человеку с здравым смыслом; гений — ум, развившийся совершенно здоровым образом, как высочайшая красота — форма, развившаяся совершенно здоровым образом. Если хотите, красоте и гению не нужно удивляться; скорее надобно было бы дивиться только тому, что совершенная красота и гений так редко встречаются между людьми: ведь для этого человеку нужно только развиться, как бы ему всегда следовало развиваться».

В наше время уже создаются предпосылки для того, чтобы гений и красота, гармонически соединенные в новом человеке, стали бы не исключением из правила, а правилом лишь с редким исключением. Но если герои «Туманности Андромеды» и «Сердца Змеи» уже отвечают этому высокому эталону — ведь действие перенесено на тысячу или больше лет вперед,— то герои повестей Стругацких, живущие в XXI или XXII веке, находятся еще на подступах к этой цели.

В отличие от героев Ефремова, вполне сознательно приподнимающего их над людьми нашего времени, Стругацкие наделяют людей будущего чертами наших лучших современников. Они исходят из той мысли, что через двести-триста лет большинство людей будут такими, какие сегодня кажутся исключительными.

Моральные искания героев каждой из упомянутых книг Стругацких ясно сформулированы устами бортинженера Ивана Жилина в повести «Стажеры». Жилин, привязавшись к юному стажеру Юре Бородину, думает о том, что мог бы помочь миллионам таких же Юриков, оставшихся на Земле.

<...>

Но подлинный художник не имеет права ограничиться одним лишь декларированием своих воззрений.

Идея должна найти свое образное выражение! И вот, читая книги Стругацких, мы убеждаемся, что это у них получается. И люди старшего поколения — экипаж «Тахмасиба»: командир Алексей Быков, планетолог Владимир Юрковский, штурман

Михаил Крутиков, бортинженер Иван Жилин,— и представители молодежи — стажер Юрий Бородин, «смерть-планетчики» с астероида Эйномия,— и персонажи повести «Возвращение» и «Далекая радуга» обретают видимые и осязаемые черты человека новой формации, шагнувшего из царства необходимости в царство свободы.

У героев Стругацких есть своя, выверенная мера поступков и поведения, не позволяющая сфальшивить или принять малое и не очень значительное за большое и важное. Они, как правило, люди мужественные и смелые, не страшатся опасностей, охотно идут на риск. Возьмем, к примеру, Юрковского. Известный всей планете ученый, он в качестве генерального инспектора совершает «поездку» по трассам Солнечной системы. И когда на Марсе проводится облава на чудовищных пиявок, этот, уже немолодой человек, первым проникает в пещеру, куда скрылись спасшиеся страшилища. Тот же Юрковский укрощает бунт «нищих духом» на астероиде Бамберга и в конце концов погибает во время исследования колец Сатурна, пытаясь помочь раздавленному каменной глыбой Крутикову.

В «Далекой радуге» физик-нулевик Роберт Скляров садится на резервную «Харибду» (танк — поглотитель энергии) и вступает в неистовое, безнадежное единоборство с Волной, испепеляющей на своем пути всё живое.

Можно привести много подобных случаев. Но характерно, что совершающему подвиг и в голову не приходит, что он поступает как-то особенно. Не звучат фанфары славы, и авторы не спешат увенчать героя лавровым венком. Подвиг становится поступком, вытекающим из нормы поведения человека. Иным он быть не может, ибо таково его существо — результат коммунистического воспитания многих поколений.

В каждом произведении Стругацких мы сталкиваемся со стремлением писателей найти, раскрыть и обосновать те новые конфликты, которые, по всей видимости, вырастут на почве будущего и станут типичными для человека, которому придется решать массу новых, сложнейших нравственных, моральных и философских проблем. Особое значение придается вопросам нравственности. Их книги учат преодолевать собственные слабости и недостатки, понимать душевное состояние другого человека и вовремя приходить ему на помощь, ненавидеть и презирать равнодушие — эту коррозию, разъедающую человеческую психику...

Особенно четко и непримиримо поставлен вопрос о качествах нового человека в повести «Попытка к бегству». Советский офицер Репнин бежит из фашистского концлагеря. В какой-то момент им овладевает страх, ибо в его «шмайсере» осталась последняя обойма. Вместо того чтобы выпустить ее по врагам, Репнин... «дезертирует» в будущее. Попав на далекую неизученную планету, Саул (он же Репнин) сталкивается с насилиями, ужасами, концентрационными лагерями, со всей той скверной, которую преодолевает человечество на своем многовековом пути к физической и нравственной свободе. И Саул в конце концов приходит к убеждению, что совершить «прыжок» в коммунизм нельзя: право войти в коммунизм завоевывается очень высокой ценой, хотя бы и ценой собственной жизни!

Идея этого сложного и смелого по мысли произведения раскрывается в финале: заключенный концлагеря Репнин погибает в схватке с фашистами, расстреливая свою последнюю обойму.

Пристально вглядываясь в лицо нашего молодого современника, Стругацкие берут на вооружение лучшие его черты и наделяют ими своих героев, трансформируя эти черты применительно к новым общественным условиям.

Ненависть к мещанству, к рутине, ханжеству, лицемерию сочетается у Стругацких с подлинным гуманизмом. «Никакие открытия не стоят одной единственной человеческой жизни,— говорит Жилин.— Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю». И когда во время катастрофы на Радуге возникает вопрос, что надлежит спасать в первую очередь: материалы величайших научных открытий или же детей, находящихся на погибающей планете, спасают, конечно, детей.

Вот ситуация, в которой оправдывается не только право рисковать жизнью, но и отдать свою жизнь за жизнь других!

Изображая будущее, Стругацкие выдвигают на первый план острые, а иной раз даже трагические конфликты, к которым приводят неизбежные противоречия между стремлением человека покорить Вселенную и сопротивлением материи; между творческой одержимостью коллектива ученых и общественной целесообразностью, лимитирующей их действия; между субъективным пониманием нравственного долга и объективными историческими закономерностями, которые иногда заставляют отказаться от поступка-подвига, преждевременного в данных условиях.

Творчество Стругацких оптимистично. Во всех своих построениях они исходят из непреложного тезиса: истинная человечность не может быть неразумной. Разумное не может быть негуманным.

<...>

ИЗ: БРИТИКОВ А. Ф. ИСТОРИЯ РУССКОГО СОВЕТСКОГО РОМАНА

<...>

А. и Б. Стругацкие набрасывают в «Возвращении» реалистическую перспективу: индивидуальный быт в больших центрах будет сравнительно просто обеспечен общегородскими автоматическими линиями обслуживания — они доставят все, от обычной пищи до редкой репродукции. Наряду с тем сохранится какое-то время и индивидуальная автоматика для полугородской и сельской местности, а также в расчете на сугубо индивидуальные «пережиточные» склонности.

Время действия «Возвращения» — XXII век — гораздо ближе времени действия «Туманности Андромеды»: оно соответствует «эпохе упрощения вещей», которую герои Ефремова уже пережили. Что касается уровня техники (особенно в звездоплавании, транспорте, связи и многом другом), то он мало чем отличается в обоих романах. В отношении же человека к технике соблюден исторический масштаб.

Несомненно, при широком выборе готовых и высококачественных предметов быта большинство людей легко поступится привычкой самим готовить пищу, иметь собственную стиральную машину и т. д. Принцип экономности совпадет с отмиранием привередливости и капризов, с отживанием заинтересованности в «моем» быте. Но не у всех это произойдет сразу. А с другой стороны, некоторые сугубо индивидуальные бытовые интересы будут законно эволюционировать: один любит дома стереомузыку, другой — коллекционировать книги, третий — разводить цветы. И общество будет удовлетворять и те и другие потребности, понимая, что жизнь сама отсеет высшие и прогрессивные от отживающих.

<...>

Понадобятся «человекоподобные» роботы. Но они будут иными, чем представлял, скажем, автор «Страны счастливых»: не специализированные слуги-официанты (за которыми еще надо присматривать), а многоцелевые универсальные киберне-

тические помощники, наделенные известной самостоятельностью. Авторы «Возвращения» по-городскому именуют их дворниками. Но дворники не только занимаются уборкой, они делают все, что растрачивало силы человека на однообразные усилия: подбирают и пускают в дело отходы, сами ремонтируют друг друга, сами подзаряжаются солнечной энергией. И люди относятся к ним не как к бездушному механизму, а как к разумному домашнему животному, даже с теплотой.

Маленькая, но характерная деталь: вне производства, в быту, они работают по ночам — чтобы не досаждать людям своей суетней. И дело не только в том, что это хорошо показано. Стругацкие здесь развивают свою общую мысль о машине и человеке. Они больше чем кто-либо из современных фантастов постарались насытить будущее самоуправляющимися, самозаряжающимися, самовосстанавливающимися и другими машинами, вплоть до саморазвивающихся (в соответствии с целевой установкой, избираемой самой же машиной после анализа окружающей среды). Их повести и рассказы — грандиозное шествие машины, поднимающей человека, настоящий апофеоз нашей машинной цивилизации в ее гигантском скачке в новое качество, которое сделает коммунизм прекраснее, чем представлялось его далеким гениальным провозвестникам.

И все же от «Страны багровых туч» (1959) через «Путь на Амальтею» к «Стажерам» (1962), «Возвращению» (1963) и повестям «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом» (1964) — если взять главные книги Стругацких — заметна существенная эволюция. Нет, писатели не охладели к машине. Они по-прежнему любят и ценят ее за то, что она «будет работать всё тяжелое за человека», о чем мечтал шолоховский Давыдов. Но строй их последних вещей все же иной: здесь мысль о гуманистическом назначении науки и техники переходит в раздумье о судьбах цивилизации. Какой она будет, культура нашей Земли, рожденная машиной? Сохранят ли свой романтический, юмористически-философский или любой другой колорит нынешние или завтрашние кибернетические новинки? Будет ли вообще дух технической цивилизации характерен для наивысшей ступени коммунизма?

<...>

И. Ефремов показывал, каким необыкновенным станет человек в лучах высшего расцвета цивилизации. А. и Б. Стругацких увлекла другая мысль, несколько полемизирующая с ефремовской концепцией: коммунизм, с его удивительной научно-технической культурой, с его благородной чистотой человеческих

отношений — по плечу уже нынешнему поколению передовых советских людей.

Писателям удалось создать образы несколько более конкретные и индивидуализированные. Но их положительные герои, по-своему привлекательные, все же не несут в себе таких вечных человеческих проблем, как Мвен Мас, Дар Ветер, Веда Конг. Вероятно, в полемическом пылу писатели наделили своих «современных людей будущего» несколько странными для советского человека 21–22 века свойствами. А. и Б. Стругацкие не торопятся объяснить, например, как это среди отправляющихся на Венеру космонавтов оказался человек, способный не только всерьез болеть славолюбием, но даже превратить случайное недоразумение в драку («Страна багровых туч»).

Целый коллектив огромной кибермашины, пользуясь отлучкой шефа, задает Великому Кри заведомо бессмысленные задачи. Бородатые дяди с жестоким любопытством детей, бросивших кошку в пруд, чтобы посмотреть, как она будет захлебываться, любуются «мучениями» машины, будто им невдомек, что стоит час эксперимента на таком уникальном сооружении. А шеф, застав озорников на месте преступления, не находит ничего лучше, как объясниться с ними при помощи... палки. В другом варианте этой новеллы, включенном в повесть «Возвращение», Стругацкие «поправились»: старый ученый таскает «мальчишку» за бороду...

Писатели, видимо, хотели сказать: ничто человеческое не будет чуждо и нашим потомкам. Но ведь и слабости человеческие, и этические срывы в будущем, надо думать, тоже будут иными.

<...>

Вряд ли оправдана нарочитость поведения и лексикона некоторых главных персонажей, переходящих из «Страны багровых туч» в «Стажеры» и «Возвращение»: чрезмерная суровость и угрюмость знаменитого космолетчика Быкова или слишком уж витиеватая (и подозрительно попахивающая началом XX века) ехидность не менее знаменитого планетолога Юрковского. Надоедливое словечко «кадет», с которым он обращается к стажеру, только анахронично и ничего не открывает в задуманной авторами сложности этого героя. Многих своих персонажей Стругацкие принуждают кокетничать: вот, мол, мы — люди будущего, а ведь похожи на вас своими «пережитками», и тем не менее делаем крупные дела, служим коммунизму и, представьте, преотлично совмещаем...

<...>

1966

1966 — год важный, год переломный. Власть первый раз по-настоящему замечает Стругацких, появляются первые разносные статьи и занудные постановления, но до Большой Круглой Печати дело пока не доходит. С другой стороны, становится привычным мнение: АБС — настоящие писатели. Да, и тогда, и после, и даже сейчас их еще пытаются числить именно по «фантастическому» разряду. Но и сами они, и каждый их критик, и — главное! — читатели уже понимают — пишут они о человеке и только о нем. Фантастический же антураж — это шелуха, внешнее, форма, прием...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 ЯНВАРЯ 1966[1], М.— Л.

Дорогой Боб!

По главному для тебя вопросу пока сообщить ничего не могу: говорил с Коротеевым тридцать первого, попросил его сказать Рите, чтобы показала марки, но он как-то уклонился и сказал, что он с Ритой, вероятно, в середине января поедет в Ленинград. Я попросил их взять марки с собой и повидать тебя там. Он неопределенно согласился. На том разговор и закончился. Сегодня пойду в «Мол. Гв.», вероятно, опять увижу его, но что-то у меня надежды мало, что-то они крутят.

«Лес» отдал на перепечатку. Ленка читала, ей решительно не понравилось, впрочем, она говорит, что такая литература вообще не для нее. После перепечатки дам Юре Манину, пусть он почитает.

Виделся с Ниной, мельком с Белой — наш том еще не сдан, собираются сдавать десятого января, побывал у Ревича. Всё это было до праздников, толком поговорить не удалось. Второго были у нас Манины и Громовы (Громов — это литературовед,

[1] Датировка составителей.

специалист по Чехову, тот, что составил «Ни дня без строчки» Олеши, к Ариадне не имеет никакого отношения). Громов и Манин стравились в споре, физики и лирики, орали два часа подряд, выпили на шестерых полторы бутылки сухого. В результате многие полагают, что это бурундук.

Читаю на английском «Доктора Живаго». Должен сказать, что после первой же дюжины страниц мнение о нем изменил. Книга во всяком случае значительная, это сразу видно даже по началу, этакое крупное полотно, словно в противовес написанное «Хождениям по мукам»[1]. И читается как очень серьезная книга, смакуется, не позволяет торопиться, заставляет думать. Жаль только, что на английском, это придает всему какой-то юмористический оттенок, да и перевод, на мой взгляд, неважный.

Вот и все дела. Сейчас иду в больницу, потом в парикмахерскую, потом в «Мол. Гв.» повидаться с Парновым, а заодно и с Коротеевым.

Поцелуй Адочку, поцелуй маму.

Твой Арк.

4 января был заключен сценарный договор с киностудией «Ленфильм» (а конкретно — с его 3-м творческим объединением, в котором работали достойные и несломленные люди; как узнает читатель из следующего тома, это объединение было разогнано спустя несколько лет) на написание сценария ТББ. Договор заключили АБС и директор объединения Геннадий Малышев. «Сценарий должен соответствовать утвержденному Студией и приложенному к настоящему договору либретто — творческой заявке, излагающей основную идею, сюжетный замысел и характеристику главных действующих лиц будущего сценария». «Сценарий должен содержать полное и последовательное описание действия, диалоги, титры и представлять собой законченное кинодраматургическое произведение».

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 5 ЯНВАРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Вчера подписал договор на сценарий. За тебя и за себя. Аванс обещали в течение ближайших двух недель. Были очень милы и внимательны. Объяснили задержку тем, что некоторое

[1] Романы Б. Пастернака и А. Н. Толстого.

время колебались: ТББ или ПНвС? Выбрали-таки ТББ. Познакомился там на студии с известным сценаристом Володиным. Очень приятный человек. Обещал всяческую помощь. Относится к нам хорошо, любит нашу ф-ку, а сын его — без ума от нас. На столе редактора лежит уже и ХВВ — следят, сволочи. Итак, корабли сожжены, мосты тоже, надо писать. Первый вариант мы должны дать к 4 апреля.

2. Жалко, что Ленке не понравился ЗПвГ. То есть жаль, что РЕШИТЕЛЬНО не понравился. Я не жду восторгов. Я согласился бы просто на: не понимаю, мол. Жаль. Сам я еще никому не читал и не давал.

3. На Коротеева жми! Всем авторитетом. Обещай златые горы!

4. Напоминаю, что окромя марок жду еще от тебя:

а. «Цикл огня»[1].

б. Очередной том Всемирной ф-ки.

в. Кафку[2].

5. Накупил тут новых книг. Прочитал Несвадбу[3] — ну и г... же! Во всем томике мне понравилось только одно место в предисловии, где бр. Стругацких относят к крупнейшим мастерам жанра. Правда, одновременно с Днепровым.

6. Никого не видел, так что новостей не знаю.

Жду писем, целую, твой [подпись]

P. S. Ленку поцелуй, а всем — приветы и новогодние пожелания.

В январе журнал «Смена» публикует ответы писателей на анкету, составленную журналистом Александром Лессом. Есть там и ответы АБС.

АБС. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О ЖИЗНИ, ВРЕМЕНИ, СЧАСТЬЕ?

1. Что такое счастье в жизни, как связано это понятие с личными радостями и огорчениями, с успехами и преуспеянием (со славой, наградами, материальным благополучием)?

Для нас счастье — это кратковременное ощущение радости бытия, возникающее от сознания хорошо выполненного замыс-

---

[1] Clement H. Cycle of Fire; перевод был озаглавлен «Огненный цикл».

[2] «Роман. Новеллы. Притчи» (М.: Прогресс, 1965).

[3] Несвадба Й. Мозг Эйнштейна.— М.: Мир, 1965.

ла. Ощущение острое, сильное и редкое. Оно возникает неожиданно и быстро исчезает, потому что невыполненного, незаконченного и неудачного всегда больше, и нормальное состояние озабоченности и неудовлетворенности, естественно, преобладает. Поэтому мы гораздо более ценим ощущение занятости и полноту жизни, ощущение менее яркое, но более длительное и надежное. Когда-то мы писали: «Жизнь дает человеку три радости: друга, любовь и работу». Мы сейчас думаем так же, хоть прекрасно понимаем, что счастье — понятие чрезвычайно индивидуальное и зависит от многих факторов: от воспитания, от образа жизни человека, от его темперамента, от его окружения и физического здоровья. Мы знаем, что для многих людей счастье — это просто отсутствие несчастья, довольство, удовлетворенность, и мы понимаем этих людей, хотя и не приемлем такого представления о счастье. Для большинства людей счастье связано с осуществлением желаний, и, вообще говоря, желания предосудительные могут приносить столько счастья, сколько и желания благороднейшие. Человек может быть счастлив даже в ущерб самому себе — когда источником его счастья оказывается удовлетворение дрянных и мелких желаний. Слава ради славы, награда ради награды, благополучие ради благополучия — всё это рано или поздно приводит человека в духовный тупик, в котором нет места никакому счастью и где остаются одни только сомнительной приятности воспоминания. Для нас уже много лет основным источником счастья служит наша работа, и выражение «человек создан для счастья...» мы склонны истолковывать как «человек рожден для творчества» (если человек вообще рожден для чего-нибудь).

2. Как связана материальная обеспеченность с уровнем морали? Как вы определите сегодняшнее понятие мещанства, мещанской морали, мещанского вкуса? Как, по-вашему, связана талантливость человека с моральными качествами?

Материальная обеспеченность сама по себе — это нормальное и естественное состояние человека, в котором ему легче всего заниматься творчеством, не отвлекаясь на ерунду. Но материальная обеспеченность становится мощной преградой на пути человека к человеческому, если в силу воспитания или условий жизни превращается в самоцель. Кругозор сужается безнадежно, и человек так и не становится Человеком. Он становится мещанином.

Паскаль сказал: «Учитесь хорошо мыслить — вот основной принцип морали». Нам очень близка эта формулировка. Человека отличает от животного, по-видимому, прежде всего способность мыслить (хотя никто толком не знает, что это значит). И раз ты человек — то мысли. И мысли хорошо: ищи знание, сомневайся, бойся узости и не бойся разрушения привычного и общепризнанного, внимательно и бережно относись ко всему новому, как к ребенку, который будет жить, когда тебя уже не станет. Думай о будущем. Помни, что ты ежедневно и ежечасно своими действиями (или бездействием) творишь это будущее, и поэтому очень многое зависит от твоих действий.

Мещанин — это человек, который не желает или не может мыслить хорошо. Его кругозор узок, его духовные потребности бедны и примитивны, а эгоизм его богат и многогранен. Он не хочет знать больше, чем знает, и не желает понять, что кто-то способен думать и чувствовать иначе, чем он. Мещанин — это прежде всего эгоист, и все его усилия направлены на создание оптимальных условий для своего существования. В достижении таких условий он не брезгует никакими средствами, потому что все принципы его сводятся к одному: «Пусть мне будет хорошо — это главное, а остальное как-нибудь утрясется». Бывает, на наш взгляд, мещанин глупый и мещанин умный. Глупый мещанин обнаруживается легко: он честен, он искренне полагает, что является центром мироздания. Умный мещанин подозревает, что это не так, но считает, что это должно быть так, а потому лжет и скрывается под удобными масками: под маской простосердечия, или под маской учености, или под маской преданности, или под маской принципиальности и непримиримости.

Каждый человек в какой-то мере эгоист, а значит, несет в себе зеркало мещанства. Это надлежит иметь в виду, быть начеку и никогда не прощать себе ничего такого, что не прощаешь другим. Знания, любознательность, интерес к миру, жадность к новому, мысль — отличное оружие против мещанства в себе и в других. Наверное, талантливые люди в этом смысле находятся в более выгодном положении. Талант — это всегда способность видеть мир ярче и многообразнее, мыслить широко и с увлечением. Поэтому, как правило, талантливый человек всегда менее эгоистичен: ему легче понять, что в мире есть много интересного и важного кроме его собственной персоны.

3. На каких путях представляется вам наиболее действенной борьба за коммунистическую мораль, за нового человека, против пережитков мещанской, эгоистической морали? Какую роль играет в этой борьбе материальное благосостояние?

Мы считаем, что материальное благосостояние само по себе ни в коем случае не способно обеспечить духовной и моральной базы коммунизма. Мы знаем страны, в которых уровень жизни весьма высок и которые в то же время безнадежно далеки от коммунизма, как мы его себе представляем. Благосостояние, доставшееся эгоисту и невежде, человеку ограниченному и духовно бедному, неизбежно обратится против этого человека и в конечном итоге, может быть, низвергнет его до уровня удовлетворенного животного. Но, с другой стороны, материальная недостаточность отвлекает человека от его основного назначения — творчества, мешает ему, тормозит его развитие. Путь борьбы за коммунистическую мораль проходит по Лезвию Бритвы между пропастями голода и пресыщения. Поднимая уровень материального благосостояния, мы должны одновременно и в том же темпе поднимать уровень духовный и моральный. Нам кажется, что решающее слово здесь должна сказать педагогика — наука о превращении маленького животного в большого человека. Проблема воспитания детей представляется нам сейчас самой важной в мире, и, к сожалению, проблема эта пока не решена. Речь идет именно о воспитании, а не обучении. Теорией обучения занимаются сейчас много и плодотворно, вводятся всё новые и более эффективные методы, и положение дел здесь особой тревоги не вызывает.

4. Чем объясните вы упадок гуманитарных интересов у сегодняшней молодежи, и очевидное преобладание техницизма, и само возникновение вопроса о «физиках и лириках»? Отражаются ли эти тенденции как-либо на вопросах морали?

Нам кажется, что наблюдаемый «упадок гуманитарных интересов» — это результат сложного взаимодействия многих социальных и психологических факторов.

Явления произвола и отступления от ленинских норм, имевшие место в прошлом, тормозили развитие гуманитарии в нашей стране, не могли способствовать утверждению критериев правды, искренности, проблемности в искусстве, способствовали насаждению элементов догматизма и примитивизма в гуманитарных науках — в философии, истории, языкознании и т. д.

Виноваты недостатки системы воспитания. Нынешняя школа (и средняя, и высшая) готовят по преимуществу работника, участника производственного процесса, необходимого для создания материального благосостояния в стране. Это и проще и, казалось бы, полезнее. Обучить всегда легче, чем воспитать. Квалифицированного математика, физика, рабочего достаточно просто подготовить — методика процесса обучения разработана удовлетворительно и продолжает улучшаться. Квалифицированного же читателя, ценителя живописи и музыки, человека, тонко чувствующего искусство, надо воспитать — это гораздо труднее и вообще не ясно, как. Кроме того, математик, физик, рабочий нужны позарез сейчас, нужны для выполнения гигантской, исторически сложившейся задачи, а со всем прочим можно, как считают многие, и подождать. Так возникает философия практицизма. Так из школ и институтов выходят деловые, практичные, несколько грубоватые и простоватые люди. Они нужны и отлично сознают это. Они видят гигантский темп развития естествознания и справедливо гордятся своим участием в великом деле покорения природы. И когда им приходится выбирать между отставшей, заторможенной гуманитарией, только-только начинающей подниматься, и грозной, поражающей воображение, всесильной физикой, они отдают свои сердца тому, чему отдавала и всегда будет отдавать сердца молодежь: прогрессирующему, яркому.

5. Является ли, по вашему мнению, закономерным развитие именно в век атомной физики и сверхскоростей таких вещей, как абстрактное искусство, додекафоническая музыка, «конкретная» музыка, современный эксцентризм танца?

Вопрос, поставленный в такой форме, представляется нам тривиальным. Конечно же, да, конечно же, закономерно. Искусство не может не отражать существенных изменений, происходящих в мире, а XIX и XX века — это не просто разные столетия, это разные эпохи. Другое дело, почему указанные «человеческие проявления» приняли именно такой характер? Почему они так привились? Почему тысячи художников ударились именно в абстракционизм, а миллионы людей с удовольствием проэволюционировали от полек и вальсов именно к рок-н-роллу и твисту? Какие психологические сдвиги привели к тому, что многими миллионами людей искусство стало восприниматься иначе, чем полвека назад? В такой форме вопрос в

анкете не стоит. И слава богу, потому что ответить на эти вопросы мы бы не взялись.

6. Подвиг научный, трудовой и боевой. Как вы определяете понятие подвига, героизма и каковы, по вашему мнению, в большинстве случаев побудительные силы подвига и проявления героизма?

Подвиг — это победа человека над своими животными инстинктами и наклонностями: над страхом смерти, над страхом утратить спокойную, устроенную жизнь, над ленью, над стремлением к удовольствиям. Поэтому, нам кажется, подвиг тем более велик, чем сильнее внутреннее противодействие ему. Поэтому самые великие подвиги — это подвиги, растянувшиеся на годы: совершить их труднее всего, и почти всегда они бескорыстны. А побудительных причин так много, что мы просто затрудняемся назвать наиболее часто встречающиеся.

7. Волнует ли вас вопрос о жизни и смерти, и до какого момента или события больше всего вы хотели бы дожить?

Нам очень часто бывает обидно, когда мы думаем о том, что всего лишь через пятьдесят лет нас наверняка не будет в живых. Очень хочется знать, что будет дальше, очень хочется пожить в будущем: ясно ведь, что там будет очень много интересного. Мы прекрасно усвоили древнюю мысль о том, что бессмертие вряд ли явилось бы благом для человечества и, тем не менее, с удовольствием согласились бы дожить до момента, когда бессмертие сделается общедоступным — пусть даже так называемое практическое бессмертие. И уж, во всяком случае, хочется дожить до момента, когда жить надоест: по слухам, такой момент рано или поздно наступает.

8. Каковы, по вашему мнению, сегодня самые главные задачи литературы и ваши лично как литератора?

Главные задачи литературы сегодня те же, что и всегда: отражение мира во всей его сложности без упрощенчества, без самообольщений и без так называемой лжи во спасение. Литература должна быть умом и совестью своего времени, и каждый литератор должен работать, имея в виду это и только это.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 9 ЯНВАРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб,

отвечаю с некоторым запозданием, потому что нужно было кое-что выяснить.

1. Коротеевы со мной говорить отказываются, собираются в Л-д в феврале, возьмут с собой марки, ты при них отберешь то, что тебе приглянется, и договоришься об оплате. Спрашивал о марках у других людей, но никто, по-видимому, не интересуется.

2. Завтра вышлю «Цикл огня», Кафку и номер «Смены» с нашими ответами на анкету. Том фантастики не получил еще сам — некогда съездить.

3. Бела лениво копается в нашем томе, не мычит и не телится. По новому плану ей сдавать рукопись десятого, я был в субботу — она еще не прочитала. Когда ни зайду туда — они сидят, пьют чай и треплются. Смотреть на это скушно и гадко, но я пока сдерживаюсь. Статью Ревича она отвергла и легковесно объявила, что сойдет и без статьи.

4. Был у Чифа. Ему звонили из «Коммуниста» и спрашивали, какого он мнения о ХВВ, ибо есть мнение у некоторых товарищей, что повесть эта вредная, шаг назад в творчестве Стругацких. Чиф возразил, что-де ничего подобного, вовсе не шаг назад, а шаг вниз, т. е. она продолжает основные идеи Стругацких, философская и сложная, но только ниже по художественному уровню — не сбалансированы зло и добро, хотя, опять-таки, это лишь его, неисправимого романтика, личное мнение. Звонившие были, видимо, разочарованы. Спросили: какого он мнения о Стругацких вообще. Чиф ответил, что считает нас самыми талантливыми и пр. По его мнению, в «Коммунисте» лежит на нас какая-то телега. Между прочим, фамилия звонившего была Иванов. Распространенная фамилия, но не он ли автор статейки, что лежит в «Известиях»?

5. Сижу и жму Уиндема. Тяжело. Ленка очень болеет, не спим четвертую ночь.

Пока всё. Жму и целую, твой Арк.

Адку поцелуй. Маму поцелуй специально.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 12 ЯНВАРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Огромное спасибо за бандероль. Я сходу прочел «Процесс» — какая сила, а! Конечно же, никакого фашизма Кафка не предчувствовал, всё это чепуха. Он почувствовал вещь гораздо более глубокую и общую: иррациональность человеческого существования. Под описываемые события можно под-

ставлять что угодно: фашизм, репрессионизм, проблему совести и т. д.— простор для символики необычайный, но, по-моему, Кафка просто очень сильно и отчетливо представлял себе бессмысленность человеческого существования во всех аспектах и писал именно об этом. Великая книга! Где уж нам уж...

2. Если Ленка страдает радикулитом, попытайтесь обратиться к гомеопатам. Лечить они не лечат, но очень ловко залечивают — на год, на два. Это я сам наблюдал на одном сотруднике Пулкова. Страшно он мучился, ничто не помогало, потом раздобыл гомеопата, заплатил, кажется, 50 р., и тот его пилюльками поднял на ноги — год не болело потом.

3. Было заседание в писдоме: ответ американских фантастов Брандису и Дмитревскому. Было любопытно. Обсуждение вылилось в плач по поводу того, что советских фантастов плохо ценят, не посылают за границу, мало переводят. Враждебные научпопы попытались поднять голову и заявили было, что сов. ф-ку не знают за границей потому, что она дерьмо (ф-ка, а не заграница). Были сметены.

4. По слухам, у вас в Москве должно было состояться что-то вроде пресс-конференции фантастов по телевидению. С участием Казанцева, Севера, Громихи и Альтова. Чем кончилось, а?[1]

5. Спасибо за хлопоты о марках. Буду ждать Коротеевых. Попроси их только взять не просто коллекцию, но ВСЕ марки, включая дублеты. А то в коллекции у них марки небось приклеены столярным клеем — не отдерешь.

6. У нас тут жуткие морозы. Все болеем, кроме Адки. Сегодня пойду в Литфонд заказывать маме путевку на март. В Комарово.

7. Как ты в предчувствии работы над сценарием? У меня все от страха трепещет. Когда подписывал договор, имел беседу с ленинградским известным сценаристом Володиным. Советовался с ним немножко. Он считает, что не нужны никакие объяснения, что зритель сам поймет по ходу и это будет ему интереснее, и вообще не следует стесняться и ориентироваться на низкий уровень. А сценарист он, действительно, видимо, неплохой: я взял там на студии два сценария — один Войновича, а второй — двухлетней давности Володина. Таки разница видна немедленно, хотя ты знаешь, что Войнович очень неплохой

---

[1] Фраза из анекдота, позднее использованного в ГО: «У вас в Петрограде в семнадцатом году заварушка была. Чем кончилась, а?»

писатель. Володинский сценарий сколочен прочно, ничего с ладоней не свисает, весь подчинен главной идее фильма, а у Войновича — рыхлость, масса необязательных сцен и т. д. Я эти сценарии попытаюсь задержать до твоего приезда, сам прочитаешь.

Ну вот пока и все. Еще раз огромное спасибо за Кафку, жму, целую, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

P. P. S. Что же это Бела Ревича-то, а? Странно. Значит, у всех будут вступительные статьи, а у нас нет? Обидно как-то.

До «Процесса» АБС читали Кафку в начале 64-го — рассказы в журнале «Иностранная литература» (если не считать того же «Процесса» на английском языке, прочитанного АНом в мае 63-го). О кафкианских нотках ирреальности в УНС БН упоминал в офлайн-интервью:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 12.07.03

Нам, помнится, очень нравился тогда характерный для Кафки прием: описание мира, как призрачной зоны перехода от сна к реальности. Этот прием мы вполне сознательно и с удовольствием применили пару раз в «Улитке».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 ЯНВАРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

Новостей особенных нет. Неособенных тоже.

1. В среду должно было состояться заседание Совета, но я не пошел. Мне позвонил Ким и сказал, что уже есть решение партбюро совета ликвидировать и воссоединить отдельно фантастов и приключенцев с объединением прозы. Мне позвонил Гуревич, я ему все сказал, что думаю о Совете. Он обиделся. Вообще они все боятся прозы, как огня, потому что боятся в ней потеряться. Еще Ким говорил, что Казанцева предупредили на партбюро за страсть к доносам. Но это еще не проверено. Нравится мне наша московская организация.

2. Насчет пресс-конференции по телевидению ничего не слыхал, да и не интересовался. Провалиться им.

3. Были в тот понедельник фантастические посиделки, Володя Григорьев читал новый рассказ. Отличный рассказ, надо

сказать. Ариадна спрашивала, что у нас с тезисами для симпозиума. Я сказал, что ничего нет и что мы, наверное, участвовать вообще не будем. Она пришла в бешенство матки. Надоела она мне, прости меня господи. Когда обсуждали рассказ Григорьева, большинству понравилось, но она выступила против и с привычной безапеляционностью (два «п») заявила, что рассказ где-то недотягивает, где-то перетягивает и прочую теоретическую мочу. Я сказал просто, что рассказ хороший и мне нравится. Тогда она пристала, чтобы я объяснил. Я хотел объяснить, а потом посмотрел на нее — разыгрывает демона отрицания и скепсиса, лишь бы облаять,— плюнул и говорю: это мое дело, чем он мне нравится. Тут на ведьму напали корчи[1].

4. Сценарий писать готов. Думаю приехать в первых числах февраля, ибо мне нужно вернуться шестнадцатого к Ленкиному дню рождения. Напиши, как планируешь.

5. Одобрение нам в Мол. Гв. выписали только вчера или позавчера. Том наш, кажется, сдали, хотя ни в чем я сейчас не могу быть уверен.

Пока всё. Жду писем, целую, твой Арк. Привет Адке.

16 января публикуются ответы писателей на анкету газеты «Гудок». АБС отвечают там только на один вопрос.

АБС. ВАШИ ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ?

В 1966 году мы попытаемся написать сценарий по повести «Трудно быть богом». Это будет наш второй опыт с кинематографом, надеемся, более удачный. В основном же будем дорабатывать новую повесть «За поворотом, в глубине» и попробуем написать несколько небольших рассказов.

А 18 января в «Известиях» вышла скандальная статья Владимира Немцова, основная часть которой была посвящена творчеству АБС.

ИЗ: НЕМЦОВ В. ДЛЯ КОГО ПИШУТ ФАНТАСТЫ?

Наш народ мечтает о будущем. И это будущее он мыслит, как торжество коммунизма. Маркс и Ленин указали нам доро-

---

[1] Цитата из «Пропавшей грамоты» Н. Гоголя.

гу к осуществлению этой мечты. Но как бы хотелось приоткрыть дверь в светлый мир нашего завтра, ради которого нам, строителям коммунизма, приходится преодолевать огромные трудности, а подчас терпеть и лишения. Каков этот мир и кто его будет населять? Кому мы передадим плоды своих трудов, кто примет из наших рук и понесет дальше ленинское знамя?

Вполне естественно, что мысль прежде всего обращается к литературе мечты — научной фантастике. Больше всего она интересует тех, кто будет жить при коммунизме. Я говорю о нашей молодежи: именно она любит романтику поисков и особенно нуждается в литературе, показывающей будущее.

К сожалению, за исключением некоторых книг И. Ефремова и немногих других авторов, изображение этого завтра вряд ли удовлетворит любознательных читателей, тех, кто строит это будущее. Можно примириться с тем, что авторы рассказывают о событиях, отодвинутых на сотни и даже тысячи лет вперед. И пусть происходят они не на грешной нашей планете, а в другой Галактике. Своим воображением читатель может перенести полюбившихся ему героев в более близкое, а потому и особенно дорогое для него время и даже на свою Родину. Но ведь эти герои должны быть понятны читателю, чтобы он мог их полюбить.

В послесловии к двум повестям А. и Б. Стругацких «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом» Р. Нудельман убеждает читателей: «Вы не можете не полюбить иронически грустного Горбовского и страстного Румату Эсторского». Но за что их можно полюбить?

В повести «Далекая Радуга» действие происходит на маленькой планете в отдаленном будущем. Основной конфликт повести, который иные восхищенные критики признают будто бы характерным для гуманизма завтрашнего общества, представляется мне надуманным и случайным. Посудите сами: на далекой небольшой планете ученые производят рискованные эксперименты по «нуль-транспортировке». Как ни странно, на этом космическом полигоне оказывается много женщин и детей. В ходе эксперимента возникла все сжигающая волна, которая через несколько часов уничтожит все живое на планете. Надо улетать домой, на Землю. Но наши далекие потомки столь неорганизованны и беспечны, что на всей планете оказался один звездолет, способный вместить лишь небольшую часть населения этого экспериментального полигона.

И тут-то, по мнению некоторых критиков, одерживает победу мораль коммунистического общества, основанная на гуманизме. Граждане «Далекой Радуги» взволнованно обсужда-

ют проблему — кого же спасать? Одни предлагают спасти ученых, которые очень нужны для развития науки, другие — женщин и детей. Но ведь такой проблемы в подобной ситуации не может возникнуть и сегодня, в социалистическом обществе, да, пожалуй, и в капиталистическом. Издавна ведь по неписаным законам женщины и дети первыми покидают тонущий корабль, им предоставляются все спасательные средства. В повести Стругацких, а люди в ней действуют через триста лет, только после горячей дискуссии места в звездолете занимают дети и женщины с грудными детьми.

Так сама предпосылка основного конфликта оказывается неверной по своей сути.

<...>

Вторая повесть — «Трудно быть богом», как и первая, скорее может дезориентировать нашу молодежь, чем помочь ей в понимании законов общественного развития.

Итак, о чем же в ней идет речь? Где-то на далекой планете в государстве Арканар работают сотрудники земного института экспериментальной истории. На Арканаре господствуют общественные отношения феодального типа, затем они принимают все более определенные черты фашистского государства. Сотрудникам института, командированным на планету, поручено уточнить некоторые законы развития общественных формаций. Для чистоты эксперимента земляне должны присутствовать там в обличье жителей Арканара и ни в коем случае не влиять на взаимоотношения классов. И вот наши весьма далекие потомки становятся сановниками, купцами, аристократами. Они присутствуют при рождении фашизма, видят пытки, изуверства фанатиков, жертвами которых становятся тысячи безвинных жертв, но во имя «чистоты эксперимента» не могут вмешиваться в ход событий, хотя и располагают для этого необходимыми средствами.

К герою повести Румате приходит «главарь мятежников» Арата, который борется за свободу и, зная, что Румата «бог», прилетевший из счастливого мира, просит у него помощи оружием. Памятуя указание ни во что не вмешиваться, Румата отказывает Арате. Румата думает о возможности «массовой гипноиндукции», «позитивной реморализации», с помощью которых можно положить конец произволу, сделать так, чтобы труд и знание стали единственным смыслом жизни людей, но отвечает отказом на просьбу доктора Будаха.

«— Я бы мог сделать и это,— говорит Румата.— Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно че-

ловечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?»

Насколько же мы, граждане сегодняшнего социалистического общества, человечнее, гуманнее героев, созданных Стругацкими? Мы вмешиваемся в ход истории, мы помогаем народам, которые борются за свою свободу и национальную независимость. И будем помогать, пока живет в нас революционный дух.

Недавно «Молодой гвардией» выпущена новая повесть Стругацких «Хищные вещи века». В предисловии к ней авторы сообщают, что они имеют в виду «реальные тенденции современного буржуазного строя», что им хотелось бы «передать читателю нашу ненависть к сытому мещанскому неблагополучию» и уверенность в победе коммунистических духовных идеалов.

У меня нет оснований сомневаться в искренности намерений авторов. Но читаешь повесть страницу за страницей и убеждаешься: авторы не выполнили своего обещания.

События в повести происходят примерно через сто лет. Герой книги русский космонавт Иван Жилин попадает в некую капиталистическую «Страну Дураков», смоделированную авторами повести.

Какой же предстает перед советским читателем эта страна, к чему привели «реальные тенденции буржуазного строя» через сто лет?

Уже в первые минуты пребывания здесь Жилин узнает от курортного агента Амада, что ему «предстоит пройти двенадцать кругов рая». И это вовсе не шутка. Оказывается, не такие уж дураки живут в «Стране Дураков». Местный абориген доктор философии Опир сообщает: «Девяносто девять процентов моих сограждан уже сейчас живут в мире, где человеку доступно практически всё мыслимое».

Перед читателем предстает мир материального благоденствия, обеспечиваемый «неокапитализмом»: по улицам города разъезжают автофургоны с горами продуктов, белья, одежды, приобретаемых жителями бесплатно — «в обеспечение личных потребностей». Идет с работы смена: «Все были веселы, все были добры, все так и сияли дикарской восторженностью». Согласно Пакту устранены войны, ликвидирована армия. Народ купается в этих неокапиталистических благах.

Следует сказать, что авторы с помощью громких тирад и заклинаний пытаются обличать этот мир животной сытости и умственной деградации. Но обличения не получается, как не полу-

чается и обещанного в предисловии гротеска. Вещи оказываются не столько хищными, сколько привлекательными.

Некоторые критики пытаются чисто умозрительным методом разделить научную фантастику на «взрослую» и для подростков. Но их регламентации настолько туманны и неубедительны, что в них не разобраться и взрослому читателю. Что же говорить о подростках, юношах, которые жадно набрасываются на каждую новую книгу научной фантастики! Ведь именно эти юные читатели составляют большую часть многочисленной армии любителей литературы мечты.

Если согласиться с этой мыслью, то никак нельзя оправдать ни сцены пьяных оргий и сомнительных похождений, которыми уснащают некоторые авторы свои произведения, ни тарабарский жаргон, на котором объясняются герои этих произведений.

В той же повести Стругацких «Трудно быть богом» альковная встреча похотливой доны Оканы с Руматой описана с натуралистическими подробностями, достойными бульварного романа, а некоторые действующие лица объясняются на таком фантастическом жаргоне: «Выстребаны обстряхнутся и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам... Марко было бы тукнуть по пестрякам».

Да, современным стилягам впору переучиваться.

Я так много места уделил повестям братьев Стругацких потому, что, во-первых, среди писателей-фантастов, сравнительно недавно пришедших в литературу, это наиболее одаренные авторы, обладающие развитым воображением, необходимым профессиональным мастерством. Во-вторых, из опасения, что в восторженном хоре критиков, а также отдельных снобов, ищущих в литературе нечто такое, что может пощекотать нервы и потешить воображение, эти одаренные писатели могут не услышать дружеских предостережений. А предостережения эти имеют основания. Ведь упоминавшиеся выше повести, вышедшие после интересных и нужных первых книг Стругацких «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею», к сожалению, не свидетельствуют об идейном и художественном росте авторов.

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 18 ЯНВАРЯ 1966[1], Л.— М.

Дорогой Арк!

---

[1] Датировка составителей.

Сразу после телефонного разговора мне пришло в голову одно соображение. А что если вся история с Госкомитетом, заинтересовавшимся вдруг ф-кой, связана с известными событиями, о которых писала та же газета двумя-тремя днями раньше?[1]

В связи с этим надлежит тщательно продумать тезис: фантастика как прием. Прием для чего? Не столько для сатиры, сколько для рассмотрения разных идей, гипотез и пр.

Не было бы здесь ловушки со стороны сволочи. «У него — прием, и у Стругацких — прием![2] А? И для чего прием? Апологии разводите, ассоциации?» Посоветуйся там с ребятами.

Засим жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Если вдруг не поймешь, о чем здесь речь, покажи письмо Ленке. Речь идет о кандидатах в футболисты. И о футболистах[3].

В архиве АБС сохранился ответ на статью В. Немцова. Ответ этот написал, как обозначено в конце рукописи красным карандашом, «В. Володин (сын известного сценариста Володина)», и опубликован не был.

ИЗ АРХИВА. ИЗ: ВОЛОДИН В. ФАНТАСТИКА НЕ ПРОРОЧЕСТВО

Писатель Вл. Немцов в статье «Для кого пишут фантасты» рассматривает некоторые теоретические вопросы, связанные с научно-фантастическим жанром, а также дает резко отрицательную оценку ряду произведений этого жанра, опубликован-

---

[1] В этот день вышла статья В. Немцова в «Известиях» «Для кого пишут фантасты?» В номере же от 12 января была помещена статья Дм. Еремина «Перевертыши» о Ю. Даниэле и А. Синявском, начавшая кампанию критики «отщепенцев». После нее в каждом номере «Известий» публиковались отклики возмущенных доярок, рыбаков и прочих писателей.

[2] В сатирической повести Ю. Даниэля «Говорит Москва» («День открытых убийств»), опубликованной на Западе под псевдонимом «Н. Аржак», использованы элементы фантастики как приема.

[3] Возможно, аналогия между футболистами и «кандидатами в футболисты», т. е. подсудимыми Даниэлем и Синявским в том, что первые одеты в футболки с номерами, а вторым угрожает тюремная роба также с номерами. Можно вспомнить и об известном комментаторе футбольных матчей Вадиме Синявском, однофамильце Андрея Синявского.

ных в последнее время советскими писателями. В статье Немцова выражена определенная точка зрения не только на то, ДЛЯ КОГО пишут фантасты, но и на то, КАКИЕ ЦЕЛИ они преследуют. С этой точки зрения Немцов анализирует повести Стругацких «Далекая радуга» и «Трудно быть богом».

Постараемся разобраться, для кого и зачем, с точки зрения Немцова, пишут фантасты, и справедливы ли его взгляды на этот вопрос применительно к упомянутым произведениям.

Ход мыслей Немцова таков. Наш народ мечтает о будущем. Как бы хотелось приоткрыть дверь в светлый мир нашего завтра! Мысль обращается к литературе мечты — научной фантастике. Больше всего она нужна молодежи, которая будет жить при коммунизме. Представление о задачах научной фантастики выводится здесь, как ни странно, не из анализа конкретных произведений этого жанра, а из тезиса «наш народ мечтает о будущем». Ответ на вопрос «Для кого пишут фантасты?», который, не будучи прямо высказанным, содержится в приведенных рассуждениях, состоит в следующем: фантасты пишут в основном для юношей, интересующихся тем, как они будут жить через много лет, когда коммунизм окончательно восторжествует.

Как мы увидим, этот взгляд Немцов берет в дальнейшем за основу при рассмотрении повестей Стругацких.

Немцов с сожалением признает, что «за исключением некоторых книг И. Ефремова и немногих других авторов, изображение этого завтра вряд ли удовлетворит любознательных читателей». При этом, он не замечает, что в значительном числе случаев авторы и не ставили перед собой этой трудной и неблагодарной задачи.

<...>

Фантастический допуск в произведениях этого рода служит лишь для того, чтобы более выразительно рассказать о чувствах и мыслях современного человека. При этом фантасты далеко не всегда переносят действие в будущее — они делают так лишь в тех случаях, когда этого требует природа допуска. Но даже тогда, когда действие перенесено в будущее, смотреть на произведение, как на попытку заглянуть в завтрашний день часто значит обречь себя на полное непонимание автора.

Статья Немцова может служить наглядным примером подобной ошибки. Немцов упрекает авторов «Далекой Радуги» в том, что основной конфликт повести не характерен «для гуманизма завтрашнего общества». Возможна ли в будущем такая

ситуация, когда на далекой планете окажется всего один звездолет, способный вместить лишь одну небольшую часть населения экспериментального полигона? Испытают ли наши потомки затруднение, решая, кого спасать: ученых-физиков или детей? Эти вопросы не имеют никакого значения для существа повести. Она посвящена вечной проблеме ценности человеческой жизни. Этой проблеме посвящены роман «Преступление и наказание», трагедия «Гамлет» и многие другие произведения мировой литературы.

Упрекать писателя-фантаста в том, что конфликт его произведения не характерен «для гуманизма завтрашнего общества» не менее странно, чем упрекать баснописца в том, что способность к членораздельной речи не характерна для описываемых животных.

Другой пример. Рассматривая повесть «Трудно быть богом», Немцов упрекает авторов в том, что их герои, прилетев на планету, где общественные отношения носят фашистский характер, не принимают радикальных мер по «исправлению» населения планеты. Герои повести, однако, считают, что осуществить такую «массовую гипноиндукцию означало бы, по существу, «стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое». По поводу этого можно было бы развернуть дискуссию, которая, тем не менее, имела бы очень отдаленное отношение к повести. Смысл ее не в изображении гуманизма людей будущего: она рассказывает о борьбе против фашизма. Ее можно поставить в один ряд с лучшими реалистическими произведениями, посвященными этой теме.

Мысль о том, что научно-фантастическая литература этого рода отличается от реалистической только применяемыми в ней изобразительными средствами, высказывается, конечно, не впервые. Тем не менее, взгляд на научную фантастику как на «современное пророчество» всё еще широко распространен. В статье Немцова этот взгляд находит крайнее выражение, так как Немцов ждет от фантастов описания такого будущего, о котором мы мечтаем, такого общества, в котором коммунизм уже окончательно восторжествовал.

Сравнение научной фантастики с пророчеством существенно обедняет этот жанр. <...>

И еще один неопубликованный в то время отклик на статью Немцова — письмо известной переводчицы Норы Галь.

ИЗ ПИСЬМА Н. ГАЛЬ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ», 20 ЯНВАРЯ 1966

Уважаемые товарищи!

Вам пишет читатель, который любит нашу фантастику и следит за нею. Совсем не уверена, что Вы дадите мне возможность печатно ответить на опубликованную Вами 18/I–66 г. статью Вл. Немцова «Для кого пишут фантасты?», но не написать не могу. Статья эта глубоко меня возмутила.

Критику может нравиться или не нравиться та или иная книга, манера и стиль того или иного автора — это дело вкуса. Не надо только писать прямую и очевидную неправду, не надо передергивать.

О повести бр. Стругацких «Трудно быть богом» в статье читаю: «...некоторые действующие лица объясняются на таком фантастическом жаргоне: "Выстребаны обстряхнутся и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам... Марко бы туknуть по пестрякам"». Выдернув из контекста эту цитату, критик иронически добавляет: «Да, современным стилягам впору переучиваться».

Но ведь у Стругацких в том и соль, что два бандита — один от уголовщины, другой от политики — нарочно совещаются о тайной операции на воровском жаргоне, чтобы их не поняли, если подслушают! Это совершенно ясно. Привести и прокомментировать эту цитату с таким расчетом, чтобы человек, который повести не читал, вообразил, будто ее герои вообще разговаривают на таком тарабарском языке,— прямая передержка! И при чем тут стиляги? Так можно слова и мысли любого мерзавца и негодяя из любой книги приписать самому автору! Малопочтенный метод критики.

Этой повести Стругацких Вл. Немцов выносит суровый приговор: она, мол, «скорее может дезориентировать нашу молодежь, чем помочь ей в понимании законов общественного развития». Почему? А потому, что сотрудники земного института экспериментальной истории, присутствуя при рождении фашизма на далекой планете с феодальным строем, «видят пытки, изуверства фанатиков, ... но во имя чистоты эксперимента не могут вмешиваться в ход истории, хотя и располагают для этого необходимыми средствами».

Но ведь в повести речь не о бесстрастном стремлении к «чистоте эксперимента» — речь о невозможности экспортировать

революцию! Об этом, как известно, говорил Ленин! Неужели этого не понимает Немцов? <...> Стругацкие пытаются осмыслить вопрос разносторонне, философски. Зачем же упрощать и подтасовывать? В повести перед нами не бессердечные наблюдатели, радеющие о «чистоте эксперимента», а трагедия людей думающих и действующих, но понимающих, что историю творит не одна наша добрая воля, что кроме вмешательства извне тут важны глубокие объективные условия, которые меняются не с маху, а в результате долгих и сложных процессов.

И смысл повести «Далекая Радуга» вовсе не исчерпывается простой истиной, что в час опасности первыми надо спасать детей. Здесь тоже Вл. Немцов странным образом чего-то не понял, что-то упростил; речь идет и о развитии мысли, о путях науки, о будущих (думается, вполне реальных) ее противоречиях, о человеческой ответственности.

<...>

Критик восклицает: «Герои должны быть понятны читателю, чтобы он мог их полюбить... Но за что их можно полюбить?» После этих слов ждешь доказательств, чем же плохи эти герои, но нет, критик не утруждает себя доказательствами. Можно ли назвать такие обвинения критикой?

Да, не повезло братьям Стругацким. Критик одобряет из всего их творчества лишь две ранние повести, в том числе самую первую, самую слабую, еще близкую к трафаретам «Страну багровых туч». А между тем как раз в продолжающих ее «Стажерах», в «Возвращении», в раскритикованной Вл. Немцовым «Далекой Радуге» герои своеобразны, самобытны, их запоминаешь и любишь.

Увы, в фантастике еще очень часто действуют люди-схемы. Даже пионер нашей современной фантастики И. А. Ефремов, которому великое спасибо за его «Туманность Андромеды», который думает интересно и глубоко, ставит разнообразные философские и научные проблемы,— даже он грешит схематичностью в описании героев, и не всегда вспомнишь, чем же внутренне отличается «рыжекудрый астронавигатор» от какой-нибудь другой красавицы-героини.

А братья Стругацкие, как и положено художникам, мыслят в образах. И образы людей Завтрашнего дня — то довольно близкого, то очень отдаленного — у них живые, не однолинейные. Их Быков — не только рыж и мрачен, Крутиков не только толст и добродушен, Юра Бородин — не просто наивный мальчиш-

ка. Все они, и Юрковский с Жилиным, и Горбовский с Валькенштейном из «Возвращения» и «Далекой Радуги», и молодые ученые в «Стажерах», подчас выступающие всего на нескольких страницах,— это люди с характером, их друг с другом не спутаешь. По логике своих характеров они ведут себя на работе, на отдыхе и в час опасности, с друзьями и с врагами. Авторы не декларируют, а достоверно показывают истинную силу этих людей, отвагу и самоотверженность без «железобетонности», внутреннюю чистоту и доброту без слащавости, органическую, а не показную честность и принципиальность без громких слов, поэзию их труда, их живые, человечные взаимоотношения, их неизменный юмор.

Стало модой ругать Стругацких за слишком вольную, грубоватую речь героев, вот и Вл. Немцов не удержался — помянул «стиляг». Но насколько лучше, живей, богаче язык Стругацких — и авторская речь и речь героев,— чем канцелярит, царящий, к сожалению, во многих и многих фантастических (и не только фантастических!) книгах, где нет числа сухим, казенным оборотам, отглагольным существительным, «фактам», «ситуациям», «моментам» и прочей словесной трухе, вовсе неуместной в художественной литературе.

Мое письмо, конечно, далеко не исчерпывает всего, что можно было бы сказать о статье Вл. Немцова и о том, для кого, что и как пишут фантасты. Но, повторяю, промолчать не могу. Странно видеть, с какой легкостью и недоброжелательностью человек одним росчерком критической дубинки уничтожает талантливую и интересную работу сразу нескольких авторов. Вдвойне странны его приемы. Всякий, кто сам читал так бездоказательно и недобросовестно осужденные им книги, сразу обнаруживает неправду. Не может быть веры такой критике.

И хотя Вы отвели этой статье почетное место, хочется думать, что мнение Вл. Немцова — это еще не мнение газеты.

С уважением — Н. Галь.

Возвращаясь к так задевшим Немцова «выстребанам»... Конечно, он был излишне суров к Авторам. Никакому филологу — а фантасту тем паче — не заказано иметь в своем писательском арсенале экзерсисы в стиле «глокой куздры» академика Щербы. Надо сказать, что поколения читателей с удовольствием и небезуспешно занимались дешифровкой диалога Рэбы и Ваги Колеса. Авторский же перевод БН сообщил румынскому переводчику Валериану Стойческу.

ИЗ ПИСЬМА БНа РУМЫНСКОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ, 14 МАРТА 1994

<...>

Примерный (очень примерный!) перевод разговора Ваги с доном Рэбой:

«ВАГА. Мои ребята подготовятся и ночью ударят по штурмовикам. Это — двадцать отборных моих сотен. Хорошо было бы ударить и по дворцовой страже. Но мои ребята на это не согласятся. Таким вот образом давайте и договоримся. Это — наши условия.

РЭБА. Не слишком-то выгодные условия.

ВАГА. Это — наши условия. Вам с нами ссориться, вроде бы, ни к чему. По рукам?

РЭБА. По рукам.

ВАГА. Ну вот и славно».

<...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 ЯНВАРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Провалиться им, этим Немцово-Казанцевым, из-за них хлопот полон рот. Вчера Бела сообщила, что Верченко отказался подписать с нами договор на наш том в биб-ке. Это, конечно, противозаконная бредятина и скоро утрясется, но я взбесился и помчался в Мол. Гв. Говорил с зам. главного редактора (Верченко не было), он меня успокоил. Через неделю самое большое всё, дескать, придет в норму. Конечно, Верченко просто испугался статьи, он человек новый и проходной в издательстве, его куда-то там прочат, вот он и боится замарать анкету. Так что пусть это вам не волнуется.

Шум в нашем микромире ужасный. От звонков телефонных зудит в ушах. Возникла мысль, что зарубежная сволочь может выставить нас мучениками, вроде Синявского и других. Надо будет такую возможность предупредить, для чего сегодня или послезавтра пойду в партбюро Московской организации: что они посоветуют. А хитро все-таки задумана сволочная статейка — сразу после Синявского, автора фантастических историй, удар по Стругацким, тоже авторам-фантастам. Оба на С.

Слушай, Боб. Надо бы принять меры. Наверное, снять из сборника «Улитку». Написать что-нибудь веселое и жизнеут-

верждающее (под стать нынешнему моему боевому настроению). Может быть, поискать даже штатную работу на время (это Ленкина мысль). Впрочем, поглядим. Только что звонил режиссер Гинцбург, сказал, что в Госкомитете по кино на статью плюют <...>, и предложил скорее написать заявку страницы на две-три-четыре и заключить договор. Га? Не трусь, мальчик! Не надо соплей. Хвост [рисунок пистолета]!

We still have a big chance to see stars in the sky![1]

Фантаст советский! Будь здоров. Дави вонючих котляров.

Целую, жму, обнимаю, твой любящий брат и соавтор.

Если нужда в деньгах, принимая во внимание обстоятельства, то отпиши немедленно: я привезу с собой, чтобы не почтарить.

Клей на конверте скверный, заклеиваю конторским. Так что не подумай чего.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 24 ЯНВАРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Ну, этого следовало ожидать. Я надеюсь, что Верченко опомнится, а если не сумеет опомниться сам, то ему помогут. Все-таки список контр-мероприятий довольно велик и хорош: статья в ЛитГаз; статья в Правде; статья в Комсомолке; бой в Комитете; и, наконец, письма! Должны же быть возмущенные письма. Я понимаю, что каждая из этих мер окажется полумерой или даже четверть-мерой (насчет Чифа я, например, никаких особых надежд не питаю — не любит Чиф вмешиваться печатным образом). Но в совокупности всё это должно иметь некоторый вес. (Господи, сколько же нужно тонн добра, чтобы перевесить сто грамм зла!)

2. Что бы еще придумать? Ну, «Улитку» я забирать не хочу. И вот почему. «Улитка» должна выйти после нашего тома (во всяком случае, после того как вопрос с томом решится — в конце февраля, начале марта). Если в Лениздате дрогнут, сами выбросят. Помогать им в этом нет никакого резона. А может быть, и обойдется. «Улитка» это деньги, Арк, хорошие деньги. Пренебрегать этим не стоит, тем более, что на другие деньги (на

---

[1] Мы еще сохраняем немалый шанс увидеть звезды на небе! *(англ.)* Возможна также более литературная вариация перевода: «...небо в алмазах!»

сценарий, например) «Улитка» не повлияет, даже если ее и разругают. Я думаю, что за сценарий нам заплатят, если мы его напишем — что бы там ни происходило. Фильм ставить не решатся, но сценарий оплатят: какой им смысл из-за мелочи ссориться с перспективными авторами. Им же с нами работать. Все ведь пройдет, а авторы останутся авторами.

3. Ты хочешь идти в партбюро. Что ж сходи, только будь осторожен: не заставили бы подличать, вот что опасно. Не запугали бы! А то ведь охнуть не успеешь, как весь окажешься в г... Посоветуйся с Ревичем, с Нинкой. Посоветуйся вообще насчет возможных аналогий и ассоциаций, которые не стали бы клеить! К заседанию Комитета надо быть готовым отвечать на вопросы (а скорее — на туманные намеки). Статья, несомненно, провокационная в этом смысле. Тут могут много нагадить друзья, не разобравшись в ситуации. Между прочим, Мишка Хейфец написал отличное письмо в Известия — резкое, умное, ядовитое. Побольше бы таких.

4. А нельзя ли как-то искать помощи у нашего большого Друга Мелентьева Ю. С.? Ведь кто все эти книги выпустил? Нельзя ли как-нибудь к нему подъехать, чтобы заступился?

5. На штатную работу я не хочу. Это вы прекратите! Это вам не балаган! Надавай Елене по ее радикулитному заду за такие предложения. Что за ерунда — сценарии будем писать! Спрос же велик! Причем именно не ставить фильмы, а писать сценарии — милое дело. 60 процентов получим — и слава богу.

6. А статья все-таки изумительно сделана. Объективно говоря — восторг! Если ее измерять в рэбах, то тянет не меньше как на пол-ребы. А ведь глупа же, бездарна, сплошное вырождение, но! Отлично выбрана мишень, отлично выбран печатный плацдарм, отлично выбран момент. И в стане врагов — сразу паника, сразу все расползается, сразу все забегали и не знают толком, что делать. Учиться надо!

Теперь вопросы:

1. Будет ли дискуссия в Комсомолке. Или это всё благие намерения?

2. Мычит ли Ефремов? Телится ли?

3. Готовые к бою (на Госкомитете) орудья стоят? На солнце зловеще сверкают?[1] Или все — кто в лес, кто по дрова?

---

[1] Реминисценция строк песни «Варяг» на слова Р. Грейнца, рус. текст Е. Студенской.

4. ДР в Сельской молодежи идет ли? Или тоже приостановлена?

Жду ответа, жму, целую [Подпись]

P. S. Приедешь — привози деньги: 100 руб. Я хлопочу маме путевку в Комарово на март, и если так дела пойдут, мне ее не оплатить. А больше денег пока не надо — легче будет (морально) вышибать долги.

Ленке привет. И не паникуйте там, мать вашу ...!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 ЯНВАРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Отвечаю по порядку.

1. Дискуссии в «Комсомолке» скорее всего не будет. В субботу должна быть статья Ефремова. Одновременно в «Литературке» статья Брандмитревса. Читал я эти статьи. Статья Чифа мне понравилась — спокойная, презрительно-снисходительная. И вообще ты напрасно так про Чифа. Он — молодчина, в этой истории он был как Исполин унд Громовержец. Больной, и Тася у него больная, а лежал и писал.

2. Что до дискуссии, то есть слух, что новому редактору «Известий» статья очень (немцовская) не нравится и он, якобы, не прочь развернуть дискуссию у себя. На сей случай ему послана статья Нудельмана. Вообще письма в «Известия» идут. Вот и Ю. Манин послал.

3. Орудия готовы к бою и стоят. Нынче вечером иду к Ариадне на встречу с космонавтом Феоктистовым. Однако у меня уже такое ощущение, что всё это из пушек по воробьям. Вообрази, оказывается, тезисы для доклада Михайлову готовит Брандис. Не вижу, как тут может быть какой-нибудь разгром. Оно, конечно, все может быть, однако же с другой стороны и посмотревши... Да, а Белка не прекращает работы над нашим томом, том идет себе по производству и идет себе.

4. ДР в Сельмоле уже прошла, ужо привезу тебе томик. А деньги будут, видимо, в феврале. 10 или 25-го.

4. Ты это прекрати — насчет паники. Сам не паникуй. Про УнС я передал тебе только то, на чем с пеной у рта настаивает Севка. Или я, по-твоему, не должен был тебе об этом писать? Что же до штатной работы, то речь идет не о панике, а о разумных путях отступления. И это мне напоминает: у меня были наши режиссеры, которые будут ставить ТББ — Ливанов и Маке-

донский, молодые ребята, горящие страстью создать фильм лучше годаровских. Леваки и модерняги, сразу накидали идей для сценария и по постановке. Увлечены, по-моему, очень. Они москвичи, но работают на Ленфильме. Очень хвалили Володина, очень уважают Рохлина. Ты поговори о них с Рохлиным, а? Интересно узнать о них побольше.

6. В партком я не попал, но с ребятами о возможности провокации говорил. Есть такая возможность. Однако очень и очень проблематичная. И то она может нам дать в руки порядочный козырь: объективно Немцов пытается расколоть интеллигенцию.

7. Деньги привезу. Только на всякий случай не сто ру.

Вот всё.

Целую, жму, призываю к спокойствию.

Твой Арк.

П. С. Дмитревский давеча под секретом вот что мне рассказал. Как ты, может быть, знаешь, Брандис остановился у Гуревича. Так вот Гуревич со вздохом сказал Брандису: «Как я завидую Стругацким, что у них так много друзей!»

И друзей действительно много! 28 января в «Комсомольской правде» выходит упомянутая статья Ивана Ефремова.

ИЗ: ЕФРЕМОВ И. МИЛЛИАРДЫ ГРАНЕЙ БУДУЩЕГО

<...> Более половины всей статьи (статья В. Немцова «Для кого пишут фантасты?» от 19 января 1966 г. в «Известиях») посвящено критике творчества братьев Стругацких — наиболее интересных фантастов «среднего» поколения, характерных своими попытками изображения будущего коммунистического мира с его важнейшими социальными сдвигами и изменениями сознания людей. Писатели посвятили себя генеральным проблемам советской научной фантастики. В. Немцов же бросает Стругацким обвинение в неверной идеологической направленности их последних (лучших!) произведений, объявляя, что они пошли назад от своих ранних вещей.

Братьев А. и Б. Стругацких уже с первых шагов их пути в научной фантастике отличали попытки обрисовать столкновение капиталистического и коммунистического сознания. Вначале это были конфликты между отдельными людьми в «Стране багровых туч» и в «Пути на Амальтею», затем все более уверенные и

сложные образы борьбы за коммунизм будущего в «Стажерах» и «Возвращении». Произведения Стругацких характерны четким противопоставлением людей коммунистического общества черному миру неустроенных социальных форм на Земле или других, придуманных, планетах. С духовными основами капитализма — мещанством, фашизмом, оголтелым индивидуализмом — герои произведений Стругацких сражаются непримиримо. Таково столкновение земных исследователей с миром феодально-религиозного фашизма в повести Стругацких «Трудно быть богом», которую я считаю лучшим произведением советской научной фантастики за последние годы.

Другая их повесть — «Хищные вещи века» недоработана в художественном отношении, но она целиком находится на том же пути борьбы с пережитками капитализма. В ней авторы фантастически заостряют вполне реальную и важную проблему мещанского преклонения перед изобилием вещей и удовольствий, погоню за их приобретением, за ежечасно меняющейся модой. Всё это уже сделалось бичом капиталистического общества на Западе, а оттуда эти веяния доходят и до нас. Несомненно, власть вещей станет серьезной проблемой в деле воспитания новых поколений. Следует отметить очень своевременное обращение писателей к этой теме.

Я не хочу сказать, что Стругацкие достигли таких высот творчества, что им не свойственны частные ошибки и художественные просчеты. Наоборот, как у всех ищущих, находящихся на подъеме, взявшихся за наиболее трудные темы писателей, у них частных ошибок может быть немало. Я не раз спорил с ними по поводу неудачных образов или речевых характеристик изображенных ими людей будущего. Но это — предмет серьезного критического разбора художественного мастерства писателей. Статья же В. Немцова не имеет ничего общего с таким анализом.

В самом деле, как же случилось, что лучшие достижения фантастики — повести «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом»,— объявляются вместе с «Хищными вещами века» идейными ошибками? Я не имею возможности здесь разобрать нелепейшие обвинения, невесть зачем неуклюже сколоченные В. Немцовым. Но ведь всякому, кто читал упомянутые произведения, ясно, что обвинять героев «Трудно быть богом» в безучастном отношении к угнетенным — значит попросту искажать истину. Именно марксистско-ленинский взгляд на помощь странам, пусть даже с устарелыми и тираническими формами общественного устрой-

ства, заставил писателей так живо и сильно представить тяжкий моральный конфликт встречи и борьбы коммунистов Земли с угнетателями некоей планеты. Не большего стоит и упрек в антигуманизме обитателей «Далекой Радуги». Кстати, вопреки утверждениям В. Немцова, там обсуждался вопрос, не кого спасать, а что спасать из трудов ученых. О том, что надо спасать женщин и детей, было решено до спора.

А если «хищные» вещи, чью власть над душами мещан с ненавистью описали Стругацкие, показались, как явствует из статьи, столь привлекательными В. Немцову, то вряд ли это обязательно для всех читателей. Дело вкуса! Ведь и сцена доны Оканы с Руматой в повести «Трудно быть богом» видится В. Немцову как альковно-эротическая. А, по-моему, она служит только полному отвращению от всякой сексуальности, если даже у читателя и было намерение позабавиться эротикой!

Так с помощью незамысловатых искажений В. Немцов расправляется с братьями Стругацкими — серьезными писателями, уже заслужившими признание читателей в нашей стране и за рубежом. <...>

1 февраля в «Литературной газете» публикуется и упомянутый ответ Брандиса и Дмитревского.

ИЗ: БРАНДИС Е., ДМИТРЕВСКИЙ В. ФАНТАСТЫ ПИШУТ ДЛЯ ВСЕХ!

<...>

Изображение общества будущего, несомненно, должно занять одно из ведущих мест в нашей фантастической литературе. Но путь к всеобщей свободе и счастью труден, порою извилист и противоречив. И не случайно в советской фантастической литературе заметное место заняли романы-«предупреждения», призывающие людей к самоотверженной борьбе за искоренение пережитков прошлого в сознании человека. К борьбе против агрессивных сил старого мира.

Романы-«предупреждения» в советской литературе решительно противостоят модным на Западе «антиутопиям», зачеркивающим будущее и низводящим человека до пылинки, гонимой ветрами стихийных событий и непредугадываемых катастроф.

Обратимся к последним повестям Аркадия и Бориса Стругацких — «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» — про-

изведениям несравненно более сложным и художественно зрелым, нежели их первые книги, близкие еще к научно-популярной фантастике.

Изображая будущее, писатели выдвигают на первый план острые, а иной раз трагические конфликты, к которым приводят неизбежные противоречия между стремлением человека покорить Вселенную и сопротивлением косной материи; между могуществом творческого разума и невозможностью проявить его силы в определенных социальных условиях; между субъективным пониманием нравственного долга и объективными историческими закономерностями.

Совершить прыжок в коммунизм нельзя. Право войти в будущее завоевывается высочайшей ценой — ценой беззаветного подвига в настоящем. Таков философско-этический тезис, положенный в основу повести «Попытка к бегству».

В книге «Трудно быть богом» ученые Земли, заброшенные на вымышленную планету, где господствует феодализм, хотят помочь жителям этой планеты наиболее безболезненным путем освободиться от пут средневековья. Но создается нечто непредвиденное: феодальный деспотизм перерастает в какое-то подобие фашистской диктатуры. Уничтожение ее с помощью совершенного оружия, которым располагают посланцы Земли, привело бы к уничтожению огромной части населения Арканара.

Как поступить в этом случае? Оправдан ли будет «экспорт революции»? Исторический опыт его решительно отвергает, и сама коллизия, к которой приводят события на Арканаре, говорит о том, что прямолинейное решение вопроса не приводит к желанной цели. Посланцы Земли должны сделать все возможное, чтобы помочь населению этой гипотетической планеты освободиться от деспотизма иными средствами...

Бездумное пользование материальными благами становится самоцелью, растлевает и духовно, и физически жителей «Страны Дураков», изображенной в повести «Хищные вещи века». Этому душному, самоуспокоенному миру противостоят два-три человека, посланных сюда извне, чтобы изучить на месте обстановку и выработать затем решения для согласованных действий. Быт и нравы «Страны Дураков» настолько отвратительны, что при всем желании нельзя увидеть в этом мире хищных вещей и легкодоступных наслаждений прообраз желаемого будущего.

Между тем писатель Вл. Немцов в своей недавно опубликованной статье («Известия», 18 января 1966 г.) истолковывает эту повесть именно таким странным образом. Он вообще подходит к последним произведениям Стругацких упрощенно, вульгарно-социологически. Впрочем, после появления в «Комсомольской правде» (28 января 1966 г.) убедительной, аргументированной статьи И. Ефремова «Миллиарды граней будущего» уже нет смысла детально полемизировать с выступлением Вл. Немцова.

Конечно, это не значит, что Стругацких не за что критиковать. Легко заметить, особенно в «Хищных вещах века», известные нарушения внутренней логики, недостатки языка, стилевые шероховатости. И самое главное, что вызывает чувство неудовлетворенности,— мало показан мир, противостоящий паразитическому, прогнившему обществу, изображенному в этой повести. Поэтому «Хищные вещи века» представляются нам не самым удачным произведением Стругацких, требующим доработки.

Можно и нужно критиковать Стругацких, как и любых других писателей, но критиковать объективно и непредвзято. В советской научной фантастике они по праву заняли одно из заметных мест, и мы ожидаем от них новых значительных книг.

<...>

4 февраля в «Литературной России» вновь выступает Ефремов («Сражение за будущее») — с более общей, литературно-идеологической критикой статьи Немцова.

В февральском номере журнала «Знание — сила» публикуется рецензия на книгу АБС «Хищные вещи века».

ГАН В. ВЕРНИТЕ ДУШУ ЛЮДЯМ!

О, хищные вещи века!
На душу наложено вето.
Мы в горы уходим и в бороды,
ныряем голыми в воду,
но реки мелеют, либо
в морях умирают рыбы.

А. Вознесенский

Новую свою повесть Аркадий и Борис Стругацкие так и назвали — «Хищные вещи века». Эта книга о «программированном зверье», о лязгающем автоматизированном мире. Строится модель страны, не отмеченной ни на одной карте,— Страны

Дураков. Это повесть-гротеск, гипербола. Пороки общества, основа которого — частная собственность, с его духовной стандартизацией и нравственным оскудением, наложенные на будущее, видны еще резче, еще четче.

В теплый город у теплого моря авторы посылают бортинженера планетолета «Тахмасиб» Ивана Жилина. Три дня Жилин в городе. Три дня он ходит «по двенадцати кругам рая». Сперва всё как будто хорошо — жители не знают бедности. Солнце, веселье, изобилие. Но постепенно перед приезжим открывается второе лицо города — безумное, пораженное пятнами неведомой эпидемии. И все чаще слышит он вновь и вновь повторяемые слова: «Главное — не думать».

Жизнь Страны Дураков изображена довольно подробно — кое-где прямо как в социологическом исследовании. На книжных страницах — десятки людей, очень различных, но объединенных одним общим признаком: им некуда девать себя. «Никому ты не нужен, даже жене и собственным детям не нужен»,— говорит «простой хороший парень Эль». Каждый отделен самой прочной «стеной из воздуха».

Как ни парадоксально, материальное благополучие в духовно нищем обществе приводит к еще большему разобщению людей — ведь они не связаны ничем, даже борьбой за хлеб. Ненависть — единственное живое чувство. И общественная жизнь превращается в борьбу мелких группок, враждебных не только друг другу, но и всему на свете. Их цели извращены. Вот «меценаты» (словно в насмешку так названные) — собирают картины, скульптуры, патенты, рукописи — и уничтожают, уничтожают с утонченной жестокостью.

Беспечная жизнь сера, как солдатское сукно. И от бесцветности повседневного существования, прославляемого газетами и благодушествующе-подлыми докторами, обитатели Страны Дураков готовы уйти куда угодно: в мир снов, в мир бессмысленной опасности, нарочно подстроенного риска. «Главное — не думать».

Иван Жилин попадает в «Общество ДОЦ», собиравшееся в заброшенном подземелье Старого метро.

«...Внизу, в переходах и тоннелях, толкались и кричали пьяные полусумасшедшие мужчины и истеричные женщины. То глухо, то резко и отчетливо гремели выстрелы, дрожал от взрывов бетон под ногами, воняло гарью, порохом, потом, бензином, духами и водкой. Рукоплещущие, визжащие девки тесни-

лись вокруг капающего кровью детины с бледным торжествующим лицом, где-то жутко рычали дикие звери. В залах публика бесновалась у огромных экранов, а на экранах кто-то с завязанными глазами веером палил из автомата, прижав приклад к груди, кто-то сидел по грудь в черной тяжелой жидкости...»

«Главное — не думать».

Ночные площади, полные народа, миганье синих-зеленых-красных светильников, душные волны воздуха — и люди впадают в сладкие галлюцинации. «Главное — не думать».

Жуткий, убивающий и сводящий с ума наркотик, тайный даже здесь, в стране одурманенных, «слег». «Главное — не думать»!

Кажется, страна неизлечимо больна — слишком испорчены, отравлены люди. Но надежда никогда не покидает миров, созданных братьями Стругацкими. Всегда есть там борцы против зла, всегда находятся люди дела.

Вот слова Ивана Жилина:

«Какая предстоит работа... Какая работа!.. Я не знал пока, с чего нужно начинать в этой Стране Дураков... но я знал, что не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу».

Конечно, Страна Дураков не появится никогда на карте. Трудны перевалы истории, но человечество идет вверх, и неизбежна победа разума. «Хищные вещи века» — повесть-предупреждение: берегите человеческие души! Не дайте туману лжи и индивидуализма окутать земной шар! Эта повесть — событие в современном преображении фантастического жанра. Фантастика социальная, даже философская.

А в «Литературной газете» от 10 февраля выходит статья также о ХВВ, но уже не в защиту, а продолжающая критический залп. Подпись под статьей «М. Федорович, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор экономических наук, профессор» вызывает в памяти сентенцию из ОЗ: «С другой стороны — подписи. Мне кажется важным, что про Плюхина К. П. все прописано досконально: и ветеран, и персональный пенсионер, и почетный наставник, и заслуженный рабочий РСФСР. То же и про декана: профессор, членкор, лауреат, депутат... А про Г. А. сказано просто, без затей: Г. А. Носов. Конечно, это можно понимать так, что каждый в городе знает, кто таков Г. А. Носов, и рекомендовать его нет никакой необходимости. Но при желании можно усмотреть здесь и некий предупреждающий намек: мол, сегодня ты и заслу-

женный учитель, и лауреат, и депутат, и член горсовета, а завтра — Г. А. Носов, и точка».

Критикует экономист. Скоро дойдет очередь и до философов. Тех самых, которым давала хлеб насущный наука под вызывающим доныне зубную боль названием — «диалектический и исторический материализм».

ФЕДОРОВИЧ М. НЕ ТОЛЬКО ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

В последнее время научно-фантастическая литература стала привлекать все большее внимание советской общественности. Издаваемые массовыми тиражами, книги этого жанра приобрели широкий круг читателей, и в первую очередь среди подростков и молодежи. Это обстоятельство налагает особую ответственность на наших издателей.

Я не критик и не специалист в области художественной литературы. Но я, можно сказать, и не просто читатель — я преподаватель вуза, и мне по роду своей профессии приходится вести беседы со студентами, отвечать на многие и разнообразные вопросы. В этих беседах немалое место занимают проблемы, связанные с сегодняшним днем научной фантастики.

Надо сказать, что студенты прекрасно отличают хорошие вещи от плохих. Но все же не следует молодежь вводить в ненужное искушение и рекомендовать ей произведения, написанные, может быть, с самыми лучшими намерениями, но неудачные, с нечеткими, запутанными мыслями. Желание сказать об этом и заставляет меня выступить на страницах «Литературной газеты».

Во многом мое выступление опередила опубликованная на страницах «Литературной газеты» (№ 14 от 1 февраля 1966 г.) статья Е. Брандиса и В. Дмитревского. Они правильно утверждают — и я с ними полностью согласен,— что научной фантастикой сегодня на первый план выдвигаются социально-психологические, этические и философские проблемы, и поэтому писатели-фантасты в одинаковой степени со всеми советскими писателями обязаны в полной мере обладать знанием закономерностей общественного развития, философии научного коммунизма. Немало и других правильных соображений высказали авторы в своей статье.

Но я не могу согласиться с положительной в целом оценкой повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века». Кстати сказать,

я не согласен с толкованием этой повести и писателем Вл. Немцовым («Для кого пишут фантасты?», «Известия» от 18 января 1966 г.), который говорит: «Вещи оказываются не столько хищными, сколько привлекательными». На мой взгляд, «вещи», показанные в повести, не обладают какой-либо привлекательностью. Но, к сожалению, не привлекла меня и сама повесть.

Я не собираюсь давать здесь подробный критический анализ этой повести. Я хочу рассмотреть здесь ее экономическо-социологическую сторону и показать, в чем заключаются авторские просчеты.

Действие повести разворачивается в «Стране Дураков». Но что это за «Страна Дураков» и какое в ней социальное устройство? На этот вопрос мы в повести находим примерно следующий ответ: «Страна Дураков» — это страна, достигшая полного материального изобилия. Люди в ней работают всего четыре часа в день, получают все необходимое по потребности. В свободное время они предаются чувственным удовольствиям, зачастую весьма низменного характера. В результате отсутствия всяких забот и духовных интересов жители «Страны Дураков» впали в нравственную апатию и стали все поголовно или алкоголиками, или наркоманами, или теми и другими одновременно.

Но какой же все-таки существует социальный строй в «Стране Дураков»? На этот вопрос авторы повести дают только словесный ответ — неокапитализм. Но капитализм, хотя и «нео», остается капитализмом. А этого-то как раз Стругацкие в повести не показывают. Создается впечатление, что «Страна Дураков» — это некое бесклассовое общество. И здесь-то заключен главный, принципиальный просчет авторского замысла.

Они сами чувствуют, как нам кажется, этот недостаток и пытаются как-то оговорить его в предисловии. «Мы не ставим перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой,— пишут они.— Да и в одной небольшой повести нам никогда не удалось бы осветить все стороны, все социальные противоречия капиталистического государства. Поэтому мы ограничиваемся одним, но, на наш взгляд, очень важным аспектом: духовная смерть, которую несет человеку буржуазная идеология».

Что же получается: буржуазная идеология при неокапитализме сохраняется, а капиталистические отношения, основа этой идеологии, исчезают? Очевидно, нет. Но в повести они зри-

мо не показаны. И получается странная, однобокая картина — «вещи века» сами по себе разлагают общество.

А что такое вообще неокапитализм? Он очень смахивает на «народный капитализм», который рекламируют ученые апологеты капитализма. Выходит, что Стругацкие невольно поверили в возможность создания «народного капитализма», который якобы обеспечит народу полную занятость, короткий рабочий день и изобилие. Вероятно, они хотели сказать, что даже такой капитализм остается капитализмом и приводит к моральной деградации. Намерение ясное, этически, может быть, и благородное, однако без анализа очень много теряющее в своей убедительности!

...Теперь о некоторых персонажах повести.

Вот — «интели». Они совершают террористические акты. Во имя чего?

По-видимому, они таким путем борются с неокапитализмом. Но чего они хотят, каковы их общественные идеалы, как к ним относятся авторы повести, оправдывают ли они совершаемые «интелями» террористические акты? На это повесть не дает ясного ответа.

Совсем непонятен мальчик Лэн, сын хозяйки, в доме которой остановился Иван Жилин. Этот мальчик, несомненно, болен психически, он ведет себя явно нелепо и произносит какие-то средневековые заклятия: «Вы стойте, где стоите,— повторил мальчик.— И не двигайтесь.— Он попятился и вдруг забормотал скороговоркой: — Уйди от волос моих, уйди от костей моих, уйди от мяса моего...» Зачем всё это понадобилось авторам? Возможно, чтобы показать душевную опустошенность жителей «Страны Дураков» с ранних лет. Но мистическая окраска этих сцен ни в чем не убеждает и вызывает только чувство раздражения. Авторы пугают, но читателю скучно, а не страшно.

Ну и, наконец, ради чего и по чьему поручению прибыли в «Страну Дураков» Римайер, Пек Зенай, Оскар, Иван Жилин, Мария? Они прибыли сюда как разведчики какого-то Совета Безопасности. Но какие цели ставит этот Совет Безопасности, тоже остается непонятным...

Итак, всемерно желая фантастическому жанру дальнейшего развития, приветствуя появление новых книг писателей-фантастов, нельзя не помнить при этом о требованиях социальной четкости авторских позиций. Нужно всегда помнить, что каждая советская книга, в том числе и фантастическая, это не толь-

ко занимательное чтение, но в первую очередь средство воспитания человека.

Авторы же в это время находятся в Ленинграде. Они пишут сценарий. Из дневника приездов: «8.02.66. Сделан сценарий ТББ».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 16 ФЕВРАЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Пока ничего интересного узнать не удалось, но пишу, чтобы ты не беспокоился.

Сегодня у меня будут вечером Ревич и Биленкин, может быть, удастся получить информацию, хотя на Севку я надеюсь мало. Я у него был, и он вел себя как-то странновато. Не хочу сказать, что он переметнулся в стан врагов, но у меня такое ощущение, что держать нас за друзей он теперь не то опасается, не то находит слишком хлопотным делом. А возможно, конечно, это мне только показалось, знаешь ведь его манеру уходить от прямых ответов на вопросы. Я так и не смог добиться у него истории появления статьи этого экономиста в «Литературке»: кто конкретно дал указания и пр.

Самая приятная новость — договор на наш том действительно заключен, копия мною получена и подшита в дело. Копия только одна, так что ты не получишь. Впрочем, если тебе хочется, я тебе ее вышлю.

А завтра я в 4 часа обедаю в ЦДЛ с Гуревичем, он вызвал меня для какой-то беседы. После же обеда я еду к Нине Берковой и встречаюсь там со всеми нашими: Римкой, Ариадной и др. А в воскресенье я еду к Кагарлицкому, будем беседовать с ним. Там тоже я ожидаю информацию и кроме того, если я правильно понял мямлянье Севки во время нашей встречи, Кагарлицкий должен писать ответ экономисту. Причем на мой вопрос: «Будет ли «Литературка» помещать ответ», он пробормотал: «Скорее всего, нет». Гм...

Что еще? О Синявском и прочих ничего не узнал. Никто буквально никаких подробностей не знает.

Бела требует почитать «ЗПвГ», Рим тоже. Я дам. Надо послушать мнения. А вдруг, а вдруг!

Вот пока все новости. Да. В детгизовской «Биб-ке приключений» мы идем в одном томе с Днепровым. Идет там «Возвращение». Пусть идет. Когда — пока не известно.

Поцелуй маму. Привет Адке. Твой Арк. Жму.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 19 ФЕВРАЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо. Черт возьми, как-то очень печально все, что ты пишешь насчет Севки. Будем надеяться, что это временное. Только я, помимо всего прочего, не понимаю, кто же будет печатать ответ Кагарлицкого, если не ЛитГаз? Может быть, существуют еще какие-то возможности?

У нас тут пока тихо. В прошлый понедельник я отвез сценарий на Ленфильм. Сегодня звонил туда — пока ничего не ясно. Они там заняты другими делами. Рохлин обещал позвонить, когда прочтет. Они явно не привыкли к нашим темпам и равняться на нас в этом смысле не могут или не хотят.

После сборища в «Звезде» имел беседу с Бритиковым. Бритиков очень хлопочет о неуязвимости УнС. Предложил нам поместить все-таки предисловие. Я прочел ему то, что мы написали когда-то, он сделал ряд замечаний, и я кое-что (но мало) там изменил. Потом позвонил Нине Чечулиной. Она сказала, что скоро будет корректура и тогда всё обсудим. Она явно не хочет никаких предисловий. Ладно, будем посмотреть.

Денег ниоткуда нет. Узнай, пожалуйста, как там с «Сельской молодежью» и с нашим томом (в смысле гонорара).

Послал с Витькой Новопашенным письмо Феоктистову насчет н-ф журнала. По совету Витьки приложил ПНвС.

Новостей всяких по общему положению много, но все недостоверны. Все ждут, и буквально никто ничего не знает. Это просто удивительно — такого еще не бывало.

Да, доклад у меня, естественно, не пишется. Как-то мне плевать на него. Не до того, ей-богу. И смысла в нем нет.

Ну, жду новостей. Жму, целую, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

И Юрку Манина поздравь с приближением к лауреатству.

Вместе с версткой УНС (части «Лес») Н. Чечулина посылает БНу записку.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО БНу ОТ Н. ЧЕЧУЛИНОЙ, 21 ФЕВРАЛЯ 1966

Милый Боренька, посылаю верстку. Действуем — как договорились по телефону. Наверное, на симпозиуме встретимся.

Вторую ночь мне снится сон на тему «Стругацкие и цензура».
Привет Адочке.
Ваша Нина.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 ФЕВРАЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. Звонили из «Крокодила», там работает Юрьев, автор «Финансиста на четвереньках», это его затея, просят дать в один из мартовских номеров (к съезду[1]) юмористическо-фантастическую миниатюрку о будущем, хохмочку-анекдот о семье или воспитании, или еще о чем-нибудь таком. Это делается на предмет поддержки нас, издание-то правдистское. Но делать надо быстро, сдать 28 февраля. Я думал-думал, ничего не придумал. Может быть, ты? Это было бы здорово. Полторы странички на машинке.

2. 17-го были Ревич и Биленкин с женами. Кажется, я слегка ошибся, они были очень доброжелательными, много спорили об УнС и ЗПвГ. Все, в том числе Ленка, нападали на отсутствие активного нравственного идеала, только Таня, Севкина жена, яростно отбивала атаки. Я помалкивал. Ясно одно: публиковать сейчас Переца невозможно. Статья экономиста в ЛГ появилась по заказу Чаковского: он-де видел какой-то неодобрительный отзыв на ХВВ в верхах и давать ответ на статью не желает.

3. 18-го встречался в ЦДЛ с Гуревичем. Особенно интересным разговор не вышел, но попутно выяснилось интересное обстоятельство: Котляр — мошенник, диплом у него поддельный, в 56-м году в Рязани он кому-то сунул вилку под ребро и на него был объявлен розыск, но он скрылся. Это рассказал человек, которому можно верить.

4. В тот же день встречался с ребятами у Нины. Ребята были в отделе печати, впечатление такое, что никаких угроз оттуда нет, но и поддержки ожидать не следует.

5. 20-го был у Кагарлицкого. Муж и жена — профессиональные литературоведы. Они первыми прочитали ЗПвГ полностью в неразрывном комплексе с УнС. Оценили очень высоко. Претензии как к Хэму или там Фолкнеру. Впрочем, тоже рекомендовали с публикованием подождать.

---

[1] XXIII съезд КПСС (29.03—08.04.1966).

6. Вчера был у Шефа. Славный человек, очень я его люблю. Много говорили о положении общем. Он сильно болеет сердцем, какое-то септическое заболевание. Вообще об общем положении очень много чего говорят, но писать об этом лучше не надо. Потом встретимся и поговорим.

7. Насчет гонорария. Я тоже еще ничего не получил. Видимо, начнут выдавать или пересылать 25-го. Сегодня я пойду в бухгалтерию и узнаю. Да, вот что. Тебе положено за «Смену» получить (наша анкета, помнишь?). Напиши в «Правду» на адрес «бухгалтерия, расчетный отдел». Там что-то рублей тридцать положено, деньги не валяются.

Вот и всё покуда. Так не забудь о «Крокодиле». Немедленно отпиши. Это мне представляется важным.

Целую. Жму. Твой Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 27 ФЕВРАЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Немедленно отписать тебе не было никакой возможности. Я уходил из дому в 10 и возвращался не раньше 24 — все пять дней, пока шел симпозиум[1]. Вчера все кончилось банкетом, с которого я удрал.

1. Как и следовало ожидать, симпозиум свелся к более или менее изысканной литературоведческой болтовне. Сколько-нибудь интересно выступали одни ученые, но и в их докладах главным были различные левые высказывания, преподносимые как следствие теоретико-информационных рассуждений. Так, интересно выступали Амосов, Грекова, Волькенштейн, Гельфанд, Цейтлин. Любопытно, что с чисто идейной стороны ничего особенного нового я не услыхал. Это меня и огорчает и радует, потому что это означает, что мы, несмотря ни на что, ухитряемся оставаться все время на уровне современных передовых идей науки. Из наших отлично выступили Нудель, Мирер, хорошо — Громова, Каганов, Борев, остальные — посредственно или плохо. Вопреки ожиданиям плохо выступили Рим и Кагарлицкий. Я отказался выступать вообще: и неохота было и не о чем. Так что я как засел в засаду на случай выпадов, так и просидел до самого закрытия — не было никаких выпадов.

---

[1] Симпозиум «Творчество и современный научный прогресс», Ленинград, 22—26 февраля 1966 г.

2. Познакомился и подружился с Мирером и Кагарлицким. Очень мне они оба понравились. Уже ради этого стоило устроить симпозиум. Кроме того, я познакомился с Грековой (Елена Сергеевна Вентцель) — в полном от нее восторге, подарил ей ХВВ (подделав твою подпись с ее разрешения). Кстати подошел ко мне Гранин и попросил ХВВ. Натурально, я подарил и ему.

3. Прочел статью Нуделя о нас. Поговорили мы о ней, и он заявил, что все им написанное — дерьмо и что теперь он начнет заново. Мне, по-видимому, удалось доказать ему, что в ХВВ и ПНвС мы отходим уже от прежней манеры, когда все события опирались на четкий исторический и социологический фундамент, и переходим к новому типу литературы, где предыстория событий, хронология, взаимообусловленность прошлого с настоящим перестают играть важную роль. Намекнул ему, что в новой повести мы совершенно иначе подходим к проблеме правдоподобия. Может, ты дашь ему ЗПвГ? У меня такое ощущение, что ты ему не доверяешь. Почему? Он совершенно наш и очень нас любит.

4. Читал главу Бритикова. Здорово написал, молодец. Сделал ему мелкие замечания и еще намерен с ним поговорить и кое-что разъяснить. Например, он совершенно не понял роли пролога в ТББ и особенно — роли эпилога.

5. Вообще на симпозиуме нас много упоминали и все хвалили. Правда, главным образом — свои, фантасты. Но и Волькенштейн заявил, что мы самые талантливые. Повстречался я там с Витькой Хавиным. Сам он не великий наш поклонник (правда, читал только ШС и ПНвС), но говорит, что в математических кругах популярность у нас очень велика.

Теперь о делах.

1. Естественно, ничего придумать для «Крокодила» я не мог. Не было времени. Да и вообще — миниатюрки это не наше с тобой дело. Все понимаю: что надо, что полезно, что защита, но — увы!

2. Пришла верстка УнС. Сегодня-завтра я ее выправлю, отнесу Нине и будем там толковать о предисловии. Рисунки — дерьмо противу ожиданий.

3. Из кино пока ничего не слышно. Впрочем, может быть, они и звонили, но меня ведь не было круглосуточно. Мишка Хейфец говорил с одним из молодых режиссеров (Алеша Герман), и тот сказал, что сценарий ничего себе, но артистам там играть нечего. Я попросил Мишку передать А. Герману, что он

дурак. Надо же выдумать — играть нечего! Тьфу. Брандис рассказал, что Дмитрий Молдавский, имеющий общение с Ленфильмом, рассказывал ему, что после статьи Немцова наш сценарий, перетрусив, чуть было не зарубили, но потом оклемались. Поганое все-таки заведение — Ленфильм.

4. Получил из МолГв какие-то 1300 руб. Что это такое — понять не могу. Создается впечатление, что это 60% за том плюс еще что-то — может быть за ДР? Проверь, пожалуйста. Хочется быть в курсе: что получено и на что еще можно рассчитывать. Да, и сообщи мне, пожалуйста, точный адрес, куда я должен писать, чтобы получить 30 руб. со «Смены».

5. Из разговоров с Громовой и Римом я понял, что а). Есть весьма серьезные опасения, что в «Коммунисте» появится статья, где нас долбанут по крайней мере за ХВВ; б). Есть надежда, что в «Правде» появится статья о фантастике, где мы будем упомянуты как хорошие. Совпадает это с твоими сведениями? И вот еще что. Не пойти ли нам объясниться в отдел печати ЦК? Громова говорит, что подготовила для этого почву. Или, может, попытаться сделать что-нибудь через Мелентьева? Но как его заинтересовать в этом деле? Впрочем, все станет ясно после съезда.

На том кончаю. Жду ответа, жму конечности, твой [подпись]

P. S. Ленку поцелуй.

А почему Север не приехал?

P. P. S. Кстати, когда мы соберемся в следующий раз? Предлагаю: апрель. Будем писать ГЛ.

Да! Пришли мне номер твоего билета ССП: буду писать рекомендацию Меерову.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 2 МАРТА 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Наконец-то письмо. Я уже отчаялся. Ну, информацию ты выдал достаточно (для письма) подробную, остальное я уже буду узнавать у участников. Хорошо было бы получить стенограммы, как это, можно? Узнай у Мейлаха. Что за статья Нуделя о нас? Новая или старая? Я Нуделю вовсе не не доверяю, с чего ты взял? Просто мы редко видимся. ЗПвГ я ему обязательно дам. Между прочим, дал я ЗПвГ позавчера вечером Ариадне. Вчера утром звонит она мне и шатающимся голосом объявляет, что знала, что Стругацкие — талантливые ребята, но такого

не ожидала, потому что это уже подозрительно близко к гениальности. Правда, сказала она, она ничего почти не поняла. Я ее успокоил, сказал, что мы сами ничего не понимаем. Очень она обеспокоена, как бы это напечатать. Я сказал, что пока мы решили воздержаться.

2. Рад, что ты хорош с Грековой и Граниным. Очень рад, что нас похвалил Волькенштейн. Хорошо, что велика популярность у математиков.

3. Насчет «Крокодила» — жалко, конечно, но ничего не поделаешь. У меня тоже ничего не получилось. Ни одного анекдота в голову не пришло. Наши дела таковы. ТББ и ПНвС идут в библиотеке мировой ф-ки. В Детгизе в б-ке приключений идет СБТ, уговорить директора взять «Возвр.» не удалось. Впрочем, Нина считает, что ей очень просто будет оттянуть СБТ на 1968 год. И тут родилась идея — у меня. Надо попробовать издать «Возвр.» в 1967 году в Госполитиздате. Какого черта? К пятидесятилетию. Нинке эта идея понравилась, и она сейчас будет нажимать на педали. Вот так. Очень славно, что есть уже верстка УнС.

4. О твоих денежных делах. Я в бухгалтерии все подробнейше вызнал. Тебе прислали: по мировой фантастике — 21 а. л. по 180 р. за л. половина = 1043 р. 52 к.; за ДР — 6.443 а. л. по 105 р. за л. половина — 294 р. 32 к. Минус почтовые расходы. Кстати, получил ли ты за кино? Я получил 467 р. 44 к. Теперь «Смена». Точный адрес — посмотри внизу в любом номере «Правды», прибавь «бухгалтерия, расчетный отдел», вот и все. Там бухгалтерия общая для всех правдистских изданий.

5. Насчет статей в «Коммунисте» и в «Правде» ничего не слыхал. Рим еще мне не звонил. Объясняться в отдел печати ЦК? Можно попробовать, конечно. Но, может быть, лучше пойти прямо к Мелентьеву? Подумай, с чем пойти, и мы постараемся подготовить здесь почву.

6. Север не приехал потому, что не дали ему командировку. Здесь с командировками полный бардак получился.

7. Собираться в апреле согласен. Только что писать? ВНМ или ГЛ? Если ГЛ, то надобно пока составить хоть общий план.

8. Мой пис. билет № 3482.

Вот пока и все. Целуй Адку. Жму, целую, твой всегда Арк.

И вот — спасибо «братьям-писателям»! — Авторы попадают под пристальный взгляд ЦК КПСС.

ИЗ: ПУШКАРЬ Д., ЧАРНЫЙ С. ГНЕВ БОГОВ: РУКОПИСИ, КАК ИЗВЕСТНО, НЕ ГОРЯТ. ДОНОСЫ — ТОЖЕ

<...>

Началось, как всегда, «по просьбе трудящихся». Трудящиеся — три писателя-фантаста А. Колпаков, Ю. Котляр и Г. Чижевский — в 1964-м информировали ЦК ВЛКСМ: «Мы, литераторы, работающие в жанре научной фантастики... ненормальное положение... в издательстве «Молодая гвардия» — тематика постоянно мельчает...» Особенно удручало литераторов идеологическое наполнение произведений Стругацких, начиная с повести «Далекая Радуга» — им не нравилась идея недопустимости вмешательства в ход развития общества: «Похоже, что, оказывая помощь этим народам, мы переломили им хребет»,— цитируют они Стругацких.— Отсюда вытекает, что коммунисты по меньшей мере действуют ошибочно, приходя на помощь национально-освободительным движениям и слаборазвитым странам... Куда же нас зовут...»

Одновременно литераторы Колпаков, Котляр и Чижевский наябедничали на Ариадну Громову, Еремея Парнова и десяток других писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики.

У них было много поводов обращаться в ЦК. Вы слышали когда-нибудь о таких фантастах, как Колпаков, Котляр и Чижевский? И никто не слышал. Думаете, писателю не обидно, что о нем никто не ведает? Ариадну Громову — знаем, Дмитрий Биленкин — есть, Стругацкие — классики жанра. А этих трех не печатали. Почему Чижевскому не везло — неизвестно, а вот произведение А. Колпакова было снято за плагиат (черпал вдохновение у Алексея Толстого, Герберта Уэллса и Джека Лондона). Произведение же Ю. Котляра отклонили по убийственному признаку: «Автор не следит за мыслью, не рекомендуется к опубликованию».

Письмо было не единственным. В 1965-м Котляр пишет секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Камшалову: «Вы тогда поняли мою тревогу... Каким-то образом пронюхав о содержании нашего письма в ЦК, члены группы Громовой — Стругацких начали крестовый поход против нас в издательстве, себя же выставляя невинно пострадавшими... Очень грубо отождествлены ЦК с охранкой, а тревога об идейности советской литературы — с доносом».

Письма разукрашены разными финтифлюшками. Писатели ведь чутко подмечают детали из жизни. На встрече с молодежью: «Писатель ссылается на Ленина, а школьники — на "Трудно быть богом"». Действительно, нехорошо.

Впрочем, авторы письма давали Стругацким шанс: «Мы далеки от мыслей обвинять Стругацких в преднамеренной идеологической диверсии. Они могли скатиться в идеалистическое болото и по ошибке»,— пишут инженеры человеческих душ. А всю вину возлагали на руководство издательства: «Но зато не может ссылаться на неведение Жемайтис и аппарат его редакции... Ответственность за выпуск ущербных в идеологическом отношении изданий лежит целиком на главном редакторе...»

В 1999 году Бела Клюева предоставила издательству «Сталкер» для публикации в собрании сочинений АБС свои воспоминания, фотографии и некоторые материалы, почитавшиеся ранее секретными. Воспоминания и фотографии нашли достойное место в собрании, а вот «Записка...» туда явно «не ложилась». Теперь пришел и ее черед.

На каждой странице «Записки...» стоит грозный штамп «БЕЗ ПРАВА ПУБЛИКАЦИИ».

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС, 5 МАРТА 1966

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает необходимым доложить о серьезных недостатках и ошибках в издании научно-фантастической литературы.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают произведения так называемой «социальной» или «философской» фантастики, в которых моделируется будущее общество, его политические, моральные, человеческие аспекты.

Научно-фантастическую литературу в СССР издают около 20 издательств — центральных, республиканских, областных. Ее регулярно печатают более 50 журналов и газет, многие из которых выходят миллионными тиражами. Если с конца прошлого века до 1958 года в нашей стране на русском языке было выпущено около 450 названий произведений фантастики, то с 1959 по 1965 год включительно только на русском языке было издано более 1200 научно-фантастических произведений, включая переиздания, общим тиражом около 140 миллионов экзем-

пляров. Литература по фантастике стала как бы литературной модой. Особенно большую популярность научно-фантастическая литература снискала себе среди молодежи и подростков. Произведения этого жанра читаются молодежью буквально запоем.

Советская научная фантастика всегда отличалась своими прогрессивными тенденциями, твердо стояла на основах научного мировоззрения, смело вторгалась в сложные и малоизученные жизненные проблемы. Для нее были характерными высокий гуманизм, глубокая вера в силу человеческого разума, оптимистический взгляд в будущее человечества, неизменно связанное с победой и торжеством коммунистических идеалов.

Однако в последние годы в результате снижения требовательности со стороны издательств и редакций журналов к авторам, к идейно-художественному уровню произведений научно-фантастическая литература претерпела определенную эволюцию. Книги этого жанра начали все дальше отходить от реальных проблем науки, техники, общественной жизни, их идеологическая направленность стала все более притупляться и, наконец, стали появляться произведения, в которых показывается бесперспективность дальнейшего развития человеческого общества, крушение идеалов, падение нравов, распад личности. Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов.

По мнению литераторов А. Громовой, Р. Нудельмана, З. Файнбурга, основоположником «философской» фантастики является современный польский писатель Станислав Лем. В его многочисленных романах и повестях, которые, кстати сказать, печатаются главным образом в СССР (за последние пять лет его книги вышли у нас тиражом в 1 млн. 250 тыс. экземпляров), будущее коммунистическое общество представляется абсолютно бесперспективным и вырождающимся.

Каково главное кредо С. Лема в изображении будущего человечества? Человек, по мнению писателя, в конце концов создаст такую совершенную технику, которая будет делать за него все. От человека, чтобы жить, не потребуется никаких усилий, никакого напряжения, никакого героизма. В результате полностью механизированного комфорта человек превратится «в существо разленившееся, изнеженное, несамостоятельное». Перед человечеством стоит дилемма: либо человек создаст ус-

ловия абсолютного комфорта и абсолютной безопасности, и тогда он выродится, либо он не сможет создать идеально обслуживающий его кибернетический мир, и тогда он слаб и ничтожен, хотя и останется человеком.

И вот, усвоив эту «философию», полную пессимизма и неверия в силу разума, представители отечественной «философской» фантастики вступили в противоборство с идеями материалистической философии, с идеями научного коммунизма. Для иллюстрации считали бы возможным подробно остановиться на содержании наиболее показательных в этом смысле произведений, принадлежащих перу братьев А. и Б. Стругацких.

«Попытка к бегству» — повесть, рассказывающая о своеобразном быте будущего коммунистического общества, когда космические перелеты стали ничуть не труднее современной загородной поездки на автомобиле. Два героя произведения решают провести свой отпуск на одной из неисследованных планет. Во время подготовки к прогулке в космос к ним обратился некто в белом, Саул, уговаривая взять его с собой. Отпускники берут его, и в скором времени без хлопот оказываются на неизвестной планете, которую называют в честь своего спутника — Саулой.

Планета оказалась обитаемой существами, удивительно похожими на людей. Но у них фашистский строй, концлагери, гнет и несправедливость. На планете нескончаемым потоком движутся неведомые машины, вылезая из одной дыры в планете и скрываясь в другой. Намекнув, что машины эти созданы некой высшей цивилизацией, авторы показывают, как заключенные ценою жизни сотен и тысяч своих товарищей понуждаются голыми руками захватить хоть одну из этих машин и разгадать секрет управления ими.

Основа замысла повести в том, как будут реагировать земляне, члены коммунистического общества, при столкновении с инопланетным фашизмом. Оказывается, они бессильны, не должны и не хотят вмешиваться, ибо всякое их вмешательство, по мнению авторов, обречено. Авторы иронизируют: «Можно напялить белые хламиды и прямо в народ... И мы станем проповедовать социализм... Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом.

А в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи».

И далее: «Вы понимаете, что хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете ли вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству».

Так заканчивается прогулка людей коммунистического общества в мир фашизма. И тут их спутник Саул исчезает. Кто он? Почему он острее, чем его спутники, принимает к сердцу злодеяния фашизма? Ответ на это и обнажение сути замысла повести дает ее заключение.

Вернувшись в коммунистическое благополучие, путешественники находят записку, оставленную Саулом, в которой сообщается, что вовсе он и не Саул, а командир бронетанковых войск Красной Армии Репнин, заключенный гитлеровского концлагеря, пытавшийся бежать из прошлого, чтобы спастись в будущем. Что же нашел в будущем этот советский человек? Он пришел к убеждению, что коммунизм не в состоянии бороться с космическим фашизмом, и «возвращается» снова в XX век, где и погибает от руки гитлеровцев.

Может быть, эта повесть — случайный срыв авторов? Знакомство с другой их повестью «Трудно быть богом» убеждает, что проблема вмешательства или невмешательства в развитие других цивилизаций есть вполне продуманная и обоснованная авторская концепция.

На этот раз действие повести происходит на планете, где существует средневековье. Оно по воле авторов уживается с элементами фашизма. При этом фашизм у Стругацких внеклассовый, он противопоставляется земному историческому фашизму, иначе говоря, это «необыкновенный фашизм», о возможности возникновения которого стало модно говорить в последнее время, проводя различные аналогии, делая весьма прозрачные намеки.

Итак, на планете со средневековым строем, с крестьянскими войнами и охотами на ведьм, с инквизиторскими пытками и самодурством абсолютизма живут двести пятьдесят тайных сотрудников земного Института экспериментальной истории. Эти земные резиденты, принявшие облик монахов и рыцарей, шаманов и аристократов, закрывая глаза на все ужасы, свидетелями которых являются, стиснув зубы и сжимая в руках запретное оружие, которое могло бы предотвратить страдания несчастных жителей империи Арканар, «изучают» все происходящее, добывая под-

тверждение различным историческим теориям, рожденным в умах земных ученых, которые уже давно живут в спокойной и блаженной обстановке коммунизма. Земляне не могут вмешаться в жизнь инопланетной цивилизации не потому только, что им дана жесткая директива не вмешиваться в дела жителей планеты, оставаться беспристрастными исследователями, но и потому, что это совершенно бесполезно, ибо жители Арканара даже биологически еще не дозрели до уровня человека в общепринятом понимании. «Было в них что-то общее... Наверное, то, что все они почти без исключений были еще не людьми в современном смысле слова, а заготовками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека» и далее: «Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно дать им все. Можно поселить их в самых современных спектроглассовых домах и научить их ионным процедурам, и всё равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена».

Наиболее ярко «философские» концепции Стругацких изложены в их последней книге «Хищные вещи века».

В ней рассказывается об образе жизни некой «Страны Дураков». Эта «капиталистическая», по утверждению авторов, страна представляет собой общество всеобщего благоденствия, общество изобилия. Здесь жители получают многие блага бесплатно за счет «фонда обеспечения личных потребностей» — одежду, продукты питания, книги... И в то же время никаких духовных интересов у людей Страны Дураков нет. Они не знают, кому поставлен памятник на центральной площади столицы. Книги в их глазах не представляют никакой ценности.

Общество лишено классовой структуры, поэтому в нем нет и никаких социальных движений. Людям здесь смертельно скучно. Они всем пресытились. Об уровне духовной жизни Страны Дураков можно судить по ее прессе:

«В общем-то читать в еженедельниках было нечего. Я бегло просмотрел их, и они произвели на меня самое тягостное впечатление. Их заполняли удручающие остроты, бездарные карикатуры, среди которых особенной глупостью сияли серии «без слов», биографии каких-то тусклых личностей, слюнявые очерки из жизни различных слоев населения, бесконечные полезные советы, как занять свои руки и при этом, упаси бог, не побеспокоить голову, страстные идиотские выпады против

пьянства, хулиганства и распутства... Были там воспоминания участников «заварушки» (?), поданные в литературной обработке каких-то ослов, лишенных совести и литературного вкуса, беллетристические упражнения явных графоманов со слезами и страданиями, с подвигами, с великим прошлым и сладостным будущим, бесконечные кроссворды, чайнворды, ребусы и загадочные картинки...

Я швырнул эту груду макулатуры в угол. Ну что у них здесь за тоска!.. Дурака лелеют, дурака заботливо взращивают, дурака удобряют... Дурак стал нормой, еще немного — и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы. Ах, какой ты у нас славный, дурак! Ах, какой ты бодрый и здоровый, дурак! Ах, какой ты оптимистичный, дурак, и какой ты, дурак, умный, какое у тебя тонкое чувство юмора, и как ты ловко решаешь кроссворды!... Ты, главное, только не волнуйся, дурак, все так хорошо, все так отлично, и наука к твоим услугам, дурак, и литература, чтобы тебе было весело, дурак, и ни о чем не надо думать... А всяких там вредно влияющих хулиганов и скептиков мы с тобой, дурак, разнесем (с тобой, да не разнести!). Тоска, тоска... Какое-то проклятие на этих людях, какая-то жуткая преемственность угроз и опасностей. Империализм, фашизм... десятки миллионов загубленных жизней, исковерканных судеб... в том числе миллионы погибших дураков, злых и добрых, виноватых и невиновных... Последние схватки, последние путчи, особенно беспощадные, потому что последние. Уголовники, озверелые от безделья офицеры, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, наскучившая однообразием экономического шпионажа, взалкавшая власти... И снова все висит на волоске, а дураки решают кроссворды, пляшут фляг, желают одного: чтобы было весело. Но где-то кто-то сходит с ума, кто-то рожает детей-идиотов, как-то странно умирает в ваннах, как-то не менее странно умирает у каких-то рыбарей, а меценаты охраняют свою страсть к искусству кастетами... И еженедельники стараются прикрыть это смрадное болото приторной корочкой благополучной болтовни. Дураков убеждают, что все хорошо, что космос осваивается небывалыми темпами (и это правда), что энергии хватит на миллиарды лет (и это тоже правда), что жизнь становится все интереснее и разнообразнее (и это, несомненно, тоже правда, но не для дураков), а демагоги-очернители (читай: люди, думающие, что в наше время любая капля гноя способна зара-

зить все человечество, как когда-то пивные путчи превратились в мировую угрозу), чуждые интересам народа, подлежат всемерному осуждению... Дураки и преступники... Преступники и дураки».

Поскольку духовных интересов у жителей Страны Дураков нет, они ищут всевозможных наслаждений, любых, лишь бы они давали острые ощущения. Не зная, куда себя девать, скучающие, сытые, бездельничающие люди идут к «рыбарям» в развалины Старого метро, где полуумные молодчики предоставляют им всякого рода «сильные ощущения», вроде зрелища гирлянд дохлых крыс или нападения ржавого робота. На площадях города устраиваются особые радения — «дрожка», во время которых люди с помощью массовых стимуляторов приводят себя в истерическое состояние.

И вот в такой обстановке всеобщей идейной и нравственной деградации в мире возникает новая грозная опасность. В Стране Дураков нашли средство — нейростимулятор — «слег», воздействующий на центры наслаждения в мозгу. Главный герой повести Жилин испробовал его на себе и вынужден был признаться самому себе, что «никогда так ярко и горячо не жил», как под воздействием «слега».

«Я боюсь за человечество,— размышляет Жилин.— Это же конец». «Все миллиарды людей в ваннах, погруженные в горячую воду (условия процедуры) и в самих себя. Только в себя...» «И когда в иллюзорные миры уйдут все,— а ты знаешь, этим может кончиться,— история человечества прекратится».

Книга заканчивается размышлениями о предстоящей длительной новой войне по спасению человечества, «самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат».

Показ целой страны как «Страны Дураков», понятие о целом народе как о «народе проклятом», о трудящихся «огромного большинства стран мира» как об аморфном сплошняке в социальном отношении, стремящихся лишь к удовлетворению самых примитивных инстинктов — это проявление не только высокомерного пренебрежения к материалистической философии, но и неуважение к самому Человеку, ко всей истории человечества, к человечеству сегодняшнего дня.

Моделирование условной Страны Дураков, общества без признаков классов, достигшего необъяснимым образом изобилия материальных благ для всех своих членов — сопутствуемого упадком духовной жизни — тоже без всякой конкретизации

причин, может вызвать у неискушенного читателя ошибочное представление, что изобилие материальных благ вообще ведет к упадку духовной жизни.

Отдавая себе отчет в том, что Страна Дураков выглядит слишком пасквильно, авторы решили оградить себя предисловием, в котором пишут: «Речь в повести идет о чрезвычайно тревожной и все усиливающейся тенденции, свойственной современному капиталистическому миру». Стругацкие поясняют, что они имеют в виду «массовую идеологию, ежедневно и ежечасно порождаемую практикой частнособственнического предпринимательства». Эта практика приводит к тому, что «меркантильные интересы тогда готовы поглотить все другие человеческие чувства, а само общество выглядит как толкучка стяжательских страстей».

Однако следует заметить, что ни К. Маркс, ни В. И. Ленин не рассматривали целое общество как всеобщую толкучку стяжательских интересов — ни исторически, ни в перспективе. Равным образом марксизм не рассматривает буржуазную идеологию как идеологию масс в капиталистическом обществе, а различает разную идеологию у разных его классов.

Массовая идеология, разделяемая всеми членами общества,— это особенность и один из главных признаков общества, в котором нет антагонистических классов или нет классов вообще — иначе говоря — это особенность коммунистического общества.

Писатели далее говорят, что особенно страшным представляется действие массовой буржуазной идеологии в условиях материального довольства. После этого делается неожиданное и весьма парадоксальное заявление: «Мы не ставили перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой. Да и в одной небольшой повести нам никогда не удалось бы осветить все стороны, все социальные противоречия капиталистического государства».

Разумеется, все стороны и все социальные противоречия капиталистического государства невозможно осветить в одном произведении, о чем можно вполне согласиться с авторами, но отсюда вовсе не следует, что можно обходить все эти стороны и все противоречия в повести, специально написанной для того, чтобы разоблачить вредоносность буржуазной идеологии.

В сущности, опубликование повести «Хищные вещи века» есть беспрецедентный случай в истории советской литературы,

когда писатели, взявшись написать книгу об образе жизни «капиталистического» государства, не только не стремятся к анализу социальных его сторон, но начисто отказываются от социальных оценок вообще,— причем делают это, согласно авторскому замыслу, сознательно, преднамеренно.

Слабость и путанность идейно-теоретических позиций многих произведений современной литературы по научной фантастике усугубляется их низким литературно-художественным и эстетическим уровнем. В книгах по научной фантастике встречается немало натуралистических картин, смакования всякого рода низостей и непристойностей. Некоторые герои их нарочито упрощены и огрублены. Говорят они на какой-то тарабарщине, в которой смешались арго уголовников с заумью снобов и развязностью стиляг. Вот несколько иллюстраций:

«В конце коридора дона Окана внезапно остановилась, обхватила Румату за шею и с хриплым стоном, долженствующим означать прорвавшуюся страсть, впилась ему в губы. От феи несло смешанным ароматом немытого тела и эсторских духов. Губы у нее были горячие, мокрые и липкие от сладостей. Ну, я тебя, потаскуха, подумал Румата и сжал ее в объятиях. Что-то хрустнуло, не то корсаж, не то ребра, красавица жалобно пискнула, изумленно раскрыла глаза и забилась, стараясь освободиться. Румата поспешно разжал руки.

— Противный...— тяжело дыша, сказала она с восхищением.— Ты чуть не сломал меня...

— Я сгораю от любви,— виновато пробормотал он.

— Я тоже. Я так ждала тебя! Пойдем скорей...

Она потащила его за собой через какие-то холодные темные комнаты. Румата достал платок и украдкой вытер рот... Она втолкнула его в жарко натопленный будуар, бросилась на огромную кровать и, разметавшись на подушках, стала глядеть на него влажными гиперстеническими глазами. Румата стоял как столб. В будуаре отчетливо пахло клопами.

— Ты прекрасен,— прошептала она.— Иди же ко мне. Я так долго ждала!..— Трясущимися от нетерпения пальцами она принялась расстегивать его камзол.— Ты прекрасен...— задыхаясь, бормотала она.— Но ты робок, как новичок...

...Скверно, подумал он. Ничего не выйдет... Не могу.

— Как ты смеешь? — прошептала она, но он уже выскочил в коридор и быстро пошел прочь. С завтрашнего дня перестаю мыться, подумал он. Здесь нужно быть боровом...

— Мерин! — крикнула она ему вслед.— Кастрат сопливый! Баба! На кол тебя!» (А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом».)

Так поступают герои некоторых современных фантастических произведений. А вот как они разговаривают: «К черту — сказал однажды Сергей.— Я хочу сладко пожрать, и мне наплевать на эту самую биотозу», «а на Атоса я вообще чихал», «свинство», «дурак», «как вот врежу», «из пяти ответов четыре пальцем в ноздрю», «душу выну из мер-рзавца», «изобью в кровь», «паскуда», «сучий потрох», «собаки свинячьи», «стерва», «пархатые суки» и т. д. в том же духе.

Как же могло случиться, что в научно-фантастическую литературу проникли идейно-чуждые влияния, идеалистические философские концепции, пессимистические настроения? Вольно или невольно в ряде произведений этого жанра проповедуются антиматериалистические взгляды на человека, природу, общество, и в сознание читателей вносятся идеи, противоречащие элементарным научным истинам о развитии человеческого общества.

Все дело в том, что ни партийная печать, ни литературная критика никогда всерьез не занимались анализом научной фантастики. А это привело к тому, что издательства и редакции журналов, главным образом, издательства «Молодая гвардия», «Детская литература», журналов «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Молодая гвардия», «Смена», редакции сборников по фантастике и приключениям, крайне невзыскательно стали подходить к отбору произведений писателей-фантастов. Стремясь получить дополнительные прибыли, любой ценой увеличить тиражи своих изданий, печатают почти все, что приносят авторы и переводчики. Неразборчиво публикуя произведения западных фантастов, руководители издательств и журналов открыли зеленую улицу для проникновения буржуазной идеологии в среду советских читателей и, особенно, в среду молодежи.

При издательстве «Молодая гвардия» сложилась группа молодых писателей и критиков, которые напрочь отбрасывают всё, что было сделано советскими фантастами прежде, стоят в фарватере современной западной фантастики. Эта группа монополизировала издание литературы и публикацию статей в газетах и журналах по проблемам научной фантастики. Парнов и Емцев хвалят Стругацких, Стругацкие — Парнова и Емцева. Нудельман хвалит Громову, Громова — Нудельмана. А все они вместе взятые взахлеб расхваливают Айзека Азимова, Рэя Брэд-

бери, Станислава Лема, монолитно и беспощадно выступают против советских писателей старшего поколения А. Казанцева, В. Немцова и других.

Писательская общественность неоднократно обращала внимание ЦК ВЛКСМ и руководителей издательства «Молодая гвардия» на неблагополучное положение с изданием литературы по научной фантастике, однако эти сигналы не были приняты во внимание. Более того, руководители «Молодой гвардии» до последнего времени склонны считать, что с выпуском научно-фантастической литературы у них все обстоит благополучно.

Учитывая серьезные недостатки и ошибки в издании литературы по научной фантастике, Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считал бы целесообразным осуществить следующие мероприятия:

1. Поручить редакции журнала «Коммунист» опубликовать обстоятельную критическую статью авторитетного автора об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе. Это необходимо, поскольку в двух статьях, опубликованных ранее на страницах «Коммуниста» (Е. Брандис и В. Дмитриевский «Будущее, его провозвестники и лжепророки» № 2 за 1964 г. и М. Емцев и Е. Парнов «Наука и фантастика» № 15 за 1965 г.), содержатся путаные оценки современной научно-фантастической литературы, всячески восхваляется творчество братьев Стругацких, что, в известной степени, дезориентировало общественность.

2. Поручить ЦК ВЛКСМ рассмотреть вопрос о работе издательства «Молодая гвардия» по изданию научно-фантастической литературы и принять меры по укреплению издательства более квалифицированными кадрами.

3. Предложить Комитету по печати при Совете Министров СССР навести надлежащий порядок в издании литературы по научной фантастике как в центре, так и на местах, обратив особое внимание на выпуск произведений западных литераторов.

4. Рекомендовать Союзу писателей СССР обсудить вопрос об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе и принять меры к улучшению работы с литераторами, работающими в этом жанре.

5. На очередном информационном совещании в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС обратить внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тен-

денции в современной научно-фантастической литературе и на поверхностное обсуждение проблем, связанных с этим жанром, на страницах периодической печати.

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС
А. Яковлев
Инструктор Отдела И. Кириченко

Поверх первой страницы «Записки...» наискось наложена рукописная резолюция: «Согласиться. П. Демичев. М. Суслов. Ю. Андропов. Б. Пономарев. Д. Устинов». Небожители — секретари ЦК КПСС — лишь завизировали этот документ. Ответственный же автор «Записки» — идеолог среднего звена Александр Яковлев, будущий «прораб перестройки», самый «левый» в горбачевские времена. Есть повод поразмыслить о роли личности в истории... И еще — об угле зрения на эту самую личность. Вот лишь несколько фамилий, которые упоминаются на страницах «Неизвестных Стругацких»: Поликарпов, Карпинский, Чхиквишвили; далее нам встретятся Ильин и Черноуцан. Как же по-разному оценивают их современники! Для одних они — воплощение зла, непрошибаемые идеологи, око КГБ, для других — строгие, но умные начальники, помогшие этим и спасшие тех...

О версии Яковлева рассказал Всеволод Ревич. И откомментировал:

ИЗ: РЕВИЧ В. ДОН РУМАТА С ПРОСПЕКТА ВЕРНАДСКОГО

Аркадий искренне веселился, зачитывая выбранные места из переписки с друзьями. Конечно, эти документы были секретными, они обнародованы только сейчас. Но тем не менее и тогда в самых компетентных органах находились доброжелатели, благодаря которым мы своевременно знакомились с этими эпистолами... А может быть, только делал вид, что веселится, хотя Аркадий был не из тех людей, которые напяливали на себя маску. Он всегда думал, что говорил, но всегда говорил, что думал. А вот мне почему-то было несмешно. Как не было смешно и несколько лет назад, когда вышеупомянутые докладные решил опубликовать журнал «Знание — сила» и предложил мне прокомментировать их. Я с большим удивлением и с еще большим разочарованием увидел, что многие из этих документов

подписаны именем человека, которого я начал уважать задолго до начала перестройки,— А. Н. Яковлевым.

Комментировать их без ведома Яковлева я счел для себя неприемлемым, и журнал устроил мне встречу с Александром Николаевичем. Он прочитал одну или две записки, тяжело вздохнул и сказал: «Боже, сколько же ерунды мы тогда понаписали. Но историю, увы, не исправишь. Печатайте! Только вы не думайте, что каждая из таких записок равнялась постановлению секретариата ЦК. Многие из них, к счастью, писались только для галочки и ложились под сукно, чтобы мы могли со спокойным сердцем сообщить наверх, что меры по сигналам общественности приняты».

В общем-то я знал это и раньше, как знал и то, что не меньше было и «указов прямого действия», за их появлением следовали выговоры, снятия и исключения... Но и те, и другие служили, с позволения сказать, правовой базой для идеологических экзекуций. Иногда — в непосредственной форме, например, путем снятия стружки с главных редакторов — грубой плотницкой операции, регулярно и публично проводившейся в кабинетах на Старой площади. Иногда — втихаря, ведь документы никогда не обнародовались. И часто оставалось только гадать, почему книги вылетали из планов, почему запрещались и даже прерывались публикации в периодике, почему те или иные немилости обрушивались на головы авторов и издателей.

Но мы явно отвлеклись. Авторы еще не в курсе принятых на самом верху решений. У них свои злободневные проблемы.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 6 МАРТА 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я снова задержался с ответом, потому что ждал худсовета на Ленфильме. Теперь (вчера) этот худсовет состоялся.

Присутствовали: Рохлин, Алла, некто Кузьмичев Игорь Сергеевич — молодой человек с неопределенной улыбкой, режиссер Аронов Григорий Лазаревич и старый еврей, ф. и. о. которого я не разобрал и которого буду потому называть СЕ[1]. Володин застрял в Москве, Панова не успела прочитать сцена-

[1] Шнейдерман Исаак Израилевич, театровед, киновед, руководитель секции драматургии, теории и критики ЛО СК.

рий и извинилась, что не приедет, а Гранин не прибыл вообще без объяснений.

Я не буду подробно описывать, кто что говорил, хотя я старался записывать. Скажу вкратце, а потом подобью общий итог.

Кузьмичев И. С. высказался в том смысле, что идейно сценарий (книги он, естественно, не читал) не представляет ничего нового, что чисто внешнее грозит забить чисто внутреннее и что характер главного героя, как человека и землянина, не ясен. Всю дорогу он потом добивался, чтобы ему объяснили характер Руматы и на все соображения отвечал: «Да, но всё это только схема, а где характер?»

СЕ проделал совершенно блестящий анализ вещи (прямотаки на уровне Нуделя; все понял, собака!), напомнил о дискуссии в прессе (хотя самой повести не читал) и очень изящно привел собравшихся к мысли о непроходимости фильма.

Режиссер Аронов (примерно 35 лет, лысый, глуповатый на вид) понес с Волги и с Дону и предложил все переписать заново под девизом: «Никто не даст нам избавленья...»[1] Невмешательство претит, и фильм надо закончить тем, как Румата встает во главе восставших.

Рохлин и Алла говорили примерно об одном и том же и довели до конца путаные рассуждения Аронова. Эти последние три выступления помогли мне понять, о чем, собственно, идет речь. Но об этом ниже, а пока, чтобы у тебя не создалось печального ощущения монолитности выступавших, сообщаю, что: СЕ и Аронов уверены в нашей талантливости, а Кузьмичев не был вначале уверен, а потом его значительно поколебали; Кузьмичев считает, что идеи слишком просты и ясны, а Аронов — что они слишком сложны и запутаны; СЕ предлагает сценарий утрамбовывать, а Аронов — расширять; Кузьмичеву не ясен характер Руматы, а Аронову и Алле — очень даже ясен и т. д. Обычная неразбериха и субъективность. Но теперь о главном. Что их смущает:

1. Первое и единственное — упаднические звучание фильма. Это их смущает и с точки зрения цензуры и вообще (зритель, мол, скажет: раз ничего нельзя сделать, пошли в кабак пить водку — слова Аронова). Их смущает бездействие и колебания

---

[1] Строка «Интернационала» (музыка П. Дегейтера, слова Э. Потье, рус. текст А. Коца). Для молодого поколения уточняем — следующая строка гласит: «Ни бог, ни царь и ни герой».

Руматы, создающие иллюзию сложенных рук. Их не убеждают рассуждения Руматы, им все кажется, что должен быть некий выход, активный и цензуроугодный. Это, собственно, главная претензия. Остальное — мелочи, на которые либо можно не обращать внимания, либо быстренько исправить. Да, у тебя, наверное, возникнет вопрос: а что же они раньше думали? Так, Рохлин об этом сказал в том смысле, что в книге все более доказательно и понятно, а при сжатии матерьяла произошел качественный скачок и появились неясности и некие сомнительности.

В краткой речи я их всех обложил и несомненно забил чистой логикой. Это было нетрудно. Я просто спрашивал: что вы можете предложить Румате? И бил по пунктам (хорошо мы с тобой все разработали — молодцы!). Очень скоро объявилось знаменитое шевеление пальцами, туманные рассуждения о рациональном и эмоциональном, потом Рохлин, который благоразумно помалкивал после того, как я доказал ему, что Румата не толстовец, сказал, что все мы обалдели и заседание надо продолжить уже в рабочем порядке. Продолжать будем, вероятно, сразу после праздников, я тебе все отпишу.

В общем, все еще впереди. Будет еще много худсоветов. Не в худсоветах дело. Дело в редакции, а она за нас. Я их хорошо понимаю: они хотят, чтобы фильм получился оптимистический, и я с ними полностью согласен.

Теория сводится на мой взгляд к следующему: фильм задает вопрос — что должен делать человек в безвыходном положении? И отвечает на него: ДУМАТЬ и ПОСТУПАТЬ, КАК ВЕЛИТ СОВЕСТЬ. Со второй частью все они согласны, а вот о первой части (ДУМАТЬ) как всегда забывают. Нам нужно доказать им, что это самое важное.

В общем, впечатление у меня осталось неплохое, хотя, честно говоря, я ожидал, что все будет более формально и, следовательно, просто. Нам еще, видимо, придется над этим сценарием посидеть. Даром деньги они платить не собираются.

Теперь о деньгах. Правильно ли я понял, что за ДР мы получили ВСЮ положенную сумму, а за том — только 60 % всей положенной суммы? Ответь.

В апреле будем писать, как мне кажется, ВНМ и разрабатывать окончательный план ГЛ.

Маму устроить на март не удалось — нет мест. В апреле м. б. будут, тогда отправим ее на ту половину месяца, когда тебя не будет. Иначе она не согласна.

Целую, жму, твой [подпись]

P. S. Поздравь с праздником: Екатерину Евгеньевну, Ленку и всех прочих девочек, девушек и женщин.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 10 МАРТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Вчера состоялась очередная встреча в Ленфильме. Присутствовали: Рохлин, Алла, Аронов (см. пред. письмо) и какой-то напросившийся послушать тихий молчел. Говорили непрерывно — не поверишь! — четыре часа. Было очень живо и демократично, орали, пенились, завалили нас предложениями. Все эти предложения я вчера вечерком суммировал и поделил на ТРУДНЫЕ и НЕОЧЕНЬТРУДНЫЕ.

ТРУДНЫЕ (т. е. такие, с которыми я один никак не справлюсь — нужен твой совет и твои варианты):

1. Как-то подать социальный разрез общества — мельком, вторым планом, но чтобы были в фильме люди, которые сеют, жнут, куют и которым вся эта политическая возня до лампочки и только мешает заниматься необходимыми делами. (Трактирщика недостаточно — он выступает как активная сила.)

2. Дать Кире роль, заставить зрителя полюбить ее, сделать так, чтобы понятно было, почему для Руматы она — самое дорогое. Хоть одну сцену!

3. Король получился совершенно шварцевский, банальный, обсосанный король. Неужели такие сказочные пародисты, как мы, не способны дать оригинальный свежий образ, хотя бы за счет особого ритуала приема в опочивальне (в частности предлагалось — король принимает в клетке, защищенный от покушений).

4. Нельзя ли переделать начало так, чтобы Румата выступил сразу как активная фигура — что-то вроде книжного варианта со спасением.

Пожалуйста, подумай над этим, предложи что-нибудь, напиши какие-либо варианты — не очень торопясь, но и не слишком медля.

НЕОЧЕНЬТРУДНЫЕ (т. е. такие, с которыми я в принципе мог бы справиться и сам. Сообщаю тебе свои предложения на предмет придумывания тобою чего-нибудь получше):

1. Дать оптимистическую перспективу, чтобы не звучала в фильме безнадежность: сделать, мол, ничего нельзя, как ни

рыпайтесь. (Я предложил, и они приняли следующую трактовку: трагедия Руматы в том, что он не способен ОДИН и НЕМЕДЛЕННО изменить историю, но в принципе изменить историю можно — только надо еще пару десятков лет изучать и обдумывать как. Практически: вставить соответствующие реплики во второй диалог Руматы с Кондором.)

2. Овеществить Будаха, дать конкретнее зрителю понять, что Будах, скажем, Леонардо — художник, астроном, лекарь, скульптор. Предлагается, чтобы Румата перебирал дома: книги Будаха, картины Будаха, глобус Будаха и т. д.

3. Устранить все задержки сюжета: размышления и сны Руматы: размышления о Рэбе, рассуждения на дежурстве в ночь переворота и т. д. (Я думаю, надо это сделать — действительно неуклюже все выглядит и снижает и без того замедленный темп.)

4. Обязательно дать понять, что Румата заподозривает Лжебудаха, иначе слишком велико разочарование зрителя: ради такого мозгляка огород городят! (Это довольно просто сделать и в опочивальне и позже — у брата Абы, где Румата скажет: «Но мне нужен НАСТОЯЩИЙ Будах, а не тот мозгляк, которого вы подсунули королю».)

5. Ввести новую сцену в трактире: разговор в подполе с оборванцами о Будахе. Выгода: Румата действует; Румате есть зачем идти в трактир; особенно весомым становится признание Пампы насчет Будаха. (Ну, тут все готово — надо просто сократить и всунуть из романа.)

6. Разные мелочи, не представляющие ни трудности, ни интереса — уточнения.

На прощанье Рохлин сказал мне: «Главное сделать так, чтобы первая сюжетная линия — поиски Будаха — была по возможности более динамичной и естественно уравновешивала бы вторую — философскую, сплошь на диалогах линию метаний Руматы ближе к концу».

Да, и еще просили, чтобы Рэба был зарублен. Думаю, надо им его дать: пусть валяется среди трупов в конце.

Таким вот образом. Жду твоих комментариев и советов, а сам на черновичке начну кое-что уже маракать.

Жму, целую, твой [подпись]

P. S. Написал Меерову рекомендацию в Союз. Трудно было. Подписался за тебя.

P. P. S. Привет Ленке и всем.

После состоявшегося обсуждения киностудия присылает Авторам и официальный документ.

ИЗ АРХИВА. РЕДАКЦИОННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ПЕРВОМУ ВАРИАНТУ СЦЕНАРИЯ ТББ

Авторам сценария «Трудно быть богом»
Б. Н. и А. Н. СТРУГАЦКИМ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
По варианту сценария,
представленного 3-му творческому объединению
8 февраля 1966 г.

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Сценарий, представленный Вами объединению, был обсужден в редакционном порядке в вашем присутствии и с вашим участием. Стало быть, вы полностью в курсе наших впечатлений и здесь, в заключении, остается лишь зафиксировать основные мотивы этого разговора.

На наш взгляд, в представленном варианте проступили основные контуры замышленного сценария: приключенческого, заключающего в себе серьезную и значительную тему, сценария с интеллектуальным героем, острым сюжетом и развитым юмором. Все эти элементы существуют в сценарии, некоторые из них выразились с особенной ясностью в удачно сделанных эпизодах — содержательных, драматургичных, экранных. Всё это слагает обнадеживающее впечатление и позволяет считать вашу работу серьезной и перспективной.

Между тем, ее нельзя еще принять как завершенную. Те элементы, о которых сказано выше, пока еще скорее сосуществуют, нежели соединяются в единую и целостную пластическую ткань вещи. Композиционный порядок сценария пока еще прочитывается как некая временная последовательность, вполне возможная, однако, не продиктованная драматургической обязательностью и неизбежностью. В построении есть логика, но ему недостает самодвижения.

Очевидно, завязка романа вернее той, которая предпринята в сценарии. Видимо, надо начинать с частного и конкретного, т. е. с темы Будаха, с тем, чтобы через это силой заданной необходимости втянуться в более сложные и значащие отношения. Завязка

не должна намекать на результат, иначе вы лишаете себя драматургической перспективы, впадаете в повторение, теряете структуру действия, снимаете его непредвзятость и первородность.

И наоборот — сказав в экспозиции лишнее, вы, наряду с этим, лишили нас необходимой информации. Кто эти люди? Где они? Какова их задача? Каковы границы, которые определены дисциплиной их положения? Надолго ли они здесь? Что и как связывает их с Землей? В чем они повинны, в чем свободны? Всё это — вопросы, которые неизбежно возникают. Вы предлагаете нам фантастические обстоятельства. И мы с полной ясностью должны быть информированы об условиях необычной игры. Наш зрительский или жизненный опыт ничего нам не подскажет, как это бывает в области реальных, относительно обжитых обстоятельств и отношений. Здесь все надо сказать и пояснить.

Думается, что в итоговой части надо искать той же ясности вывода, не бояться суммировать тему вещи в открытом определении. Это не всегда бывает хорошо, здесь, в сценарии философского свойства, это представляется подходящим и нужным.

Следует также подумать над тем, чтобы избежать чисто иллюстративного элемента. Размышления героя в основном хороши и должны войти в сценарий. Но они ставят нас перед проблемой такого экранного решения, которое сочетало бы их с органичным и действенным изобразительным рядом. Вы предприняли близлежащее, наиболее элементарное и, скажем прямо, неудовлетворительное решение.

Надо подумать и о том, что единственный женский образ сценария пока еще недоразвит. Кира существует в сценарии, она занимает пока чисто обстоятельственное место. Драматургические «приличия» требуют найти ей собственное стремление, дать ей пусть небольшую, но собственную роль.

Таковы, в общих чертах, наши пожелания к дальнейшей работе над сценарием.

Представленную Вами рукопись мы принимаем в качестве первого варианта сценария. Для выполнения той работы, которая вытекает из нашего заключения, мы предлагаем вам срок до 15 апреля 1966 г.

Желаем Вам всего наилучшего.

Главный редактор 3-го творческого объединения
Я. Н. Рохлин
Редактор А. В. Михайлова

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 13 МАРТА 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Вчера получил от тебя сразу два письма — от 6-го и от 10-го. А я-то клял тебя и ругал тебя, что не пишешь, а тут еще мама написала, что тебя привлекли в Пулково в связи со сломанной кибернетикой тамошней и т. д. Ну ладно, в общем, почта виновата.

По существу. Деньги: ты получил ВСЕ деньги за ДР и 60 процентов за наш том. Кстати, наш том уже в верстке. Севка написал на мой взгляд очень неплохое послесловие.

Кино: в общем, я ожидал от р а с ш и р е н н о г о худсовета гораздо худшего. Все идет как надо, а то у меня уже дурные предчувствия начали появляться, больно уж легко все началось. Итак:

1. Социальный разрез общества. Единственное, что мне приходит в голову — у нас там есть четыре или пять сцен, где главную роль играет трактирщик. Одновременно во все эти сцены ввести изможденного ремесленника в фартуке и с чем-нибудь железным. В одной сцене он уже есть — это где его трактирщик бьет. Дать его и в остальных, вплоть до того, что в последней сцене его ведут на одной веревке с трактирщиком. Кроме того, на полях, по которым проезжает Румата, можно дать крестьянских баб, которые вяжут какие-нибудь снопы и удирают при его приближении: время-де опасное. И отчаявшегося мужика с вилами, который едва не бросается на Румату, но его удерживают плачущие жены и дети.

2. Предлагаю убрать пролог совсем, чтобы не раскрывать заранее карты, и в эпилоге показать как разрубленного пополам дона Рэбу, так и — когда Румата открывает глаза — прекрасное лицо девушки-землянки, члена спасательной экспедиции, некий символ великой и могучей Земли.

3. В беседе с Кондором через нуль-пространство ввести вот что. Пусть Кондор, мучаясь и сомневаясь, нерешительно — как начальник разведчиков — дает Румате от лица Земли разрешение пролить кровь, если Румата сможет, конечно; сделать так, что Кондор понимает, в каком г... оказался Румата: не убить — значит перестать быть человеком по совести, убить — значит перестать быть человеком по воспитанию.

4. Кире давать роль я не стал бы добавочно. И так можно трактовать, будто Румата взялся за оружие из-за того, что убили любовницу.

5. Что до короля, то не знаю, право. Король, на мой взгляд, и нужен самый банальный, к какому зритель уже привык. Незачем останавливать на нем особое внимание. Банальность короля должна оттенять небанальность дона Рэбы.

6. Переделать первую сцену так, чтобы Румата выступил активно, по-моему, нельзя. Это сразу разрушит образ затаившегося разведчика. Или если уж переделывать, то сделать строго по книге. На это я пошел бы. И это было бы нетрудно.

7. Вставить оптимистические реплики в разговор с Кондором — благословляю. Можно и Будаха сделать энциклопедистом, это неплохо. Снять сюжетные задержки, конечно, можно, но я бы оставил все-таки сон Руматы, где он с Кирой на Земле, и картины будущего, когда он Кире рассказывает про Ленинград. Вообще, конечно, и без объяснений будет понятно, что к чему. Заподозрение Руматы о Будахе — мысль хорошая. Проверни. Сцену в трактире, с Вагой, поскольку место у нас освобождается, дать можно.

8. Мне трудновато ориентироваться без текста сценария, но я полагаю, что перечисленного будет достаточно для дела.

Ну вот, братик, всё это ложится, естественно, на тебя. Ты уж поднажми. Я же буду с нетерпением ждать последнего варианта и молиться о твоих успехах.

У нас тут дела всякие. Много скверного, Жемайтису вкатили выговор за ХВВ, «Душу мира» и «Уравнение с Бледного Нептуна». В «Комс. Правде» за 12 марта есть обглаженное сообщение о соответствующем постановлении. Кажется, впрочем, на этом эпопея ХВВ и кончается. Беда с этими кое-какерами. Ай да Казанцев. До чего прохвост, а?

Ну всё.

Целую, жму, пиши скорее, твой Арк.

Поцелуй Адку, поцелуй маму.

15 марта в ленинградской газете «Смена» публикуется статья с подзаголовком «О книгах братьев Стругацких».

КУКЛИН Л. ФАНТАСТИКА И ФИЛОСОФИЯ

Хочу признаться сразу: любимые книги в моей библиотеке — тома из серии «Приключения, путешествия, фантастика». Здесь рядом с документальными очерками о путешествиях стоят книги неудержимой фантазии: Рэй Брэдбери и Станислав

Лем, Айзек Азимов и Иван Ефремов. А самая моя любимая, более всего взволновавшая меня за последнее время книга — это повесть «Далекая Радуга» Аркадия и Бориса Стругацких.

Далекая Радуга — это планета. Наше Солнце видно с нее как крохотная звездочка. Да, Радуга очень далека от Земли, той обжитой, зеленой Земли, на которой люди давно и прочно счастливы в наступившую Эпоху Всеобщего Разума. Но на Радуге живут новые земляне — любопытные и неукротимые в своем риске и поиске люди. Экспериментаторы. Физики. Мыслители. Разведчики и пролагатели новых путей в науке.

И вот на далекой Радуге происходит трагедия: поставленный физиками в масштабе всей планеты рискованный опыт дает неожиданный и не поддающийся управлению результат. Возникает Волна вырожденной материи, которая со страшной скоростью движется по планете, уничтожая на ней все живое. Люди вынуждены отступить перед делом собственных рук. И выхода нет...

Страшно, конечно. Но все происходящее — это высокая трагедия человечества на вечном пути к познанию. И в огне этой трагедии, очищаясь от всего случайного, от бытовых жизненных мелочей, от шелухи повседневности, проверяется и предстает перед нами великий характер человека будущего.

Каков он, этот человек будущего?

Вот как говорят о самом главном за три часа до трагической гибели два человека: ученый-физик и командир звездолета.

Ученый:

— Самое ценное на Радуге — это наш труд. Мы отдали науке всю жизнь, всю любовь и все лучшее, что есть у нас. И то, что мы создали, принадлежит уже не нам.

Капитан звездолета:

— Самое ценное, что у нас есть,— это будущее. Наше будущее — это дети. И нужно быть справедливыми. Жизнь прекрасна, и мы все уже знаем это. А дети еще этого не знают.

— Вот и всё,— сказал кто-то в толпе.— И правильно...

И писатели показывают нам массовый, коллективный подвиг, подвиг перед лицом смерти во имя жизни, величие человеческого духа. Люди с далекой Радуги спасают детей и данные научных исследований, отправляя их на Землю на единственном небольшом звездолете. Ведь звездолет не может взять всех... И капитан его отказывается от своего места — ради детей...

То, за что в наши дни удостаивают звания Героя,— проявление высшего героизма лучших из людей,— тогда станет обще-

человеческой нормой. Вот какая мысль, на мой взгляд, главная в этой книге.

Потрясает финальная сцена повести: семеро молодых и сильных звездолетчиков-испытателей уходят в свой последний путь: они вступают в море, неся на плечах своего друга, слепого, с лицом, обмотанным бинтами. «Слепой, закинув голову, играл на банджо, и все пели:

...Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...

Они, не оглядываясь, вошли с песней в воду по пояс, по грудь, а затем — поплыли, держа на спинах слепого товарища, вслед за заходящим солнцем...»

Конечно, повесть «Далекая Радуга» — повесть фантастическая. Но не в этом ее главная притягательная сила. Фантастическое для братьев Стругацких — только повод для широких философских обобщений. О людях, не склоняющих головы,— вот о чем написана эта повесть.

Я мог бы много говорить о многих любимых мною книгах Стругацких. Да любимых не только мною: достаточно сказать, что их книги переведены на 16 языков мира. Вот они: «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею», «Шесть спичек» и «Стажеры», «Хищные вещи века» и «Понедельник начинается в субботу».

Но лучше всего, конечно, о себе расскажут вам сами эти книги.

А сегодня мне хочется непременно сказать о последней работе братьев Стругацких.

— Знаете ли вы, что такое «НИИЧАВО»?..

— Что такое «Изнакурнож», памятник соловецкой старины?..

— Что такое «умклайдет электронного уровня» и какое отношение он имеет к так называемой волшебной палочке?..

— Можете ли вы ответить, если серьезно подумаете, на такой, далеко не простой вопрос: что удивительнее — говорящая Щука из русских сказок или современный транзисторный приемник?..

Обо всем этом вы узнаете, если прочтете повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Довольно трудно определить жанр этой повести. Сами авторы лукаво назвали ее «Сказкой для научных работников младшего возраста».

Это остроумная, изящная по форме и, я бы сказал, бесконечно щедрая на выдумку повесть. В ней рассказывается о приключениях Александра Привалова, тридцать восьмого года рождения, путешествующего на «Москвиче», взятом напрокат, и попадающего в самые невероятные сказочные переплеты.

Говорящий кот, люди, проходящие сквозь стены, и огнедышащий дракон, которого везет современный грузовик на полигон для экспериментов,— это еще далеко не самое удивительное, с чем сталкиваетесь вы в этой повести.

— Снимите с глаз черные очки недоверия! — словно говорят нам авторы.— Без веры в чудо человек не может творить чудеса!

И если вы поверите в это, то и к вам вместе с мокрой мелочью, полученной от продавщицы газированной воды, в руки может попасть знаменитый сказочный неразменный пятак... Но не просто пятак, а выражаясь точнее — действующая модель неразменного пятака образца ГОСТ 718–62...

Самым ошеломительным образом в «Понедельнике...» соединяются реальнейшие бытовые обстоятельства с невероятнейшими сказочными положениями...

— Человек или волшебник? — сквозь улыбку словно спрашивают нас авторы. Ведь это зависит от точки зрения... Если человек может всё — разве он не волшебник?..

И опять на этот раз сквозь веселую, непринужденную ткань повествования проступает серьезная и большая мысль — о всемогуществе человеческого разума, о безграничности человеческого познания...

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 18 МАРТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Я, кажется, закончил возню со сценарием. Доделки свелись, главным образом, к безжалостному выкидыванию рассуждений и размышлений Руматы. Сейчас осталось только одно его размышление — в опочивальне. Это мне выбрасывать совсем не хочется, это информационно. Кроме того, я ввел еще две маленькие сцены с Кирой у Руматы в кабинете, где Кира рассматривает карту работы Будаха, а также читает абзац из романа про принца и варварку. Потом приходит Пампа, Румата

увлекает его в трактир, а в трактире у Руматы свидание с доном Тапиром, в смысле — Рипатом, насчет Будаха. Тот же Рипат на другой день после того, как король всех выпирает, говорит Румате, что это не Будах и что это — страшная тайна. Соответственно несколько иначе кончается разговор брата Абы и Руматы. Ну, там есть еще маленькие доделки в беседе Руматы и Кондора через 0-пространство. Я решил не переделывать: 1. Начало. 2. Образ Короля. 3. Образ Киры. Над социальным разрезом общества я еще пару дней подумаю, но это конечно бредятина, чистая формальность. Отнесу им рукопись вероятно 19–20.

2. Получил письмо из «Международной книги». В связи с выходом в свет в Японии сборника советской н.-ф. просят выслать биографию и фотопортрет. Я написал, что фотопортрет дашь ты, и изобразил им биографию. Но в общем-то ничего не понял: о каком сборнике идет речь? О японском или нашем для Японии?

3. В ленинградской «Смене» (орган обкома ВЛКСМ) от 15.03 опубликована статья «Фантастика и философия» (О книгах бр. Стругацких). Очень хвалебная статья-пустышка, по сути — рекламная статья: читайте, мол, не пожалеете. Автор — Лев Куклин, ленинградский поэт, большой наш поклонник. Я его немножко знаю, но гораздо меньше, чем следовало бы, чтобы ожидать такой статьи. Приятно. И приятно, что это — в то же время, когда и долбеж в ЦК. Некий сбой налаженной машины. Правда, у меня осталось ощущение, что статья сокращена и что в редакции что-то слышали об ошибках братьев, но что́ это за ошибки — не разобрались. Во всяком случае в перечислении наших произведений отсутствует ТББ, но присутствует ХВВ — надо полагать: недослышали, что к чему.

4. Случайно встретился в писдомовской пивной с Урбаном. <...> Из его бормотания я понял, в частности, что ХВВ ему понравилась и он написал рецензию в «Вечерку», однако там не приняли, хотя сами заказывали.

5. Спасибо тебе за статьи Нуделя и Лема. Лема статья небезлюбопытна. Теперь я понимаю, почему у него всегда такое рыхлое многословное начало (это он разгоняется, пишет, что в голову взбредет) и такой вялый необязательный конец. А что касается статьи Нуделя, то я как с первой трети ее начал хихикать, так хихикал до самого конца, хотя хихикание становилось все печальнее. Ты мне дай его адрес, я напишу ему поздравление. Очень оригинальная статья. Резюмировать ее можно так:

бр. Стругацкие — молодцы ребята, ставят важные проблемы и пишут интересные книги, ни одна из которых им не удалась. Надо тебе сказать, что в общем-то я с ним согласен, так оно и есть, но он-то, по-моему, совсем не это хотел сказать. И очень там любопытные чьи-то пометки карандашом. Чьи, не знаешь?

6. Давай-ка уточним время твоего приезда, а то я что-то перестал понимать. Вроде бы договаривались мы на первую половину апреля, а тут приезжает Дмитревский и говорит, что ты будешь во второй. Изложи свои соображения.

7. Насчет чего Нудель абсолютно прав, так это что все наши герои — романтические герои. Герой должен срать, думать о том, что волосы вот у него секутся (в паху), баба хорошая прошла, ухватить бы ее за пару мест и т. д. И видишь ли, братец, если мы хотим делать настоящую лит-ру, нам придется к этому прийти. Как в свое время мы поняли, что никогда не сделаем настоящей лит-ры, если замысел будем начинать с технической проблемы, так нам предстоит понять и прочувствовать, что герой настоящей вещи должен пахнуть, совокупляться, вкусно жрать, видеть сны с поллюциями и т. д. В общем-то мы это понемножку начали в ЗПвГ, но в дальнейшем все эти тенденции придется усилить.

8. Да! Читал нашим ребятам ЗПвГ. Ребята обалдели. Общее мнение было: совсем свихнулись наши писатели + это, конечно, первая их настоящая книга. Вообще говорили много и интересно. Но вот что ясно: идеи, что лес = будущее, все-таки никто не понимает, надо уточнять; разговор машин плох — единогласное мнение всех от Манина до Копылова — придется нам его, вероятно, выбросить, потому что переделывать его невозможно.

Ну, жду ответа, жму, твой [подпись]

P. S. Поцелуй Ленку.

Передай приветы:

a) Юлику Кагарлицкому, которого я немедленно полюбил на всю жизнь.

b) Шурке Мирeру, о котором даже Гор сказал: очень, очень умный молодой человек. Очень.

c) Ариадне, которая сама была на себя не похожа на этом симпозиуме: такая добрая, ласковая, всепрощающая. В первый раз я такое видел.

Статья Рафаила Нудельмана, так печально позабавившая БНа, сохранилась. Из-за ее большого объема (2,5 авторских листа — половина ПКБ!) приведем лишь некоторые ее выводы.

ИЗ АРХИВА. НУДЕЛЬМАН Р. ФАНТАСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

<...>

Здесь мы хотели бы более подробно, чем обычно, поговорить о творчестве Стругацких. За 8 лет Стругацкие опубликовали 10 книг; о них много — и порознь — писали, то хваля, то ругая; но что представляют собой эти 10 книг, взятые вместе? И что они дают для понимания фантастики?

Я предлагаю (тем, кому это интересно) как бы заново перечитать эти 10 книг, одну за другой. Отдав в свое время должное их увлекательности, богатству воображения и выразительности деталей, давайте теперь — остынув от первого впечатления — попытаемся проследить внутренний ход мысли, невидимые связи, тянущиеся от одной книги к другой. Попытаемся проникнуть из мира явлений в мир сущностей.

Интересная вещь! За внешним своеволием, кажущейся случайностью, калейдоскопичностью сюжетов, тем, за скачками хронологии у Стругацких скрывается невероятно логическая, почти рационалистически развивающаяся система.

Это отличает их от большинства других фантастов. Идейная, тематическая и даже хронологическая связанность отдельных книг Стругацких значительно сильнее, чем, например, у Лема или Ефремова; только у Брэдбери за каждым рассказом так отчетливо ощущается присутствие единого «второго мира».

Это нельзя оценивать как достоинство или недостаток; это — особенность творчества, с которой нужно считаться. Тем более случайными и поверхностными могут оказаться наши суждения, если мы будет оценивать отдельные книги Стругацких или даже отдельные моменты этих книг.

<...>

Но присмотримся внимательнее. Вам ничего не напоминает исходная ситуация? Три опытных, бывалых героя, один — благородно-сдержанный, другой — простоватый и неловкий, третий — утонченный и изящный; и новичок, затесавшийся в их компанию и вскоре ставший главным среди равных... Это ведь почти Дюма! Атос, Портос, Арамис и... Быков. Именно так переплелись традиция и новизна в первой книге Стругацких. Фантасты везде чуть-чуть сдвигают акценты, чуть-чуть переосмысляют традицию, но в этом «чуть-чуть» — главное.

Композиция повести проста: подготовка к полету, полет, пребывание на Венере, никаких вторых планов, перемещений

во времени и прочих усложнений. Но первая, «земная», часть повести явно господствует над остальными по степени авторского интереса. Почему?

Герои расставлены по традиции: Быков — тот самый простак, который необходим, чтобы слушать в подходящий момент лекции на научно-популярные темы. Но по мере развертывания событий он явно перерастает эту роль, он меняется, и к этому изменению приковано главное внимание Стругацких. Почему?

Даже выбор маршрута, даже неизбежные приключения — всё говорит о традиции и в то же время выпирает из нее. Только, казалось бы, завязалось во время полета загадочное сплетение событий, как тут же оно безжалостно и насмешливо обрубается самым прозаическим объяснением. Зачем?

Всё говорит о том, что традиция использована полемически, что сквозь старую форму космического романа пытается пробиться какое-то новое, непривычное содержание.

<...>

На каждом историческом повороте заново ставятся «вечные проблемы». Так случилось и на сей раз. Но новый подход к проблемам диктует и новый стиль. Поле зрения писателя нарочито сужается, появляется подчеркнутая будничность, боязнь высоких фраз, внимание к «земному», к детали, мелочи, интерес к нравственным механизмам человеческого поведения. Пафос в подтексте и будничная, иронически окрашенная простота на поверхности — между ними, как между полюсами, возникает сюжетное напряжение. И само действие движется теперь не от приключения к приключению, а взрывчато, неожиданно, трагедийно — и именно в этих местах контакта внешнего с подспудным пафос, героизм прорывается на поверхность, оттесняя иронию.

<...>

Именно поэтому в центре их мира стоит «простой» человек — инженер Быков. И главное их внимание привлекают не сами приключения Быкова, а то, каким он в них становится. Стругацкие пытаются использовать форму приключенческого, космического романа для повествования о становлении человеческого характера.

Тем самым в их рассказ о будущем органически входят представления, размышления, порожденные современностью. Человек в фантастике Стругацких становится мостиком, переброшенным из настоящего в будущее; именно через него течет навстречу нам река времени.

Это обстоятельство мне хотелось бы подчеркнуть. Фантастика у Стругацких (и здесь, и позже) не превращается в аллегорическую литературу и в то же время не порывает с той действительностью, в которой мы реально существуем; не теряя своего особого интереса как литература о будущем, она приобретает общечеловеческий интерес как литература о настоящем.

<...>

Еще одно замечание о членении композиции. Теперь, мне кажется, можно уже утверждать, что оно выражает последовательные витки спирали авторской мысли. Это в высшей степени характерно для книг Стругацких. Многие писатели-фантасты мыслят «сюжетно», т. е. развитие сюжета со всеми его отступлениями, возвращениями и переплетениями соответствует развертыванию основного конфликта. У Стругацких сюжет, как правило, прост, почти прямолинеен. Они художественно мыслят целыми частями книги, кусками композиции, пытаясь заложить в каждый такой кусок единую «тему» (пользуясь музыкальным термином), один из тезисов своей мысли.

Таковы две темы и соответственно две части «Далекой Радуги» и «Попытки к бегству»: безмятежно-солнечная и трагедийно-страстная. Кроме тех мыслей, которые раскрываются развитием событий, само это композиционное строение несет дополнительную мысль, находящуюся на грани музыкального ощущения — мысль о скрытой сложности и противоречивости жизни.

<...>

Схема Дюма, которую Стругацкие использовали для первой книги, также сыграла свою роль. Она по инерции увлекала их мысль по своим колдобинам. Каюсь: я подозреваю, что Стругацкие не просто спародировали Дюма, но в чем-то всерьез поддались очарованию его схемы и соблазну ее неисчерпаемых возможностей продолжения. Тот искренний восторг, с которым они живописуют своих космических мушкетеров в следующих книгах серии («Путь на Амальтею», «Стажеры»), любуются их эффектными позами и фразами, выдает их юношескую влюбленность во внешний блеск мушкетерской романтики. Но кто знает — может быть, без этой зоркости влюбленного мы не имели бы тех великолепных, сочных деталей, тех живых мелочей и подробностей несуществующего быта, благодаря которым он становится почти реальным, а люди его — почти живыми? А ведь в этом — одна из сильнейших сторон таланта Стругацких.

Пока что, в первой книге, нет еще равновесия между мушкетерской стихией и современной мыслью. Да и мысль выражена смутно, обрывочно. Временами, как в первой части, Стругацким удается растворить ее в художественной плоти, в деталях быта, в оттенках человеческих отношений, временами же она срывается в прямую декламацию.

Налицо противоречие старой формы и нового содержания: романа о приключении и романа о борьбе идей и характеров.

<...>

Судьбы героев переплетаются, и мир, широко развернутый в пространстве, приобретает необходимую для жизненности глубину в своей хронологии.

Вот в этой любви к хронологии я ощущаю частицу затаенной любви к мушкетерам — с ними трудно расстаться. Вся эта хронологическая система — конструкция, несомненно, рационалистическая; а рождена она юношеской склонностью к романтическому эпосу и напоминает о романтической стране Александра Грина. У фантастов, подлинно рационалистических, мы такого хронологического единства не найдем: каждый роман Лема или Уэллса происходит в своем, отдельном времени и месте, необходимом для наилучшего решения данной проблемы. А у Стругацких тот поток времени, катящийся на человека, о котором мы говорили, приобретает вполне ощутимую достоверность; это не условный фон, а осуществленное, историческое время. Именно это и спасает их фантастику от превращения в иносказание, это и сообщает ей романтический пафос летописи будущих человеческих дел.

<...>

Интересно еще и другое. Если в первых главах читатель обживается в новом мире, сопутствуя странствиям вернувшегося на Землю Кондратьева, то позже эта линия обрывается. Кондратьев уходит в новый мир, растворяется в нем, становится одним из его людей, и авторы возвращаются к нему только в одном из рассказов-главок: уже как к одному из многих. Мы остаемся один на один с огромным миром, тоже растворяемся в нем, живем, и смотрим, и думаем.

<...>

Но этот «простой» мир будущего в то же время удивительно сложен. А глава о его сложности называется «Люди, люди...». Сложность будущего Стругацкие пытаются найти в сложности человеческой души, противоречивости стремлений и показать

через столкновения различных взглядов на жизнь. Рассказы этой главы — точно галерея портретов. Опять возникает знакомая расстановка: нетерпеливый героизм Сидорова — и мудрое бесстрашие Горбовского.

По сравнению с прежними рассказами герой Стругацких — человек будущего — показан здесь полнее, разностороннее, в самых разных своих делах. Но единый образ создать им не удается — они рассылают отдельные его черты по многочисленным персонажам, дробят и мельчат характер в своей мозаике, лишая себя возможности глубокого раскрытия характера в его развитии, в столкновении с какой-либо глубокой проблемой. Их обобщенный герой привлекает своей духовной щедростью и богатством; но обобщенное препятствует раскрытию сложности: ведь сложное скрывается в индивидуальном.

<...>

Стругацкие пока не видят сложности доброты и свободы, таящихся в них противоречий; их герои лишены выбора, так как перед ними нет сложных проблем. Развитие в их утопии существует, но оно превращается в самоцельное научно-техническое развитие, в повторение одинаковых, по существу, картинок.

Напрашивается мысль, что мозаичность формы искусно маскирует отсутствие единой, стержневой проблемы, а та восторженная приподнятость, с которой они любуются своими героями: «А какие замечательные, какие веселые ребята!», отвлекает внимание читателя от неприятного ощущения, что с мыслью у героев бедновато.

<...>

Для Стругацких очевидные недостатки «Возвращения» означали, что в их фантастике назрело новое противоречие. Новый стиль, новая форма были найдены; на очередь вставало более углубленное понимание, большая и новая содержательность.

<...>

Вот это ощущение «делаемой истории», в которой завтрашнее не предопределено, не задано неизменным, а зависит от наших действий и понимания сегодня — оно и отличает фантастический роман Стругацких от утопий и антиутопий, где оторванная от настоящего история становится, по существу, внеисторической.

<...>

Наверно, не нужно объяснять, почему хронологически «Стажеры» — это возвращение от « Возвращения»?

<...>

Но даже не современность звучания определяет, по-моему, ценность «Попытки к бегству», а прежде всего необыкновенная страстность чувств, тот накал страсти, против которого не устоишь. Такую силу ненависти сумели вложить Стругацкие в чудовищные видения Саулы, такое сбивающее нетерпение действия, что кажется, будто вся книга держится на едином дыхании, даже крике! А разве не в этом главное? Идеи могут быть известны, но только через увиденное глазами и ошеломившее до боли, они соединяются с чувством и становятся делом.

Меня смущает, признаюсь откровенно, одна мысль: когда фантастика так тесно привязывается к современности — это еще фантастика?

<...>

Игра в какой-то мере сказалась и на следующей книге Стругацких «Далекая Радуга». В литературном отношении это едва ли не лучшая их книга (в ней нет публицистических отмелей, как в «Трудно быть богом»), но увлекает она не столько новизной мысли, сколько романтической яркостью самих событий. Великолепно удался Стругацким и герой книги — Горбовский. Этот чуть насмешливый, иронический и в то же время внутренне лирический человек действительно соединяет в себе всё лучшее из наших представлений о человеке: скромность, простоту, душевное богатство и изящество, иронию и глубокий ум, улавливающий главное в потоке событий, благородство и чуткость к людям. И при всем этом «наборе черт» Горбовский не становится манекеном — это живой, привлекательный человек, чуточку ленивый, чуточку капризный, склонный к «трепу» и этакой «нирване». В Горбовском Стругацкие воплотили как бы свой идеал «интеллектуального» героя (не перестающего быть человеком дела).

Позже в «Трудно быть богом» в образе Руматы Эсторского они дают своего «эмоционального» героя (не перестающего размышлять). Расщепление героя — наверно, еще груз «мушкетерства», инерция образов Быкова и Жилина, каждый из которых по-своему хорош, по-своему дорог Стругацким. Но в то же время это расщепление выдает и какую-то нечеткость авторского замысла: интеллектуальным героям «Далекой Радуги» и «Хищных вещей века» приходится оставаться по преимуще-

ству наблюдателями событий, они размышляют «под занавес»; а нетерпеливый Румата оказывается в такой ситуации, где, несомненно, необходим более интеллектуальный герой. Психологически это несоответствие создает, конечно, добавочную остроту, напряженность, но глубина раскрытия происходящего от этого проигрывает.

<...>

Небезупречна в этом отношении и «Далекая Радуга». Если мотивы поступков Роберта и некоторых других героев повести вполне понятны, то о мотивах Ламондуа мы должны лишь догадываться; остальные люди Радуги проходят на фоне Волны как бледные тени. Поэтому первостепенный для Стругацких тезис о вере в человека звучит у Горбовского несколько декларативно, упрощенно, как наперед заданный.

<...>

К «Трудно быть богом» стягиваются все прежние линии размышлений Стругацких. Ранние раздумья о том, как служить Делу, как понимать «пользу дела»; споры об осмысленном и инстинктивном героизме; убежденность в важности воспитания в человеке нового человека; мысль о трудной и обязательной вере в людей; наконец, постепенные размышления о сложности пути в светлое будущее.

<...>

Мучительный поиск своего «как жить, как действовать?» и рассказ о том, как трудно быть человеком,— таково идейное и тематическое содержание книги. «Человек в истории» — так можно было бы определить ее главную тему.

<...>

Вопрос стоит шире, чем только о борьбе гуманизма с фашизмом; здесь ответ очевиден и весь накал книги, ее антифашистский, антимракобесный пафос совпадает здесь с чувствами, испытываемыми нами. Вопрос стоит о судьбах самого гуманизма. Даже в борьбе с бесчеловечностью нельзя терять человечности, переступать гуманизм, безразлично чем это оправдывается — требованиями момента или «базисной теорией»; любой, самый гуманный исторический эксперимент сам по себе настолько сложен и труден для человека, что нужно быть вдвойне зорким, вдвойне ощущать ответственность перед будущим — перед целью эксперимента. Эта ответственность в том, чтобы не потерять человека за историей (она без него — абстракция), чтобы человек оставался Человеком (или, если угодно, наоборот).

<...>

В самом деле, если сравнить хотя бы «Трудно быть богом» (а это, бесспорно, самая серьезная книга Стругацких) с романом Хэмингуэя «По ком звонит колокол», перекличка с которым в книге Стругацких очевидна, то станет ясно, настолько легковеснее, что ли, подходят Стругацкие к тем же проблемам. В чем же главная причина, порождающая это ощущение легковесности? На мой взгляд, она в том, что проблемы, к которым подошли фантасты, на голову переросли героев, которых они заставляют эти проблемы решать, равно как и художественные средства, с помощью которых это делается. В творчестве Стругацких, как мне кажется, вновь возникло противоречие, от преодоления которого зависит их дальнейшая эволюция,— противоречие глубокого — по замыслу, по наметке — содержания и поверхностной, эффектной, но не глубокой формы его раскрытия.

<...>

В «Хищных вещах века» предостережение: «не будьте беспечны к угрозе мещанства» — не звучит; потому, что сложный, не очень ясный еще процесс произвольно, без опоры на его внутренние механизмы, продолжен в недостоверность.

Бой? Но с чем? С изобретением? Или людьми? И как только читатель вслед за Жилиным задает себе этот вопрос, книга обрывается — опять на обещании. Ибо ответа не представляют себе ни герой, ни авторы.

<...>

Каков же итог? «Хищные вещи» остались; «век», история, человек в ней — потеряны, исчезли.

Эта неудача говорит о назревшей для Стругацких необходимости решительно отбросить изживший себя старый подход, старую форму, уже не способную вместить новое содержание.

<...>

Поиск новой, серьезной формы — трудное дело, особенно для Стругацких, которым так хочется быть веселыми. Даже та серьезность, к которой они принудили себя в двух последних книгах, оказалась для них слишком долгим испытанием и они «отвели душу», опубликовав — почти одновременно с «Хищными вещами века» — своеобразную «энциклопедию смеха», повесть «Понедельник начинается в субботу».

<...>

Однако в этом месте Стругацких подстерегла опасность. Настоящие люди, по нашим представлениям, должны занима-

ться настоящим делом. Но в гротесковом НИИЧАВО такое дело неизбежно будет выглядеть чем-то выпирающим из общей тональности. Поэтому Стругацкие придумывают для «положительных» героев воистину «трюковую» проблему А-Януса, который, якобы, пятится во времени навстречу своему предку и двойнику, У-Янусу. Проблема эта, не имеющая никакого логического развития, задумана как псевдо-серьезная, в духе НИИЧАВО, но это обедняет героев. Возникает странное ощущение, что Стругацкие не могут решиться на выбор и продолжают по инерции тянуть повествование — и оно действительно становится затянутым, повторяющимся, теряет оригинальность и свежесть.

Может быть, это — прощальный фейерверк любимым героям? «Игра на высшем интеллектуальном уровне», которого они достойны?

<...>

Газеты продолжают публиковать ответы писателей на анкеты. 22 марта «Пионерская правда» публикует ответы АНа.

АНС. ОБ УМНЫХ И ВЕСЕЛЫХ ЛЮДЯХ...

Какую книжку нужно прочитать всем?

Среди моих любимых книг я не могу назвать одну. С детства я любил и сейчас люблю и с наслаждением перечитываю такие произведения, как «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена, «Войну миров» и «Человека-невидимку» Г. Уэллса, «Аэлиту» и «Детство Никиты» А. Толстого, «Два капитана» В. Каверина, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля, «Школа» и «Голубая чашка» А. Гайдара.

В какую книжку вам хотелось бы переселиться?

Мне уже за сорок. И если бы мне предложили пожить и поработать вместе с героями книг, я бы выбрал героев романа И. Ефремова «Туманность Андромеды» и Д. Гранина «Иду на грозу». Это книжки об умных и веселых людях, выполняющих свою работу в трудных, даже трагических обстоятельствах. Мне и самому хотелось бы написать такую книжку.

Что вас привлекает больше — книга или телевизор?

Сейчас очень многих ребят увлекает телевизор. И часто они откладывают интересную книгу, чтобы смотреть очередную передачу. Меня телевизор совсем не увлекает. Книги — другое дело, без книг я просто не прожил бы и недели.

Как будут выглядеть книга и телевизор будущего?

Как будет выглядеть книга будущего? Очень надеюсь, что в ближайшем будущем книга останется такой же, как сейчас: может быть, более прочной, разумеется, на очень хорошей бумаге. Что же до отдаленного будущего, то сказать трудно. Возможно, это будут портативные устройства для чтения микрофильмов. Несомненно, целые библиотеки будут записываться на тончайшем мотке проволоки, а для чтения будут созданы специальные аппараты.

С телевизорами сложнее. Эта техника еще не устоялась, и меняться она будет, надо думать, очень сильно. Скорее всего, наши потомки будут пользоваться проекторами, вроде того, который так впечатляюще описан в повести А. Полещука «Звездный человек».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 22 МАРТА 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

1. Рад, что ты кончаешь возню со сценарием. У меня моя тоже идет к концу. Осталось на сегодняшний день около сорока страниц, на восемь дней работы.

2. Мне тоже «Межкнига» прислала запрос насчет фото и био. Только ничего я им не послал, а написал, что книга эта уже вышла и экзы уже на пути в Москву.

3. Рекламная статья в «Смене» — это неплохо. У нас здесь дела серьезнее. Риму и Мишке вернули их новую повесть из журнала «Мол. Гв.». Уже приняли, все рецензии отличные — в т. ч. Ю. Казакова,— но после постановления вернули без объяснений. Я написал в Секретариат СП СССР письмо с просьбой воздействовать на идиотов. Ничего, может быть, и не выйдет, но отмолчаться было невозможно.

4. Адрес Нуделя: г. Муром Владимирской обл. <...> Нудельману Рафаилу Ильичу.

5. Я собираюсь приехать числа пятого. Чего это Дмитревский фантазирует? Может быть, он перепутал, я ему говорил, что мы маму хотим в Комарово на вторую половину апреля.

6. Я с тобой согласен, что путь в настоящую литературу лежит только через реалистического героя через преодоление романтизма. Однако реалистический герой в утопической фантастике практически, видимо, невозможен. И размышлениями о секущихся в паху волосах здесь не отделаешься. Я думаю, ры-

царь-крестоносец, замыкающий промежность своей жены на время похода железными приспособлениями и гуляющий с мавританками, нашел бы нас с тобой очень романтическими героями под стать рыцарскому роману того времени. Так что в конкретном будущем изображать реалистического героя вряд ли возможно. Придется переходить полностью на обобщенную систему настоящее-будущее, а ля Лем, а это жаль. Лучше всего было бы брать современность. Нельзя ли попробовать ГЛ на современных людях? Ужо приеду, попробуем разработать. Либо соседствующее пространство, либо Остров. («Приезжают они, значит, на остров...»)

7. По поводу ЗПвГ. Действительно, примерно такое мнение у всех. Свихнулись, но — настоящая. Только Беле, как мы и ожидали, не понравилось. Сергей Жемайтис сказал мне: «Сволочи вы... Это же настоящая литература». Сейчас дам Римке Парнову. Я вообще теперь буду это всем давать, стесняться и бояться нечего. Пущай читают.

8. Новости скверные. Говорят, отменили насовсем постановку «Теркина в аду». Что-то поговаривают насчет того, что снимут Твардовского[1]. И многое еще говорят.

Пока всё. Тебе еще ответить на это письмо.

Целую, твой Арк.

Поцелуй Адку. Ленка тебя целует.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 26 МАРТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Сценарий я отдал два-три дня назад. Отдавая, намекнул, что переделки только ухудшают положение. Рохлин обещал позвонить через несколько дней, но пока вот не позвонил.

2. Звонил сегодня Нине Чечулиной. Она передает тебе привет. Сборник на сверке в типографии, в цензуре еще не был.

3. Странно, но я из письма «Межкниги» понял, что речь идет скорее о советском сборнике ДЛЯ Японии. Иначе трудно объяснить запоздалую реакцию этих деятелей. Впрочем, там, вероятно, тоже сидят бездельники и идиоты.

---

[1] За неделю до XXIII съезда КПСС был запрещен ряд спектаклей и выход нескольких книг. В том числе в театре Сатиры — «Теркин на том свете». Из списка кандидатов в делегаты съезда от московской партийной организации исчезла фамилия А. Твардовского, редактора «Нового мира».

4. При чем здесь обобщенная система настоящее-будущее? Нас вообще время не должно касаться. Писать надо по принципу: «Черт знает, где, и черт знает, когда». Еще точнее — по принципу: «везде и всегда». Именно так, как мы писали ЗПвГ. Именно так, как мы намерены писать ВНМ. В некие времена, в некоем царстве, некие люди... И писать о том, что по сути вечно. Надо решительно размежеваться с привычкой представлять все в повести соотносительно с реальной хронологией и космографией. Это то, на чем погорел Нудель-критик. Он создал свою систему хронологии Стругацких и попытался впихнуть в эту систему ХВВ, и у него, естественно, ничего не получилось, потому что ХВВ имеет ценность лишь постольку, поскольку относится к ЛЮБОЙ стране в ЛЮБОЙ временной точке будущего. Страны-символы, эпохи-символы, люди-символы — вот что надо на мой взгляд. Причем при всей этой символичности — полнейший реализм вплоть до секущихся волос. По сути — это всё старые наши представления о создании миров в литературе, только надо создавать их максимально реалистическими и минимально романистическими. В этом смысле совершенно неважно, где будут происходить ГЛ — на острове или в соседствующем пространстве. Идеально было бы — взять просто некую страну и героем сделать ее жителя-аборигена, но если уж хочется все еще следовать за Уэллсом, т. е. связывать всё это с ЗЕМЛЯНИНОМ, то не надо ломать голову над тем, как и куда он, собственно, попал. Попал и все. Мы сейчас в кризисе. Мы рвем последнюю пуповину (впрочем, может быть не последнюю, а одну из последних), связывающую нас с классической фантастикой. С классической в отличном смысле слова (Уэллс! Толстой! Чапек!), но тем не менее — с классической, традиционной, вылизанной уже до последнего конца, исчерпавшей себя и в наших работах, и в работах Лема. Я попробую уточнить свои мыслишки, хотя в голове у меня каша — я только чувствую некие возможности, некий новый прием, который позволит писать свободно, не думая о второстепенном, не отвлекаясь на ФАЛЬШИВЫЕ реалии. Это то, что меня мучило последнее время ужасно. Вот слушай. Классический метод состоит в том, чтобы задумать идею, создать мир, иллюстрирующий эту идею, и сунуть в этот мир человека нашего времени — наши глаза, нашу психику, наши знания. Это то, о чем с таким восторгом мы всегда говорили: обыкновенный человек в необыкновенных обстоятельствах. Пусть профессионалы-крити-

ки объясняют, почему этот метод оказался таким плодотворным и привлекательным для писателей и читателей. Но дело в том, что этот прием неизбежно тянет за собой романтизм, исключительность происходящего, отстраненность от мяса, кала и эрекции, которые и создают реализм. В фантастическом мире, который ПОДАЕТСЯ КАК ФАНТАСТИЧЕСКИЙ, все калы и эрекции выглядят искусственно, им нет там места, они не ложатся. Не может вести себя реально человек, которого занесло в нереальный мир. Он должен поражаться, а не совокупляться; стрелять, а не ковырять в носу; напряженно разгадывать загадки, а не чесать яйца в рассуждении, куда бы это угрохать уйму времени.

Сам метод столкновения реального человека с нереальным миром уже НЕСЕТ В СЕБЕ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ определенный романтизм, ареализм, необыкновенность поведения. И я теперь отлично понимаю, почему Уэллс перешел-таки от «О-ва д-ра Моро» к скучнейшему «Тоно-Бэнге» (а потом и «Бэлпингтону Блэпскому») — он хотел реализма и сначала попытался вносить крупномасштабную необычайность в мир, а потом, потерпев неудачу (а он должен был потерпеть неудачу: обычный человек в необычном мире — это еще было здорово, но уж необычайное обстоятельство в обычном мире — это состояние неустойчивого равновесия, и либо побеждает необычайность, как в «Войне миров», либо мир задавливает необычное, так что от него и следа не остается, как в «Тоно-Бэнге» или «Морской деве»), так вот — потерпев неудачу, вообще плюнул на элемент необычайного и перешел к «Бэлпингтону». Так что одно из двух: или мы будем пытаться совершенствовать старый метод (автор-герой в необычном мире) и тогда мы обречены на романтизм до конца дней своих (вспомни, как трудно и неловко было писать Румату и Жилина в те моменты, когда они отходили от своих прямых сюжетных обязанностей, как всё это получалось неестественно, как мучались мы, пытаясь создать для них бэк-граунд, и не могли, и это естественно: не может быть бэк-граунда у человека, который не может не поражаться все время, не драться все время, не разгадывать загадки все время). Либо мы хотим реализма и тогда должны следовать (если хотим остаться на позициях фантастики) методу ЗПвГ (или, если угодно — ДР, хотя в этом случае мы опять же обречены на романтизм: нельзя иначе писать о человеческом будущем, как в романтическом ключе). В ЗПвГ мы сделали неожиданно для

себя (для меня во всяком случае) большой шаг: мы рискнули отрешиться от времени и пространства и сразу получили огромный выигрыш — целый фантастический мир (несомненно фантастический), к которому герой принадлежит ОРГАНИЧЕСКИ, а следовательно не обязан непрерывно поражаться, шарахаться и натужно двигать сюжет. Не герой там двигает сюжет, разворачивая перед своими и читательскими глазами необычайный мир, а мир двигает героя, как своего реального члена, и сам разворачивается перед читателем в этом движении. При этом, правда, мы не сумели, конечно, полностью избавиться от старой отрыжки: Кандид у нас чужак, хотя и здорово вошедший в новый быт, ставший его частью, и Переца мы не рискнули сделать рядовым работником Управления, а приперли его откуда-то со стороны. Но подумай-ка: стала бы вещь хуже или тупее, если бы Кандида вовсе не было, а был бы вместо него Обида-Мученик; и если бы Перец был просто плохим, недисциплинированным работником Управления?

Не знаю, наверное, ты плохо меня понимаешь — я сумбурен. Но вот о чем я хочу сказать: я вижу новую для нас фантастику — миры, существующие нигде и никогда (везде и всегда), миры странные, чудовищные, великолепно приспособленные для иллюстрации наших идей (любых), населенные людьми, мучительно похожими на современных землян, но с сумасшедшинкой, с этакой необычаинкой каждый, и общества — вроде бы и знакомые и незнакомые, и все коллизии смотрятся не ИЗВНЕ (глазами пораженного и ослепленного земного героя), а ИЗНУТРИ — глазами своего в этом мире человека, со своими личными заботами и проблемами, с секущимися волосами (которые в таком аспекте будут выглядеть вполне естественно) и прочими столь сладостными для реалиста атрибутами. Мне кажется, ты должен почувствовать преимущества такого метода: мы ведь вкусили уже от наслаждения описывать странноватых, но очень обычных крестьян и сумасшедших, но вполне нормальных шоферов. Причем, пожалуйста — нужны тебе из цензурных соображений земляне-коммунары — ради бога! Пусть они присутствуют и действуют, но наблюдаются со стороны и вызывают целый букет чувств у героев. Это только подчеркнет их привлекательность. Вспомни, как хорош Саул в ПкБ! А представь-ка ПкБ, написанную с точки зрения Саула? Вот тощишша-то!

Резюмирую. Либо мы фантасты, либо мы реалисты. Если мы реалисты — давай садиться и писать «Бэллингтона Блэпского» на советском материале (это будет ужасно, но ничего другого у нас не получится, мы смотрим — как Уэллс — совершенно иными глазами на мир, чем Л. Толстой). Если же мы фантасты и не хотим при этом оставаться романтиками, путь у нас только один (т. е. я пока не вижу других): создание миров, похожих на наш мир, но чудовищно отличающихся от нашего в своей основе, и людей этих миров, и жизнь этих людей. МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВ и ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭТИХ ОБЩЕСТВ ГЛАЗАМИ ЧЛЕНОВ ЭТИХ ОБЩЕСТВ — вот наш метод. Мне чудится в нем гигантская потенция, хотя точно я знаю одно (только одно пока): этот метод даст всем нашим произведениям совершенно особенный привкус возникающих и тут же рассыпающихся ассоциаций, особенное насладительное мучение, словно пытаешься что-то вспомнить, а оно ускользает, тревога по этому поводу, лихорадочное возбуждение и ОЩУЩЕНИЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ, каковое ощущение всегда отнимал раньше герой повести, ведущий тебя по извилинам сюжета и служащий твоими глазами, не всегда хорошими и адекватными.

Подумай обо всем этом и попытайся понять всю глубину обуревающих меня чувств.

Жму, целую, твой [подпись]

P. S. Ленке приветик! Пусть приезжает на мой день рождения — выпьем! А жить можно будет у нас — Андрюшку мы, наверное, к этому времени уже сплавим.

P. P. S. Получил ли Гэйбора[1]? Я его давно выслал!

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 28 МАРТА 1966, М.— Л.

Дорогой Бобель!

Понял тебя прекрасно, потому что сам об этом думал и сам примерно до того же додумался. Заметь, что внешне это еще ближе к методу Кафки, Камю и Ионеско: у них ведь тоже время-пространство одновременно и фантастические, и вымышленные, и зверски реальные. В общем, я готов. Послезавтра заканчиваю и сдаю перевод, дня три передохну и числа второго-третьего выеду.

Гэйбора получил и отдал, спасибо.

---

[1] Упомянутая выше «Inventing the Future» Д. Габора (Гэйбора).

«Знание» выпустило четвертую книжку «НФ» — там Хойл, Обухова и очень дельный памфлет Шарова[1]. Я на всякий случай привезу, если ты не достал.

Еще дали мне прочитать отличную пьесу ленинградского инженера Щербакова «Второй подвиг Геракла». Очень здорово.

Пока всё. До встречи.

Поцелуй маму, позвони ей и скажи, что писать до приезда больше не буду. Рвусь в Ленинград страшно, никогда так не рвался.

Целую und жму

твой [подпись]

P. S. Поцелуй Адку. Ленке я обязательно скажу. Устроим день рож. на большой.

Напишем ВНМ на высоком уровне!

И опять братья съезжаются в Ленинграде. На этот раз — для написания ВНМ.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

4 апреля 1966

Сделали 6 стр.

Дочь — Артемида

Зять — Харон

Секретарь — Никострат

Сам — г. Аполлон (Феб)

Экономка — Гермиона

Наркоторг — Лаомедонт

Кошачья кошка — Персефона

Ст. полицейский — Пандарей

Золотарь — Минотавр

Трактирщик — Япет

5 апреля 1966

[Из дневника приездов: 5.03[2].66. «Второе нашествие марсиан».]

Сделали 6 стр.

Компания на площади:

1. Одноногий Полифем (ветеран).

2. Силен (рассудительный).

---

[1] НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 4.— М.: Знание, 1966. Среди опубликованного: Хойл Ф. Черное облако; Обухова Л. Лилит; Шаров А. После перезаписи.

[2] Март поставлен ошибочно.

3. Парал (пенсионер-критикан).
4. Морфей — юрист-пенсионер.
5. Калаид — врач.
6. Аптекарь Ахиллес.
7. Миртил — сосед.
8. Димант.

6 апреля 1966

Сделали 7 страниц.

7 апреля 1966

Сделали 6 стр.
Был в Ленфильме.

8 апреля 1966

Сделали 6 стр.

9 апреля 1966

Сделали 7 стр. (38)

10 апреля 1966

Сделали 6 стр. (44)

11 апреля 1966

Сделали 7 стр. (51)

12 апреля 1966

[дневник приездов: 12.04.66. Спешная буря ВНМ — 57 стр.]
Сделали 7 стр. (58)

13 апреля 1966

Сделали 7 стр. (65)

14 апреля 1966

Сделали 6 стр. (71)
Компания г. Никострата
1). Пьяные — петуха на веревочке через город. Потом его напоили.
2). Футбол, бейсбол.
3). У Морфея — интрижка с официанткой: по-отечески.
Украли 6 стульев

15 апреля 1966

Сделали 5 стр. (76) и ОКОНЧИЛИ.

16 апреля 1966

Не работали. Пьянствовали. Нехорошо это. Плохо.

17 апреля 1966

[дневник приездов: 17.04.66. ВНМ кончили 15.04. Завтра отъезд.]
Оттачивали образ Киры[1]. Отточили.

---

[1] В киносценарии ТББ.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 АПРЕЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

Опять остановка. Верченко отказался подписать в печать наш том. Сведения, переданные Алей через Ленку, были ложны. Видимо, он д о л ж е н был подписать, но тут на Жемайтиса обрушился новый удар, и рука Верченки дрогнула. В редакции чувствуется некоторая растерянность, были даже робкие предложения перенести наш том на девятый или восьмой, или десятый («пока всё уляжется»), но я этому решительно воспротивился. То есть я сказал, что сам пойду и буду говорить с Верченкой. Ну, а пока суть дела неясна, я все-таки решил сходить к Мелентьеву. Мы с Парновым позвонили к нему, и он попросил нас позвонить еще раз в начале будущей недели. Будем звонить в понедельник. Конечно, он может так откладывать и откладывать, чтобы отделаться от нас, это в его власти, но пока можно надеяться на лучшее.

Удар по Жемайтису был спровоцирован опять же бородатой сукой через того же «швили». Надо признать, энергичные господа, эти ретрограды. Я же, пук цветов подарив[1], решил, кроме всего прочего, пойти и побеседовать с Томаном. Может быть, он что-нибудь посоветует.

В Детгизе дела наши в полном ажуре. Завтра-послезавтра засяду за предисловие к томику Кларка и Азимова, «Возвращение», по-видимому, более или менее прочно в плане будущего года. Встретил К. Андреева. Много он болтал всякой ерунды, выразил мнение о том, что Совет по фантастике все-таки остается существовать в нынешних условиях и что нужно куда-то идти и с кем-то разговаривать, но куда и с кем — я не понял, да и не интересно было. Я-то на этот Совет давно уже положил ногу.

Вот пока всё. Пес у нас очень занятный.

Поцелуй маму и Адку.

Привет от Ленки. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 25 АПРЕЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Пережить новую задержку мне помогли только марки. Едва прочитав твое письмо, я немедленно схватил марки и стал перекладывать их из одного альбома в другой и перекладывал до тех пор, пока не успокоился. Правда, для этого понадобился целый день.

---

[1] Илья Михайлович Ошанин очень любил цитировать этот (неумелый чей-то) перевод из китайского: «Она к нему с упреками. Он же ей ПУК цветов подарив, так сказал...»— *БНС.*

1. Я полностью согласен с тобой: ни в коем случае нельзя переносить наш том. Я уверен, что задачей № 2 для бородатой суки является задерживать наш том как можно дольше, а там видно будет. Уверен, что она (сука) еще не потеряла надежд быть представленной в биб-ке.

2. К Мелентьеву тоже надо идти. Вообще пора переходить от защиты к нападению. Эту мысль я развивал Таньке Чеховской, и хотя она не согласилась с конкретными мерами (я ратовал за поход в ЦК ВЛКСМ с жалобой на халтурщиков и корыстолюбцев, мешающих работе писателей и издательства), но признала, что в обороне мы засиделись. Ты посуди сам: мы непрерывно защищаемся, мы только отбиваем удары, а как хорошо было бы напасть, даже не гнушаясь аналогичными средствами, но в более достойном тоне. Мелентьев примет вас, наверное, нескоро, обдумайте, как сделать, чтобы ваша встреча была нападением, а не защитой.

И напиши мне, пожалуйста, в чем конкретно выразился удар по Жемайтису (выговор в дело, или просто ругань на ковре, или еще что-то)? И как Жемайтис? Как его физическое здоровье и вообще?

У меня ничего нового нет. Никто пока не звонил, и новостей я ни от кого не получил: знающие люди не пришли в «Звезду» — были в Москве.

Да, был я у Смоляна. Старик сказал мне все как есть: вряд ли можно будет опубликовать в «Звезде» хоть какую-нибудь фантастику. Главред из фантастов признает только Лема, даже рассказы Варшавского последнее время отклоняет. А кроме того, живет на свете еще и человек по имени Жур. Правда, он несколько оживился, когда узнал, что ВНМ выглядит как памфлет. Словом, мы договорились, что в июле я дам ему повесть почитать, а там посмотрим. В Ленинграде можно будет попробовать еще «Неву». Я там, правда, никого не знаю, но редакция с удивительной регулярностью присылает мне поздравительные открытки на каждый праздник. Черт знает — вдруг.

В Москве можно будет попробовать «Знамя» и «Новый мир», ну и, в крайнем случае,— «З-С» и «Смена», которые нас рекламировали на этот год. Можно было бы попробовать еще и «Молодую Гвардию», но, наверное, вряд ли?

Вот пока и всё, жду с нетерпением и страхом информации,
твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Мама страдает от радикулита, вот сволочная болезнь. Ты ей все-таки пиши.

P. P. S. Да, вышел справочник СП. Я немедленно, узнав адрес, послал открытку В. Быкову: спасибо, мол, за отличную повесть[1].

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 29 АПРЕЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

Имею печальную привилегию первым сообщить тебе, что битву Казанцев выиграл. Ситуация такова. Существует некое закрытое постановление ЦК КПСС о фантастике, где мы осуждаемся, впрочем, без оргвыводов и с дальнейшим разрешением печататься. Подробностей еще не знаю. Дима Биленкин за опубликование письма бакинцев получил на вид. Верченко, в ответ на мое письмо с требованием принять меня для разговора, передал через Белу, что наш том вынужден отложить на потом, ибо сейчас не время «дразнить гусей», а примет меня после праздников. Впрочем, обещает все-таки том издать в этом году. Запасись, дорогая, терпением[2]. Мелентьев дважды откладывал встречу с нами, а сейчас, думаю, встречаться с ним уже не имеет смысла.

Что, собственно, надобно? Надобно прежде всего не терять присутствия духа. Можно перекладывать марки из одного альбома в другой, можно слегка выпить унд закусить, но совершенно необходимо придержать матку и прямую кишку на предмет невыпадения. Нас еще не расстреляли и вряд ли расстреляют. Самое страшное случилось, теперь все позади. Впереди же банальные неприятности и большие надежды.

Конкретно удар по Жемайтису выразился в ругани на ковре, физическое здоровье его опасений не внушает.

Еще один удар. Есть здесь слух, будто Лениздат отказался включить в план переиздание нашей трилогии: « Страну», «Амальтею» и «Стажеров». Узнай, так ли это. Заодно попробуй узнать, как с УнС.

---

[1] Повесть «Мертвым не больно» была опубликована в «Новом мире» (1966, № 1, 2, авторизованный перевод с белорусского М. Горбачева) и сразу же стала объектом нападок в печати.

[2] Строка из подборки «Рассыпанный жемчуг» (список самых разнообразных писательских ляпов, собранных по многим редакциям; ходил по рукам): «Я приеду и буду тебя целовать, / Запасись, дорогая, терпеньем...» — *БНС.*

Но это всё все-таки прошлое. Давай думать о будущем. Следует выработать какую-нито общую линию. Думаю, толкаться на штатную должность, как тихонько предложила Ленка, пока рановато. До конца года нам с тобой денег хватит, а это еще восемь месяцев. За восемь месяцев мы еще кое-что напишем, и притом доброжелателей у нас по издательствам отнюдь не убавилось. М<ежду> п<рочим>, Бела, вздыхая, несколько раз повторила, как бы здорово мы могли им помочь, если бы написали и дали бы им героическую повестушку. Об этом же вздыхает и Нина Беркова — она в пользу своего «Мира Приключений». Об этом же вздыхают и «З-С», и некоторые другие. Это надо, по-моему, тщательно продумать. Понимаешь, у кого угодно может быть безвыходное положение, но только не у нас с тобой. Деньги есть (у меня сейчас на книжке три косых, да еще жду аванса за Уиндема, что нам еще надо?), ВНМ — повесть, по-моему, не могущая вызвать протесты, а если что не так, то неужели чего-нибудь не напишем?

Я же, выю не сгибая, пытаюсь здесь кое-что предпринять в отношении ЗПвГ. Понимаешь, есть такая ведущая поэтесса, Адалис, она наша ярая поклонница и притом, как ни странно, подруга Лесючевского, директора «Совписа». Так я шестого мая с нею встречаюсь, передаю ей ЗПвГ, и пусть она идет туда. Я не рассчитываю, конечно, на издание, но очень хочется получить рецензии от крупных писателей, которые там внештатными рецензентами. Это будет интересно, ведь так? Ведь правильно?[1]

Что ты Быкову послал открытку — это славно. Молодец. Давай теперь посылать такие открытки всегда, когда нам что-нибудь понравится.

Ну вот. А теперь можешь браться за марки.

Целую, привет Адке,

твой АНС.

А маме я пишу. А как же? Но ты сейчас позвони ей и скажи, что я де целую.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 2 МАЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Ну, самую неприятную новость ты уже знаешь. Быстро, однако, слухи разносятся! Дело было так. Сидючи как-то с Вар-

[1] Слова фельетониста Гаргантюа из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 3, гл. 27.

шавским в писдоме и разговаривая за судьбы литературы, он заметил, что трилогия выброшена из плана Лениздата. Сердце мое облилось кровью, и на другой же день я позвонил Нине. Здрасте, здрасте. Как УнС? Все еще в цензуре. Правда ли, что упразднили трилогию? Да, я не хотела огорчать раньше, чем выяснится с УнС, но это правда. И что же — это окончательно? Да, это окончательно. А как с УнС, спрашиваю я робко. Думаю, что хана, отвечает Нина, горько вздыхая. Н-ну-с, мне оставалось только ждать ее звонка. И действительно, накануне праздников она позвонила и радостно сообщила, что УнС подписана в печать — сама видела и глазам своим не верит: без единого замечания. Мы договорились встретиться и поговорить подробнее после праздников. Вот что я имею сообщить о наших Лениздатовских делах. Почему выброшена трилогия и окончательно ли прошла УнС, я выясню завтра-послезавтра — надеюсь выяснить. Тогда же срочно отпишу.

2. В связи с возможным выходом УнС мне кажется надлежит принять кое-какие меры. Именно: по моей просьбе Брандис, горячо со всей затеей согласный, обещал попросить Бритикова написать быстренько рецензию на сборник. Так, ничего особенного — общий обзор первого ленинградского сборника фантастики, состоящего из оригинальных, ранее не печатавшихся произведений, и там — о новой повести (об отрывке из новой повести) бр. Стругацких: один абзац, но четко сформулированный, этакий ярлык защитного цвета, который навешивается для отпугивания вредных животных и для успокоения быков. Если Бритиков не откажется, то на тебя ложится малоприятная задача уговорить Биленкина втиснуть эту рецензию в «Комсомолку». Брандис предлагал «ЛитРоссию», но мне показалось, что «Комсомолка» лучше. Правда, я не знал тогда, что у Димки выговор. В общем, прощупай почву и дай знать.

3. Звонила Алла из Ленфильма. Наши переделки ей нравятся в общем, хотя она не считает, что это конец. Мы договорились, что она даст почитать Рохлину, а там видно будет. Вероятно, это будет принято как второй вариант и предложено вниманию широкого круга знатоков. Позвонит она мне числа 6–7 мая. Здесь в общем пока жить можно.

4. Относительно ЗПвГ у меня был разговор с Гором. Причем, он начал его сам, сказавши, что его редактор в ленинградском отделении СовПиса относится к нам хорошо. Короче, если мы подадим нашу вещь в ленотделение, он обещает поддержку

и довольно высокую вероятность выхода. Главное, сказал он, чтобы в художественном отношении было хорошо и понравилось редсовету, а все прочее не так важно. Есть предложение: дать туда ЗПвГ и ВНМ.

5. Видимо, после ВНМ придется писать веселую повесть, е. е. м. Да, приезжала Римма Казакова от журнала «Смена». Она будет тебе звонить. Я сказал ей буквально следующее: ВНМ мы хотели бы отдать в толстый журнал, но если не пройдет, то готовы отдать им. Она согласилась быть во втором эшелоне. По-моему, я правильно рассудил? Все равно они не возьмут, а отказывать не хотелось — больно славная девка.

6. Выпадение кишки у меня некоторое, конечно, есть. Я даже засел за перевод «Кругов огня» и уже порядочно перевел. Но что ж делать? Придется перезимовать. Авось полегчание наступит. Буду теперь думать над веселой повестью.

Вот так. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. А к Мелентьеву бы надо было сходить, а? Поговорить по корешам, верноподданность доказать, а?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 6 МАЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Все-таки до чего долго ты не отвечаешь! Я чуть не сдох от нетерпения. Ты уж пиши, пожалуй, в тот же день, как получаешь письмо, а?

1. Насчет УнС ты меня порадовал. Вообще-то я не верил, что там есть к чему придраться в Главлите, но общее настроение передалось мне, и теперь я облегчился душой. Относительно рецензии на сборник я с Биленкиным поговорю, да ты и сам тоже с ним поговоришь, поскольку к тому времени уже будешь здесь. Но мне как-то не кажется, что рецензия будет иметь хоть маленькое значение. Будут иметь значение новые бои. Вот так-то. Война с невидимками продолжается[1].

2. Теперь я тебя порадую. Позавчера состоялось отчетно-перевыборное собрание творческого объединения прозы Московского отделения Союза Писателей, и меня выдвинули кандидатом, а затем избрали членом этого бюро 252-мя голосами против 50-ти. Вот так. Прочувствовал? Если да, то продолжаю. Этому делу, как мне последовательно сообщили пять человек,

[1] Реминисценция заглавия романа Шпанова «Война невидимок».

предшествовали некоторые любопытные обстоятельства. Перед собранием (как всегда) состоялся партийный актив Московского отделения, на каковом активе партбюро Московского отделения предложило утвердить кандидатов, которых оно, бюро, выдвинуло внутри себя и согласовало где-то там. Список читали поименно, поименно спокойно утверждали, но, когда председательствующий произнес: «Стругацкий А.», вскочил Казанцев и завопил, что он решительно протестует. Он предложил вычеркнуть Стругацкого и вставить вместо него Лагина. Тогда вскочил Лагин и заявил, что действия Казанцева ему непонятны, что Стругацкий — хороший и ему самое место в бюро объединения. Казанцев: «Стругацкий скомпрометировал себя идеологически порочными книгами». Борщаговский (ни к кому в особенности не обращаясь): «Как это всегда интересно у нас получается: стоит выдвинуть в бюро талантливого человека, как находятся подонки, которые стараются этого человека упечь». Казанцев: «О Стругацких есть спец. постановление ЦК ВЛКСМ!» Кто-то: «Мы еще посмотрим, что это за постановление». Казанцев: «Стругацкий не будет работать в бюро, как он отказался работать в Совете по фантастике». Мальцев: «Вот это решающий аргумент. Раньше я, может быть, и колебался бы, но теперь буду решительно голосовать за Стругацкого». Казанцев продолжает шуметь. Его клюют со всех сторон. Наконец, кто-то из членов партбюро небрежно: «Вы напрасно кипятитесь, тов. Казанцев. Кандидатура Стругацкого внимательно рассмотрена и утверждена в самых высоких инстанциях». И Борода сник. Замолчал и сел. Сел и ушел, даже на собрании не стал присутствовать. Вот такие пироги. Усек? Ну, во время голосования немного я волновался, однако и здесь получилось сверх всяких ожиданий: больно много голосов было подано за нас. Ариадна во всяком случае говорит, что это было неожиданно, потому что в этой публике нас мало кто знает.

3. О нашей трилогии. Не огорчайся. СБТ выпустит Детгиз, а трилогию мы сможем пристроить хотя бы в «Советской России».

4. ЗПвГ благословляю нести в СовПис. Я как раз сегодня тоже иду к Адалис, которая подруга директора московского СовПиса, и отнесу ей свой экз. А там что бог даст.

5. Мы (Ариадна, Рим, Мишка и я) написали письмо Демичеву. Теперь ждем. К Мелентьеву ходить не надо и даже, говорят, вредно.

6. Веселая повесть необходима совершенно. И не только по тактическим соображениям. У меня была интересная встреча с

редакцией «Вопросов философии». Говорили много и разно, они все очень интересуются фантастикой у нас и за рубежом, я им это всё рассказывал, они и нас все любят и читают взахлеб. Я им рассказал тезисы ЗПвГ. И тут поднимается мальчик, юноша, он сын зам. редактора или зав. отдела, и говорит: «Вы все-таки нас забывать стали, Арк. Нат. Нет, вы не подумайте, все, что вы до того писали, это блеск и пр. Но вам не кажется, вернее, вы не боитесь разочаровать вашей этой новой повестью?» Признаться, мне стало не по себе. Я совершенно уверен, что ЗПвГ он прочел бы взахлеб и облизнулся бы, но, понимаешь, они просят старых героев, Быкова, Горбовского, Жилина, они их любят, и это видно невооруженным глазом. Я думаю, хватит испытывать их терпение. Надо им что-то дать. Давай думать.

Ну, все. Адке соответственно приветы и поцелуи.

Жму и прочее, твой Арк.

Известный в будущем как критик фантастики, выступающий под псевдонимом «Вл. Гаков» (а иногда делящий этот псевдоним с Владимиром Гопманом), а пока еще просто Михаил Ковальчук так вспоминал об одной из встреч АНа с редакцией журнала «Вопросы философии».

ИЗ: ГАКОВ ВЛ. [ОБ А. Н. СТРУГАЦКОМ]

Место и время: редакция журнала «Вопросы философии», 1965 год. Действующие лица: АНС — «брат Стругацкий», уже кумир поколения (после «Трудно быть богом» и «Понедельника...»), но пока не Живой Классик. Еще черноволосый и без усов. Московские философы — все больше молодые и начитанные. И я — ученик седьмого класса, запойный любитель фантастики, еще не «Вл. Гаков», но уже определенно фанат Стругацких. Насколько помню, на вопросы мэтру в той компании не решился (собрался, кажется, весь цвет философской мысли), больше слушал. Только в конце протолкался к АНС с просьбой подписать свеженький, доставшийся по блату молодогвардейский томик — «Хищные вещи века» в паре с «Попыткой к бегству».

Из всего услышанного в тот вечер больше всего запали в душу два высказывания Аркадия Натановича. Первое (в ответ на долгий спич одного из присутствующих интеллектуалов о прогнозировании будущего): «Да кто вам сказал, что мы прогнозиру-

ем будущее? Мы просто описываем мир, в котором сами хотели бы жить. И, соответственно, мир, в котором не пожелали бы жить ни за какие коврижки». И второе, имевшее (как я понял много позже) прямое отношение к первому (разговор крутился вокруг тех же «ХВВ»): «Мир без денег и материальных забот может стать утопией, а может — и антиутопией. Страшно, если материальное изобилие свалится в руки тем, кто ничего, кроме как зарабатывать и потреблять, просто хапать,— не умеет, не обучен. А с другой стороны, лично нам с братом претит перспектива, при которой люди навечно обречены только зарабатывать и потреблять. Но как совместить первое и второе — мы не знаем».

На дворе, повторяю, стоял 1965 год. Шлейф от хрущевской «оттепели» еще не успел окончательно растаять, и слово «коммунизм» пока не приобрело бранного оттенка. До подавления «пражской весны» оставалось целых три года. И сколько всего впереди.

За точность приведенных цитат не ручаюсь: прошло сорок лет, целая жизнь. Но суть этих двух высказываний помнил все эти годы, из коих четверть века протекла для меня в личном общении с Аркадием Натановичем. Мысль, не покидающая сорок лет и не утратившая актуальности, согласитесь, это что-то значит.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 8 МАЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. В Лениздате положение прежнее. Я разговаривал с Ниной, все оказалось точным: из плана 67 г. нас перенесли в план 68-го, а УнС подписана цензурой и теперь скоро уже пойдут чистые листы. Если ничего не случится дополнительно. Трудно сказать, что может случиться — по мнению Нины, УнС проскочила чудом, вероятно, из-за того, что новый цензор, который не в курсе дел в ф-ке. Кроме того, важно, что подписывал не главред в свое время, а его зам, человек любящий и понимающий ф-ку. По-видимому, все еще может пойти насмарку из-за постановления, если оно будет повсеместно рассылаться и приниматься к исполнению, но сама Нина считает, что остановка и выкидыш маловероятны. Хотя и возможны. А с трилогией было так. Сначала стало известно, что при обсуждении плана 67-го в обкоме, трилогия была выброшена под предлогом «они и так много печатаются». (Кстати, одновременно, но уже под другим предлогом из плана был выброшен Конецкий,

так что компания хорошая.) Предлог глупый, и скоро выяснилось, что, когда план возили в Москву в Комитет, там, увидев нашу фамилию, поморщились и сказали: «Знаете... эти Стругацкие... Стоит ли?.. Перенесите-ка их лучше на 68-й». Вот и перенесли. Я хотел пойти к начальству и устроить некоторую ругань: мол, из-за вас мы потерпели убыток, обманули другие издательства, отдали вам то, что намеревались публиковать в другом месте, а вы... Но Нина отсоветовала: бесполезно, а значит бессмысленно.

2. В связи с возможным выходом УнС я провел некоторую работу по подготовке рецензии. Здесь положение такое: все упирается в печатный плацдарм. В Ленинграде, в ближайшее время, по-видимому, никто о нас печатать никаких статей не будет — слухи о постановлении широко уже распространились, и хотя никто ничего толком не знает, человек, опубликовавший в «Смене» статейку Левы Куклина, получил некоторое порицание. О постановлении я рассказал под большим секретом только Брандмитревскому и Нине. От Бритикова это скрывается, ибо известно, что коль скоро он узнает об этом, никакой рецензии он писать не будет. Пока же он в принципе согласился. Я также попросил написать рецензию Урбана, но он сможет взяться за нее только числа 19–20-го, так как едет в Москву. В Москве он обещал понюхать обстановку и поискать плацдарм. В общем-то, все упирается в плацдарм. Как там у тебя?

3. Очень важно выяснить, в чем суть постановления и какова его форма. Дмитревский полагает, что тебе было бы очень хорошо сходить к Мелентьеву, уже хотя бы ради выяснения обстановки.

4. Ездил вчера на Ленфильм. Рохлин имел со мной очень полезную трехчасовую беседу, из коей воспоследовало, что надо еще только переделать сцену с Аратой, и второй вариант будет готов. Суть переделки состоит в том, чтобы показать зрителю, что Румата хочет помочь Арате, но знает, что это невозможно, бессмысленно и только поэтому отказывает. Я предложил вклинить в уже имеющуюся сцену сцену воображаемую, где Румата разговаривает с Аратой, как со зрителем из зала — объясняет ему по сути бессмысленность крестьянских восстаний. Рохлин в общем одобрил. Теперь я сначала попробую эту сцену написать сам (материал есть хотя бы в повести), а если не получится, привезу в Москву и сделаем. Это все не к спеху.

5. Совершенно неожиданно получил милейшее письмо от В. Быкова. Он, оказывается, нас знает, благодарит за сочув-

ствие, благодарит за «Понедельник», обнимает и жмет наши руки. Было чертовски приятно — что значит, все-таки, профессиональная солидарность!

6. Был в кафе «Молекула» при институте Высокомолекулярных Соединений. Там выступал историк Каждан с изумительным докладом об этическом содержании истории. Кстати, в ИВСе нас, оказывается, очень любят, и меня почти уговорили выступить там, хотя после Каждана любое выступление, по-моему, будет бледным. В ИВСе, между прочим, недавно проходила викторина на лучшее знание произведений Стругацких. Победитель получил приз — «ХВВ».

7. Продолжаю переводить Клемента. Слушай, давай в соавторстве переводить! Я буду заготовлять черновой перевод, а потом вместе будет садиться, как при обычной работе, и отрабатывать при твоем сугубом консультантстве. Все-таки деньги. Как у нас с деньгами на 67-й? По Ленинграду мы можем только рассчитывать на Ленфильм (если фильм будет сниматься). А в Москве? Выясни-ка шансы. Меня всё это беспокоит. Если бы мы сделали перевод Клемента и его бы приняли (а Брандис, например, еще не читая уже готов принять), то все-таки было бы подспорье.

8. Встречался тут с Мирером. Он мне очень понравился, показался честным парнем — ощущение в наше время от знакомого редкое. Проговорили с ним полдня с обоюдным удовольствием.

Жду ответа, жму ногу, твой [подпись]

P. S. Только что получил твое письмо. Отлично! Это маленькая победа, но я ничего не понимаю. Как это могло произойти. Обязательно нужно все-таки выяснить, что за постановление. И почему Казанцев на него ссылался?

А отвечаю с опозданием потому, что собираю информацию. Не то время нынче, чтобы просто так писульки писать.

Изложи подробно содержание письма к Демичеву.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 10 МАЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

Вчера в час ночи вернулся из двухдневной прогулки на байдарках, Манин затащил все-таки. Сейчас я корчусь, потому что обжег спину и плечи, и болит копчик. Но сплавали интересно: река Протва, от Борисова до Боровска.

1. Письмо получил твое. Ну что же, не хотят Лениздатовцы — не надо, перебьемся. На днях буду у Нины и переориентирую ее на выпуск СБТ пораньше. Кстати, с твоего разрешения я, если займусь этим делом, буду устраивать выпуск трилогий в другом издательстве, уже не обращая внимания на лениздатовские планы.

2. О плацдарме для статьи Бритикова пока еще ни с кем не говорил. Надо подождать. Сам приедешь, и поговорим. Дело в том, что о постановлении никому ничего не известно. Скорее всего, никакого постановления нет, а есть письмо этих двух, которое лежит в Отделе Культуры и не трогается с места. Конечно, это не значит, что оно так и не тронется, однако пока всё на мертвой точке. Никто ничего не знает. Ариадна прилагает титанические усилия, чтобы хоть что-нибудь выяснить — и все втуне. Ни до кого дозвониться невозможно. Нынче она начинает послепраздничный тур обзванивания.

3. Со сценарием дуй, как находишь нужным. Напишешь сам — хорошо, не напишешь — вместе сделаем.

4. Относительно перевода Клемента — ради бога. В соавторстве, так в соавторстве. Разленился ты, брат. А дать его Брандису — идея неплохая.

5. Ты спрашиваешь, почему Казанцев не ссылался на «постановление». Видимо, не так тут все просто. Понимаешь, болтать на редколлегии «Искателя» — это одно. А голословно (по-сути-то) трепаться на партактиве — это уже, понимаешь, совсем другое. Видимо, нет постановления, а есть письмо аппаратчиков, которому там не совсем верят. Вот так. А я сегодня, между прочим, иду на первое заседание бюро. А Борода пусть там как хочет.

6. Подробно излагать письмо к Демичеву не стану. Плохо помню. И не стоит на расстоянии. Приедешь — прочтешь сам. Копия есть у Ариадны. Главная идея — требование для нас защиты от некомпетентных администраторов.

7. Наши шансы на 67-й год пока неясны. Если удастся написать оптимистическую вещь — это одно. Если не удастся — немного похуже. И вообще пора съезжаться. На днях напишу, как у меня поедут на дачу. Или, скорее, позвоню. И тогда с богом ко мне. Добьем ВНМ, а там видно будет.

Целую, обнимаю, Арк.

На наш вопрос о прогулке на байдарках Юрий Манин ответил:

МАНИН Ю. ПОЯСНЕНИЯ

В молодости я каждый год сплавлялся с друзьями на байдарках. Время определялось разливом; места менялись; однажды мы даже сплавились в низовьях Волги, где разлив был до горизонта, с заходом в Каспийское море. Байдарка состояла из разборного скелета, на который натягивалась прорезиненная тяжелая оболочка; собирали ее на берегу, а оттуда тащили на плечах: два мешка, тридцать килограмм, плюс рюкзаки с палатками, едой, одежкой. Девочки тоже несли что могли.

Аркадий был сильнее нас всех, наверное; что уж он так Борису жаловался, кокетничал, наверное. По-моему, я его особо и не уговаривал, ему самому было любопытно.

Протва разлилась в тот год хорошо: мы плыли меж береговых кустов, от которых торчали только макушки.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 13 МАЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Получил неожиданно быстро твой ответ, очень доволен.

1. Была здесь у меня Танька Чеховская. Хорошо с ней поговорили. Из ее рассказов и из твоего письма создается определенное представление. А именно: никакого постановления нет. Есть слухи, которые очень умело распространяет Казанцев. Меня особенно убедил Танькин аргумент насчет Сапарина, который имеет быть великолепным барометром, а сейчас показывает в худшем случае что-то между «переменно» и «ясно». Но, в общем-то, очень нужна исчерпывающая информация, и именно поэтому было бы здорово, если бы вы сходили-таки к Мелентьеву и все выяснили.

2. Насчет УнС пока всё по-старому, никаких новых веяний нет. Но я целиком с тобой согласен: Лениздат надо наказать, устраивай переиздание трилогии где угодно в ущерб и поношение Лениздату.

3. Насчет перевода Клемента в соавторстве ты не понял. Я предлагаю это не потому, что ленюсь, а потому, что так будет лучше во всех отношениях. Кстати, мне тут подали хорошую мысль: в «Мире» запланирована уже какая-то вещь Клемента, нельзя ли как-нибудь пристроиться? Ты бы выяснил, а?

4. Насчет наших шансов на 67-й ты тоже не понял. Меня интересовали не шансы вообще, а возможные переиздания. Вот

ты что-то говорил насчет СБТ в Детгизе? Это так? А если так, то, может быть, еще что-нибудь где-нибудь? Отпиши.

5. Встретиться нам уже-таки пора. Только я хотел бы досидеть до 19-го мая, когда состоится обсуждение книги Бритикова. Хочу послушать, а возможно, и сказать что-нибудь.

Пока всё, жму все, что понадобится впредь, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 16 МАЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Имело место организационное заседание бюро т/о прозы. Избрали председателем Березко — говорят, хороший человек, ему семь заместителей по числу рабочих групп (критика, очерк, сатира и юмор, научно-художественная литература... фантастика). Заместителем по фантастике избрали меня. Теперь я, следовательно, представляю в Московском отделении СПП фантастику. Я спросил: как же это понимать, значит, Совета по фантастике теперь не существует? Мне сказали: нет, его мы распустить не можем, поскольку он не избран, а назначен Секретариатом. Я сказал: так они же меня съедят. Мне сказали: пусть попробуют, вы только давайте работайте, организуйтесь, и Совет сам сойдет на нет. Соответственно, мы здесь собираем девятнадцатого организационное собрание рабочей группы фантастики. Такие дела.

2. От Казанцева ничего не слышно, если не считать нового доноса относительно зарубежной фантастики в Б-ке мировой фантастики. Уже опять мылили холку издательству. Но вряд ли Казанцев на этом успокоится. Он где-то за кулисами готовит новую пакость. Видишь, брат, дали мы им новый смысл жизни.

3. В ЦК мы пойдем обязательно, только не к Мелентьеву, а повыше. Там сейчас некоторая реорганизация, подробностей я не знаю, и мы с Ариадной были у Борщаговского (хороший мужик, должен тебе сказать!), и он посоветовал нам очень простую штуку: пойти в Секретариат и позвонить по вертушке прямо Демичеву или зав. отделом культуры, чтобы попросить нас принять. Это понадежнее, чем письма.

4. Наши старики уезжают послезавтра. А мы с нетерпением ждем тебя двадцатого, самое позднее — двадцать первого. Но постарайся все-таки двадцатого.

5. О переизданиях. У нас в 67-м выйдет «Возвращение» и, возможно, «СБТ» в Детгизе. Относительно трилогии надо думать.

Вот пока всё. Целую, жму. Привет Адке.

ПС: Приезжайте вместе с Адкой, а?

Твой Арк.

В архиве АБС сохранился протокол первого заседания рабочей группы под предводительством АНа.

ИЗ АРХИВА. ПРОТОКОЛ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

ПРОТОКОЛ № 1 от 19/V–66 г.

рабочей группы фантастики творческого объединения прозы МОСП

Присутствовало: 29 человек.

ПОВЕСТКА ДНЯ

I. Сообщение А. Н. Стругацкого о создании рабочей группы по фантастике творческого объединения прозы МОСП.

II. Выборы бюро рабочей группы.

III. Разное.

I. СЛУШАЛИ:

Сообщение А. Стругацкого о создании рабочей группы фантастики в творческом объединении прозы МОСП, подобной рабочим группам общей прозы, сатиры, очерка, критики. Цель рабочей группы — объединить в одной организации писателей членов СП и нечленов Союза, издательских работников и представителей прессы, работающих в фантастике или серьезно занимающихся ею.

Создание подобной рабочей группы даст возможность работать всем в контакте, вести борьбу против безыдейности и халтуры, а также вести творческую работу и оказывать взаимопомощь.

Сейчас трудно назвать точную цифру людей, работающих в фантастике. По предварительным и ориентировочным подсчетам можно назвать 35–36 человек, уже прочно вошедших в этот жанр и еще человек 20, уже написавших по одному-двум произведениям и выражающих желание продолжать работу. Сейчас здесь присутствуют в основном все те, кто составляет главную творческую группу: писатели, критики, переводчики и издательские работники. Сегодня первое организационное собрание рабочей группы. Для дальнейшей работы нам необхо-

димо выбрать бюро, чтобы оно смогло упорядочить работу, как творческую, так и организационную. Наиболее целесообразно выбрать в это бюро представителей от всех «категорий» людей, занимающихся фантастикой — тогда это бюро будет гибким и оперативным.

Основная работа бюро должна быть творческая, с писателями, с рукописями и книгами. 1) Проводить обсуждения, как рукописей, так и уже вышедших книг; 2) Держать самый тесный контакт с другими группами Московской писательской организации, прежде всего с обычной прозой и критиками.

3) Выступать против некомпетентных критических выступлений.

4) Принимать самое деятельное участие в рекомендации в члены СП таких писателей-фантастов, имена которых широко известны как советскому, так и зарубежному читателю. Как примеры можно привести писателей С. Гансовского, Г. Голубева, А. Днепрова, М. Емцева, Е. Парнова, А. Полещука, В. Сапарина, выпустивших уже много книг и до сих пор не принятых в члены Союза.

Для наиболее оперативной работы состав бюро должен быть не менее 9–11 человек.

II. Выборы бюро рабочей группы.

Предложены следующие кандидатуры от членов СП:

1) И. А. Ефремов
2) А. Н. Стругацкий
3) К. К. Андреев
4) А. Г. Громова
5) Г. И. Гуревич
6) С. Т. Жемайтис
7) Ю. Кагарлицкий

От писателей не членов СП:

1) Е. И. Парнов
2) А. П. Полещук

От издательских работников и прессы:

1) Д. Биленкин
2) Б. Клюева
3) А. Девис
4) Н. Беркова

Ал. Полещук просит вывести его из списка, т. к. он не сможет работать в связи с занятостью. (Самоотвод принят единогласно.)

К. К. Андреев просит вывести его из списка, т. к. он вряд ли сможет работать в связи с занятостью и плохим самочувствием.

Проводят голосование: За самоотвод — 8 человек, против — 21 человек. К. К. Андреев остается в списке.

Стругацкий предлагает увеличить бюро до 12 человек и голосовать списком. (Принято единогласно.)

ПОСТАНОВИЛИ:

В состав бюро рабочей группы считать избранными 12 человек:

1) И. Ефремов
2) А. Стругацкий
3) К. Андреев
4) А. Громова
5) Г. Гуревич
6) С. Жемайтис
7) Ю. Кагарлицкий
8) Е. Парнов
9) Д. Биленкин
10) Б. Клюева
11) А. Девис
12) Н. Беркова.

III. Разное.

СЛУШАЛИ:

1. К. Андреев предлагает тем членам СП, кто выбран в бюро рабочей группы, выйти из совета по фантастике и приключениям, подав заявления в письменном виде.

2. Стругацкий — предлагает поручить бюро разработать план работы, наметить ближайшие мероприятия и представить план на обсуждение группы. В частности, необходимо расширить связи с радио, телевидением.

3. М. Емцев — предлагает бюро включить в план работы теоретические вопросы, как, например, философия фантастики, критика фантастики и т. д.

4. В. Ревич — предлагает добиться демонстрации членам рабочей группы научно-фантастических фильмов.

5. Р. Фесенко — предлагает включить в план работу с переводчиками, чтобы добиться квалифицированных переводов книг по фантастике.

6. Андреев — предлагает основное внимание уделить трем вопросам: 1) теории; 2) обсуждению рукописей и книг; 3) об-

мену мнениями; а) надо провести собрание молодых критиков; б) чрезвычайно важен семинар молодых фантастов; в) организовать, связавшись с иностранной комиссией СП, симпозиум по фантастике, пригласив Брэдбери, Лема, Абэ Кобо и др. Также в первую очередь надо обсудить рекомендацию писателей для вступления в члены СП.

7. Стругацкий предлагает подготовить бюро к следующему совещанию обсуждение рекомендаций в члены СП С. Гансовского, М. Емцева, Е. Парнова, А. Полещука и А. Днепрова. Обсудить план работы на год. Кроме того, он просит, чтобы обсудили книгу А. Стругацкого, Б. Стругацкого «Хищные вещи века» с привлечением критиков и прозаиков.

8. Андреев К.— предлагает обсудить 5 книг, вышедших в «Библиотеке современной фантастики» в издательстве «Молодая гвардия».

9. Громова А.— предлагает обсудить последнюю книгу А. Казанцева «Льды возвращаются».

10. Стругацкий А.— сообщает собранию о беседе в ЦК КПСС, на которой присутствовали он, А. Громова и Е. Парнов, и сообщает, что существующая информация о якобы изданном ЦК КПСС постановлении о фантастике, неверна, никакого постановления нет, а подобная информация является только необоснованными слухами, которые не должны иметь места, т. к. они мешают нормальной творческой работе.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять информацию А. Стругацкого к сведению и поручить бюро разработать план с учетом всех высказанных предложений.

Председатель А. Стругацкий

Секретарь Н. Беркова

В то же время в прессе продолжают появляться новые статьи о фантастике.

В № 5 и 6 журнала «Детская литература» выходят две статьи Ариадны Громовой, где изложены основные постулаты фантастики (с точки зрения писательницы), зачастую иллюстрируемые произведениями АБС.

25 мая в газете «Известия» выходит статья философа Юрия Францева, который упрекает АБС в противоречии основам исторического материализма.

ИЗ: ФРАНЦЕВ Ю. КОМПАС ФАНТАСТИКИ

<...>

В этой связи остановимся на одном творческом приеме совмещения разных социальных закономерностей, которым довольно часто пользуются современные фантасты. Он напоминает прием Марка Твена, создавшего «Янки при дворе короля Артура», произведение, где в острой коллизии сталкиваются настоящее и прошлое. Современный человек, или, вернее, земной человек будущего, встречает на другой планете измененное фантазией автора земное прошлое. Как же выглядит это столкновение прошлого и будущего, например, в повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом»? Люди по поручению одного земного института оказываются на отдаленной планете и застают здесь (схематически нарисованные) очертания средневековья, феодального общества. Вместе с тем, в рамки этого феодального общества втиснуты фашисты, штурмовики, лагеря смерти и т. д. Но известно, что для своего времени феодализм был прогрессивной ступенью развития общества. Фашизм же — раковая опухоль на теле современного загнивающего капитализма в его последней, империалистической стадии.

Правомерно ли такое слияние различных по социальной, классовой сущности эпох, убеждает ли картина феодального деспотизма, перерастающего в фашистскую диктатуру, как пишут критики об этом романе? Конечно, вполне возможно предположить, что где-то, на какой-то планете существует феодализм, резко отличающийся от земного. Но можно ли создать картину своеобразного феодального общества с помощью черт, перенесенных из совершенно другой эпохи и присущих только этой эпохе? Фашизм был в известном смысле возвращением к средневековому варварству, но феодализм в истории не был и не мог быть провозвестником фашизма. Страдает и наше понимание феодализма, и наше понимание фашизма. При такой социологической или философско-исторической концепции от фашизма остаются штурмовики, но исчезают породившие фашизм капиталистические монополии. Фашизм становится какой-то извечной, «космической» категорией. К чему это? А картина самого феодализма очень напоминает взгляды просветителей XVIII века, рисовавших средневековье как царство беспросветного мрака. Как же тогда обстоит дело с законом прогрессивного развития общества? Может быть, этот закон отменяется? Ведь в своеобразном феодальном обществе, как оно нарисовано в

повести, зарождающаяся буржуазия уже заклеймена печатью вырождения, в этом обществе не видно могучих и здоровых сил, которые могли бы вести его вперед.

Суть подобных романов, по-видимому, заключается в том, чтобы показать столкновения современного человека с уродливым прошлым, пересечение разных исторических судеб. В повести «Трудно быть богом» эта мысль подчеркнута в названии земной организации, которая командировала своих представителей в прошлое,— Институт экспериментальной истории. Но повесть опровергает, а не подтверждает возможность вмешательства в ход истории, ускорения исторического процесса и изменения его характера. Это было бы верно, если бы речь шла о человеческом произволе, о насилии над историей, о волюнтаризме. Но ведь научная социология утверждает возможность человека, вернее, социальных классов, влиять на ход истории, если они действуют в том направлении, в каком объективно развивается данное общество. Научная социология утверждает, что именно так народные массы творят историю, что от их деятельности зависят темп и в значительной мере характер развития общества, определяемый объективными закономерностями исторического процесса. От деятельности народных масс зависит, чтобы возобладала прогрессивная тенденция развития. Именно такая социологическая концепция дает широкую возможность художнику поставить ряд больших вопросов и по-своему, в художественной форме, наметить их решение. Но в повести этого, к сожалению, не случилось. Научная социология выступает и против волюнтаризма, и против исторического фатализма. Ее положения досказаны жизнью, например, тем, что целые народности на данном этапе перешли от родового строя, лука и стрел, шаманства к социалистическим формам общежития.

<...>

Но за последнее время появились романы советских писателей, посвященные будущему, лишенному четких социальных очертаний, например, капиталистическому обществу, в котором совсем нет классовой борьбы, не видно его социальной основы. В повести братьев Стругацких «Хищные вещи века» подчеркивается изощренно высокий материально-технический уровень жизни будущего общества, изобилие, в которое по горло погружены люди. В ней ставится ряд проблем — о судьбе сознания и характера человека, об изменении этических взглядов и

психологических установок человека в этих новых условиях. Но что можно сказать об этих изменениях, если в повести отсутствует первооснова всех социальных изменений? Как может художник писать о жизни общества и ни одним штрихом не выдать ее социальной сущности?

На Западе появились сейчас мастера художественной фантастики, которые довольно откровенно заявляют, что им нет никакого дела до данных науки (и естествознания, и научной социологии), что их творчество — вольная игра воображения. Но в таком случае надо ли придумывать этому творчеству новое название — «социальная фантастика»? Не вернее ли сохранить за ним старое и более откровенное название — сюрреализм. Наличие в подобных химерических повествованиях каких-то мимоходом оброненных слов о «гравитационном поле» или о «фотонах» едва ли меняет дело по существу. Такие произведения имеют весьма отдаленное отношение к социальному фантастическому роману о силе человеческой мысли и дела...

<...>

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 7 ИЮНЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Звонил Нине Чечулиной. У нее все по-прежнему. Идут чистые листы[1], УнС уже прибыла. Конец чистым листам ожидается дней через десять. Начальственная реакция на Францева выразилась только в том, что Нине на стол была положена газета — к сведению. Пока больше ничего. Приходил Бритиков, забрал уже имеющиеся чистые листы и сел писать рецензию.

2. Был в «Звезде», общался со Смоляном и Урбаном. Передал Смоляну черновик ВНМ. Он намерен увезти его с собой в отпуск и почитать на воле. Мнение его, таким образом, станет известно в начале июля. К статье Францева относится пренебрежительно. Когда я ему сказал, что такие штуки мешают работать, он с некоторым даже удивлением ответствовал, что тут беспокоиться не о чем: во-первых, это философ, а во-вторых, статья же очень вежливая и корректная. Урбан никакой рецен-

---

[1] На этапе «чистых листов» отпечатанные типографией листы будущей книги вручную брошюровались и передавались в издательство для контроля. Тогда же цензурный орган выдавал свое окончательное решение по изданию книги.

зии еще не написал, так как запарывается со своим сборником Асеева, намерен приняться за нас в середине июня. Статья его о ХВВ лежит в «ВечЛрде» у начальства и до сих пор еще не отвергнута!

3. Был в Ленфильме. Отдал сценарий. Поговорил с Аллой. У них также все спокойно. Вообще такого рода вещи, оказывается, в кино действуют только в тот период, когда сценарий находится в Госкомитете. В остальное же время на них не обращают внимания. Алла сказала, что пора искать режиссера. Насколько я понял, на Ленфильме желающих пока нет — не хотят связываться с сомнительной картиной. Алла рассказала еще, что была недавно в Таллине на фестивале джазовых ансамблей. Так там среди прочих джазовых пьес были исполнены две под названиями: «Хищные вещи века» и «Понедельник начинается в субботу». Очень зажигательные штучки.

4. Словом, подводя итоги: статья Францева в Ленинграде особого волнения пока отнюдь не вызвала. Относятся к ней спокойно и рассматривают в общем как несколько затянувшуюся рекламу и без того хорошо известных произведений. Можно ожидать, что если в «Коммунисте» ничего не появится, Ленинград статьи Францева не заметит. Уповая на это, я везде говорю, что всё это — происки гражданина Тюрина и его банды.

5. Мама болеет плевритом. Сейчас ей получше, но все еще сильно кашляет. Очень обрадовалась твоему приезду, ждет.

6. Илье тоже стало лучше, температура спала, ночные дежурства около него отменены. Скоро к нему начнут пускать посетителей.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет и поцелуи.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 10 ИЮНЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

С большим удовольствием прочитал твое письмо. Значит, надо так понимать, что сигнал с УнС будет числа двадцатого, что никого в Л-де возня вокруг Стругацких не волнует, что вообще дела пока ничеГё. Ладно, так и запишем.

1. Восьмого состоялся секретариат, среди прочих вопросов заслушивался отчет Сытина о работе Совета по п. и н-ф л-ре. Секретариат вел Михалков, присутствовали все чины Московской писательской организации, как писательские, так и пар-

тийные. Кроме того были приглашены Платов, Томан, Андреев, Казанцев и я. Казанцев не явился. Секретариат заслушал сообщение Сытина и его уверения, что благодаря Совету расцвела советская фантастика в л-ре и кино, предложил высказаться нам, приглашенным, а также членам партбюро моск. организации, а также выступили Кассиль и Смеляков. И все опускали большой палец вниз. Совет ликвидирован, признаны самостоятельные организации фантастов в т/о прозы и приключенцев — в т/о детской л-ры, секретариат признал несомненную выдающуюся роль Совета в прошлом, не увидел его пользы в будущем, выразил благодарность всем членам Совета и лично тов. Сытину и навсегда закрыл, распустил этот «никому не нужный департамент» (как выразился Смеляков).

2. Ариадна в Переделкине заболела, подозревают инфаркт. Черт знает что делается.

3. Больше никаких новостей не было. Вчера мы с Манины-ми были у Громовых, Миша Громов читал предисловие к «Улиткам», очень здорово, очень интересная интерпретация. Предисловие он вот-вот отработает окончательно, тогда перепечатает и отдаст нам. Манин тоже выклянчил экземплярчик. Кстати, я ему дал экз. ВНМ, так он на нем у Громовых сидел, уносил с собой в сортир и не выпустил из рук ни на секунду.

4. Дал читать ВНМ Ревичу, Нине Берковой, Подольному в «Знание — сила» — там народ доброжелательный, хорошие ребята, я давно им обещал дать почитать и дать убедиться, что это не для их журнала, а то не верят и обижаются. Потом дам еще Биленкину и Адалис. Кстати, какой экз. прислать тебе? Впрочем, я пришлю тебе оригинал, и дело с концом. Жди.

Вот пока всё.

Целуй маму и Адку.

Твой АНС.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 16 ИЮНЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

У меня произошла маленькая неприятность. Вынул я сегодня из ящика почту, принес домой и, видимо, нечаянно уронил твою открытку. Ахнуть не успел, как кобель сожрал ее верхнюю часть и изжевал нижнюю. Разобрал я только, что кто-то обещает кому-то (как?) за что-то деньги в 20-х числах, что Илье стало лучше (очень этому рад, передай всяческие приветы) и что ты

спрашиваешь, как вообще дела и как Наташка сдала экзамены. Ну, вообще дела ничего особенного, сейчас дерусь за Уиндема (сука-философ написал рецензию на «Триффидов», представляешь?), статью медленно, но пишут, в «Коммунисте» все чисто, никакой статьи нет (сведения от Рима), экзамены Наташка сдала на четверки. Вчера отправил своих в Гагру. Хотел прямо ехать в Л-д, но мне еще кое-что нужно поделать в Союзе пис. (провести еще одно собрание рабочей группы), так что буду у вас числа 25-го и до пупковой грыжи.

Перечитал «Юность Генриха IV» Манна. Сила! Вот как писать бы.

Привет Адке, поцелуй маму.

Жму, целую, твой Арк.

Да! Совсем забыл. ВНМ читали Ревичи и Манин, а также Миша Громов. Ревичам и Манину не понравилось. Громов же говорит, что отличная повесть. А???

«Ахнуть не успел, как кобель сожрал...» — пишет АН. О собаке вспоминает БН:

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 27.04.99

У АН в семье некоторое время жил большой белый неимоверно глупый (но добрый!) пудель по кличке Лель. В чью честь он был так назван, я не знаю, но Лель из «Отеля» — его ближайший родственник и в какой-то степени — портрет.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 20 ИЮНЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Случай с вашим кобелем и моей открыткой событие не только поучительное, но и довольно редкое. Я вспоминаю только один аналогичный случай, имевший место в начале 50-х годов, когда брудастая с усами сука[1] Бори Громова сожрала упавшего на пол короля червей, из-за чего я и остался на шести без двух.

Твой кобель сожрал, насколько я понимаю, единственный факт, содержавшийся в той открытке. Именно, что я неделю назад был вызван в Лениздат и подписал там договор на УнС. Деньги за это обещали дать в двадцатых числах. На руки, говорят, не дадут, а перешлют на книжки.

---

[1] Цитата из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души», т. 1, гл. 4.

Звонили из Ленфильма, сказали, что в написанном нами тексте производят с нашего согласия такие-то (прочитано по телефону) изменения, после чего обещали размножить сценарий и отдать его читать в главную редакцию. Обещали информировать со временем.

Илье по-прежнему лучше, мне даже разрешили его посетить, но я не посетил пока, потому что страдаю фурункулом на спине и сижу дома, голый по пояс.

По поводу философа, написавшего рецензию на «Триффидов», я могу сказать только одно: мы будем не мы, если не введем философа в качестве важной фигуры в МПС.

Приезжала Танька[1], привезла рукопись ВНМ и заодно помылась в душе. Мы с ней довольно долго спорили, и, кажется, мне удалось убедить ее, что в повести есть новые мысли, однако она осталась при убеждении, что повесть скучна, ибо абстрактна. Потом я перечитал повесть. Это не Бальзак, но скучным такое чтение я бы не назвал. Правда, меня огорчил отрицательный отзыв Манина, но, с другой стороны, Громов? Не знаю, не знаю.

Очень хорошо, что в «Коммунисте» чисто (если это, конечно, правда). Может быть, им все-таки надоело, наконец. Мишка Хейфец читал мне по телефону нежное послание свое академику Францеву. Если академик его прочтет, то получит массу впечатлений. Кстати, Мишка сказал, что, по имеющимся у него сведениям, Францев — то ли глава Высшей Партшколы, то ли президент Академии Общественных наук (там произошли сейчас какие-то перемещения и поэтому сведения столь неопределенны), во всяком случае, это — холеный, элегантный барин, босс, геноссе и генацвале, в три дня не обгадишь[2]. Статью он писал, конечно, не сам — у него для этого секретариат есть.

Занимаюсь главным образом переводом, а также езжу в Пулково собирать схемы. Вот и сегодня поеду. Жара стоит — размягчение мозгов.

Ну вот пока и всё, жду, жму все что положено, твой [подпись]

P. S. Переписал бы у Манина Высоцкого, а? Для меня, а? На скорости 9, а?

---

[1] Здесь и далее — Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор, супруга Ревича.

[2] Ср.: «Сидит сатана, морду в три дня не обгадишь, Троекуров...». А. Н. Толстой, «Петр Первый», кн. 1, гл. 5, главк. 10.

Вскоре АН опять выезжает в Ленинград — для переработки «Возвращения».

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

22.06.66. Прибыл делать «В».

23.06.66. Дошли до СД. Есть идея написать пьесу. Ездили в бухгалтерию.

25.06.66.

26.06.66. «Возвращение». Обсуждается новый рассказ для 1-й главы.

29.06.66. Позавчера закончен «В». Пытался написать для ЛГ статью.

30.06.66. Написал статью для ЛГ. Сигнал УНС.

1.07.66. Ничего не делали. Смотрели «Ордена для вундеров»[1], трепались.

2.07.66. Уезжаю. Поезд 13. отпр. 16.53.

5 июля состоялось заседание редсовета по сценарию ТББ.

ИЗ АРХИВА. РЕДАКЦИОННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО 2-МУ ВАРИАНТУ СЦЕНАРИЯ ТББ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
сценарно-редакционной коллегии 3-го творческого объединения по 2-му варианту литературного сценария А. и Б. СТРУГАЦКИХ «Трудно быть богом».

Обсудив 2-й вариант сценария «Трудно быть богом», сценарно-редакционная коллегия 3-го творческого объединения отмечает, что сравнительно с 1-м вариантом авторами проделана значительная работа, которая в основном сказалась по линии развития приключенческого сюжета.

Вместе с тем сценарно-редакционная коллегия считает, что в целом сценарий еще не может считаться завершенным.

По-видимому, стремление совместить концепцию романа с задачей приключенческого фильма встречает серьезные трудности. Попытка такого совмещения приводит пока лишь к тому, что мрачность предлагаемой обстановки не компенсируется и

[1] Западно-германск. фильм 1963 г. «Ордена для вундеркиндов» «Orden für die Wunderkinder», реж. Р. Эрлер.

не преодолевается содержанием и силой нравственной темы. Напротив, она, т. е. мрачность, лишь сгущается от того, что сценарий, удерживая результативный вывод романа, не удерживает и не может удержать его многостороннее логическое объяснение. От этого и самый вывод теряет свою убедительность и ставит под сомнение нравственную основу вещи. Оказывается, что сценарий не просто уступает роману в полноте смысла, но, пытаясь сохранить его в сокращенном и адаптированном виде, так сказать, меняет его алгебраический знак. Если роман адресуется к сознанию долга и утверждает подвиг самодисциплины во имя далекой и большой цели, то в сценарии с неизбежностью акцентируется тема ограниченных возможностей человека, его бессилия перед обстоятельствами, предопределенности поражения в рамках его личной судьбы. В романе последнее составляет лишь одну из сторон сложной темы, в сценарии это становится ее господствующим и едва ли не исчерпывающим определением.

Очевидно, стремясь к героико-приключенческой картине, необходимо свободнее отходить от романа. Ограниченная, сравнительно с романом, емкость сценария выдвигает не только вопросы объема, но и вопросы содержания. Очевидно, речь идет о необходимости сохранить наиболее общее определение темы романа, т. е. темы нравственного достоинства человека, противостоящего напору исключительно трудных обстоятельств. Но в условиях сценария для этого необходимо пересмотреть конкретные поводы столкновения и конкретное существо подвига героя. В этом направлении авторы сценария идут еще недостаточно смело и свободно, связанные больше, чем нужно, усложненной и непосильной для сценария концепцией романа.

Сценарно-редакционная коллегия считает, что сценарий не может считаться завершенным и что работу над ним необходимо продолжить. Вместе с тем работа находится в такой стадии, когда желательно участие в ней будущего режиссера картины. Без этого ее результаты и даже конкретные направления поправок будут оставлять ощущение неокончательности и создавать перспективу дополнительных поправок и вариантов, что нередко ведет к «заредактированности» и омертвению сценария. В связи с этим сценарно-редакционная коллегия предлагает законсервировать работу до определения имени режиссера, после этого вернуться к обсуждению сценария с тем, чтобы предложить авторам конкретно обозначенное направление работы, т. е. поправки к третьему и, надо надеяться, окончательному варианту сценария.

Гл. редактор 3-го Творческого Объединения Я. Н. Рохлин

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО К АБС С ЛЕНФИЛЬМА, 6 ИЮЛЯ 1966

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

5 июля состоялось редакционное совещание 3-го творческого объединения, на котором присутствовал один из авторов — Борис Натанович — и где состоялся довольно подробный разговор о последнем варианте сценария «Трудно быть богом». Сценарий вызвал горячий обмен мнениями, были подвергнуты тщательному анализу его идейная концепция, художественные достоинства и просчеты, обсуждавшие пытались нащупать его наиболее уязвимые места, возможности последующего движения работы. При всем разнообразии суждений и точек зрения отношение творческой заинтересованности сценарием было очевидно: необычность жанра, сочетание серьезности поставленных проблем с остротой сюжета и разнообразием пластических возможностей представляют несомненную привлекательность для экрана и определяют перспективность дальнейшей судьбы этого замысла.

Не вдаваясь в подробности обсуждения, необходимо отметить основные вопросы, на которых сосредоточилось внимание редакционного совета.

Наибольшие сомнения внушает решение центрального образа сценария — Дона Руматы-Антона. Владея поистине сверхъестественной силой, он скован и сдержан в своих действиях, он не в состоянии, хотя и очень стремится, помочь этой планете, которую разрывают противоречия средневековья. Румата-ученый и Румата-человек вступают в неизбежный и сложный конфликт, и основная мысль сценария постепенно сосредоточивается на этом нравственном поединке человека с самим собой. Как должен поступить человек, совесть которого призывает к действию и личному вмешательству в события, а целый ряд обстоятельств сдерживают его порывы и навязывают совсем иной путь. Каково бы ни было окончательное сюжетное решение этого конфликта, ясно, что оно должно прозвучать, как нравственная победа героя, как образец духовного величия человека, в любой, даже самой трудной обстановке действующего во имя блага людей и справедливости.

Во время обсуждения были подвергнуты сомнению излишняя мрачность обстановки, обилие кровопролитных сцен, зарисовок чисто гиньольного свойства. Думается, да и авторы согласились с этим, что эта сгущенность красок не является

самоцелью и в процессе дальнейшей работы будет найдена необходимая мера образной характеристики фашиствующего средневековья.

В нашу задачу сейчас не входит подробное изложение редакционных замечаний по сценарию. Нам прежде всего необходимо определить то состояние, в котором находится наша совместная работа, и понять, в какой наиболее продуктивной форме она может двигаться дальше. Дело в том, что редакторский этап наших взаимоотношений, во время которого было написано два принятых и два промежуточных варианта сценария, себя исчерпал. Наступило время, когда только вмешательство режиссера, заинтересованного и увлеченного этой своеобразной темой, может сдвинуть и плодотворно завершить начатое дело. Поэтому сценарий, который редакционный совет объединения принимает как второй вариант, в настоящее время вступает в стадию консервации. В этих условиях мы не можем ни назначить Вам определенного срока, ни требовать от Вас каких бы то ни было поправок и продолжения работы. Как только появится возможность вновь вернуться к работе над сценарием, т. е. возникнет убедительная кандидатура режиссера, мы тотчас известим Вас об этом.

С самыми лучшими пожеланиями

Главный редактор объединения: Я. Рохлин

Редактор: А. Михайлова

О состоявшемся обсуждении второго варианта сценария БН информирует брата.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 5 ИЮЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Машинка еще у мамы, и мне приходится писать от руки.

1. Итак, состоялось заседание Редсовета в Ленфильме. Присутствовали, кроме работников объединения, еще и Володин, Панова, некий Исаак Израилевич (он уже один раз присутствовал) и некий Леонид Михайлович[1]. Писать подробно, о чем шла болтовня в течение 3-х часов, не имеет смысла. Могу только сказать, что Володин и Алла были категорически за нас; Леонид Михайлович — был в общем против, т. е. полагал, что все

[1] Жежеленко Леонид Михайлович, сценарист, редактор Ленфильма.

надо переписать заново; Панова же, Исаак и Рохлин делали конкретные замечания. В общем, всё это болтовня. Перейдем к выводам. На пути к немедленному форсированию дел стоят следующие препятствия.

a. Отсутствие режиссера. Были перечислены все режиссеры, предлагавшие свои услуги (их набралось 5 штук, если считать тех ребятишек за штуку), и все они были отвергнуты как неспособные. Теперь редакция и Володин будут искать режиссера.

b. Приближение 50-летия Сов. власти. Надо ожидать, что ближайшие полгода студия не будет заниматься ничем, кроме соответствующих фильмов.

c. Неблагоприятная ситуация в прессе, которая таки имеет значение для пробивания сценария наверху, тем более, что наверху сидит Сытин, о котором редакция хорошо наслышана. Алла мне прямо сказала то же, что и ты: Сытин пишет на нас добровольные доносы.

Практически будет так. Сценарий временно замораживается вплоть до того момента, когда будет найден режиссер с именем (обязательно с именем, иначе не пробить). Работа возобновится уже вместе с режиссером и должна будет проходить под лозунгом «Убрать всё еще сохраняющееся ощущение бессилия человека перед обстоятельствами». Возможно (но не обязательно) вариант сценария будет принят как II-1 и мы получим деньги. Но здесь есть трудности, связанные с тем, что после признания II-го варианта редакция обязана назначить жесткий срок (два-три месяца) для создания последнего, III-го варианта. Рохлин сказал, что попытается это обойти, но не уверен. Володин едет в Москву, забирает один экз. сценария и будет давать его там именитым режиссерам (Рязанову, Ролану Быкову и т. д.). Кроме того, Володин хочет еще посидеть со мной за столом и попытаться еще что-то улучшить — его попросил об этом Рохлин.

Мое ощущение: сценарий в общем нравится, но представляется труднопроходимым. Из-за этого — вся болтовня.

Экземпляр сценария я пришлю тебе в ближайшее время.

2. Звонил сегодня Нине. Тираж вышел и продается. Бухгалтерия несколько задержалась с высылкой денег, ибо начальство было в Югославии и договор оказался подписан только вчера. Тебе деньги вышлют через два-три дня, когда «накопится группа гонораров для перевода в Москву». Бритиков всё пишет рецензию.

3. Был у Вилинбахова. Просидел целый вечер и ушел, растеряв последние жалкие крохи оптимизма.

Жму, целую, твой [подпись]

P. S. В ближайшее время раздобуду экзы «Улитки» и вышлю тебе. Я понял так, что тебе и Ефремову вместе 10 экз.?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 9 ИЮЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Не удивляйся, что я пишу на обороте этого ублюдочного документа — иначе, боюсь, не влезет в конверт.

Так вот, когда я показал Севке то, что мы с тобой написали, он обдал меня презрением и тут же засадил писать заново. Я было воспротивился, но он на меня наорал, объявил, что сам Чаковский дал разрешение опубликовать наше выступление и пр. Я, памятуя твой приказ его слушаться, подчинился, напряг мозги, память и набросал то, что мы делали по первому варианту. Пойдет это или не пойдет — неизвестно, но от Севки я таким образом отделался.

Новостей особенных никаких нет. Уиндем благополучно пошел в производство, наш том по-прежнему девятый, встретил меня и ухватил за товарищ Захарченко и долго и нудно уговаривал меня принять участие в буримэээ. Я отбрыкивался и отмежевывался. Все жадно спрашивают, когда получится ленинградский сборник — предвкушают скандальчик. Любимовский театр на Таганке собирается ставить ХВВ — есть такой слух. А еще ходит по Москве слух, будто я, во время пребывания моего в Японии, спутался с женой крупного японского деятеля по имени Окана, был уличен и с позором выслан. Вай!

Экзы «Улитки» жду с огромным нетерпением. Нужно мне, как выяснилось, одному десять экзов. Пяток пусть вышлет Ефремову сама Нина. Пожалуйста, высылай скорее. И экземпляр сценария тоже.

Встречался с Женей Войскунским, он тебя любит и передает привет. Мы хорошо поговорили, наметили программу всесоюзной конференции, темы докладов и пр.

А касательно сценария — ну что же, подождем. Я думаю, в конечном счете все обойдется благополучно. А мне очень хочется писать МПС. Вот воля твоя, а хочется, и все тут.

Пока кончаю. Пиши, не мешкая. Высылай экзы.

Целую, твой Арк.

Привет Адке. Поцелуй маму.

Оборот страницы с письмом и еще одна страница содержат черновик статьи АБС, опубликованной в «Литературной газете» 16 июля. Ниже — ее черновой вариант:

Путешествовать за книгой? А как же! Мы принадлежим к числу авторов, для которых путешествие за книгой — это не просто счастливый, хотя и несколько — гм, гм — вычурный оборот речи. Когда мы утверждаем, что совершили путешествие за книгой, мы имеем в виду именно путешествие, передвижение в пространстве, а не всякие там словесные фокусы вроде путешествий по архивам, путешествий по книжным полкам и по воспоминаниям. Нет, именно передвижение, перемещение в пространстве на колесах или обыкновенных реактивных крыльях является непременным условием для появления любой книги, подписанной нашими именами. Поэтому не удивительно, что нас возмущают коллеги-писатели, которые умудряются творить отличные произведения, не трогаясь с места. Иногда даже не трогаясь с дивана. Нам это представляется противоестественным. Пусть уж лучше произведение будет серым и нудным, но чтобы автор мог предъявить железнодорожные билеты туда и обратно (с квитанциями за постельное белье); не мешает также и копия командировочного удостоверения от ССП.

Почему нам, писателям-фантастам, нельзя обойтись без путешествий? Будем откровенны. Не будем ссылаться на необходимость регулярно погружаться в гущу жизни. Главная и единственная причина состоит в особенностях географического расположения нашего творческого содружества. Один из нас живет в Москве, другой — четырьмя градусами севернее, в Ленинграде. И вот, прежде чем написать что-либо и для того чтобы написать что-либо, нам необходимо соединиться. По крайней мере, один из нас должен преодолеть по земле или по воздуху расстояние в шестьсот шестьдесят километров. Он сидит в кресле какого-нибудь ТУ, сосет даровые леденцы и следит затуманенным взором, как внизу проплывают... и так далее.

Вот теперь, когда мы оправдали себя перед рубрикой, пришло время воспользоваться прерогативой излюбленного жанра и завести, как в телевизионной передаче, безответственную болтовню о путешествиях на крыльях мечты, о путешествиях в прекрасное будущее, о путешествиях (воображаемых) в иные миры. Бывает это с нами, путешествуем время от времени. Правда, чаще всего воображаемые маршруты наши пролегают в

некотором царстве, в тридесятом государстве, это избавляет нас от недостоверных и неудобных путешествий по времени. Зато приходится — эх, болтать так болтать! — путешествовать по необычным обстоятельствам. Причем, не всегда приятным. Так случилось в последней повести, над которой мы сейчас работаем. Она называется «Второе пришествие марсиан», а под первым пришествием, на наш современный взгляд излишне жестоким и нецелесообразно грозным, мы подразумеваем вторжение, описанное Г. Дж. Уэллсом в его блестящем классическом романе «Война миров». Так вот, темой и центральной фигурой повести является обыкновенный массовый носитель мещанского мировоззрения. Мы задались целью показать, что для завоевания тридесятого царства марсианам совершенно незачем размахивать лазерными пушками и бросаться химическими бомбами. Там, где господствует обыкновенное массовое мещанское мировоззрение, вполне достаточно... Не будем, однако, забегать вперед. Ведь нам хотелось здесь всего лишь убедить наших читателей в том, что для работы над книгой нам тоже совершенно необходимо путешествовать. Как и писателям не-фантастам.

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 13 ИЮЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Ничего нового. Сборник поступил в продажу и уже распродан. Я не посылал тебе экзов валом, потому что в лавку сборник еще пока не поступил. На днях, говорят, поступит, и тогда вышлю требуемое. Правда, за 10 экзов лично для тебя не ручаюсь, ибо, заказывая, исходил из старых представлений и заказал всего 15 штук (по пяти — тебе, Чифу и мне). Нина, кстати, ничего посылать Ефремову не намерена — авторские не выдаются, а намекнуть ей, что, мол, тово... не решаюсь. Так что, брат, не пришлось бы тебе удовлетвориться малым, тем паче, что парочку я тебе выслал уже. Впрочем, не Бе! Может быть, в лавке отломится и больше.

Сочинение для ЛитГаз — воистину ублюдок. Но если Севка находит это достаточным, то и пусть. Только, умоляю, выброси оттуда «гм, гм» и «эх, болтать, так болтать» — это уж, брат, ни в какие ворота. А вообще-то не должно это пройти — кто позволит насмехательство над святая святых литературной работы.

А если выйдет — обязательно дадут нам по ж... мешалкой. Впрочем, Севке виднее.

Соколову в «Искатель» сообщи все как есть: ничего, мол, обещать не можем, но постараемся.

Получил ласковое письмо от Якова Борисовича[1]. Ответил ему. Славный, видно, человек.

МПС писать и я не прочь, но пока не знаю, как.

Кстати, мы тут намеревались съездить на пару недель в Эстонию, но что-то погода дрянь, так что, возможно, никуда мы не поедем. Обязательно сообщи об этом Таньке Чеховской. Пусть не особенно рассчитывает на нас. Не хотелось бы обманывать. Пусть поищет запасные варианты.

Ну, пока. Целую, жму, твой [подпись]

P. S. Ты ничего не написал:

a. О судьбе «Возвращения».

b. О судьбе статьи против Францева.

Напиши.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 17 ИЮЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Очень жаль, что ты не успел приобрести несколько лишних экзов сборника, достать теперь будет слишком трудно. Я получил твои два, а также сценарий, и жду еще хотя бы пяток, да и не один я жду.

Наше выступление в ЛГ ты видел. От этого г... меня с души воротит, но Сева весьма доволен и даже позвонил мне, чтобы похвастаться. Пуще всего его радует то, что это ублюдочное уродство восприняли в секретариате газеты как нашу послушную реакцию на принципиальную партийную критику, прозвучавшую со страниц ЛГ. Я ему говорю: зачем же так сократили и извратили все? Он не нашел в этом ничего особенного. Нет, братец. Не нравится мне его позиция, как хочешь.

«Возвращение» только что закончил считывать с машинки, вставил расклейку, во вторник сдам Нине два экземпляра.

Статья против Францева заглохла на корню, зато есть статья в двух номерах «Детской Литературы» — в пятом и шестом, написала Громова, там изрядно о нас. И еще ожидаются выступления в толстых журналах про фантастику и не про фанта-

---

[1] Карнаков Яков Борисович.

стику, но с упоминаниями о нас, в частности, статья в № 7 «Иностранной Литературы».

Громова была у Черноуцана в отделе культуры в ЦК, познакомила там товарищей с положением в фантастике. Обещали разобраться, так говорит Громова. Подробностей не знаю.

Денег от Лениздата я не получил ни копейки, ты позвони к ним в бухгалтерию и узнай, в чем дело.

Звонили из «Детской Литературы», просили написать что-нибудь на тему о воспитании подростков, точно сами не знают, чего им нужно, но просили подумать. Я обещал посоветоваться с тобой и подумать. Сообщи, будем ли.

Думаю об МПС. Напрашивается такая мысль: использовать материалы сенсаций так же, как использовались мифологические материалы в ПНвС, т. е. чтобы объекты сенсаций были реальным антуражем, как персонажи мифов. Попробую набросать что-либо.

Вот пока всё. Целую, жму. Арк.

Что со «Вторым нашествием»? Вернулся ли Смолян? Что он говорит?

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 20 ИЮЛЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Надеюсь, ты уже получил все экзы, кои были мною отправлены. Поделись с Чифом! Уважай старость и мудрость! Не жадничай! На днях я тебе вышлю еще несколько штук — не много, нет — так, штук две-четыре. А штук пять-шесть останется у меня — на всякий пожарный.

2. Что касается нашего выступления в ЛитГаз, то я уже отболел и могу теперь мыслить здраво. Особенно после того, как несколько достаточно уважаемых товарищей высказались об этом неотрицательно. Практическая польза от этого, как мне кажется, все-таки будет. И Казанцева это должно несомненно уязвить, не забывай. И всех врагов наших. А если в секретариате это воспринимают как «нашу послушную реакцию на принц. парт. крит., прозвуч. со стр. «ЛитГаз», то во-первых, они не далеки от истины (чего уж там, надо признаться), а во-вторых, засада есть засада, и приходится иногда для пользы дела притворяться одуванчиком. И вообще, за одного послушно отреагировавшего двух неотреагировавших дают. Так что я спокоен в смертельном бою[1] и того же тебе желаю.

---

[1] Строка песни Н. Богословского и В. Агатова «Темная ночь».

3. Твоя блестящая фраза «статья против Францева заглохла, зато есть статья в "Детской лит-ре"» вызывает у меня страстное желание ответить так: «Денег ты за УнС не получишь по таким-то причинам, но зато Сёма Нойфшиц из Жмеринки прислал письмо, где пишет, что УнС — это да!» Впрочем, честно говоря, как-то мне на эту статью чихать стало последнее время. Свыкся. Не будет и не надо. Попробуем перебиться. Кое-какие капиталы теперь есть, а остальное пройдет. Яков пишет мне про статью Юры Карякина. Это кто? И какие еще статьи в каких толстых журналах ожидаются?

4. Звонил сегодня в бухгалтерию Лениздата. Деньги тебе уже выслали, хотя и недавно. Надо полагать, в течение декады получишь. Смоляна я не трогал до сегодняшнего дня — давил фасон. Но после твоего письма позвонил. Назначили свидание. Прямых вопросов я не задавал (по-прежнему давил фасон), но по тону его — такое ощущение, что можно спокойно посылать ВНМ в «Байкал» или куда там. Думается мне, что свидание нашему дорогому Смоляну нужно в основном, чтобы блеснуть передо мною эрудицией и тонким пониманием русской стилистики. Практического выхода я не жду и тебе не советую, хотя отсылать рукопись все же подожди впредь до окончательного выяснения. Думаю, что в течение недели дам тебе абсолютно точные сведения об этом деле.

5. Что касается статьи о воспитании подростков, то дело это полезное, важное, нужное, но очень уж сложное. Кое-что написать, конечно, можно было бы, если бы нас не торопили. Скажем в сентябре же, на море и написали бы. Не о воспитании вообще, а о роли книги в воспитании. Меня эта мысль давно занимает, да и тебя, кажется, тоже. В общем, дай редактору осторожное согласие: мол, осенью мы, вероятно, если нас не отвлекут неотложные дела, попытаемся такую статью написать. Я думаю, более решительных промисов давать не след — со статьями у нас, как у кота Василия с именами, особенно плохо.

6. Получил два письма. Одно — от нашего старого почитателя из Малоярославца — очень толковое письмо в основном о ТББ, чувствуется глубокое проникновение в материал. Другое пришло из Пулково, я его еще не читал, но все Пулково читало (это открытка), говорят, там написано, что УнС стоит десяти Нобелевских премий.

7. Я тоже подумываю иногда об МПС, хотя главным образом занимаюсь созерцанием футбола и обобщением теории

Гиббса (без особого успеха). Мысль о реализации сенсаций, на мой взгляд, плодотворна. Кое-какие выходы я вижу: йети и атлант, запутавшиеся в бюрократической паутине. Йети, обследование которого заняло так много времени, что он успел проэволюционировать сначала до кроманьонца, а потом и далее и был передан в другой отдел, как обыкновенный гомо сапиенс, не имеющий отношения к проблеме снежного человека. В общем, будем думать дальше.

Ну, пока всё, жму органы и манипуляторы, твой [подпись]

P. S. Яков Борисович еще письмо прислал. И марки. Очень, очень милый человек и, кажется, умница. Только гениями нас зря считает.

P. P. S. Привет Ленке и всем.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 22 ИЮЛЯ 1966[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу, не дожидаясь твоего ответа. Вчера был у Смоляна. Разговаривали четыре часа. Феноменальный человек! Умница, эрудит, ясно и точно мыслит, но — господи! — стоит ему открыть рот и — речь. Второй раз откроет — выступление перед молодыми писателями. Третий раз — доклад на философском семинаре. Меньше пятисот слов за раз (если могучее басовое «э-э-э» считать только за одно слово) он не произносит. Ответить на вопрос просто «да» или «нет» ему так же трудно, как нам с тобой без подготовки отбарабанить: «неоколониализм и неоимпериализм квазиэволюционируют к эксгибиционально-экзистенциальной арти-эякуляции». Ну, ладно. Договорились мы о следующем:

1. Повесть ему очень нравится. И ему, и тем его доверительным знакомым, которым он давал ее читать в Коктебеле. (Я выразил неудовольствие, он извинился и сказал, что за тех людей ручается. Это Хмельницкая и Гессе — фамилии, действительно, неплохие.)

2. Если мы проделаем кое-какие манипуляции с текстом, соответствующие его замечаниям (см. ниже), он берет у нас эту рукопись и приложит все старания к тому, чтобы она появилась в первой половине следующего года. Вероятность напечатания, по его мнению, порядка одной второй, но я не уверен, что он четко себе представляет понятие вероятности.

---

[1] Датировка составителей.

3. Одновременно он оставляет за нами право передать эту повесть в любой другой орган, при условии, что мы немедленно сообщим, если нам где-то скажут «да». Если нам скажут «да» одновременно и в «Звезде», и в другом журнале, мы оставляем за собою право выбрать орган, где требуют меньших переделок.

4. Замечания его сводятся к следующему:

а). Необходимо уточнить авторское отношение к происходящему. Он так и не смог понять, враги марсиане или друзья. Я объяснил ему, в чем соль, он погрустнел, признался в своем «здравомыслии», но попросил все-таки сделать так, чтобы читатель (точнее, Жур) не ломал голову над этими проблемами. Я плохо представляю, как это сделать, сохраняя прежнюю идею повести. Может быть, обойдется?

б). Надо что-то сделать с фермерами. Очень нехорошо получается с трудовым крестьянством, столь решительно и едино вставшим на сторону захватчиков. Сам он все понимает, но предсказывает, что это место будет камнем преткновения. Просит хоть какой-нибудь дифференциации, хоть одну светлую фермерскую личность. Я опять же не представляю, что нам с этим делать. Может, обойдется?

в). Остальные замечания — мелочь. Обосновать название. (Я предложил ему сделать это в авторской врезке — он согласился.) Тщательнее выдержать на протяжении всей повести обе версии: марсиане и переворот; очень ему понравилась мысль, что нашествие марсиан мало отличается в глазах здравомыслящего от нашествия кудетатчиков[1]. (Это сделать легко — прочитать внимательно и в каждом месте, где ощущается однозначность, вставить слух, сплетню, размышление в пользу второй версии; в частности, надо так отшлифовать появление машин.) Упомянуть о том, что Ахилл уже раньше получил предписание сдать наркотики. (В голову ему залетело, что тут есть какая-то неясность, психологическая неожиданность для читателя, смазывающая эффект всей прекрасной сцены — я пытался спорить, но после третьей лекции о приемах литературы сдался и готов соответствующую фразу куда-нибудь воткнуть.) Предлагается побольше обыграть желудочный сок — через газеты, через разговоры, слухи и размышления героя — благодатная, мол, тема. (Я, в принципе, не против.) Предлагается разнообразить имена — ввести новогреческие и международно-греческие типа

[1] От «Le coup d'Etat» — государственный переворот *(фр.)*.

Ефросинья, Фёкла и т. д. (Я не стал спорить, сказал только, что ты настаивал исключительно на мифологических. Он в общем тоже не слишком настаивает, просто ему захотелось принять участие в творческом процессе). Предлагается обыграть то обстоятельство, что демилитаризация в данном случае не приводит к безработице. (Отчего бы не обыграть?) Вот и все его замечания.

Подводя итог:

1. Дела обстоят, по-видимому, лучше, чем лично я ожидал.

2. Тебе стоит выслать рукопись в «Байкал» или «Простор» или куда там. Предварительно обдумай его замечания и отпиши мне.

3. Я на днях уезжаю-таки в Прибалтику. Скорее всего, завтра. Напишу тебе оттуда. Можно будет ответить мне туда, а если не захочешь, подожди 10-го августа — я уже вернусь.

Вот и всё у меня, целую, жму, твой [подпись]

P. T. Сборник тебе вышлю уже потом: лавка закрылась на переучет, и мои остальные экземплярчики там переучитываются.

P. P. S. Сегодня я буду тебе звонить, но, если не дозвонюсь, прошу тебя передать Таньке Чеховской:

a. Я не успел с нею связаться перед отъездом.

b. Ключ от квартиры у мамы. Мама предупреждена. Танька может приезжать и жить в свое удовольствие, пусть только достает газеты.

c. Вернусь я домой 6-го августа.

Обязательно ей сообщи.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 23 ИЮЛЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Видишь, печатаю через строчку — это я вчера перепечатывал очередной документ эпохи — знаменитый «Устав нравов», он же «Меморандум Скурлатова», он же, по-моему, воспитательная программа русского фашизма. Скурлатов — инструктор московского горкома ВЛКСМ. Перепечатал и для тебя копию припас. Читай и радуйся.

1. Все экзы получил. С Чифом всенепременнейше поделюсь, отдам ему экза четыре. Если пришлешь еще, буду весьма благодарен. В Москве ни одного экза до сих пор нет, и продавцы о нем (сборнике) ничего не знают. Кстати, очень странно: только что звонил мне Ляпунов, передавал, что Бритиков прислал ему письмо, в котором спрашивает, как со мной связаться, на

предмет посоветоваться относительно рецензии на этот сборник. О чем? Наверное, где опубликовать?

2. Я, откровенно говоря, уж и думать забыл про наше выступление в ЛГ. Остался привкус чего-то не совсем... да и ладно. Что же касается твоей странной реминисценции относительно статьи против Францева и Сёмы Нейфшица, то должен тебе сказать: статья Францева, судя по всему, не произвела ни на кого и всем не хочется о ней вспоминать, как о бестактности. «Известия» вообще горят, как только берутся за фантастику, это ты мог заметить и недавно, в связи с библиотекой приключений в Детгизе. И как бы в знак протеста орган Московского горкома и обкома КПСС газета «Московская Правда» вчера обратилась к нам с просьбой написать статью о фантастике в кино. Статья должна быть: а) проблемная, б) не более чем на семь страничек м/п, в) именно Стругацких, потому что в фантастике они ни с кем больше дела иметь не хотят. Зав. отделом литературы и искусства этой газеты будет звонить мне дней через десять, чтобы узнать, договорился ли я с тобой (я ему сказал, как всегда, что один такие вещи не решаю). Срок сдачи статьи — двадцать пятое августа.

3. Юрий Карякин — это очень сильный публицист-литературовед, автор скандальной статьи о Достоевском в позапрошлом году[1]. Сейчас написал статью об Эльзе Триоле. Впрочем, ты об этом знаешь. Насчет толстых журналов — возможно, будет о нас статья в «Знамени», но это не наверняка. И, кроме того, в «Вопросах литературы» будет статья Адалис о будущем литературы, в которой она утверждает, что будущая литература (проза) будет состоять из репортажа (документальной прозы) и фантастики. Там и про нас.

4. ВНМ отсылать, конечно, обожду, тем более, что не хочу вообще отсылать, а может быть, попробую в «Знамя». Там видно будет.

5. Осторожное согласие редактору в «Детскую литературу» дам. Именно о роли книги в воспитании.

6. Чем я занимаюсь, помимо грез об МПС? Перевожу с японского рассказы для первого номера «Ин. л-ры»[2]. Перепечаты-

---

[1] Карякин Ю. Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина» // Проблемы мира и социализма (Прага).— 1963.— № 5.

[2] В № 1 «Иностранной литературы» за 1967 год опубликована подборка научно-фантастических рассказов, из которых в переводе с японского был только один рассказ: Морио Кита, «Машина времени», пер. с яп. З. Рахима.

ваю выдающиеся документы эпохи. Читаю подброшенные мне на рецензию рукописи. Между прочим, Бахтамов из Баку (вообще-то он Шапиро и друг Альтова) написал очень хорошую повесть-утопию о будущем. Полемика с «Возвращением со звезд» тов. Лема. Написано экономно до скудости слов, так что приходится даже догадываться про опущенные связки. Но читать было приятно — земную часть. Как только они прилетели на таинственную планету, сразу поперла банальщина. Но — литератор! Очень приятно.

Вот так.

Привет всем. Жму, целую. Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 26 ИЮЛЯ 1966, ЭСТОНИЯ — М.

Дорогой Арк!

Если я тебе понадоблюсь, то мой адрес: Эстонская ССР, г. Отепя, до востребования.

Привет от Адки и от Саши.

Целую, жму, твой [подпись]

Следующее письмо от БНа, в котором было, вероятно, описание путешествия по Эстонии и картинки будущих ГЛ, сохранилось не полностью.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, КОНЕЦ ИЮЛЯ — НАЧАЛО АВГУСТА, 1966, Л.— КОКТЕБЕЛЬ

<...> травянистые горы, болотистые ущелья, дикие зобатые горцы и небольшой санаторий на местных водах — мрачное богом забытое место, где от случайных мутаций рождается новая порода людей разумных. И непрерывные дожди, все мокро, чавкает, скользко, вода течет за ворот, заливает глаза — смачно! А вот ЖОПу вижу плохо, надо будет еще говорить и говорить.

7. Получил письмо от некоего Малеванного из Челябинска. Очень хвалит ПНвС, хотя и предлагает при переиздании выбросить предисловие и послесловие. Считает, что ТББ и ХВВ наша неудача — социология не для нас, Уэллса нам не перешагнуть. Не буду ему отвечать <...>. Или отвечу сухо.

Ну, ладно, жду твоих соображений по замечаниям Смоляна.

Жму лапы, целую, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Я не совсем понимаю: едем мы теперь в сентябре на юг или нет?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 8 АВГУСТА 1966, КОКТЕБЕЛЬ — Л.

Дорогой Боб!

1. Очень славно было получить от тебя письмо. Следующим летом в Отепя съездим непременно.

2. Описание твоей беседы со Смоляном я прочитал. Тебе же не написал потому, что некоторое время не знал, что делать. Ну, пусть у Смоляна идет своим чередом. А я отдал свой экз. Якову и выдал ему карт-бланш на устройство. Он будет пробивать в «Москву», либо в «Дружбу народов». У него там приятели. Надеюсь, по возвращении что-нибудь выяснится. А может и нет.

3. Насчет сценария. Да, ждать, вероятно, придется долгонько. И вот что. Как ты полагаешь, не благоприятно ли будет в качестве характерного примера в статье для «Мос. Правды» привести это заключение о «мрачности»? Мне чудится в этом какой-то физический смысл. Проблемы, которые ты ставишь, пожалуй, подходят. Хотя заметь, иностранцы, как правило, каждый свой н. ф. фильм начинают с дикторского текста, где все объясняется. Вспомни «Борьбу миров»[1]. И «Альфа-виль»[2] тоже так же, и другие многие фильмы.

4. «Меморандум» — это докладная записка. Уровень стилистики и грамотности характерен для цекамоловца, даже кандидата наук.

5. В сентябре на юг едем всенепременно. Едем и будем говорить — и о ЖОПе, и о ГЛ, и о детективе, и еще кое о чем.

6. Читал ли ты в № 7 «Ин. л-ры» Эльзу Триоле[3]? На мой взгляд, вещь значительная. В том же номере есть заметка о новой пьесе Дюрренматта[4]. Я ржал от одного описания содержания, так это здорово. Ржал и плакал от зависти.

---

[1] Англ. к/ф 1953 г. реж. Б. Хэскин.

[2] Франц. к/ф 1965 г., реж. Ж.-Л. Годар.

[3] Триоле Э. Великое никогда // Иностранная литература (М.).— 1966.— № 7.

[4] Павлова Н. Жизнь-смерть-жизнь [о пьесе Дюрренматта «Der Meteor»] // Иностранная литература (М.).— 1966.— № 7.

7. Возвращаясь к замечаниям Смоляна — мое мнение: пренебречь. Вернуться и пересмотреть их только в том случае, если Смолян определенно скажет: повесть идет в такой-то номер.

8. Сегодня начал читать Камю «Чума» — по-аглицки. Прочитал пятую часть. По обстоятельности и нарочитой неторопливости напоминает Кафку. Абсурдизма пока не видно. Читается с превеликим удовольствием, но не глотается, а помаленьку, тщательно, со смаком.

Вот все. Мы еще успеем обменяться парой писем. Я уезжаю 23-го, письмо твое, написанное 4-го, пришло 8-го. Ты пиши, а то скучно мне. Коктебель — дерьмо свинячье.

Целую крепко, твой [подпись]

Поцелуй маму и Адку. Привет от Ленки.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 12 АВГУСТА 1966, Л.— КОКТЕБЕЛЬ

Дорогой Арк!

1. Я получил письмо от Якова, где он излагает, правда, весьма смутно, свое мнение о ВНМ. Думаю ему написать все честно: что я тоже считаю, что все возможности повести не использованы до конца, но что возиться с нею мы больше не хотим. Пусть пристраивает по мере возможности. Я тут читал ВНМ моим ребятам. Повесть понравилась, хотя и не вызвала особенного ажиотажа. Чего-то в этом роде я и ожидал.

2. Ты, по-видимому, не совсем понял ситуацию со Смоляном, и твой ответ поэтому меня не удовлетворил. Мы не можем требовать от Смоляна, чтобы он сначала принял повесть, а потом уже мы бы ее доделывали. Замечания Смоляна — это его личные замечания как редактора и завотделом. Пока они не будут хоть в какой-то степени удовлетворены, Смолян не считает для себя возможным представлять рукопись Журу и Холопову. Поэтому вопрос ставится так: какие из его замечаний и в какой степени мы учтем, прежде чем вновь нести повесть в «Звезду»? Мое личное мнение: можно в той или иной степени учесть все его замечания (т. е. произвести некоторую доработку), кроме, может быть, уточнения «враги марсиане или друзья» и исправления роли фермерства в этой истории. Жду твоего.

3. Был в Ленфильме у Аллы. Она предложила одну комбинацию, о которой я и сам уже подумывал, но в более общей форме. Нет ли у нас связей с чехами, спросила она. Не можем

ли мы надавить на какие-то пружины, чтобы чешские кинематографисты заинтересовались ТББ и прислали заявку: хотим, мол, снимать фильм по этой повести. Во-первых, всё это значительно бы ускорило дело — у нас ведь все режиссеры заняты сейчас пятидесятилетием и так будет с полгода минимум, а кроме того, такой маневр позволил бы обойти стороною Госкомитет по кинематографии — страшный риф. А во-вторых, чехи мастера на такого рода фильмы и вообще у них сейчас подъем. Как ты полагаешь, нельзя ли было бы нам как-то через Ариадну что-то сделать в этом направлении?

4. Был вчера у Ильи. Старику лучше, но еще бледен и малоподвижен. Там же оказались Брускин и Мееров. Брускин временно не пьет — толстый, отъевшийся. Мееров тоже хорош. Сегодня иду к Дмитревскому, думаю отнести ему все-таки «ЗПвГ». Шила в мешке не утаишь, а он ведь обидчивый.

5. Насчет статьи в МП. Я лично пока дальше размышлений не продвинулся. Ты предлагаешь упомянуть о наших злоключениях со сценарием. Не знаю, не знаю. Неловко как-то писать о себе да еще выдавать при этом некие производственные тайны Ленфильма. В общем, надо еще думать.

6. Сижу дома один. Адка в Минске. Скоро должны прибыть теща с тестем и Андрюхой. Андрюха идет в школу. Мама чувствует себя неплохо, ездит за город ежедневно, дышит воздухом.

Крепко жму, твой [подпись]

P. S. Ленке привет. Большой. Нет, еще больше... Да-да, примерно такой...

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 16 АВГУСТА 1966, КОКТЕБЕЛЬ — Л.

Дорогой Борик!

1. Якову я письмо написал, причем о возможностях повести неиспользованных не упоминал. Признаться, не думаю, чтобы их было так уж много. Я перед отъездом перечитал еще раз, и мне она понравилась еще больше. Да это не важно. Я наказал ему, чтобы он принялся устраивать рукопись в московских журналах.

2. Ситуацию со Смоляном я понял полностью, do not you think I'm go dumb[1]. Я считаю: пусть он дает своим Журам и Хо-

[1] Здесь: ты же не думаешь, что я тупой *(англ.)*.

лоповым так, как есть, и присовокупит свои замечания. Они прочтут и скажут в принципе и совершенно ответственно: повесть не пойдет ни в каких случаях; или: повесть пойдет, если будут выполнены такие-то и такие-то замечания. Будем делать так, как все порядочные писатели делают в порядочных журналах.

3. Комбинация с ЧССР или с Польшей любопытна, можно попробовать. Приеду — непременно займусь.

4. Конечно, дай Дмитревскому и Брандису ЗПвГ. Да и Бритикову дай, не бойся. Семь бед, один ответ. Илье передай приветы и пожелания.

5. Статью в МГ хоть набросай и вышли в Москву. Я приеду и доработаю. А? Сделай, брат.

6. У меня новостей нет, естественно. Местная библиотекарша меня тиранит, требует книги, плачется. У нее здесь только ХВВ, и все время на руках. Жарко, нудно, охота встретиться и поговорить, и за работу.

Намедни наловили с аквалангами ракушек, варили и ели. Смачно.

Обнимаю, целую, жму.

Твой [подпись]

Привет твоим, поцелуй маму.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 19 АВГУСТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Вот плоды нощных моих размышлений. Попытайся сделать из этого что-нибудь связное[1]. Открываю тебе карт-бланш, но

1. Поспрашивай у Севки или у Ариадны, какие есть еще крупные кинорежиссеры, делавшие ф-ку.

2. Вставь где-нибудь изумление по поводу того, что «На последнем берегу»[2] у нас почему-то не показывают.

3. Уточни, где было опубликовано сообщение о том, что Тарковский ставит «Солярис». Если найдешь такое упоминание в печати (кажется, это в «Сов. Экране»), тогда вставь фамилию Тарковского. Не найдешь — не вставляй. Говорят, Сытин заявил: «Этот фильм мы, конечно, не пропустим».

---

[1] На обороте и следующие страницы — черновик статьи АБС о кинофантастике.

[2] Амер. к/ф 1959 г., реж. С. Крамер.

4. Подумай как следует, стоит ли вставлять упоминание о ТББ. У меня рука из скромности не поднялась. А наверное, стоило бы.

Жму, целую, твой [подпись]

P. S. Пора высылать мне экз. «ЗПвГ» и ВНМ — для «Сов. Писа». Осень ведь уже.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 25 АВГУСТА 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Приехав, узрел на столе твое письмо. Это было восхитительное ощущение. Тезисы статьи мне понравились, буду заниматься. О ТББ, пожалуй, вставлять не буду, бог с ним.

Вчера позвонили мне из «Комсомолки», просят написать на пять-шесть страниц статейку об Уэллсе. Я отбивался, ссылался на существование Кагарлицкого, но это не помогает, они говорят, что им нужно имя. Тогда в качестве последнего аргумента я сослался на наши разногласия с ВЛКСМ. Они сказали, что ничего об этом не знают, но выяснят. Будут звонить нынче же вечером. Думаю, написать придется. А что? И напишем. По Нудельману.

Сейчас я собираюсь в Мол. Гв. Позвонил Белке, она уверила, что наш том точно идет девятым и рассказала интересную новость: оказывается, пока я был на юге, меня страшно возжелал видеть Верченко (директор, если ты забыл). Видимо, предстоит разговор.

Застала меня здесь телефонограмма из критич. отдела «Юности». Просили позвонить. Позвонил. Извиваясь и отмежевываясь от наших неприятных отношений с «Юностью» в прошлом, он высказал пожелание, чтобы мы в его отделе посотрудничали. Он — это зав. отделом. На первый случай я должен посмотреть статью какого-то Голдовского. На второй — мы должны выступить со статьей. Откуда такая прыть? — задался я вопросом, но он сразу просветил меня: прочитал нашу статью в «Лит. России», она ему ужасно импонирует гуманистической направленностью и пр. Кстати, я послал маме вырезку, если у тебя еще нет — возьми у нее.

Виделся с Яковом. Ты, я вижу, основательно погряз в марках. Дело твое, но лучше все-таки сдерживаться и не особенно одолжаться. Даже у такого хорошего парня, как Яша.

ЗПвГ на днях вышлю. А вот ВНМ я отдал в «Москву». Вернее, Яков отдал. Его идея. Постараюсь припомнить, где еще есть экзы.

Напиши о планах на поездку в Крым. Как устроишься с Андрюшкой, когда примерно это будет, не задерживай, пиши.

Целую тебя и обнимаю, твой Арк.

Поцелуй Адку.

P. S. Да! Последний экз. «Эллинского секрета» сейчас отношу Беле. У меня не осталось даже для себя.

Несмотря на негативное отношение в верхах, АБС — уже популярные писатели, и поэтому статьи и интервью с ними с удовольствием публикует пресса.

После трех анкет (в «Смене», «Гудке» и «Пионерской правде») выходит еще одна в «Советской культуре» — о телевидении (АБС. За горизонтом века / Беседа с корреспондентом РТ Д. Тарасенковым // Сов. культура (М.).— 1966.— 27 авг.) и несколько статей: 16 июля в «Литературной газете» (черновик ее приводится выше), 19 августа в «Литературной России» (рецензия на книгу Севера Гансовского), 12 сентября о Г. Уэллсе в «Бюллетене для комсомольских газет» (эта статья была перепечатана из «Бюллетеня» в шести газетах — в Ленинграде, Алма-Ате, Душанбе, Ашхабаде, Грозном, Петрозаводске).

Тем временем «Ленфильм» ставит точку в подготовке Авторами сценария по ТББ.

ИЗ АРХИВА. ПИСЬМО К АБС С ЛЕНФИЛЬМА, 26 АВГУСТА

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Сценарий «Трудно быть богом» — в соответствии с решением Художественного совета III-го творческого объединения, рекомендовавшего его руководству студией,— рассматривался дирекцией и главной редакцией.

Руководство студии не поддержало рекомендацию художественного совета объединения, указав на слабость драматургического решения сценария «Трудно быть богом». Условность и приблизительность композиции лишают читателя (а следовательно, и зрителя) возможности с доверием и интересом следить за развитием сюжета. «Несущая конструкция» этого сюжета — поиски и спасение ученого Будаха — не только малозанимател-

на сама по себе, но и невыгодна для характеристики главного героя сценария, Антона, или дона Руматы. Миссия этого посланца Земли на другой планете представляется, в конечном счете, весьма неясной. Многие его действия лишены логики, а его размышлениям явно недостает того земного опыта и знания законов развития общества, которыми он, представитель совершенной коммунистической цивилизации, казалось бы, должен быть вооружен.

Дон Румата произвольно всемогущ в одних ситуациях и столь же произвольно беспомощен — в других.

Полагая, что опыт экранизации романа «Трудно быть богом» удачным признать нельзя, руководство студии не сочло возможным принять предложенный нашим объединением сценарий.

Учитывая вышеизложенное, полагаю, что нам нецелесообразно продолжать работу над сценарием.

Сумма ранее выплаченных авансов остается за Вами.

С уважением

Директор III-го творческого объединения Г. Малышев

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 28 АВГУСТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

У меня в доме сейчас бардак — все блещет чистотой и события происходят по регламенту. Держусь и креплюсь. То и дело выезжаю на заседания Малого Совнаркома[1] и вообще. Главное — Адки нет, вот что трудно. Она сейчас на курсах программистов в Минске, должна довольно скоро вернуться.

1. Поздравляю тебя с д. р. Ж. с. у. в. с. н. Банзай, брагодару и ура! Завидую — тг'ахнешь, наверное, в приятном обществе.

2. С поездкой на юг пока не все ясно. С Адкой предварительная договоренность есть, но — всё меняется. Во всяком случае, Сашенция едет в Алупку числа 10—12-го и все там подготовит. А я окончательный ответ узнаю в начале сентября.

3. Встречал тут Абэ. Странная была встреча. Потом расскажу.

4. Новостей никаких особенных нет. Не особенных тоже.

5. Статью про Уэллса напишем. Совершенно не вижу, почему бы двум благородным донам не написать статьи про третьего — наиблагороднейшего!

---

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 12.

6. И в «Юность» напишем.

7. Слушай, Арк, совершенно невозможно писать — теперь вот зовут обедать. В гробу я видал этот обед.

Крепко тебе всё жму, целую, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке.

Экзы скоро вышлю.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 29 АВГУСТА 1966[1], М.— Л.

Дорогой Боб!

«Комсомольская Правда» заказала нам для пресс-центра небольшую статью к столетию рождения Уэллса. Очень просили, отвергли Кагарлицкого, требовали только нас, торжественно игнорировали наши отношения с ЦК ВЛКСМ. Я должен сдать эту статью 5 сентября. Это, сам понимаешь, черновик[2]. Пройдись рукой мастера, если считаешь, что это пойдет, и высылай с наивозможной срочностью.

Имелась беседа с Верченко. Ничего особенного, тянули резину, он как бонза. Правда, с первых же слов сказал мне, что наш том идет девятым номером и чтобы мы не волновались. И в разгар нашего разговора позвонил к нему с просьбой аудиенции «писатель Котляр». Каково? Они встретятся во вторник, но Белка и Милютенко уже начали накачивать Верченку на этот счет.

Больше пока ничего особенного.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 31 АВГУСТА 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

По-моему — хорошо. Пусть идет так[3].

Читал в «Сов. культуре» наше интервью для «РТ»[4]?

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Не беспокойся о моих отношениях с Яковом. Я не одолжаюсь. Всё на деловой основе. Практически дело сводится к тому, что обуреваемый любовью к нам Яков ведет для меня в Москве обмен. Одолжения на этом кончаются.

---

[1] Датировка составителей.

[2] К письму приложен черновик статьи «Дальнобойная артиллерия Герберта Уэллса».

[3] Письмо идет после черновика статьи о Г. Уэллсе.

[4] За горизонтом века // Советская культура (М.).— 1966.— 27 авг.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 2 СЕНТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

У меня есть предложение: давай мы никуда не поедем, а давайка ты приедешь вместо этого к нам — числа эдак двадцатого, дней эдак на 10—15. Происходит мое предложение как из соображений лично-семейного свойства, так и из финансовых соображений. Давай, а? Все обсудим, а возможно, и попишем, а?

Тут вот пришло письмо из Хабаровска (прилагается). Я набросал примерный ответ. Улучши его, перепечатай и пошли по адресу: г. Хабаровск, редакция газеты «Молодой Дальневосточник», завотделом литературы А. Бродскому. И непременно припиши, что, мол, рассказов прислать не можем, ибо их у нас нет (а если захочешь послать что-либо, так пошли, конечно).

* * *

Совсем недавно мы закончили маленькую повесть «Второе нашествие марсиан», повесть о современном мещанине. Есть надежда, что она будет опубликована в одном из центральных литературных журналов. Сейчас работаем над экранизацией повести «Трудно быть богом» и думаем, что писать дальше. Надо сказать, что мы не очень-то любим делиться своими планами и намерениями. Во-первых, планы и намерения частенько меняются со временем — задуманные рассказы превращаются в повести, тщательно разработанные сюжеты перечеркиваются и отправляются в корзину, мысли, казавшиеся раньше плоскими и скучными, обретают вдруг необычайную привлекательность и просятся на бумагу. Очевидно, что в такой ситуации лучше ничего не обещать, если стремишься никого не обманывать. Во-вторых, несомненно существует некая полумистическая закономерность: стоит хоть кого-нибудь посвятить в наши планы, как эти планы немедленно проваливаются. Отчего это происходит, мы не знаем, но это происходит с неизбежностью, и поэтому мы стараемся, говоря о планах, ограничиваться только самой общей и сдержанной информацией.

Думаем мы сейчас над тремя повестями. Написать их — наша задача на ближайшие полтора года. Все три повести должны быть небольшими. Две задуманы как фантастические, одна — как детектив. Все три будут очень разными и по содержанию, и по форме, но тема у всех одна — человек в сложном мире социальных отношений. Тема для нас не новая, мы разрабатываем ее вот уже несколько лет. Этой же теме посвящена и наша после-

дняя опубликованная работа — «Улитка на склоне» — фрагмент из повести, полное название которой читается как «За поворотом в глубине, или Улитки на склоне». В целом повесть эта уже закончена, но, где и когда она будет опубликована, мы не знаем.

Пользуемся случаем передать привет и наилучшие пожелания членам клуба «Фант» и от бр. Стругацких-писателей, и от бр. Стругацких — старых и верных поклонников настоящей хорошей фантастики[1].

* * *

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Все никак не могу выкупить сборник: то одно мешает, то другое.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 СЕНТЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб.

Получил письмо и сразу на следующий день — правленую статью об Уэллсе. Нынче перепечатаю, а в понедельник ее сдавать, уже звонили из «Комсомолки». К сожалению, статья будет только в периферийных газетах, а может быть, и вообще останется в бюллетене пресс-бюро.

Со статьей о кино странная вещь. Никто не звонит, а ведь как торопили! Я ее уже сделал, остается только перепечатать, когда все будет готово, позвоню в «Московскую правду» и спрошу: кто у вас там заказывал статью о кино? Откровенно говоря, мне не верится, что статья пойдет там. Видимо, придется сунуть ее в «Лит. Газ.» или в «Сов. культ.». Да, я это интервью не видел, где бы достать? Прислали ли тебе гонорар из «Лит. России»? Там должно быть двадцать семь ру или около того.

В журнале «Смена» есть интервью с Граниным, спрашивают его, чего это его повело на фантастику. Спросили также, кто из писателей-фантастов ему нравится. Он назвал Лема и Брэдбери. А ты говорил, что он к нашим вещам хорошо относится. Я прочитал его рукопись — фантастическая повесть. Очень мне понравилось. Молодец он, сразу быка за рога. Хотя и есть в ней что-то Горовское, но написано по-Гранински.

---

[1] Этот ответ АБС был напечатан 16 октября в газете «Молодой дальневосточник».

Во вторник встречаюсь с Карякиным, это публицист, я тебе о нем писал. Яшка утверждает, что он хочет о нас написать статью. Посмотрим.

Нам нужно будет еще подумать над тремя статьями. Первая — для «Детской литературы», о фантастике и воспитании подростка. Вторая — для «Юности», что-нибудь гуманистическое (неопределенное шевеление пальцами). Третья — для «Азии и Африки сегодня», о японской фантастике, ну, это я сам сделаю, тебе только пошлю на проверку. Это к декабрю, скорее всего.

Отдал я освободившийся экз «ВНМ» в журнал «Байкал», посмотрим, что выйдет. Вчера отдал Горбовскому, сегодня позвонил мне редактор (он сегодня же уезжает в родную Бурятию) и сказал, что читать начал, ему нравится, как приедет — сразу напишет. Я пожелал ему счастливого пути. В «Москве» пока не телятся. Поговорил с Ариадной относительно возможности ТББ для иностранного фильма. Она сказала, что можно попробовать, но это нужно делать только с чехами. Ее приятели будут здесь через полмесяца, она с ними поговорит. А тем временем сценарием заинтересовался Мосфильм, я им дал, чтобы зря не валялся. Потом будет возможность связаться и с экспериментал истами. Жаль, что нет экзов. Наверное, придется перепечатывать. Это я потом сделаю.

Вот в таких мелочах проходят дни мои. Хочется поработать по-настоящему. Ужо.

Целую, твой Арк. Ехать на юг готов в любой день. Привет твоим.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 7 СЕНТЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Получил твои два письма, послание «Мол. Дальневосточнику» сделал. Позавчера сдал статью об Уэллсе. За статьей о кино никто не приходит. А еще я позавчера отколол: отнес «ЗПвГ» в «Новый мир», хочешь режь меня, хочешь как хочешь. Чего зря лежит? Узнаем хоть, как они там к этому относятся. Сидела там унылая тетка, впрочем, доброжелательная, которая только спросила: «Это не детская литература?» Я сказал, что нет. Тогда она предложила зайти через недели две-три, и я отбыл.

Вчера встретился, наконец, с Карякиным. В «Узбекистане», сам понимаешь. Умный и очень эрудированный, и страшно злой парень. Возраст 36 лет. Нас знает и любит. Потом к нам за

столик вдруг уселся толстоватый короткий еврей с толстым носом и веселыми глазами, в висящем свитере. Оказалось — Эрнст Неизвестный. Побратались. Тоже нас знает и любит. Одним словом, пришли в двенадцать, разошлись в семь. Много интересного. Потом расскажу.

О нашей встрече. Разумеется, я приеду, куда ты хочешь. Но значение должны иметь только лично-семейные обстоятельства, а отнюдь не финансовые. У меня деньги есть (чего и тебе желаю), а пока есть у меня, есть и у тебя, сколько раз повторять? Так что этот ашпект еще раз продумай, тебе ведь на юг не мешало бы, не то что мне. А если не раздумаешь, то я всегда готов — между 20 и 25 могу быть как штык в Ленинграде.

Вот кажись все. Да! Слушай, срочно вышли экзы. Меня скоро бить будут.

Поцелуй маму, привет твоим, жму и целую, Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 10 СЕНТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Отвечаю сразу на два твоих письма.

1. Во-первых, я болею. Схватил меня грипп, держит вот уже четвертый день и никак не отпускает. Болею в страхе — боюсь всех перезаразить. Адкины родственники уехали, и началась очень странная жизнь, которой мы обречены, по-видимому, надолго. Андрюшка ходит в школу, эрго — возвращается домой в полпервого, эрго — я должен сидеть дома с полпервого и до шести, когда возвращается с работы Адка. Практически это означает, что отныне и присно я могу покидать дом только вечером. Сам понимаешь, что в таких условиях ни о каком юге не может быть и речи. Конечно, можно было бы засадить маму, но я, грешник, приберегаю это последнее средство к зиме, когда мы, может быть, все-таки поедем с тобою в Комарово. Вообще, надо искать приходящую няньку, но где?!!!? Первая в мире атомная электростанция и первый в мире космонавт есть; блюминги есть, крекинги, и много чугуна, приходящегося лично на мою душу, а вот няньки нет. Чего нет, того нет. Так что приезжай, брат! Приезжай числа 20–25, с мамой я уже говорил, она рада. Работать будем днем у меня, а вечером я иногда буду ездить к маме ночевать до следующего полудня. Жить можно будет, чего там.

2. Все твои мероприятия одобряю. Может, действительно, отдать статью о кино в ЛитГаз? Некоторый интерес ведь она пред-

ставляет. А можно и оставить ее полежать — рано или поздно пригодится. Как это ни смешно, а ведь все материалы наших неопубликованных статей постепенно публиковались — только вразбивку и под разными соусами.

3. Кусочек нашего интервью появился и в журнале РТ[1]. Ма-а-аленький кусочек с этой идиотической фразой насчет троянского коня, въезжающего в умы населения. Господи, за такую бредятину нас считают ответственными!

4. Получил несколько писем. Неинтересно. Один мальчик из Казахстана просит меня купить ему менисковый телескоп. А еще приходили ребята из школы вундеркиндов, просили выступить у них на кружке любителей лит-ры. Наверное, придется.

5. Собраний в писдоме пока не было. Общаюсь с Дмитревским по телефону. Кстати, ты меня крайне обидел тем, что все сведения о фант. совещании я получаю почему-то от Дмитревского. Это всё равно что ты бы узнавал от Громовой, скажем, как у нас идут дела со сценарием. Нехорошо. И ты уже не в первый раз оставляешь меня эдак за бортом событий.

6. Подумал сейчас, что с «Новым Миром» мы, конечно, обречены. Надо было все-таки делать это через знакомых, через того же Карякина, что ли. А то ведь отдадут рукопись какому-нибудь дурачку — чего там церемониться, мол, фантастика ведь! А с дурачка что возьмешь — ничего не поймет и соответственный отзыв смастерит. Даже шума не получится.

7. Зря ты меня лягнул насчет Гранина. То, что он хорошо относится к нашим вещам, сказал мне Гор. Это раз. А во-вторых, где ж тут противоречие? Может, он действительно относится к нам хорошо, но не отлично. Черт возьми, если бы меня спросили корреспонденты, кого из писателей я люблю, я назвал бы там, скажем, Солженицына и А. Толстого, но не Гранина, конечно, хотя отношусь к нему очень хорошо. Я-то ведь об отношении к нам Гранина знаю ЛИЧНО только то, что он однажды попросил у меня ХВВ. Все. Ни бита информации больше. Не знаю даже, прочел ли он ХВВ, которое я ему подарил.

8. Аркашка, чего-то я не все понимаю насчет статьи для «Детской лит-ры». «ФАНТАСТИКА и воспитание» или «ЛИТЕРАТУРА и воспитание»? Мне как-то казалось всегда, что — второе. А?

---

[1] В каждой комнате и на окраинах Вселенной // РТ (Радио. Телевидение) (М.).— 1966.— № 17.

Давай приезжай. Дела до фига:

1. Обсудим статьи (и м. б. одну написать)

2. Обсудим сюжеты

3. Решить, мать-перемать, что же мы теперь будем писать в ближайшее время!

4. И вообще.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Слушай! А встреча с Верченко состоялась или нет?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 13 СЕНТЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Очень огорчительно, что ты этак скапустился. Выздоравливай давай, буду в Ленинграде числа двадцать пятого-третьего. 23—5-го для ясности. Работать будем, натурально, у тебя. Все получится отлично.

2. «Моск. Правда» позвонила, взяла статью о кино. Но молчат. «Комсомолка» взяла об Уэллсе, уже звонили, славили, что понравилась. Да, нынче Севка звонил, говорит, будто его, Севкина, статья о кино появилась нынче в «Сов. Культуре». Да он нам не помеха. У него про другое.

3. Наше интервью в РТ видел и ужаснулся. А как оно выглядит в СК? Ужо приеду, погляжу у мамы.

4. О фант. совещании я тебе не писал потому, что тебе это незачем. Даже мне это незачем, а тебе и подавно. Это затеяли бакинцы, это писано вилами по воде по-прежнему, а вчера я был у Ефремова в присутствии Дмитревского, они поддержали опасения Гранина, что-де несвоевременно совещание, заставят лозунги валять, ведь пятидесятилетие на носу и пр. Лучше, говорят, сделать всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов. Теперь мне предстоят досаднейшие объяснения с Громовой и с бакинцами. Какое может быть совещание, если ленинградская организация против, да и половина московской против, а остальные относятся к этой идее прохладно? Всё это административные неинтересные дела, потому тебе и не писал.

5. Дела в «Новом мире», наверное, действительно обречены. Да нам-то что? На то и шли. Карякин там никого не знает, у меня такое впечатление. Кстати, он просит дать ему ЗПвГ. Ужо дам. Пусть. А ты получил от меня ЗПвГ и ВНМ? Я твои три экза получил, но надобно еще хотя бы три.

6. Статья для «Детск. Литературы», разумеется, ЛИТЕРАТУРА и воспитание. Почему фантастика? Это я описался, наверное.

7. С Верченкой я встречался, я разве не писал? Он только сказал мне, чтобы мы не беспокоились и наш том идет девятым. А мне вчера звонил Жемайтис и сообщил, что пустил наш том седьмым, только бы начальство пропустило. Эх, ма! Но ничего, ничего. Молчание[1].

Вот, кажись, все. Всем приветы и поцелуи.

Жму, твой всегда Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Все никак не мог ответить тебе: то то, то се. Да и отвечать-то, собственно, нечего. Ты ведь ни о чем не спрашиваешь.

Был я тут в математической школе, у вундеркиндов. Там — клуб «Алые паруса» — прогриновская организация, имеющая ответвления по всей стране. Хорошие ребятишки, умные, начитанные, левые. Цель у них («дело чести») построить памятник Грину в Крыму в день девяностолетия со дня рождения его. С Грином нехорошо. Судя по газетам, Грин полностью реабилитирован, наш простой советский Грин, а на самом деле с памятью его творятся разные гадости. Ежегодно приходящие к его дому туристы складывают пирамиду из камней, и каждую осень науськанные обкомом местные селяне пирамиду эту разваливают и т. д. Секретарь крымского обкома заявил, что Грин — чуждый нам писатель — и точка! Борьба идет уже несколько лет. Ну, вот устроил я им там вечер вопросов и ответов. Прислали больше 70 записок, в зале было человек 200. Хорошая аудитория, умная, хоть и девятиклассники в основном. Записки сохранил, возьмешь себе, если захочешь. А больше никаких дел и не было. Скоро начинаются заседания в писдоме. Приехал Дмитревский, рассказал, как вы там общались у Ефремова и Севки. Насчет совещания я совершенно согласен с вами всеми — накануне праздника ничего хорошего из этого не выйдет. Надо подождать.

Интервью наше в Совкульте выглядит нисколько не лучше, чем в РТ, там оно просто длиннее. Срамотища!

---

[1] Реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя.

Съезжаются сейчас люди в Пулково после отпусков и командировок, и все в один голос говорят, что мы сейчас самые модные писатели среди интеллигенции. Книг наших не достать, платят за них бешеные деньги, все цитируют ПНвС и УнС, в ванных на корытах пишут мылом СЛЕГ и т. д. Приятно и смешно.

Вот и все мои новости. Экзов УнС больше прислать не могу: у самого осталось только три штуки. А кому ты еще должен? Не приятелям ли Якова? Они мне тут давеча звонили из Москвы, поддавши, по-моему, трепались — показались мне милыми людьми.

Ну ладно, жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет. Что это у нее за работа? Дмитревский тут все по этому поводу топорщился. И вправду странно. Или тебя тоже с деньгами прижало?

Посещение БНом школы с вундеркиндами нашло свое отражение в ГЛ. В офлайн-интервью БН позже вспоминал: «"Какими вы хотели бы нас видеть в будущем?" Этот вопрос, действительно, был задан мне, когда году эдак в 65-м я выступал перед учениками одной из «колмогоровских» школ Ленинграда. Равно как и впоследствии Банев, я был этим вопросом повергнут в глубокий шок и ответил, помнится, банальностями (как и он)».

И снова АБС встречаются в Ленинграде.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

[БЕЗ ДАТЫ] Григорий медленно шел по узкому сумрачному коридору. Сзади бухал сапогами мрачный лейтенант с пистолетом на поясе. Это был какой-то новый лейтенант. Вчера был другой — белобрысый и смешливый. На Григория он всегда смотрел зверем и во время допроса, когда надо было, бил его по лицу или хлестал шомполом по животу. Это было в порядке вещей — поить касторкой и пороть шомполом по животу. Обычно желудок не выдерживал, а прибирать приходилось самому. Вылизывай, вылизывай, сволочь, говорил белобрысый и пихал в бок. Славный, славный, недалекий паренек. Где ты теперь? Может быть, уже валяешься над ямой с решетками для стока крови. А может быть, еще вылизываешь. В чем интересно тебя заставляют признаться?

Не забыть:

1) Так молодежь теряет веру. Кто же будет сражаться и за что?

2) Целует шкаф.

3) Молоденький майор с испуганным видом, бьет его по лицу.

4) Этот опыт не учли. Ничего, теперь поставят решетку.

Он еще слышал вопль мрачного лейтенанта: «Назад! Назад!»

29 сентября 1966

[дневник приездов: 29.09.66. Приезд 27.09.66. Писать статью и план ГЛ.]

Сделали статью для «Труда»

30 сентября 1966

Сделали статью об Абэ для «ИнЛит»

1 октября 1966

Сделали ответ Ляпуну

2 октября 1966

[дневник приездов: 2.10.66. Сделали статью в «Ин<остранную> л<итерату>ру».]

Сделали статью о яп<онской> ф<антасти>ке для «Азии и Африка сегодня» и ответ на анкету «Ин<остранной> Лит<ературы>»

3 октября 1966

Сделали предисловие к ПкБ + ДР для «Прогресса»

4 октября 1966

Пытались сделать статью для «Детск<ой> лит<ерату>ры». Отложили. Имеет место обалдевание.

5 октября 1966

Идет дождь.

Это сюжет.

Мокрецы

Нанты

Герой — переводчик с нантского (никому здесь не нужный); практик — Арк

Контрразв<едчик> — решит<ельный> человек, антропоцентрист, полуфашист; прототип — Скурлатов

Доктор — таинств<енная> фигура, «Бег»[1], знает все «за» и «против», скептик и умник

Ученый — образец, оптимист, все м. б. решено; образец — Корольков, Птицын, Альтов

Этот мир уже начал изменяться: все время дождь; кто-то ходит на руках; люди жуют какую-нибудь сволочь и т. д. Герой не замечает. Доктор замечает, но помалкивает; ученый хлопает ушами от изумления; (а м<ожет> б<ыть> он — из местных?); контрразв<едчик> — злится и недоумевает.

---

[1] Не помню. При чем здесь Булгаков? Совсем не помню. — *БНС.*

Санаторий, в кот<ором> никто не живет; в кот<ором> больные болеют, врачи — манкируют, организация прогорает — живут и тренируются футболисты — полубезумный тренер, готовящий команду спец<иально> для игр под дождем. Иногда в санаторий приходят дикие нанты — родственники Росшепера — живут в кабинетах, разводят костры, пляшут воинств<енные> пляски, поют — Росшепер записывает и выдает за свое.

Город — перевалочный пункт для иммигрантов? Контрразв<едчик> — якобы работает в таможне, на самом деле — ведет чистку и вербовку.

Правительству о мокрецах известно. Сначала посылают ученую комиссию, корреспондентов, чтобы устроить сенсацию и оживить санаторий; потом что-то щелкает в машине, и решают строить военную базу — всех задерживают и засекречивают; потом развивает деятельность наш контрразведчик, его сначала слушают, а потом? Какая-либо дикость (не злобная, просто глупая и несообразная).

А герой мучается между тремя женщинами (жена в столице; медсестра и нантка), всех любит, всем отдается и испытывает моральные угрызения. Изучает философию, читает газеты — все как учили в ин<ститу>те. Зачем, не знает. Зубрит, не понимая: Шпенглер, Маркс, Фрейд, Шопенгауэр, Ницше. Добрый, бестолковый чел<ове>к. Идеи товарищества и военного долга.

Искусственная кульминация в конце. Фальшь-кульминация. Все при своем. Контрразв<едчик> — олицетвор<ение> теории малых дел. Всё, что в моих силах,— сделаю.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИЕЗДОВ АНа В ПИТЕР

10.10.66. Завтра отъезд. Написано 6 статей, составлен сюжет ГЛ.
11.10.66. Отъезд.

После отъезда АНа БН начинает перевод романа Джона Пристли. В архиве сохранились сама книга на английском языке «The Old Dark House» и ее машинописный перевод, на первой странице которого стоит дата: 12.10—2.11.66.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 ОКТЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Счастлив сообщить тебе новости. (А это не всегда так бывает, что сообщение новостей доставляет удовольствие.)

1. Наш том вышел. Позавчера вечером был сигнал, а вчера Аля выморщила в производственном отделе один экз. в мое личное пользование. Сегодня годовщина Сережи Жемайтиса, я туда иду выпить унд закусить и взять этот экземпляр. Ура! Ура! Ура!

2. Деньги за статью об Уэллсе перевели целиком тебе на книжку — что-то вроде пятидесяти пяти рублей. Там случилась какая-то ошибка, и они записали всю сумму на твою карточку. Но это тоже превосходно, потому что вчера же ни с того ни с сего «Мир» выплатил нам двести рублей — 60 % за предисловие к сборнику «Молекулярное кафе» (помнишь?) и за составление этого сборника. Соответственно сегодня же посылаю тебе семьдесят пять рублей, и мы в расчете. С одним «с».

3. Относительно ВНМ ничего нового.

4. Относительно ЗПвГ — в «Новом мире» еще не был.

5. Виделся с Изабеллой Соловьевой, ничего не понял. Марки, она говорит, у нее есть, и она собирается тебе их переслать, но когда и как — не понимаю. Может быть, она передаст мне альбом, когда я в ноябре поеду к тебе.

6. Якову альбом передал. Крепко поддали.

7. О письме-документе здесь никто ничего не слыхал.

8. ВНМ отдал в «Мол. Гв.». Только не знаю, получится ли что-либо.

9. 12-го было совещание в «Ин. л-ре». Очень интересно было. Выступали весьма значительно Юра Карякин, Рим Парнов, Нудельман и Сашка Мирер. Остальные не столь. О судьбе наших бумаг для «Ин. Л-ры» еще ничего не знаю.

10. Статью Кагарлицкого в «Коммунисте» встретили доброжелательно, только попросили не обойти Стругацких критикой, не ограничиться одними панегириками. Юлька в ярости звонил мне и требовал, чтобы я указал ему, за что надо ругать ТББ и ХВВ. Я ему зачитал Францева, посоветовал написать в том же духе, на что он заорал, что не желает выставлять себя перед всем светом идиотом. Сошлись на том, что критиковать ТББ он вообще не желает, а ХВВ покритикует за камерность — страна-де маленькая, курортная, нетипичная.

Вот, кажись, и всё.

Пока. Приветы всем, поцелуй маму и Адку.

Р-расскажите, пожалуйста, пр-ро Р-росшепера!

Целую и жму. Твой всегда Арк.

Пояснение странной фразы в письме («Р-расскажите, пожалуйста, пр-ро Р-росшепера!») можно найти в офлайн-интервью БНа.

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 16.12.99

Откуда появляются такие странные имена героев Ваших произведений (Бол-Кунац, Зурзманзор)? Связаны ли они как-нибудь с внутренним миром героев?

Павел. Москва, Россия

Все эти имена изобретены были в свое время моим шестилетним сынишкой (он же — автор бессмертного стихотворения «Стояли звери около двери...»). У него, помнится, был написан роман (страницы на три) про некоего Росшепера и его «заметчиков» (которые всё, сами понимаете, замечали). Так вот Бол-Кунац, Зурзмансор и Валерьянс (и еще несколько человек, которых я теперь уже запамятовал) и были этими самыми заметчиками. Имена эти нам с АН очень понравились, и мы их вставили в ГЛ, где они (по-моему) оказались вполне на месте.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 16 ОКТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Очень рад твоим новостям, но ничему не поверю, пока хоть один из нас не подержит том в руках. Хотелось бы, чтобы это был я.

Деньги за «Уэллса» я получил — действительно рублей 55. С удовольствием получу от тебя малую толику, так сказать, кель ке шёз.

Занят я в основном переводом. Каждый день регулярно перевожу примерно по 5.5 стр. текста. Дело идет, но вот что странно — никак я не уловлю его стиль. Ну да ладно — потом будем ловить вместе. Если ничего не случится, надеюсь кончить к концу октября — началу ноября.

Пришло письмо из Дома Ученых с предложением выступить. Ты, вероятно, тоже получил. Думаю, что ехать тебе ни к чему — побереги дни для дела. А я уж как-нибудь отболтаюсь.

Имел телефонную беседу с Мееровым. Очень он был огорчен, и я пообещал ему, что постараюсь все-таки что-нибудь сделать. Ума не приложу — что. Давеча был день рождения Мартынова (60 лет), я ему послал от нас с тобой соответствующую телеграмму.

Вот и все мои новости, если это можно считать таковыми.

Да, был я тут в Пулкове. Одна девица мне сказала, что в каком-то номере «Советского экрана» было якобы что-то о на-

шем сценарии[1]. О каком, где, когда — не помнит. Спроси там у своих, может кто знает. Интересно все-таки.

Теперь о марочках. Очень тебя прошу, выясни все-таки у Изабеллы, что она намерена делать. Если она В ПРИНЦИПЕ согласна мне марки послать, пусть шлет как можно скорее. С тобой пусть не пересылает — сам понимаешь, какая будет для меня тогда работа, буду все время себя пересиливать, как алкаш около бутылки. Пусть шлет заказной бандеролью или пусть отдаст тебе, а ты вышлешь.

Ну, крепко жму все что надо, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке и всем нашим друзьям.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 21 ОКТЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боря!

Прости, не ответил сразу. Замотался с совещанием фантастов, имевшим быть 19-го, а кроме того, сильно заболела Машка, искали врачей, надо класть ее в больницу и удалять гланды.

Том наш вышел, можешь не сомневаться. Аля достала мне экз в производственном отделе, он стоит сейчас у меня в ряду прочих томов этой славной библиотеки, самый толстый и красивый том из всех, с послесловием Ревича, с нашим фото, сделанным Сашенцией в Алупке (или то была Алушта?), несколько более серый, нежели остальные белые. И Алька уже выписала нам деньги, так что по прошествии определенного времени ты получишь как славу, так и злато.

Вчера меня пригласили в ЦК ВЛКСМ, где я имел трехчасовую беседу с инструктором, неким Вадимом Борисовичем Чурбановым. Цель приглашения была — заручиться моим участием в огромной читательской конференции, имеющей быть числа 29-го в Политехническом музее, организуемой ЦК ВЛКСМ, в которой примут участие многие киты литературы и драматургии. Поначалу мыслилось, что я буду вести диалог с Титовым, как прототипом наших произведений, но я мягко и настойчиво уклонился от этой чести, и мы согласились на том, что я буду выступать соло. Беседа была интересной и поучи-

---

[1] Левшина И. Неделя на «Ленфильме» // Советский экран (М.).— 1966.— № 17 (сентябрь). Цитата из статьи: «Сейчас объединение работает с В. Тендряковым и В. Дубовым. В перспективе — фильм по роману фантастов А. и Б. Стругацких “Трудно быть богом”».

тельной. Должен тебе сказать, что с Жемайтиса выговор снят и к нам отношение хорошее. Подробности при встрече.

Совещание фантастов тоже прошло на небывало высоком уровне. Явилось восемьдесят человек, до конца — т. е. до одиннадцати — досидело около семидесяти. Выступало шестнадцать. Уровень выступлений — не то, что при Сытине. Разговор резкий, умный и нелицеприятный. Дважды обгадили Казанцева (в обоих случаях я, как председательствующий, вставал и мягко просил ораторов не увлекаться. При всем том, что я сознаю, что совещание это — некая клоака для выхода общественного темперамента, было все же интересно и во многом лестно. Разговор все время крутился вокруг ХВВ, ТББ и «Возвращения со звезд», сводился к разнообразным истолкованиям этих вещей в подтверждение точки зрения толкующего или в опровержение точки зрения предыдущего оратора, а также в обоснование мысли, что фантастике необходим — наконец! — свой журнал и что активу писательскому необходимы постоянные пропуска в ЦДЛ. В толпе сидела секретарша Казанцева и всё тщательно записывала. Я не выступал. Восьмеро из выступавших блистали титулами докторов и кандидатов всевозможных наук, гл. обр. социологических и философских.

Была и Изабелла Соловьева, но она меня как-то избегала, и поговорить с нею мне не удалось. Возможно, насчет марок она просто врала, не знаю.

Был у Манина, познакомился с Высоцким. Право, отличный парень и великолепный актер. Он приехал поздно, прямо с «Галилея», где играет заглавную роль, и потому разошлись мы около трех часов. Пел отличные песни, две о фантастике. Он очень нас любит.

Был я и у Севки, он ушел из ЛитГаз, куда пойти — еще не решил. В понедельник все встречаемся у Биленкина.

Есть мысль. Это под влиянием выступления Нудельмана. Не сделать ли нам героя ГЛ не вновьприбывшим, а уже прослужившим там лет пять офицером? Чтобы не получилось нового Жилина, гостя и открывателя. Мне кажется эта мысль привлекательной. Подумай.

Пока всё. Крепко жму, твой Арк.

Целуй маму и Адку, и Р-росшепера.

Людмила Абрамова — вторая жена Владимира Высоцкого — вспоминает о знакомстве мужа с АНом.

ИЗ: АБРАМОВА Л. ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

С Аркадием Стругацким я познакомилась в 1966 году, когда Володя был в Сванетии. Познакомились мы с ним вместе с Жорой Епифанцевым. А когда Володя вернулся, и ему был сделан этот драгоценный подарок.

Взаимное впечатление было, конечно, потрясающим. Особенно потому, что Володя еще в Тбилиси, в гостинице, написал «В далеком созвездии Тау-Кита» и «Марш космических негодяев». И этими песнями он поверг Стругацкого в состояние неимоверного восторга. В особенности песней про «Тау-Кита», потому что они в это время работали над «Улиткой»... И Володя, и Аркадий очень гордились, что у них одновременно сработала мысль на эту тему.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 24 ОКТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

У нас тут ничего особенного не происходит. Я себе помаленьку перевожу, работы осталось еще на неделю, если все будет хорошо. Трудностей более чем достаточно, местами я несу очевидную чушь, ибо не понимаю. Ужо вместе.

Получил приглашение сниматься в телефильме насчет нынешней молодежи. Молодые хорошие ребята задумали снять современную молодежь в разных видах — от управления циклотроном до стояния в подворотнях — а потом дать этакую дискуссию по поводу увиденного: молодежь должны судить пять «строгих мужчин», из коих одна женщина-социолог, я, артист Юрский, социолог Ядов и еще кто-то. Поколебавшись, я согласился — всё равно ничего у них не выйдет, а с Ядовым познакомиться хочется.

В Ленинградском Университете состоялось на одном из собраний в главном актовом зале выступление хунвэйбинов — прощальное, перед высылкой. Сцена, говорят, была безобразная, они орали: «Да здравствует Мао», «Долой ревизионистов» и «Всех вас перетопим в Амуре!» Руководство собранием обнаружило полнейшую неспособность с ними справиться и просто разогнало все собрание.

Сделать нашего Рашевского давно живущим в городе я готов. (Должен только напомнить, что это не нудельмановская идея, а моя.) Я тебе прямо скажу, что меня больше всего волну-

ет в этой повести: нужны посторонние разговоры, не имеющие отношения ни к сюжету, ни к философии — просто болтовня, офицерский треп. И соответствующие мысли героя — тоже не имеющие прямого. Вот что самое сложное. И любовная история нужна. И чтобы он алименты посылал. Понимаешь, главная ведь тут идея: пока мы, пусть даже хорошие, пусть даже честные и славные, возимся в своих мелких делишках, будущее запускает свои щупальцы. Так вот эту возню в делишках показать бы!

Теперь вот что. Андрюшке ведь полагаются каникулы. Так я думаю, что будет лучше, если ты приедешь после оных. А то придется все время сидеть у нас, а это не то. К сожалению, я не знаю еще, когда каникулы кончаются, но, может быть, ты знаешь? В общем, я узнаю. Ты как, не против после каникул? Отпиши.

Засим жму, жду тома, твой [подпись]

P. S. Желаю тебе хорошо выступить в Политехническом — дело полезное, нужное, серьезное.

Ленке привет.

А Изабелле все-таки звякни — выясни, по крайней мере, не врет ли. А то я тут жду, все штаны просидел.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 ОКТЯБРЯ 1966[1], М.— Л.

Дорогой Боб!

Днями Алька купила нам десяток экзов нашего тома. Четыре я послал тебе, ты, наверное, их уже получил. Как получишь — отпиши. Деньги нам уже выписаны и переводятся. Вышло на нос что-то по три двести, очень неплохо, если вспомнить, что 60 % мы уже получили. Итак, эпопея с «Библиотекой мировой фантастики» для нас закончена. Москвичи уже вовсю раскупают седьмой том.

Приеду, разумеется, после каникул, а как же? Это будет числа пятнадцатого-семнадцатого. Будем со смаком работать, хотя должен тебе сказать, голова у меня без тебя совершенно не варит, ничего не могу вспомнить интересного из своих офицерских времен. Какое-то бормотание и бульканье насчет баб вспоминается, трое суток подряд за префом, комиссии по снятию остатков, караульные помещения — и все. Но не беспокойся, найдем и опишем. Плохо, что он единственный у нас офицер. Да это тоже дело поправимое.

---

[1] Датировка составителей.

Из ЦК ВЛКСМ не звонят, так что я до сих пор не уверен, буду ли выступать. А вчера имел место уширенный секретариат МО ССП по вопросам нарушений авторского права. Вопиющие дела раскрылись. Я всё более и более убеждаюсь, что нам весьма везло, нас не обсчитывали, не обманывали, не водили за нос. Госкомитет принимал участие в секретариате, обещают всегда стоять на страже интересов писателей в издательствах. Не хватает бумаги. И все такое прочее.

Мадам Калакуцкая прочитала «Возвращение», есть у нее замечания. Завтра иду в Детгиз ругаться. Думаю, если очень будут наваливаться — уступать. Если даешь карт-бланш — не буду тебя больше этим беспокоить. В производство Нина собирается сдавать в ноябре. СБТ сдано на иллюстрацию, но не Макарову. А «В» Макаров уже отиллюстрировал. НичегЁ.

Слушай, надо работать по-настоящему. Ну их, все эти статьи и переводы. Только в свободное время. Нам писать и писать надобно. А то этак и выродиться недолго.

Намедни почти целый день провел с Севером. Написал он два отличных рассказа и две отличных пьесы. Аж завидно стало.

Третьего ноября меня повезут под Москву болтать о фантастике перед всесоюзным семинаром редакторов и критиков. Это личная просьба Комитета по печати, отказываться было нельзя.

Вот и всё.

Целую, жму. Твой всегда Арк.

Поцелуй Маму, Адку, Росшепера.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 30 ОКТЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

Писать особенно не о чем. Есть только одна не слишком приятная, но и не неожиданная новость: в ленинградском СовПисе ничего не выйдет. Гор говорит, что отклонены мы по формальным соображениям: раз живем в разных городах (т. е., раз ты живешь в Москве), то по существующему положению СовПис может нас печатать только в Москве. Только ли в этом дело — неизвестно, но факт остается фактом. Гор очень сокрушается, передает тебе приветы, вышел его «Глиняный папуас», он тебе подготовил экз и вообще очень тебе благодарен. Может быть, все-таки попробовать в Москве? И даже, может быть, не давать ЗПвГ целиком, дать только УнС, ВНМ и ГЛ. Поразмысли-ка.

Выступал давеча в кафе «Молекула» у физиков-молекулярщиков — приняли хорошо, и вообще было хорошо, но перепил там кофе — сердце разболелось. Мне мое сердце что-то вообще не нравится последнее время, и вот уже с самого твоего отъезда курю режимно — сигарета в час (если не считать, правда, выпивок).

Отпиши ты мне, что слышно у вас насчет ВНМ. А то ни ты, ни Яков что-то не пишете ничего об этом. И что там с Яковом? Откуда у него такая депрессия? Результат моратория на выпивку?

Перевожу успешно. Осталось работы на три дня. Потом начну подчищать — там есть что подчищать.

Ну, жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

А нет шансов издать сборник ГЛ, УнС, ВНМ в МолГв в 68 году?

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 4 НОЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Прости, опять задержал письмо. Три дня мотался, устраивал Машку в больницу на операцию. Вчера, наконец, устроил, сегодня ее оперируют. Спаси нас, Боже, и помилуй.

Был у Манина, записал Высоцкого. Получилось две катушки. Привезу, послушаешь.

Был на той неделе в театре Любимова, смотрел «Галилея» с Высоцким в главной роли. Здорово. Все здорово: и пьеса, и Любимов, и Высоцкий. Театр, несомненно, новаторский, но без заумного дерьма, а именно нашего плана — фантастический реализм. Перед спектаклем Высоцкий сводил меня познакомиться к Любимову. Очень понравился он мне. И в частности тем, что попросил поработать для них. Мы ему страшно нравимся, родственные души. Он не навязчив, просто просит посмотреть его работы и подумать, получится ли у нас что-нибудь. Проклял я, что ты не в Москве. Надо выписать тебе командировку, чтобы ты приехал специально на театр. Пьесу будем писать! Если бы ты посмотрел «Галилея», ты бы тоже, наверное, загорелся. А очереди в театр —·елки-палки. У кассы составляют списки на билеты на полмесяца вперед. И Володя хорош (Высоцкий то есть). Он бы отлично сыграл Румату.

Вчера возили меня с Ариадной на всесоюзный семинар. Их там держат в санатории ЦК ВЛКСМ «Березки» — четыре километра до ближайшего сельпо, шесть — до ближайшей автобусной остановки, восемнадцать — до ближайшей ж/д станции,

сто пятьдесят до Москвы. От соблазна. Встреча прошла отлично. Стругацкие, Лем, Брэдбери. Вот так идет разговор. Умницы, у себя на периферии пришли к тем же выводам, что и мы здесь в центре: фантастика — социологическая и философская литература, а научно-техническая — старье.

Про ВНМ ничего нового не слыхать. Яков хочет дать в «Знамя». Не верю, что выйдет. Больше надежд возлагаю на нашу старую добрую «Мол. Гв.». Буду беседовать с Белой насчет 68-го года.

Да, чуть не забыл. Возможно, нам в начале декабря придется смотаться на денек-другой в Новосибирск. Там провели «Под интегралом» конкурс на лучшее фантастическое произведение последних лет, и, кажется, мы где-то получим одно из первых мест.

Ну, пока всё.

Жму и целую, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

К письму приложена фотография Высоцкого в роли Галилея. На обороте написано:

Аркадию, который сейчас здесь, и Борису, которого сейчас нет,— Стругацким,— самым любимым мной и моей женой писателям (я специально не пишу — фантастам), именно писателям, с надеждой на более частые встречи с ними,— в книгах и лично.

Здесь я в роли Галилея! Он не говорил: «А все-таки она вертится». Но хочется думать, что все-таки говорил.

Володя Высоцкий.

«А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты»

[подпись]

О премии клуба-кафе «Под интегралом» вспоминает БН.

БНС. ОФЛАЙН-ИНТЕРВЬЮ, 13.04.04

В «Гадких лебедях» Баневу между делом присуждают литературную премию лепрозория. Насколько часты в реальной писательской жизни такие события?

Mandor. СПб., Россия

История с «премией лепрозория» навеяна в свое время была совершенно реальным случаем: научники Новосибирского ака-

демгородка учредили премию своего клуба «Интеграл» и даже успели ее дважды вручить — АБС за «Понедельник» и, кажется, И. Грековой за рассказ «За проходной» (не уверен). Потом клуб был ликвидирован высочайшим распоряжением, но прецедент сохранился и был нами использован.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 6 НОЯБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю немедленно.

1. Прислал письмо В. Травинский. Сообщает, в частности, следующее (цитирую): «Литературка сменила штат, во главе критики села сейчас милая пока и хорошая баба, Инесса Генриховна Травкина. В связи с переходом на еженедельник они наметили план рецензирования... в том числе Чаковский почему-то включил ваше «Возвращение»... Как бы то ни было, Травкина, будучи вашей поклонницей, просила меня официально выяснить: надо возвращаться к «Возвращению» или нет?.. С одной стороны, вроде бы полезно указать, какой светлый коммунизм у темных Стругацких, с другой стороны — стоит ли? Снижать вас или нет? Выправлять или не выправлять?»

Я взял на себя смелость ответить ему следующее: мы будем всячески приветствовать такую рецензию при условии, что а). Она будет положительной и б). «Возвращение» в ней не будет противопоставляться нашим позднейшим вещам (в смысле, вот, мол, как Стругацкие писали раньше и до чего они докатились теперь). Только при этих условиях!

2. Адка имела интересную беседу с одним нашим общим знакомым, с которым мы когда-то вместе учились в аспирантуре и который стал теперь довольно известным ученым-радиоастрономом. Он — сын известного советского астронома Парийского и имеет много знакомств в научных верхах. Так вот он сказал, что в Москве физики, ученики и аспиранты академика Тамма взалкали иметь полную УнС и хотят просить Тамма, имеющего много ходов в ЦК, чтобы тот похлопотал о разрешении издать УнС полностью. Парень этот собирался со мною встретиться и поговорить, но пока еще не. Должен признаться, что я в некоторой растерянности. С одной стороны, лестно и вообще приятно, что физики пытаются навязать свои желания наверху. Но с другой стороны — за них страшно: книжечка-то тово! Не знаю, не знаю.

3. Выступал тут в Доме Ученых в Лесном. Хорошо принимали.

4. Перевод Пристли (черновой) закончил. После праздников начну по второму разу.

Вот и все новости, пожалуй. Как там Машка?

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Деньги из МолГв получил — около 3200. Смачно! Как из-под воды вынырнул.

Ленке большой привет.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 11 НОЯБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Борик!

Пишу письмо последнее перед встречей.

Твой ответ Травинскому одобряю. Пусть. С паршивой овцы (с «Литературки») хоть шерстью попользоваться.

С физиками Тамма — интересно. Не опасайся. А главное — нигде не говори, что-де «книжечка-то тово». Ничего она не тово. Отличная книжечка. Вполне современная и коммунистически-гуманистическая. Вот так. В этаком разрезе.

Машке сделали операцию, теперь она дома. Все хорошо. Тьфу-тьфу.

Целую, твой [подпись]

И вновь АБС съезжаются для совместной работы.

РАБОЧИЙ ДНЕВНИК АБС

15.11.66

1. Человечество погрязло в мелочах, каждый интересуется более всего мелкими своими жизненными проблемами, а будущее запускает тем временем свои щупальцы, оно рядом.

2. Мокрецы — независимая от современного общества интеллигенция, прообраз возможного будущего, хорошего ком<мунистического> об<щест>ва. Существа, для кот<орых> познание и творчество стало инстинктивной потребностью.

3. Интуитивная ненависть обывателя к познанию и творчеству, как к факторам, подрывающим естественный конформизм обывателя.

4. Современный герой — это вчерашний герой; при столкновении с будущим он становится его противником.

5. Вопросы фундаментальные решаются на уровне интриг.

16.11.66

Пасмурно.

1. Захват и отправка мокреца.
2. Рекогносцировка в деревню; мундир Перенны.
3. Участие в бою.
4. Организация отстрела.
5. Отстранение Виктора, вызов вертолетов.
6. Нападение на мокрецов и отстранение за «моральное разлож<ение>».

Капитан Виктор Банев.

Майор Павор Сумман — уполномоченный Департамента Нац<иональных> меньшинств.

Доктор Рем Квадрига — ученый, член Этнографической Экспедиции, спец<иалист> по эрозии почв.

Писатель Юл Голем, переводчик с нантского.

Поручик Перенна, пропавший без вести.

Фламин Ювента, спившийся промышленник, бывший коллаборационист.

Медсестра Диана Виртута.

Росшепер Нант, депутат парламента, поэт.

Зурзмансор, староста нантской деревни, бывш<ий> шаман.

Бунашта, нантская девушка, завларьком.

Бол-Кунац — нантский мальчик.

14 июля. Вечер. Ресторан «Приятный вечер». Сидят Банев, Голем, Квадрига (пьян). Появляется Павор. Разговоры. Приезжает Диана за водкой для Росшепера. Уезжает. Банев едет за ней. Санаторий «Теплые воды». Развлечения Росшепера Нанта. Ухлестывает за Дианой. Футболисты «Братья по разуму».

15 июля. Утро. Идет в канцелярию роты, читает оперсводку. Появляется Павор с сообщением о возможном прорыве. Выезжают на рекогноєцировку. Павор накачивает Виктора насчет мокрецов. Дождь, футболисты гоняют мяч. Нантская деревня, встреча с Бунаштой. Павор шепчется с Зурзмансором. Виктор замечает, что нанты вооружены. Разговор о вооружении. Павор предлагает съехать на пляж. Виктор сопротивляется, но соглашается. На пляже находка мундира Перенны. Пляж признан непроходимым. Возвращаются в город. Распоряжения по роте. В канцелярии пишет письмо жене: «Предстоят бои...» Идет в ресторан. В ресторане те же, и еще Фламин Ювента, требующий отстрела мокрецов.

16 июля. Ночной бой. Агентура Павора ошиблась: прорыв начался на сутки раньше и не так, как донесли шпионы. Тревога, обходной маневр, пулемет. Утром возвращается с ротой и пленными. Футболисты гоняют мяч. Ложится спать, написав донесение. Бунашта приходит, рассказывает о мальчишках. Любовь. Приходит Павор с полицейским, исчез Квадрига, все указывает на похищение мокрецами. Полицейский просит помощи. Павор запрашивает, нет ли сообщений с постов. Виктор отказывается помогать: нет приказа. Павор с полицейским уходят, Бунашта жалуется на мокрецов. Для Виктора мокрецы — это морские животные, вроде тюленей. «Грамотная девка, а несешь околесицу». Чуть не ссорятся. Собирается в ресторан, приносят приказ об отстреле. Отдает распоряжение фельдфебелю и идет в ресторан. В ресторане те же, кроме Квадриги.

17 июля. Отстрел. Столкновение с ребятишками под командой Бол-Кунаца. Виктор замечает, что вооруженные нанты, не выступившие против «кайманов», охотно приняли участие в отстреле. Павор требует, чтобы стреляли с дальних расстояний. Виктор не слушается. Дети оттесняют солдат и нантов. Раненые и убитые мокрецы. Виктор в ужасе, убедившись, что мокрецы разумны. Отдает приказ уходить, разоружает нантов и тут узнает, что им дан приказ: как появится мокрец — стрелять. Павор исчез. Возвращается домой, радирует начальству, требует отменить приказ. Футболисты гоняют мяч. Радиограмма: «Отстранен, командование роты передать майору Павору, самому немедленно явиться в штаб полка». Собирается бежать к Павору, но Павор уже в казармах. Павор изображает сожаление и недоумение. Разговор, Павор дает понять, что приказ выполнит. Банев бежит на почту, посылает телеграмму начальству, прося отменить приказ. Бежит к мэру, просит его содействия по гражданской администрации. Мэр мокрецов ненавидит; из личного уважения может попробовать, но ничего не выйдет. Советует к Росшеперу. У Росшепера никаких шансов: именно он и был инициатором расстрела. Разговаривает с Дианой. Ее ненависть к Росшеперу, к футболистам, к спившимся врачам... С моря идет уничтожение для всех. Заходит в ресторан, размышляет. Встречает Бол-Кунаца, тот предлагает помощь. Отмахивается. Он бредет назад в казарму. Снижаются три вертолета. Разговор с Павором в канцелярии. Уезжает на джипе в горы.

18 июля, ночь. В 1 час ночи добирается до нантской деревни. Пробует уговорить Зурзмансора. Никакого эффекта. У него

свои хлопоты: из деревни исчезли все дети с оружием. Решил спуститься к мокрецам и предупредить их, чтобы уходили в море. Бунашта пытается удержать. Вырывается, спускается на пляж. Встреча с мокрецами — в том числе с Перенной и с Квадригой. Там же переводчик Голем. Всё делает по велению морали, он насилует свой долг, свое ощущение принадлежности к другому миру. Разговор с мокрецами всё ставит на свои места.

Туман, гул вертолетов, все заканчивается пшиком. Нанты эвакуируют деревню, мальцы с оружием. Он едет домой, за ним идет туман.

Павор отозван, Виктор восстановлен, но он уже понимает, что мокрецы — угроза. «Бедные прекрасные утята»,— говорит переводчик.

Пьяный скотопромышленник оказывается агентом, подсидевшим Павора.

О вы, паладины конформизма!

В ресторане каждый вечер тренерский совет команды.

Темы для разговоров

I. Гос<ударственные> проблемы:

1) автоматизация и безработица

2) недород населения

3) внутренние элементы, национализм

II. Проблемы, связ<анные> с мокрецами:

1) Мифы и легенды

2) Исчезновения людей

3) Мокрецы и дети

4) Игрушки мокрецов, приборы

III. Проблемы личного характера:

1) Зарплата

2) Глупость начальства

3) Глупость Росшепера

4) Отношения с женщинами

IV. Философские проблемы:

1) Будущее не хорошо и не плохо, не моральная категория

2) Оправдание конформизма

3) Философия Павора: теория 10%

V. Случаи из жизни

VI. Треп

Странности города:

1) Взрослые родители боятся детей

2) Все время идет дождь

3) Поголовное пьянство (из страха смутной опасности: предположение переводчика)

4) В городе нет кошек. Ушли к мокрецам.

17 ноября 1966

Сделали 5 стр. У Аркаши сопли.

18 ноября 1966

Сделали 6 стр. У Аркаши кашель и сопли.

19 ноября 1966

Сделали 6 стр. У Аркаши грипп.

20 ноября 1966

Воскресенье. Писали обращение к Югосл<авским> чит<ателям> и письмо.

21 ноября 1966

Сделали 7 стр.

Вечером отказались от всего написанного[1]. Начинаем с нуля.

22 ноября 1966

Весь день ломали голову.

23 ноября 1966

Виктор Банев — опальный писатель, 35 лет

Юл Голем — врач лепрозория, 50 лет

Диана Виртута — сестра-хозяйка санатория, 27 лет

Рем Квадрига — член метеоэкспедиции

Павор Сумман — инспектор здравоохр<анения> и работник МВД, молодой фашист, 30 л.

Фламин Ювента — глава молодежной организации, 19 л.

Росшепер Нант — член парламента, выходец из народа.

Бол-Кунац — мальчик, 14 л.

Лола — бывш<ая> жена Виктора, 35 лет.

Ирма — дочь Виктора, 12 л.

1. Сцена у Лолы. Ирма их обложила и ушла. Лола рыдает, обвиняет Виктора (безотцовщина) и мокрецов. Виктор разозлен на Лолу, и восхищен Ирмой, и не обр<ащает> внимания на мокрецов (Все у тебя виноваты — плохому танцору штаны мешают).

2. Идет в ресторан, впутывается в попытку похищения мокреца. Получает по затылку. Очнулся — рядом Бол-Кунац, тоже потрепанный. Бол-Кунац приглашает его в школу.

---

[1] Текст первого варианта опубликован в НС-2.

3. Ресторан. Юл Голем и пьяный Квадрига. Голем констатир<ует> удар кастета. (Ужинает мол<одой> человек в очках.) Виктор рассказывает и интерпретирует, как обострение ненависти к мокрецам (в мое время такого не было). Разговор о мокрецах, как о больных людях — не более. Появл<яется> мокрый Павор. Разговор по тексту. Появл<яется> Диана. Разговор с Тэдди. Виктор едет на автобусе за Дианой.

4. Размышл<яет> по дороге о Диане. Пьянка у Росшепера. Остается ночевать у Дианы. Решает пожить здесь и поработать.

5. Ресторан. Виктор с Дианой. Голема нет. Приходит Павор в гриппе. Роняет кастет. Разговор о молодчиках. Павор уходит. Заходит мокрец, спрашивает Голема. Скандал, драка. С Тэдди выбивают молодчиков из ресторана, и тут подходит машина Голема, и выходит чел<ове>к в очках. Мокрец садится с Големом в машину, и они уезжают. Диана объясняет кое-что про очкарика. Приходит трезвый Квадрига, говорит о неспровоцированных метеоявлениях и быстро напивается.

6. Выступление в школе. Три стадии: самоуверенность, растерянность, злость и полемика как со взрослыми. Суд.

7. В тот же день к нему в номер заходит Павор. Виктор жалуется на детей. Павор показывает на мокрецов. Виктор не верит. Появл<яется> Голем. Павор призывает его в свидетели, Голем уклоняется, приглаш<ает> Виктора в санаторий. По дороге разговор продолж<ается>. Голем расск<азывает> кое-что о мокрецах (неопределенно). Сцена с мокрецом, Бол-Кунацем и Ирмой — под дождем. Увозит сгоряча Ирму в санаторий. Сцена с Росшепером («на малолетних перешел, Виктуар?»). Отдает Ирму Диане — обсушить и уложить в постель. И начинает осознавать свои поступки.

8. Вызов к мэру. Капают на мокрецов. У него все наоборот. Сразу выйдя от мэра, угоняет вагон с книгами. За ограду его не пускают. Мальчик забирает машину. Возвращ<ается> пешком в город. Раздумывает, почему солдаты. Замечая, что дождь вроде бы на него не падает.

9. Вечер в ресторане. Перепалка с Павором. Ссора. Голем намекает на дела Павора и дела мол<одого> чел<ове>ка. Тоска с Бол-Кунацем. Донос на Павора. Пьянка с телохранителем. Виктор понимает полож<ение> мокрецов и симпатиз<ирует> им.

10. Дня через два утром будит его Тэдди. Дети ушли. Звонок жены. Рев фабричн<ого> гудка, переполох. Жители бегут к проволоке. Унижение. Там же Павор. Там же компания молодчи-

ков с дубинками. Вечером ему вручают медаль и реабилитацию. Дать понять, что мокрецы берут его под защиту.

11. От жены узнает насчет штрафа. Мчится на фабрику, устраивает разнос.

12. Посещение интерната. Довольные дети, растерянные родители. Смеющийся Бол-Кунац. Виктор удаляется в завистливой задумчивости. Встречаются рабочие, приглашают выпить. Указывают на Павора. Идет к Голему, тот развивает перед ним свою гипотезу о мокрецах. Диана приносит ему земляники со сливками. Хочет переворачивать мир.

13. Волдыри. Восторги. Неудача с Дианой. Неудача с выпивкой. Сомнения. Жалость к потерянному миру. Страх. Сцена с Големом. «Бедный прекрасный утенок».

24 ноября 1966

[дневник приездов: 24.11.66. Приехал 14-го писать скелет ГЛ. Сегодня сделано 11 стр. От нуля.]

Сделали 11 страниц.

25 ноября 1966

[дневник приездов: 25.11.66. Сделано 11 стр. ГЛ.]

Сделали 11 страниц.

26 ноября 1966

Сделали 8 страниц.

27 ноября 1966

Сделали 9 страниц.

28 ноября 1966

[дневник приездов: 28.11.66. 49 стр. ГЛ.]

Сделали 10 страниц.

29 ноября 1966

[дневник приездов: 29.11.66. ГЛ 59.]

Сделали 10 страниц.

Правда и ложь, вы не так уж несхожи:
Вчерашняя правда становится ложью,
Вчерашняя ложь превращается завтра
В чистейшую правду, в суровую правду.

1. Размышление об узости: неспособность понимать живопись, Бодлера, Верлена... «Трачу время зря: взял бы стихи и читал... так читаешь-читаешь год и вдруг поймешь строчку... и полюбишь...»

2. Размышление о сюжете «Новый Христос». Зачем богу Земля? Что такое бог? Земля — ад другой планеты.

3. Размышл<ение> о войне рая с адом.

«Когда вокруг все так хорошо понимают, что происходит и куда мы идем, должен же быть человек непонимающий и растерянный. Вот я и выполняю роль такого».

Вся беда в том, что я не люблю писать. Я писатель — и не люблю писать.

Для писателя ты очень плохо разбираешься в людях.

[30.11.66. Отъезд в Москву п<оезд> 13 16.53 н/р.]

В № 12 журнала «Звезда» выходит рецензия на сборник «Эллинский секрет», в которой содержится отзыв на «лесную» часть УНС.

ИЗ: МИХАЙЛОВА И. ЭЛЛИНСКИЙ СЕКРЕТ

В наши дни фантастику все реже эксплуатируют как развлекательный жанр. Она все больше превращается в литературу прогнозов — технических, социальных, исторических. Далеко не всегда утешительных.

Научно-техническое творчество, не освященное высокими общественными идеалами, приводит к страшному социальному вырождению. Эта мысль серьезно и доказательно прозвучала у Стругацких в книге «Хищные вещи века». В повести этих же авторов «Улитка на склоне», опубликованной в сборнике,— другая сторона проблемы. На какой-то фантастической планете или «в глухом, неисследованном уголке Земли» утвердилась высокоразвитая биогенетическая цивилизация Славных Подруг.

Но основное население страны вырождается: добывать пищу не нужно — достаточно «полить бродилом» странные растения возле жилья; люди изолированы от мира — кругом лес и вымерочные деревни, уничтоженные этим страшным живым лесом.

Повесть полна ощущением опасности, надвигающейся, нависшей, гнетущей.

А люди говорят и едят, едят и говорят, говорят много, без смысла, до изнеможения. Разговоры вытесняют мысль.

У Славных Подруг есть конечная цель — Одержание. В результате должны погибнуть нерационально устроенные люди: «Они — реликты, осужденные на гибель объективными законами». Одержание ради Одержания. Прогресс, ради которого «уничтожается половина населения».

Технический прогресс без целей, с одной стороны, цели за вычетом человечности — с другой. Предостережение серьезное.

В повести «Хищные вещи века» показаны силы, которые должны победить рай мещанства. В «Улитке на склоне» сопротивление морали Славных Подруг лишь обозначено: это ведь отрывок из повести.

<...>

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 3 ДЕКАБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Бобс!

Новости такие:

1. Получился сигнал Уиндема, восьмой том БВФ. Это весьма радостное событие, сам понимаешь.

2. Вчера был у Нины, подписал договора на «Полдень, XXII в.» и на «Новые приключения Александра Привалова». Следовательно, скоро жди денег по одобрению за «Полдень», а договор на «Новые приключения» пока безавансовый.

3. В «Мол. Гв.» с одной стороны царит осторожность — в виду имеющихся предупреждений со стороны высокого начальства, а с другой есть настойчивое желание втиснуть в один из выпусков «Фантастики» за 67 год ВНМ. Рукопись у нового работника редакции, некоего Гены[1] (хороший парень, сильный редактор и большой наш почитатель), я зашел, чтобы забрать, но он не отдал, попросил подождать возвращения Белы из Чехословакии, сказал, что он и Бела все-таки хотят вставить эту рукопись в сборник, а случившийся тут же Роман Подольный, составитель этого сборника, тоже стал горячо его поддерживать. Я им дал срок десять дней, чтобы определить это дело.

4. Звонили мне из бюро пропаганды Союза Писателей, сообщили, что из Новосибирского академгородка им написали письмо, где сказано о том, что мы получили первый приз, и просится, чтобы нас послали в академгородок. Меня спросили, когда я хочу с тобой поехать. Я спросил, кто платит за рыбу, кто платит за водку, и было отвечено, что бюро заплатит за все, а потом сдерет часть с новосибирцев. Их дело. Я сказал, что удобнее на пятое января, на пять дней. Все.

---

[1] Здесь и далее — Еремин Геннадий Иванович, редактор «Молодой гвардии».

Такие новости. Виделся с Яшкой, накормил его обедом, потому что ему, по его словам, нечего жрать. Врет, наверное. Деньги я ему не дал.

Намерение приехать в середине декабря у меня твердеет с каждым днем. У Ленки оно протеста не вызвало.

Приснился мне сегодня сон, содержания не помню, но там был герой по имени Андрей Спотрах. Мне это имя понравилось. Назовем кого-нибудь так в ГЛ.

Всем приветы, поцелуи и все, что понадобится.

Целую, жму, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 5 ДЕКАБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. После тщательных консультаций с заинтересованными лицами я таки пришел к выводу, что лучше всего будет нам встретиться В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ. Куча выгод: а). Лучше отдохнет мама б). Лучше отдохнем мы, и будут чесаться руки и в). Главное — у Андрюхи каникулы, Адка отвезет его в Киев, а сама укатит в спортивно-туристический лагерь — свобода будет, равенство и братство аж до 15—16 генваря. Мне почему-то кажется, что ты не станешь так уж бешено настаивать на декабре, но вот как быть с Новосибирском? Вообще, если речь идет о недолговременном там пребывании, то можно рвануть сразу из Ленинграда (правда, я поеду все-таки не на пять дней, а максимум на три). Переиграй, если согласен, с бюро пропаганды — им-то это, наверное, вообще до лампочки.

2. Новости все твои хорошие и обнадеживающие, хотя в ВНМ я не слишком верю. Но уже сам принцип хорош! Передавай им там всем привет. Я со своей стороны беседовал по телефону с Дмитревским. Он тоже заинтересовался (сам) ВНМ, я обещал дать почитать и ВНМ, и ЗПвГ, и вообще пообещал кусок из ненаписанного продолжения А. Привалова.

3. Из «Прогресса» переслали письмо канадского читателя Джорджа Нэсэра. Этот рашн-кэнэдиен[1], по-моему, малость того. Он раздобыл в «сталинист буук-стор»[2] сборник «Пришелец из Космоса» (помнишь?), прочел там нашего Урма[3], веж-

---

[1] Русский канадец — канадец русского происхождения *(англ.)*.

[2] Сталинском (т. е. советском) книжном магазине *(англ.)*.

[3] Spontaneous Reflex / A. Strugatsky, B. Strugatsky; Transl. by V. L. Dutt; Designed by N. Grishin. // A Visitor from Outer Space: Science-Fiction Stories by Soviet Writers — Moscow: Foreign Languages Publishing House, [1962].

ливо его хвалит (фэсинэйт энд инспайринг[1]), но главным образом излагает свою теорию «летающих блюдец» — это есть сигналы-корабли, заброшенные духовной силою с Полярной звезды. Я составил ему скользкий и не обидный ответ.

4. Сегодня был на Студии Телевидения — готовился к съемкам фильма о молодежи. Всё это моча, но вот я познакомился там с социологом Ядовым и довольно известным артистом Рецептером (в Ленинграде он блистает чтением «Гамлета» — говорят, очень здорово) — это хорошо. Ядов набит информацией, нас знает хорошо, очень любит фантастику, но нас фантастами не считает (в хорошем смысле) и согласился через свою социологическую лабораторию способствовать распространению анкеты о ф-ке. А Рецептер — просто прелесть.

Ну вот пока и всё. Отдыхаю вовсю. Голова как чугун, и ничего не могу, только читаю, как автомат, все подряд...

Голова у меня — как чугун...
Ничего-ничего не могу.
Только читаю, как автомат,
Все подряд.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. А. Спотрах — это здорово: среднее между «спорт», «страх» и «сучий потрох». Так надо назвать либо Тэдди, либо Ю. Фламенту.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 9 ДЕКАБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Вчера меня срочно вызвали в Мол. Гв. и объявили, что жаждут опубликовать ВНМ на страницах «Фантастики 67». Присутствовали: С. Жемайтис, Б. Клюева, А. Лобанова, составитель Ф-67 Р. Подольный и его редактор Гена. Я ожидал, что будет много просьб сделать разные добавки, изменения и пр. Напр., убрать «задницы», еще что-нибудь, добавить больше черт загнивающего запада. Ан нет. Единственное, зато могучее требование было: изменить систему имен. В идеале — сменить ее на англо-саксонские. Я взревел и был красноречив. Тогда какую-нибудь более нейтральную, чтобы имелось нечто западноевропейское, но без открытых древнегреческих ассоциаций.

[1] Увлекательный и воодушевляющий *(англ.)*.

Какие там ассоциации — я не совсем понял, но я согласился. Полагаю, упрямиться не стоит из-за такой малости. Те имена, которые нам необходимы, мы оставим, а остальные заменим на персонажи из, скажем, Б. Шоу (Магнус, Оринтия, Бальбус, Боэнерджес)[1] или из В. Шекспира (Луцио, Анджело, Эскал)[2], дадим для третьестепенных персонажей — двух-трех — имена Макгоу или Хотспер, и все будет в шляпе. Пришли свои соображения. Рукопись у меня, время еще есть.

2. Итак, приезжаю я сразу после Нового Года. А что касается Новосибирска, то ехать, скорее всего, придется числа 20-го, но это еще не проверено. Января, я имею в виду.

3. Приехал из Симферополя Андрей Соколов, там он был в «малой Крымской Академии наук». Провел беседы, спросили его, кого из фантастов он больше всех любит. Он назвал Ефремова — спокойно, назвал Стругацких — поднялась буря аплодисментов, все пятьсот человек. Там готовы всенародно нас поддерживать любыми средствами, письмами, требованиями в какие угодно инстанции.

4. Был я в Переделкине, познакомился с Галичем. Очень славный дядька, слушал его новые песни и стихи, потрясся. Да. Это настоящая энциклопедия нашей действительности[3]. Он удивительно чуток и удивительна его способность ухватывать самое главное в массовой психологии. Мы ему очень по сердцу, я послал ему наш 7-й том.

5. Вчера ходили с Ленкой в театр Маяковского, смотрели «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина. Очень сильно. Только вот в чем дело: сейчас никак не разберешь из-за внутренней путаницы душевной, что тебя больше прельщает — искусство или крамола?

На том всё. Всех целую и обнимаю, маму особенно, смотри, чтобы она там больше отдыхала.

Твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 11 ДЕКАБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

---

[1] Пьеса «Тележка с яблоками».

[2] Пьеса «Мера за меру».

[3] Ср.: «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни». В. Белинский, «Сочинения Александра Пушкина», ст. 9.

1. Рад заблестевшей надежде. Соображения мои относительно имен сводятся к следующему. Имена из Шоу и Шекспира мне не очень нравятся, равно как и всякие Макгоу и Хичхоки. Но что делать? Я предлагаю конкретно следующее. Имена: Аполлон (Феб), Никострат, Пандарей, Полифем, Парал, Калаид и Миртил — сохранить без изменений (некоторые из них жестко связаны с текстом, а другие, собственно, и не ассоциируются с Др. Грецией). Отвечая за свои действия предлагаю замены: Харон = Гарольд, Гермиона = Георгина, Лаомедонт = Вандермедонт, Персефона = Изабелла, Ахиллес = Минимакс (Макс). Не отвечая за действия, то есть полагаясь на тебя полностью, предлагаю замены: Артемида = Аритмина (Арти), Минотавр = Макгоу, Силен = Сильман, Морфей = Морфи, Япет = Флинт. Совершенно эпизодическим товарищам, имен коих я не помню и не имею возможности восстановить (роздал все экземпляры), можно подарить фамилии Доджмен, Хотспер, Хэллоубой и пр. Еще раз хочу подчеркнуть, что имена типа Магнус, Оринтия и Анджело мне не нр. Лучше возьми-ка телефонную книгу (которой у меня, естественно, нет) и пошарь там в поисках диковинок типа Брандскугель, Кегельбойм и пр.

2. Познакомился с Владимиром Рецептером, он попросил у меня книжку, и я переслал ему опять же 7-й том. Не без задней мысли: вдруг ему захочется сыграть Румату?

3. Звонила мне тут Бела, просила споспешествовать некоему Милютенко. Я не понял, кто он таков и в чем ему споспешествовать, но приложу все силы.

4. Упиваюсь бездельем. Жду потного вала[1], каковой, надеюсь, нахлынет к началу января. Не удержался, перечитал написанное — сначала не понравилось, а потом вчитался, и, знаешь, ничегё!

5. Хорошо бы придумать побольше имен общеевропейских или несуществующих: Каковойц, например, или Спотрах, или просто Берта, Клара, Анжелика, Александр. Я еще подумаю, и ты тоже.

6. Кстати, в каком выпуске они хотят дать ВНМ?

Пока всё, жму ноги, твой [подпись]

P. S. Попроси Севера Гансовского поискать среди своих полтинников (помнишь, он нашел клад) полтинник 1927 года и рубли 1921 и 1922 гг. Если найдет, пусть отдаст тебе, а ты привези.

Ленуське привет!

---

[1] «Потный вал вдохновения» — заглавие главы 28 романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 14 ДЕКАБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Твои предложения относительно имен принял полностью. Думаю, кое-что еще удастся сохранить.

2. Вчера был у меня Юрка Манин. Он едет в понедельник в Новосибирск и сманил меня с собой. Я знаю, что тебе выбраться очень трудно, но, может быть, ты сможешь? Мы вылетаем девятнадцатого вечером, я просто хочу слегка проветриться, думаю, и тебе бы не помешало. В конце концов, что нам несколько десятков ру? Давай слетаем, а? Ты бы мог прямо из Ленинграда, мы бы встретились, например, на Новосибирском аэродроме, побыли бы дней пять — и назад. Если есть возможность, то сразу по получении письма мне позвони. Если нет — то просто пиши. Я еще успею получить от тебя письмо и написать ответ.

3. ВНМ будет в единственном выпуске за 67 год. У них вся бумага уйдет на тома мировой фантастики, так что выпуск будет только один. Всё это не к спеху, еще не вышли второй и третий за этот год, так что я просто привезу экз с собой в Ленинград, и мы все имена поправим вместе.

4. Звонили из газеты «Советская Культура», просят написать статью, где бы мы изложили свои соображения по поводу фантастики на телевидении. Я сказал, что должен посоветоваться с тобой и пусть они позвонят еще раз в середине января.

5. Здесь получилась смешная история. Я сделал расклейку СБТ и, следуя указаниям редакции, стал править там все китайские имена. В некотором раздражении (их там оказалось много) пожаловался на кухне при тесте. Тот так и взвился и объявил, что это политическая ошибка. Ничего править нельзя потому-де, что это может произвести дурное впечатление за рубежом. И он позвонил в отдел науки ЦК Валентину Васильевичу Иванову, который курирует все, что касается востока по всем линиям. Тот тоже возмутился и сказал, что это головотяпство. Попросил по этому вопросу позвонить — как ты думаешь, кому? — товарищу Чхиквишвили Ираклию Иосифовичу. Тут я, признаться, струхнул. А вдруг он скажет: «Нэ ысправлять нэльзя. Ысправлять тоже нэльзя. Тогда лучшэ совсэм нэ издавать». Черт знает что. Воистину, залез в г..., так не чирикай. Отступать теперь уже поздно. Буду сам звонить.

Ну вот и все новости, дружище.

Поцелуй Адку, Росшепера. Целуй маму, да я ей завтра напишу.

Жму тебе, твой Арк.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 16 ДЕКАБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

В Новосибирск с тобою я сейчас, пожалуй, не поеду. Личная жизнь не позволяет. А ты, конечно, поступай как знаешь, хотя лучше было бы, чтобы возможные торжества по случаю вручения премии ты в этот раз бы отклонил. И не потому, конечно, что мне так уж хочется присутствовать на оных, а просто потому, что Адка, ориентируясь на 20-е числа января, уже вызвала на это время в Ленинград свою маму. Крайне желательно мне было бы именно в это время отбыть для получения премии: все было бы весьма благородно и элегантно. Так что ты там развлекайся, то, се, но в «Интеграл» не ходи, а то вручат с ходу, и тогда уж мне погибать во второй половине января. А хочется жить. И работать. И пр.

С СБТ история действительно странная. Надеюсь, все обойдется. А не можешь ты положить с прибором на все высказанные мнения? В конце концов, никто ничего не знает, а ты выполняешь указания редакции — своего непосредственного начальства. Впрочем, к моменту получения сего письма Т. Чхиквишвили уже будет осведомлен... Н-да...

Было тут у нас собрание по поводу альтовского регистра. Ругались часа три. Все-таки молодец Альтов! Эпатирует! Все у нас тут аж рычат! Защищали Альтова только я и Шейкин. Да еще очень осторожно — Брандис. Анкету попытаемся провести через социологическую лабораторию Ядова. С ним я тут слегка познакомился, и он очень мне понравился. Уже тем, например, что, высказывая любое суждение, он всегда искренне интересуется: так ли? согласны ли? правильно ли я говорю? или не так? В наш век крайне самоуверенной интеллигенции такое внимательное отношение к высказываниям — редкость. Мы ведь все чертовски безапелляционны.

ЗПвГ прочел Дмитревский. Поговорить мы не успели, но он вернул мне рукопись с «парой слов». Пара слов написана крайне неразборчиво, якобы в порыве, но смысл тот, что «надо все-таки показывать светлую перспективу; старое доброе солнце на лесной поляне; учить хоть капельку любить, а не презирать жизнь; только во сне видел я кошмары, подобные жизни Управления». Теперь я дал это читать Брандису, а потом дам Бритикову. Я спросил Бритикова, написал ли он рецензию на «Эллинский секрет». Нет, не написал, хотя и брался. Не написал именно из-за УнС. Не понимаю ее. Не хочу скользить по по-

верхности, потому что чувствую там огромное содержание, каковое не доходит, неуловимо... Черт его знает, не понимаю я этого Бритикова. Никак не пойму: наш он или притворяется. Странная скользкая, но не лишенная симпатичности личность.

В общем, в таком вот плане. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке. И Манину.

Записка Владимира Дмитревского по поводу УНС сохранилась в архиве. Там (действительно крайне неразборчивым почерком и с датой: «15/XII–1966 г.») сказано:

ИЗ АРХИВА. ДМИТРЕВСКИЙ В. ОТЗЫВ НА УНС

Может быть, через сколько-то там лет в личном архиве Стругацких обнаружат эту рукопись и воскликнут — «конгениально!».

Это в том случае, если Бессмысленность и тогда будет торжествовать над Смыслом, если и тогда людьми будут править Домарощинеры через безыменных директоров.

А пока пусть уж улитки спрячутся в своих домиках,— ладно, что одной из них все же удастся всползти по склону! — а авторы рукописи, удовлетворенные тем, что и они «могут» как Кафка, займутся написанием книг, которые пусть чуть-чуть, пусть самую капельку помогут людям любить, а не презирать жизнь, не бояться ее, а примириться с нею, помогут если не пройти, то протоптать тропинку из лесной чащи Бессмысленности, к поляне, освященной старым добрым Солнцем!

Только во сне видел я кошмары, подобные жизни Управления.

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 19 ДЕКАБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Получил твое письмо, спешу ответить, через полтора часа уезжаю.

Во второй половине января, я понимаю, ты не погибнешь. Торжества по случаю вручения премии я постараюсь отклонить, с тем чтобы смотаться с тобой еще раз. Сейчас я думаю потрепаться, почитать избранные отрывки из УнС и вернуться. Но даже если мне вручат, всё равно не пропадем, что-нибудь придумаем.

С СБТ все уладилось, не беспокойся. Никому никто больше звонить не стал. Китайщину убирают по распоряжению цензуры.

Посылаю тебе экз. анкеты. Заполни и пришли. Это просьба университетского клуба.

Больше новостей нет. Надеюсь, что по приезде буду читать твое письмо.

Целую, твой Арк.

Поцелуй Адку. Особенно маму.

Привет ребятам.

P. S. Вот Ленка требует, чтобы ты приехал к нам. 20-го и когда угодно. Надо смотреть Любимовский театр. На нас там возлагают большие надежды.

ПИСЬМО БОРИСА БРАТУ, 22 ДЕКАБРЯ 1966, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Анкету заполнить не могу, так как ты забыл ее вложить в письмо.

2. УнС прочел Брандис. В восторге. Называет это искусством. Мы растем от книги к книге на голову, что весьма редко среди писателей. ВН тоже понравилось очень. В этом году публиковать не берется, а в следующем — вполне. А Дмитревский и в следующем не хочет. Очень впечатлительный. Ну, я Брандису рассказал, что у нас ВН в МолГв.

3. Получил еще одно письмо из-за границы (вернее, из Ленинграда, но от какого-то заезжего туриста Мойры Фарфуркиса). Написано по-русски на бланке Роял-отеля и начинается так: «Дородой госродин! Длиное время я бываю ваш поклоник через ваши книги. Я приехал Ленинград, желая участвовать вами беседе. Прошу собчить мне вашу возможность... и т. д.» Сообщить ему мою возможность я не в состоянии, потому что он забыл написать, где остановился и где его здесь искать. Но он дает обратный адрес в Лондоне. Я напишу ему в том смысле, что рад ответить на возможные вопросы и благодарю за внимание. Надеюсь, мой английский будет все-таки не хуже его русского.

4. Гор написал новую повесть — «Имя», называется. Начал здорово — я даже запрыгал, а потом опять затянул насчет времени и фантастики. Но в общем читал его с удовольствием. Во всех земных вещах Гора чувствуется писатель, не то что в космических. Буду хвалить.

Ну вот пока и все. Жду новостей. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Об «иностранце Фарфуркисе» БН вспоминал:

БНС. КОММЕНТАРИИ

БН не только написал АН об этом курьезном послании неведомого М. Фарфуркиса, но и рассказал о нем же друзьям и коллегам в ресторане Дома Писателей. Коллеги восприняли его рассказ довольно равнодушно, но в прищуренных глазах Ильи Иосифовича Варшавского появился вдруг странный, прямо скажем, дьявольский блеск, и заметивший этот блеск БН моментально догадался обо всем. Варшавский был тут же разоблачен, во всем (с явным удовольствием) признался и благосклонно подарил БНу замечательную фамилию «Фарфуркис» для дальнейшего и произвольного употребления.

И еще один документ, предоставленный Белой Клюевой. Тоже со штампом «БЕЗ ПРАВА ПУБЛИКАЦИИ».

СПРАВКА ЦК КПСС: МЕРЫ В СВЯЗИ С ЗАПИСКОЙ ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС

В связи с запиской Отдела пропаганды ЦК КПСС о серьезных недостатках и ошибках в издании литературы по научной фантастике, приняты следующие меры.

На информационном совещании в Отделе пропаганды обращено внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тенденции в современной научно-фантастической литературе и на поверхностное обсуждение проблем, связанных с этим жанром, на страницах периодической печати.

ЦК ВЛКСМ рассмотрел вопрос о работе издательства «Молодая гвардия» по изданию научно-фантастической литературы. Пересмотрен план выпуска этой литературы, укреплена кадрами редакция.

Правление Союза писателей СССР совместно с издательством «Молодая гвардия» готовит совещание-семинар писателей-фантастов и критиков, специализирующихся в этой области литературы.

Комитет по печати при Совете Министров СССР провел в апреле 1966 г. совещание по вопросам издания научно-фантастической литературы, замечания Отдела пропаганды ЦК КПСС

по ошибкам и недостаткам в книгах по научной фантастике были учтены Комитетом по печати при Совете Министров СССР при обсуждении сводного тематического плана выпуска литературы на 1967 год.

Редакция журнала «Коммунист» готовит к опубликованию статью с учетом замечаний, высказанных Отделом пропаганды ЦК КПСС о серьезных недостатках и ошибках в издании научно-фантастической литературы.

Зав. сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС И. Чхиквишвили

Инструктор Отдела В. Севрук

22 декабря 1966 г.

Комментарии к документу:

ИЗ: ПУШКАРЬ Д., ЧАРНЫЙ С. ГНЕВ БОГОВ: РУКОПИСИ, КАК ИЗВЕСТНО, НЕ ГОРЯТ. ДОНОСЫ — ТОЖЕ

<...>

РЕАКЦИЯ

«В связи с запиской... приняты следующие меры.

...ЦК ВЛКСМ рассмотрел вопрос о работе издательства «Молодая гвардия» по изданию научно-фантастической литературы. Пересмотрен план выпуска этой литературы, укреплена кадрами редакция...

...Редакция журнала «Коммунист» готовит к опубликованию статью с учетом замечаний, высказанных Отделом пропаганды...» — гласит справка, подписанная зав. сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС И. Чхиквишвили.

А что такое — «пересмотрен план»? Это значит, что чьи-то книги не вышли. А «укреплена кадрами редакция»? Это — кого-то выгнали, кому-то влепили строгача.

ОБМАНУТЬ ЦК МОЖЕТ КАЖДЫЙ

— Главный удар принял на себя директор издательства Юрий Серафимович Мелентьев,— вспоминает бывший главный редактор издательства «Молодая гвардия» Валентин Осипов. Сейчас он — директор издательства «Раритет».— Потом Мелентьев был министром культуры РСФСР, но тогда мог поломать себе карьеру. И Чхиквишвили из сектора издательств ЦК КПСС

повел себя мужественно. В справке насчет «принятых мер» указано, что «укреплены кадры». Вам любой скажет, что это должно означать. Директору издательства — поставить на вид. Главному редактору, мне,— наказание на ступень выше — выговор. Заведующего редакцией научной фантастики Сергея Жемайтиса — уволить. И всех беспартийных редакторов — тоже. Никого не уволили. Ни первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, ни Чхиквишвили на это не пошли.

— А Жемайтису вроде выговор влепили?

— Такой выговор — это вроде букета цветов,— говорит Валентин Осипов.

— А эти вот писáтели-пи́сатели, Колпаков, Котляр и Чижевский — что за люди? Что они написали?

— Я их очень смутно помню,— признается бывший главный редактор «Молодой гвардии».— Не говоря уже об их творчестве.

Но не только Стругацких прижимала партия. Уже к тому моменту классика Ивана Ефремова невзлюбил сам Суслов.

— «Час Быка» или «Лезвие бритвы»?..— пытается вспомнить Валентин Осипов.— Роман отклонили: это, дескать, пародия на социализм. Но директор издательства Валерий Ганичев сказал помощнику Суслова, что это описывается казарменный социализм китайского типа — тогда как раз напряженность на границе была... Помощник обрадовался, говорит — пишите записку. И записка директора, вкупе с помощником, помогла убедить Суслова. Сказал только — объяснить в предисловии. Мы с директором поехали к Ивану Антоновичу. Он ответил в том смысле, что для спасения романа готов на все. Написал предисловие — чтобы и в ЦК обрадовались, и китайцев не обидеть...

* * *

АБС ни о чем не догадывались: ни об угрозе, ни о том, что их спасали. На вопрос о кампании 1965–1967 годов против Стругацких Борис Натанович в ходе интернет-конференции отвечал: «Вы немножко перепутали с датами. Названная «кампания» происходила в интервале 1972 — 1980 годов. Писать об этом было бы слишком долго...»

ПИСЬМО АРКАДИЯ БРАТУ, 27 ДЕКАБРЯ 1966, М.— Л.

Дорогой Боб!

Нынче утром ввалился в Москву после почти суточного томления на Новосибирском аэровокзале. Мне еще повезло — уда-

лось влезть в первый самолет, который прорвался в Москву. Впрочем, это детали. Самое главное:

Академгородок — наш. Даже воздух там особенный. Все кругом свои ребята. Подробности доложу при встрече (полагаю, сразу после Нов. Г.— ты мне срочно напиши, когда меня ждешь), а пока вот что.

Мы получили приз 65 года не за фантастическую литературу, а за лучшее произведение о научной молодежи, конкурируя в последнем туре с Амосовым «Сердце и мысль»[1] и какой-то Богуславской. И получили не столько от кафе-клуба «Под интегралом», сколько от райкома ВЛКСМ. Имеет место почетная грамота и четыре к ней комментария, все с печатями и с подписями секретаря райкома. Привезу.

Я выступал:

1. Перед «фэмэшатами» (ФМШ — физматшкола для вундеркиндов).

2. Перед мэнээсами и студентами в клубе «Под интегралом».

3. Перед домашним клубом «Интимных встреч». Гм. Названьице.

Я посетил:

1. Сборище альпинистов «Под интегралом».

2. Клуб «Вавилон».

3. Академика Александрова.

4. НИИ (подробности лично).

5. Компании Манинских друзей.

Я читал некоторые главы из ЗПВГ и привел всех в восхищение. ЗПВГ читают сейчас там все подряд (достойные, конечно), я оставил по требованию Манина и общественности рукопись. Манин ее привезет.

Вручен мне был и приз — СТО ру. Свою долю я пустил на пропой и пирушку в воскресенье перед отбытием, твою тебе привезу.

Общее впечатление — очень здорово все, и нас уважают и любят.

Еще новость: только что позвонил Саша Горбовский, он получил от «Байкала» поздравительную телеграмму, где утверждается, будто ВНМ идет у них полностью в первом номере. Это было приятно.

---

[1] Правильно — «Мысли и сердце».

Пока больше ничего. Все остальное в беседе, которая, надеюсь, состоится не позже, чем через неделю. Но это уж от тебя зависит.

А пока остаюсь и честь имею быть покорнейшим слугою Вашим, милостивый государь Борис Натанович,

АНС.

Привет Маме и Адке.

Да, вот еще что. Нас туда требуют снова. И в январе, и летом. Особенно требуют, чтобы приехали вместе. Требует университет и еще несколько тамошних заведений.

Жму, целую, Арк.

О поездке рассказывал Юрий Манин:

ИЗ: МАНИН Ю. АРКАДИЙ, БОРИС, ВОЛОДЯ

Зимой 1967 года Аркадий и я поехали в Академгородок в Сибири. Тамошний клуб молодых ученых «Под интегралом» присудил Стругацким свою литературную премию.

У меня в Академгородке был близкий друг, Владимир Захаров, тогда молодой физик, а нынче академик РАН. Кроме того, он был и остался прекрасным поэтом; мы и познакомились с ним в пятидесятые, когда оба читали свои стихи и слушали чужие в литературном объединении МГУ «Высотник».

В клубе «Под интегралом» были два этажа, называвшиеся «числитель» и «знаменатель». После церемонии вручения близкие друзья собрались на чьей-то квартире и всю ночь коротали застолье, слушая импровизированный устный роман, который по очереди, глава за главой, сочиняли Аркадий и другой Володин друг, Сергей Андреев. (В феврале 1970 года он погиб от несчастного случая в своей лаборатории.)

Роман был посвящен грядущей русско-китайской войне. К рассвету, когда все уже с трудом удерживались в сидячем положении на стульях, я вдруг разлепил веки и прислушался: это Аркадий завершал роман душераздирающей картиной — последний защитник Кремля подрывал себя противотанковой гранатой в последнем еще не сдавшемся Кремлевском сортире, «чтоб не достался врагу».

Евгений Вишневский, опубликовавший книгу рассказов Сергея Андреева «Дым отечества», по нашей просьбе рассказал об этом «романе».

Что же касается рассказа «Линь Бяо», то написал его вначале, действительно, Сережа Андреев и при застолье в его квартире прочитал, а Аркадий Натанович тут же стал «наполнять» рассказ Сережи замечательными яркими подробностями и деталями. Всё это записывалось на магнитофонную пленку. Впоследствии Сережа свой рассказ переписал наново, дополнив его яркими восточными подробностями от Аркадия Натановича с магнитной ленты. И это его, Сережиной, рукой была сделана сноска: «написано совместно с Аркадием Стругацким», хотя логичней, наверное, было бы написать: «в написании этого рассказа принимал участие Аркадий Стругацкий». Но я не счел себя вправе изменить эту сноску, написанную Сережиной рукой.

И, наконец,— сам рассказ Андреева со вставками АНа (с любезного согласия наследников).

АНДРЕЕВ С. «ЛИНЬ БЯО»: НАПИСАНО СОВМЕСТНО С АРКАДИЕМ СТРУГАЦКИМ

Линь Бяо проснулся незадолго до рассвета. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, стараясь мысленно представить себе предстоящий день со всеми его свершениями и неожиданностями. День обещал быть большим и трудным. Линь Бяо никак не мог сосредоточиться на главном. Мысли его путались в каких-то незначительных деталях. Высокие окна его покоев, украшенные старинными витражами, стали излучать всё больше света, окрашивая комнату в мягкие спокойные тона. В распахнутые настежь двери из сада величественно вошли два павлина с хвостами, подобными радуге. Первые лучи солнца пронзили покои полководца, и павлины сразу же, словно по команде, закричали. Линь Бяо сел на кровати и позвонил.

Низко склонившись в глубоком восточном поклоне, вошли слуги. Один из них подал красный халат, затканный серебряными драконами, и надел повелителю на ноги мягкие туфли. Другой доложил, что ванна готова.

После ванны, лежа на низеньком диванчике и отдавшись во власть массажистов, Линь Бяо вновь стал думать о предстоящем дне, но опять никак не мог сосредоточиться. Ловкие руки массажистов (он вывез этих массажистов из Лхасы после усмирения Тибета) втирали в него живительный бальзам, секрет ко-

торого уходил на пятьдесят поколений в глубь истории и был известен только им одним. Они готовили его раз в месяц, в полнолуние в старинной серебряной ступе, растирая коренья и травы и призывая себе на помощь силы ветра, огня, воды и духов своих далеких заоблачных снежных гор. Этот бальзам придавал телу бодрость, а мыслям — легкость. Линь Бяо очень дорожил этими массажистами и держал их в тайне ото всех. Вот и сейчас, как всегда, он почувствовал прилив бодрости и энергии, мысли его просветлились. Он приказал сервировать завтрак в фарфоровом павильоне посреди озера. Придворный чтец тихо читал стихи Ли Бо, пока негр из Танзании с золотыми кольцами, продетыми в ноздри и уши, наливал ему подогретое вино в старинный фарфоровый бокал, тонкий, как яичная скорлупа. Линь Бяо любил этого негра и сам подбирал для него одежду и украшения. Сегодня он был в отличном расположении духа, и ему захотелось приласкать негра.

— М'Пы,— сказал он и согнутым пальцем притянул к себе слугу за кольцо в носу,— когда мы прогоним империалистов из твоей страны, я сделаю тебя секретарем вашей Коммунистической партии. Ты хочешь стать секретарем компартии, М'Пы?

М'Пы бросился на колени и поцеловал край халата повелителя. Потом негр подал ему униформу цвета хаки и помог переодеться. Линь Бяо надел фуражку с красной звездой. Теперь он опять был тем Линь Бяо, председателем военной комиссии КПК, каким его знала страна. Тем Линь Бяо, которого встречали аплодисментами и возгласами радости толпы людей на площади Тянь-Ань-Минь и которому кланялись седые генералы, участники великого северного похода, командиры Восьмой армии, герои боев на реке Ялу, еще не сосланные и не расстрелянные по мановению его руки.

Перед тем как сесть в машину, Линь Бяо прошел в дальний конец парка. Несколько месяцев назад он приказал очистить от лилий маленькое озеро с берегами из белого мрамора, украшенного скульптурами птиц и драконов, велел окружить его колючей проволокой под высоким напряжением и поставить охрану. В этом озере тренировался в плавании человек, лица которого никто, проживающий за стенами дворца, не должен был видеть, пока не придет для этого срок, указанный им, Линь Бяо.

Начальник стражи встретил его у калитки.

— Как успехи?

— Отлично, товарищ Линь. После того как, по вашему совету, мы начали пороть его плетью, он полностью освоил стиль «кроль на спине» и теперь осваивает «кроль на боку».

Линь Бяо милостиво улыбнулся и снисходительно похлопал начальника стражи по плечу. Это был проверенный сотрудник, и Линь Бяо мог позволить себе с ним эту фамильярность.

Тренер-новозеландец, выписанный специально для тренировки таинственного пловца, сидел с секундомером в руках на шее мраморного дракона и следил за работой ног своего ученика. Линь Бяо посмотрел на него и постучал стеком по толстому стеклу огромного аквариума, около которого примостился начальник охраны. Большие золотые рыбы с хвостами и плавниками, подобными вуали, подплыли на стук.

— А тренера отравите, как только всё кончится...

Линь Бяо повернулся и пошел к машине.

В большой совершенно пустой комнате, куда вошел Линь Бяо, пол был застлан циновкой из тростника. Единственное украшение — портрет в литой золотой раме, вышитый шелком — висело на стене. Против портрета, скрестив ноги, сидел старец с бритым лицом, седой как лунь. Одного взгляда было достаточно, чтобы уловить сходство между ним и огромным портретом на стене.

Да, это был председатель Мао, человек, чье имя приводило в фанатический экстаз четверть населения Земли. Его глаза из-под опущенных век спокойно смотрели на портрет. Руки были безжизненно сложены на коленях. Он слегка покачивался, шевеля в такт губами. До Линь Бяо донеслись слова:

— Как божественно звучит светлый весенний ручей, пробегая под окном моей фанзы...

На какой-то миг Линь Бяо показалось, что в тусклых глазах председателя вспыхнули искры интереса к происходящему вокруг, но нет... Старик не обратил на него никакого внимания.

— И он унесет в океан белые лепестки вишни, цветущей под окнами моей фанзы...

Желтая стариковская рука потащилась к кисточке и туши. Он придвинул к себе пюпитр с тонкой рисовой бумагой, окунул кисточку в баночку с тушью, подождал, пока стекут лишние капли...

Линь Бяо прошел вдоль стены и оказался за спиной председателя. Он быстро снял ботинки и в одних носках, на цыпочках по-

дошел к председателю сзади. На чисто выстиранной блузе председателя Мао в районе лопатки была большая прореха, аккуратно зашитая через край белыми нитками. Линь Бяо поднял ботинок и с силой опустил его на голову председателя Мао-Дзэ-Дуна.

Войдя в зал заседаний, Линь Бяо остановился около портрета. Это была обычная процедура, предшествовавшая любому деловому или частному собранию — поклон портрету председателя Мао. Линь Бяо делал это уже тысячи раз, но сейчас, вглядываясь в лицо человека, изображенного на холсте, он сразу вспомнил того дряхлого старика, лежащего на тростниковой циновке. Тушь пролилась, и ее пятна окрасили одежды председателя. Тушь попала ему и на лицо. Оно стало черным, как лицо негра. Даже чернее. Чернее, чем лицо негра М'Пы, который прислуживает ему, Линь Бяо, по утрам. Черный негр с золотыми кольцами в носу и в ушах. Линь Бяо рассмеялся: как всё просто!

Его смех, его громкий смех был кощунством, вызовом... В торжественной тишине зала, убранного красными флагами и изречениями Председателя Мао, написанными на красном шелке белыми и черными иероглифами, он был неуместен и даже чужд. В этом зале еще никто и никогда не смеялся.

Все, кроме Линь Бяо и Пынь Чженя, мэра Пекина, уже сидели за столом, но Пынь Чжень бы седьмым человеком в Поднебесной, в то время, как он, Линь Бяо, занимал шестое место, а поэтому он приучил себя не замечать Пынь Чженя. Все повернулись к Линь Бяо. А он, между тем, всё продолжал смеяться.

Какой потешный негр! Пятнистый негр, желтый с черными пятнами. Линь Бяо закончил смеяться, достал из кармана дорогую сигару, завернутую в целлофан. Сигару только вчера доставили ему из Макао. Еще никто не курил сигар под этими сводами...

Все посмотрели на него. Быстро вошел Пынь Чжень, сел на свое, седьмое место, седьмое от серебряной статуи Председателя Мао, и тоже стал смотреть на Линь Бяо.

Линь Бяо затянулся душистым дымом и, не торопясь, пошел к столу. Он прошел свое место и место Дэн-Сяо-Пина, и престарелого маршала Джу Дэ, и Чжоу-Энь-Лая, и, дойдя до Лю-Шао-Цы, сидевшего рядом с изваянием, встал за его спиной. Он вновь затянулся.

Все, кроме Лю-Шао-Цы, смотрели на него.

Линь Бяо улыбнулся. Он улыбнулся снисходительно и даже почти дружески:

— Ну, что вы так смотрите на меня? Мне весело. Я смеюсь. Право, не знаю, почему, но мне действительно весело. И я бы хотел, чтобы и вам всем тоже было весело.

Они молча смотрели на него, и тогда Лю-Шао-Цы, не оборачиваясь, проговорил:

— Товарищ Линь Бяо, наверное, забыл, что мы собрались здесь не для того, чтобы рассказывать друг другу о своем самочувствии и настроении. Мы собрались здесь...

— Два часа назад я прихлопнул старикашку ботинком,— всё с той же улыбкой перебил его Линь Бяо.— Я ударил его ботинком по затылку, и он до сих пор лежит там, у себя. Должен же был кто-то помочь ему умереть? Он даже не вскрикнул, не проронил ни звука. Клюнул носом в циновку и лежит там до сих пор.

Лю-Шао-Цы вскочил на ноги. Крик застрял у него в горле. Линь Бяо подхватил его легкое тело и помог опуститься на пол. Потом он сел на то место, где только что, спиной к нему, сидел Лю-Шао-Цы.

Остальные молчали. Линь Бяо ожидал большей реакции. Он вправе был ожидать большей реакции...

— Теперь я буду сидеть здесь, а вы сидите, как сидели раньше,— с улыбкой сказал он.— Так о чем мы хотели поговорить?..

Лю-Шао-Цы застонал, видимо, приходя в себя. Линь Бяо посмотрел на него с сожалением. «Возраст,— подумал он.— Даже тигр в старости становится дряхлым, и зайцы могут поранить его своими сильными задними лапами».

— Товарищ Пынь Чжень,— мягко сказал он,— надо позвать врача для товарища Лю-Шао-Цы.

Пынь Чжень встал, и в его голосе зазвучал металл:

— Я думаю, что это место должно достаться достойнейшему из нас. Сто шестьдесят тысяч лучших коммунистов Пекина захотят сказать свое веское слово!

— Товарищ Пынь Чжень, считайте, что сто шестьдесят тысяч лучших коммунистов Пекина уже ничего никому никогда не скажут.

Голос Линь Бяо звучал спокойно и почти доброжелательно, но в глазах его была всё та же сталь.

— А теперь я хочу обсудить с вами, не пора ли нашему самому любимому вождю показаться революционным массам? Для начала, я думаю, он переплывет реку Янцзы.

1968 г.

В этом году появилось не так-то уж и много публикаций, но теперь каждая публикация для АБС — это событие. Вышел седьмой том в «Библиотеке современной фантастики» с ТББ и ПНВС. В ленинградском сборнике «Эллинский секрет» вышла «лесная» часть УНС. И появились две публикации переводов, выполненных С. Бережковым: «День триффидов» Дж. Уиндэма и «Хемингуэй в космосе» К. Эмиса.

В самом начале следующего года была назначена встреча — для работы. Да и вообще, год заканчивался славно: были трудности, но преодолимые; были опасности, закончившиеся ничем. И было много приятных знакомств, и появилось ощущение: «Нас любят читатели, появился НАШ читатель». А что может быть сладостнее для любого писателя?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди ещё много интересного. Интересного, но, увы, не столь радостного. Впереди жесткое противостояние, битва за каждое издание, за каждую острую фразу. Впереди — трудные времена. И тем не менее — всё еще весьма «вегетарианские». На удар врагов ещё будет позволено отвечать контрударом друзей. Ещё будут замечательные книги и любимые по сей день издания.

Мы завидуем Вам, Читатель!

БЛАГОДАРНОСТИ

Составители бесконечно признательны СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу за согласие опубликовать переписку братьев Стругацких и за содействие в ее подготовке к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:

ВИШНЕВСКОМУ Евгению Венедиктовичу;

МАНИНУ Юрию Ивановичу;

членам группы ЛЮДЕНЫ: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Владимиру Дьяконову, Вадиму Казакову, Алле Кузнецовой, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Илье Юдину, а также Александру Кривченко.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АББРЕВИАТУР И РАННИХ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1-е люди на 1-м плоту — см. Первые люди на первом плоту.
Бедные злые люди. Варианты заглавия: Молитва, Трудно быть богом.
БеЗлЛю — Бедные злые люди.
БЗЛ — Бедные злые люди.
Благоустроенная планета.
В — Возвращение.
В дебрях времени. Книга Чижевского, редактированная АНом.
Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.
ВНМ — Второе нашествие марсиан.
Возвращение. Вариант именования «Полдня. XXII век».
Второе нашествие марсиан. Вариант заглавия: Второе пришествие марсиан.
Второе пришествие марсиан — см. Второе нашествие марсиан.
Гадкие лебеди.
ГЛ — Гадкие лебеди.
Глупая Пандора — см. Улитка на склоне.
Глупая планета — см. Улитка на склоне.
ГО — Град обреченный.
Град обреченный.
Далекая Радуга.
Десантники.
Дни Кракена. Вариант заглавия: Кракен.
Дорожный знак — рассказ, вошедший в повесть «Трудно быть богом».
ДР — Далекая Радуга.
Его ошибка — см. К вопросу о циклотации.
ЖОП (не расшифровано) — см. Сказка о Тройке.
Загадка задней ноги. Вариант заглавия: Великий КРИ.
За миллиард лет до конца света.
За поворотом, в глубине — см. Улитка на склоне.
Записки здравомыслящего — см. Второе нашествие марсиан.
Злоумышленник.
ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
ЗПВГ — За поворотом в глубине.

Извне.

ИсСКИБР — Испытание СКИБР.

Как мы искали пришельцев — замысел.

Кандид — см. Улитка на склоне.

К вопросу о циклотации. Вариант заглавия: Его ошибка.

КВОЦ — К вопросу о циклотации.

Кракен — см. Дни кракена.

Крестьяне — вариант заглавия новеллы из «Полдня. XXII век» «Томление духа».

Круг огня — см. Огненный цикл.

Крысы — см. Хищные вещи века.

Лес — см. Улитка на склоне.

Люди Земли — планируемое название сборника повестей.

Маги — см. Понедельник начинается в субботу.

Машина времени — рассказ, вошедший в повесть «Понедельник начинается в субботу».

Мигранты — см. О странствующих и путешествующих.

Молитва — см. Бедные злые люди.

МПС (не расшифровано) — см. Сказка о Тройке.

Мыслит ли человек?

Н — Наблюдатель.

Наблюдатель — см. Трудно быть богом.

ННМ — Ночь на Марсе.

Новые приключения Александра Привалова — см. Сказка о Тройке.

Ночь на Марсе.

Ночь перед рождеством — планировавшееся заглавие второй части «Понедельник начинается в субботу».

О времени и о себе — планировавшееся заглавие третьей части «Понедельник начинается в субботу».

О странствующих и путешествующих. Варианты заглавия: Мигранты, Странствующие и путешествующие.

Огненный цикл — перевод АБС Клемента. Варианты заглавия: Круг огня, Цикл огня.

ОЗ — Отягощенные злом.

ОСИП — О странствующих и путешествующих.

Отягощенные злом.

Пандора — см. Улитка на склоне.

Паразиты — замысел.

Первые люди на первом плоту.

Перец — см. Улитка на склоне.

Пикник на обочине.

Пионовый фонарь — перевод АНа Санъютэя Энтё.

ПКБ — Попытка к бегству.

ПЛНПП — Первые люди на первом плоту.

ПНА — Путь на Амальтею.

ПНВС — Понедельник начинается в субботу.

ПНО — Пикник на обочине.

Поиск предназначения.

Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.

Понедельник начинается в субботу. Варианты заглавия повести и ее фрагментов: Маги, Машина времени, Ночь перед рождеством, О времени и о себе, Седьмое небо, Суета вокруг дивана.

ПП — Поиск предназначения.

Попытка к бегству.

Путь на Амальтею.

С — Стажеры.

Самодвижущиеся дороги.

СБТ — Страна багровых туч.

СВД — Суета вокруг дивана.

Свечи перед пультом.

Свидание.

СД — Самодвижущиеся дороги.

Седьмое небо — в разное время: Маги, Понедельник начинается в субботу, Трудно быть богом.

СИП — Странствующие и путешествующие.

Сказка о Тройке. Варианты заглавия: ЖОП (не расшифровано), МПС (не расшифровано), Новые приключения Александра Привалова.

Служба ИБ — см. Улитка на склоне.

Служба на Пандоре — см. Улитка на склоне.

Ст, СТА — Стажеры.

Стажеры.

Страна багровых туч.

Странствующие и путешествующие — см. О странствующих и путешествующих.

Суета вокруг дивана — заглавие первой части «Понедельник начинается в субботу».

ТББ (как Бедные злые люди), Трудно быть богом — см. Бедные злые люди.

ТББ (как Трудно быть богом) — Трудно быть богом.

Трудно быть богом. Варианты заглавия: Наблюдатель, Седьмое небо.

Улитка на склоне. Варианты заглавия повести и ее фрагментов: Глупая Пандора, Глупая планета, За поворотом, в глубине, Кандид, Лес, Пандора, Перец, Служба ИБ, Служба на Пандоре, Управление.

УНС — Улитка на склоне.

Управление — см. Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века. Вариант заглавия: Крысы.

Хромая судьба.

ХС — Хромая судьба.

Цикл огня — см. Огненный цикл.

ЧаПредп — Частные предположения.

Частные предположения.

Четвертый ледниковый период — перевод АНа Абэ Кобо.

ЧП — Чрезвычайное происшествие.

Чрезвычайное происшествие.
Шесть спичек.
ШС — Шесть спичек.

ПЕРСОНАЛИИ, УПОМЯНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ АБС[1]

Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик, друг АНа.
Абэ Кобо (Кимифуса) — япон. писатель.
Агрест Маттес Менделевич — математик, физик, уфолог.
Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна — поэтесса.
Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.
Аджубей Алексей Иванович — журналист, главный редактор газеты «Известия».
Азимов Айзек — амер. писатель.
Айдинов Георгий Иванович — директор издательства «Знание», писатель.
Акимова А. — научный сотрудник, автор рецензии.
Александров Александр Данилович — математик.
Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.
Аматуни Петроний Гай — писатель.
Амосов Николай Михайлович — хирург, писатель.
Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.
Анфилов Глеб Борисович — писатель, журналист, популяризатор науки, ответственный секретарь журнала «Знание — сила».
Анчаров Михаил Леонидович — писатель, поэт, бард.
Аронов Григорий (Гелий) Лазаревич — режиссер, актер, сценарист.
Арцимович Лев Андреевич — физик.
Арцыбашев Михаил Петрович — писатель.
Асеев Николай Николаевич — поэт.
Бабаевский Семен Петрович — писатель.
Бабат Георгий Ильич — писатель, популяризатор науки.
Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович — писатель.
Балабуха Андрей Дмитриевич — писатель, критик, эссеист.
Бальзак Оноре де — фр. писатель.
Беляев Александр Романович — писатель.
Березко Георгий Сергеевич — писатель.
Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
Бецалель Иегуда Лива (Лёва, Лёба) бен — пражский раввин, талмудист, ученый.
Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
Блиш Джеймс — амер. писатель.
Блок Александр Александрович — поэт.

[1] Указана лишь профессия упомянутых лиц либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте.

Бобырь Зинаида Анатольевна — писательница, переводчик, критик.

Боголепова Татьяна Владимировна — заведующая литературно-репертуарной частью театра им. Кирова.

Богуславская Зоя Борисовна — писательница, драматург, критик.

Бодлер Шарль — фр. поэт.

Борев Юрий Борисович — культуролог, критик, писатель.

Борунь Кшиштоф — польск. писатель.

Борщаговский Александр Михайлович — писатель, критик.

Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.

Бритиков Анатолий Федорович — литературовед, критик.

Бродский А.— заведующий отделом литературы и искусства редакции хабаровской газеты «Молодой дальневосточник».

Бродский Иосиф Александрович — поэт.

Брумсы — знакомые АБС.

Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель.

Брэдбери Рэй Дуглас — амер. писатель.

Бунеев Борис Алексеевич — режиссер.

Быков Василь Владимирович — писатель.

Быков Ролан Антонович — режиссер, актер.

Вайсброт Евгений Павлович — переводчик.

Ван Вогт Альфред Элтон — амер. писатель.

Варшавский Илья Иосифович — писатель.

Веркор (Брюлье Жан-Марсель) — фр. писатель.

Верлен Поль — фр. поэт.

Верн Жюль — фр. писатель.

Верченко Юрий Николаевич — партийный и писательский руководитель, директор издательства «Молодая гвардия».

Визбор Юрий Иосифович — бард, поэт, киноактер.

Вилинбахов Вадим Борисович — историк, уфолог.

Винер Норберт — амер. математик, кибернетик.

Вознесенский Андрей Андреевич — поэт, писатель.

Войнович Владимир Николаевич — писатель, сценарист.

Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНа.

Володин (Лившиц) Александр Моисеевич — драматург, сценарист.

Володин Борис Генрихович — писатель, журналист.

Волькенштейн Михаил Владимирович — физикохимик, биофизик.

Воробьев (возможно — Евгений Захарович) — писатель.

Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству) Елена Ильинична — супруга АНа.

Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНа.

Высоцкий Владимир Семенович — поэт, бард, актер.

Вэнс Джек (Вэнс Джон Холбрук) — амер. писатель.

Габен Жан (Монкорже Жан Алекси) — фр. киноактер.

Габор (в тексте — Гэйбор) Деннис — англ. физик, социолог.

Галилей Галилео — итал. философ, физик, астроном.

Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич — бард, поэт, драматург.

Гальба Владимир Александрович — художник.

Гансовский Север Феликсович — писатель.

Гашков Илья Матвеевич — заместитель директора ГАО по хозяйственной части.

Гельфанд Израиль Моисеевич — математик, кибернетик.

Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.

Герман Юрий Павлович — писатель.

Гессе Наталия Викторовна — писательница.

Гиббс Джозайя Уиллард — амер. физик-теоретик.

Гинцбург Александр Ильич — режиссер, сценарист, оператор.

Гоголь Николай Васильевич — писатель.

Годар Жан-Люк — фр. режиссер.

Голант Вениамин Яковлевич — писатель, переводчик.

Голдовский Борис П.— критик, искусствовед, историк театра.

Голубев Глеб Николаевич — писатель, журналист, публицист.

Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.

Горбовский Александр Альфредович — историк, очеркист.

Готлиб Юлий Яковлевич — физикохимик, знакомый БНа.

Гофман Эрнст-Теодор-Амадей — нем. писатель.

Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.

Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — писательница, математик.

Григорьев Владимир Васильевич — писатель.

Грин Александр (Гриневский Александр Степанович) — писатель.

Громов Борис Васильевич — микробиолог, друг БНа.

Громов Михаил Петрович — литературовед.

Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.

Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНа.

Гусев Геннадий Михайлович — главный редактор издательства «Молодая гвардия», позже — инструктор отдела культуры ЦК КПСС.

Данэм Бэрроуз — амер. философ.

Девис Евгений Артурович — редактор издательства «Мир».

Деляра — невыясненная персоналия.

Демичев Петр Нилович — советский и партийный руководитель.

Джойс Джеймс — ирл. писатель.

Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.

Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.

Достоевский Федор Михайлович — писатель.

Дубровский Ефим — заведующий редакцией издательства «Знание».

Дудин Михаил Александрович — поэт.

Дулов Александр Андреевич — поэт, бард.

Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — фр. писатель.

Дюрренматт Фридрих Йозеф — швейц. драматург, писатель.

Евгеньев Борис Сергеевич — заместитель главного редактора журнала «Москва».

Егоров Борис Борисович — космонавт, медик.

Емцев Михаил Тихонович — писатель.

Еремин Геннадий (Иванович?) — редактор издательства «Молодая гвардия».

Ефремов Аллан (Алан) Иванович — геолог, сын И. А. Ефремова.

Ефремов Иван Антонович — писатель, философ, палеонтолог.

Ефремова Таисия Иосифовна — супруга И. А. Ефремова.

Жеженко Леонид Михайлович — сценарист, редактор Ленфильма.

Жемайтис Сергей Георгиевич — редактор издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жигарев Лев Викторович — главный редактор, заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».

Жид Андре Поль Гийом — фр. писатель.

Жур Петр Владимирович — писатель, литературовед, редактор журнала «Звезда».

Журавлева Валентина Николаевна — писательница.

Забелин Игорь Михайлович — писатель.

Зайцев Вячеслав Кондратьевич — историк, уфолог.

Закладный Евгений Михайлович — писатель.

Замошкина Наталия Николаевна — заведующая редакцией зарубежной литературы издательства «Молодая гвардия».

Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».

Зубков Михаил Антонович — редактор издательства «Детская литература», писатель.

Иванов — сотрудник журнала «Коммунист» (невыясненная персоналия).

Иванов Валентин Васильевич — сотрудник Отдела науки ЦК КПСС.

Иида — япон. переводчик.

Ионеско Эжен — фр. драматург.

Каверин Вениамин Александрович — писатель.

Каганов — писатель или критик; невыясненная персоналия.

Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.

Каждан Александр Петрович — историк, византолог.

Казаков Юрий Павлович — писатель.

Казакова Римма Федоровна — поэтесса.

Казанцев Александр Петрович — писатель.

Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Камю Альбер — фр. писатель.

Кан Вениамин Липманович — физик, знаток научной фантастики, критик, переводчик.

Каневский Виталий Евгеньевич — режиссер, сценарист, актер.

Карамзин Николай Михайлович — писатель, историк.

Карнаков Яков Борисович — знакомый АБС.

Карсак Френсис (Борда Франсуа) — фр. писатель.

Карюков Михаил Федорович — оператор, сценарист, режиссер.

Карякин Юрий Федорович — литературовед, публицист, историк.

Кассиль Лев Абрамович — писатель.

Кастро Фидель Алехандро Рус — кубинский глава государства.

Кауэлл Адриан — путешественник, писатель.

Кафка Франц — австр. писатель.

Ким Роман Николаевич — писатель.

Ким Юлий Черсанович — поэт, бард.

Киплинг Джозеф Редьярд — англ. писатель, поэт.

Киселев Владимир Леонтьевич — писатель.

Кларк Артур — англ. писатель.

Клейман Петр Семенович — корреспондент БНа.

Клемент Хол (Стаббс, Гарри Клемент) — амер. писатель.

Климова — редактор издательства «Молодая гвардия».

Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Коган Лев Наумович — философ, социолог, культуролог, критик.

Колмогоров Андрей Николаевич — математик.

Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.

Колумб Христофор — мореплаватель, первооткрыватель Америки.

Комацу Сакё — япон. писатель.

Конецкий Виктор Викторович — писатель.

Коноплев Владимир Васильевич — сотрудник ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

Коптев Юрий Иванович — писатель, переводчик.

Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНа.

Копытин Петр Федорович — заведующий редакцией Лениздата.

Корольков Дмитрий Викторович — радиоастроном, конструктор, знакомый БНа.

Коротеев Николай Иванович — писатель, редактор журнала «Искатель».

Косолапов Валерий Алексеевич — директор Гослитиздата.

Котляр Юрий Федорович — писатель, критик.

Крат Владимир Алексеевич — астроном, позже — директор ГАО.

Крюи (Крайф) Поль де — амер. психолог.

Кузьмичев Игорь Сергеевич — критик, сценарист.

Куклин Лев Валерианович — поэт, писатель, литературовед.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.

Лакснесс Халлдор Кильян — исл. писатель.

Лап (зашифрованное имя) — корреспондент БНа.

Лаперуз Жан Франсуа — мореплаватель.

Ларионова Ольга Николаевна — писательница.

Лацис Вилис Тенисович — латыш. писатель.

Лейтес Александр Михайлович — критик, литературовед.

Лем Станислав — польск. писатель, философ.

Лемхин Михаил — критик, фотограф, знакомый БНа.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — глава советского правительства, глава партии большевиков, политик.

Леонардо да Винчи — итал. ученый, художник.

Леонов Леонид Максимович — писатель.

Лесючевский Николай Васильевич — критик, главный редактор издательства «Советский писатель», позже — его директор.

Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.

Ливанов Василий Борисович — режиссер, актер, сценарист.

Литвинчев Афанасий Иванович — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой, строитель.

Литвинчева (в замужестве Стругацкая) Александра Ивановна — мать АБС.

Литвинчева Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Лиходеев (Лидес) Леонид Израилевич — писатель, очеркист, драматург.

Лобанова Алевтина — редактор издательства «Молодая гвардия».

Лукодьянов Исай Борисович — писатель.

Лукьянин (возможно — Валентин Петрович) — критик.

Лысенко Трофим Денисович — агроном, биолог, председатель ВАСХНИЛ.

Львов (Бинштейн) Аркадий Львович — писатель.

Львов Владимир Евгеньевич — журналист.

Льюис (в тексте — Lewis) Клайв Стэплз — англ. писатель.

Любимов Юрий Петрович — режиссер, актер, руководитель театра на Таганке.

Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.

Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.

Македонский Владимир Григорьевич — режиссер, сценарист.

Мак-Орлан (Дюмарше) Пьер — фр. писатель.

Малеванный Вячеслав Анатольевич — корреспондент БНа.

Малинина Галина Николаевна — редактор издательства «Знание».

Мальцев (возможно — Мальцев (Пупко) Елизар Юрьевич) — писатель.

Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.

Манн Генрих — нем. писатель.

Мао Цзэдун — кит. глава государства и партии.

Маркс Карл Генрих — экономист, философ, политик, создатель марксизма.

Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.

Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.

Мейлах Борис Соломонович — литературовед.

Мелентьев Юрий Серафимович — директор издательства «Молодая гвардия», позже — заместитель председателя Госкомпечати.

Мигунов Евгений Тихонович — художник-иллюстратор, мультипликатор.

Милютенко В.— заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, критик, редактор, друг АБС.

Митрохин Лев Николаевич — философ, религиовед.

Митрохина Софья Александровна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Михайлова Алла Валентиновна — редактор 3-го творческого объединения Ленфильма.

Михалев С. Н.— художник.

Михалков Сергей Владимирович — поэт, драматург, сценарист, руководитель СП.

Молдавский Дмитрий Миронович — писатель, сценарист.

Мопассан (Анри Рене Альбер) Ги де — фр. писатель.

Морозов Николай Антонович — директор ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Морозова Валентина Александровна — директор ленинградского Дома детской книги.

Моррис Уильям — англ. писатель.

Моруа Андрэ — фр. писатель, биограф.

Неизвестный Эрнст Иосифович — скульптор.

Немцов Владимир Иванович — писатель.

Несвадба Йожеф — чешск. фантаст.

Нилин Павел Филиппович — писатель.

Ницше Фридрих Вильгельм — нем. философ.

Новопашенный Виктор Борисович — астроном, друг БНа.

Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.

Нэсэр Джордж — корреспондент БНа.

Обухова Лидия Алексеевна — писательница, супруга Травинского.

Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.

Олеша Юрий Карлович — писатель, сценарист.

Оруэлл (в тексте — Орвелл) Джордж — англ. писатель.

Осипов Валентин Осипович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНа.

Ошанина (Фортунатова) Екатерина Евгеньевна — теща АНа.

Павлов Иван Петрович — физиолог, психолог.

Панова Вера Федоровна — писательница, драматург.

Папен Дени — фр. физик, изобретатель.

Парийский Николай Николаевич — астроном, геофизик.

Парийский Юрий Николаевич — астроном.

Парин Василий Васильевич — физиолог, академик.

Парнов Еремей Иудович — писатель.

Паскаль Блез — фр. физик, философ.

Пастернак Борис Леонидович — поэт, писатель, переводчик.

Первушин — писатель или критик; невыясненная персоналия.

Писаржевский Олег Николаевич — писатель, публицист.

Пискунов Константин Федотович — директор издательства «Детская литература».

Платов (Ломакин) Леонид Дмитриевич — писатель.

Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Пол (в тексте — Поль) Фредерик — амер. писатель.

Полещук Александр Лазаревич — писатель.

Поликарпов Дмитрий Алексеевич — заведующий отделом культуры, заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС, ранее — руководитель СП.

Положенцев Дмитрий Дмитриевич — астроном, заведующий вычислительной лабораторией ГАО.

Пристли Джон Бойнтон — англ. писатель.

Прокофьев Александр Андреевич — поэт, руководитель ленинградского отделения СП.

Птен (зашифрованное имя) — корреспондент БНа.

Птицын Олег Борисович — биолог, знакомый БНа.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНа.

Рецептер Владимир Эммануилович — актер, режиссер, поэт, прозаик.

Романов Павел Константинович — советский руководитель, председатель Главлита.

Ромм Михаил Ильич — режиссер.

Росоховатский Игорь Маркович — писатель.

Ротов Константин Петрович — художник-иллюстратор, график.

Рохлин Яков Нисонович — главный редактор 3-го творческого объединения Ленфильма.

Румянцев Алексей Матвеевич — главный редактор газеты «Правда».

Румянцев Лев Григорьевич — редактор отдела прозы журнала «Уральский следопыт», поэт.

Рыбак Натан Самойлович — писатель.

Рыбаков Вячеслав Михайлович — корреспондент БНа, позже — писатель, синолог.

Рязанов Эльдар Александрович — режиссер, сценарист.

Савченко Владимир Иванович — писатель.

Сапарин Виктор Степанович — писатель.

Сатюков Павел Алексеевич — главный редактор газеты «Правда».

Сафонов Вадим Андреевич — писатель, популяризатор науки.

Сафронов Юрий Павлович — писатель.

Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНа, супруга Чистякова.

Селин Луи Фердинанд — фр. писатель.

Семенов Николай Николаевич — физик.

Сенечкин (в тексте — Сеничкин) Иван Филиппович — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС, критик.

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Синявский Андрей Донатович (псевд. Абрам Терц) — писатель, литературовед, критик, публицист.

Скурлатов Валерий Иванович — националист, руководитель ВЛКСМ, позже — РНФ.

Смеляков Ярослав Васильевич — поэт.

Смирнов Герман — редактор издательства «Молодая гвардия».

Смоктуновский Иннокентий Михайлович — актер.

Смолян Александр Семенович — писатель.

Смуров А.— писатель.

Соболев Леонид Сергеевич — писатель.

Соколов Андрей Константинович — художник-фантаст, иллюстратор.

Соколов Олег Игоревич — редактор журнала «Искатель», позже — главный редактор.

Солженицын Александр Исаевич — писатель, правозащитник.

Соловьева Изабелла — критик, сотрудник газеты «Литературная Россия».

Стивенсон Роберт Льюис Бальфур — англ. писатель.

Стиль Андре — фр. писатель, публицист.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНа.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНа.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНа.

Сухово-Кобылин Александр Васильевич — драматург.

Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП, позже — главный редактор Госкино СССР.

Сыщенко Тимофей Евсеевич — знакомый БНа.

Сэлинджер Джером Дэвид — амер. писатель.

Тамм Игорь Евгеньевич — физик, академик.

Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.

Твардовский Александр Трифонович — поэт, руководитель СП, редактор журнала «Новый мир».

Тендряков Владимир Федорович — писатель.

Теселько Валентин — двоюродный брат АБС.

Тираспольский Геннадий Исаакович — корреспондент БНа, позже — филолог, языковед, педагог.

Титов Герман Степанович — второй космонавт.

Толстиков Василий Сергеевич — советский руководитель, дипломат.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Толстой Лев Николаевич — писатель.

Томан Николай Владимирович — писатель, критик.

Травинский Владилен Михайлович — ответственный секретарь журнала «Звезда», писатель.

Травкина Инесса Генриховна — редактор «Литературной газеты».

Триоле Эльза — фр. писательница.

Турбин Владимир Николаевич — литературовед, филолог, критик.

Тушкан Георгий Павлович — писатель.

Тюрин — невыясненная персоналия; возможно, иносказание.

Уайльд Оскар — англ. писатель, поэт.

Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон) — англ. писатель.

Уитроу Джеральд Джеймс — англ. астрофизик, философ.

Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.

Уэллс Герберт Джордж — англ. писатель.

Фальский — редактор редакции эстетики издательства «Молодая гвардия».

Фейхтвангер Лион — нем. писатель.

Феллини Федерико — итал. режиссер.

Феоктистов Константин Петрович — космонавт, конструктор.

Филиппов Александр Петрович — председатель радиокомитета Ленинграда.

Фолкнер Уильям Катберт — амер. писатель.

Фосетт Перси Гаррисон — англ. путешественник, писатель.

Францев, Францов Георгий (Юрий) Павлович — философ, социолог, советский руководитель.

Фрейд (в тексте — Фройд) Зигмунд — австр. психиатр.

Фурцева Екатерина Алексеевна — советский, партийный руководитель.

Хавин Виктор Петрович — математик, сокурсник БНа.

Хайнлайн Роберт Энсон — амер. писатель.

Халифман Иосиф Аронович — энтомолог, писатель.

Хейфец Михаил Рувимович — литературовед, историк, друг БНа.

Хемингуэй Эрнест Миллер — амер. писатель.

Хмельницкая Тамара Юрьевна — писательница, литературовед.

Хойл Фредерик — англ. писатель.

Холопов Георгий Константинович — главный редактор журнала «Звезда».

Цейтлин — математик.

Церковер Эдуард Моисеевич — писатель, журналист, автор инсценировки ТББ.

Чаковский Александр Борисович — писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты».

Чапек Карел — чешский писатель.

Чепуров Анатолий Николаевич — писатель, руководитель СП.

Черноуцан Игорь Сергеевич — партийный руководитель, сотрудник идеологического отдела, отдела культуры ЦК КПСС.

Чехо́в Антон Павлович — писатель, драматург.

Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор, супруга Ревича.

Чечулина Нина Александровна — редактор Лениздата.

Чижевский Герман Михайлович — писатель.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНа.

Чуковский Николай Корнеевич — писатель, переводчик.

Чурбанов Вадим Борисович — руководитель ВЛКСМ, позже — социолог молодежных процессов.

Чухрай Григорий Наумович — режиссер.

Чхиквишвили Ираклий Иосифович — партийный руководитель, заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС, заместитель председателя Госкомпечати.

Шапиро Рафик (Бахтамов Рафаил Б.) — писатель.

Шаров Александр (Нюренберг Шера Израилевич) — писатель.

Шварц Евгений Львович — драматург.

Шейкин Аскольд Львович — писатель, сценарист.

Шекли Роберт — амер. писатель.

Шекспир Уильям — англ. драматург, поэт.

Шепли Харлоу — амер. астроном.

Шкловский Виктор Борисович — писатель, литературовед.

Шкловский Иосиф Самуилович — астрофизик, популяризатор науки.

Шлепянов Александр Ильич — сценарист, редактор.

Шнейдерман Исаак Израилевич — театровед, киновед, руководитель секции драматургии, теории и критики ЛО СК.

Шопенгауэр Артур — нем. философ.

Шоу Джордж Бернард — англ. драматург, прозаик, эссеист.

Шпанов Николай Николаевич — писатель.

Шпенглер Освальд — нем. философ, историк.

Щербаков Александр Александрович — писатель, переводчик.

Щугал — заведующий отделом «Литературной газеты».

Эйнштейн Альберт — физик, общественный деятель.

Эмис Кингсли Уильям — англ. писатель, поэт, литературовед.

Эренбург Илья Григорьевич — писатель, поэт, публицист.

Этингоф Борис — заместитель главного редактора издательства «Знание», ответственный редактор журнала «Знание — сила».

Юрский Сергей Юрьевич — актер, режиссер, поэт.

Юрьев Зиновий Юрьевич (Гринман Зяма Юдович) — писатель.

Ядов Владимир Александрович — социолог.

Якушева (Кусургашева) Ариадна Адамовна — журналист, бард.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИЙ

Абрамова Л. Факты его биографии: Л. Абрамова о Владимире Высоцком / Запись В. Перевозчикова.— М.: Россия молодая, 1991.

АБС. Ваши творческие планы? // Гудок (М.).— 1966.— 16 янв.

АБС. Влюбленные в фантастику: [Беседа с корреспондентом АПН В. Петряевской] // Моск. комсомолец.— 1965.— 13 авг.— То же: Ригас Баллс (Рига).— 1965.— 21 авг.; Сов. молодежь (Рига).— 1965.— 21 авг.; Смена (Л.).— 1965.— 2 сент.; Веч. Ленинград.— 1965.— 6 сент.; Копейский рабочий (Копейск).— 1965.— 19 сент.

АБС. Год 2000-й... Что говорят о нем фантасты: [Ответ на анкету] // Веч. Москва.— 1964.— 31 дек.

АБС и др. Нет, будет лучше! / Подп.: А. Днепров, М. Емцев, И. Ефремов, Е. Парнов, А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Лит. газ. (М.) — 1964.— 5 марта.

АБС. Нет, фантастика богаче! // Лит. газ. (М.).— 1964.— 3 дек.

АБС. [О творческих планах] // Искатель (М.).— 1964.— № 6.

АБС. От авторов // АБС. Хищные вещи века.— М., 1965.

АБС [Предисловие к набору открыток А. Соколова] // Космическая фантазия.— М.: Изогиз, 1963.

АБС [Предисловие к повести «Понедельник начинается в субботу»] // АБС. Понедельник начинается в субботу.— М.: Детская литература, 1965.

АБС. Через настоящее — в будущее [Выступление в дискуссии под рубрикой: «Мастерство писателя. Литература и наука»] // Вопр. лит. (М.) — 1964.— № 8.

АБС. Что вы думаете о жизни, времени, счастье? // Смена (М.).— 1966.— № 1.

Акимова А. Будущее человечно // Нева (Л.).— 1963.— № 9.

Альтшуллер Г. Гриадный Крокодил // Оберхам.— 1991.— № 2; Ф-Хобби (Бобров).— 2002.— № 2 (8).

Андреев К. Бег времени // Фантастика, 1963 год.— М., 1963.

Андреев С. «Линь Бяо»: Написано совместно с Аркадием Стругацким // Андреев С. Дым отечества: Рассказы, байки, фантазии.— Новосибирск: ИД «Сова», 2007.

АНС. Об умных и веселых людях... // Пионер. правда (М.).— 1966.— 22 марта.

АНС. От составителя // Фантастика, 1965.— М., 1965.— Вып. 2.

Белогоров Д. Люди XXII века // Тюмен. правда (Тюмень).— 1963.— 9 июня.

Бережков С. От переводчика // Абэ К. Четвертый ледниковый период; Тоталоскоп.— М.: Мол. гвардия, 1965.— (Б-ка соврем. фантаст. в 25 т.; Т. 2).

БНС. Больной вопрос. Бесполезные заметки // Звезда (СПб.).— 1993.— № 4.

БНС. Вопросы и ответы: Вопросы, заданные Борису Натановичу Стругацкому 31.10.03 и ответы на них // Беседа с М. Шавшиным. Не опубликовано.

БНС. «Главное — на Земле...» // Ленингр. правда.— 1965.— 12 марта.

БНС: «Готово будущее мне...» / Беседовал А. Измайлов // Совершенно секретно (М.).— 2001.— 10 апр.

БНС. Комментарии: Стругацкий Б. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т.— Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

БНС. О настоящем во имя будущего: Беседа с Борисом Стругацким / Беседу вел Е. Канчуков // Студенческий меридиан (М.).— 1988.— № 11.

БНС. Офлайн-интервью // Сайт «Русская фантастика». Офлайн-интервью Бориса Стругацкого. http://www.rusf.ru/abs/int

Бочаров А. Умный товарищ читателя: О чем мы думаем, о чем спорим // Известия (М.).— 1964.— 13 дек.

Брандис Е., Дмитревский В. Будущее, его провозвестники и лжепророки // Коммунист (М.).— 1964.— № 2.

Брандис Е., Дмитревский В. Век нынешний и век грядущий: Заметки о сов. науч. фантаст. 1962 г. // Новая сигнальная.— М., 1963.

Брандис Е., Дмитревский В. Мечта и наука // В мире фантаст. и приключений: Альм.— Л., 1963.

Брандис Е., Дмитревский В. Мир будущего в научной фантастике.— М.: Знание, 1965.

Брандис Е., Дмитревский В. Фантасты пишут для всех! // Лит. газ. (М.).— 1966.— 1 февр.

Брандис Е., Дмитревский В. Через горы времени.— М.; Л.: Сов. писатель, 1963.

Бритиков А. Ф. История русского советского романа.— М.; Л.: Наука, 1965.— Кн. 2.

Булычев К. Не отвлекайся... // Живое слово (Тюмень).— 1992.— № 1.

Вишневский Е. Пояснения — специально для этого издания.

«Все новости космоса. Экипаж «Восхода» отвечает на вопросы журналистов» // Комс. правда.— 1964.— 22 окт.

Вспоминает БНС // Скаландис А. Братья Стругацкие.— М.: АСТ: АСТ Москва, 2008.

Гаков Вл. [Об А. Н. Стругацком] // Если (М.).— 2005.— № 9.

Галь Н. Письмо в редакцию газеты «Известия», 20 января 1966 // Галь Н. «Слово живое и мертвое».— М.: Издательский дом «София», 2003.

Ган В. Верните душу людям! // Знание — сила (М.).— 1966.— № 2.

Громова А. Герои Далеких Радуг: Заметки о творчестве Стругацких // Комс. правда (М.).— 1964.— 26 дек.

Громова А. Двойной лик грядущего: Заметки о совр. утопии // Альм. науч. фантаст.— М., 1964.— Вып. 1.

Громова А. Молнии будут служить добру // Лит. Россия (М.).— 1965.— 26 марта.

Дмитревский В. Встречи с грядущим // Звезда (Л.).— 1964.— № 9.

Днепров А. На перекрестках фантастики // Молодой коммунист (М.).— 1964.— № 12.

Ефремов И. Миллиарды граней будущего // Комс. правда (М.).— 1966.— 28 янв.

Ефремов И. Предисловие // АБС. Хищные вещи века.— М., 1965.

Клюева Б. Воспоминания // АБС. Собрание сочинений: В 11 т.— Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2000–2003.— Т. 6.

Коган Л. Обедненный жанр // Известия (М.).— 1964.— 24 нояб.

Коган Л. Фантастика должна быть богаче // Лит. газ. (М.).— 1964.— 17 дек.

Кологривов Р. Человек не хочет быть богом // Знание — сила (М.).— 1965.— № 1.

Коноплев В. Советская социальная фантастика в чтении подростков и юношества // О лит. для детей.— Л., 1964.— Вып. 9.

Котляр Ю. Фантастика и подросток // Молодой коммунист (М.).— 1964.— № 6.

Кротков А. Начинание без продолжения // Алфавит (М.) — 2001.— № 17.— 26 апр.

Куклин Л. Фантастика и философия: О кн. братьев Стругацких // Смена (Л.).— 1966.— 15 марта.

Лазарев М. Ответственность фантаста // О лит. для детей.— Л., 1965.— Вып. 10.

Литература и наука: [Предисловие к подборке статей] // Вопр. лит. (М.).— 1964.— № 8.

Лукьянин В. Рожденный прогрессом // Москва.— 1964.— № 5.

Ляшенко М. Без прицела // Лит. Россия (М.).— 1965.— 26 нояб.

Манин Ю. Аркадий, Борис, Володя // Манин Ю. Математика как метафора.— М.: МЦНМО, 2008.

Манин Ю. Пояснения — специально для этого издания.

Михайлова И. Эллинский секрет. В мире фантастики и приключений // Звезда (Л.).— 1966.— № 12.

НС — «Неизвестные Стругацкие»:

1. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом».— Донецк: Сталкер, 2005.

2. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова».— Донецк: Сталкер, 2006.

3. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Отеля...» до «За миллиард лет...».— Донецк: Сталкер, 2007.

4. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего».— Донецк: Сталкер, 2008.

5. Рабочие дневники. Письма: 1942–1962 — план. 2008.

Немцов В. Для кого пишут фантасты? // Известия (М.).— 1966.— 18 янв.

Никольский С. Заметки о симпозиуме в Марианских Лазнях // Вопр. лит. (М.).— 1965.— № 12.

Никольский С. Карел Чапек — фантаст и сатирик.— М., 1973.

Нудельман Р. Возвращение со звезд // Техника — молодежи (М.).— 1964.— № 5.

Нудельман Р. Встречи и расставания // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 12, доп.— Донецк: Сталкер, 2003.

Пушкарь Д., Чарный С. Гнев богов: Рукописи, как известно, не горят. Доносы — тоже // Столичные новости (Киев).— 2002.— 2—8 апр.

Ревич В. Дон Румата с проспекта Вернадского // АБС. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 12, доп.— Донецк: Сталкер, 2003.

Ревич В. Прекрасно быть человеком // Веч. Москва.— 1964.— 16 сент.

Ревич В. Разведчики неведомого: Пресс-конференция героев-космонавтов, 21 октября, МГУ // Лит. газ.— 1964.— 22 окт.

Ревич В. Художественная «душа» и научные «рефлексы» // Мол. гвардия (М.).— 1965.— № 4.

[Редакционное послесловие к отрывку из повести «Суета вокруг дивана»] // Моск. комсомолец.— 1964.— 23 авг.

Слукин В., Карташев Е. Тело молчало // Лит. газ.— 1963.— 19 окт.

Соловьева И. Будь готов к неожиданному // Лит. Россия (М.).— 1965.— 26 нояб.

Соловьева И. От фантастики научной к фантастике художественной // Лит. Россия (М.).— 1965.— 26 марта.

Травинский В. Раскроем сборник «Фантастика, 1962 год» // Черный столб.— М., 1963.

Травинский В. Фантастика и человек // Известия (М.).— 1965.— 24 нояб.

Федорович М. Не только занимательное чтение // Лит. газ. (М.).— 1966.— 10 февр.

Францев Ю. Компас фантастики // Известия (М.).— 1966.— 25 мая.

Черная Н. Через будущее — о настоящем // Дружба народов (М.).— 1963.— № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
Используемые документы 5
1963 7
1964 122
1965 281
1966 437
Продолжение следует 621
Благодарности 621
Приложения 622

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ:

Письма. Рабочие дневники

1963—1966 гг.

Составители
Бондаренко Светлана Петровна
Курильский Виктор Максимович

Редактор *Н. Воробьева*
Верстка *Л.В. Спичковой*

Подписано в печать 01.07.09. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 3000 экз. Заказ № 4607 .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО «Национальный книжный проект»
03148, г. Киев, ул. Семьи Сосниных, 3

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14